

132
1577

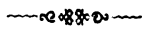
148
67

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

князя Безбородко въ Нѣжинѣ,

за 1877 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Официальный отдѣлъ.

Отчетъ объ открытіи Историко-филологическаго института кн. Безбородко и о состояніи лицей и гимназій за 187¹/₂ годъ (стр. 3—20).—Уставъ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко (21—33).—Инструкція въ дополненіе къ Уставу (34—48).—Правила для студентовъ и лазаретныя правила (49—58).—Уставъ ссудосберегательной кассы при Институтѣ и состоящей при немъ гимназій (59—62).—Извлеченіе изъ протоколовъ Конференціи Института за 187²/₂ годъ (63—92).—Правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Института (93—96).—Грѣхъ директора Института П. А. Лавровскаго, произнесенная на актѣ 30 августа 1876 года (97—103).—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Института за 187²/₂ учебный годъ, читанный на томъ же актѣ ученымъ секретаремъ Конференціи П. В. Никитинымъ (104—112).—Извлеченіе изъ отчета по гимназій за 187²/₂ учебный годъ (113—120).—Положеніе о гимназій при Историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (121—126).—Положеніе о стипендіатахъ гимназій при Институтѣ кн. Безбородко (127—128).

II. Неофициальный отдѣлъ.

1. Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла.	СТРАН.
<i>П. И. Липерольскаго</i>	1—71.
2. Козловъ. Философскіе этюды. Критическій очеркъ. <i>Н. Я. Грома</i> .	75—102.
3. Анализъ составныхъ частей Славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія. <i>А. С. Будиловича</i> .	103—208.
4. О землѣ Половецкой. <i>Н. Я. Аристова</i> .	209—234.
5. Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. <i>Н. А. Лавровскаго</i> .	235—248.

III. Приложение.

Исслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія. *А. В. Добіаша*. 1—133.

КИЕВЪ.

Типографія В. И. Давиденко, на Михайловской ул., въ собств. домѣ.

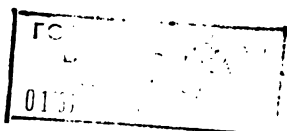
1877.

△
PSI av 484.25 (1877)

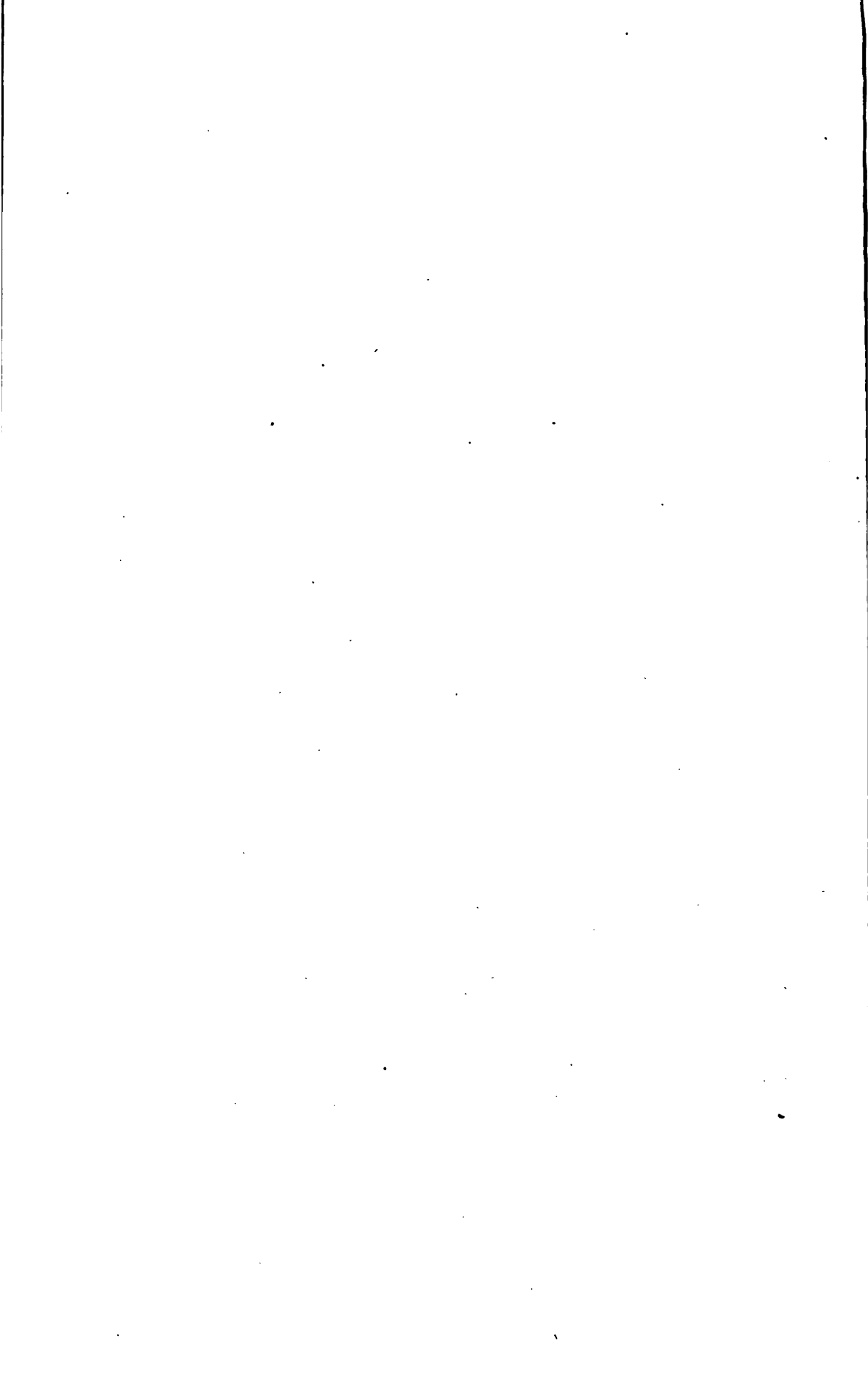
Coolidge + d.

Печатано по опредѣленію Конференціи Института князя Безбородко.

I

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЧЕТЪ

объ открытіи Историко-филологическаго института князя Безбородко и о состояніи лицея и гимназіи за 1874|5 годъ *)).

14-го сентября сего года, въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста, происходило въ Нѣжинѣ торжественное открытіе Историко-филологическаго института князя Безбородко. Ко дню торжества прибыли: изъ Кіева — г. помощникъ попечителя Кіевского учебнаго округа И. П. Новиковъ, и изъ Чернигова—преосвященный Серапіонъ, епископъ Новгородсѣверскій, управляющій Черниговскою епархією. Навануѣ праздника отслужена была въ институтской церкви всенощная архіерейскимъ служеніемъ. Изъ города стеклась къ всенощной и къ обѣднѣ многочисленная публика, такъ что институтская церковь была совершенно полна народомъ.

Въ самый день торжества литургія началась въ 9¹/₂ часовъ утра: ее совершалъ соборіиъ преосвященный Серапіонъ. За причастнымъ, послѣ пропѣтаго пѣвчими концерта, законоучитель института А. Ѳ. Хойнацкій сказалъ слово, въ которомъ, упомянувъ сначала въ сочувственныхъ выраженіяхъ о полезной дѣятельности и заслугахъ бывшаго Лицея князя Безбородко, на мѣсто котораго учрежденъ теперь Историко-филологическій институтъ, перешелъ къ опредѣленію

*) См. Журналъ Минист. Народн. Просв. 1875 г. ноябрь.

важнаго назначенія сего послѣдняго учебно-воспитательнаго заведенія и развилъ мысль о томъ, какую великую услугу способно оказать не только обществу и государству, но также и церкви то серьезное классическое образованіе, какое будетъ давать своимъ воспитанникамъ Институтъ. Послѣ литургіи совершенъ былъ водосвятный молебенъ и освящена икона Спасителя, которую его преосвященству благоугодно было принести въ даръ Институту, какъ знакъ своего архипастырскаго благословенія новому разсаднику просвѣщенія. По освященіи иконы, преосвященный тутъ же въ храмъ вручилъ ее г. директору Института, совершилъ ходъ съ крестомъ и св. водою по зданіямъ, окропляя комнаты св. водою. По возвращеніи въ церковь, преосвященный взошелъ на архіерейскую, среди церкви, кафедрѣ и, обращаясь къ студентамъ и начальству, произнесъ краткую рѣчь, въ которой увѣщевалъ любителей слова, т. е. науки, хранить свято въ своемъ сознаніи, что Едина есть Вѣчная Истина и Жизнь, Богъ Слово, и что тотъ, кто самъ хранитъ Слово Божіе и малыхъ сихъ научаетъ тому, великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ, а кто разоритъ Слово Божіе и тому же малыхъ научитъ, малымъ наречется въ Царствіи Небесномъ; архипастырь заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ труды дѣлателей въ новооткрываемомъ Институтѣ, и сподобилъ ихъ «великими нарещисъ въ Царствіи Небесномъ».

Послѣ божественной службы, преосвященный, г. помощникъ попечителя И. П. Новиковъ, духовенство и служащіе при Институтѣ и Гимназіи приглашены были для краткаго отдыха въ квартиру директора, гдѣ имъ предложенъ былъ чай.

Затѣмъ всѣ отправились въ актовую залу, которая была уже полна публики.

Передъ началомъ акта пѣвчими пропѣта была молитва «Царю небесный».

Актъ былъ открытъ слѣдующею рѣчью г-на помощника попечителя:

«Г. министръ народнаго просвѣщенія прспроводилъ къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа Высочайше утвержденное въ 20-й день ноября 1875 г. мнѣніе, воспослѣдовавшее въ общемъ собраніи Госу-

дарственного Совѣта о преобразованіи въ 1875 г. лиція князя Безбородко въ Нѣжинѣ въ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко, а 21-го апрѣля нынѣшняго года Высочайше утвержденъ и уставъ Института. Открываемый нынѣ Институтъ являетъ собою новое доказательство неусыпной заботливости Государя Императора о благѣ молодыхъ поколѣній, воспитывающихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ то же время свидѣтельствуетъ о непреклонной волѣ Монарха утвердить и упрочить тотъ путь, на который вступила отечественная наука по инициативѣ нашего просвѣщеннаго Государя.

«Институтъ завершаетъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія къ приготовленію возможно лучшихъ преподавателей древнихъ языковъ, въ которыхъ со введеніемъ въ нашихъ гимназіяхъ новой системы обученія и съ быстрымъ въ послѣднее время размноженіемъ самыхъ гимназій, возникла вдругъ столь обширная потребность.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря незабвенной услугѣ, оказанной русскому просвѣщенію однимъ изъ сыновъ этого края, нашлось для возрождающагося Института готовое помѣщеніе, и Кіевскій учебный округъ удостоился чести вмѣстить въ себѣ второй въ Имперіи Историко-филологическій институтъ; а вамъ первымъ выпало на долю осуществить новый шагъ, дѣлаемый въ Россіи классическою системою сформированія.

«Вашими ругами, мм. гг., зажигается новый свѣтильникъ для будущихъ поколѣній Россіи. Это налагаетъ на васъ обязанность всецѣло посвятить себя трудамъ, чтобы сдѣлаться достойными великихъ воспитательныхъ цѣлей, которымъ вы предназначаетесь служить, и поставить Институтъ съ первыхъ же дней его существованія на высоту его призванія — быть однимъ изъ главныхъ хранителей и разсадниковъ классическихъ знаній въ нашемъ отечествѣ.

«Но однихъ трудовъ недостаточно, чтобы исполнить задачу — быть проводниками истинныхъ знаній: для этого нужно прежде всего неослабно имѣть въ виду конечную цѣль всѣхъ человѣческихъ знаній — утвержденіе въ народѣ истиннаго Богопознанія и укорененіе въ немъ чувства нравственнаго и гражданскаго долга. Объ отношеніяхъ

вашихъ къ религіи и Слову Божію вы слышали сегодня столь же краснорѣчивое, сколько проникнутое теплымъ чувствомъ увѣщаніе достоуважаемаго архипастыря церкви, украсившаго нашъ праздникъ своимъ присутствіемъ. Что же касается до гражданскаго долга, то высшимъ выраженіемъ его служить беспредѣльная, непоколебимая преданность Престолу и Отечеству, и покорность закону не только изъ страха, но и по совѣсти и сознанію долга. Если отъ этого условія зависить гражданскій и общественный порядокъ, то оно не менѣе необходимо и для процвѣтанія науки, ибо и она растетъ и укрѣпляется въ народѣ лишь подъ охраною внутренняго мира и тишины.

«Послѣдуйте примѣру доблестнаго мужа, котораго имя начертано на фронтонѣ этого зданія. Воодушевитесь его ревностью къ просвѣщенію, вооружитесь крѣпостью его патриотическаго чувства, и — смѣю думать, — вы оправдаете и попеченіе объ васъ Монарха, и исполните надежды, возлагаемыя на васъ учебнымъ вѣдомствомъ. Для васъ, гг. учащіеся, исполненіе вашихъ обязанностей будетъ тѣмъ естественнѣе, что лишь имъ заплатите вы долгъ благодарности Тому, отъ щедротъ Котораго пользуетесь бесплатно высшимъ благомъ — воспитаніемъ.

«Затѣмъ, мм. гг., позвольте благодарить васъ за благосклонное вниманіе. Имѣю честь объявить Историко-филологическій институтъ князя Безбородко открытымъ».

Вслѣдъ затѣмъ, директоръ Института Н. А. Лавровскій вступилъ на кафедру и прочелъ слѣдующій отчетъ:

«Прежде всего считаю долгомъ предложить вашему вниманію краткій отчетъ о состояніи трехъ вѣрренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній: одного, только что возникшаго—Историко-филологическаго института князя Безбородко, другаго, уже оканчивающаго свое существованіе — лица князя Безбородко и третьяго, имѣющаго продолжать прежнее свое существованіе, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ — Нѣжинской гимназій, а также о своей восьмимѣсячной дѣятельности. Къ отчету о двухъ послѣднихъ учебныхъ заведеніяхъ должны примѣнить свѣдѣнія о совершившемся въ нихъ до моего прибытія въ Нѣжинъ».

I. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко. 20-го

ноября 1874 года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о преобразованіи въ 1875 году лиція князя Безбородко въ Нѣжинѣ въ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко, на основаніи Высочайше утвержденныхъ устава и штата Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, изъ которыхъ главнѣйшія:

Ст. I пунктъ 1-й: Институтъ состоитъ въ главномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется непосредственно попечителю Кіевскаго учебнаго округа, чрезъ котораго восходятъ къ министру воѣ представленія Института по дѣламъ, требующимъ разрѣшенія высшаго начальства. Пунктъ 7-й: Институтъ пользуется всѣми правами, присвоенными университетамъ въ статьяхъ 125—135 общаго устава университетовъ.

Ст. III. Должность почетнаго попечителя лиція, изъ рода графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, сохранить и на будущее время съ тѣми же служебными правами, предоставивъ лицу, занимающему оную, участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія института по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, и возложить на него наблюденіе за современнымъ поступленіемъ, а равно предоставить ему право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиною-Пушкиною къ ежегодному взносу въ пользу лиція, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденного 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Ст. V. Предоставить министру народнаго просвѣщенія избрать на первый разъ, при открытіи Института, инспектора, профессоровъ, преподавателей и наставниковъ; съ тѣмъ, чтобы избраніе всѣхъ сихъ лицъ на будущее время было производимо на точномъ основаніи устава Института.

Ст. VI. Въ дополненіе къ получаемой нынѣ Нѣжинскимъ лицеемъ суммѣ (14,250 руб.) ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства на Институтъ князя Безбородко 73,914 р. со внесеніемъ сей суммы въ подлежащее подраздѣленіе расходной свѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Самый уставъ и штатъ Института князя Безбородко утверждены 21-го апрѣля сего года.

Назначенный, 1-го января сего года, директоромъ института, я долженъ былъ немедленно по прибытіи на мѣсто службы озаботиться, кромѣ возложеннаго на меня завѣдыванія лицеемъ и гимназіей, всѣми необходимыми приготовленіями для предназначеннаго къ началу учебнаго года открытія Института.

Помѣщеніе. Самое зданіе, давно не отремонтированное основательно по недостатку средствъ, требовало общаго ремонта. Онъ былъ произведенъ въ послѣдніе три мѣсяца по всему зданію, благодаря весьма значительной суммѣ, назначенной для этой цѣли. Необходимо было распределить помѣщенія для Института, лицея и гимназіи, и при томъ такъ, чтобы послѣдніе не потерпѣли ни въ чемъ существенномъ отъ помѣщенія среди нихъ новаго учебнаго заведенія. Благодаря тому обстоятельству, что лицей къ началу наступившаго учебнаго года долженъ былъ сократиться до одного послѣдняго курса, а Институтъ начаться только первымъ, возможно было не только устроить оба учебныя заведенія безъ всякаго взаимнаго стѣсненія, оставивъ гимназію въ прежнемъ ея помѣщеніи безъ всякой перемѣны, но и выдѣлить часть зданія для временнаго помѣщенія преподавателей Института.

Мысль о необходимости послѣдняго занимала меня съ первыхъ дней прибытія въ Нѣжинъ. Дороговизна квартиръ, не уступающая дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ, но безъ удобствъ послѣднихъ, затрудненіе въ сообщеніи, по причинѣ сильной грязи, господствующей весьма продолжительное время, вмѣстѣ съ другими неудобствами жизни въ небольшомъ провинціальномъ городѣ,—все это не могло, конечно, служить средствами привлеченія лучшихъ учебныхъ силъ въ Нѣжинъ. Мысль эта, встрѣченная сочувственно его сятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, получила дальнѣйшее движеніе, и въ настоящее время существуетъ проектъ устройства особыхъ флигелей для помѣщенія преподавателей Института. Въ то же время разрѣшено впредь, до устройства послѣднихъ, помѣстить преподавателей временно въ самомъ зданіи Института, что въ настоящее время и исполнено. Для расширенія же институтскихъ помѣщеній въ самомъ зданіи, необходимаго съ образованіемъ въ теченіе

трехъ слѣдующихъ лѣтъ полнаго комплекта студентовъ, предназначается постройка 3-го этажа надъ серединой зданія, имѣющая увеличить помѣщенія на 10—12 комнатъ съ корридормъ, для чего ассигновано изъ государственнаго казначейства 50,590 рублей.

Учебныя пособія. Другимъ важнымъ дѣломъ, занимавшимъ меня съ марта по послѣдніе дни, было устройство институтской библіотеки. Пренная основная лицейская библіотека, документальный каталогъ которой представляетъ любопытныя наслоенія, соотвѣтствующія направленьямъ, которыя суждено было испытать высшему учебному заведенію, обязанному своимъ существованіемъ незабвенному пожертвованію князя Безбородко, историко-филологическому, физико-математическому съ естественно-историческимъ и, наконецъ, юридическому, состояла изъ 6,807 названій въ числѣ 13,057 томовъ. Впрочемъ, число названій, довольно значительное съ перваго взгляда, по внимательномъ разсмотрѣніи каталога, оказалось обманчивымъ, такъ какъ отдѣльныя выпуски и томы многотомныхъ сочиненій въ немъ помѣщены отдѣльными названіями; кромѣ того, внесено довольно названій, не имѣющихъ дѣйствительнаго библіотечнаго значенія, въ родѣ книгопродавческихъ каталоговъ, объявленій и т. п. Предстояло выдѣлить сочиненія, которыя не могли найти себѣ мѣста въ библіотекѣ Института, составить новый документальный и систематическій каталогъ, размѣстить книги въ новомъ порядкѣ. По выдѣленіи излишнихъ и сведеніи разрозненныхъ названій, число названій въ новомъ документальномъ каталогѣ понизилось до 4,034. Въ настоящее время институтская библіотека имѣетъ вновь составленные документальный и систематическій каталоги, и составленный прежде алфавитный каталогъ, требующій, впрочемъ, измѣненій, слѣдовательно представляетъ всѣ условія для правльнаго и вполне удобнаго пользованія ею. Помѣщеніе библіотеки въ тѣсной, хотя большой комнатѣ вмѣстѣ съ гимназическою, необходимо требовало расширенія даже въ прежнемъ ея составѣ; при предстоящихъ же ей ежегодныхъ приращеніяхъ, оно было бы невозможно. Здѣсь я считаю своею обязанностью отъ имени Института выразить глубочайшую и искреннѣйшую признательность нашему достоуважаемому почетному попечителю, графу А. И. Мусину-Пушкину, который при первомъ моемъ заявленіи о затрудненіяхъ, по крайней мѣрѣ на первое время, по вопросу о помѣщеніи библіотеки и необходимости

дать ей болѣе просторъ, изъявилъ полную готовность отдѣлить для нея болѣе большую часть своей квартиры въ зданіи Института, составляющей издавна неприкосновенную собственность почетныхъ попечителей учрежденія князя Безбородко. Въ настоящее время, благодаря просвѣщенному сочувствію графа А. И. Мусина-Пушкина къ нуждамъ нашего Института, бібліотека, помѣщаясь въ пяти прекрасныхъ комнатахъ, на долгое время обезпечена въ пространствѣ, не смотря на ожидаемыя и весьма значительныя ежегодныя приращенія.

Кромѣ основной лицейской бібліотеки, въ институтъ поступила существующая съ 1858 года студентская бібліотека, заключающая въ себѣ 524 названія.

Наличный бібліотечный матеріалъ, унаслѣдованный Институтомъ отъ лицея князя Безбородко, еще до открытія института обогатился, благодаря просвѣщенной заботливости его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о возникавшемъ учебномъ заведеніи, приобретеніемъ бібліотеки покойнаго директора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института И. Б. Штеймана, заключающей въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древности и міеологіи. Вошедшая въ общій составъ институтской бібліотеки, она, безъ сомнѣнія, послужитъ важнымъ подспорьемъ для двухъ важнѣйшихъ кафедръ Института.

Кромѣ того, вслѣдствіе распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія, обращены въ институтскую бібліотеку полезныя для насъ дублеты бывшей Варшавской городской, нынѣ университетской бібліотеки, относящіяся преимущественно къ отдѣламъ богословскому, историческому и литературному, и при томъ по ихъ отношенію къ Польшѣ и западной Россіи. Первая партія этихъ дублетовъ прибыла въ Нѣжинъ лишь недавно, а потому я не могу сообщить никакихъ свѣдѣній о размѣрѣ приращеній институтской бібліотеки отъ Варшавскихъ дублетовъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что они послужатъ къ весьма значительному обогащенію нашего бібліотечнаго имущества.

Небольшой по размѣру, но цѣнный вкладъ въ институтскую бібліотеку сдѣланъ былъ здѣшнимъ греческимъ училищемъ. Освѣдомившись о его небольшомъ книгохранилищѣ, я осмотрѣлъ его и нанесть въ немъ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ

богословскому, классическому, историческому и литературному, въ старинныхъ изданіяхъ XVI и XVII вѣковъ. Руководясь соображеніемъ, что книги этого рода въ настоящемъ ихъ помѣщеніи не только не могутъ приносить никакой пользы, но и легко могутъ быть растрчены по незнанію ихъ значенія, особенно въ виду предстоящаго преобразованія греческаго училища въ женскую гимназію, я вошелъ съ представленіемъ къ г. попечителю Киевскаго учебнаго округа о перемѣщеніи болѣе цѣнныхъ книгъ въ институтскую бібліотеку, которая вполне соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, на что и получилъ разрѣшеніе.

Таковъ въ настоящее время нашъ бібліотечный матеріалъ. Правда, онъ оказывается недостаточно приспособленнымъ къ цѣлямъ и потребностямъ Института; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ можетъ послужить солиднымъ основаніемъ для будущихъ приращеній. Ассигнуемая по штату ежегодная бібліотечная сумма, 2,600 руб., даетъ полную возможность въ непродолжительномъ времени восполнить всѣ важнѣйшіе пробѣлы и своевременно удовлетворять учащихъ и учащихся.

Институтъ унаслѣдовалъ отъ лица князя Безбородко также милицъ-кабинетъ и картинную галерею, пожертвованную графомъ Бушелевымъ-Безбородко: первый, заключающій въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ экземпляровъ, состоитъ изъ 3,546 номеровъ монетъ и медалей, а послѣдняя, еще не имѣющая для себя отдѣльнаго помѣщенія, изъ 174 картинъ.

Кабинеты физическій, минералогическій и зоологическій, также перешедшіе въ наслѣдство Институту отъ лица, въ настоящее время состоятъ въ пользованіи гимназій, и пополняются ежегодно изъ гимназическихъ суммъ.

Личный составъ. Наиболѣе трудная и важная задача, рѣшеніе которой необходимо было къ открытію Института, состояла въ образованіи состава преподавателей и наставниковъ. Его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія угодно было привлечь меня къ участию въ рѣшеніи этой важной задачи, и, послѣ продолжительныхъ, иногда сложныхъ, сношеній образовался на первые два года достаточно полный составъ присутствующихъ здѣсь преподавателей и наставниковъ, готовыхъ приступить къ трудной, но благодарной дѣл-

тельности по образованію будущихъ наставниковъ русскаго юношества. Знакомый съ каждымъ изъ нихъ лично, а также и съ предшествовавшею ихъ ученою и педагогическою дѣятельностью, я смѣло позволяю себѣ выразить увѣренность, что ими будетъ сдѣлано для общаго дѣла, къ которому они призваны, все, что въ предѣлахъ человѣческихъ силъ.

Законоучитель въ лицѣ князя Безбородко и настоятель лицейской церкви, магистръ Кіевской духовной академіи, священникъ *Хойницкій* назначенъ законоучителемъ въ Институтѣ.

Ординарный профессоръ и докторъ русской исторіи, деканъ историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета *Аристовъ*—ординарнымъ профессоромъ русской исторіи, съ возложеніемъ на него должности инспектора Института.

Окончившій курсъ въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ и пробывшій два года въ Германіи для изученія классической филологіи *Никитинъ* назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по кафедрѣ греческой словесности.

Преподаватель Императорскаго историко-филологическаго института, докторъ Гельсингфорскаго университета *Фохтъ* — ординарнымъ профессоромъ римской словесности.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, магистръ славянскихъ нарѣчій, *Будиловичъ* — ординарнымъ профессоромъ русской словесности и главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій.

Экстраординарный профессоръ Варшавскаго университета, магистръ всеобщей исторіи *Люперольскій* — ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи.

Наставниками института назначены: инспекторъ 1-й Харьковской гимназіи *Добіашъ* и бывший учитель 5-й С.-Петербургской гимназіи, пробывшій передъ тѣмъ два года въ Германіи для изученія классической филологіи, *Кириловъ*.

Кромѣ того, для замѣщенія кафедры философіи въ будущемъ учебномъ году, имѣется въ виду, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ *Гротъ*, въ настоящее время отправившійся заграницу для изученія философіи.

Преподаваніе новыхъ языковъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, будетъ поручено учителямъ тѣхъ же предметовъ

въ Нѣжинской гимназiи съ производствомъ имъ платы изъ суммы, положенной по штату за дополнительные лекціи въ Институтѣ.

Учащіеся. Подавшихъ прошеніе о поступленіи въ Институтъ и подвергавшихся назначеннымъ испытаніямъ изъ русскаго, греческаго и латинскаго языковъ, было 42. По внимательномъ разсмотрѣніи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, по опредѣленію конференціи Института и утвержденіи г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, принято 25. Кромѣ того, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія переведены три студента перваго курса С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, такъ что общее число воспитанниковъ въ открывающемся 1-мъ курсѣ будетъ 28.

Изъ нихъ 17 обнаружили, говоря вообще, удовлетворительныя познанія по всѣмъ предметамъ испытаній, и не подали повода къ колебаніямъ по вопросу объ ихъ приѣмѣ. Слабѣ были познанія 8-ми молодыхъ людей, подавшихъ поводъ къ продолжительнымъ сужденіямъ о достоинствѣ ихъ познаній. Конференція Института, принимая во вниманіе незначительность различій въ ихъ познаніяхъ, желая также предоставить себѣ возможность, обративъ на нихъ особенное вниманіе точнѣе испытать ихъ способности и трудолюбіе въ теченіе цѣлаго учебнаго года, и наконецъ, вообще признавая полезнымъ для полноты комплекта въ послѣднихъ курсахъ, имѣть въ запасъ отъ одного до трехъ студентовъ въ первыхъ, опредѣлила принять всѣхъ 8 молодыхъ людей, съ объявленіемъ имъ, что на нихъ будетъ обращено особенное вниманіе и что неуспѣшность занятій въ теченіе учебнаго года повлечетъ за собою увольненіе ихъ изъ Института.

II. Лицей князя Безбородко. Лицей князя Безбородко, въ продолженіе своего 35-ти-лѣтняго существованія отвѣчавшій потребностямъ времени образованіемъ полезныхъ дѣятелей на практическо-юридическомъ поприщѣ, и имѣющій полное право гордиться нѣкоторыми именами, снискавшими себѣ обширную извѣстность въ области науки, литературы и на различныхъ поприщахъ общественнаго служенія, въ послѣднее время, съ измѣненіемъ условій и средствъ жизни, постепенно приходилъ въ то состояніе, въ которомъ было невозможно дальнѣйшее его существованіе съ прежнимъ достоинствомъ и прежнею пользою, и которое требовало рѣшительнаго преобразованія. Возникшая съ ежегоднымъ

размноженіемъ гимназій и прогимназій, вмѣстѣ съ новымъ гимназическимъ уставомъ, неотложная потребность въ учителяхъ гимназій, а съ нею и столь же неотложная потребность въ особомъ учрежденіи для спеціальнаго образованія, рѣшила участь лицея князя Безбородко: ему суждено было преобразоваться въ Историко-филологическій институтъ.

Высочайше утвержденнымъ мѣвнѣемъ Государственнаго Совѣта 20-го ноября 1874 года были предоставлены студентамъ лицея, застигнутымъ преобразованиемъ, всѣ средства безпрепятственно, на прежнемъ основаніи устава 1840 года, окончить свой курсъ, съ производствомъ имъ стипендій въ прежнихъ размѣрахъ, и въ то же время было предоставлено г. министру народнаго просвѣщенія озаботиться, чтобы нынѣшніе стипендіаты лицея князя Безбородко, въ случаѣ нежеланія ихъ продолжать курсъ въ преобразованномъ заведеніи, были обезпечены въ денежныхъ средствахъ для окончанія начатаго ими юридическаго образованія безъ испрошенія на то особаго кредита. Вслѣдствіе этого распоряженія, въ наступающемъ учебномъ году, послѣднемъ для лицея, будутъ одновременно существовать первый курсъ института, и послѣдній лицея. Для этого послѣдняго курса совѣтъ лицея, вслѣдствіе предложенія г. попечителя округа, руководясь уставомъ 1840 года и правилами, утвержденными въ 1873 г., въ засѣданіи 19-го января сего года, опредѣлилъ оставить слѣдующихъ четырехъ преподавателей: законоучителя *Хойнауцкаго*, по кафедрѣ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ *Скордеди*, по кафедрѣ законовъ казеннаго управленія *Яснопольскаго*, и по кафедрѣ гражданскихъ законовъ *Забугина*; остальныхъ же преподавателей — по кафедрѣ энциклопедіи и государственныхъ законовъ *Затыркевича* *), по кафедрѣ русской исторіи, русской и всеобщей статистики *Сребницкаго*, оставить за штатомъ, какъ окончившихъ преподаваніе своихъ предметовъ въ первыхъ двухъ курсахъ. Въ мартѣ сего года, по случаю смерти исправлявшаго должность профессора Забугина, совѣтъ лицея поручилъ преподаваніе гражданскихъ законовъ г. Скордеди. Въ апрѣлѣ того же года, по случаю предстоявшаго и теперь состоявша-

*) Утвержденнаго, по приобрѣтеніи имъ степени магистра, профессоромъ лицея по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія съ 26-го апрѣля сего года.

гося перемѣщенія исправляющаго должность профессора уголовныхъ и полицейскихъ законовъ Скордели, на службу въ Киевскую кантору государственнаго банка, совѣтъ лица, вслѣдствіе прошенія кандидата правъ Мозговаго и по разсмотрѣніи и одобреніи представленной послѣднимъ программы по гражданскому праву, судопроизводству и законамъ благоустройства, а также по прочтеніи имъ двухъ пробныхъ лекцій, опредѣлилъ войти къ г. попечителю съ представленіемъ объ утвержденіи г. Мозговаго исправляющимъ должность профессора лица по кафедрѣ гражданскихъ законовъ. Въ случаѣ утвержденія послѣдняго представленія, оказывается возможнымъ, по раздѣленіи между двумя наличными преподавателями, гг. Ленопольскимъ и Мозговымъ, предметовъ по тремъ кафедрамъ — гражданскихъ законовъ, уголовныхъ и полицейскихъ, и законовъ казеннаго управления, — заключить лицейскіе курсы на прежнихъ основаніяхъ, и тѣмъ предоставить послѣднему выпуску студентовъ безпрепятственно окончить ихъ юридическое образованіе.

Въ истекшемъ учебномъ году законоучитель Хойнацкій напечаталъ: 1) Практическое руководство для священниковъ при совершеніи церковныхъ требъ. Выпускъ 1-й: о таинствахъ крещенія, миропомазанія и причащенія (въ Черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ), и 2) Объ исповѣди. Для чтеній по предмету практическаго руководства для пастырей (въ Душеполезномъ чтеніи). И. д. профессора Скордели отлитографировалъ 2-ю часть «Бурса уголовного судопроизводства».

Въ 1-му сентябрю 1874 года всѣхъ студентовъ было . . . 68

Въ теченіе учебнаго года вышло:

до окончанія курса	2
по окончаніи курса	43

45

Изъ 20 человекъ подвергавшихся годичнымъ испытаніямъ переведены изъ 2-го курса въ 3-й 19

Изъ подвергавшихся окончательному испытанію удостоены аттестатовъ: съ правомъ на чинъ XII класса—28 и съ правомъ на чинъ XIV класса—15. Затѣмъ въ 14 сентябрю сего года на послѣднемъ

курсъ лица остается, со вновь поступившими и оставшимися въ томъ же курсѣ, 23 человекъ.

Стипендіатовъ въ лицѣ было: а) штатныхъ 24 и б) на счетъ капитала, пожертвованнаго генералъ-лейтенантомъ Л. П. Рудановскимъ, въ память отца его Платона Рудановскаго—1. Освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій состояло 11 человекъ.

III. Гимназія. На основаніи Высочайше утвержденного 20 ноября 1874 г. мѣнія Государственнаго Совѣта Нѣжинская гимназія должна быть обращена въ гимназію при Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко и поставлена къ нему въ тѣ же отношенія, въ какихъ находится гимназія при Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ къ сему послѣднему, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права, не выходя изъ штатной суммы, назначенной на Нѣжинскую гимназію, и примѣнительно къ устройству гимназіи, существующей при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ,—приспособить ее къ цѣлямъ новаго Института. Такое назначеніе гимназіи, имѣющей составить съ Институтомъ одно органическое цѣлое, служить цѣлямъ Института по рѣшенію одной изъ важнѣйшихъ задачъ его, по приготовленію будущихъ наставниковъ къ ихъ призванію посредствомъ упражненій въ практическомъ преподаваніи,—само собою возвышало ее до значенія и характера образцовой гимназіи. Понятно, что она же налагала на меня непремѣнную обязанность обратить на нее особенное вниманіе, съ цѣлью постепеннаго ея подготовленія къ ожидающему ея новому положенію. Дѣйствительно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, она была для меня предметомъ непрерывныхъ наблюденій и въ составѣ учащихся и въ составѣ учащихся. Наблюденія эти и усвоенное общее впечатлѣніе для меня дороги, такъ какъ они доставили возможность вполне сознательно относиться къ ся нуждамъ и интересамъ, а также и къ тѣмъ ея сторонамъ, которыя могутъ нуждаться въ исправленіи. Исходя изъ убѣжденія, что ничто такъ не нуждается въ умѣренномъ и осторожномъ образѣ дѣйствій, какъ учебное дѣло, что обратный образъ дѣйствій можетъ только принести вредъ ему, и что успѣхъ его зависитъ отъ суммы безконечно-разнообразныхъ условій, я старался тѣсно примкнуть къ наличному составу учащихся силъ, изучить его и въ немъ открыть средства къ достиженію цѣли, тѣмъ болѣе, что мѣстныя условія нель-

зя назвать благоприятными для привлеченія наилучшихъ силъ. Дорого для меня вынесенное мною общее впечатлѣніе потому, что я могу быть вполне сознательнымъ помощникомъ новому непосредственному начальнику гимназій, завѣдывающему ею. Не останавливаясь на частныхъ явленіяхъ внутренней жизни гимназій, и на нѣкоторыхъ мѣрахъ, принятыхъ для успѣха учебнаго дѣла въ продолженіе истекшаго учебнаго года, я считаю долгомъ остановить ваше вниманіе на послѣднемъ, чрезвычайно важномъ, постановленіи, Высочайше утвержденномъ 4 іюля сего года, относящемся сколько къ нашей гимназій, столько и къ Институту, — создающемъ совершенно новое положеніе для первой и обеспечивающемъ вѣрный, достаточно обработанный матеріалъ для втораго. Постановление это заключается въ слѣдующемъ. Г. министр народнаго просвѣщенія, находя необходимымъ принять мѣры къ подготовленію возможно лучшаго контингента воспитанниковъ для поступленія въ имѣющій открыться, съ начала будущаго учебнаго года, Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, къ устраненію тѣмъ самымъ замѣчаемаго нынѣ недостатка въ основательно приготовленныхъ учителяхъ гимназій и прогимназій по филологическимъ предметамъ преподаванія, въ особенности же по древнимъ языкамъ, — остановился на предположеніи сосредоточить въ Нѣжинской гимназій, состоящей при Институтѣ князя Безбородко, такихъ учениковъ, которые могли бы составить вполне надежный контингентъ для укомплектованія состава студентовъ означеннаго Института. Съ этою цѣлью предположено:

1. Учредить въ 4-хъ высшихъ классахъ Нѣжинской гимназій (5, 6, 7 и 8), по числу допускаемыхъ на основаніи устава гимназій при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ каждомъ классѣ учениковъ, по 30 стипендій въ классѣ, а всего 120 стипендій, въ размѣрѣ по 200 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступать въ число стипендіатовъ Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ.

2. Во всѣхъ гимназійхъ и прогимназійхъ возлѣжить на обязанность директоровъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, и инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій предлагать ученикамъ, окончившимъ четырехклассный прогимназическій курсъ и отличившимся какъ

прилежаніемъ и способностями, такъ и благоправнымъ поведеніемъ, означенныя выше стипендіи въ Нѣжинской гимназіи.

3. Если окажутся желающіе быть отправленными для сего въ Нѣжинъ, и на такое отправленіе изъявляютъ согласіе ихъ родители, опекуны или ближайшіе родственники, обязать начальства гимназій и прогимназій высылать немедленно по окончаніи экзаменовъ въ 4-мъ классѣ сихъ заведеній, къ директору Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ учебныхъ занятіяхъ и поведеніи этихъ учениковъ, съ присоединеніемъ письменныхъ на послѣднемъ испытаніи работъ каждаго изъ нихъ.

4. По разсмотрѣніи сихъ свѣдѣній и работъ, директоръ Института избираетъ изъ числа всѣхъ кандидатовъ самыхъ отличныхъ, по числу имѣющихся свободными стипендіальныхъ вакансій, и о такихъ сообщаетъ подлежащему начальству гимназій или прогимназій, которое за симъ высылаетъ избранныхъ учениковъ къ началу учебнаго года въ Нѣжинъ, съ выдачею необходимыхъ по усмотрѣнію, на проѣздъ до мѣста назначенія, денегъ, изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

5. Предлагаемыя мѣры ввести въ дѣйствіе съ начала 1876/77 учебнаго года, дозволивъ въ томъ году въ видѣ исключенія, принятіе стипендіатовъ не въ 5-й, а въ 6-й классъ Нѣжинской гимназіи, слѣдовательно изъ учениковъ, окончившихъ курсъ 5-го класса другихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, дабы этимъ способомъ ускорить однимъ годомъ доставленіе Институту лучшаго контингента.

Что же касается средствъ для осуществленія сего предположенія, то г. министръ нашелъ возможнымъ обратить на этотъ предметъ между прочимъ деньги, отпускаемыя нынѣ изъ казны на выдачу стипендій воспитанникамъ казеннымъ и пансіонерамъ Государя Императора въ тѣхъ гимназіяхъ, при коихъ пансіоны болѣе не существуютъ, по мѣрѣ выбитія лицъ, пользующихся нынѣ сими стипендіями.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу въ 4/16 день іюня сего года, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе таковыхъ предположеній.

Излишне было бы распространяться о великой важности сообщеннаго постановленія какъ для гимназіи, такъ и для Института. Съ бу-

дущаго учебнаго года первая уже утрачиваетъ свой прежній мѣстный характеръ, перестаетъ быть Нѣжинскою гимназіей, удовлетворявшей мѣстнымъ нуждамъ образованія; въ силу новаго постановленія она получаетъ общій характеръ, общее значеніе, она привлекается къ участию въ рѣшеніи важнѣйшей и труднѣйшей задачи — образованія наставниковъ русскаго юношества. Если въ понятіе о гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ и въ прежнемъ ея положеніи необходимо заключалось понятіе объ образцовой гимназіи, какъ служащей цѣлямъ Института, какъ доставляющей матеріалъ для спеціальнаго приготовленія студентовъ къ ихъ будущему призванію посредствомъ опытовъ въ практическомъ преподаваніи: то въ силу новаго постановленія, она становится образцовой въ полномъ и обширномъ значеніи этого слова, какъ всецѣло входящая въ цѣли и задачи Института, какъ приготовительная для него школа; отъ ея успѣховъ будутъ зависѣть и успѣхи Института».

Секретарь педагогическаго совѣта гимназій прочелъ съ кафедръ отчетъ о состояніи гимназій за истекшій годъ и непосредственно за тѣмъ розданы были награды удостоеннымъ ихъ ученикамъ гимназій; награды эти выдавалъ каждому изъ своихъ рукъ преосвященный Серапіонъ.

Хоръ институтскихъ пѣвчихъ пропѣлъ духовный концертъ: «Всемирную славу».

По окончаніи концерта, директоръ Института снова взошелъ на кафедру и обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой объяснилъ необходимость для Россіи такого рода учебныхъ заведеній, какъ Историко-филологическій институтъ, а также разумность той системы образованія, то-есть классической, какая введена нынѣ правительствомъ.

Актъ окончился пѣніемъ пароднаго гимна «Боже Царя храни».

Въ числѣ публики, присутствовавшей на актѣ, сверхъ лицъ приглашенныхъ Институтомъ, было много прибывшихъ на это торжество безъ приглашенія. По подпискѣ служащихъ въ Институтѣ и гимназій лицъ, въ день открытія Института, въ одной изъ залъ его приготовленъ былъ обѣдъ, который почтили своимъ присутствіемъ: преосвященный Серапіонъ, г. помощникъ попечителя И. П. Новиковъ, о. ар-

химандритъ Иеронимъ, настоятель мѣстнаго мужскаго монастыря, и другія почетныя лица изъ мѣстнаго городскаго общества, присутствовавшія на актѣ. Во время обѣда первый тостъ провозглашенъ былъ г. помощникомъ попечителя за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы и всего царствующаго дома; тостъ былъ покрытъ восторженными и единодушными криками «ура!». Второй тостъ г. помощникъ попечителя провозгласилъ за здоровье его сіятельства г-на министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго: тостъ принятъ былъ общими одушевленными восклицаніями. Въ заключеніе преосвященный Серапіонъ провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе Института и за здоровье учащихъ и учащихся въ немъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою
написано:

«Быть по сему»

Въ С.-Петербургѣ, 21-го апрѣля 1875 года.

УСТАВЪ

Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

1. Въ память сдѣланнаго покойнымъ государственнымъ канцлеромъ княземъ Безбородко, братомъ его, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Безбородко, и внукомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, графомъ Бушелевымъ-Безбородко, значительнаго пожертвованія на учрежденіе и содержаніе въ Нѣжинѣ училища высшихъ наукъ, учреждается въ сѣмъ городѣ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко.

2. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко имѣеть цѣлью приготовленіе учителей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также по сношенію съ симъ министерствомъ и для тѣхъ изъ другихъ вѣдомствъ, которые пожелаютъ содержать въ Институтѣ своихъ стипендіатовъ.

3. Институтъ состоитъ въ главномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется непосредственно попечителю Кіевскаго учебнаго округа, чрезъ котораго восходятъ къ министру всѣ представленія Института по дѣламъ, требующимъ разрѣшенія высшаго начальства.

4. Ближайшій начальник Института есть директоръ, который опредѣляется и увольняется Высочайшимъ приказомъ по представлею министра народнаго просвѣщенія.

5. При Институтѣ состоятъ: а) по части учебно-воспитательной: инспекторъ, профессора, преподаватели и наставники; б) по административной: ученый секретарь, секретарь правленія, эзекуторъ (онъ же и экономъ), бухгалтеръ (онъ же и казначей) и врачъ.

6. Составныя части управленія Института суть: 1) конференція и 2) правленіе.

7. Штатное число воспитанниковъ полагается 100 человекъ, которые живутъ въ зданіи Института и состоятъ на полномъ казенномъ содержаніи. Допускаемые въ Институтъ на основаніи ст. 2-ой стипендіаты другихъ вѣдомствъ также живутъ въ зданіи Института вмѣстѣ съ штатными казенными воспитанниками.

ГЛАВА II.

Личный Составъ.

А. ПОЧЕТНЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ.

8. Званіе почетнаго попечителя Института предоставляется, поелѣ смерти нынѣшняго почетнаго попечителя графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, старшему въ родѣ изъ числа прямыхъ потомковъ, по нисходящей линіи, отъ брака его, графа Мусина-Пушкина, съ графинею Любовію Александровною, урожденною графинею Кушелевою-Безбородко. Почетный попечитель Института утверждается въ семь званіи Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія. Почетный попечитель считается въ государственной службѣ и ему присвоивается по сему званію, если выше чиновъ не имѣеть, V классъ по должности и V разрядъ по мундиру.

9. Почетный попечитель имѣеть право участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія Института, по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, при чемъ занимаетъ первое

мѣсто, но не предсѣдательствуетъ. Ему принадлежитъ право наблюденія за своевременнымъ поступленіемъ и право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиною-Пушкиною къ ежегодному взносу въ пользу сего заведенія, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

В. ДИРЕКТОРЪ.

10. Директоръ избирается изъ лицъ, имѣющихъ степень доктора по историко-филологическому факультету и приобрѣвшихъ извѣстность въ дѣлѣ воспитанія.

11. На обязанности директора, сверхъ благоустройства всѣхъ частей Института, лежатъ также главное наблюденіе за нравственностію студентовъ и ихъ занятіями и непосредственное руководство ихъ въ научно-практическихъ занятіяхъ по одному изъ предметовъ преподаванія.

12. Въ случаѣ небреженія или упущенія со стороны служащихъ въ институтѣ, директоръ дѣлаетъ имъ напоминаніе или замѣчаніе, а при неуспѣшности сей мѣры, сообщаетъ о такихъ упущеніяхъ на разсужденіе конференціи или правленія, по принадлежности. Жалобы на студентовъ директоръ разрѣшаетъ собственною властію и только о важнѣйшихъ случаяхъ предлагаетъ конференціи на обсужденіе.

13. Директоръ вообще никакихъ дѣлъ, касающихся учебной или хозяйственной части Института, самъ собою не разрѣшаетъ, по предлагаетъ объ нихъ, по принадлежности, конференціи или правленію.

14. Съ званіемъ директора не можетъ быть соединяема никакая другая должность по учебной или административной части.

В. ИНСПЕКТОРЪ.

15. Инспекторъ избирается конференціею изъ профессоровъ Института и, по представленію директора, утверждается въ должности и увольняется отъ оной министромъ народнаго просвѣщенія.

16. Инспекторъ имѣеть, подъ главнымъ наблюденіемъ директора, надзоръ за учебною и воспитательною частію Института.

17. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія директора, инспекторъ исправляетъ его должность.

Г. ПРОФЕССОРЫ, ПРЕПОДАВАТЕЛИ, НАСТАВНИКИ И ПРОЧІЯ ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА.

18. Профессоры, преподаватели и наставники Института избираются конференціею и, по представленіи директора, утверждаются въ должности и увольняются отъ оной министромъ народнаго просвѣщенія.

19. Въ профессоры Института избираются лица, имѣющія ученую степень доктора по историко-филологическому факультету, полученную въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, и пріобрѣвшія достаточную опытность въ преподаваніи. Въ случаѣ затрудненія въ присканіи лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ симъ требованіямъ, профессорами могутъ быть опредѣляемы и такія, которыя, хотя не имѣютъ высшей ученой степени, но извѣстны своими основательными познаніями, учеными или педагогическими трудами и опытностію въ преподаваніи.

20. Въ преподаватели и наставники опредѣляются лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ по историко-филологическому факультету или выдержавшія установленное испытаніе на званіе учителя гимназій по древнимъ или новымъ языкамъ, по русскому языку и исторіи.

21. Законоучитель Института избирается конференціею и, по предварительномъ одобреніи его мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія.

22. Независимо отъ чтенія лекцій, профессоры и преподаватели руководствуютъ студентовъ при словесныхъ и письменныхъ практическихъ занятіяхъ въ Институтѣ.

22. Профессоры и преподаватели посѣщаютъ также классы состоящей при Институтѣ гимназій (ст. 28), удостоверяясь при этомъ

въ способностяхъ студентовъ къ преподаванію и сообщая имъ свои совѣты и наставленія относительно его методы и способовъ.

24. Наставники имѣютъ нравственный надзоръ за студентами и помогаютъ имъ въ научныхъ занятіяхъ.

25. Секретарь правленія, бухгалтеръ, экзекуторъ и врачъ избираются директоромъ и утверждаются въ должности, а равно увольняются отъ оной, попечителемъ учебнаго округа.

ГЛАВА III.

Учебно-воспитательная часть.

26. Предметы преподаванія въ Институтъ суть: 1) Законъ Божій; 2) философія (логика, психологія и исторія философіи); 3) педагогика и дидактика; 4) греческая словесность (греческій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія греческой литературы и греческія древности); 5) римская словесность (латинскій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія римской литературы и римскія древности); 6) русская словесность (исторія церковнославянскаго и русскаго языка и ихъ литературъ и главнѣйшія славянскія нарѣчія); 7) исторія всеобщая; 8) исторія русская; 9) языки французскій и нѣмецкій.

27. Ученіе въ Институтѣ раздѣляется на четыре годичныхъ курса. Распредѣленіе предметовъ преподаванія по курсамъ, раздѣленіе высшихъ курсовъ по специальностямъ и опредѣленіе сихъ специальностей, порядокъ производства испытаній и репетицій, а равно и практическія упражненія студентовъ, опредѣляются особыми правилами, составляемыми конференціею Института и утверждаемыми министромъ народнаго просвѣщенія.

28. Для пракческаго упражненія въ преподаваніи, при Институтѣ состоитъ гимназія, которая поставляется къ нему въ тѣ же отношенія, въ какихъ находится гимназія Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ къ сему послѣднему.

29. Академическій годъ въ Институтѣ продолжается отъ 16-го августа до 15-го іюня.

30. Управленієм по учебной части Института завѣдываетъ конференція, которую, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и профессоры. Директоръ можетъ приглашать въ собраніе конференціи и другихъ преподавателей, но они имѣютъ совѣщательный голосъ только тогда, когда конференція признаетъ нужнымъ потребовать отъ нихъ объясненій или мнѣній по какимъ-либо отдѣльнымъ вопросамъ.

31. Дѣла въ конференціи рѣшаются по большинству голосовъ, при равенствѣ которыхъ, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Баллотированіе употребляется только въ двухъ случаяхъ: а) при избраніи должностныхъ лицъ Института и б) при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненія, назначаемаго къ чтенію на годичномъ торжественномъ актѣ или къ печатанію съ одобренія конференціи.

32. Дѣлопроизводство въ конференціи ведетъ ученый секретарь, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей на три года. Онъ пользуется въ конференціи правомъ голоса наравнѣ съ прочими членами.

33. Порядокъ дѣйствій конференціи опредѣляется особою инструкціею, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА IV.

О попечителѣ Учебнаго округа.

34. Утвержденію попечителя учебнаго округа предоставляется: а) распределеніе суммъ, назначенныхъ по штату Института; б) утвержденіе правилъ объ обязанностяхъ секретаря правленія, казначея, эконома и врача; в) утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки не свыше 7,000 руб. на одинъ предметъ; г) утвержденіе постановленій конференціи Института о принятіи молодыхъ людей въ число студентовъ Института и оставленія ихъ на второй годъ на курсѣ, а равно объ увольненіи ихъ изъ заведенія по различнымъ причинамъ.

ГЛАВА V.

Хозяйственная часть.

35. Хозяйственною частию Института завѣдываетъ правленіе, которое, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и одинъ членъ, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей на одинъ годъ.

36. Канцелярію правленія составляютъ: секретарь, бухгалтеръ и нужное число канцелярскихъ слугителей, определяемыхъ директоромъ по найму.

37. Ни одно распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ суммы, определенной на содержаніе Института, не можетъ быть произведено безъ определенія правленія; только въ особыхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ, предоставляется директору разрѣшать выдачу собственною властію, не свыше 100 руб., изъ аванса, съ заявленіемъ о семъ правленію въ первомъ за тѣмъ засѣданіи.

ГЛАВА VI.

Учащіеся.

38. Въ Институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста, которые или имѣютъ аттестаты въ знаніи предметовъ полнаго курса гимназій и представляютъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи, или же, при такихъ же свидѣтельствахъ съ успѣхомъ окончили курсъ въ философскомъ классѣ семинарій. Всѣ поступающіе въ Институтъ подвергаются повѣрочному испытанію изъ предметовъ, назначенныхъ конференціею и во всякомъ случаѣ изъ древнихъ языковъ.

39. При приѣмѣ воспитанниковъ наблюдается, чтобы они не имѣли какого-либо природнаго недостатка, препятствующаго быть учителямъ, и чтобы состояніе здоровья и тѣлосложеніе ихъ были вполне благонадежны.

40. Каждый, поступающий въ Институтъ въ число штатныхъ воспитанниковъ, обязывается, подпискою прослужить, по окончаніи курса, не менѣе шести лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію министра. Обязательность службы стипендіатовъ, содержимыхъ на счетъ другихъ вѣдомствъ, зависить отъ усмотрѣнія послѣднихъ.

41. Студенты Института обязаны повиноваться начальству Института и соблюдать какъ въ Институтѣ, такъ и внѣ онаго, порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами, составленными конференціею и утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія. При вступленіи въ Институтъ каждый студентъ обязывается подпискою въ соблюденіи означенныхъ правилъ.

42. Студентамъ, окончившимъ курсъ съ успѣхомъ, предоставляется званіе учителя гимназій, дающее всѣ права кандидатовъ университетовъ.

43. Всѣмъ вообще студентамъ, выпускаемымъ изъ Института, дозволяется, по окончаніи курса, оставлять при себѣ учебныя книги, по опредѣленію конференціи, по спеціальнымъ предметамъ, къ преподаванію которыхъ они будутъ назначены, а равно и одежду.

44. Студенты, удостоенные званія учителя, получаютъ при отпращиваніи къ должностямъ, прогонныя, по званію своему, деньги и третное не въ зачетъ жалованья на общихъ, при опредѣленіи учителей въ гимназій, правилахъ.

Примѣчаніе. Поступающіе на службу въ гимназій Сибирскихъ губерній, а также сѣвернаго Кавказа и Закавказскаго края, пользуются предоставленными всѣмъ опредѣляемымъ туда лицамъ особыми преимуществами.

45. Студенты, получившіе званіе учителя гимназій, имѣютъ право, по прошествіи одного года, подвергаться испытанію на степень магистра. Въ такомъ случаѣ они могутъ быть назначаемы, по избранію университетскихъ совѣтовъ, къ отпращиванію за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и для приготовленія къ профессорской должности.

ГЛАВА VП.

Учебныя пособія.

46. При Институтѣ полагаются: библіотека и собраніе учебныхъ пособій, необходимыхъ для преподаванія назначенныхъ въ Институтѣ наукъ.

47. Библіотека и собраніе учебныхъ пособій Института подлежатъ вѣдѣнію какъ конференціи, такъ и правленія. Первая заботится о содержаніи ихъ въ порядкѣ и надлежащей полнотѣ, а послѣднее имѣетъ общій надзоръ за ихъ цѣлостію, какъ за собственностію Института.

48. Для ближайшаго завѣдыванія библіотекою и собраніемъ учебныхъ пособій Института избирается и утверждается конференціею библіотекарь изъ преподавателей или наставниковъ Института.

ГЛАВА VII.

Права и преимущества Института.

А. ПРАВА, ВООБЩЕ ИНСТИТУТУ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ.

49. Институтъ пользуется всѣми правами, присвоенными университетамъ въ статьяхъ 125—135 общаго устава университетовъ.*)

50. Институтъ имѣетъ собственныя печати: большую и малую,

*) § 125. Университеты входятъ съ представленіями только къ попечителю, со всѣми же прочими мѣстами и лицами сообщаются отношеніями.

§ 126. Университеты свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ за отправляемыя по дѣламъ ихъ письма и посылки, когда послѣднія вѣсомъ не болѣе пуда.

§ 127. Университеты свободны отъ употребленія гербовой бумаги и отъ платежа крѣпостныхъ и иныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ и вообще по всѣмъ касающимся до нихъ дѣламъ.

§ 128. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, или издаваемыхъ.

съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: «Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ».

В. ПРИМУЩЕСТВА ЛИЦЪ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ БЪ ИНСТИТУТУ.

51. Директоръ Института, доколѣ занимаетъ сію должность, считается въ IV классѣ.

52. Профессоры ординарные состоятъ въ V, а экстраординарные въ VI классѣ, преподаватели и наставники въ VIII классѣ и, по представленію конференціи Института, утверждаются, установленнымъ порядкомъ, въ чинахъ, симъ классамъ соотвѣтствующихъ. Затѣмъ всѣ

§ 129. Университетамъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ-за границы всякаго рода учебныя пособія. Книпы и ящики съ сими вещами, адресованные въ университеты, въ пограничныхъ таможенныхъ не вскрываются, а только пломбируются и потомъ свидѣтельствуются въ университетахъ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника.

§ 130. Книги, рукописи и поврежденные изданія, получаемыя университетами изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры.

§ 131. Университетскія зданія освобождаются на основаніяхъ, изложенныхъ въ существующихъ постановленіяхъ, отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ. Правило сіе не распространяется на тѣ изъ принадлежащихъ университету зданія, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ.

§ 132. Университеты могутъ издавать періодическіе труды ученаго содержания и имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки на общемъ основаніи.

§ 133. Университетамъ, при коихъ состоитъ медицинскій факультетъ, позволяется содержать свои аптеки.

§ 134. Если преподаватель и вообще чиновникъ университета умретъ на службѣ, не оставивъ наследниковъ и не сдѣлавъ о своемъ имуществѣ надлежащаго распоряженія, то университетъ обязанъ сообщить о томъ мѣстному Губернскому Правленію для вызова родственниковъ покойнаго, и буде, въ постановленный законами срокъ, наследниковъ не окажется, то оставшееся послѣ умершаго имущество обращается въ собственность университета.

§ 135. Университетамъ предоставляется приобрѣтать на правѣ полной собственности движимыя и недвижимыя имущества.

они, равно какъ и прочія должностныя лица, въ штатѣ показанныя, производятся въ чины, по выслутѣ узаконенныхъ лѣтъ, на общемъ основаніи, по соображеніи съ классами, присвоенными ихъ должностямъ.

53. Профессоры, преподаватели и наставники производятся двумя чинами выше присвоеннаго ихъ должностямъ класса.

54. Если преподаватель или чиновникъ Института будетъ арестованъ не по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то немедленно препровождается, съ заявленіемъ поступка его, къ директору; въ противномъ же случаѣ Институтъ увѣдомляется о задержаніи виновнаго.

55. Относительно пенсій и единовременныхъ пособій, служащіе по учебной части при Институтѣ пользуются правами, изложенными въ статьяхъ 467—529 уст. о пенс. и единовр. пособияхъ (Св. Зак. изд. 1857 г., т. III). Директору назначается пенсія наравнѣ съ попечителями учебныхъ округовъ, профессорамъ—наравнѣ съ профессорами университета св. Владиміра, а преподавателямъ и наставникамъ—наравнѣ съ учителями гимназій г. Кіева.

56. Всѣ прочія за тѣмъ лица, состоящія на службѣ при Институтѣ, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 1—243 Св. Зак. того же тома и устава, а врачъ—по правиламъ о пенсіяхъ по медицинской части.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія

графъ Дмитрій Толстой.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему.»

С.-Петербургъ 21-го апрѣля 1875 года.

ШТАТЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ ПЪЖИВѢ.

	Число лицъ	О д н о м у				Всѣмъ	Классы должности	Разряды		
		Жалованья	Столовыхъ	Квартир-ныхъ	Итого			По мундиру	По пенсін	
Директору	1	4,800	1,200	Въ на-турѣ.	6,000	6,000	IV	IV	По вѣдл. о пенс. По мундир. Уч. Округовъ.	
Законоучителю	1	1,568	196	—	1,764	1,764				
Инспектору (изъ про-фессоровъ) добавочныхъ .	—	800	—	Въ на-турѣ.	800	800	V	V	По учебной части.	
Профессорамъ :										
Ординарнымъ	5	2,400	300	300	3,000	15,000	V	V		
Экстраординарнымъ	5	1,600	200	200	2,000	9,600	VI	VII		
Наставникамъ	3	1,200	200	Въ на-турѣ.	1,400	4,200	VIII	VII		
Ученому секретарю (изъ профессоровъ или преподавателей) добавочныхъ .	—	300	—		300	300			По учебной части.	
Секретарю правленія .	1	600	—	Въ натурѣ.	600	600	IX	IX		VII
Эконому (онъ же экзе-кунторъ)	1	500	—		500	500	IX	IX		VII
Бухгалтеру (онъ же казначей).	1	500	—		500	500	IX	IX		VII
Библиотечарю (изъ пре-подавателей или наставни-ковъ) добавочныхъ . . .	—	200	—	—	200	200			По учебной части.	
Преподавателямъ за до-полнительныя лекціи .	—	—	—	—	—	6,000	VIII	VIII		

	Число лицъ	О д н о м у				Всѣмъ	Классы должности	Разряды	
		Жалованья	Столовыхъ	Квартирныхъ	Итого			По мундиру	По пенсіи
Врачу	1	300	—	—	300	300	VIII	VIII	Не медицин- ской части.
На библіотеку и учеб- ныя пособія	—	—	—	—	—	2,600			
Содержаніе студентовъ .	—	—	—	—	—	25,000			
» больницы	—	—	—	—	—	1,000			
» канцеляріи	—	—	—	—	—	1,800			
Хозяйственные расхо- ды, отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги, ремонтъ.	—	—	—	—	—	12,000			
						<u>88,164</u>			

Примѣчанія: 1-е. Профессоры пользуются полагаемыми по сему роспи-
санію окладами лишь тогда, когда они руководствуютъ студентовъ и при
практическихъ упражненіяхъ и занятіяхъ ихъ. Къ чтенію лекцій по общимъ
предметамъ и дополнительнымъ приглашаются преподаватели съ платою не
свыше 200 рублей за годовой часъ.

2-е. Лица, имѣющія по сему штату право на квартиры въ натурѣ, въ
случаѣ недостаточности оныхъ, получаютъ квартирные деньги изъ штат-
ныхъ суммъ Института: наставники по 200 руб., секретарь, экономъ и
бухгалтеръ по 150 руб. каждый въ годъ.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія
графъ Дмитрій Толстой.

ИНСТРУКЦІЯ

въ дополненіе къ уставу Историко-филологическаго
института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

~~~~~

А) Директоръ.

Права и обязанности директора, какъ начальника Института вообще, изложены въ §§ 11, 12 и 13 Устава. Затѣмъ права и обязанности директора, какъ председателя конференціи и правленія Института (§§ 30 и 35 устава) заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1. Директоръ вскрываетъ всѣ поступающія на имя Института бумаги, означаетъ на нихъ день полученія и передаетъ ихъ по принадлежности, назначая имъ очередь для обсужденія и рѣшенія.

2. Директоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія конференціи и правленія.

3. Предписанія начальства, не требующія никакихъ разсужденій въ конференціи о мѣрахъ къ приведенію ихъ въ исполненіе; дѣла, бывшія на разсмотрѣніи конференціи или правленія, коихъ дальнѣйшее производство не представляетъ сомнѣній и не предполагаетъ никакихъ отступленій отъ сдѣланныхъ уже постановленій; разрѣшеніе обстоятельствъ, для коихъ существуютъ опредѣленные и ясныя постановленія; доставленіе всякаго рода свѣдѣній по требованіямъ высшаго начальства и по отношеніямъ равныхъ Институту мѣстъ; повтореніе отношеній, на которыя не получено еще надлежащихъ отвѣтовъ

и вообще вся переписка, для которой не предстоит надобности въ новыхъ разсужденіяхъ конференціи или правленія, исполняются учебнымъ секретаремъ или секретаремъ правленія, по принадлежности, за подписаніемъ директора. О всѣхъ таковыхъ дѣлахъ сообщается въ ближайшемъ за тѣмъ засѣданіи конференціи или правленія.

4. Директоръ входитъ къ попечителю учебнаго округа съ представленіями, а съ посторонними властями и вѣдомствами сносятся сообщеніями и хранитъ большую печать конференціи, употребляемую при выдачѣ студентамъ аттестатовъ на званіе учителей.

5. Директоръ даетъ преподавателямъ отпуска на вакаціонное время или на сроки до 29 дней собственною властью, а на болѣе продолжительные сроки съ разрѣшенія попечителя. Прочимъ лицамъ, состоящимъ на службѣ при Институтѣ, директоръ также даетъ отпуска на 29 дней собственною властью, а выше этого срока съ разрѣшенія попечителя.

в) Инспекторъ.

6. Инспекторъ, какъ ближайшій сотрудникъ и помощникъ директора,

А) по учебной части обязанъ:

1. ежедневно удостовѣряться, всѣ ли студенты находятся налицо во время лекцій.

2. Имѣть наблюденіе за прилежаніемъ студентовъ и требовать отъ нихъ своевременнаго исполненія классныхъ работъ, задаваемыхъ профессорами и преподавателями.

3. Заботиться о томъ, чтобы студенты не имѣли недостатка въ необходимыхъ для своихъ занятій пособіяхъ.

4. Присутствовать при испытаніяхъ студентовъ.

В) по части воспитательной:

Инспекторъ заботится какъ о нравственности студентовъ, такъ и объ ихъ вѣншемъ благосостояніи въ заведеніи. Онъ посѣщаетъ помѣщенія студентовъ, присутствуетъ при ихъ утренней молитвѣ,

обѣдъ и ужинъ и разсматриваетъ кондуктныя книги, которыя ведутся наставниками.

7. Инспекторъ, наблюдая за дѣйствіями наставниковъ, совѣщается съ ними о мѣрахъ, принимаемыхъ для лучшаго надзора за студентами и оказываетъ наставникамъ нужное содѣйствіе.

8. По обязанности члена конференціи и правленія, инспекторъ имѣетъ наблюденіе за исправнымъ состояніемъ бібліотеки и ежегодно, вмѣстѣ съ профессоромъ, назначаемымъ конференціею, производитъ общую ревизію бібліотеки, о результатѣ которой доноситъ конференціи и правленію.

с) Наставники.

ОБЯЗАННОСТИ ИХЪ.

А) Общія.

9. По части воспитательной, прямая обязанность наставниковъ стараться, по возможности и при всякомъ удобномъ случаѣ, совѣтомъ, внушеніемъ и, въ особенности, своимъ собственнымъ примѣромъ развивать и укрѣплять въ студентахъ нравственно-христіанскія убѣжденія, чувства долга, чести, справедливости, законности, патриотизма и, наконецъ, правильное понятіе о важности ихъ педагогическаго призванія.

10. По учебной части наставники вообще наблюдаютъ за занятіями студентовъ, слѣдятъ за ихъ успѣхами и соотвѣтственно тому направляютъ ихъ дѣятельность своими указаніями и совѣтами; въ случаѣ обращенія къ нимъ преподавателей съ замѣчаніями о неуспѣшности студентовъ или въ частности о невыполненной ими работѣ по какому либо предмету, обращаютъ на нихъ особенное вниманіе и принимаютъ мѣры, какъ къ вознагражденію сдѣланныхъ упущеній, такъ и къ устраненію ихъ на будущее время; помогаютъ студентамъ въ научныхъ занятіяхъ всякій разъ, когда тѣ обращаются къ нимъ съ просьбою дать имъ совѣтъ, объяснить встрѣтившіяся трудности, указать лучшія вспомогательныя сочиненія по предмету занятій каж-

даго; облегчаютъ, по возможности, студентамъ пониманіе таковыхъ книгъ, бесѣдуя съ ними о прочитанномъ. Само собою разумѣется, что каждый наставникъ помогаетъ студентамъ преимущественно по той наукѣ, которая составляетъ его специальность.

В) по дежурству.

11. Наставники исправляютъ свою должность по установленной съ общаго согласія между ними и инспекторомъ, очереди, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ наставниковъ находился безотлучно въ Институтъ, какъ дежурный по заведенію, съ 7-ми часовъ утра до 11-ти вечера, а въ слѣдующую за тѣмъ ночь не отлучался изъ зданія Института.

12. Дежурный наставникъ имѣетъ строгій надзоръ за соблюденіемъ правилъ нравственности и благоприличія со стороны студентовъ.

13. Наблюдаетъ, чтобы студенты исправно посѣщали аудиторіи и свободное отъ лекцій время употребляли на учебныя занятія.

14. Наблюдаетъ за чистотою воздуха въ студенческихъ камерахъ, въ столовой, въ аудиторіяхъ и рекреационныхъ комнатахъ.

15. Наставникамъ, по дежурству, выдаются ежегодно изъ правленія Института, за подписью директора, двѣ дежурныя книги (журналы). Въ первой дежурный наставникъ записываетъ, какъ всѣ замѣченныя имъ во время своего дежурства неисправности со стороны студентовъ, такъ и поступки ихъ, заслуживающіе особеннаго одобренія, а также отмѣчаетъ отлучки изъ Института студентовъ, сверхъ назначеннаго для нихъ времени и своевременное или несвоевременное возвращеніе ихъ въ Институтъ, а равно и взысканія, если таковыя были сдѣланы. Во вторую вноситъ письменныя извѣщенія профессоровъ и преподавателей о неявкѣ ихъ на лекцію, съ указаніемъ причины неявки.

16. Въ случаяхъ особенной важности, не терпящихъ отлагательства, дежурный наставникъ немедленно обращается за разрѣшеніемъ къ инспектору, а въ его отсутствіе къ директору.

17. Въ случаѣ болѣзни одного изъ наставниковъ, оба остальные исправляютъ его должность, раздѣляя время дежурства между собою, по соглашенію съ инспекторомъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОВѢЩАНІЯ.

18. Инспекторъ и наставники собираются, по мѣрѣ надобности, на педагогическое совѣщаніе, которое происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора. На совѣщаніи разсматриваются замѣчанія, сдѣланныя дежурными наставниками по кондуктной книгѣ, обсуждаются способности, прилежаніе, поведеніе и характеръ каждаго студента въ отдѣльности и изыскиваются мѣры, какъ къ прекращенію замѣченныхъ неисправностей, такъ и къ цѣлесообразному направленію занятій студентовъ. О результатахъ педагогическаго совѣщанія составляется протоколъ.

д) Профессоры и преподаватели.

19. Профессоры и преподаватели имѣютъ опредѣленное число еженедѣльныхъ лекцій по росписанію предметовъ преподаванія, составляемому конференціей въ началѣ каждаго полугодія и утверждаемому начальствомъ. Число лекцій, по усмотрѣнію конференціи и съ утвержденія начальства, можетъ быть измѣняемо въ теченіе учебнаго года. Профессоры и преподаватели обязаны въ началѣ курса представить конференціи программу преподаваемаго ими предмета для предстоящаго академическаго года, а по окончаніи послѣдняго—отчетъ о пройденномъ.

20. Всѣ преподающіе въ Институтѣ не ограничиваются изложеніемъ своего предмета (акроаматическимъ методомъ преподаванія), но а) по возможности часто повѣряютъ знанія своихъ слушателей посредствомъ репетицій, при чемъ обращается вниманіе и на словесное изложеніе предмета; б) приучаютъ студентовъ къ самостоятельности посредствомъ самостоятельныхъ работъ; в) въ высшихъ же курсахъ руководятъ ихъ въ разработкѣ вопросовъ по предметамъ ихъ специальныхъ занятій и разбираютъ съ ними учебники, пособія и пробныя ихъ лекціи.

21. Всѣ предметы, кромѣ словесности греческой и римской, преподаются на русскомъ языкѣ. Для упражненія студентовъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы наукъ, относящихся къ

трагедрамъ греческой и римской словесности, должны читаться на латинскомъ языкѣ.

22. Каждый преподаватель долженъ вести списокъ своимъ слушателямъ и отмѣчаетъ въ немъ успѣхи ихъ; чрезъ каждые полгода эти списки представляются конференціи, которая подвергаетъ ихъ обсужденію и составляетъ изъ нихъ общіе выводы и соображенія. Въ случаѣ замѣченной неуспѣшности студента или невыполненія имъ назначенной работы, преподаватели сообщаютъ о томъ наставникамъ, съ цѣлью обратить на него особенное вниманіе послѣднихъ.

23. Въ преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ опредѣляются лица, соответствующія требованіямъ § 20 устава и владѣющіе русскимъ языкомъ.

24. Профессоры и всѣ служащіе въ Институтѣ по учебной и воспитательной части подаютъ просьбы объ увольненіи ихъ отъ занятій по Институту на имя конференціи.

Е) Конференція.

25. Конференція имѣетъ обыкновенныя засѣданія въ учебное время два раза въ мѣсяцъ, въ часы, свободные отъ лекцій или экзаменовъ. Сверхъ того, по усмотрѣнію директора, могутъ быть назначаемы чрезвычайныя засѣданія.

26. Для рѣшенія дѣлъ въ конференціи необходимо присутствіе болѣе половины ея членовъ.

27. Директоръ, какъ предсѣдатель конференціи, руководитъ совѣщаніями и, при разногласіи въ мнѣніяхъ, предлагаетъ рѣшеніе по большинству голосовъ, собирая послѣднія съ младшихъ членовъ конференціи; при равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ директора.

28. Каждый членъ имѣетъ право предлагать на разсужденіе конференціи вопросы, входящіе въ кругъ ея дѣятельности, предварительно заявляя о томъ директору, который назначаетъ очередь для обсужденія сихъ вопросовъ въ ближайшемъ засѣданіи конференціи.

29. Члены, отсутствующие по законнымъ причинамъ, имѣютъ право присылать письменныя мнѣнія о рѣшаемыхъ въ ихъ отсутствіе дѣлахъ, но имъ не предоставляется права подачи голосовъ заочно. Изъ сего исключаются дѣла объ избраніи должностныхъ лицъ Института, рѣшаемыя баллотированіемъ; неявившійся къ послѣднему можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ директора о такой передачѣ передъ началомъ баллотированія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы уполномоченный могъ располагать по довѣренности не болѣе какъ однимъ шаромъ.

30. Если дѣло требуетъ обстоятельныхъ предварительныхъ разсужденій, то конференція можетъ передать оное на разсмотрѣніе и предварительное заключеніе особой комиссіи, составленной изъ членовъ конференціи и другихъ преподавателей и наставниковъ Института, избранныхъ конференціею; комиссія, разсмотрѣвъ дѣло, вноситъ въ конференцію свое заключеніе письменно, а конференція рѣшаетъ дѣло въ общемъ собраніи.

31. Предметы занятій конференціи суть:

А) предоставляемые утвержденію конференціи:

1. Избраніе ученаго секретаря, члена правленія и бібліотекаря.
2. Общія планы преподаванія и избраніе преподавателями руководствъ и пособій.
3. Росписанія лекцій предъ началомъ учебнаго года.
4. Назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при приѣмѣ въ студенты Института.
5. Выдача окончившимъ курсъ студентамъ аттестатовъ объ успѣхахъ и поведеніи ихъ.
6. Обсужденіе важнѣйшихъ проступковъ студентовъ и опредѣленіе взысканій за оныя на основаніи составленныхъ для сего особыхъ правилъ.
7. Разсмотрѣніе представленій о приобрѣтеніи учебныхъ пособій.
8. Предварительное распредѣленіе окончившихъ курсъ студентовъ на учительскія мѣста, на основаніи сообщенныхъ депар-

таментомъ народнаго просвѣщенія свѣдѣній объ имѣющихся ваканціяхъ.

9. Одобреніе къ печати сочиненій профессоровъ, преподавателей, наставниковъ и студентовъ Института, которыя предназначаются къ изданію на счетъ Института.

10. Разсмотрѣніе годичнаго отчета о дѣятельности Института В) представляемые на утвержденіе попечителя:

1. Мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой дѣятельности Института.

2. Утвержденіе поставоленной конференціи Института о принятіи молодыхъ людей въ число студентовъ Института и оставленіи ихъ на второй годъ на курсѣ, а равно объ увольненіи ихъ изъ заведенія по различнымъ причинамъ.

С) представляемые чрезъ попечителя на утвержденіе министра:

1. Составленіе распредѣленія преподаванія по курсамъ, правилъ для производства испытаній и репетицій и правилъ для практическихъ упражненій студентовъ (§ 27 устава).

2. Составленіе правилъ для дѣйствій конференціи (§ 33 уст.).

3. Избраніе инспектора, профессоровъ, преподавателей и наставниковъ.

4. Окончательное назначеніе окончившихъ курсъ студентовъ на учительскія мѣста.

32. Кромѣ вышеисчисленныхъ занятій, конференція обсуждаетъ всѣ входящія въ кругъ дѣйствій Института вопросы, представляемые какъ ея членами, такъ и преподавателями.

33. Всѣмъ разсужденіямъ и рѣшеніямъ конференціи составляются протоколы за подписью директора и всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ конференціи и скрѣпою ученаго секретаря. Члены, заявившіе въ засѣданіи свое несогласіе съ рѣшеніемъ большинства, имѣютъ право въ теченіе трехъ сутокъ послѣ засѣданія конференціи подать особое письменное мнѣніе директору, который приобщаетъ таковое мнѣніе къ протоколу.

34. По дѣламъ, касающимся служащихъ при Институтѣ лицъ, конференція посылаетъ симъ послѣднимъ выписки изъ протоколовъ засѣданій за скрѣпою ученаго секретаря; всѣ же прочія исходящія бумаги подписываетъ директоръ и скрѣпляетъ ученый секретарь.

35. Конференція представляетъ чрезъ попечителя министру народнаго просвѣщенія, по истеченіи года, отчетъ о состояніи учебной части Института.

36. Состояніе годичнаго отчета о дѣятельности Института лежитъ на обязанности ученаго секретаря. Онъ завѣдуетъ архивомъ конференціи, имѣетъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи канцелярію и отвѣтствуетъ за содержаніе въ порядкѣ и за цѣлость всѣхъ вообще дѣлъ конференціи.

Г) Часть хозяйственная.

37. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко содержится на суммы, отпускаемыя изъ Государственнаго казначейства по Высочайше утвержденному штату.

38. Управление и распоряженія по хозяйственной части Института принадлежатъ правленію.

39. Правленіе, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и одинъ членъ, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей на одинъ годъ.

40. Почетный попечитель имѣетъ право участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія Института по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, при чемъ занимаетъ первое мѣсто, но не предсѣдательствуетъ. Ему принадлежитъ право наблюденія за своевременнымъ поступленіемъ и право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиной-Пушкиной къ ежегодному взносу въ пользу сего заведенія, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденного 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 9 устава).

41. Канцелярія правленія состоитъ: изъ секретаря, бухгалтера и нужнаго числа канцелярскихъ служителей, опредѣляемыхъ директоромъ по найму.

42. Секретарь правленія завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ онаго и наблюдаетъ за исполненіемъ всѣхъ закономъ установленныхъ правилъ по дѣламъ, относящимся къ кругу дѣйствій и распоряженій правленія. Бухгалтеръ ведетъ приходную и расходную книги о всѣхъ суммахъ Института и исполняетъ свои обязанности на точномъ основаніи правилъ единства кассы и бухгалтерскаго счетоводства.

43. Засѣданія правленія бывають еженедѣльно одинъ разъ, по назначенію директора.

44. Дѣла въ правленіи рѣшаются по большинству голосовъ.

Предметы занятій правленія суть:

А) предоставляемые утвержденію правленія:

1. Правленіе получаетъ сумму на содержаніе Института по ежегодному росписанію и производитъ выдачи, не выходя изъ смѣтнаго назначенія и наблюдая въ отношеніи, какъ расходованія суммы, такъ и отчетности, порядокъ, предписанный общими законами и правилами установленнаго контроля. Никакое распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ суммы, опредѣленной на содержаніе Института не можетъ быть произведено безъ опредѣленія правленія.

2. Въ концѣ каждаго мѣсяца правленіе требуетъ изъ казначейства отпуска, какъ суммы, потребной на удовлетвореніе выслуженнымъ содержаніемъ чиновниковъ Института и прислуги, такъ и аванса на мелочные расходы въ теченіе слѣдующаго мѣсяца.

3. Поставщикамъ и подрядчикамъ за поставляемые для Института предметы и припасы и за произведенныя для него работы, правленіе дѣлаетъ уплаты въ сроки, назначенные въ контрактахъ, выдавая поставщикамъ и подрядчикамъ на причитающуюся имъ сумму установленные талоны.

4. Въ особыхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, предоставляется директору разрѣшать выдачу собственною властію,

не свыше ста рублей, из аванса, съ заявленіемъ о семъ правленію въ первомъ за тѣмъ засѣданіи.

5. Торги на всякаго рода подряды и поставки производятся въ правленіи узаконеннымъ порядкомъ.

6. Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи зданія и вообще собственность Института. Оно вообще наблюдаетъ за благочиніемъ и порядкомъ въ зданіяхъ Института, за содержаніемъ ихъ въ чистотѣ и исправности, за предохраненіемъ отъ порчи и пожара и назначаетъ въ нихъ квартиры служащимъ при Институтѣ.

7. Ежегодно, въ 1-й половинѣ января мѣсяца, правленіе поручаетъ одному изъ своихъ членовъ, вмѣстѣ съ секретаремъ правленія, обревизовать какъ зданія Института, такъ и все институтское имущество, находящееся въ завѣдываніи эконома. О результатахъ ревизіи производившіе оную доносятъ правленію.

8. Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи больницу и заботится о своевременномъ снабженіи ея всѣмъ необходимымъ по указаніямъ врача.

В) представляемые на утвержденіе попечителя:

1. Распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату Института.

2. Утвержденіе правилъ объ обязанностяхъ секретаря правленія, казначея, эконома и врача.

3. Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки не свыше 7,000 руб. на одинъ предметъ (§ 34 устава).

С) представляемые чрезъ попечителя министру:

1. Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки свыше 7,000 руб. на одинъ предметъ и, въ случаѣ надобности, производства оныхъ хозяйственнымъ способомъ.

2. Ежегодное представленіе къ 1 марта подробнаго отчета, какъ о хозяйственномъ состояніи Института вообще, такъ и въ особенности о приходѣ и расходѣ суммы, назначенной на содержаніе Института за минувшій расчетный годъ.

45. При правленіи состоятъ: врачъ, казначей (онъ же и бухгалтеръ) и экономъ, (онъ же и экзекуторъ).

ОБЯЗАННОСТИ ВРАЧА.

46. Врачъ Института пользуется студентами и постоянно заботится о ихъ здоровьи. Онъ постоянно наблюдаетъ за исполненіемъ гигиеническихъ условій въ Институтѣ, ежедневно посѣщаетъ больницу и справляется, не нуждается ли кто изъ студентовъ въ медицинской помощи; въ случаѣ неотлагательной надобности, онъ обязанъ являться немедленно въ Институтъ по приглашенію директора или инспектора. Сверхъ сего, онъ наблюдаетъ, чтобы въ Институтъ не поступали молодые люди, имѣющіе тѣлесные недостатки, препятствующіе исполненію учительскихъ обязанностей. По нуждамъ больницы и больныхъ врачъ непосредственно сносится съ директоромъ и сообщаетъ надлежащія свѣдѣнія дежурному наставнику. Врачу виѣняется также въ обязанность пользоваться и служащихъ при Институтѣ лицъ.

ОБЯЗАННОСТИ КАЗНАЧЕЯ.

47. Казначей (онъ же и бухгалтеръ), въ концѣ каждаго мѣсяца командированъ правленіемъ для полученія изъ казначейства нужныхъ суммъ. Ему же поручается и раздача жалованья чиновникамъ Института и прислугѣ подъ росписку каждаго получателя.

ОБЯЗАННОСТИ ЭКОНОМА.

48. Ближайшее смотрѣніе за домомъ, за чистотою и исправностію зданій, за безопасностію ихъ, храненіе и расходование припасовъ и вещей, какъ относящихся къ содержанію студентовъ, такъ и вообще составляющихъ собственность Института, поручается эконому (онъ же и эвекунторъ).

49. Экономъ принимаетъ въ свое завѣдываніе все имущество Института и зданія по описямъ, надлежащимъ образомъ составленнымъ и засвидѣтельствованнымъ. Не иначе, какъ по такимъ же описямъ, онъ и сдаетъ институтское имущество, при увольненіи своемъ отъ должности.

50. Экономъ даетъ требованія поставщикамъ, по которымъ они доставляютъ въ Институтъ нужные припасы. Если же правленіе признаетъ болѣе полезнымъ дѣлать запасы разныхъ предметовъ продовольствія (для стола студентовъ), то тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть хранимы въ кладовыхъ, не подвергаясь порчѣ, какъ-то: мука, крупа, масло, свѣчи, огородныя овощи, коренья, сахаръ, чай и пр., поставляются въ назначенные дни и часы и принимаются экономомъ въ присутствіи директора или инспектора; припасы же, которые легко подвергаются порчѣ, какъ-то: мясные, молочные и т. под. поставляются ежедневно и принимаются экономомъ. Относительно качества припасовъ, мѣры и вѣса, экономъ строжайше наблюдаетъ условія контрактовъ. Всѣ принятые припасы немедленно вносятся экономомъ въ данную ему на сей предметъ особую шнуровую книгу и приемъ скрѣпляется его подписью.

51. По окончаніи мѣсяца, поставщики представляютъ эконому счета съ приложеніемъ квитанцій эконома о принятіи поставленныхъ ими для Института припасовъ. Экономъ, провѣривъ счета и найдя согласными съ приемною книгою, надписываетъ на счетахъ за-свидѣтельствованіе о ихъ вѣрности и возвращаетъ ихъ поставщикамъ для представленія правленію.

52. Экономъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по кухнѣ студентомъ выдаетъ повару, булочнику и буфетчику нужное количество припасовъ, смотря по ихъ свойству, ежедневно или на нѣсколько дней (сахаръ, чай и т. п.). Выданные припасы немедленно записываются въ расходную шнуровую книгу и каждая выдача скрѣпляется подписью эконома и дежурнаго по кухнѣ студента.

53. Независимо отъ всего сказаннаго въ §§ 48 — 52, экономъ чаще всего посѣщаетъ кухню, булочную и буфетъ и строго взыскиваетъ за малѣйшее допущеніе безпорядка поваромъ, булочникомъ и буфетчикомъ. Замѣтивъ же неисправность или недобросовѣстность, немедленно докладываетъ директору объ удаленіи отъ должности виновнаго.

54. Если въ кладовыхъ Института хранятся запасы по продовольствію студентовъ, то, по окончаніи мѣсяца, экономъ составляетъ

подробную вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ припасовъ и представляетъ оную директору.

55. Равнымъ образомъ, по требованіямъ эконома, поставляются подрядчиками, съ которыми заключены контракты: платье, бѣлье и обувь для студентовъ. Всѣ поставленныя вещи, послѣ осмотра и одобренія ихъ правленіемъ, принимаются и записываются въ особую шнуровую книгу эконома. Имъ же свидѣтельствуются въ вѣрности и представленные подрядчиками счета.

56. Въ концѣ каждаго года экономъ представляетъ правленію двѣ вѣдомости: а) о сдѣланномъ въ теченіе года новомъ приобрѣтеніи платья, бѣлья, обуви и проч. и б) вещахъ, сдѣлавшихся негодными къ употребленію и потому назначаемыхъ къ продажѣ съ публичнаго торга, а равно объ исключеніи изъ описей такихъ вещей, которыя негодны и къ продажѣ.

57. Въ случаѣ надобности сдѣлать какую-либо малозначительную покупку по хозяйственной части или мелочное исправленіе по дому, экономъ входитъ въ правленіе съ рапортомъ, съ приложеніемъ списка и съ означеніемъ въ немъ, какъ цѣны каждой изъ предположенныхъ къ приобрѣтенію вещей, такъ и того, во что можетъ обойтись требуемое исправленіе. Правленіе, по надлежащемъ разсмотрѣніи рапорта эконома, дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ подъ его росписку требуемой суммы изъ аванса, счетъ которой экономъ ведетъ по особой, выданной ему на сей предметъ шнуровой книгѣ, а приобрѣтенныя вещи вносить въ опись. Сверхъ сего, на непредвидимыя мелочныя издержки ему выдается ежемѣсячно до 50 руб.

58. Экономъ, по обязанности эзекутора, завѣдываетъ всею прислугою Института и есть непосредственный ея начальникъ. Присканіе хорошихъ служителей, равно какъ и строгое наблюденіе за ихъ исправностію и благочиніемъ, лежатъ на обязанности эконома. Служители, имѣющіе что либо въ своемъ завѣдываніи, по его предствленію, опредѣляются и увольняются директоромъ.

59. Экономъ употребляетъ особенную осмотрительность въ выборѣ людей, опредѣляемыхъ для прислуги въ частяхъ главнаго зданія Института, назначаемыхъ собственно для помѣщенія студентовъ.

СОДЕРЖАНІЕ СТУДЕНТОВЪ.

60. Студенты помѣщаются въ особыхъ комнатахъ, снабженныхъ необходимою мебелью.

61. Комнатную мебель составляютъ: столы, стулья, диваны, диваны, шкафы для храненія всего, что принадлежитъ къ занятіямъ, туалетные шкафы у кроватей, наконецъ желѣзныя кровати съ тюфяками и двумя подушками, байковыми и пикейными одѣялами и обыкновеннымъ постельнымъ бѣльемъ.

62. Комнаты освѣщаются: утромъ — не ранѣе какъ съ шести часовъ, вечеромъ — не долѣе какъ до одиннадцати часовъ.

63. Одежду студентовъ составляютъ: пиджакъ, брюки и жилетъ изъ темносѣраго настора или сукна для ношенія въ заведеніи; однобортный сюртукъ, брюки и жилетъ изъ чернаго сукна — внѣ заведенія; драповое черное пальто; подтяжки, галстухъ, фуражка: сверхъ сего на лѣтніе мѣсяцы: пиджакъ, брюки и жилетъ какаменковые или парусинные.

64. Пальто строится на три года, черная пара ежегодно, сѣрая пара только при поступленіи въ Институтъ, коломенковые или парусинные — на одинъ годъ; послѣднюю одежду, впрочемъ, допускается строить смотря по надобности; галстухъ и подтяжки — до изношенія. При отбираниі стараго платья наблюдается, чтобы сверхъ новой пары у каждаго оставалось на рукахъ еще двѣ ношеныхъ пары для домашняго употребленія.

65. Бѣлье постельное перемѣняется одинъ разъ, а носильное два раза въ недѣлю.

66. Столъ студентовъ: въ 7¹/₂ часовъ утра и въ 6 часовъ вечера чай съ булкою; въ 11¹/₂ часовъ утра — ломоть хлѣба съ солью; въ два часа по полудни, на обѣдъ — три блюда; въ 9¹/₂ часовъ, на ужинъ — одно блюдо. Для питья — квасъ и вода.

Примѣчаніе. Большимъ студентамъ пища и питье назначаются врачемъ.

68. Блюда къ обѣденному столу приготовляются по особому расписанію на цѣлую недѣлю, которое составляется экономомъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по кухнѣ студентомъ и утверждается директоромъ.

ПРАВИЛА ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ

**Историко-филологическаго института князя Безбородко
въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. министромъ народнаго
просвѣщенія 10-го апрѣля 1876 года.**

Студенты Историко-филологическаго института князя Безбородко, свободно предназначая себя къ высокому званію педагоговъ, должны прежде воспитать самихъ себя такъ, чтобы впослѣдствіи собственнымъ примѣромъ имѣть доброе вліяніе на тѣхъ, кто будетъ ввѣренъ имъ педагогическимъ заботамъ. Имѣя это въ виду, Институтъ, съ своей стороны указываетъ, въ видѣ правилъ, на тѣ обязанности, неисполненіе которыхъ со стороны студентовъ, начальство Института считаетъ прямымъ доказательствомъ нежеланія или неспособности студента посвятить себя педагогической дѣятельности. Правила эти могутъ быть раздѣлены на два разряда: къ первому относятся тѣ изъ нихъ, которыя предписываются уставомъ Историко-филологическаго института князя Безбородко, Высочайше утвержденнымъ 21-го апрѣля 1875 года; ко второму относятся тѣ правила, которыя въ силу § 41 Высочайше утвержденного устава, составлены конференціею Института и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія.

Правила перваго разряда.

1 Въ Институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста, которые или имѣютъ аттестаты въ званіи пред-

метовъ полного курса гимназій и представляютъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи, или же, при такихъ же свидѣтельствахъ, съ успѣхомъ окончили курсъ въ IV классѣ духовныхъ семинарій. Всѣ поступающіе въ Институтъ подвергаются повѣрочному испытанію изъ предметовъ, назначенныхъ конференціею и во всякомъ случаѣ изъ древнихъ языковъ (§ 38 устава).

2. При приѣмѣ воспитанниковъ наблюдается, чтобы они не имѣли какого-либо природнаго недостатка, препятствующаго быть учителемъ и чтобы состояніе здоровья и тѣлосложеніе ихъ были вполне благонадежны (по § 39 устава).

3. Каждый, поступающій въ Институтъ въ число штатныхъ воспитанниковъ, обязывается подпискою прослужить по окончаніи курса не менѣе *шести* лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію министра. Обязанность службы стипендіатовъ, содержимыхъ на счетъ другихъ вѣдомствъ, зависитъ отъ усмотрѣнія послѣднихъ (по § 40 устава).

4. Студенты Института обязаны повиноваться начальству Института и соблюдать, какъ въ Институтѣ, такъ и внѣ онаго, порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами, составленными конференціею и утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія. При поступленіи въ Институтъ, каждый студентъ обязывается подпискою въ соблюденіи означенныхъ правилъ (по § 41 устава).

Правила втораго разряда.

ПРАВИЛА, КАСАЮЩАЯСЯ ПРАВСТВЕННЫХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ВООБЩЕ ПОВЕДЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ВНУТРИ И ВНЕ ИНСТИТУТА.

5. Студенты Историко-филологическаго института кн. Безбородко должны исполнять христіанскія обязанности. Институтъ требуетъ, чтобы студенты: во-первыхъ, ежегодно были у исповѣди и святаго причащенія; во-вторыхъ, чтобы въ воскресные и праздничные дни, въ которые учащіеся увольняются отъ классныхъ занятій, присутствовали при Божественной литургіи; въ-третьихъ, чтобы ежедневно являлись къ утренней молитвѣ въ 7¹/₂ часовъ.

Примѣчаніе. Чтеніе какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ молитвъ, а равно и молитвъ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, возлагается на одного изъ студентовъ ежедневно по очереди. Послѣ утренней молитвы, читается Евангеліе на греческомъ языкѣ. Чтеніе молитвъ начинается не раньше прихода наставника въ столовую. До окончанія молитвы, послѣ обѣда и ужина, студентамъ воспрещается выходить изъ столовой безъ особаго на то разрѣшенія.

6. Студентамъ строго воспрещается принимать какое бы то ни было участіе въ тайныхъ обществахъ и въ формированіи тайныхъ кружковъ. Главный и общій отличительный признакъ подобныхъ обществъ и кружковъ есть обязательная для всѣхъ участниковъ тайна организаціи. (См. ст. о взысканіяхъ пунктъ е).

7. Студенты обязаны строго держаться установленнаго въ Институтѣ порядка относительно времени, назначеннаго для молитвъ, учебныхъ занятій, обѣда, ужина и проч. Порядокъ этотъ слѣдующій:

Въ 7 часовъ утра студенты встаютъ.

Въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ утра утренняа молитва и чай.

Отъ 8 $\frac{1}{2}$ до 2-хъ часовъ лекціи.

Въ 2 часа обѣдъ.

Отъ 4-хъ до 5-ти или 6-ти часовъ дополнительныа лекціи.

Въ 6 часовъ чай.

Въ 9 $\frac{1}{2}$ часовъ ужинъ, вечерняя молитва.

Въ 10 часовъ открываются спальни.

Въ 11 часовъ всѣ студенты ложатся спать.

8. Студенты поочередно исполняютъ обязанности дежурнаго по кухнѣ.

9. Какъ въ самомъ Институтѣ, такъ и внѣ онаго, студенты обязаны вести себя благопристойно, соблюдать полное приличіе во внѣшнемъ видѣ и вѣжливость въ обращеніи не только съ посторонними лицами, но и между собою. При встрѣчѣ съ начальствомъ Института, преподавателями и наставниками студенты обязаны дѣлать поклонъ.

10. Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется лишь въ свободное отъ занятій время до 9-ти часовъ вечера, съ разрѣшенія дежурнаго наставника.

11. Въ общественныхъ мѣстахъ студентамъ воспрещается играть въ какую бы то ни было игру, а въ Институтѣ допускаются игры, разрѣшаемыя начальствомъ онаго.

12. Ни въ камерахъ, ни въ другихъ мѣстахъ Института, ни подъ какимъ видомъ, не дозволяется держать оружіе, пороха, крѣпкихъ напитковъ, запрещенныхъ книгъ и игральныхъ картъ.

13. Каждый студентъ долженъ помнить, что чистота есть одинъ изъ признаковъ благовоспитаннаго человѣка и одно изъ необходимыхъ условій здоровья; а потому всѣ студенты въ назначенное время непременно обязаны ходить въ баню и постоянно заботиться о чистотѣ тѣла.

14. Каждый студентъ обязанъ содержать въ порядкѣ и опрятности одежду, бѣлье, постель и вообще всѣ вещи, ему принадлежащія. Таковая же обязанность и относительно камеры возлагается на всѣхъ живущихъ въ ней студентовъ.

15. Для сохраненія чистоты воздуха въ камерахъ, куреніе табаку строго воспрещается: курить дозволяется только въ одной особо отведенной для куренія комнатѣ.

16. Въ учебные дни студенты могутъ отлучаться изъ Института только въ свободное отъ занятій время съ 2-хъ до 6-ти часовъ по полудни, въ праздничные и воскресные дни, послѣ Божественной литургіи до 11-ти часовъ вечера.

17. Съ разрѣшенія директора, по докладу дежурнаго наставника, въ вакаціонное время студентамъ дозволяется ночевать внѣ Института, у родителей или родственниковъ, а въ теченіе учебнаго времени это дозволяется лишь въ особенно важныхъ случаяхъ.

18. Если студентъ, не получившій вышеупомянутаго разрѣшенія, будетъ оставленъ на ночь, по случаю болѣзни, родителями, родственниками или знакомыми, то оставшіеся немедленно извѣщаютъ начальство Института, а нездоровый перевозится въ институтскую больницу, въ случаѣ же невозможности, оставляется на мѣстѣ съ разрѣшенія начальства.

19. Студенты не должны посѣщать такія общественныя заведенія, въ которыхъ легко могутъ уронить свое нравственное достоинство.

20. Въ зданіи Института студенты онаго подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи.

21. Каждый студентъ обязанъ возвращаться въ Институтъ къ назначенному часу и непременно явиться лично дежурному наставнику.

22. Чувствующій себя нездоровымъ долженъ обратиться къ дежурному наставнику, который немедленно выдаетъ записку о принятіи его въ больницу. Не имѣющей отъ дежурнаго наставника записки въ больницу не принимается.

ПРАВИЛА, КАСАЮЩІЯСЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ.

23. Студенты обязываются непременно посѣщать всѣ лекціи и не уклоняться отъ другихъ занятій, назначаемыхъ по усмотрѣнію начальства, быть на репетиціяхъ, представлять своевременно всѣ письменныя работы, задаваемые имъ профессорами и преподавателями.

24. Студенты должны заблаговременно, до прихода профессора, быть въ аудиторіи. Во время лекцій не дозволяется ни входить въ аудиторію, ни выходить изъ нея. Вообще студенты не должны позволять себѣ ничего такого, что могло бы помѣшать преподаванію. На вопросы преподавателей студенты отвѣчаютъ стоя.

25. Репетиціи, назначаемыя тѣмъ или другимъ профессоромъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить оправданіемъ студенту въ его неисправности по работамъ, требуемымъ другими профессорами и преподавателями.

26. Кромѣ исправнаго приготовленія лекцій студенты должны заниматься чтеніемъ и изученіемъ сочиненій, рекомендуемыхъ профессорами и преподавателями по той или другой наукѣ.

27. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ обязываются домашнимъ чтеніемъ указанныхъ профессорами и преподавателями сочиненій древнихъ авторовъ, греческихъ и римскихъ, и отчетомъ въ срокъ, назначенный профессорами и преподавателями.

28. Студенты обязываются подавать въ извѣстный срокъ письменныя упражненія.

29. Въ часы, свободныя отъ учебнаго времени въ Институтѣ, студенты могутъ давать уроки въ частныхъ домахъ, но не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія начальства.

30. Какъ учебныя книги, такъ и книги изъ библіотеки, утраченныя студентомъ должны быть приобрѣтены самимъ студентомъ и возвращены въ библіотеку, или куплены библіотекаремъ на счетъ утратившаго.

31. Каждый студентъ ежегодно подвергается экзамену для перевода въ высшій курсъ и обязанъ представлять всѣ свои письменныя работы по тому предмету, изъ котораго экзаменуется.

32. Переэкзаменовка ни подъ какимъ видомъ не допускается.

33. Студентъ, не выдержавшій экзамена изъ какого-либо предмета, если конференція не признаетъ возможнымъ ходатайствовать о переводѣ его въ слѣдующій курсъ или объ оставленіи его на второй годъ въ томъ же курсѣ, увольняется изъ Института со свидѣтельствомъ на званіе уѣзднаго учителя, при чемъ за время пребыванія въ Институтѣ обязуется прослужить уѣзднымъ учителемъ по расчету, считая $1\frac{1}{2}$ года службы за каждый годъ пребыванія въ Институтѣ.

34. Оставленіе на другой годъ въ томъ же курсѣ допускается только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по особому ходатайству конференціи.

35. Студентъ, не подвергавшійся экзамену по случаю болѣзни, допускается къ экзамену только съ разрѣшенія конференціи.

36. Студентамъ, подающимъ до конца перваго курса прошенія объ увольненіи изъ Института, выдаются увольнительныя свидѣтельства съ означеніемъ срока ихъ обязательной службы, съ тѣмъ, чтобы они немедленно оставили Институтъ и готовились къ экзамену на званіе уѣзднаго учителя внѣ Института; при чемъ документы ихъ должны оставаться въ правленіи Института до истребованія попечителемъ учебнаго округа, въ который означенные молодые люди будутъ опредѣлены на службу.

Поступаючіе молодые люди предупреждаются, что, въ случаѣ подачіи ими прошенія объ увольненіи изъ Института, имъ не дозволяется оставаться въ Институтѣ до полученія мѣста учителя уѣзднаго училища.

37. Если студентъ захочетъ оставить Институтъ до окончанія полнаго курса, то обязуется уплатить за содержаніе свое сумму, по расчету, со дня утвержденія студентомъ по день оставленія Института, полагая на каждаго студента по 400 руб. въ годъ.

38. Студенты должны имѣть въ виду, что основательное знаніе древнихъ языковъ есть необходимое условіе для полученія правъ и преимуществъ, опредѣленныхъ въ §§ 42—45 устава Института, къ какому бы разряду студентъ ни принадлежалъ.

39. Студенты IV курса обязаны, по распоряженію начальства, заниматься въ гимназіи при Институтѣ практическими уроками подъ руководствомъ наставниковъ руководителей гимназіи и подъ наблюдениемъ профессоровъ и преподавателей Института.

ВЗЫСКАНІЯ.

За неисполненіе своихъ обязанностей студенты, смотря по степени виновности, подвергаются:

а) замѣчаніямъ и выговорамъ отъ наставниковъ, отъ инспектора, отъ директора;

б) лишенію права отлучаться изъ Института;

в) выговору директора отъ лица всей конференціи и въ ея присутствіи, съ предостереженіемъ, что, въ случаѣ неисправленія, студентъ подвергнется исключенію изъ Института;

г) исключенію изъ Института по представленію конференціи и съ утвержденія попечителя учебнаго округа;

д) за потерянные студентомъ вещи дѣлается вычетъ изъ третнаго не въ зачетъ жалованья, получаемаго при опредѣленіи на мѣсто;

е) за принадлежность къ какому-либо тайному обществу или кружку, даже безъ преступной цѣли, виновные подвергаются немедленному исключенію изъ Института, съ воспрещеніемъ вступать вновь въ какое-либо гражданское или военное учебное заведеніе и съ подчиненіемъ ихъ въ мѣстахъ жительства или родины надзору полиціи.

ЛАЗАРЕТНЫЯ ПРАВИЛА

Историко-филологическаго института князя Безбородко
въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. министромъ народнаго
просвѣщенія 10 апрѣля 1876 года.

Прибавленіе

БЪ ПРАВИЛАМЪ ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ ИНСТИТУТА.

1. Пріемъ студентовъ въ лазаретъ совершается не иначе, какъ по предъявленіи записки отъ дежурнаго наставника и зависитъ каждый разъ отъ заключенія, состоящаго при Институтѣ врача, о степени важности болѣзни. Внезапно занемогающіе отъ острыхъ болѣзней, могутъ быть приняты въ лазаретъ помощникомъ лекаря.

2. Со времени поступленія въ лазаретъ, больной долженъ безпрекословно повиноваться распоряженіямъ врача, какъ равно и дѣйствующаго по его инструкціи помощника лекаря.

3. Курить въ палатахъ вовсе запрещается.

4. Больной можетъ принимать посѣтителей, если къ тому не встрѣчается препятствій со стороны врача.

5. Посѣтители больного студента всякій разъ испрашиваютъ дозволеніе дежурнаго наставника, который выдаетъ имъ билетъ для входа въ лазаретъ.

6. Билетъ передается посѣтителемъ помощнику лекаря, который безъ такового никого не долженъ пускать къ больнымъ.

7. Одновременно въ лазаретъ допускается не болѣе трехъ посѣтителей, почему у дежурнаго наставника имѣется только три билета.

8. Большое число посѣтителей можетъ быть допущено только съ разрѣшенія директора, и то лишь въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ.

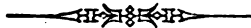
9. Если въ лазаретѣ находятся больные, страдающіе прилипчивыми болѣзнями или же такими, которыя требуютъ совершенной тишины, то посѣтители въ лазаретъ вовсе не допускаются.

10. Посѣтителямъ запрещается приносить что-либо больнымъ.

11. Посѣщеніе больныхъ допускается только отъ 11 часовъ утра до 6 часовъ пополудни.

12. Посѣтители не должны оставаться долго у больныхъ и, по первому приглашенію помощника лекаря, удаляются изъ лазарета.

13. Студенты Института могутъ посѣщать своихъ сотоварищей въ лазаретѣ, подчиняясь, наравнѣ съ прочими посѣтителями, всѣмъ вышензложеннымъ правиламъ.

УСТАВЪ

ссудо-сберегательной кассы при Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко и состоящей при немъ гимназіи въ Нѣжинѣ, утвержденный г. министромъ народнаго просвѣщенія 13 марта 1876 года.

---

1. Ссудо-сберегательная касса учреждается съ цѣлю доставить возможность добровольнымъ ея участникамъ—а) помѣщать въ ней на сбереженіе и приращеніе извѣстную долю капитала и б) дѣлать въ ней займы въ случаѣ надобности.

2. Участниками кассы могутъ быть всѣ лица, служащія въ Институтѣ и Нѣжинской гимназіи, изъявившія на то свое согласіе; лица, не участвующія во вкладахъ кассы, не имѣютъ права пользоваться ссудами.

3. Вступленіе въ члены кассы и оставленіе ея не ограничивается никакими сроками и вполне предоставляется на волю каждаго.

4. Участникъ кассы, при поступленіи въ ея члены, обязанъ внести для образованія первоначальнаго капитала сумму одновременно не менѣе трехъ рублей. Затѣмъ долженъ вносить ежемѣсячно 5 проц. со всего получаемаго имъ содержанія.

§ 5. Кроме обязательнаго взноса, каждый членъ можетъ дѣлать добровольные вклады въ кассу, въ какомъ ему угодно размѣрѣ, отъ него также зависить оставлять въ кассѣ причитающіеся на его вкладъ ежегодные проценты, которые тогда причисляются къ его капиталу.

§ 6. Свободныя деньги кассы должны храниться въ банкѣ изъ процентовъ, или приобретаются на нихъ процентныя бумаги.

§ 7. Каждый вкладчикъ имѣетъ право дѣлать заемъ изъ кассы въ размѣрѣ ежемѣсячнаго содержанія его, съ прибавкой всей суммы накопившагося вклада.

§ 8. Проценты на выданную ссуду взыскиваются впередъ за всю взятую сумму и за все время, до окончательной ея уплаты, считая по $\frac{2}{3}$ проц. въ мѣсяць (по 8 проц. въ годъ).

§ 9. При выдачѣ ссуды наблюдается строгій порядокъ и очередь, что бы одно и то же лицо, пользуясь часто средствами кассы, не отнимало возможности у другихъ прибѣгать къ ней; въ этомъ случаѣ должна быть соразмѣрность и всѣ требованія отмѣчаются въ особой шнуровой книгѣ.

§ 10. Для облегченія счетоводства, заемъ дѣлается цѣлыми рублями безъ копѣекъ; дроби копѣекъ при всѣхъ вообще расчетахъ идутъ за цѣлыя копѣйки.

§ 11. Желаящій получить ссуду долженъ заявить объ этомъ распорядителю кассы максимумъ за мѣсяць, минимумъ за 4 дня до выдачи.

§ 12. Ссуда можетъ быть дана не болѣе какъ на полгода, послѣ же этого срока, выдача опять можетъ повториться на полгода тому же лицу, если не будетъ желающихъ получить ее и вообще смотря по свободнымъ капиталамъ кассы.

§ 13. Возвращеніе занятой суммы производится или сразу, по желанію заемщика, или по частямъ ежемѣсячнымъ обязательнымъ вычетомъ изъ жалованья.

§ 14. Неуплаченная въ срокъ сумма, взятая изъ кассы, взыскивается изъ жалованья заемщика, на основаніи существующихъ на сей предметъ узаконеній.

Примѣчаніе. Ежемѣсячный вычетъ изъ жалованья въ пользу ссудо-сберегательной кассы производится правильно, не смотря ни на какіе другіе вычеты, исключая казенныхъ.

§ 15. Проценты на ссуду, взятую съ 1-го до 16-го числа мѣсяца взыскиваются за цѣлый мѣсяць, а съ 16-го до 1-го числа считаются за полмѣсяца.

§ 16. Выбывшій изъ числа членовъ кассы, по какимъ бы то ни было причинамъ, получаетъ всѣ свои вклады съ процентами, пропорціонально количеству вклада, которые причитаются на его долю.

§ 17. Касса составляетъ неприкосновенную собственность всѣхъ членовъ ея.

§ 18. Для завѣдыванія кассой и счетоводствомъ, ежегодно избираются въ общемъ собраніи членовъ, изъ числа ихъ большинствомъ голосовъ, кассиръ и его помощникъ.

§ 19. Для повѣрки кассы выбираются собраніемъ два члена, которые имѣютъ право во всякое время контролировать дѣйствія кассира и его помощника и сообщать о своихъ наблюденіяхъ въ общемъ собраніи.

§ 20. Кассиръ ежемѣсячно составляетъ списокъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу, и передаетъ этотъ списокъ казначею, передъ полученіемъ содержанія.

§ 21. Всѣ дѣла, расчеты по вкладамъ и выдачѣ ссуды и процентовъ ведутся въ особыхъ скрѣпленныхъ шнуровыхъ книгахъ; книги эти опредѣляются на одинъ годъ и хранятся у кассира; кромѣ того у каждаго вкладчика должна быть своя расчетная книжка, для отмѣтокъ его взносов, количества займовъ и процентовъ.

§ 22. Расходы по кассѣ покрываются изъ общихъ доходовъ, независимо отъ вкладнаго капитала, по рѣшенію собранія.

§ 23. Въ случаѣ смерти члена, всѣ его вклады съ процентами доставляются его послѣдникамъ, а если нѣтъ послѣднихъ, то передаются начальству Института князя Безбородко или совѣту гимназій, по при-

надлежности члена, для увеличенія средствъ образованія въ Институтѣ и для выдачи пособій и стипендій въ гимназій; при этомъ стипендія должна носить имя вкладчика, если разрѣшитъ правительство.

§ 24. Въ случаѣ растраты суммы, принадлежащей ссудо сберегательной кассѣ, виновный подвергается отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ Россійской Имперіи.

§ 25. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, всѣ суммы ея дѣлятся между участниками, соразмѣрно вкладамъ и времени поступленія каждаго въ члены.

§ 26. Наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ правилъ настоящаго устава возлагается на собраніе, состоящее изъ всѣхъ членовъ кассы, какъ полныхъ хозяевъ своей собственности.

§ 27. Собраніе членовъ кассы, по мѣрѣ надобности, созывается, не менѣе двухъ разъ въ годъ, или кассиромъ или по заявленію большинства членовъ; кассиръ обязанъ дѣлать доклады собранію о ходѣ дѣлъ.

§ 28. Собраніе по управленію всѣми дѣлами, относящимися къ кассѣ, должно состоять не менѣе, какъ изъ двухъ третей всѣхъ членовъ кассы; рѣшенія его имѣютъ обязательную силу для членовъ и не бывшихъ въ засѣданіи собранія. Постановленія собранія считаются дѣйствительными, когда приняты большинствомъ голосовъ наличнаго законнаго числа членовъ (т. е. $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ).

§ 29. Въ концѣ года кассиръ представляетъ въ общее собраніе годовой отчетъ о ходѣ дѣлъ и состояніи кассы; а члены повѣрочной комиссіи сообщаютъ свои замѣчанія. Въ этомъ же засѣданіи производится дѣлежъ процентовъ между членами, соразмѣрно ихъ вкладамъ и смотря по накопившемуся приращенію прибыли.

§ 30. Настоящій уставъ въ видѣ опыта остается въ силѣ на 3 года, по истеченіи которыхъ члены кассы могутъ въ общемъ собраніи измѣнить и дополнить его, если это окажется нужнымъ.

ИЗВЛЧЕНІЕ изъ ПРОТОКОЛОВЪ КОНФЕРЕНЦІИ

Института князя Безбородко за 1875⁶ годъ.

~~~~~
Засѣданіе 1-го сентября.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ отъ 5-го августа 1875 г. за № 8017, состоявшееся вслѣдствіе вызваннаго представленіемъ г. директора Института отъ 25-го іюня 1875 г. за № 314 распоряженія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 11-го іюня за № 7546-мъ объ утвержденіи съ 1-го іюля текущаго года законоучителя Лицея князя Безбородко магистра *Хойнауцкаго* законоучителемъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ; ординарныхъ профессоровъ; Харьковскаго университета *Аристова* и Императорскаго Историко-филологическаго института *Фохта*, экстраординарнаго профессора Варшавскаго университета *Люперсольскаго* и причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія магистра *Будиловича* ординарными профессорами того же Института: Аристова—по кафедрѣ русской исторіи съ возложеніемъ на него должности инспектора, Фохта—по кафедрѣ латинскэй словесности, Люперсольскаго—всеобщей исторіи и Будиловича—русской словесности; бывшаго учителя 2-й С.-Петербургской гимназіи *Никитина*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ греческой словесности, инспектора 1-й Харьковской гимназіи *Добіаша* и бывшаго учителя 5-й С.-Петербургской гимназіи *Кирилова*—наставниками студентовъ Института и инс-

пектора Варшавской женской гимназіи *Златоустовскаго*—завѣдывающимъ гимназіей при означенномъ Институтѣ. Выслушавъ заключающееся въ томъ же предложеніи г. управляющаго округомъ увѣдомленіе, что г. управляющій министерствомъ разрѣшилъ поручить преподаваніе студентамъ Института французскаго и нѣмецкаго языковъ учителямъ тѣхъ же предметовъ Нѣжинской гимназіи, конференція постановила пригласить для преподаванія студентамъ Института французскаго языка—учителя этого предмета въ Нѣжинской гимназіи *Сертье* и для преподаванія нѣмецкаго—учителя этого языка при той же гимназіи *Штейна*; что же касается вознагражденія преподавателей новыхъ языковъ, то выдавать каждому изъ нихъ по 150 руб. за годовой урочъ изъ суммы, положенной по штату за дополнительные лекціи въ Институтѣ. *Опредѣлено*: принять къ исполненію; а постановленіе конференціи относительно преподавателей новыхъ языковъ сообщить учителямъ Нѣжинской гимназіи *Сертье* и *Штейну*, съ предложеніемъ начать преподаваніе означенныхъ языковъ въ Институтѣ со дня открытія лекцій.

Ст. 2-я. Въ томъ же засѣданіи, на основаніи § 32 устава Института, происходило избраніе на должность ученаго секретаря: избранъ единогласно и. д. экстраординарнаго профессора П. В. Никитинъ. *Опредѣлено*: о состоявшемся избраніи донести г. попечителю Кіевского учебнаго округа.

Ст. 3-я. Въ томъ же засѣданіи ординарный профессоръ русской словесности А. С. Будиловичъ, заявивъ, что онъ по многочисленности предметовъ, входящихъ въ его кафедру, встрѣчаетъ затрудненія въ преподаваніи исторіи русской литературы, предложилъ конференціи просить г. директора Института, какъ преподававшего до сихъ поръ этотъ предметъ въ Харьковскомъ университетѣ, принять на себя преподаваніе означеннаго предмета. Г. директоръ Института на сдѣланное ему предложеніе отвѣчалъ своимъ согласіемъ. *Опредѣлено*: просить г. попечителя Кіевского учебнаго округа ходатайства предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о порученіи преподаванія исторіи русской литературы г. директору Института.

Ст. 4-я. Въ томъ же засѣданіи разсуждали объ обязательности изученія новыхъ языковъ для студентовъ Института. Принимаютъ

во вниманіе многосложность занятій, предстоящихъ студентамъ Института, конференція постановила сдѣлать обязательнымъ для каждаго изученіе только одного изъ новыхъ языковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всякому желающему предоставить возможность изученія обоихъ языковъ и сообразно съ этимъ устроить распредѣленіе лекцій по языкамъ французскому и нѣмецкому. *Опредѣлено:* о таковомъ состоявшемся постановленіи конференціи донести г. попечителю Кіевского учебнаго округа.

Ст. 6-я. Въ томъ же засѣданіи, на основаніи § 48 устава Института, происходило избраніе на должность бібліотекаря: избранъ единогласно наставникъ *Н. С. Кириловъ*, при чемъ, имѣя въ виду, тѣ трудности, съ какими необходимо сопряжено будетъ завѣдываніе Институтскою бібліотекою въ первое время ея существованія, конференція постановила сверхъ положенныхъ по штату 200 руб. выдавать бібліотекарю 100 руб. изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе бібліотеки. *Опредѣлено:* какъ о результатѣ избранія бібліотекаря, такъ и о постановленіи относительно его вознагражденія, донести г. попечителю округа и увѣдомить г. Кирилова.

6-го октября.

Статья 1-я. Слушали письмо къ г. директору г. Пономареву, который препровождая 24 письма Гоголя, принадлежащія вдовѣ профессора г-жѣ Максимовичъ, предлагаетъ Институту пріобрѣсти ихъ. По разсмотрѣніи этихъ писемъ, принимая во вниманіе съ одной стороны то, что письма эти, хотя уже и напечатанныя, но напечатанныя неточно и съ пропусками, не лишены нѣкотораго историко-литературнаго значенія, а съ другой стороны также и то, что въ бібліотекѣ Института, бывшей Лицейской, уже хранится нѣсколько автографовъ Гоголя, какъ бывшаго ученика гимназій высшихъ наукъ, конференція Историко-филологическаго института князя Безбородко признала весьма желательнымъ пріобрѣтеніе означенныхъ писемъ за цѣну, просимую продащицей, а именно за 100 р. сер., тѣмъ болѣе, что эта сумма могла бы служить пособіемъ для вдовы ученаго, потрудившагося на поприщѣ русской филологіи. *Опредѣлено:* Поручить правленію Института принять надлежащія мѣры къ пріобрѣтенію означенныхъ въ докладной части писемъ Гоголя.

14-ГО ОКТЯБРЯ.

Статья 3-я. Разсуждали о средствахъ къ устраненію замѣченныхъ г. директоромъ и гг. профессорами затрудненій, встрѣчаемыхъ студентами, какъ въ приготовленіи къ лекціямъ, такъ и въ выполненіи другихъ работъ, назначаемыхъ преподавателями. Изъ заявленій гг. наставниковъ оказалось, что, посвятивъ весьма значительную часть дня слушанію лекцій, студенты, не смотря на всѣ свои старанія, по недостатку времени, не успѣваютъ выполнить всего того, что представляется ихъ собственной дѣятельности. По внимательномъ обсужденіи всѣхъ сторонъ вопроса, конференція пришла къ слѣдующему рѣшенію: 1) Для славянской филологіи и для русской исторіи назначить на каждый предметъ вмѣсто прежде назначенныхъ 4-хъ лекцій, только по 3 лекціи; 2) первоначальное число лекцій по латинскому языку уменьшить на двѣ лекціи, а по греческому на одну; 3) Въ вознагражденіе за уменьшеніе числа лекцій по древнимъ языкамъ и въ видахъ большей концентраціи домашняго чтенія классическихъ авторовъ, одинъ учебный день въ недѣлю оставить совершенно свободнымъ отъ всякихъ лекцій, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ вполне посвященъ студентами домашнему чтенію греческихъ и латинскихъ писателей, 4) Повѣрку такого чтенія производить вечеромъ свободного отъ лекцій учебнаго дня отъ 7-ми до 9¹/₂ часовъ. *Опредѣлено:* Новое распредѣленіе лекцій, составленное сообразно изложенному въ докладной части постановленію конференціи, представить чрезъ г. попечителя округа на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія.

28-ГО ОКТЯБРЯ.

Статья 2-я. Слушали слѣдующее опредѣленіе педагогическаго совѣщанія: «Донести конференціи, не найдетъ ли она возможнымъ поручить наставникамъ, по указанію профессоровъ, слѣдить за домашнимъ приготовленіемъ нѣкоторыхъ студентовъ по тѣмъ отдѣламъ латинскаго и греческаго языковъ, въ которыхъ они оказываются слабы». *Опредѣлено:* привлечь гг. наставниковъ къ занятіямъ съ тѣми студентами, которые по замѣчаніямъ гг. профессоровъ, будутъ отставать отъ своихъ товарищей въ успѣхахъ по латинскому и греческому языкамъ вслѣд-

ствіе недостаточной подготовки по тому или другому отдѣлу классическаго языкованія.

Ст. 4-я. Въ томъ же засѣданіи, на основаніи предложенія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 13-го іюня сего года за № 5985 о составленіи, по сформированіи конференціи Института, проекта инструкціи объ обязанностяхъ директора, инспектора, профессоръ, наставниковъ, преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ Института, конференція Института князя Безбородко, принимая въ соображеніе съ одной стороны приложенную къ означенному предложенію инструкцію по Императорскому С.-Петербургскому Историко-филологическому институту, а съ другой особенныя условія Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, по внимательномъ обсужденіи какъ перваго, такъ и вторыхъ, составила: 1) проектъ инструкціи объ обязанностяхъ конференціи, педагогическаго совѣщанія, правленія, директора, инспектора, профессоровъ, наставниковъ, преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ Института князя Безбородко и 2) проектъ правилъ для студентовъ Института. *Опредѣлено:* представить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа поименованныя въ докладной части проекты инструкціи и правилъ и возвратить г. попечителю округа, приложенную къ его предложенію отъ 13-го іюня сего года за № 5985 инструкцію по Императорскому С.-Петербургскому Историко-филологическому институту.

11-го ноября.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 23-го октября 1875 г. за № 10675, состоявшееся вслѣдствіе предложенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 3-го октября за № 10386, о порученіи г. директору Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Н. А. Лавровскому, чтенія студентамъ означеннаго Института лекцій по предмету исторіи русской литературы. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 5 я. Въ томъ же засѣданіи конференція, выходя изъ мысли, что обязательное въ извѣстные дни для студентовъ Института

домашнее чтение греческих и латинских авторов потеряло бы большую долю своего дидактического значения, если бы лишилось характера полной самостоятельности и самодеятельности, постановила, чтобы дежурные наставники в дни, назначенные для домашнего чтения, удерживали студентов от составления таких кружков, в которых перевод греческого или латинского текста, приготовленный одним студентом, пассивно усваивался прочими, но побуждали бы каждого собственным трудом и размышлением доходить до понимания классических писателей, и лишь в крайних случаях помогали бы студентам в разрешении представляемых греческим или латинским текстом затруднений. *Опредѣлено*: о такомъ состоявшемся опредѣленіи конференціи довести до свѣдѣнія дежурныхъ наставниковъ и объявить студентамъ.

24-го ноября.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10-го ноября сего года за № 11492 о разсмотрѣніи въ конференціи и правленіи Историко-филологическаго института князя Безбородко вопроса относительно уступки книгъ юридическаго содержания, принадлежащихъ библіотекѣ бывшаго лица князя Безбородко, Императорскому новороссійскому университету. *Опредѣлено*: просить гг. членовъ конференціи озаботиться просмотромъ означенныхъ книгъ, для опредѣленія ихъ пригодности для цѣлей Историко-филологическаго института, и о результатахъ просмотра довести въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій конференціи.

Ст. 4-я. Въ томъ же засѣданіи конференціи ординарный профессоръ по кафедрѣ римской словесности Р. А. Фохтъ заявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ усиленіе занятій студентовъ Института по латинскому синтаксису, такъ какъ по его наблюденіямъ, студенты именно въ этомъ предметѣ оказываются особенно слабыми. При этомъ Р. А. Фохтъ выразилъ готовность въ одинъ изъ вечернихъ часовъ одного изъ учебныхъ дней недѣли лично руководить домашними занятіями студентовъ по латинскому синтаксису. *Опредѣлено*: имѣть сужденіе объ этомъ предметѣ по полученіи утвержденія его сѣтель-

ства г. министра народнаго просвѣщенія на тѣ измѣненія въ первоначальномъ распредѣленіи лекцій, какіе предложены конференціею въ засѣданіи 14-го октября сего года.

Ст. 5-я. Въ томъ же засѣданіи конференціи преподаватели древнихъ языковъ заявили, что ими замѣчены были случаи несамостоятельныхъ письменныхъ работъ студентовъ, случаи, повторявшіеся и послѣ сдѣланныхъ по этому поводу замѣчаній и выговоровъ. По тщательномъ обсужденіи этого вопроса, для повѣрки самостоятельности письменныхъ работъ студентовъ по древнимъ языкамъ, конференція нашла полезнымъ, чтобы студенты въ особо назначенное для того время, подъ наблюденіемъ дежурнаго наставника, каждый мѣсяць дѣлали два письменныхъ упражненія—одно греческое и одно латинское. Такое упражненіе должно замѣнять собою на ту недѣлю, въ которую оно производится, обычную еженедѣльную письменную работу по тому же предмету. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 6-я. Въ томъ же засѣданіи подвергался обсужденію вопросъ о сочиненіяхъ студентовъ по предметамъ русской словесности, славянской филологіи, русской и всеобщей исторіи. Постановлено: 1). давать сочиненія по каждому изъ поименованныхъ предметовъ отдѣльно и поочередно; 2). срокъ для каждаго сочиненія положить шестинедѣльный. При этомъ ординарный профессоръ русской исторіи, инспекторъ Н. Я. Аристовъ заявилъ, что имъ дано уже сочиненіе по русской исторіи и что шестинедѣльный срокъ подачи этого сочиненія истекаетъ 24 декабря. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Ст. 7-я. Въ томъ же засѣданіи конференціи г. директоръ Института заявилъ, что онъ, принимая во вниманіе мѣстныя условія города Нѣжина, считаетъ необходимымъ разнообразить жизнь студентовъ такими удовольствіями, которыя могли бы благотворно дѣйствовать на развитіе въ студентахъ эстетическаго чувства. Признавая это заявленіе совершенно справедливымъ, конференція, согласно съ мнѣніемъ г-на директора, нашла полезнымъ для достиженія указанной цѣли устраивать отъ времени до времени музыкально-литературныя собранія, въ которыхъ участвовали бы какъ студенты Института, такъ и ученики соединенной съ Институтомъ гимназіи. *Опредѣлено:* ходатай-

ствовать чрезъ г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи означенныхъ собраній и вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться предварительнымъ соображеніемъ и составленіемъ самыхъ программъ занятій этого рода.

9-го декабря.

Статья 2-я. Выслушавъ письмо подполковника Б. Шевырева, заключающее въ себѣ предложеніе приобрести для Историко-филологическаго института князя Безбородко библиотеку отца г. Шевырева, покойнаго профессора Шевырева, за 6000 руб., конференція Института постановила войти въ сужденіе по этому предмету по доставленіи въ конференцію каталога предлагаемой къ покупкѣ библиотеки. *Опредѣлено:* просить г. директора Института снестись съ подполковникомъ Шевыревымъ съ цѣлю полученія каталога означенной библиотеки.

Ст. 7-я. Въ томъ же засѣданіи, выслушавъ предложеніе г. попечителя Кіевского учебнаго округа отъ 14-го декабря 1874 года за № 14380 о составленіи проекта положенія для соединенной съ Историко-филологическимъ институтомъ князя Безбородко Нѣжинской гимназій, конференція, обсудивъ главныя основы таковаго проекта, постановила окончательнымъ его составленіемъ заняться въ слѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ. *Опредѣлено:* составленіе проекта положенія для Нѣжинской гимназій имѣть въ виду, какъ предметъ совѣщаній для ближайшихъ засѣданій конференціи.

Ст. 9-я. Въ томъ же засѣданіи конференція нашла необходимымъ устройство для библиотеки Института систематическаго подвижнаго каталога. *Опредѣлено:* поручить правленію озаботиться приобретеніемъ матеріаловъ, необходимыхъ для устройства систематическаго подвижнаго каталога.

22-го декабря.

Статья 3-я. Происходило обсужденіе приложеннаго къ сему протоколу (лит. Б) проекта положенія соединенной съ Институтомъ гимназій. *Опредѣлено:* составленный конференціею проектъ положенія о соединенной съ Институтомъ гимназій представить г. попечителю Кіевского учебнаго округа.

23-го декабря.

Статья 1-я. На основаніи § 31 устава подвергалось разсмотрѣнію представленное и. д. экстраординарнаго профессора П. В. Никитинымъ къ напечатанію на казенный счетъ сочиненіе «Объ основахъ для критики текста волическихъ сочиненій Θεокрита». Конференція единогласно признала полезнымъ напечатаніе означеннаго сочиненія на счетъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ числѣ 650 экземпляровъ. Вслѣдъ за тѣмъ произведена была баллотировка, результатомъ которой оказалось: избирательныхъ голосовъ шесть, неизбирательныхъ ни одного. На издержки по изданію указаннаго сочиненія въ указанномъ числѣ экземпляровъ конференція нашла возможнымъ назначить до 200 р. изъ суммы, положенной по штату въ количествѣ 6000 р. за дополнительные лекціи. *Опредѣлено:* ходатайствовать предъ г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа о разрѣшеніи употребить до 200 р. сер. изъ суммы, положенной по штату въ количествѣ 6000 р. за дополнительные лекціи, на напечатаніе сочиненія г. Никитина.

13-го января.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10-го января 1876 года за № 129 слѣдующаго содержанія: «Г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 13-го декабря истекшаго года за № 13516, увѣдомилъ меня, что его сіятельство утвердилъ на текущій учебный годъ приложенное къ протоколу конференціи Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ отъ 14-го октября за № 5 распредѣленіе лекцій въ означенномъ Институтѣ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ существованія Института въ концѣ каждаго учебнаго года представлялось на усмотрѣніе министерства распредѣленіе лекцій на слѣдующій учебный годъ. Затѣмъ по окончательномъ утвержденіи установленнаго распредѣленія лекцій, на усмотрѣніе министерства должно быть представляемо только о необходимыхъ съ теченіемъ времени измѣненіяхъ. вмѣстѣ съ симъ его сіятельство разрѣшилъ по примѣру С.-Петербургскаго института, допустить обязательное для студентовъ Нѣжинскаго института изученіе только одного изъ новыхъ языковъ. О такомъ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія, имѣю

честь уведомить ваше превосходительство для надлежащаго исполненія». *Справка*: объ утвержденіи распределенія лекцій и обязательности изученія студентовъ одного только изъ новыхъ языковъ г-нъ предсѣдатель-директоръ ходатайствовалъ представленіями отъ 18 сентября и 21 октября 1875 года за №№ 596 и 947. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Ст. 3-я. Вѣдомость о числѣ лекцій, пропущенныхъ профессорами и преподавателями Института въ теченіе перваго полугодія 1875/6 учебнаго года. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію и помѣщенію въ отчетѣ за 1875/6 учебный годъ.

Ст. 6-я. Заявленіе г. предсѣдателя-директора: отъ суммы, положенной на содержаніе личнаго состава Института по ст. 1-й § 12 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1875 года въ настоящее время оказался остатокъ въ 3574 р. 12 к. Г. предсѣдатель полагаетъ полезнымъ употребить этотъ остатокъ на слѣдующіе предметы: а) въ виду важности и трудности инспекторскихъ занятій, возложенныхъ на г. ординарнаго профессора Н. Я. Арштова, выдать ему, по примѣру С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института, въ дополненіе къ получаемымъ имъ по штату 800 р. въ годъ, еще 350 р. за исправленіе означенныхъ обязанностей во второмъ полугодіи истекшаго года; б) въ настоящее время, какъ лично извѣстно предсѣдателю, наставникъ студентовъ Института г. Добіашъ, будучи семейнымъ и обязанный уплачивать за свое образованіе въ одной изъ чешскихъ гимназій, находится въ весьма затруднительномъ положеніи относительно средствъ своего содержанія; а потому онъ, г. предсѣдатель-директоръ, свидѣтельствуя объ особенно полезной и усердной дѣятельности г. Добіаша, полагаетъ справедливымъ выдать ему въ единовременное пособіе 300 р.; в) покрыть расходы по изданію сочиненія г. Никитина, одобреннаго конференціею къ напечатанію на средства Института въ засѣданіи 23-го декабря 1875 года, на что по приблизительному разсчету, сдѣланному г. Никитинымъ послѣ сношеній съ типографіями потребуется около 150 р. и г) остальную же за тѣмъ сумму въ количествѣ приблизительно до 2,774 р. 12 к. употребить на приобрѣтеніе книгъ для библіотеки Института. *Опредѣлено*: согласиться съ заявленіемъ г. предсѣдателя и объ изложенномъ въ доклад-

ной части сообщить правленію Института выпискою изъ протокола для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

Ст. 7-я. По предложенію г. председателя, съ цѣлю облегченія занятій студентовъ, желая избѣжать совпаденія нѣсколькихъ репетицій въ одну и ту же недѣлю, конференція Института занималась составленіемъ распредѣленія репетицій на второе полугодіе 1875/6 учебнаго г. *Опредѣлено:* репетиція на второе полугодіе 1875/6 учебнаго года распредѣлить нижеслѣдующимъ образомъ: между 18 и 25 января имѣть быть репетиція по исторіи русской литературы; между 25 января и 1 февраля — по греческой словесности; между 1 и 8 — по всеобщей исторіи; между 8 и 15 — по русской исторіи, между 22 и 28 — по славянской фи.ологін. Изложенный порядокъ репетицій можетъ продолжаться и далѣе безъ всякаго измѣненія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда найдутъ нужнымъ назначеніе репетицій по своимъ предметамъ законоучитель и профессоръ латинской словесности.

3-го февраля.

Статья 5-я. Слушали заявленіе гг. ординарныхъ профессоровъ Н. Я. Аристова, П. И. Люперольскаго и А. С. Будиловича о томъ, что они желали бы въ наступающемъ посту прочитатъ въ Нѣжинѣ нѣсколько публичныхъ лекцій съ благотворительною цѣлю—гг. Аристовъ и Люперольскій въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи, а г. Будиловичъ въ пользу бѣдствующихъ славянскихъ семействъ Герцеговины и Босніи. *Опредѣлено:* просить гг. Аристова, Люперольскаго и Будиловича составить программы предполагаемыхъ ими лекцій, каковыя программы представитъ за тѣмъ г. попечителю Кіевского учебнаго округа при ходатайствѣ о разрѣшеніи означеннымъ лицамъ чтенія публичныхъ лекцій.

Ст. 7-я. Заявленіе г. председателя о томъ, что онъ считаетъ необходимымъ поручитъ особому лицу изъ числа преподавателей Института храненіе имѣющагося при институтской библіотекѣ кабинета монетъ и медалей. При этомъ ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи П. И. Люперольскій заявилъ, что онъ согласенъ принять на себя завѣдываніе означеннымъ кабинетомъ. *Опредѣлено:* поручитъ завѣдываніе кабинетомъ монетъ и медалей профессору Люперольскому.

12-го февраля.

Статья 2-я. Слушали заявленіе г. ординарнаго профессора по кафедрѣ римской словесности Р. А. Фохта слѣдующаго содержанія: г. профессоръ, какъ прежде неоднократно замѣчалъ, такъ и теперь еще замѣчаетъ, что нѣкоторые студенты, вслѣдствіе неудовлетворительности своей первоначальной подготовки, недостаточно знакомы съ приемами, необходимыми для правпльнаго, ведущаго къ своей цѣли, занятія письменными упражненіями по древнимъ языкамъ; по этому г. профессоръ считаетъ полезнымъ предложить желающимъ изъ студентовъ, и въ особенности наиболѣе нуждающимся въ томъ, въ свободное отъ лекцій и присутствованія при богослуженіи время, на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста, ежедневно отъ 8 до 10 ч. утра, заниматься подъ его, профессора, руководствомъ составленіемъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій. *Опредѣлено:* предложить желающимъ изъ студентовъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста, ежедневно отъ 8 до 10 ч. утра, заниматьея подъ руководствомъ г. профессора Фохта составленіемъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій.

18-го февраля

Статья 1-я. Въ видахъ усиленія научной дѣтельности Института, конференція признала полезнымъ издавать при Институтѣ періодическій сборникъ, подъ заглавіемъ: «Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ,» на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Содержаніе сборника будутъ составлять, на основаніи § 31 устава Института, отчеты и рѣчи, произносимыя въ ежегодныхъ торжественныхъ собраніяхъ Института, а также статьи преподавателей и наставниковъ Института по предметамъ историко-филологическихъ наукъ и лучшія сочиненія студентовъ; сборникъ будетъ давать у себя мѣсто и статьямъ, указаніямъ и замѣткамъ учебнаго характера съ цѣлю содѣйствовать успѣхамъ преподаванія тѣхъ же предметовъ въ гимназіяхъ.

2) Сборникъ имѣеть выходить однажды въ годъ, въ размѣрѣ не свыше 20 печатныхъ листовъ, стоимостію до 700 руб. изъ суммы (6000 р.) назначенной по штату на дополнительные лекціи.

3) Одинъ изъ преподавателей Института избирается редакторомъ сборника.

4) Деньги, выручаемыя отъ продажи сборника, въ концѣ года раздѣляются на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна идетъ на покрытие издержекъ по изданію, а другая на вознагражденіе сотрудниковъ.

5) Кромѣ того, сотрудники получаютъ за печатаемыя ими статьи по 50 оттисковъ своихъ статей. Если же сотрудникъ пожелаетъ отказать отъ причитающагося ему гонорара, съ тѣмъ, чтобы получить вознагражденіе печатными экземплярами своего сочиненія, то редакция имѣеть право выдать ему до 300 оттисковъ его статьи. *Опредѣлено:* просить ходатайства г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа о разрѣшеніи изданія означеннаго сборника.

27-го февраля.

Статья 1-я. Слушали заявленіе г. предсѣдателя слѣдующаго содержанія: въ Нѣжинѣ находится нынѣ учитель танцевъ въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, Тарашкевичъ, который являлся къ нему, г. предсѣдателю, съ предложеніемъ давать уроки танцевъ студентамъ два раза въ недѣлю съ вознагражденіемъ, за обученіе танцамъ всѣхъ студентовъ, въ размѣрѣ 100 р. за 25 уроковъ. По этому поводу г. предсѣдатель представилъ на обсужденіе конференціи вопросъ, не сочтеть ли она полезнымъ ввести въ кругъ обученія студентовъ уроки танцевъ. Принимая во вниманіе, что студенты Института князя Безбородко въ настоящее время не имѣють ни уроковъ гимнастики, ни танцевъ, конференція признала весьма удобнымъ воспользоваться пребываніемъ нынѣ въ Нѣжинѣ учителя танцевъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ Тарашкевича, изъявившаго согласіе давать уроки танцевъ студентамъ два раза въ недѣлю по вечерамъ въ воскресенія и субботы, съ вознагражденіемъ, за обученіе танцамъ всѣхъ студентовъ, въ размѣрѣ 100 р. за 25 уроковъ. *Опредѣлено:* изложенное въ докладной части постановленіе конференціи представить на благоусмотрѣніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа съ просьбою о разрѣшеніи

употребить на уплату учителю танцевъ 100 р. изъ суммы назначенной на дополнительные лекціи по финансовой смѣгѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1876 года § 12 ст. 1-я.

9-го марта.

Статья 3-я. Г. предсѣдателемъ предъявленъ былъ затребованный постановленіемъ конференціи отъ 9-го декабря 1875 года каталогъ книгъ библіотеки покойнаго профессора Шевырева. *Опредѣлено:* поручить членамъ конференціи рассмотретьъ каждому касающіяся предметъ его кафедры отдѣленія означеннаго каталога, съ цѣлю опредѣленія пригодности библіотеки Шевырева для цѣлей Института, и о результатахъ рассмотрѣнія довести въ одно изъ ближайшихъ засѣданій конференціи.

Ст. 4-я. Слушали заявленіе г. предсѣдателя о необходимости съ точностію заблаговременно опредѣлить какъ время окончанія лекцій въ истекающемъ учебномъ году, такъ и время начала переводныхъ изъ перваго курса во второй испытаній, а также составить подробное распредѣленіе означенныхъ испытаній. *Опредѣлено:* 1) чтеніе лекцій окончить 8-го мая, переводныя испытанія начать 15-го мая, распредѣливъ ихъ нижеслѣдующимъ образомъ: 15-го мая письменное испытаніе по латинской словесности, 16-го мая устное испытаніе по латинской словесности, 21-го мая письменное испытаніе по русской словесности, 22-го мая устное испытаніе по исторіи русской литературы, 26-го мая устное испытаніе по предметамъ славянской филологіи, 31-го мая устное испытаніе по всеобщей исторіи, 5-го іюня устное испытаніе по русской исторіи, 7-го іюня по закону Божію, 10-го іюня письменное и 11-го мая устное испытаніе по греческой словесности, 12-го іюня устные и письменныя испытанія по языкамъ французскому и нѣмецкому. 2) Составленное конференціею распредѣленіе переводныхъ испытаній, равно какъ и постановленіе относительно времени прекращенія чтенія лекцій представить на благоусмотрѣніе г. попечителя Кіевского учебнаго округа.

Ст. 5-я. По предложенію г. предсѣдателя, подвергался обсужденію вопросъ: слѣдуетъ ли ежегодно подвергать студентовъ испытаніямъ по

новымъ языкамъ при переходѣ изъ одного курса въ другой, или же предоставить студентамъ сдавать только окончательный экзаменъ по тѣмъ же предметамъ. *Опредѣлено:* 1) принявъ во вниманіе, что оставленіе на второй годъ въ томъ же курсѣ студентовъ, оказавшихъ удовлетворительные успѣхи по всѣмъ прочимъ предметамъ, но мало успѣвшихъ въ новыхъ языкахъ, могло бы повредить успѣшности занятій по главнымъ предметамъ институтскаго преподаванія, конференція, руководясь примѣромъ университетовъ и С. Петербургскаго Историко-филологическаго института, опредѣлила: не производить ежегодныхъ обязательныхъ курсовыхъ испытаній по новымъ языкамъ, но предоставить студентамъ, смотря по желанію каждаго, сдавать окончательный по этимъ предметамъ экзаменъ или на одномъ изъ курсовыхъ испытаній, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ; 2) о такомъ постановленіи конференціи довести г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа, прося его ходатайства о разрѣшеніи привести означенную мѣру въ исполненіе.

26-го марта.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 16-го марта сего года за № 3073, коимъ, согласно представленію конференціи отъ 2-го марта за № 9, разрѣшается пригласить учителя танцевъ въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ г. Тарашкевича для преподаванія танцевъ студентамъ Института; что же касается ходатайства конференціи о разрѣшеніи на выдачу г. Тарашкевичу 100 р., въ вознагражденіе за сказанный трудъ, съ отнесеніемъ сего расхода на сумму, назначенную по § 12 ст. 1 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія, то г. попечитель увѣдомляетъ, что по сему предмету онъ вошелъ съ представленіемъ къ г. министру народнаго просвѣщенія. *Опредѣлено:* предложить г. Тарашкевичу начать уроки танцевъ для студентовъ впредь до полученія разрѣшенія на выдачу ему вознагражденія изъ указаннаго источника.

Ст. 2-я. Слушали его же предложеніе отъ 18-го марта за № 3176, коимъ онъ увѣдомляетъ, что согласно представленію конференціи отъ 11-го февраля за № 5, онъ разрѣшаетъ ординарнымъ профессорамъ Института, Будиловичу и Люперсольскому, прочесть въ теченіе

великаго поста нѣсколько публичныхъ лекцій съ благотворительною цѣлью въ пользу недостаточныхъ учениковъ Нѣжинской гимназій, по представленнымъ программамъ; что же касается программы профессора Аристова, то, по заключенію Епархіальнаго начальства, чтеніе лекцій «о невольномъ и неохотномъ постриженіи въ монашество у нашихъ предковъ» признано неудобнымъ. *Опредѣлено*: сообщить объ этомъ гг. профессорамъ Аристову, Будиловичу и Люперсолъскому.

Ст. 3-я. Слушали его же предложеніе отъ 24-го марта за № 3403, коимъ онъ увѣдомляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія на ходатайство его, г. попечителя, о разрѣшеніи употребить изъ штатныхъ суммъ Института 200 р. на напечатаніе 650 экз. сочиненія и. д. экстра-ординарнаго профессора сего Института Никитина подъ заглавіемъ: «объ основахъ для критики текста эолическихъ стихотвореній Θεокрита», не признавъ возможнымъ разрѣшить выдачу г. Никитину просимой имъ суммы изъ указаннаго источника, такъ какъ на основаніи смѣтныхъ правилъ (§§ 30 и 31) министрамъ предоставляется право замѣны недостатковъ сбереженіями по подраздѣленіямъ второстепеннымъ въ томъ только случаѣ, если по одной статьѣ предвидятся сбереженія, а по другой недостатокъ; но такъ какъ въ штатѣ Нѣжинскаго Института не заключается статьи расхода на напечатаніе профессорскихъ сочиненій, то слѣдовательно расходъ по сей статьѣ, какъ непоказанный въ штатѣ Института, не можетъ быть относимъ на остатки по другимъ штатнымъ статьямъ сего Института; въ виду сего Его Сіятельство призналъ возможнымъ назначить г. Никитину испрашиваемые на напечатаніе 200 р., изъ суммы, опредѣленной по § 15 ст. 2 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1876 г. въ распоряженіе Его Сіятельства, каковыя деньги и будутъ переведены департаментомъ народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе Института для выдачи по принадлежности. *Опредѣлено*: принять къ исполненію.

Ст. 4-я. Слушали заявленіе г. директора Института Н. А. Лавровскаго относительно бібліотеки покойнаго профессора Московскаго университета *Шевырева*: наслѣдники сего послѣдняго отнесли къ г. директору съ предложеніемъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ приобрести означенную бібліотеку для Института и препроводили къ нему каталогъ ея книгамъ; такъ какъ каталогъ этотъ, по порученію г. директора, уже былъ рассмотрѣнъ всѣми профессорами и преподавате-

лями Института, то онъ предложилъ на заключеніе конференціи вопросъ о покупкѣ для Института библіотеки профессора Шевырева, при чемъ объяснилъ, что наслѣдники Шевырева предлагаютъ купить сполна всю библіотеку, заключающую въ себѣ, какъ видно изъ присланнаго каталога, 3135 названій, и испрашиваютъ за нее шесть тысячъ рублей. Члены конференціи признали единогласно весьма полезнымъ приобрѣтеніе для Института означенной библіотеки, въ особенности же отдѣла ея по русской словесности и литературѣ, представляющаго собою полное (до 50-тыхъ годовъ) и съ званіемъ дѣла составленное собраніе сочиненій по указанному предмету и заключающаго въ себѣ нѣкоторыя рѣдкія и даже не существующія болѣе въ продажѣ сочиненія; въ другихъ отдѣлахъ библіотеки также содержатся книги, болѣе или менѣе нужныя для пополненія фундаментальной институтской библіотеки, а нѣкоторыя изъ нихъ могли бы съ пользою быть употреблены для составленія предположеннаго къ образованію студентскаго отдѣла библіотеки; тѣмъ не менѣе члены конференціи, въ виду значительности суммы, просимой за всю библіотеку въ цѣлости, соображаясь со средствами, какими располагаетъ Институтъ, находили бы болѣе удобнымъ, если бы наслѣдники профессора Шевырева согласились продать въ Институтъ не всю библіотеку въ цѣлости, но на выборъ тѣ книги, какія профессорами и преподавателями Института признаны будутъ необходимыми по занимаемымъ ими кафедрамъ, за исключеніемъ однакожъ отдѣла библіотеки по русской словесности и литературѣ, который, по мнѣнію членовъ конференціи, желательно бы приобрѣсти для Института весь сполна. *Опредѣлено:* поручить г. директору снестись съ наслѣдниками профессора Шевырева, не согласятся ли они продать въ Институтъ не всю библіотеку въ цѣлости, но на выборъ тѣ лишь книги, какія пожелаетъ приобрѣсти Институтъ; въ случаѣ же ихъ несогласія на это, просить ихъ объ уступкѣ съ назначенной ими за всю библіотеку суммы одной тысячи рублей.

Ст. 5-я. Слушали заявленіе г. инспектора Института профессора Н. Я. Аристова о томъ, чтобы дублиеты фундаментальной библіотеки Института выдѣлнить изъ нея для образованія особаго отдѣла студентской библіотеки. *Опредѣлено:* предоставить каждому изъ профессоровъ Института выдѣлнить по своему отдѣлу дублиеты тѣхъ сочиненій, какія онъ признаетъ полезными для студентской библіотеки.

Ст. 6-я. Слушали заявленіе г. наставника студентовъ и бібліотекаря институтской бібліотеки Н. С. Кирилова о томъ, слѣдуетъ-ли выдавать изъ бібліотеки студентамъ переводы на новѣйшихъ языкахъ сочиненій древнихъ классическихкихъ авторовъ. Членами конференціи признано, что пользованіе этими переводами можетъ лишь повредить успѣшному занятію студентовъ классическими языками, избавля ихъ отъ труда самостоятельно вдумываться въ смыслъ произведеній классическихкихъ авторовъ въ оригиналѣ. *Опредѣлено:* переводовъ на новѣйшихъ языкахъ произведеній классическихкихъ авторовъ не только не выдавать студентамъ изъ институтской бібліотеки безъ особаго указанія профессора, но и поручить гг. наставникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы означенныхъ переводовъ не обращалось на рукахъ студентовъ.

Ст. 10-я. По случаю отъѣзда въ 28-дневный отпускъ въ Петербургъ ученаго секретаря конференціи П. В. Никитина, исправленіе его должности на время его отсутствія согласился принять на себя, по предложенію членовъ конференціи, профессоръ П. И. Люперольскій. *Опредѣлено:* поручить на время отсутствія ученаго секретаря конференціи П. В. Никитина, исправленіе его должности профессору Люперольскому.

27-го апрѣля.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевского учебнаго округа отъ 31 марта 1876 г. за № 3836, въ коемъ онъ сообщаетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія 20-го того же марта разрѣшилъ Институту издавать періодическій сборникъ подъ названіемъ «Извѣстія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ», на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленіи попечителю г. директора Института отъ 20 февраля за № 7, съ отнесеніемъ необходимаго по изданію означеннаго сборника расхода на суммы, назначенныя по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія на хозяйственныя надобности сего Института. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 3-я. Слушали его же предложеніе отъ 16 апрѣля за № 4169, коимъ увѣдомляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія 3-го того

же апрѣля утвердилъ постановленіе конференціи Института объ освобожденіи студентовъ отъ обязательныхъ экзаменовъ по новымъ языкамъ при переходѣ изъ одного курса въ другой и о предоставленіи имъ права, смотря по желанію каждаго, сдавать окончательный экзаменъ по этимъ предметамъ или на одномъ изъ курсовыхъ испытаній, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ. *Опредѣлено*: принять къ исполненію.

Ст. 4-я. Слушали рапортъ ординарнаго профессора Р. А. Фохта слѣдующаго содержанія: «нынѣшній курсъ студентовъ въ истекающемъ учебномъ году требовалъ отъ меня, по преподаванію латинскаго языка, всего моего времени; въ будущемъ учебномъ году онъ также будетъ нуждаться въ неменьшихъ усиліяхъ съ моей стороны, такъ что въ будущемъ учебномъ году для успѣшнаго занятія съ двумя курсами вмѣстѣ мнѣ недостаточно будетъ всего времени, какимъ я могу располагать; по сему считаю долгомъ просить конференцію опредѣлять мнѣ помощника по преподаванію латинскаго языка, который могъ бы въ первомъ курсѣ руководить практическими упражненіями студентовъ въ переводѣ съ русскаго на латинскій языкъ и читать имъ латинскую грамматику. Какъ на лицѣ, способное къ этимъ занятіямъ, равно какъ и къ занятію мѣста третьяго наставника, безъ котораго при двухъ курсахъ студентовъ едва ли возможно будетъ обойтись, я позволяю себѣ указать на ономчившаго курсъ въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ г. А. Фогеля, лично мнѣ извѣстнаго. По ономчаніи курса въ означенномъ Институтѣ, г. Фогель прослужилъ годъ учителемъ гимназій, состоящей при Институтѣ, затѣмъ пребылъ, по командировкѣ, два года въ лейпцигскомъ университетѣ, и все это время занимался изученіемъ латинскаго языка; на основаніи означенныхъ данныхъ, онъ даетъ полную надежду на успѣшное исполненіе такой должности. «Конференція, въ виду того, что въ наступающемъ учебномъ году имѣетъ быть два курса студентовъ въ Институтѣ, признала надобность какъ въ третьемъ наставникѣ студентовъ, такъ и въ помощникѣ г. профессору Фохту для преподаванія латинскаго языка; какъ видно изъ прочитанной записки профессора Р. А. Фохта, г. Фогель удовлетворяетъ условіямъ, требующимся уставомъ для занятія той и другой должности. *Опредѣлено*: подвергнуть

г. Фогеля въ ближайшее засѣданіе конференціи баллотированію на должность наставника студентовъ и преподавателя латинскаго языка въ Институтѣ.

4-ГО МАЯ.

Стать 2-я. По заявленію г. директора, въ конференціи поднятъ былъ и обсуждался вопросъ о необходимости имѣть особаго штатнаго бібліотекаря, по многосложности занятій по бібліотекѣ. По уставу Института должность институтской бібліотеки исполняетъ, по избранію конференціи, одинъ изъ наставниковъ, съ вознагражденіемъ его за этотъ трудъ по 200 р. въ годъ; но какъ оказывается на опытѣ, занятія по бібліотекѣ на столько многочисленны, что наставникъ студентовъ не въ состояніи выполнять ихъ успѣшно и своевременно, при своихъ прямыхъ обязанностяхъ по должности наставника; даже одна выдача книгъ, обратный пріемъ ихъ отъ получателей, наблюденіе за ихъ своевременнымъ возвращеніемъ изъ чтенія и ихъ цѣлостію, потребуютъ отъ бібліотекаря, особенно съ того времени, когда въ Институтѣ будутъ всѣ четыре курса студентовъ, болѣе частаго и продолжительнаго присутствія въ бібліотекѣ, чѣмъ какъ это возможно для наставника; главнымъ же образомъ много времени и занятій письменныхъ требуетъ пріемъ новыхъ поступленій въ бібліотеку, по количеству отпускаемой на оную штатной суммы (ежегодно имѣетъ поступать въ нее книгъ на 2,600 р., и сверхъ того на бібліотеку же можетъ быть обращена значительная часть суммы отъ ежегодныхъ общихъ остатковъ изъ смѣтныхъ расходовъ по Институту); каждая вновь поступающая книга должна быть занесена въ три каталога (основной, алфавитный и систематическій), сдана своевременно въ переплетъ, помѣчена нумерами, подъ которыми записана въ каталоги, и помѣщена на свое мѣсто въ шкафѣ; при неотложности другихъ занятій бібліотекаря, какъ наставника, каталогизація новыхъ поступленій, при такой ихъ значительности, неизбѣжно будетъ замедляться, что поведетъ къ накопленію въ бібліотекѣ книгъ не каталогизированныхъ, не имѣющихъ нумераціи и не размѣщенныхъ по своимъ мѣстамъ, а это въ свою очередь будетъ затруднять пользованіе бібліотекою и даже вести къ утратамъ книгъ. Въ виду всего вышесказаннаго, конференція признаетъ неотложною необходимостію имѣть при Институтѣ особаго

штатнаго бібліотекаря, который бы свободенъ былъ отъ другихъ служебныхъ обязанностей по Институту; по мѣстнымъ условіямъ способное для такой должности лицо можетъ быть прискано не иначе, какъ съ предоставленіемъ ему достаточнаго обезпеченія содержаніемъ и извѣстныхъ служебныхъ правъ, а посему конференція постановила слѣдующее: а) просить начальство объ учрежденіи при Институтѣ штатной должности бібліотекаря, съ окладомъ по 800 р. въ годъ и казенною квартирою, съ правами службы по учебному вѣдомству; указанный окладъ, по мнѣнію конференціи, могъ бы составиться изъ суммы, положенной нынѣ по штату на вознагражденіе бібліотекаря (200 р. въ годъ) и добавочныхъ 600 р. изъ суммы (6000 р.), положенной по штату на дополнительные лекціи; б) такъ какъ веденіе этого дѣла въ законодательномъ порядкѣ будетъ требовать довольно продолжительнаго времени, а между тѣмъ Институтъ теперь же имѣетъ настоятельную надобность въ бібліотекарѣ, особенно въ виду предполагаемаго приобрѣтенія бібліотеки покойнаго Шевырева, состоящей изъ 3135 названій, то при семъ же просить начальство о разрѣшеніи пригласить въ Институтъ временно, впредь до рѣшенія дѣла о штатной должности бібліотекаря, соотвѣтственное лицо для исправленія должности бібліотекаря, съ упомянутымъ выше вознагражденіемъ по 800 р. въ годъ, равно какъ съ предоставленіемъ ему казеннаго помѣщенія при Институтѣ, или же, въ случаѣ недостатка въ семъ послѣднемъ, квартирнаго пособія по 150 р. въ годъ. *Опредѣлено:* просить г. директора немедленно же войти къ начальству съ представленіемъ по этому дѣлу.

Ст. 6-я. Возбужденъ былъ вопросъ о составленіи правилъ для контроля надъ занятіями студентовъ. Конференція поручила заняться составленіемъ этихъ правилъ особой комиссіи, членами которой назначены гг. директоръ Н. А. Лавровскій и инспекторъ Н. Я. Аристовъ. *Опредѣлено:* поручить упомянутой комиссіи представить проектъ правилъ въ ближайшее засѣданіе конференціи на ея разсмотрѣніе.

Ст. 8-я. На основаніи рѣшенія конференціи отъ 27 апрѣля, подвергнуть былъ баллотированію на должность наставника и преподавателя латинскаго языка окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ А. Фогель. При баллотированіи

г. Фогель получилъ все шары избирательные (избирательныхъ 5, неизбирательныхъ ни одного). *Опредѣлено*: представить г. Фогеля къ утверженію въ означенныхъ должностяхъ.

Ст. 9-я. Предъявлено письмо г. министра народнаго просвѣщенія отъ 1 мая на имя г. директора Института, въ которомъ увѣдомляетъ, что онъ не встрѣчаетъ съ своей стороны препятствія къ утверженію кандидата С.-Петербургскаго университета *Н. Грота* въ званіи и. д. экстраординарнаго профессора Историко-филологическаго института по кафедрѣ философіи, по полученіи о томъ представленія начальства Кіевскаго учебнаго округа. *Опредѣлено*: подвергнуть г. Грота баллотированію на означенную должность въ ближайшее засѣданіе конференціи.

14-ГО МАЯ.

Статья 2-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 1 мая за № 4737, при коемъ препровождаются утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 10 апрѣля сего 1876 г. правила для студентовъ Института и лазаретныхъ. Г. попечитель при этомъ присовокупляетъ, что г. министр народнаго просвѣщенія, оставляя въ силѣ § 36 правилъ для студентовъ Института, во избѣжаніе тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, что молодые люди въ теченіи перваго года подають прошенія объ увольненіи ихъ изъ Института съ обязательствомъ прослужить, за время пребыванія ихъ въ Институтѣ на казенномъ содержаніи, установленный срокъ въ званіи уѣзднаго учителя и, до выдержанія испытанія на это званіе, живутъ въ Институтѣ, большею частью праздно, довольно продолжительное время, полагаетъ необходимымъ предупредить поступающихъ въ Институтъ молодыхъ людей, что въ случаѣ подачи ими прошенія объ увольненіи изъ Института, согласно § 36 правилъ, имъ недозволено будетъ оставаться въ Институтѣ до полученія мѣста учителя уѣзднаго училища. *Опредѣлено*: принять къ исполненію.

Ст. 3-я. Слушали письмо г. Шевырева на имя г. директора Института, въ коемъ увѣдомляетъ, что за библіотечу отца его, покойнаго профессора Шевырева, онъ просилъ бы уплатить наследникамъ покойнаго профессора 6,000 р., — пять тысячъ по сдачѣ библіотеки, остальную же тысячу

чрезъ годъ или два; если же это условіе не можетъ быть принято, то они, наслѣдники, готовы уступить всю библіотеку за предлагаемую конференціей сумму пять тысячъ руб.; далѣе г. Шевыревъ присовокупляетъ, что библіотека хранится въ Москвѣ въ нацимаемой для нея кладовой и потому Институту необходимо будетъ поручить кому либо принять ее и отправить. *Справка:* по опредѣленію конференціи 26-го марта, поручено было г. директору Н. А. Лавровскому снестись съ наслѣдниками профессора Шевырева: не согласятся ли они продать въ Институтъ не всю библіотеку въ цѣлости, но на выборъ тѣ лишь книги, какія пожелаетъ приобрести Институтъ; въ случаѣ же несогласія ихъ на это, просить ихъ объ уступкѣ съ назначенной ими за всю библіотеку суммы, одной тысячи рублей. *Опредѣлено:* принимая во вниманіе недостаточность средствъ Института, конференція, согласно прежнему своему рѣшенію, постановила уплатить за библіотеку пять тысячъ руб., а для приѣма и доставленія ея въ Институтъ командировать довѣренное отъ Института лице, по назначенію институтскаго начальства, съ выдачею таковому лицу на поѣздку, содержаніе его въ Москвѣ и въ вознагражденіе за труды 200 р., на расходы же по отправкѣ библіотеки къ мѣсту назначенія 300 р.,—всего 5500 р. сер. изъ процентовъ пожертвованнаго графиней Суворовою-Рымникскою капитала.

Ст. 4-я. Читаны и одобрены составленныя, назначенною отъ конференціи комиссіей, правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Института. *Опредѣлено:* представить означенныя правила на утвержденіе начальства, а при предстоящихъ экзаменахъ принять ихъ въ руководство.

Ст. 6-я. Читаны и одобрены конференціею программы курсовъ, пренесенныхъ студентамъ въ истекающемъ учебномъ году и предложенныхъ къ чтенію въ наступающемъ учебномъ году, представленныя профессорами: Н. А. Лавровскимъ—по исторіи русской литературы; Н. Я. Архистовымъ—по русской исторіи; Р. А. Фоктомъ—по латинскому языку; А. С. Будиловичемъ—по славяновѣдѣнію; П. И. Люнерольскимъ—по всеобщей исторіи и законоучителемъ А. Ѳ. Хойнацкимъ—по богословію. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію.

Ст. 7-я. Представлены и рассмотрѣны отгѣтки объ успѣхахъ студентовъ по преподаваемымъ имъ предметамъ за второе полугодіе текущаго учебнаго года. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію.

Ст. 8-я. При чтеніи 2-й статьи протокола предъидущаго засѣданія г. директоромъ заявлено о готовности извѣстнаго нашего библіографа и критика г. Пономарева, принять на себя должность библіотекаря въ качествѣ временно исправляющаго оную, на означенныхъ въ упомянутой статьѣ протокола условіяхъ. Конференція изъявила полное согласіе на опредѣленіе г. Пономарева на означенную должность. *Опредѣлено:* просить г. Попечителя объ утвержденіи г. Пономарева временно исправляющимъ должность библіотекаря, по полученіи отъ него документовъ.

Ст. 9-я. Возбужденъ былъ вопросъ о положеніи врача при здѣшнемъ Институтѣ, которое относительно содержанія уравнено по штату съ положеніемъ врача при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ; между тѣмъ мѣстныя условія обоихъ Институтовъ весьма различны: въ С.-Петербургѣ Институтъ имѣетъ полную возможность найти за 600 р. вознагражденія въ годъ хорошаго врача, который, сверхъ того, можетъ состоять врачомъ еще при одномъ или нѣсколькихъ заведеніяхъ, или же имѣетъ обширную частную практику, достаточно обезпечивающую его содержаніемъ; этого условія не существуетъ въ Нѣжинѣ и опытъ показалъ уже, до какой степени трудно здѣшнему Институту обезпечить себя постояннымъ и надежнымъ врачомъ при положенномъ ему теперь по штату незначительномъ вознагражденіи. Послѣ увольненія по прошенію отъ должности врача при Институтѣ лекаря Бовнера, Институтъ принужденъ былъ прибѣгать къ временнымъ врачамъ, сначала къ г. Круковскому, затѣмъ, по отъѣздѣ его изъ Нѣжива, къ г. Леонтовичу; приглашенный Институтомъ изъ Харькова и утвержденный въ должности Институтскаго врача докторъ Вилкомирскій, явившійся на мѣсто службы спустя полтора мѣсяца по своемъ опредѣленіи, не рѣшается вступить въ должность, по недостаточной обезпеченности, какъ онъ объяснилъ, содержанія его въ Нѣжинѣ, въ виду невозможности рассчитывать здѣсь на значительную частную практику. Поэтому конференція признаетъ настоятельною необходимою ходатайствовать предъ начальствомъ объ увеличеніи содержанія

Институтскому врачу, именно о предоставленіи ему казенной квартиры при Институтѣ, или же квартирныхъ денегъ въ размѣрѣ 200 р. въ годъ изъ остатковъ отъ личнаго состава по Институту, и кромѣ того 100 р. разъѣздныхъ, для посѣщенія больныхъ гимназистовъ въ ихъ частныхъ квартирахъ — изъ специальныхъ средствъ гимназіи. Последнюю сумму безусловно необходимо назначить врачу, принимая въ соображеніе разбросанность квартиръ учениковъ гимназіи и непроходимую грязь, какая бываетъ въ Нѣжинѣ въ осенніе и весенніе мѣсяцы. *Опредѣлено*: просить г. директора войти съ представленіемъ объ увеличеніи содержанія Институтскаго врача, въ указанномъ въ докладной части протокола размѣрѣ.

Ст. 11-я. Въ виду предстоящихъ экзаменовъ, согласно § 3 вновь составленныхъ правилъ для испытанія студентовъ, назначены ассистенты къ преподавателямъ, въ качествѣ членовъ экзаменаціонной комиссіи, именно: для экзамена по греческому языку—наставникъ А. В. Добіашъ, по латинскому языку—наставникъ Н. С. Кириловъ, по исторіи русской литературы—ординарный профессоръ А. С. Будиловичъ, по славянской филологіи—инспекторъ Н. Я. Аристовъ, по русской исторіи ордин. профессоръ П. И. Люперольскій, по всеобщей исторіи—инспекторъ Н. Я. Аристовъ. *Опредѣлено*: принять къ исполненію.

Ст. 12-я. На основаніи рѣшенія конференціи въ предъидущемъ ея засѣданіи, произведено баллотированіе кандидата С. Петербургскаго университета *Н. Грота* на званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Института по кафедрѣ философіи. При баллотированіи г. Гротъ получилъ избирательныхъ шаровъ 5, неизбирательныхъ—ни одного. *Опредѣлено*; просить г. директора войти съ представленіемъ объ утвержденіи г. Грота въ означенной должности.

15-го Іюня.

Статья 3-я. Читанъ представленный и. д. экстра-ординарнаго профессора греческой словесности П. В. Никитинымъ отчетъ о преподанномъ имъ въ истекшемъ учебномъ году. *Опредѣлено* нять къ свѣдѣнію.

Ст. 4-я. Читана представленная тѣмъ же преподавателемъ программа курса, предполагаемаго къ преподаванію въ будущемъ учебномъ году. *Опредѣлено:* одобрить означенную въ докладной части программу.

Ст. 5-я. Читанъ рапортъ исправляющаго должность экстра-ординарнаго профессора греческой словесности П. В. Никитина слѣдующаго содержания: «при преподаваніи греческаго языка въ младшихъ курсахъ Института требуются, какъ извѣстно конференціи, кромѣ устныхъ, еще еженедѣльные письменные переводы съ русскаго языка на греческій. Для успѣшнаго руководства такого рода упражненіями, при многочисленности студентовъ въ младшихъ курсахъ, нужно много усидчиваго тяжелаго труда. Отсутствіе же въ русской учебной литературѣ сколько вибудь удовлетворительнаго сборника статей для письменныхъ переводовъ налагаетъ на преподавателя обязанность заниматься не только исправленіемъ ошибокъ, дѣлаемыхъ въ переводахъ студентами, но и отыскиваніемъ и обработкою текстовъ для переводовъ. Этимъ много отнимается времени у другихъ работъ преподавателя. А время преподавателя особенно дорого въ первые годы существованія Института, когда Институтъ вырабатываетъ свои, согласныя съ условіями Институтскаго устройства, методы преподаванія, когда приходится много трудиться надъ выборомъ учебнаго матеріала, надъ построеніемъ такого курса науки, который, вполне соответствуя потребностямъ учащихся, удовлетворялъ бы цѣлямъ Института. На этихъ основаніяхъ я затрудняюсь взять на себя все преподаваніе греческаго языка въ обоихъ курсахъ и прошу конференцію, оставивъ за мною 5 лекцій во второмъ курсѣ и двѣ (для чтенія Гомера) въ первомъ, для трехъ остальныхъ лекцій въ первомъ курсѣ пригласить другаго преподавателя, который бы занимался со студентами означеннаго курса повтореніемъ грамматики, переводами съ русскаго языка на греческій и находящимся въ тѣсной связи съ послѣдними—чтеніемъ аттическаго прозаика. Какъ на лицѣ вполне способное къ исполненію указанныхъ преподавательскихъ обязанностей, я могу указать на наставника А. В. Добіаша, хорошо извѣстнаго членамъ конференціи какъ своими познаніями въ греческомъ языкѣ, такъ и своими педагогическими способностями.» *Опредѣлено:* соглашаясь съ заявленіемъ г. Никитина относительно затруднительности для одного лица преподаванія

греческой словесности въ обоихъ младшихъ курсахъ Института и признавая г. Добіаша вполне способнымъ къ исправленію должности преподавателя означеннаго предмета въ Институтѣ князя Безбородко, конференція постановила подвергнуть г. наставника Добіаша въ ближайшемъ засѣданіи конференціи баллотированію на должность преподавателя греческаго языка.

Ст. 6-я. Читанъ рапортъ ординарнаго профессора П. И. Люперсольскаго о томъ, что онъ, г. Люперсольскій, согласно опредѣленію конференціи 3-го февраля 1876 года, принялъ въ свое завѣдываніе отъ г. учителя Нѣжинской гимназіи И. Н. Михайловскаго принадлежащее Институту нумизматическое собраніе. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію.

Ст. 7-я. Разсмотрѣна общая вѣдомость успѣховъ студентовъ Историко-Филологическаго Института за 1875/6 учебный годъ, изъ которой оказалось слѣдующее: 19. студентовъ по всѣмъ предметамъ имѣютъ отмѣтки удовлетворительныя, или болѣе чѣмъ удовлетворительныя, два студента, оказавъ успѣхи ниже удовлетворительныхъ по одному предмету, по всѣмъ прочимъ предметамъ имѣютъ отмѣтки удовлетворительныя, или выше удовлетворительныхъ и въ общемъ выводѣ отмѣтки выше удовлетворительныхъ: одинъ $3\frac{1}{14}$, другой $3\frac{3}{28}$; два студента, имѣя отмѣтки ниже удовлетворительныхъ по двумъ предметамъ, по всѣмъ прочимъ предметамъ оказали успѣхи удовлетворительныя и частію выше удовлетворительныхъ, въ общемъ выводѣ имѣютъ отмѣтки: одинъ $2\frac{27}{28}$, другой $2\frac{23}{28}$; два студента оказали успѣхи ниже удовлетворительныхъ по четыремъ предметамъ каждый; относительно одного изъ этихъ студентовъ, кромѣ того, по справкѣ оказалось, что онъ предварительно до поступленія въ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко пробылъ уже годъ въ 1-мъ курсѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться на второй годъ въ томъ же курсѣ Института князя Безбородко; одинъ студентъ оказалъ слабые успѣхи по пяти предметамъ; не подвергались вовсе курсовымъ испытаніямъ два студента: одинъ уволенный по болѣзни на родину и другой, по случаю долговременной болѣзни въ теченіи года, получившій отъ конференціи дозволеніе держать курсовые экзамены послѣ ками-

куль. *Опредѣлено:* 1) На основаніи § 14, одобреннаго конференціею въ засѣданіи 14 мая сего года проэкта правилъ для испытаній, студентовъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ отмѣтки удовлетворительныя или выше удовлетворительныхъ, удостоить перевода въ слѣдующій курсъ. 2) Ходатайствовать предъ г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа о переводѣ въ слѣдующій курсъ, на указанныхъ въ означенномъ § проэкта правилъ условіяхъ, студентовъ, оказавшихъ по всѣмъ предметамъ успѣхи удовлетворительныя и только по одному не удовлетворительныя. 3) На основаніи того же § проэкта правилъ для испытаній п § 34 утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія правилъ для студентовъ Историко-филологическаго института князя Безбородко, ходатайствовать предъ г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа объ оставленіи на второй годъ въ первомъ курсѣ студентовъ, хотя и оказавшихъ не удовлетворительныя успѣхи по двумъ предметамъ каждый, но подающихъ, по мнѣнію конференціи, надежды на успѣхи по нимъ въ случаѣ оставленія ихъ на второй годъ въ первомъ курсѣ. 4) Студентовъ, оказавшихъ неудовлетворительныя успѣхи по четыремъ и пяти предметамъ, на основаніи того же § 14 проэкта правилъ для испытаній и § 33 правилъ для студентовъ, уволить изъ Института, выдавъ имъ, во вниманіе къ степени ихъ общаго развитія и усердію въ занятіяхъ, свидѣтельства на званіе учителей уѣзднаго училища. 5) О всѣхъ таковыхъ опредѣленіяхъ конференціи донести г. попечителю округа, препроводивъ Его Превосходительству копію сей статьи протокола и копію общей вѣдомости объ успѣхахъ студентовъ Института за 1875/6 учебный годъ.

18-го іюня.

Статья 2-я. Слушали отчеты о преподаваніи новыхъ языковъ въ истекающемъ учебномъ году, представленные преподавателями: французскаго языка—г. Сертье и нѣмецкаго—г. Штейномъ. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію.

Ст. 3-я. Конференція занималась распредѣленіемъ лекцій на будущій 1876/7 учебный годъ. *Опредѣлено:* 1) лекціи на будущій учебный годъ распредѣлить такимъ образомъ, какъ показано въ прилагаемой къ сему протоколу (подъ лит. С) таблицѣ; 2) вслѣдствіе предложенія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10 января

1876 года за № 129 и на основаніи предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 13 декабря 1875 года за № 13516, представить копію съ составленнаго конференціею и приложеннаго къ сему протоколу. (подъ лит. С) распредѣленія лекцій на 1876/7 учебный чрезь г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія.

Ст. 4 я. Слушали рапортъ ординарнаго профессора П. И. Люперсольскаго о томъ, что онъ, г. Люперсольскій, по порученію начальства Института, принялъ отъ директора Нѣжинскаго греческаго училища, занумеровалъ и размѣстилъ въ одномъ изъ шкафовъ институтской бібліотеки — бібліотеку, принадлежащую означенному училищу. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію.

Ст. 5-я. На основаніи опредѣленія конференціи отъ 15-го сего іюня, подвергнуть былъ баллотированію на должность преподавателя греческаго языка въ Историко-филологическомъ институтѣ, А. В. *Добіашъ*; результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ 4, неизбирательныхъ — ни одного. *Опредѣлено:* донести г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа о состоявшемся баллотированіи, съ препровожденіемъ копій баллотировочнаго листа, проситъ его превосходительство ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. наставника Добіаша въ должности преподавателя греческаго языка въ Историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко.

24-го августа.

Статья 3-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 20 августа за № 8850 слѣдующаго содержанія: «Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 6 августа за № 8560, разрѣшилъ приобрѣсти для ввѣреннаго вамъ Института бібліотеку отъ наслѣдниковъ покойнаго профессора Шевырева, съ употребленіемъ на это *пяти тысячъ пяти сотъ рублей* изъ процентовъ съ пожертвованнаго княгинею Италійскою графинею Суворовою-Рымникскою капитала. О вышензложенномъ разрѣшеніи г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія имѣю честь сообщить вашему превосходительству для надлежащаго исполненія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 8 минувшаго іюня за № 26». *О ре-*

дѣлено: принявъ къ свѣдѣнію и исполненію изложенное въ докладной части предложеніе г. попечителя, спросить наслѣдниковъ Шевырева: когда и отъ кого можетъ быть принята предложенная ими къ пріобрѣтенію для Института библиотека.

28-го августа.

Статья 1-я. Въ настоящемъ засѣданіи конференціи рѣчь профессора Люперсольскаго подъ заглавіемъ: «Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла», по предварительномъ прочтеніи ея членами конференціи, одобрена къ произнесенію на торжественномъ актѣ 30-го августа 1876 г.

Ст. 2-я. Составленный ученымъ секретаремъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Института за 1875/6 г., по предварительномъ прочтеніи его членами конференціи, въ настоящемъ засѣданіи одобренъ къ произнесенію на торжественномъ актѣ.

Ст. 3-я. Разсматривали списокъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ въ латинскомъ, греческомъ и русскомъ языкахъ, для поступленія въ число студентовъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣживѣ. По внимательномъ обсужденіи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ по тремъ вышеозначеннымъ предметамъ, а также по выслушаніи рапорта г. врача Института о результатѣ произведеннаго имъ по распоряженію его превосходительства, г. директора Института, освидѣтельствованія состоянія здоровья подавшихъ прошенія о зачисленіи въ студенты Института, конференція наша возможнымъ принять въ студенты Историко-филологическаго института князя Безбородко нижепоименованныхъ 9 лицъ: *Бенько Павла, Доброумова Ивана, Ивануху Якова, Лебедева Сергѣя, Никольскаго Алексѣя, Никольскаго Николая, Покровскаго Василія, Троицкаго Ивана и Шпигеля Фердинанда.* **Опредѣлено:** принять въ студенты Историко-филологическаго института князя Безбородко означенныхъ въ докладной части сего протокола лицъ, о чемъ представить, на основаніи § 34 Высочайше утвержденнаго устава Института; на утвержденіе г. попечителя округа, а также увѣдомить, для надлежащихъ распоряженій, правленіе Института, съ препровожденіемъ въ оное и документовъ сихъ молодыхъ людей.

ПРАВИЛА ДЛЯ ИСПЫТАНІЙ

и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 13 ноября 1876 г.

1) Студенты, по окончаніи каждаго учебнаго года, подвергаются переводному или курсовому испытанію изъ всего пройденнаго въ теченіи года.

2) Для производства переводныхъ или курсовыхъ испытаній, распределяемыхъ заблаговременно конференціей, назначается не болѣе шести недѣль.

3) Испытанія производятся въ особо-назначенныхъ конференціей испытательныхъ комиссіяхъ, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ директора, или, по болѣзни, отсутствію, а равно по особымъ занятіямъ его по своей должности, инспектора, — изъ преподавателя предмета и ассистента.

4) Испытаніе производится преподавателемъ предмета, при чемъ представляется право предлагать вопросы прочимъ членамъ комиссіи. Въ случаѣ же болѣзни или отсутствія преподавателя, а также

если кафедра его осталась незамѣщенной, конференція поручаетъ производство испытанія одному изъ наличныхъ преподавателей.

5) Испытанія бываютъ устные и письменныя. Последнія назначаются непременно по языкамъ древнимъ и русскому.

6) Испытаніе по новымъ языкамъ производится только окончательное—или на одномъ изъ курсовыхъ, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ, по желанію каждаго студента.

7) Испытанія производятся по вопросамъ, составленнымъ на основаніи программъ преподаванія, предварительно разсмотрѣнныхъ и утвержденныхъ конференціей. Эти вопросы сообщаются студентамъ, не менѣе какъ за три дня до начала испытанія по каждому предмету.

8) Вопросы предлагаются студентамъ или по жребію, въ формѣ билета, или словесно, по соглашенію между членами комиссіи. Число предлагаемыхъ вопросовъ предоставляется усмотрѣнію комиссіи.

9) Оцѣнка познаній студентовъ по устнымъ или письменнымъ испытаніямъ, а равно и сочиненій, опредѣляется цифрами: 1, 2, 3, 4 и 5, соотвѣтствующими словеснымъ опредѣленіямъ: слабое, посредственное, хорошее, очень хорошее и отличное знаніе.

10) При оцѣнкѣ познаній студентовъ принимаются во вниманіе ихъ годовыя отмітки; по древнимъ же языкамъ, преподаваніе которыхъ, сопровождаясь ежедневною провѣркою приготовленія студентовъ къ лекціямъ и еженедѣльными письменными упражненіями, отличается особымъ характеромъ сравнительно съ преподаваніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, годовыя отмітки по устнымъ и письменнымъ упражненіямъ выставляются въ особыхъ графахъ и входятъ въ сложеніе, для вывода средней отмітки, съ отмітками по испытанію, устному и письменному.

11) Отмітка за письменные отвѣты по языкамъ древнимъ и русскому, а также за сочиненіе студентовъ, назначаемое ежегодно по каждому изъ главныхъ предметовъ, слагаются съ отмітками по устнымъ испытаніямъ изъ того же предмета и изъ нихъ выводится средняя.

12) Отмітки ставляться преподавателемъ по соглашенію съ прочими членами комиссіи. Въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ познаній студента, вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, а при раздѣленіи голосовъ—выводомъ средней цифры изъ отмітокъ всѣхъ членовъ комиссіи. Въ случаѣ же несогласія кого-либо изъ членовъ комиссіи съ результатомъ послѣдней оцѣнки, дѣло передается въ конференцію, которая и рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

13) Отмітка менѣе 3-хъ лишаетъ студента права на переходъ въ слѣдующій курсъ, если не послѣдуетъ рѣшенія конференціи, по особо важнымъ соображеніямъ, ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о переводѣ, при чемъ ходатайство конференціи возможно только при отміткѣ менѣе 3 изъ *одного* предмета, при отміткѣ же менѣе 3 изъ *двухъ и болѣе* предметовъ студентъ, по опредѣленію конференціи, утвержденному высшимъ начальствомъ, или остается въ томъ же курсѣ, или увольняется изъ Института.

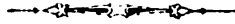
14) Студентъ, не подвергавшійся экзамену по болѣзни, допускается къ экзамену послѣ вакаціоннаго времени только съ разрѣшенія конференціи.

15) Кромѣ переводныхъ или курсовыхъ испытаній по окончаніи каждаго учебнаго года, для контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ въ теченіе года назначаются: по древнимъ языкамъ еженедѣльные письменныя и практическія упражненія въ переводѣ съ русскаго языка и провѣрка домашняго чтенія древнихъ авторовъ, репетиціи и сочиненія, по возможности, по каждому изъ главныхъ предметовъ.

16) Время для репетицій назначается конференціей въ началѣ каждаго полугодія; при чемъ наблюдается, чтобы на одинъ день не приходилось болѣе одной, а въ теченіе недѣли не назначалось болѣе трехъ репетицій. Распредѣленіе репетицій на полугодіе сообщается студентамъ немедленно по составленіи его конференціей.

17) Сочиненія въ порядкѣ предметовъ, опредѣляемомъ конференціей, назначаются студентамъ съ начала учебнаго года, при чемъ каждый преподаватель въ установленномъ порядкѣ въ свое время

предлагаетъ студентамъ на собственный ихъ выборъ нѣсколько темъ. Предлагаемыя темы должны относиться къ содержанию прочитанныхъ лекцій, при чемъ, для основательнаго усвоенія послѣднихъ, указываются, для изученія, главнѣйшіе источники и пособія. Для сочиненія по каждому предмету назначается не менѣе одного мѣсяца.

РѢЧЬ

директора Института князя Безбородко Н. А. Лавровскаго, произнесенная на актъ 30 августа 1876 года.

Милостивые Государи!

Годъ тому назадъ, представляя отчетъ о состояніи Института, Лицея и Гимназій, относительно перваго я могъ сообщить только свѣдѣнія о тѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, которыми было вызвано къ жизни новое учрежденіе, предназначенное служить новымъ разсадникомъ наставниковъ русскаго юношества, и о тѣхъ приготовительныхъ мѣрахъ, которыя были необходимы для его открытія. Въ настоящее время, кромѣ свѣдѣній о продолжающемся устройствѣ Института, внѣшнемъ и внутреннемъ, конференція имѣетъ честь представить общія свѣдѣнія о его существованіи въ теченіи цѣлаго учебнаго года. Не касаясь частныхъ явленій, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ отчетѣ и будутъ вслѣдъ за симъ предложены вашему вниманію, я позволяю себѣ воснуться въ не многихъ словахъ нѣкоторыхъ общихъ явленій изъ жизни трехъ вѣрренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній.

Извѣстный вамъ личный составъ преподавателей Института къ наступающему учебному году увеличился преподавателемъ философіи, кандидатомъ С.-Петербургскаго университета, только что возвратившимся изъ-за границы, гдѣ онъ занимался специальнымъ изученіемъ своего предмета въ теченіе года, г. Гротомъ, опредѣленнымъ съ званіемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора по ка-

одрѣ философіи, наставникомъ Института, окончившимъ курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ и также только что возвратившимся изъ-за границы, гдѣ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ занимался спеціальнымъ изученіемъ классической философіи, г. Фогелемъ. Съ опредѣленіемъ послѣдняго, Институтъ получилъ полное число наставниковъ, положенное по штату. Общее число наличныхъ учебныхъ и воспитательныхъ силъ, готовыхъ къ предстоящему имъ труду, вполне удовлетворяетъ потребностямъ Института при его первыхъ двухъ курсахъ. Основными и, позволю себѣ сказать, вполне благонадежными силами Институтъ уже обладаетъ; въ послѣдствіи съ открытіемъ всѣхъ четырехъ курсовъ, понадобятся только дополнительные, пріобрѣтеніемъ которыхъ предстоитъ своевременно озаботиться. Обращаясь къ настоящему составу преподавателей и наставниковъ, въ самыхъ существенныхъ интересахъ заведенія, я не могу не высказать надежды, что онъ на долго посвятитъ ему свои силы, что въ немъ, съ теченіемъ времени, образуется та съ каждымъ годомъ укрѣпляющаяся связь съ заведеніемъ, какая возникаетъ между питомцемъ и воспитателемъ, влагающимъ душу въ дѣло воспитанія. Противъ такой связи бессильны житейскія соображенія и расчеты. Кроме того, въ личномъ составѣ служащихъ въ Институтѣ произошли слѣдующія перемѣны: врачъ Института и гимназіи, лекаръ Савелій Григорьевичъ Ковнеръ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности и на его мѣсто опредѣленъ стипендіатъ университета св. Владиміра для приготовленія къ профессорскому званію, лекаръ съ отличіемъ Евгений Васильевичъ Вербицкій. Эзекунторъ и экономъ Института и гимназіи Конискій, послѣ почти полувѣковой службы, по собственному прошенію уволенъ отъ должности.

Учащіеся. Изъ 28 студентовъ перваго курса, по опредѣленію конференціи, утвержденному г-мъ попечителемъ, переведено во 2-й курсъ 21.

Въ прежнемъ отчетѣ я имѣлъ честь указать на тѣ побужденія, коими руководствовалась конференція въ пріемъ трехъ молодыхъ людей сверхъ числа, положеннаго по штату, — на желаніе предоставить себѣ возможность, обративъ особенное вниманіе на подавшихъ поводъ къ сомнѣніямъ и колебаніямъ относительно пріема, точнѣе испытать

ихъ способности и трудолюбіе въ теченіе цѣлаго учебнаго года, на пользу для полноты комплекта въ послѣдующихъ курсахъ имѣть въ запасъ до трехъ студентовъ въ первыхъ. Соображенія конференціи на опытѣ оказались весьма основательными: нѣкоторые изъ принятыхъ, подѣ условіемъ успѣшности занятій, выровнявшись въ теченіе года, оказали на переводныхъ испытаніяхъ вполне удовлетворительные успѣхи. Говоря вообще, о занятіяхъ студентовъ перваго институтскаго курса я могу отозваться съ полнымъ одобреніемъ, и едва-ли не съ большимъ—о ихъ поведеніи. Въ послѣднемъ отношеніи, соблюдая строгую истину, я долженъ заявить, что въ теченіе цѣлаго учебнаго года не было ни одного проступка, который бы можно было назвать злокачественнымъ, въ которомъ можно бы было подмѣтить признаки испорченной природы, и я позволю себѣ высказать увѣренность, что этотъ курсъ не только поддержитъ образовавшееся о немъ мнѣніе конференціи, но и, совершенствуясь нравственно, будетъ служить примѣромъ для вновь поступающихъ, дѣйствуя на нихъ воспитательно.

Изъ 14 подавшихъ прошеніе о поступленіи въ Институтъ въ нынѣшнемъ году и послѣ медицинскаго освидѣтельствованія конференція признала возможнымъ принять 9-ть. Недостаточное число подавшихъ прошеніе повидимому находится въ связи съ совершающимися преобразованиями въ семинаріяхъ, которыя доставляютъ обимъ Институтамъ наибольшій контингентъ.

Истекшій учебный годъ былъ годомъ устройства внутренней жизни Института, внесенія въ нее порядка, снабженія ея правилами, въ предѣлахъ которыхъ должно совершаться правильное и цѣлесообразное движеніе этой жизни. Конференціи предстояло много труда. Ею составлены были и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія инструкціи для самой конференціи, правленія и разныхъ должностныхъ лицъ, правила для студентовъ, больницы, для переводныхъ испытаній и другихъ видовъ контроля надъ занятіями студентовъ (утвержденіе послѣднихъ еще не состоялось), наконецъ проектъ положенія и штатовъ соединенной съ Институтомъ гимназіи. Всѣхъ засѣданій конференціи было 26. Если конференція много потрудила для регламентаціи внутренней жизни Института, то правленіе не менѣе озабочено было опредѣленіемъ условій матеріальной жизни студентовъ и

преимущественно мѣрами для имѣвшихся производиться нынѣшнимъ лѣтомъ въ обширныхъ размѣрахъ работъ по расширенію помѣщеній студентовъ, а также по постройкѣ разныхъ службъ, и вслѣдъ затѣмъ наблюденіемъ надъ самымъ производствомъ этихъ работъ. Всѣхъ за-сѣданій правленія было 75. Въ нынѣшнемъ году должны окончиться въ чернѣ: надстройка 3-го этажа, постройка необходимыхъ службъ, на что ассигновано изъ Государственнаго казначейства 50590 руб. Кромѣ того, въ этомъ же году должна начаться постройка двухъ каменныхъ флигелей для преподавателей Института, на что Высочайше утвержденнымъ 27-го апрѣля 1876 года мнѣніемъ Государственнаго совѣта разрѣшено до 38701 руб. 72 коп. изъ свободныхъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія 1875 — 1876 годовъ. Такимъ образомъ мысль объ устройствѣ казенныхъ помѣщеній для преподавателей, благодаря энергическому участию г. министра народнаго просвѣщенія и усердному содѣйствію нашего достоуважаемаго почетнаго попечителя графа А. И. Мусина-Пушкина, всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ относящагося къ нуждамъ Института, получивъ Высочайшее утвержденіе, будетъ осуществлена въ ближайшемъ будущемъ; до того времени всѣ преподаватели, за исключеніемъ одного, будутъ удобно помѣщены въ институтскихъ зданіяхъ. И такъ, еще одно лѣто, и Институтъ, благодаря щедро и обильно дарованнымъ средствамъ, будетъ вполне и надолго обеспеченъ всѣмъ, что необходимо для его внѣшняго благосостоянія.

Лицей князя Безбородно въ концѣ учебнаго года, вмѣстѣ съ послѣднимъ выпускомъ, прекратилъ свое существованіе. Согласно съ утвержденнымъ представленіемъ Совѣта лицея, послѣдніе курсы лицея раздѣлены были между двумя преподавателями—*Яснопольскимъ*, представшимъ законы казеннаго управленія и государственнаго благоустройства, и *Мозговымъ*, преподававшимъ по найму гражданскіе законы и законы государственнаго благочинія. Съ закрытіемъ лицея, первый остался за штатомъ на общемъ основаніи. Мнѣ остается упомянуть добрымъ словомъ лицей, сослужившій свою общественную службу и удовлетворявшій въ свое время потребностямъ, вызвавшимъ его учрежденіе: послѣдній курсъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ сдалъ свой

окончательный экзаменъ; изъ 24 студентовъ удостоены высшаго, XII класса, 16 и только 8—XIV класса.

Гимназія. Въ прежнемъ отчетѣ я имѣлъ честь объявить о Высочайше утвержденномъ 4 іюля прошлаго года положеніи о 120 казенныхъ стипендіатахъ при институтской гимназіи, по 30 въ каждомъ изъ высшихъ четырехъ классовъ, обязанныхъ по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступить въ Историко-филологическій институтъ. Къ началу наступающаго учебнаго года заявившихъ желаніе поступить на означенныя стипендіи было 17; изъ нихъ, по рассмотрѣніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній о ихъ учебныхъ занятіяхъ и поведеніи, доставленныхъ начальствами гимназій и прогимназій, а также ихъ письменныхъ работъ на послѣднемъ испытаніи, принято 11, соотвѣтственно суммѣ, ассигнованной для настоящаго учебнаго года, въ количествѣ 2260 руб. Такимъ образомъ гимназическій стипендіальный институтъ, вмѣстѣ съ которымъ гимназія становится приготовительной школой для Института, имѣющею доставлять послѣднему непрерывный и вполне благонадежный контингентъ, въ наступающемъ учебномъ году получилъ свое начало, и нѣтъ сомнѣній, что по мѣрѣ освобожденія казенныхъ стипендій въ разныхъ гимназіяхъ Имперіи, онъ въ непродолжительное время окажется въ полномъ своемъ составѣ, опредѣленномъ положеніемъ.

Существовавшіе въ гимназіи три низшіе параллельные класса, необходимые въ свое время, въ послѣдніе годы, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія числа поступающихъ въ эти классы, не могли имѣть надлежащаго контингента. Въ прежніе годы, при усиливавшемся запросѣ на образованіе, когда Нѣжинская гимназія вмѣстѣ съ Черниговской должна была удовлетворять потребностямъ цѣлой губерніи, число поступавшихъ въ нее увеличивалось съ каждымъ годомъ и вызвало необходимость открытія параллельныхъ классовъ. Число учениковъ въ послѣднихъ, доходившее до 30, поддерживалось долго съ замѣчательнымъ постоянствомъ, чѣмъ вполне и оправдывалась ихъ необходимость. Со времени же открытія гимназіи въ Лубнахъ, гимназіи и учительскаго института въ Глуховѣ, прогимназіи въ Прилукахъ, Суражѣ, число поступающихъ въ низшіе классы Нѣжинской гимназіи стало замѣтно уменьшаться. На приемныя испытанія въ августѣ прошлаго

года желавшихъ поступить въ приготовительный классъ явилось только 31, въ 1-й 24, такъ что первый параллельный классъ упразднился самъ собою; въ августѣ нынѣшняго года подавшихъ прошеніе о поступленіи во всѣ три низшіе класса было только 22, вслѣдствіе чего упразднился и 2-й параллельный классъ, такъ что въ наступившемъ учебномъ году останется только одинъ третій; вслѣдствіе того же преподаватели параллельныхъ классовъ, Молодшій и Воробьевъ, должны были оставить гимназію. Сумма, назначенная на параллельные классы, 3515 р., новымъ положеніемъ введена въ общую штатную сумму гимназій.

Нѣжинская гимназія въ истекшемъ учебномъ году получила новое положеніе и новые штаты, Высочайше утвержденные 9 іюля сего года. вмѣстѣ съ симъ точно и вполне благоприятно опредѣлились и ея учебныя и воспитательныя силы, и ея отношеніе къ Институту, и, наконецъ, ея матеріальныя средства. Чтобы представить себѣ обиліе послѣднихъ, достаточно указать, что общій бюджетъ соединенной съ Институтомъ гимназій на 6109 р. превышаетъ бюджетъ институтской С.-Петербургской гимназій и на 3515 р. бюджетъ нормальной классической гимназій по уставу 1871 года. Если несомнѣнно, что отъ внѣшняго благосостоянія учебнаго заведенія во многомъ зависитъ внутреннее, то нельзя не признать, что она поставлена въ наилучшія условія для успѣха своей дѣятельности, и притомъ преимущественныя сравнительно со всѣми гимназій имперіи. Я позволю себѣ выразить твердую увѣренность, что всѣ, отъ кого зависитъ преуспѣяніе нашей гимназій, всѣ, на комъ лежитъ нравственная обязанность прямого направленія ея къ предначертанной ей высокой цѣли, посвятятъ ей всѣ свои силы, честно исполнять возложенныя на нихъ обязанности.

Мм. Гг. Изъ предложеннаго Вашему вниманію краткаго обзорнія общихъ явленій изъ жизни двухъ, вѣреннхъ мнѣ, учебныхъ заведеній, Вы могли усмотрѣть, что истекшій годъ былъ для нихъ въ высокой степени знаменательнымъ и навсегда достопамятнымъ: въ этомъ году не только дана жизнь одному и преобразовано другое, но и совершилось внѣшнее и внутреннее ихъ устройство, точно очерченъ кругъ, въ которомъ должно совершаться ихъ движеніе въ будущемъ, оба заведенія щедро надѣлены всѣмъ, что необходимо для ихъ преу-

спѣянiя. Начиная новый учебный годъ, мы смѣло можемъ смотрѣть впередъ, точно сознавая и высокую, предначертанную обоимъ заведенiямъ, цѣль и способы къ достиженiю этой цѣли. Съ нашей стороны необходимо только неуклонное стремленiе къ этой цѣли, живое воодушевленiе ею и это для того, чтобы своею дѣятельностию и полнотою ея успѣховъ оправдать возлагаемыя на Институтъ и его гимназiю надежды Государя Императора, въ Его стремленiяхъ къ установленiю на неизменныхъ началахъ системы образованiя русскаго юношества.

ОТЧЕТЪ

о состояніи и дѣятельности Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 187⁵/₆ учебный годъ, читанный на годичномъ актѣ 30 августа 1876 года ученымъ секретаремъ конференціи П. В. Никитинымъ.

14-го Сентября 1875 года состоялось торжественное открытіе Историко-Филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Повѣрочныя испытанія для желающихъ поступить въ число студентовъ Института производились во второй половинѣ августа того же года. Въ испытаніямъ явилось 42 молодыхъ чловѣка; изъ нихъ принято 25, въ томъ числѣ одинъ бывшій студентъ университета, 2 воспитанника гимназій и 22 воспитанника духовныхъ семинарій. Приняты безъ повѣрочнаго испытанія переведенные, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, въ 1-й курсъ Института князя Безбородко 3 студента того же курса Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института. Такимъ образомъ общее число студентовъ, принятыхъ въ Институтъ предъ началомъ 1875/6 учебнаго года было 28. Изъ принятыхъ по экзамену 17 обнаружили, говоря вообще, познанія удовлетворительныя и не подали повода къ колебаніямъ по вопросу о ихъ приѣмѣ въ Институтъ. Слабѣ были познанія остальныхъ 8 молодыхъ людей, подавшихъ поводъ въ конференціи къ продолжительнымъ сужденіямъ о сравнительномъ достоин-

ствѣ ихъ познаній по всѣмъ предметамъ испытаній. Однако конференція, съ одной стороны принимая во вниманіе незначительность различій въ достоинствахъ ихъ познаній, съ другой — желая предоставить себѣ возможность, обративъ на нихъ особенное вниманіе, опредѣлить точнѣе ихъ способности и трудолюбіе въ теченіе перваго учебнаго года, наконецъ считая вообще полезнымъ для полноты комплекта въ послѣднихъ курсахъ имѣть въ запасъ отъ одного до трехъ студентовъ въ первыхъ, постановила, принявъ всѣхъ этихъ 8 молодыхъ людей, объявить имъ, что на нихъ обращено будетъ особенное вниманіе и что неуспѣшность ихъ занятій въ теченіе года неминуемо повлечетъ за собою увольненіе изъ Института. Послѣ курсовыхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ текущаго года, 21 студентъ переведенъ во второй курсъ, два, обнаружившіе познанія не по всѣмъ предметамъ удовлетворительныя и два, вовсе не подвергавшіеся курсовымъ испытаніямъ вслѣдствіе продолжительной болѣзни въ теченіи года, оставлены на второй годъ въ 1-мъ курсѣ и 3 уволены изъ Института за малоуспѣшность, со свидѣтельствами на званіе учителя уѣзднаго училища. Изъ числа тѣхъ 8 молодыхъ людей, отвѣты которыхъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ, при поступленіи въ Институтъ, оказались не вполне удовлетворительными, 5 переведены во второй курсъ, 2 оставлены на второй годъ въ 1-мъ курсѣ и 1 уволенъ за малоуспѣшность.

На повѣрочныя испытанія для поступленія въ первый курсъ Института, производившіяся во второй половинѣ августа текущаго года, изъ 14 молодыхъ людей подавшихъ прошенія явилось 13. Принято изъ нихъ 9, въ томъ числѣ 1 бывший студентъ университета, 2 воспитанника гимназій и 6 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такъ какъ кромѣ того въ первомъ же курсѣ оставлено 4 студента, принятыхъ въ Институтъ въ прошломъ году, то всего въ этомъ курсѣ Институтъ имѣетъ 13 студентовъ, а въ обоихъ курсахъ 34.

Въ истекшемъ учебномъ году студентамъ 1-го курса преподавались слѣдующіе предметы: законъ Божій (священникъ Хойнацкій), Греческая словесность (исправляющій должность экстра-ординарнаго профессора Никитинъ), римская словесность (ординарный профессоръ Фохтъ), славянская филологія (ординарный профессоръ Будиловичъ), русская словесность (директоръ Лавровскій), всеобщая исторія (ординар-

ный профессор Люперольскій), русская исторія (ординарный профессор Аристовъ), языки французскій (преподаватель Сертье) и нѣмецкій (преподаватель Штейнъ).

По закону *Божію* (одна лекція въ недѣлю) предметомъ чтеній было: а) введеніе въ науку догматическаго богословія, б) ученіе православнаго догматическаго богословія о Богѣ и в) православное христіанское ученіе о мірѣ.

По *греческой словесности* (5 лекцій въ недѣлю и одинъ день въ двѣ недѣли для домашняго чтенія греческихъ писателей) изложены основные законы устройства эпическаго гекзаметра, переведены и объяснены I и первая половина V пѣсни Одиссеи; сдѣланъ краткій обзоръ жизни и сочиненій Ксенофонта и переведены и объяснены 1-я и часть 2-й главы первой книги Ксенофоновыхъ *Ἀπομνημονεύματα*. При чтеніи Гомера вниманіе слушателей сосредоточивалось главнымъ образомъ на сличеніи формъ эпическаго іонизма съ формами аттическаго нарѣчія, а при чтеніи Ксенофонта на синтаксическомъ строѣ рѣчи этого прозаика. Въ домашнемъ чтеніи студентами пройдены II-я и конецъ V пѣсни Одиссеи, а также III, IV и начало V книги сочиненія Ксенофонта *Ἀνάβασις*. Въ связи съ устными и письменными переводами съ русскаго языка на греческій повторены главнѣйшіе отдѣлы греческаго синтаксиса. Тексты для устныхъ переводовъ съ русскаго брались изъ сборника Григоревскаго, а для письменныхъ были составляемы преподавателемъ.

По *римской словесности* (6 лекцій еженедѣльно и одинъ день въ двѣ недѣли для домашняго чтенія латинскихъ писателей) на лекціяхъ читались Овидіевы *Tristia*, а именно: 10-я элегія IV-й и 1-я I-й книги и «*Tusculanae disputationes*» Цицерона, а именно: первые 29 главъ первой книги; въ то же время изложенъ былъ *syntaxis congnuentiae* и *syntaxis verbi* латинскаго языка по грамматикѣ Ходобая и потому же руководству пройдены глаголы, отступающіе въ образованіи своихъ формъ отъ общихъ правилъ. Съ русскаго на латинскій студенты переводили письменно задачи, составленныя профессоромъ, съ цѣлію практическаго усвоенія студентами синтаксическихъ правилъ по мѣрѣ теоретическаго ихъ изученія, изъ выраженій, встрѣтившихся въ прочитанныхъ отрывкахъ Цезаря, Цицерона и Овидія, а

устно-отдѣльныя фразы, частію предложенныя словесно самимъ профессоромъ, частію заимствованныя изъ книги упражненій къ латинской грамматикѣ Ходобая и Виноградова. Домашнимъ образомъ студентами прочитаны нѣсколько главъ первой книги ›Тускулянскихъ бесѣдъ‹ и четыре первыя книги и избранныя мѣста изъ книгъ 5 и 6 ›Галльской войны Цезаря‹.

По *славянской филологіи* (3 лекціи въ недѣлю) прочитаны слѣдующіе отдѣлы славяновѣднія: 1) топографическій обзоръ территорій западнаго и южнаго славянства; 2) этнографическій очеркъ современнаго славянства, 3) первый отдѣлъ славянскихъ древностей, заключенный VI вѣкомъ по Р. Хр., 4) введеніе въ славянскую филологію, обнимающее очеркъ исторіи языкознанія, съ изложеніемъ основаній науки объ языкѣ, а также системъ классификаціи языковъ вообще и славянскихъ въ особенности; 5) изъ исторической грамматики славянскаго языка: отдѣлъ первый о звукахъ (фонетика) и изъ отдѣла втораго о формахъ (морфологіи) ученіе о формахъ корней и способахъ образованія именныхъ темъ.

По *русской словесности* (двѣ лекціи въ недѣлю; чтенія начались со времени полученія на то разрѣшенія отъ г. министра народнаго просвѣщенія, т. е. съ 27 октября 1875 года) прочитана исторія русской литературы Кіевскаго періода съ обзорѣмъ русской народной поэзіи.

По *всеобщей исторіи* (4 лекціи въ недѣлю) преподаана исторія древняго востока по слѣдующей программѣ: 1) введеніе во всеобщую исторію; 2) исторія Индіи (Индустана); 3) исторія Вавилона и Ассиріи; 4) исторія Ирана и 5) исторія Египта.

По *русской исторіи* (3 лекціи въ недѣлю) прочитана исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ до царей изъ дома Романовыхъ.

По *французскому языку* (3 лекціи въ недѣлю) преподаватель занимался со студентами грамматикою и переводами съ русскаго языка на французскій и съ французскаго на русскій по книгѣ Игнатовича.

По *нѣмецкому языку* (3 лекціи въ недѣлю) занятія состояли

въ изученіи грамматики и переводахъ на русскій языкъ 30-ти лѣтней войны Шиллера.

Всего обязательныхъ для студентовъ лекцій въ недѣлю было 27. Одинъ день въ недѣлю (четвергъ) оставленъ былъ совершенно свободнымъ отъ лекцій съ тою цѣлью, чтобы студенты посвящали его домашнему чтенію древнихъ авторовъ, то греческихъ, то латинскихъ, попеременно. Не ограничиваясь только приготовленіемъ къ лекціямъ и репетиціямъ, студенты составляли сочиненія по предметамъ: исторіи русской литературы, славянской филологіи, и русской и всеобщей исторіямъ. Профессорами и преподавателями пропущено было по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ въ теченіи года всего 26 лекцій.

Въ теченіе учебнаго года профессорами Института изданы слѣдующіе ученые труды: 1) Законоучителемъ А. Ѳ. Хойнацкимъ: »объ обрядахъ, предшествующихъ совершенію крещенія, для практическаго руководства священнослужителей (напечатано въ »Христіанскомъ чтеніи «) и »Путеводитель по горѣ Почаевской« (отдѣльная книжка); 2) Н. Я. Аристовымъ напечатанныя въ сборникѣ »Древняя и Новая Россія: « »Преданія о мѣстныхъ Святыхъ«, »Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ и нѣсколько критическихъ статей; 3) Р. А. Фохтомъ напечатанныя въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статьи: критическая замѣтка о Cic. Tuscul. II и »Логическая связь мыслей въ первой книгѣ Тукуланскихъ бесѣдъ Цицерона»; 4) А. С. Будиловичемъ: »XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской С.-Петербургской бібліотеки XI вѣка (С.-Пб. 1875 г.); статьи частію уже напечатанныя въ 1-мъ томѣ славянскаго сборника, частію печатающіяся во II-мъ томѣ того же изданія подъ заглавіями: »Нѣсколько замѣчаній и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи«, »О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ«, »Нѣсколько замѣчаній о славяновѣдѣніи«, »О всеславянскомъ литературномъ языкѣ«; три публичныя лекціи изъ Сербской исторіи, читанныя въ гг. Нѣжинѣ и Кіевѣ: 1) «о паденіи Сербскаго Царства, 2) о возрожденіи Сербскаго народа и 3) о взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ русскаго и сербскаго« и рядъ полнѣше-

скихъ статей о восточномъ или славянскомъ вопросѣ, напечатанныхъ въ журналѣ »Гражданинъ« за 1875 и 1876 годы; 5) П. В. Никитинымъ исследование »объ основахъ для критики текста эолическихъ стихотвореній Θεокрита«. (Кіевъ 1876 г., напечатано на средства, дарованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія).

Конференція Института имѣла въ теченіи учебнаго года 26 засѣданій. Главными предметами занятій конференціи, кромѣ текущихъ дѣлъ, были слѣдующіе: 1) избраны: а) и. д. экстра-ординарнаго профессора Никитинъ на должность ученаго секретаря и наставникъ Н. С. Кирилловъ—на должность бібліотекаря; 2) приглашены къ преподаванію студентамъ Института французскаго языка учитель той же гимназіи Сертье и нѣмецкаго—учитель той-же гимназіи Штейнъ; 3) во вниманіе многочисленности и важности предметовъ, входящихъ въ каѣдру русской словесности, преподаваніе исторіи русской литературы отдѣлено отъ преподаванія славянской филологіи и первое предложено директору Н. А. Лавровскому, а послѣднее оставлено за ординарнымъ профессоромъ по означенной каѣдрѣ А. С. Будиловичемъ. 4) Ординарному профессору по каѣдрѣ всеобщей исторіи П. И. Люперольскому поручено завѣдываніе имѣющимся при Институтѣ собраніемъ монетъ и медалей; 5) составлены: а) проекты инструкцій объ обязанностяхъ конференціи, педагогическаго совѣщанія, правленія, директора, инспектора, профессоровъ, наставниковъ, преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ Института и проекты правилъ [для студентовъ института и правилъ лазаретныхъ; б) рассмотрѣны и одобрены составленные въ особыхъ комиссіяхъ, назначенныхъ конференціею, проекты: а) правилъ для бібліотеки Института и б) правилъ для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Института; 7) рассмотрѣны и одобрены, выработанныя въ особыхъ засѣданіяхъ хозяйственнаго комитета соединенной съ Институтомъ гимназіи: а) соображенія и мѣры относительно будущаго положенія и содержанія стипендіатовъ означенной гимназіи и б) проектъ положенія и штатовъ той-же гимназіи; 8) принимая во вниманіе многосложность занятій обязательныхъ для студентовъ Института, конференція постановила: а) сдѣлать обязательнымъ для каждаго студента изученіе только одного изъ новыхъ языковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить каждому желающему возможность изученія обоихъ и б) по новымъ

языкамъ обязательныхъ курсовыхъ испытатій не производить, но предоставить студентамъ, смотря по желанію каждаго, сдавать окончательный по этимъ предметамъ экзаменъ или на одномъ изъ курсовыхъ испытаній, или-же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ; в) во избѣжаніе затруднительнаго для студентовъ совпаденія на одной недѣлѣ нѣсколькихъ репетицій по разнымъ предметамъ, составлено точное распредѣленіе репетицій; 9) съ цѣлью усиленія научной дѣятельности Института, конференція, признавъ полезнымъ издавать при Институтѣ періодическій сборникъ подъ заглавіемъ «Извѣстія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ», выработала основанія для означеннаго изданія; 10) членами конференціи рассмотрѣнъ заключающій въ себѣ 3135 названій каталогъ библіотеки покойнаго профессора Шевырева, предложенный наследниками профессора къ приобрѣтенію для Института; такъ-какъ отдѣлъ этой библіотеки по русской словесности и всеобщей литературѣ представляетъ собою полное, со знаніемъ дѣла составленное собраніе сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя очень рѣдки и даже вовсе не существуютъ болѣе въ продажѣ, а въ другихъ отдѣлахъ такъ-же содержатся книги болѣе или менѣе нужныя для пополненія Институтской библіотеки, то конференція опредѣлила просить высшее начальство о дозволеніи приобрѣсти означенную библіотеку для Института, на что и послѣдовало разрѣшеніе высшаго начальства; 11) опредѣлено положить начало устройству особой студенческой библіотеки посредствомъ выдѣленія дублетовъ изъ состава фундаментальной библіотеки Института, а равно и посредствомъ приобрѣтенія книгъ покупкою по мѣрѣ средствъ Института; 12) для пополненія комплекта преподавателей, наставниковъ и другихъ должностныхъ лицъ Института на будущій 1876/7 учебный годъ конференціею приняты слѣдующія мѣры: а) кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Н. Я. Гротъ приглашенъ для преподаванія въ Институтѣ философіи въ званіи исправляющаго должность экстра-ординарнаго профессора, въ каковомъ званіи и утверждень 15 іюня; б) окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ со званіемъ учителя гимназій и находившійся въ послѣднее время въ заграничной командировкѣ для приготовленія къ званію профессора по предметамъ классической филологіи А. М. Фогель избранъ на должность наставника студентовъ (и въ этой должности утверждень съ 1 іюля), ему-

же поручены нѣкоторые отдѣлы преподаванія римской словесности въ первомъ курсѣ Института; в) наставнику студентовъ А. В. Добіашу поручена въ томъ-же курсѣ часть преподаванія греческой словесности; г) по случаю перемѣщенія изъ Нѣжина учителя гимназіи Штейна, состоявшаго въ Институтѣ преподавателемъ нѣмецкаго языка, для преподаванія этого предмета студентамъ Института приглашенъ учитель Нѣжинской гимназіи г. Мургуловичъ; д) въ виду крайней сложности и обременительности занятій бібліотекаря въ Институтѣ, который будетъ имѣть до 100 студентовъ и ежегодно приобрѣтаетъ книгъ на сумму до 2600 руб. сер., а при существованіи ежегодныхъ общихъ остатковъ и болѣе, конференція признала неотложною необходимостью имѣть при Институтѣ особаго штатнаго бібліотекаря, который былъ-бы свободенъ отъ другихъ служебныхъ обязанностей по Институту, а потому вошла къ высшему начальству съ представленіемъ объ учрежденіи при Институтѣ штатной должности бібліотекаря, съ платою по 800 руб. въ годъ и казенной квартирой или квартирными деньгами въ количествѣ 150 руб. серебромъ.

Педагогическое совѣщаніе, имѣвшее въ теченіи года 10 засѣданій, обсуждало успѣхи и поведеніе студентовъ, вырабатывало мѣры къ ихъ вящему научному и нравственному преуспѣянію, и о важнѣйшихъ дѣлахъ доносило конференціи.

Библіотека Института, въ основаніе которой легла библіотека бывшаго лица князя Безбородко, увеличенная приобрѣтеніемъ библіотеки покойнаго Директора С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института, Штеймана, пополнялась въ теченіи года покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей, присылкою казенныхъ изданій и пожертвованіями какъ высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ. Въ библіотеку-же Института поступили дублиеты библіотеки Императорскаго Варшавскаго университета, а также библіотека Нѣжинскаго Александровскаго училища, заключающая въ себѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ: богословскому, классическому, историческому и литературному. Отдѣлъ Гоголевскихъ рукописей обогатился приобрѣтеніемъ отъ вдовы покойнаго профессора Максимовича 24 писемъ знаменитаго писателя, которыя не лишены нѣкотораго историко-литературнаго значенія и—хотя

уже напечатаны, но напечатаны не точно и съ пропусками. Всего въ документальных каталогахъ библіотеки Института къ 30 августа настоящаго года значилось названій книгъ 5134, томовъ 16,874. Для большихъ удобствъ въ пользованіи библіотекою, положено начало устройству подвижнаго систематическаго каталога. Въ будущемъ учебномъ году библіотеку Института ожидаютъ весьма значительныя пріращенія, такъ-какъ кромѣ обширной библіотеки покойнаго профессора Швырева, въ распоряженіе Института поступятъ еще, изъ пожертвованной въ пользу Археографической комиссіи почетнымъ гражданиномъ Григорьевымъ библіотеки покойнаго члена Государственнаго Совѣта П. А. Муханова, дубликаты и другія книги, какія окажутся ненужными для Археографической комиссіи. Институтъ унаслѣдовалъ отъ лица князя Безбородко такъ-же милицъ-кабинетъ и картинную галлерей, пожертвованная графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородко. Картинная галлерей, еще неимѣющая для себя отдѣльнаго помѣщенія, состоитъ изъ 174 картинъ; въ милицъ-кабинетѣ находится около 4550 номеровъ монетъ и медалей.

ИЗВЛЧЕНІЕ

изъ отчета по гимназіи за истекшій 187⁵/₆ учебный годъ.

I. Меремѣны въ личномъ составѣ гимназіи.

1. Уволены:

1) Преподаватель исторіи и географіи, с. с. Венедиктъ Дмитріевичъ *Юскевичъ*—по прошенію, за выслугою лѣтъ.

2. Перемѣщены:

1) Преподаватель нѣмецкаго языка, с. с. Юлій Ивановичъ *Штейнъ*—преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Прилуцкую прогимназію.

2) Исправляющій должность учителя латинскаго языка, *Молодшій*—преподавателемъ въ Суражскую прогимназію.

3. Определены:

1) Наставникъ Института князя Безбородко, Антонъ Вячеславовичъ *Добіанъ*—преподавателемъ греческаго языка въ высшихъ классахъ, 7 и 8-мъ.

2) Наставникъ Института князя Безбородко, Николай Стратониковичъ *Кирилловъ*—преподавателемъ греческаго языка въ высшихъ классахъ, 5 и 6-мъ.

3) Кандидатъ университета Св. Владиміра, состоящій въ VIII классѣ, Иванъ Аонасьевичъ *Сребницкій*—преподавателемъ исторіи и географіи.

4) Воспитанникъ Кіевской духовной академіи, Георгій Дмитріевичъ *Мургуловичъ*—преподавателемъ нѣмецкаго языка.

5) Бывшій воспитатель Михайловской Воронежской военной гимназіи, с. с. Павелъ Ивановичъ *Борисовъ*—воспитателемъ гимназіи.

6) Бывшій учитель Темиръ-Ханъ-Шуринской окружной Горской школы, Андроникъ Александровичъ *Борода*—исправляющимъ должность воспитателя гимназіи.

4. Оставлены на службѣ сверхъ выслуги лѣтъ:

1) Преподаватель русскаго языка, с. с. Моисей Григорьевичъ *Левдикъ*, сверхъ выслуги 35 лѣтъ еще на два года.

2) Преподаватель математики, с. с. Климентій Андреевичъ *Мошинскій*, сверхъ выслуги 30 лѣтъ—еще на одно пятилѣтіе.

II. Награды и повышеніе въ чинахъ:

Преподаватель латинскаго языка, состоящій въ VIII классѣ, Я. М. *Гадзинскій*, произведенъ въ коллежскіе ассессоры со старшинствомъ съ 16 іюля 1867 года.

Денежныхъ наградъ удостоены:

Преподаватель русской словесности И. Н. *Михайловскій*, преподаватель латинскаго языка, П. Г. *Лана*, преподаватель математики, Ф. И. *Куликовскій*, письмоводитель гимназіи, Н. В. *Горбачевъ*.

III. Стипендіи и пособія ученикамъ. Освобожденіе отъ платы за ученіе.

Вслѣдствіе желанія Генералъ-Лейтенанта Рудановскаго перевести учрежденную въ 1869 году на пожертвованный имъ капиталъ въ 4000 р. при Лицеѣ князя Безбородко стипендію имени покойнаго отца его въ гимназію, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала при гимназіи двухъ стипендій, по сту рублей каждая, и на наименованіе ихъ стипендіями Платона Осиповича Рудановскаго. Означенныя стипендіи

въ минувшемъ учебномъ году получили ученики 1-го класса—*Малинка* и *Листопадъ*.

На основаніи § 32 устава, выдано въ пособіе бѣднымъ ученикамъ въ уплату за ученіе въ оба полугодія по 105 р. въ каждомъ 11 ученикамъ.

На основаніи § 31 того же устава, отъ платы за ученіе освобождены были въ 1-мъ полугодіи 25 и во 2-мъ 24 ученика гимназіи, а изъ учениковъ приготовительнаго класса въ 1-мъ полугодіи 4 и во 2-мъ 4.

Нѣжинская земская управа, въ пособіе бѣднымъ ученикамъ, въ уплату за ученіе въ 1-мъ полугодіи, назначила 250 р. 25-ти ученикамъ, во 2-мъ 300 р. 30-ти ученикамъ.

Учениковъ изъ евреевъ, получившихъ въ минувшемъ году пособіе по 60 р. изъ суммъ свѣчнаго сбора съ евреевъ, было 9.

СВѢДѢНІЯ ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ:

1) Въ распредѣленіи уроковъ сдѣлано было слѣдующее отступленіе отъ нормальнаго распредѣленія: въ VIII классѣ прибавленъ былъ, для усиленія преподаванія древнихъ языковъ, одинъ урокъ къ 6-ти нормальнымъ по греческому и по латинскому языкамъ, на что испрошено было разрѣшеніе начальства. Преподаваніе прочихъ предметовъ происходило согласно съ учебными планами. Въ преподаваніи употреблялись учебники и учебныя пособія, рекомендованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Годовая плата за обученіе рисованію и черченію была назначена по 3 р., вносилась по полугодіямъ и выдавалась преподавателю по мѣрѣ поступления.

Въ минувшемъ учебномъ году обучалось рисованію и черченію 21 ученикъ.

Гимнастикой занимались всѣ ученики гимназіи, за исключеніемъ слабыхъ здоровьемъ.

Пѣнію обучались ученики всѣхъ классовъ, имѣющіе голоса. Пѣнію обучалъ учитель *Молотковъ*, а хоровому церковному—наставникъ Института А. В. *Добіашъ*.

Танцамъ обучалось 20 учениковъ.

2) Количество книгъ въ бібліотекахъ основной и ученической.

Въ основную бібліотеку въ минувшемъ году вновь поступило: покупкою—61 названіе въ количествѣ 101 тома и 1049 названій въ количествѣ 1672 томовъ изъ основной бібліотеки бывшего лица по преобразованіи ея въ институтскую; такимъ образомъ въ настоящее время въ ней состоитъ 3236 названій въ 5941 томѣ.

Въ ученическую бібліотеку вновь поступило 52 названія въ 72 томахъ; въ настоящее время она содержитъ въ себѣ 644 названія въ 1526 томахъ.

3) Количество предметовъ въ кабинетахъ физическомъ и естественныхъ наукъ:

Въ минувшемъ учебномъ году въ физическомъ кабинетѣ инструментовъ и приборовъ состояло 283.

Кабинетъ естественныхъ наукъ заключалъ въ себѣ 320 разныхъ предметовъ: зоологическихъ 68, минералогическихъ 242, ботаническихъ 10.

Для преподаванія рисованія состояло приборовъ 314.

4) Особья распоряженія педагогическаго совѣта гимназіи:

Въ 1875—1876 учебномъ году педагогическихъ засѣданій было 52. Изъ нихъ 14 засѣданій были по поводу испытаній постороннихъ лицъ на званіе учителей и учительницъ. Предметами прочихъ педагогическихъ засѣданій было: переводъ учениковъ въ высшіе классы, увольненіе изъ гимназіи, оцѣнка ихъ поведенія, вниманія и прилежанія, выписка книгъ для основной и ученической бібліотеки, назначеніе пособій и освобожденіе отъ платы за ученіе. Изъ особыхъ распоряженій педагогическаго совѣта должно упомянуть о распредѣленіи между классными наставниками и нѣкоторыми преподавателями

ученическихъ квартиръ для лучшаго и постояннаго наблюденія за поведеніемъ учениковъ въ учебнаго времени.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ УЧАЩИХСЯ.

1) Обозначеніе количества пріема учениковъ въ 1875—1876 учебномъ году.

Оставалось къ началу учебнаго года:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
16	28	49	52	31	21	24	10	12

Поступило по пріемному экзамену въ августѣ мѣсяцѣ 1875 года:

30	12	3	2	2	3	—	1	—
----	----	---	---	---	---	---	---	---

Поступило въ теченіи учебнаго года:

—	—	—	—	—	—	—	3	—
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Итого въ истекшемъ учебномъ году состояло:

46	40	52	54	33	24	24	14	12
----	----	----	----	----	----	----	----	----

2) Вѣдомость о числѣ учениковъ, выывшихъ въ теченіи учебнаго года до начала экзаменовъ.

Выбыло до начала переводныхъ экзаменовъ:

3	1	3	2	6	1	2	3	—
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Осталось къ началу переводныхъ экзаменовъ:

43	39	49	52	27	23	22	11	12
----	----	----	----	----	----	----	----	----

3) Распредѣленіе учениковъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

Въ 1875—1876 учебномъ году учениковъ было:

а) по вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго	261
Римско-Католическаго	18
Лютеранскаго	6
Иудейскаго	13
Единовѣрческаго.	1

Итого. 299

б) по сословіямъ:

Дворянъ и чиновниковъ	166
Духовнаго званія	51
Городскаго	61
Сельскаго.	18
Иностранцевъ	3
Итого.	299

4) Свѣдѣнія о числѣ учившихся: а) обоимъ новымъ языкамъ;
б) одному нѣмецкому; в) одному французскому.

Обоимъ новымъ языкамъ обучались:

во II кл. 2, въ III—3 ученика, IV—1 ученикъ.

Одному нѣмецкому:

II	III	IV	V	VI	VII	VIII
33	32	17	8	7	5	5

Одному французскому:

19	22	16	16	17	9	7
----	----	----	----	----	---	---

5) Вѣдомость о числѣ учениковъ а) удостоенныхъ перевода въ высшій классъ; б) неустоенныхъ перевода; в) выбывшихъ за малоуспѣшность.

Число переведенныхъ въ высшій классъ:

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
26	20	38	31	14	18	18	11

Число неустоенныхъ и оставленныхъ въ томъ же классѣ:

Пр.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
9	14	7	12	12	3	2	—	1

Число выбывшихъ за малоуспѣшность послѣ экзамена:

8	5	4	9	1	2	2	—	—
---	---	---	---	---	---	---	---	---

6) Свѣдѣнія объ испытаніяхъ зрѣлости:

Въ истекшемъ учебномъ году изъ 12 учениковъ VIII класса по допущенъ къ испытанію зрѣлости только одинъ. Всѣ прочіе удовлетворительно выдержали испытаніе. Вслѣдствіе чего педагогическимъ совѣтомъ выданы аттестаты зрѣлости: *Бушtedту Петру, Вирги-*

дарскому Сергѣю, Годило-Годилевскому Григорію, Иваненку Василю, Иванухъ Якову, Пелчевскому Антону, Свириденку Ивану, Симонову Василю, Эльяшеву Лейбъ, Якимову Александру, Полозову Александру.

Изъ постороннихъ лицъ подвергался испытанію зрѣлости только одинъ: *Игнатій Суханевичъ* и удостоенъ педагогическимъ совѣтомъ свидѣтельства для поступленія въ горный институтъ.

7) Имена учениковъ удостоенныхъ наградъ:

Золотой медалью награжденъ, по обопчаніи испытанія зрѣлости, *Антонъ Пелчевскій*.

Въ августѣ 1876 года удостоены наградъ слѣдующіе ученики: награды 1-й степени: 1-го класса: *Листопадъ Григорій*; 7-го класса: *Дежковъ Михаилъ*; награды 2-й степени: 2-го класса: *Скитскій Лавръ*, *Еришовъ Алексій*, *Крачковскій Семень*, *Мизко Николай*; 3-го класса: *Щербакъ Александръ*, *Грингаузъ Иосифъ*, *Галковскій Григорій*, *Александренко Василий*, *Локоть Яковъ*; 4-го: *Игнатенко Иванъ*; 5-го: *Яголимъ Шулимъ*; 6-го: *Квитницкій Степанъ*, *Дравинъ Янкель*.

Свѣдѣнія по воспитательной части.

Распредѣленіе учениковъ по среднимъ за годъ выводамъ изъ отмиѣтокъ по поведенію.

	В А Л Л Ы:		
Классы:	5	4	3
Пригот.	35	10	1
I	30	9	1
II	49	3	—
III	47	7	—
IV	30	3	—
V	22	2	—
VI	19	5	—
VII	12	1	1
VIII	12	—	—

СВѢДѢНІЯ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ.

Изъ суммъ Государственнаго казначейства ассигновано на содержаніе гимназій:

а) на содержаніе личнаго состава	21844 р. 80 к.
б) на содержаніе параллельныхъ классовъ.	3515 « — «
в) на хозяйственные расходы	2700 « — «
Итого	28059 р. 80 к.

Спеціальныя средства гимназій состояли въ платѣ, получаемой гимназіей за ученіе.

Въ 1-й половинѣ учебнаго года поступило	2308 р. — к.
Во 2-й « « « «	2270 « — «
Итого	4578 « — «

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9 іюля 1876 года,

У Т В Е Р Ж Д А Ю

**Управляющій Министерст. Народн. Просвѣщенія, Товарищъ Министра,
князь Ширинскій-Шихматовъ.**

13 іюля 1876 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

**о гимназіи при Историко-Филологическомъ Институтѣ
князя Безбородно въ Нѣжинѣ.**

Г Л А В А I.

Общая положенія.

1. Гимназія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, служа цѣлямъ Института, въ то-же время должна удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ образованія. На семъ основаніи, она руководствуется общимъ уставомъ гимназій съ нижеслѣдующими изъятіями и дополненіями.

2. Въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи назначается 120 стипендій, по 30-ти стипендій въ классъ, въ размѣрѣ по 200 рублей въ годъ каждая, съ тѣмъ, чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступить въ число студентовъ Института князя Безбородко.

3. Составляя съ Институтомъ одно учебно-воспитательное заведение, гимназія, подъ главнымъ начальствомъ Директора Института, состоитъ въ ближайшемъ управленіи завѣдывающаго оною, одного изъ наставниковъ—руководителей.

4. При гимназіи, кромѣ Директора и завѣдывающаго гимназіею, состоятъ слѣдующія должностныя лица: 1) Наставники—Руководители, они же и преподаватели; 3) Классные Наставники; 4) Надзиратели; 5) Письмоводитель; 6) Врачъ.

Примѣчаніе. Бухгалтеръ (онъ же и Казначей) и Экзекуторъ (онъ же и экономъ) Института исправляютъ тѣже должности и по гимназіи.

5. Дѣла гимназіи Института, касающіяся учебной и воспитательной частей, подлежатъ обсужденію Педагогическаго Совѣта гимназіи и особыхъ засѣданій Конференціи Института, а дѣла по части хозяйственной разсматриваются въ Правленіи Института при участіи завѣдывающаго и одного преподавателя гимназіи, избираемаго Совѣтомъ, съ правомъ голоса по дѣламъ, касающимся гимназіи.

6. Педагогическій Совѣтъ гимназіи составляютъ, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго оною: законоучитель, наставники—руководители, преподаватели наукъ и языковъ и надзиратели. Обязанности Секретаря Совѣта исполняетъ одинъ изъ его членовъ, избираемый Совѣтомъ на три года.

Г Л А В А 11.

Взаимныя отношенія Гимназіи и Института.

7. Студентамъ четвертаго курса Института получается преподаваніе въ гимназіи тѣхъ предметовъ гимназическаго курса, которые входятъ въ составъ специальныхъ ихъ занятій въ Институтѣ и къ преподаванію которыхъ оныя преимущественно предназначаются въ будущемъ.

8. Порядокъ практическихъ упражненій студентовъ въ преподаваніи устанавливается Конференціею Института, съ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія.

9. Ближайшее руководство студентов въ практическихъ занятіяхъ по преподаванію въ гимназій лежитъ на обязанности наставниковъ—руководителей, подъ наблюденіемъ Директора Института.

10. По вопросамъ о занятіяхъ студентовъ преподаваніемъ въ гимназій въ засѣданіяхъ Конференціи Института присутствуютъ наставники—руководители, съ правомъ голоса, на равнѣ съ членами конференціи.

11. Наставникъ—руководитель, завѣдывающій гимназією, и прочіе наставники—руководители избираются Директоромъ Института, съ согласія конференціи, и чрезъ Попечителя Кіевскаго учебнаго Округа представляются на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія. Такимъ же порядкомъ производится увольненіе означенныхъ лицъ отъ должности, а также оставленіе ихъ на службѣ, по выслугѣ срока на пенсію.

12. Преподаватели и надзиратели гимназій избираются Директоромъ Института и утверждаются Попечителемъ округа. Такимъ же порядкомъ производится увольненіе означенныхъ лицъ отъ должности, а также оставленіе ихъ на службѣ, по выслугѣ срока на пенсію.

13. Завѣдывающему гимназією предоставляется увольнять всѣхъ служащихъ въ гимназій лицъ въ отпускъ на вакаціонное время, въ теченіе же учебнаго времени на 29 дней, и въ послѣднемъ случаѣ съ донесеніемъ о томъ чрезъ Директора Института Попечителю округа.

14. Сношенія съ подлежащими присутственными мѣстами и должностными лицами по дѣламъ гимназій производятся чрезъ Директора Института.

Г Л А В А III.

Права и обязанности должностныхъ лицъ.

15. Завѣдывающій гимназією въ отношеніи къ обязанностямъ и къ правамъ, какъ по службѣ, такъ и по пенсіи сравнивается съ директорами гимназій г. Кіева.

16. Завѣдывающій гимназією преподаеть въ ней одинъ изъ учебныхъ предметовъ съ положеннымъ по штату вознагражденіемъ.

17. Завѣдывающій гимназією участвуетъ въ засѣданіяхъ Правленія Института въ качествѣ члена Правленія, когда въ послѣднемъ обсуждаются дѣла, касающіяся гимназій.

18. Завѣдывающій гимназією имѣеть не менѣе 12-ти, а наставники—руководители не менѣе 22-хъ недѣльныхъ уроковъ.

19. Наставники—руководители утверждаются въ присвоенномъ въ ихъ должности классѣ, по выслугѣ четырехъ лѣтъ, со старшинствомъ со дня вступленія въ должность. По пенсіи они сравниваются съ инспекторами гимназій г. Кіева.

20. Учители пѣнія и гимнастики опредѣляются завѣдывающимъ гимназією.

21. Обязанности врача гимназій исполняетъ врачъ, состоящій при Институтѣ.

22. Обязанности Письмоводителя гимназій возлагаются Директоромъ Института на одного изъ служащихъ при канцеляріи Правленія Института.

Г Л А В А IV.

Учебная часть и учащіеся.

23. Учебный курсъ составляютъ предметы, поименованные въ общемъ уставѣ гимназій. Общее число недѣльныхъ часовъ въ гимназій полагается 228; число же уроковъ по каждому предмету, съ распределеніемъ ихъ по классамъ, опредѣляется Педагогическимъ Совѣтомъ гимназій и утверждается Попечителемъ учебнаго округа.

24. Вакаціи лѣтнія и зимнія назначаются для гимназій въ одно время съ вакаціями Института.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9 Іюля 1876 года

УТВЕРЖДАЮ

Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Бязь Ширинскій Шихматовъ, Товарищъ Министра.

13 Іюля 1876 года.

ШТАТЪ

ГИМНАЗИИ ПРИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ БЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ ИЖНІИ.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое со- держаніе. Рубли	Классъ должно- сти.	Разряды.	
					Мун- дира.	Пенсіи.
Звѣдывающему гимназію (изъ числа наставниковъ—ру- ководителей) при казенной квар- тирѣ добавочныхъ	1	—	800	V	V	} По учебной службѣ
Законоучитель	1	13	960	—	—	
Наставники руководители ¹⁾ . Преподаватели ²⁾	4	78	9000	VI	VI	
Надзиратели	7	129	9350 ³⁾	VIII	VIII	
Имъ квартирныхъ	2	—	1400	VIII	VIII	
Классные наставники	—	—	300	—	—	
Учитель рисованія, черче- нія и чистописанія	7	—	1120	—	—	
Учитель пѣнія и гимнастики. Врачъ	1	5	250	IX	IX	по гражд. службѣ
Письмоводитель	2	—	500	—	—	—
Ему столовыхъ	1	—	300	VIII	VIII	по мед. служ.
Добавочное жалованье секре- тарю совѣта и бібліотекарю	1	—	200	X	X	VIII
На учебныя пособія	—	—	200	—	—	
На канцелярскіе расходы и наемъ писца	—	—	240	—	—	
Содержаніе дома	—	—	400	—	—	
На содержаніе пригото- вительнаго класса, на основаніи общаго устава гимназій	—	—	300	—	—	
	—	—	1529 ⁴⁾	—	—	
	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	
	—	—	1100	—	—	
ИТОГО	—	—	27949	—	—	
За вычетомъ на пенсіи и инвалидный капиталъ	—	—	27473,80	—	—	

- Примѣч. 1) 2 по древнимъ языкамъ, 1 по русскому языку и 1 по исторіи и географіи.
- Примѣч. 2) 3 для древнихъ языковъ и русскаго, 2 для математики и физики и 2 для новыхъ языковъ.
- Примѣч. 3) По расчету для 7 преподавателей за 129 уроковъ по 900 р., а за остальные 45 по 60 р. за годовой часъ; сюда же входятъ 350 р. для образованія одного высшаго оклада преподавателя.
- Примѣч. 4) Разность сравнительно съ суммой, положенной по штату общаго устава гимназій (2000 р.) въ количествѣ 471 р., отнесена на суммы Института по той же статьѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіатахъ гимназій при Историко-Филологическомъ институтѣ Князя Безбородко.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, находя необходимымъ принять мѣры къ подготовленію возможно лучшаго контингента воспитанниковъ для поступленія въ имѣющей открыться, съ начала будущаго учебнаго года, Историко-Филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, къ устраненію тѣмъ самымъ замѣчаемаго нынѣ недостатка въ основательно приготовленныхъ учителяхъ гимназій и прогимназій по филологическимъ предметамъ преподаванія, въ особенности же по древнимъ языкамъ,—остановился на предположеніи сосредоточить въ Нѣжинской гимназій, состоящей при означенномъ Институтѣ такихъ учениковъ, которыя могли бы составить вполне надежный контингентъ для укомплектованія состава студентовъ означеннаго Института. Съ этою цѣлью Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Толстой предполагалъ:

1. Учредить въ четырехъ высшихъ классахъ гимназій (5, 6, 7 и 8-мъ), по числу допускаемыхъ на основаніи устава гимназій при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ каждомъ классѣ учениковъ, по 30 стипендій въ классѣ, а всего 120 стипендій, въ размѣрѣ по 200 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники, обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытанія зрѣлости, поступать въ число стипендіатовъ Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ.

2. Во ~~всѣхъ~~ гимназіяхъ и прогимназіяхъ возложить на обязанность Директоровъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій и инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій предлагать ученикамъ, окончившимъ четырехклассный прогимназическій курсъ и отличившимся, какъ прилежаніемъ и способностями, такъ и благонаравнымъ поведеніемъ, означенныя выше стипендіи въ Нѣжинской гимназій.

3. Если окажутся желающие быть отправленными для сего въ Нѣжинъ и на такое отправленіе изъявятъ согласіе ихъ родители, опекуны или ближайшіе родственники, обязать начальства гимназій и прогимназій высылать немедленно по окончаніи экзаменовъ въ 4 классъ сихъ заведеній, къ Директору Историко-Филологическаго института въ Нѣжинъ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ учебныхъ занятіяхъ и поведеніи этихъ учениковъ, съ присоединеніемъ письменныхъ на послѣднемъ испытаніи работъ каждаго изъ нихъ.

4. По разсмотрѣніи сихъ свѣдѣній и работъ, Директоръ Института избираетъ изъ числа всѣхъ кандидатовъ самыхъ отличныхъ, по числу имѣющихся свободными стипендіальныхъ вакансій и о таковыхъ сообщаетъ подлежащему начальству гимназій или прогимназій, которое за симъ высылаетъ избранныхъ учениковъ къ началу учебнаго года въ Нѣжинъ, съ выдачею необходимыхъ, по усмотрѣнію, на проѣздъ до мѣста назначенія денегъ изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

5. Предлагаемыя мѣры ввести въ дѣйствіе съ начала 18⁷⁶ учебнаго года, дозволивъ въ томъ году, въ видѣ исключенія принятіе стипендіатовъ не въ 5, а въ 6 классъ Нѣжинской гимназіи, слѣдовательно изъ учениковъ, окончившихъ курсъ 5 класса другихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, дабы этимъ способомъ ускорить однимъ годомъ доставленіе Институту лучшаго контингента.

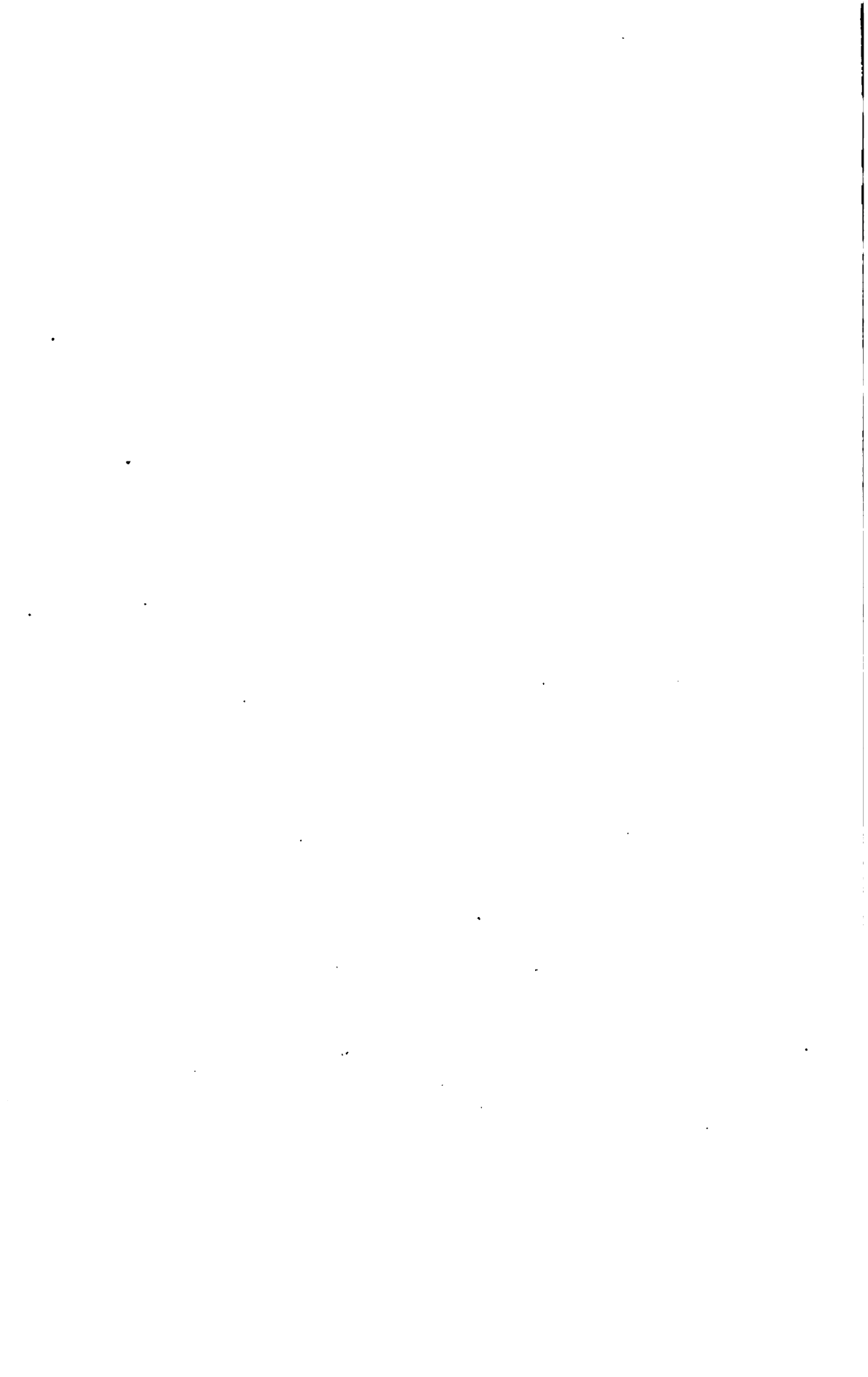
Чтоже касается средствъ для осуществленія сего предположенія, то Г. Министръ нашелъ возможнымъ обратитъ на этотъ предметъ между прочимъ деньги, отпускаемыя нынѣ изъ казны на выдачу стипендій воспитанникамъ наземнымъ и пансіонерамъ Государя Императора въ тѣхъ гимназіяхъ, при коихъ пансіоны болѣе не существуютъ, по мѣрѣ выбытія лицъ, пользующихся нынѣ сими стипендіями.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о сёмъ докладу, въ 4/10 день минувшаго іюня Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе таковыхъ предположеній.

II

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОТКРЫТІЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЧАСТИЦИ ЖИЗНИ ПЕРВЫЯ.

(Речь, произнесенная на годовичномъ актѣ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣмицѣ, 30 августа 1876 г., профессоромъ всеобщей исторіи П. И. Лаварсольскимъ).

Мм. Гг.

Знаменитыя историческія имена, начертанныя на скрижаляхъ исторіи, изъ самой далекой древности идутъ длинною цѣпью черезъ рядъ вѣковъ и, подобно монументальнымъ зданіямъ, которыя встрѣчаются одно за другимъ путешественнику, совершающему путь по исторической странѣ, невольно задерживаютъ на себѣ наше вниманіе, будятъ нашу мысль и воображеніе и вызываютъ нашу историческую любознательность. Однѣ изъ историческихъ личностей внушаютъ намъ участіе къ себѣ своею личною судьбою, другимъ мы удивляемся за ихъ великія и славныя дѣянія на благо людей; иныя напротивъ, вызываютъ въ душѣ нашей чувство негодованія за то зло, какое онѣ дѣлали людямъ при жизни. Чувствованія и склонности, какія свойственны и обычны намъ въ нашихъ вседневныхъ сношеніяхъ съ окружающимъ насъ міромъ живыхъ людей, пробуждаются къ намъ и при знакомствѣ съ этими окончившими свой земной вѣкъ людьми, принадлежащими къ міру исторіи. Если въ чемъ, то въ особенности въ этомъ выражается наша принадлежность къ единой великой семьѣ человечества, котораго судьбы и стремленія, надежды и страданія, успѣхи и невзгоды близки нашему сердцу, приковываютъ къ себѣ наше вниманіе и задаютъ разуму нашему великіе жизненные вопросы. Въ этомъ же проявляется замѣчательная и до

стойная удивленія особенность нашей природы: живя каждый своею личною жизнью, ограниченою весьма тѣсными предѣлами времени и пространства, связанные всѣми своими насущными надобностями съ обществомъ и временемъ, которымъ принадлежимъ, мы въ то же время обладаемъ способностію участвовать мыслями и чувствомъ въ той всеобщей жизни, которую живетъ весь родъ человѣческій. Съ другой стороны знаменательно и поучительно для насъ и то, что отдѣльныя человѣческія личности, производившія въ свое время особенное впечатлѣніе на общество, среди котораго жили и дѣйствовали, становятся, такъ сказать, достояніемъ всего человѣчества, имена ихъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ и отъ народа къ народу въ историческомъ преданіи; такъ что въ самыхъ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, онѣ продолжаютъ занимать собою умы и волновать чувства живыхъ людей. Таковъ непрерывный потокъ всемірно-исторической жизни: отъ своихъ истоковъ, скрывающихся въ сумракѣ первобытныхъ временъ человѣчества, онъ несетъ въ своемъ теченіи все то, что составляетъ внутреннее содержаніе этой жизни, дабы мы могли всматриваться въ ея сущность, наблюдать законы, управляющіе ея движеніемъ, и постигать, по возможности, ея смыслъ.

Есть историческія имена, которыми отмѣчаются особенныя, выдающіяся эпохи въ жизни народовъ. Мы говоримъ: вѣкъ Августа, вѣкъ Перикла, вѣкъ Екатерины. Бываютъ въ жизни народа эпохи, когда въ немъ пробуждается съ особенною силою его духовная дѣятельность, внѣшняя и внутренняя, изъ среды его возникаютъ многочисленные и разнородныя творческія силы, когда имъ овладѣваетъ стремленіе къ великимъ предпріятіямъ и дѣяніямъ: очень важно, если въ такое время найдется въ средѣ его достойный вождь, который бы понялъ это стремленіе своего народа и умѣлъ руководить имъ. Великое историческое значеніе людей, именами которыхъ отмѣчаются извѣстныя знаменательныя эпохи въ жизни народовъ, заключается именно въ томъ, что они стояли во главѣ историческаго движенія своего времени, понимали его и умѣли имъ управлять.

Позвольте мнѣ, м. г., занять сегодня ваше благосклонное вниманіе очеркомъ жизни и государственной дѣятельности историческаго лица, давашаго свое имя одной изъ самыхъ знаменитыхъ эпохъ во всемірной исторіи. Я разумѣю государственнаго человѣка древней Греціи Перикла. Соплеменники его, древніе эллины, были, какъ извѣстно, первымъ народомъ въ исторіи, выступившимъ на борьбу съ азіатскими варварами за свободу и человѣчность. Этотъ же самый

народъ, вмѣстѣ съ нашими славянскими братьями, подпалъ въ христіанскія времена въковому гнету другихъ азіатскихъ варваровъ, еще болѣе враждебныхъ дѣлу свободы и человѣчности, чѣмъ были тѣ, напоръ которыхъ въ Европу отразили его языческіе предки. Подъ этимъ гнетомъ онъ свято сохранилъ знамя той св. вѣры, которая выражаетъ собой идею высшей человѣчности и свободы и за которую рѣкою льется теперь кровь нашихъ братій. Съ этимъ народомъ у насъ одно высшее святое знамя. Его праотцы, древніе эллины, завѣщали міру также великую и свѣтлую идею,—идею разума, просвѣщенія, историческаго преуспѣянія: эта послѣдняя идея родственна съ той первой, живетъ въ ней и оживляется ею, и сама служитъ ей вѣрною союзницей въ дѣлѣ совершенствованія человѣческаго рода. Древніе эллины для всѣхъ временъ служатъ лучшими представителями этой идеи: она лежала въ основаніи ихъ духовной природы и составляла существенное содержаніе всей ихъ исторической жизни. Воспитанные въ ней, эллины оказались болѣе способными воспринять и усвоить себѣ въ ея истинномъ характерѣ и ту идею, которая содержится въ христіанствѣ,—болѣе способными, чѣмъ другой знаменитый народъ древности, римляне, выразившіе въ своей исторической жизни совсѣмъ иного рода идею, чѣмъ эллины, именно—идею права, опредѣляющаго и устанавлиющаго степени неравенства людей въ пользованіи благами жизни. Такъ въ ново-европейской исторіи сложились, каждый на разныхъ основаніяхъ, два разнородныхъ историческихъ міра: романскій и греко-славянскій. Долгое время мало замѣчалось или даже совсѣмъ не замѣчалось это важное историческое явленіе: теперь оно выясняется все болѣе и болѣе по той мѣрѣ, какъ греко-славянскій міръ проникается самосознаніемъ и вступаетъ въ свои историческія права. Историческій праотецъ этого міра есть древній эллинскій міръ. Это былъ свѣтлый міръ, съ благородными и возвышенными стремленіями ко всему прекрасному и доброму, свойственному человѣческой природѣ.

Эпоха Перикла была временемъ высшаго процвѣтанія эллинскаго міра. Родной его городъ Аѣны стоялъ тогда во главѣ Греціи, какъ по своему политическому могуществу, такъ и по образованности.

Въ числѣ знатныхъ фамилій, изъ которыхъ большею частію выходили государственные люди Греціи, едва-ли не самою знаменитою въ аѣнской исторіи была фамилія *алкмаонидовъ*, изъ которой происходилъ Периклъ. Это былъ очень древній знатный родъ въ Аѣнахъ. Свою родословную, по обыкновенію, общему многихъ знатныхъ фа-

милиямъ въ древней Греціи, онъ возводилъ къ богамъ: вмѣстѣ съ царскимъ аеинскимъ родомъ *кодридиовъ*, алкмеониды считали своимъ родоначальникомъ Нилея, сына бога Посидона ¹⁾. Въ первый разъ эта фамилія приобретаетъ историческую извѣстность въ исходѣ VII столѣтія до Р. Х., во время сильнаго и весьма опаснаго политическаго движенія, происходившаго въ Аеинахъ. Это была такъ-называемая смута Килона (ἡ Κολώνιος ταραχή), въ 612 г. до Р. Х. Килонъ былъ знатный и богатый аеинскій гражданинъ, также очень древняго рода (τῶν πάλαι εὐγενῆς τε καὶ δυνατῶς), побѣдитель на олимпійскихъ играхъ, человекъ прекрасной наружности (εἶδος κάλλιστος), съ сильными связями и смѣлыми политическими замыслами. Онъ былъ женатъ на дочери мегарскаго тирана Феагена. При его содѣйствіи и съ одобреніемъ, какъ онъ думалъ, самого дельфійскаго оракула, Килонъ предпринялъ ниспровергнуть существующій въ Аеинахъ порядокъ вещей, который имѣлъ тогда строго аристократическій характеръ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться единовластнымъ правителемъ Аеинъ, каковымъ былъ тестъ его въ Мегарахъ. Во время празднованія олимпійскихъ игръ въ Греціи, Килонъ съ своими приверженцами и съ военною силою, присланною ему Феагеномъ, занялъ аеинскую крѣпость—акрополь. Алкмеониды стояли тогда во главѣ господствующаго сословія аеинской республики. Алкмеонидъ Мегаклъ былъ въ томъ году первымъ архонтомъ (эпонимомъ) въ Аеинахъ. Быстрыми и рѣшительными мѣрами онъ подавилъ въ самомъ же началѣ опасное возмущеніе, но при этомъ выказалъ свой безпощадный нравъ и чрезмѣрную жестокость къ несчастнымъ согражданамъ, принимавшимъ участіе въ возмущеніи. Самъ Килонъ успѣлъ бѣжать. Его сообщники, стѣсненные Мегакломъ въ акрополь, были доведены имъ до послѣдней крайности: изнуренные голодомъ, едва живые, они прибѣгли подъ защиту алтарей, у подножія которыхъ нѣкоторые изъ нихъ умирали голодною смертію; тѣмъ, которые еще оставались въ живыхъ, Мегаклъ подъ вѣтвою обѣщалъ пощадить жизнь, если они ему сдадутся; однакожъ, когда они исполнили его требованіе, онъ велѣлъ перебить ихъ всѣхъ до одного; нѣкоторые успѣли было добѣжать до святилища евменидъ, находившагося близъ акрополя, и несмотря на то—были умерщвлены у самыхъ жертвенниковъ этихъ,

1) См. Ав. Бѣкка Pindari Opera, т. I. часть 2, стр. 300 слѣд. Lips. 1821. М. Куторги „Исторія Аеинской республики“, таблица III.

„достойныхъ богинь“, карательницъ убійства, что было вопіющимъ нечестіемъ въ понятіяхъ эллиновъ ¹⁾). Поступокъ Мегакла произвелъ крайне тяжелое впечатлѣніе на аѣннннъ. Всѣми овладѣло безпокойное, тревожное чувство. Страшились гнѣва и кары боговъ. Инымъ являлись видѣнія (φάντασμα), очень зловѣщія. Знаменитый мудрецъ и законодатель Солонъ нашелъ необходимымъ принять чрезвычайныя мѣры для успокоенія жителей. Приглашенъ былъ изъ Крита святой мужъ и тайновѣдецъ Епименидъ. Онъ совершилъ по всему городу особенныя священнодѣйствія, умиловительныя и очистительныя жертвоприношенія богамъ, и такимъ образомъ умы были успокоены. По приговору суда алкмеониды должны были оставить городъ и удалиться въ изгнаніе ²⁾). Они отправились въ Дельфы и тамъ не щадили усилий и своихъ средствъ, чтобы приобрести благорасположеніе Пивіи. Въ этомъ они успѣли вполне и, покровительствуемые дельфійскимъ богомъ, возвратились въ свой родной городъ, гдѣ по прежнему заняли свое вліятельное положеніе. Въ Греціи однакожъ на долгое время остался памятнымъ нечестивый поступокъ Мегакла и съ тѣхъ поръ на алкмеонидовъ смотрѣли, какъ на людей, на которыхъ тяготѣетъ божеское проклятіе ³⁾). Несмотря на то, ихъ значеніе не уменьшилось, напротивъ постоянно возрастало въ Аѣнахъ. По духу времени и подъ вліяніемъ обстоятельствъ они постепенно видоизмѣняютъ свое политическое направленіе ⁴⁾). Ревнивые охранители древняго аристократическаго строя аѣнской республики, какими они являются первоначально, впоследствии они же создаютъ въ Аѣнахъ государственный строй, основанный на крайнихъ демократическихъ началахъ. Внукъ архонта Мегакла, по имени также Мегаклъ, во время борьбы партій, происходившей въ Аѣнахъ непосредственно послѣ законодательства Солона, былъ вождемъ умеренной демократической партіи ⁵⁾). Старинный блескъ своего дома онъ еще болѣе возвысилъ родственнымъ союзомъ съ могущественнымъ сміонскимъ владѣтелемъ Клисеемомъ, женившись на дочери его Агаристѣ. Руки ея домогались лица изъ лучшихъ семей въ цѣлой Греціи, даже изъ отдаленныхъ греческихъ городовъ въ Италіи. Клис-

1) Фукид. I, 126.

2) Фукид. *ibid.* Плутархъ, Солонъ 12.

3) „Επιμηνίδης Ἀθηναίων, τὸ ἄγος τῆς θεῶν. Ирод. V, 71. Фукид. тамъ же.

4) См. М. Куторги „Исторія Аѣнской Республики“, стр. 14 слѣд.

5) Ирод. I, 59. Плут. Солонъ 13.

оень отдалъ предъ всѣми предпочтеніе Мегаклу: „по всей Греціи, говоритъ Иродотъ, пронеслась тогда громкая молва объ алкмеонидѣхъ“¹⁾. Сынъ Мегакла отъ этого брака Клизеенъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ умовъ въ Греціи и прославилъ себя въ аеинской исторіи великими государственными преобразованиями. Между прочимъ имъ была введена въ Аеинахъ важная государственная мѣра, извѣстная подъ именемъ остракизма. Самымъ

1) Ирод. VI, 131: καὶ οὕτω Ἀλκμεωνίδαὶ ἐβάρβησαν ἀνὰ τὴν Ἑλλάδα. — Иродотъ передаетъ намъ весьма характерныя подробности знаменитаго сватовства на дочери сивіонскаго тирана. Однажды Клизеенъ присутствовалъ на олимпійскихъ играхъ и одержалъ на нихъ побѣду въ бѣгѣ на колесницѣ (τεθρίππῳ). Онъ велѣлъ глашатаямъ объявлять здѣсь во всеобщее свѣдѣніе эллиновъ, что приглашаетъ тѣхъ, кто между ними считаетъ себя достойнымъ получить руку его дочери, явиться къ нему въ домъ въ теченіи 60-ти дней со дня этого объявленія; что по истеченіи этихъ 60-ти дней онъ назначаетъ для испытанія годъ времени, которое соискатели должны провести въ его домѣ; по окончаніи этого года, онъ отдастъ руку своей дочери тому, кто изъ нихъ окажется достойнѣйшимъ. Въ продолженіе назначеннаго срока собрались въ его домъ женихи, „славившіеся какъ личными достоинствами, такъ и своей родиной“ (ὄσοι σφίς τε αὐτοῖσιν ἔσαν καὶ πατρίῳ ἐξωχώμενοι). Всѣхъ ихъ было 12. Они прибыли изъ слѣдующихъ странъ: Італія (изъ цвѣтущихъ тогда греческихъ колоній Сивариса и Сириса), Этоліи, Фессаліи, Аргоса, Аркадіи, Іліады, изъ городовъ Еретріи и Лемпы. Въ числѣ ихъ находились сынъ аргосскаго тирана Фидона и одинъ изъ членовъ княжескаго дома Скопадоу въ Фессаліи. Изъ Аеинъ было двое: Мегакла и Иппоклидъ, сынъ Тисандра, „самый красивыи и самый богатый изъ аеинянъ“, родственникъ знаменитыхъ Кинселидоу, коринѣскихъ владѣтелей. Въ теченіе цѣлаго года женихи гостяли въ домѣ Клизеена. Онъ давалъ имъ пышныя пиршества и въ то же время наблюдалъ и узнавалъ свойства и характеръ каждаго изъ нихъ; между женихами происходила состязанія въ борьбѣ и другихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, какія были обычны у эллиновъ. Клизеенъ, однако, больше всего обращалъ вниманіе на душевныя качества своихъ гостей, ихъ мужество, умъ и нравъ. Болѣе всѣхъ другихъ нравились ему оба аеинянина, изъ нихъ—больше Иппоклидъ. Когда пришелъ къ концу годъ, назначенный для испытанія, Клизеенъ принесъ въ жертву богамъ экатомву и учредилъ пиръ, на который пригласилъ жениховъ и гражданъ Сивіона. Послѣ ужина между женихами началось состязаніе въ пѣніи и въ рѣчахъ (ἀμφὶ τε μουσικῇ καὶ τῷ λεγομένῳ ἔς τὸ μέσον). По той мѣрѣ, какъ длился пиръ, гости поддавались дѣйствию вина, но Иппоклидъ, въ этомъ отношеніи, выдерживалъ болѣе всѣхъ. Онъ велѣлъ позвать флейтиста и началъ плясать подъ его игру. Онъ обнаружилъ въ себѣ большой талантъ въ этомъ искусствѣ, но чѣмъ съ большимъ увлеченіемъ онъ плясалъ, тѣмъ менѣе это нравилось Клизеену. Не обращая на то вниманія, Иппоклидъ воодушевлялся все болѣе. Наконецъ велѣлъ принести себѣ столъ, взошелъ на него и исполнять на немъ

труднымъ дѣломъ его жизни была борьба съ писистратидами, аѳинскими тираннами. Борьбу началъ еще отецъ его Магаклъ: онъ двукратно изгонялъ изъ Аѳинъ Писистрата (Ирод. 1, 60, 61), однакожъ и самъ съ членами своего дома, во время управленія тиранна, вынужденъ былъ жить внѣ отечества. Писистратъ умеръ на престолѣ, въ то время какъ алкмеониды томились въ изгнаніи. Клисѣенъ предпринялъ освободить Аѳины отъ тиранновъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ сыномъ Писистрата, жестокимъ Иппіей. Съ обѣихъ сторонъ борьба велась упорно, но перевѣсъ долгое время оставался на сторонѣ Иппіи, имѣвшаго отличныя военныя дарованія и многочисленныхъ проверженцевъ. Онъ наносилъ жестокія пораженія своимъ противникамъ. Клисѣенъ обратился къ содѣйствію дельфійскаго оракула. Какъ разъ ему представился случай оказать важную услугу этому могущественному святилищу. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (въ 548 году до Р. Хр.) сгорѣлъ въ Дельфахъ храмъ Аполлона. Амфиктіоны немедленно сдѣлали всѣ распоряженія о постройкѣ новаго храма: собрана была нужная сумма денегъ, составлены планъ и смѣта расходовъ, избранъ архитекторъ; однакожъ постройка, неизвѣстно почему, замедлилась. Тогда алкмеониды взяли дѣло въ свои руки. Благодаря распорядительности Клисѣена, постройка быстро приведена была къ концу. При томъ храмъ построенъ былъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ было предположено въ смѣтѣ: передняя часть его возведена была изъ паросскаго мрамора на собственные средства алкмеонидовъ ¹⁾. Вся Греція радовалась, что Аполлону воздвигнутъ новый и прекрасный храмъ. По-

сначала спартанскіе танцы, потомъ аттическіе, въ заключеніе сталъ на немъ головою и выдѣлывалъ танцы ногами въ воздухъ. Клисѣенъ долго сдерживалъ себя и молчалъ, но послѣдняго подвига Иппоклида не выдержалъ и сказалъ ему: „сынъ Тисандра! ты проплясалъ невѣсту“. Сынъ Тисандра отвѣчалъ не задумываясь: „это ни по чемъ Иппоклиду“ (οὐ φροντίς Ἰπποκλείδῃ)! Съ тѣхъ поръ отвѣтъ этотъ вошелъ у властителей въ пошлость. Клисѣенъ, помолчавъ нѣкоторое время, обратился къ своимъ гостямъ съ такими словами: „досточтимые женихи моей дочери! За всѣми вами я признаю равныя достоинства, никого изъ васъ не предпочитаю другимъ, и никого не ставлю ниже другихъ; но у меня одна лишь дочь и я долженъ набрать для нея одного изъ васъ; благодарю всѣхъ за сдѣланную мнѣ честь и прошу принять отъ меня въ подарокъ по таланту серебра; а руку дочери моей Агаристы предлагаю Мегаклу, сыну Алкмеона, если это ему будетъ угодно“. Мегаклъ выразилъ на то свою готовность и бракъ былъ заключенъ „согласно съ аѳинскими установленіями“.

1) Ирод. V, 62.

всемѣстнѣ въ Греціи превозносили похвалями алкмеонидовъ. Пиндаръ воспѣлъ ихъ въ своихъ одахъ: „во всѣхъ городахъ, говоритъ онъ, славятъ гражданъ изъ города Ерехоеева, воздвигшихъ тебѣ, Аполлонъ, прекрасный храмъ въ божественномъ Пиеонѣ (Дельфахъ)“¹⁾. За такія услуги оракулъ оказалъ алкмеонидамъ свою могущественную поддержку въ борьбѣ ихъ съ писистратидами: изъ Дельфъ дано было отъ имени бога повелѣніе спартанцамъ изгнать изъ Аеинъ тиранновъ. Спартанцы исполнили волю бога: писистратиды были изгнаны изъ Аеинъ и удалились въ Персію ко двору Дарія. По изгнаніи тиранновъ, Клизеенъ создалъ и привелъ въ исполненіе широкой и смѣлой планъ государственныхъ преобразованій въ Аеинахъ, на чисто демократическихкихъ началахъ²⁾.

Периклъ былъ внукомъ Клизеена по матери³⁾. Отецъ его Ксанениппъ прославился, какъ отличный полководецъ, во время персидскихъ войнъ.

Говорятъ, что мать Перикла Агариста, за нѣсколько дней до его рожденія, видѣла сонъ, будто она родила льва⁴⁾. Периклъ унаслѣдовалъ чрезъ нее родовыя качества фамиліи алкмеонидовъ: великія политическія дарованія, сильное честолюбіе, непреклонный характеръ, твердую волю, а также аристократическую надменность⁵⁾. Само собою разумѣется, онъ получилъ въ дѣтствѣ воспитаніе и образованіе, соответственное своему знатному происхожденію. Умственное образованіе дѣтей состояло у грековъ, главнымъ образомъ, въ чтеніи и изученіи отечественныхъ повѣтовъ, въ особенности Оми-

1) Пинд. Пие. VII, 9—12.

2) Ирод. V. 66. VI, 131. Κλεισθένης ὁ τὰς φυλάς καὶ δημοκρατίην Ἀθηναίοισι καταστήσας. См. М. Куртоги: „О законодательствѣ алкмеонида Клизеена“.

3) Родословіе Перикла, начиная съ прадѣда его Мегакла, представляется въ слѣдующемъ видѣ по Иродоту (VI, 131):

Мегаклъ. Агариста.

Клизеенъ. Иппократъ.

Агариста (за Ксанениппомъ)

Периклъ.

4) Ирод. VI, 131: ἔγχοος ἑοῦσα εἶδε ὄψιν ἐν τῷ ὕπνῳ· ἔδοχε δὲ λέοντα τελέειν.

5) Плут. Перикл. 5: ὁ δὲ ποιητὴς Ἴων μωθωνικὴν φησι τὴν ἠμιλίαν καὶ ὑπότονον

ра¹⁾. Въ періодъ дѣтства Перикла нравственное воспитаніе дѣтей аѣинскихъ гражданъ прошеходило въ духѣ старинныхъ, строгихъ и простыхъ нравовъ: дѣти воспитывались въ покорности родительской волѣ, въ уваженіи къ старшимъ, въ строгомъ благонаравіи²⁾. Такое воспитаніе отражалось вполнѣ на личности Перикла. Въ послѣдующее время, именно тогда, когда самъ Периклъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ и держалъ въ своихъ рукахъ кормило правленія въ Аѣинахъ, тамъ какъ воспитаніе дѣтей, такъ и общественные нравы значительно измѣнились, сравнительно съ прежнимъ: легкость и даже распущенность нравовъ стала сильно проникать во все слои аѣинскаго общества и овладѣвать какъ старшимъ, такъ и младшимъ поколѣніемъ аѣинянъ. Периклъ нимало не поддался въ этомъ отношеніи духу своего времени и во всю свою жизнь остался вѣренъ правиламъ, усвоеннымъ имъ въ дѣтствѣ. Всегда онъ былъ строгъ къ самому себѣ, строгъ въ своихъ нравахъ и образѣ жизни, безукоризненно честенъ и неутомимъ въ выполненіи своихъ обязанностей. „Въ городѣ, говоритъ древній его біографъ, одна лишь была дорога, на которой видали Перикла, та, которая вела на площадь (ἐπ' ἄγορὰν) и въ думу (τὸ βουλευτήριον). Отъ приглашеній на пиры и всякихъ увеселительныхъ собраній онъ совершенно отрекся. Въ теченія долгихъ лѣтъ своего управленія ни разу не былъ онъ на пиршествѣ ни у одного изъ своихъ друзей, за исключеніемъ единственнаго случая, именно брака его племянника Евриптолема; но и тогда онъ удалился съ пиршества, какъ только совершено было возліаніе богамъ“³⁾. Всегда и во всемъ онъ обнаруживалъ величайшую выдержанность характера, ровность нрава и власть надъ самимъ собою. Разъ какой-то незначительный аѣинскій гражданинъ, грубаго нрава человѣкъ, нѣдкій день приставалъ къ нему съ бранью на городской площади, гдѣ Периклъ занятъ былъ своими дѣлами. Онъ выносилъ эту брань, не проронивъ ни слова. Къ вечеру, окончивъ свои дѣла, Периклъ пошелъ домой: неотвязчивый гражданинъ преслѣдовалъ его еще болѣе наглою бранью до самыхъ дверей его дома. Здѣсь Периклъ очешъ своейкойно велѣлъ своему слугѣ взять факелъ и проводить этого человѣка

εἶναι τοῦ Περικλέους καὶ ταῖς μεγαλαυχίαις αὐτοῦ πολλὴν ὑπεροψίαν ἀναμετῆθαι καὶ περιφρόνησιν τῶν ἄλλων.

1) Плат. Протаг. 326. Ксеноф. Ниръ 3, 5. W. Becker Charikles p. 51 слѣд.

2) Аристофанъ, Облака стр. 961—999.

3) Плат. Периклъ 7.

до его дому, не удостоивъ обратить ни малѣйшаго вниманія на всѣ его выходки ¹⁾. Однажды Периклъ былъ назначенъ военачальникомъ вмѣстѣ съ повѣтомъ Софокломъ, который, однако, не обнаружилъ въ себѣ нисколько способностей полководца, за то обнаруживалъ при всякомъ случаѣ свою большую чувствительность къ красотѣ. По этому поводу Периклъ замѣтилъ своему товарищу: „Софоклъ! полководецъ долженъ имѣть воздержные глаза“ ²⁾. Съ своими домашними Периклъ былъ строгъ до суровости; самъ онъ не любилъ пиршествъ и шумныхъ увеселеній и не терпѣлъ ихъ въ своей семьѣ; онъ соблюдалъ въ своемъ домѣ такую строгую бережливость, которая казалась тягостью его домашнимъ и стоила ему большихъ семейныхъ неприятностей ³⁾.

Въ молодые годы Периклъ учился наукамъ у такъ-называемыхъ тогда софистовъ, т. е. у людей, которые за деньги занимались преподаваніемъ въ домахъ состоятельныхъ гражданъ. Главнымъ предметомъ ихъ преподаванія было краснорѣчіе, искусство говорить публичныя рѣчи. При тогдашнемъ политическомъ устройствѣ Аѳинъ, это было необходимое искусство для государственнаго человѣка. Периклъ отъ природы имѣлъ высокій ораторскій даръ и счастливыя внѣшнія качества, нужныя для оратора: пріятный голосъ, легкій, свободный выговоръ и величественную наружность ⁴⁾. Онъ учился краснорѣчію у лучшихъ въ то время знатоковъ этого дѣла и достигъ въ немъ совершенства ⁵⁾. Онъ былъ величайшимъ ораторомъ своего времени ⁶⁾. Нѣкоторые образчики его рѣчей сохранены намъ его современникомъ, историкомъ Фукидидомъ ⁷⁾: судя по нимъ, краснорѣчіе Перикла было могучее, мужественное краснорѣчіе, отличавшееся глубиною и силою мысли, твердостью убѣжденія, широтою и возвышенностію политическихъ воззрѣній. Оно производило неотразимое впечатлѣніе на слушателей. Современники сравнивали его рѣчи съ громами Зевеса и называли за нихъ Перикла—олимпійскимъ ⁸⁾. Этому вполнѣ

1) Плут. Периклъ 5.

2) Id. ibid. 8.

3) Id. ibid. 16. 36.

4) Id. idid. 7.

5) Id. ibid. 4.

6) Фукид. I, 139: λέγειν τε καὶ πράσσειν δυνατώτατος.

7) Фукид. I, 140—144. II, 35—46. 60—64.

8) Плут. Периклъ 8.

соотвѣтствовала его величавая наружность, спокойствіе и сдержанность его внѣшнихъ приемовъ ¹⁾.

Въ теченіе всей своей жизни Периклъ занимался самообразованіемъ и старался сближаться со всѣми лучшими умами своего времени. Свой досугъ онъ любилъ проводить въ своемъ домѣ, въ обществѣ людей, одаренныхъ умомъ, знаніями и талантами. Всего божѣ имѣлъ вліянія не только на его умъ и образъ его мыслей, но и на нравственную его сторону знаменитый философъ Анаксагора, *Разумъ Анаксагора*, какъ называли его современники за его высокій умъ, а также и потому, что онъ въ своей философской системѣ признавалъ верховнымъ міроправителемъ Разумъ ²⁾. Вліянію Анаксагора древніе приписываютъ все, что возвышало Перикла надъ другими государственными людьми въ его отечествѣ и ставило его на величайшую высоту между государственными людьми всѣхъ временъ: его обширный политическій умъ, свѣтлыя, возвышенныя воззрѣнія, равно какъ благородный и высоко нравственный его характеръ.

Периклъ выступилъ на политическое поприще въ очень молодыхъ лѣтахъ и несмотря на то на первыхъ же порахъ умѣлъ держать себя съ искусствомъ опытнаго человѣка. Первые свои шаги на этомъ опасномъ и скользкомъ пути онъ дѣлалъ съ величайшею обдуманностію и осторожностію. Сначала онъ совершенно устранился отъ прямого участія въ политическихъ дѣлахъ ³⁾. Кромѣ свойственной ему отъ природы сдержанности и расчитанности въ дѣйствіяхъ, была особенная причина, заставлявшая его быть весьма осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ. Причина заключалась въ томъ, что онъ своею наружностію представлялъ поразительное сходство съ Писистратомъ, котораго напоминалъ чертами своего лица, своимъ голосомъ и даже манерою говорить. Старѣйшихъ изъ афинскихъ гражданъ, помнившихъ Писистрата, сходство это такъ сильно поражало, что приводило ихъ въ страхъ и внушало имъ большія опасенія на счетъ честолюбивыхъ замысловъ молодаго алкмеонида ⁴⁾. При томъ его богатство, знатное происхожденіе, кругъ вліятельныхъ друзей, который онъ имѣлъ, равно какъ его отличныя дарованія представляли весьма серьезныя основанія для такой подозрительности ⁵⁾.

1) Плут. Периклъ 5.

2) Id. ibid. 4. 5. 6.

3) Id. ibid. 7.

4) Id. ibid.

5) Id. ibid.

Перикль отлично понималъ все это и умѣлъ съ величайшимъ искусствомъ обойти подозрительность своихъ согражданъ. Онъ началъ свою общественную дѣятельность на военномъ поприщѣ, гдѣ обнаружилъ свое геройство и отвагу ¹⁾. Это былъ его первый счастливый шагъ къ его будущему значенію въ республикѣ. За тѣмъ, когда онъ нашелъ, что обстоятельства ему благоприятствуютъ, выступилъ на политическое поприще съ опредѣленными политическими началами, которымъ навсегда остался неизмѣнно вѣренъ и которымъ далъ полное торжество и развитіе не только въ своемъ отечественномъ городѣ, но и въ большей части Греціи.

Въ то время, какъ Перикль рѣшился принять участіе въ политической дѣятельности, самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Аѣнахъ былъ Кимонъ, сынъ Милтіада. Кимонъ былъ ревностнымъ приверженцемъ аристократическихъ началъ и аристократической партіи въ Аѣнахъ, во главѣ которой онъ стоялъ тогда. Онъ не обладалъ большимъ государственнымъ умомъ, ни ораторскимъ талантомъ; даже не получилъ въ молодости надлежащаго воспитанія и образованія, вслѣдствіе того, что рано лишился своихъ родителей, но онъ имѣлъ блестящія военныя дарованія и прославилъ себя громкими побѣдами надъ персами ²⁾. Это былъ въ высшей степени привлекательный, симпатичный характеръ ³⁾, хотя и со многими слабостями: Кимонъ былъ отваженъ, великодушенъ, имѣлъ открытый общительный нравъ, былъ ласковъ и простъ въ обращеніи со всѣми, богатъ и щедръ. Бѣдные граждане ежедневно имѣли у него столъ, онъ имъ дѣлалъ подарки, его сады были открыты для всѣхъ ⁴⁾. Благодаря всему этому, Кимонъ, хотя и принадлежалъ по своему происхожденію ⁵⁾ и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ

1) Плут. Перикль 7: τῶν μὲν πολιτικῶν οὐδὲν ἔπραττεν, ἐν δὲ ταῖς στρατείαις ἀνὴρ ἀγαθὸς ἦν καὶ φιλοκίνδυνος.

2) Плут. Кимонъ 4.

3) Τὰ δ' ἄλλα πάντα τοῦ ἥθους ἀγατὰ καὶ γενναῖα τοῦ Κίμωνος. Плут. *ibid* 5.

4) Плут. Кимонъ 10.

5) Кимонъ принадлежалъ къ фамиліи *филаидовъ*, столь же знатной, какъ и алемониды. Родоначальникомъ ихъ былъ герой Эантъ Теламонидъ (Αἴας Τελαμώνιος). Предки Кимона были владѣтелями Херсониса еракійскаго. Мать его Игиспила была дочерью еракійскаго царя Олора. Домъ филаидовъ былъ родственъ съ домою *еврисакидовъ*, изъ котораго происходилъ Алкивиадъ. Диог. Лаэрт. 1, 47. Ирод. VI, 34—39. М. Буторга, Ист. аѣн. республ. табл. 2.

партіи аристократической, былъ любимъ всѣми гражданами. Съ нимъ то предстояло Периклу вступить въ политическую борьбу за первенство въ республикѣ. Онъ воспользовался отсутствіемъ его изъ Афинъ, когда Кимонъ находился для военныхъ дѣйствій въ Азіи, и приступилъ къ дѣлу ¹⁾. Политическія начала, которыя Перикль внесъ въ свою общественную дѣятельность, были прямо противоположны тѣмъ, которыхъ держался Кимонъ, именно—начала демократическія. Трудно навѣрное сказать, насколько принятая имъ политическая система въ самомъ же началѣ проистекала изъ его искренняго убѣжденія и насколько она была дѣломъ его честолюбиваго расчета. По крайней мѣрѣ мы признаемъ глубоко вѣрнымъ замѣчаніе древняго біографа Перикла, что „собственная натура его была всего наименѣе демократическою“ (*παρὰ τὴν αὐτοῦ φύσιν ἤκιστα δημοτικὴν ὄψαυ.* Плут. Перикль 7). При своей гордой и повелительной природѣ ему было гораздо желательнѣе стоять во главѣ низшихъ классовъ, чѣмъ высшихъ. Эти послѣдніе не легко подчиняются волѣ одного человѣка. Отъ своихъ вождей они требуютъ, чтобы они уважали ихъ права и угождали ихъ собственному честолюбію и гордости. Въ противномъ случаѣ они всегда имѣютъ въ своихъ рукахъ достаточно средствъ, равно какъ достаточно вліянія и умѣнья смирить властолюбиваго человѣка. Напротивъ низшіе классы безропотно и охотно повинуются волѣ того, кто умѣетъ ими управлять; они сами готовы воздавать ему уваженіе и всякія почести, а для себя требуютъ отъ него лишь заботы объ ихъ насущныхъ нуждахъ. Между тѣмъ они имѣютъ на своей сторонѣ преимущество силы по своей численности. Опираясь на нее, ихъ вождь можетъ съ успѣхомъ смирять притязанія высшихъ классовъ и держать ихъ въ страхѣ и покорности предъ собою. На этотъ путь и выступилъ Перикль. Съ самаго начала онъ сталъ на сторону низшихъ классовъ и навсегда остался вѣренъ этому направленію ²⁾. Однакожъ въ его политической системѣ и образѣ дѣйствій была особенная черта, которая ставила его на большую высоту, чѣмъ на какую можетъ стать человѣкъ партіи. Его политическія стремленія и цѣли были выше и шире, чѣмъ стремленія и цѣли партіи. Онъ дѣйствовалъ отнюдь не въ духѣ демократической партіи, но въ духѣ демократическихъ началъ. Партія служила для него не цѣлью, а только средствомъ. Цѣль его была общегосударственная.

1) Плут. Перикль 7.

2) Id. *ibid.*

Онъ имѣлъ въ виду благо цѣлаго государства и даже больше— благо всего эллинскаго міра. Если въ началѣ своей политической дѣятельности онъ и руководился, быть можетъ, честолюбивыми побужденіями, то впослѣдствіи, когда онъ стоялъ уже твердою ногою на избранномъ имъ пути, мы видимъ въ немъ великаго государственнаго мужа, который всецѣло преданъ душею своей идеѣ, служить ей съ самоотверженіемъ, воодушевляетъ ею другихъ, и даже увлекается ею свыше того, насколько условія дѣйствительности могли бы то оправдывать.

Чтобы достигнуть вліянія въ республикѣ, Периклъ, сообразно своей задачѣ, также долженъ былъ пріобрѣсти довѣріе той партіи, на которую онъ хотѣлъ опираться. Способъ его дѣйствія въ этомъ случаѣ былъ совершенно иной, чѣмъ у Кимона. Кимонъ изъ своихъ средствъ помогалъ бѣднымъ гражданамъ, старался снискать ихъ любовь ласковымъ обхожденіемъ съ ними, вообще старался приспособляться къ ихъ вкусамъ и склонностямъ. Ничего подобнаго не дѣлалъ Периклъ. Не въ его натурѣ было заискивать предъ кѣмъ-бы то ни было. Его обращеніе было со всѣми одинаково ровно и сдержанно. Даже онъ избѣгалъ говорить часто въ публичныхъ собраніяхъ. На ораторской трибунѣ онъ являлся только въ особенно важныхъ случаяхъ ¹⁾. Не ласкаясь предъ димосомъ, онъ старался пріобрѣсти его довѣріе и уваженіе къ себѣ тѣмъ, что честно и искренно заботился объ его нуждахъ, изыскивалъ всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы улучшить и возвысить его положеніе.

Первѣе всего Периклъ старался поднять политическое положеніе низшихъ классовъ. Для этого ему не нужно было дѣлать какихъ-либо основныя преобразованія въ аѣнскомъ государственномъ устройствѣ. Со временъ персидскихъ войнъ въ Аѣнахъ слѣдовалъ непрерывный рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы уравнивать политическія права низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ аѣнскихъ гражданъ, съ правами высшихъ. Ко времени Перикла уже было полное политическое равенство всѣхъ аѣнскихъ гражданъ. Но, какъ это часто бываетъ, равенство это существовало лишь въ буквѣ закона, а не на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности же низшіе классы продолжали находиться подъ властію высшихъ. Въ Аѣнахъ, какъ извѣстно,

1) Οὐκ ἐπὶ παντὶ πράγματι λέγων οὐδ' αἰεὶ παρῶν εἰς τὸ πλῆθος, ἀλλ' ἑαυτὸν ὤσπερ τὴν Σαλαμίνιαν τριήρη, φησὶ Κριτόλαος, πρὸς τὰς μεγάλας χρείας ἐπιδιδούς. Плут. Периклъ 7.

существовали слѣдующія правительственныя должности и учрежденія: архонты, совѣтъ пяти сотъ, ареопагъ и гражданское вѣче. Изъ нихъ только послѣднее, т. е. вѣче, было учрежденіемъ, въ которомъ низшіе классы могли пользоваться своею политическою властію наравнѣ съ высшими. На вѣчѣ могъ присутствовать и подавать свой голосъ всякій гражданинъ, достигшій извѣстнаго возраста и не лишенный своихъ гражданскихъ правъ по приговору суда. На всѣ же другія правительственныя должности граждане были избираемы. По законамъ Солона въ эти должности могли быть избираемы только граждане высшихъ классовъ, имѣвшіе узаконенный цензъ ¹⁾. Вскорѣ послѣ знаменитой платейской битвы, Аристиду удалось провести законъ, которымъ всѣмъ гражданамъ предоставлялось равное право быть избираемыми на всѣ государственныя должности ²⁾. Таковъ былъ законъ: на самомъ же дѣлѣ эти должности, въ особенности же высшія и важнѣйшія изъ нихъ, именно должности архонтовъ и членовъ ареопага по прежнему продолжали занимать только знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ гражданъ. Такъ какъ это были избирательныя должности, то само собою разумѣется, что при выборахъ происходили всѣ тѣ происки, какіе при этомъ неизбѣжны гдѣ бы то ни было ³⁾. Понятно также, что люди вліятельные и съ большими средствами употребляли все свое вліяніе и всякія средства для того, чтобы пріобрѣсти себѣ приверженцевъ и сторонниковъ при выборахъ. Бѣдный гражданинъ не могъ совсѣмъ и выступить на такое состязаніе съ богатыми и знатными. Это общезвѣстный порядокъ вещей, имѣющій силу повсюду. Впрочемъ и на этотъ счетъ въ аѳинскомъ законодательствѣ существовала замѣчательная мѣра, именно — избраніе должностныхъ лицъ не подачею голосовъ, а жребіемъ (*κλήρωφ*, *κλήρωσαι*, *χοάμφ*). Лица, искавшія извѣстной должности въ республикѣ, заявляли о томъ архонтамъ (шести есмоеетамъ): изъ числа этихъ лицъ должность предоставлялась тѣмъ, на кого выпадетъ жребій ⁴⁾. Этимъ способомъ замѣщается была большая часть государственныхъ должностей въ Аѳинахъ. Только на нѣкоторыя должности, очень не многія, на прим. на должность стратиговъ, про-

1) Арист. Полит. II, 9, стр. 67 (изд. К. Гёттлинга, Лена, 1824).

2) Плут. Аристидъ, 22. Аристот. Полит. V, 3, стр. 159. Bockh Staatca II 45 46.

3) Аристотель, Политика, V 5, стр. 162 (Goettling). G. F. Schoemann, Antiquitates juris publ. грѣс. § XXXIII, стр. 230.

4) К. F. Hermann, Griech. Antiquitt. I Th. § 149. Избраніе жребіемъ происходило

изводились выборы подачею голосовъ (χεροτονοεία, αἰρέσει). Архонты также были избираемы жребіемъ ¹⁾. Навѣрное неизвѣстно, когда и къмъ была введена такая мѣра. Одни приписываютъ ее Клизеену ²⁾, другіе Аристиду ³⁾, иные относятъ ко времени Перигла ⁴⁾. Значеніе этой мѣры также можетъ быть понимаемо различно. Обыкновенно смотрятъ на нее, какъ на крайнее примѣненіе демократическаго начала. Она составляетъ дальнѣйшее развитіе и естественное дополненіе демократическаго законоположенія, признающаго за всѣми гражданами равное право на участіе въ управленіи: этою мѣрою всѣ граждане признаются не только одинаково *правоспособными*, но и одинаково *достойными* занимать правительственныя должности. Таковъ крайній выводъ изъ идеи демократическаго равенства: „коль скоро всѣ равны, то — по всему равны“, какъ выражается Аристотель ⁵⁾. Такъ именно онъ понимаетъ и объясняетъ значеніе этой мѣры въ демократическихъ республикахъ и проводитъ свой взглядъ съ свойственною ему твердостью и послѣдовательностью: избраніе жребіемъ онъ прямо и рѣшительно полагаетъ въ числѣ существенныхъ принадлежностей безусловной демократіи ⁶⁾. Взглядъ

въ храмѣ Оисея такимъ образомъ: ставились двѣ урны; въ одну изъ нихъ клали дощечки съ именами кандидатовъ, въ другую—извѣстное число бобовъ (κόσμος) бѣлаго и темнаго цвѣта; затѣмъ вынимались одновременно—изъ одной урны дощечка съ написаннымъ на ней именемъ, изъ другой—бобъ: на чье имя выпалъ бобъ бѣлаго цвѣта, тотъ былъ выбраннымъ.

1) Id ibid. §§ 148 и 149.

2) G. F. Schaemann, Griech. Alterth. I B. стр. 356 (3-te Aufl. Berlin 1871).

3) Max Duncker, Gesch. des Alterth. IV Bd. стр. 474—475, примѣч. 5.

4) Георгъ Гротъ, Исторія Греціи, въ нѣм. переводѣ Мейсснера, 3 ч., стр. 273. Ср. 2 ч., стр. 437 и стр. 438, прим. 18.

5) Полит. V, I, стр. 150 (Goettling) δῆμος μὲν γὰρ ἐγένετο ἐκ τοῦ ἴσουσιν ὅτι οὐδὲν ὄντας οἰεσθαι ἀπλῶς ἴσουσιν εἶναι· ὅτι γὰρ ἑλευθεροὶ πάντες ὁμοίως, ἀπλῶς εἶναι, νομίζουσιν.... Εἶτα οἱ μὲν ὡς ἴσοι ὄντες πάντων τῶν ἴσων ἀξιοῦσιν μετέχειν.

6) Арист. Полит. IV, 8, стр. 130 (Goettl.): δημοκρατικὸν μὲν εἶναι τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχάς. VI, I, стр. 199: τὰ τοιαῦτα δημοτικά· τὸ αἰρεῖσθαι τὰς ἀρχάς πάντας ἐκ πάντων· τὸ ἄρχεин πάντας μὲν ἐκάστου, ἕκαστον δ' ἐν μέρει πάντων· τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχάς ἢ πάσας, ἢ ὅσας μὴ ἐμπειρίας δεόνται καὶ τέχνης· τὸ μὴ ἀπὸ τιμήματος μηθενοῦс εἶναι τὰς ἀρχάς ἢ ὅτι μικροτάτου· τὸ μὴ δις τὸν αὐτὸν ἄρχεин etc.

его усвоенъ большею частію новѣйшихъ ученыхъ ¹⁾. Однакожъ, разсматривая эту мѣру въ ея практическомъ примѣненіи, ученые находятъ ее не вполне цѣлесообразною. По ихъ мнѣнію интересы самой демократіи могли нерѣдко страдать отъ избранія должностныхъ лицъ жребіемъ, такъ какъ это лишало демократическихъ избирателей возможности замѣщать правительственныя должности исключительно своими приверженцами. Поэтому тѣ же самые ученые, принимая взглядъ Аристотеля, не совсѣмъ твердо стоятъ на точкѣ зрѣнія, имъ указанной. Даже столь основательный знатокъ и цѣнитель политической жизни древнихъ эллиновъ, каковъ былъ знаменитый англійскій историкъ Греція Георгъ Гротъ, и несмотря на то, что онъ вполне признаетъ избраніе должностныхъ лицъ жребіемъ за мѣру чисто демократическую, въ то же время выражается такимъ образомъ: „на самомъ дѣлѣ избраніе жребіемъ могло быть менѣе демократичнымъ, чѣмъ избраніе общеою подачею голосовъ всѣхъ гражданъ, такъ какъ при этой послѣдней системѣ бѣдный гражданинъ пользовался важнымъ правомъ, не будучи самъ избираемъ въ должность, вліять на дѣла подачею своего голоса ¹⁾“.

Правда Гротъ говоритъ это собственно по отношенію ко времени законодательства Клисеена, когда доступъ къ государственнымъ должностямъ еще не былъ открытъ для всѣхъ гражданъ; но въ сущности это все равно. Приведенное имъ сужденіе одинаково примѣнимо какъ ко времени до изданія закона о правѣ всѣхъ гражданъ на всѣ должности въ государствѣ, такъ и ко времени послѣ изданія этого закона: даже мы думаемъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно еще болѣе имѣетъ силы, чѣмъ въ первомъ. Послѣ того, какъ низшимъ классамъ удалось достигнуть равенства своихъ правъ съ высшими по отношенію къ правительственнымъ должностямъ, избраніе жребіемъ являлось лишь стѣсненіемъ этого ихъ права: такой способъ замѣщенія должностей лишь ограничивалъ имъ просторъ пользоваться своимъ законнымъ правомъ въ такой широкой мѣрѣ, въ какой только это было имъ угодно, такъ какъ они же составляли собою большинство избирателей. Тѣмъ не менѣе Гротъ признаетъ избраніе жребіемъ мѣрою чисто демократическою и на этомъ именно основаніи находитъ невозможнымъ относить ее ко времени Клисеена,

1) K F. Hermann, Antiquitt. I Th. § 67. Schoemann, Griech. Alterth. I Bd. стр. 189. Duncker ibid. G. Grote ibid. Aug. Boeckh, Staatsh. d. Ath. I Bd. стр. 223.

2) Ист. Греція, т 2, стр. 438.

который только лишь полагалъ первое основаніе для зданія аѳинской димократіи. Извѣстный германскій ученый Г. Ф. Шёманнъ оспариваетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи взглядъ Грота¹⁾. Введеніе разсматриваемой нами мѣры онъ приписываетъ Клисеену, при чемъ отрицаетъ ея безусловно димократическій характеръ: »можно даже, говорить онъ, введенный Клисееномъ порядокъ замѣщенія должностей находить противодимократическимъ (die Anordnung des Klisthenes sogar als eine antidemokratische zu betrachten), такъ какъ имъ отнималось у народа право возводить въ эти должности людей, пользующихся его довѣріемъ, тогда какъ теперь случайность жребія могла предоставлять ихъ лицамъ, которыхъ народъ никогда бы не выбралъ«²⁾. Шёманнъ указываетъ на то, что избраніе жребіемъ существовало не исключительно въ димократическихъ, но иногда также и въ олигархическихъ республикахъ; что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ Аристотель³⁾, мѣра эта вводилась для того только, чтобы устранить волненія и происки при выборахъ⁴⁾. При всемъ томъ самъ же г. Шёманнъ говоритъ слѣдующее: »по отношенію къ должностямъ абсолютная димократія отличается отъ умѣренной, прежде всего, способомъ ихъ замѣщенія: на мѣсто выборовъ она вводитъ жребій, если не для всѣхъ, то для возможно большей части должностей, съ тою цѣлію, чтобы тѣмъ вѣрнѣе могъ достигать ихъ каждый безъ различія«⁵⁾. Спрашивается теперь: какъ же смотрѣть на эту мѣру? должно ли считать ее димократическою, или противодимократическою?

Въ недавнее время одинъ германскій ученый, г. Мюллеръ-Штрянбингъ высказалъ свой особенный взглядъ на это дѣло, совершенно

1) Въ своемъ сочиненіи: „Verfassungsgeschichte Athens“ Leipzig, 1854.

2) Griech. Alterth. 1 B. стр. 357.

3) Полит. V, 2, стр. 156 (Goettl.): μεταβάλλουσι δ' αἱ πολιτεῖαι καὶ ἄνευ στάσεως διὰ τε τὰς ἐριθείας, ὡς περ' ἐν Ἠραίᾳ· ἐξ αἰρετῶν γὰρ διὰ τοῦτο ἐποίησαν κληρωτάς, ὅτι ἤρουντο τοὺς ἐριθειομένους.

4) Griech. Alterth. 1 B. стр. 189.

5) Ibid. Hinsichtlich der Magistrate unterscheidet sich die absolute Demokratie von der gemässigten zunächst durch die Art der Ernennung, indem sie, wenn auch nicht bei allen, doch bei möglichst vielen statt der Wahl das Loos eintreten lässt, damit um so sicherer Jeder ohne Unterschied dazu gelangen könne.

отличный отъ вышеизложенныхъ. Онъ сильно нападаетъ на всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые находятъ что нибудь демократическое въ замѣщеніи должностей посредствомъ жребія. Въ своемъ обширномъ трудѣ, посвященномъ многимъ важнымъ вопросамъ политическаго устройства и политической жизни Аѳинъ ¹⁾, онъ выступаетъ столь горячимъ поборникомъ аѳинской демократіи, что не дозволяетъ находить на ней ни одного пятна. Этого онъ не прощаетъ самымъ заслуженнымъ ученымъ и порицаетъ ихъ за то весьма рѣзко. Впрочемъ трудъ его очень цѣнный и авторъ хорошо уясняетъ нѣкоторые вопросы по греческой исторіи. По справедливому отзыву одного нѣмецкаго ученаго изданія ²⁾, „отъ сочиненія вѣдетъ большою свѣжестью; изложение весьма наглядно; сочинитель обладаетъ обширною начитанностію и въ особенности тщательно ознакомился съ Аристофаномъ и Фукидидомъ; при этомъ онъ всецѣло преданъ своему предмету и очевидно, при написаніи книги, участвовало задушевное чувство автора; съ сердечною теплотою беретъ онъ сторону аѳинской демократіи и ея вождей“.—Мюллеръ-Штрюбингъ смотритъ на замѣщеніе должностей посредствомъ жребія, какъ на такую мѣру, которая въ демократической республикѣ предоставляетъ меньшинству возможность имѣть нѣкоторое участіе въ государственномъ управленіи. Она была тамъ, по его мнѣнію, ничѣмъ инымъ, какъ *уступкою* меньшинству со стороны преобладающаго демократическаго большинства, и служила средствомъ удовлетворенія гражданскихъ правъ этого меньшинства ³⁾. Введеніе жребія онъ приписываетъ Аристиду и полагаєтъ, что такая мѣра проведена была имъ не безъ задней мысли: послѣ блистательныхъ побѣдъ, какія аѳинскій димось одержалъ надъ персами на сушѣ и на морѣ, въ немъ пробудилось такое сознаніе своей силы и своего значенія въ республикѣ ⁴⁾, что Аристидъ, во-

1) Aristophanes und die historische Kritik. Polemische Studien zur Geschichte von Athen im 5-ten Jahrhundert. von Ch. G. Von Hermann Müller-Strübing. Leipzig, 1873.

2) Philologischer Anzeiger, herausgg. von Ernst von Leutsch. 7 Band, 8 Heft 1875. (№№ 8 и 9), pag. 367. Goettingen, 1876.

3) Aristophanes und die historische. Kritik, стр. 206: „stelle ich es, говоритъ г. Мюллеръ, als Thesis hin: die Einführung des Looses bei der Besetzung der Aemter war ein Zugeständniss an die Minorität; war eine Massregel zur Befriedigung der staatsbürgerlichen Bedürfnisse und zur Gewährleistung der Rechte der Minorität.“

4) Плут. Аристидъ, 7: ὁ δῆμος ἐπὶ τῇ νίκῃ μέγα φρονῶν καὶ τῶν μεγίστων

преки своимъ политическимъ убѣжденіямъ, нашелъ необходимымъ предложить крайній демократическій законъ, открывавшій низшимъ классамъ доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ; но въ то же время онъ ввелъ при замѣщеніи этихъ должностей жребій, какъ противовѣсь преобладанію демократіи, такъ какъ этимъ способомъ онъ оставлялъ за олигархическимъ меньшинствомъ шансы достигать власти въ республикѣ ¹⁾).

Мы находимъ совершенно ошибочнымъ такой взглядъ на дѣло. Онъ не имѣетъ за себя ни одного свидѣтельства древнихъ и не основателенъ самъ по себѣ. Эта уступка меньшинству, какую видитъ въ разсматриваемой мѣрѣ г. Мюллеръ, была бы совершенно призрачною на дѣлѣ. При громадномъ численномъ превосходствѣ господствующей партіи она могла представлять отъ себя въ такомъ же численномъ превосходствѣ и соискателей должностей; поэтому, какъ учить насъ математическая теорія вѣроятностей, жребій выпадалъ бы очень рѣдко на сторонниковъ противоположной малочисленной партіи; въ составѣ должностныхъ лицъ, такимъ образомъ, они являлись бы въ очень маломъ числѣ сравнительно съ представителями господствующей демократической партіи; это только ставило бы ихъ въ очень тягостное и трудное положеніе, въ особенности если бы имъ вздумалось дѣйствовать въ интересахъ своей партіи; на каждомъ шагу они встрѣчали бы себѣ противодѣйствіе со стороны большинства другихъ правительственныхъ лицъ въ республикѣ. Впрочемъ и въ томъ случаѣ, если бы жребій, вопреки указанной математической теоріи, оказывался болѣе благосклоннымъ къ меньшинству, оно мало могло-бы извлекать для себя отъ этого практической пользы. Извѣстно, что въ демократическихъ республикахъ, и въ особенности въ афинской, должностныя лица находились подъ постояннымъ зоркимъ контролемъ вѣча, передъ которымъ были отвѣтственны за всѣ свои дѣйствія и на которомъ господствовало демократическое большинство: имъ оставалось одно лишь—исполнять точно и безпрекословно волю вѣча, т. е. дѣйствовать какъ разъ вопреки видамъ и цѣлямъ своей

ἀξίων αὐτὸν... *ibid.* 22: Ἐπεὶ δὲ... τοὺς Ἀθηναίους ὁ Ἀριστείδης ἑώρα ζητοῦντας τὴν δημοκρατίαν ἀπολαβεῖν, ἅμα μὲν ἄξιον ἡγούμενος διὰ τὴν ἀνδραγαθίαν ἐπιμελείας τὸν δῆμον, ἅμα δ' οὐκ ἔτι ῥᾶδιον ἰσχύοντα τοῖς ὄπλοις καὶ μέγα φρονούντα ταῖς νίκαις ἐχθριασθῆναι, γράφει ψήφισμα κοινὴν εἶναι τὴν πολιτείαν καὶ τοὺς ἄρχοντας ἕξ Ἀθηναίων πάντων αἰρεῖσθαι.

1) Aristophanes etc. стр. 247—248.

партіи, если бы эти должностныя лица принадлежали къ олигархическому меньшинству. Такимъ образомъ эта мнимая уступка въ пользу меньшинства не приводила бы, на самомъ дѣлѣ, ни къ чему больше, какъ лишь къ тому, чтобы давать постоянно чувствовать этому меньшинству свое политическое безсиліе въ республикѣ.

Между тѣмъ въ тѣхъ же демократическихъ Аѳинахъ открыты были прямыя и широкія пути всѣмъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ классамъ, гражданамъ какой-бы то ни было политической партіи, олигархической или демократической,—пути къ дѣятельному и совершенно свободному участию въ политической жизни и политическихъ дѣлахъ своего отечества. И, во первыхъ, такой путь открытъ былъ каждому на гражданскомъ вѣчѣ (ἐκκλησία). Здѣсь каждому гражданину предоставлено было не только равное право голоса при рѣшеніи дѣлъ, но и безусловная свобода слова при ихъ обсужденіи. Людямъ съ политическими дарованіями и высокимъ образованіемъ былъ здѣсь полный просторъ пріобрѣтать вѣсъ и силу въ политическихъ дѣлахъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и было, какъ мы знаемъ, въ аѳинской республикѣ. Политическіе таланты выступали и заявляли себя именно на вѣчѣ. Если партія меньшинства въ республикѣ имѣла въ средѣ своей людей съ талантами, если умѣла дѣйствовать дружно и умно, тогда она составляла на вѣчѣ серьезную политическую силу и даже могла пріобрѣсти преобладающее вліяніе на дѣла. Словомъ сказать, меньшинство на вѣчѣ располагало всѣми тѣми средствами вліять на дѣла, какими располагаетъ оппозиція въ современныхъ представительныхъ учрежденіяхъ. — Затѣмъ былъ еще другой, также очень дѣйствительный способъ, дававшій олигархическому меньшинству возможность выставить изъ среды своей вліятельныхъ политическихъ дѣятелей, способъ, которымъ весьма охотно во всѣ времена пользовалась аѳинская демократія, въ виду настоятельныхъ государственныхъ надобностей: это именно замѣщеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей не посредствомъ жребія, а посредствомъ выборовъ. Таковы, напр., были должности стратиговъ (военачальниковъ), должность эллинотаміи (государственнаго казначея), и другія. Аѳинская демократія весьма охотно во всѣ времена предоставляла эти должности лицамъ изъ знатныхъ фамилій, даже такимъ, которыя завѣдомо принадлежали къ олигархической партіи. Такъ мы видѣли, что до Перикла во главѣ управленія стоялъ Кимонъ, вождь олигархической партіи: въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ избираемъ въ стратиги, при чемъ ему

поручалось не одно начальствованіе войскомъ, но и важнѣйшія дѣла внѣшней и внутренней политики ¹⁾. При Периклѣ Кимонъ и его партія лишились власти и вліянія, самъ Кимонъ даже былъ изгнанъ остракизмомъ; но это произошло не потому, чтобы олигархическое меньшинство не имѣло въ своихъ рукахъ достаточныхъ средствъ для борьбы, вслѣдствіе демократическаго строя аѳинской республики, а потому, что Периклъ неизмѣримо превосходилъ своего противника политическими талантами и что вообще олигархическая партія не имѣла въ то время въ средѣ своей равносильнаго по дарованіямъ человѣка, котораго могла бы съ успѣхомъ противопоставить Периклу ²⁾; однакожь, сколько могла, старалась всѣми мѣрами ему противодѣйствовать ³⁾. Даже въ то горячее и возбужденное время, когда въ Греціи шла роковая борьба на жизнь и смерть между республиками аристократическими и демократическими, т. е. въ пелопоннискую войну,—въ то время, какъ уже сошелъ со сцены Периклъ и его мѣсто занялъ Клеонъ, этотъ „ярый“ димагогъ (*βελότατος τῶν πολιτῶν* ⁴⁾), когда аѳинская демократія приняла острый характеръ,—мы видимъ въ числѣ стратиговъ такихъ лицъ, какъ Никія, глава олигархической партіи и личный врагъ Клеона ⁵⁾, какъ знаменитый историкъ Фукидидъ, изъ знатнаго дома филаидовъ, искони приверженнаго къ олигархіи, въ чемъ былъ вѣренъ преданіямъ своего дома и самъ онъ ⁶⁾.

Итакъ мы думаемъ, что правильнѣе понимать дѣло совершенно наоборотъ: т. е. уступку и терпимость демократіи къ олигархическому меньшинству скорѣе можно находить въ выборахъ должностныхъ лицъ подачею голосовъ, причемъ именно избирались достойнѣйшіе и способнѣйшіе люди, какихъ демократія чаще всего находила въ рядахъ знатнаго и богатаго сословія гражданъ; тогда какъ избраніе должностныхъ лицъ жребіемъ служило для удовлетворенія чувству демократическаго равенства.

Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что названные нами ученые привносятъ въ свои сужденія относительно разсматриваемаго нами предмета взглядъ, взятый ими съ современнаго порядка вещей.

1) Плут. Кимонъ 5. 6. 8. 9.

2) Id. Периклъ 8.

3) Id. ibid. 12.

4) Фуқ. III, 36.

5) Id. ibid. IV, 27.

6) Id. VIII, 97.

Повидимому они расположены придавать выборамъ должностныхъ лицъ въ античныхъ республикахъ такой же отчасти смыслъ, какой имѣютъ выборы *представителей* въ современныхъ государствахъ. Въ отношеніи античнаго міра необходимо совершенно отрѣшиться отъ такого воззрѣнія. Тамъ не было представительства, какъ въ современныхъ государствахъ. Въ античныхъ государствахъ каждый гражданинъ *лично* и только *самъ за себя* выполнялъ свою долю участія въ государственномъ управленіи. Лица, избравшіяся гражданами на должности, отнюдь не становились чрезъ то представителями ни своихъ избирателей, ни той политической партіи, къ которой принадлежали. Они не были представителями, но отвѣтственными (*επιθετοί*) исполнителями державной воли цѣлой общины гражданъ, все равно кѣмъ бы и какъ бы ни были избраны въ свои должности и къ какой-бы политической партіи ни принадлежали ¹⁾. Это были „органы исполнительной власти“ въ государствѣ. По отношенію къ общинѣ гражданъ они были тоже самое, что въ современныхъ государствахъ министры по отношенію къ верховной власти и по отношенію къ палатѣ представителей (потому что гражданская община совмѣщала въ себѣ права той и другой). Точно такъ, какъ въ современныхъ государствахъ верховная власть можетъ поручать обязанности министровъ лицамъ какой угодно политической партіи безразлично, лишь бы они не злоупотребляли ея довѣріемъ (или даже — лишь бы нашлись желающіе принять должность), равнымъ образомъ — палатѣ представителей нѣтъ надобности до того, къ какой политической партіи принадлежатъ министры, лишь бы ихъ дѣйствія согласовались съ ея желаніями, выражаемыми большинствомъ ея членовъ: такъ—въ томъ же почти родѣ были положеніе и отношеніе должностныхъ лицъ и гражданской общины въ античныхъ республикахъ и въ особенности—демократическихъ.

Итакъ, замѣщеніе должностей посредствомъ жребія не представляло никакой практической выгоды меньшинству, равно какъ насколько не страдали отъ того интересы господствующаго большин-

1) Противъ сказаннаго, конечно, не могутъ служить возраженіемъ такого рода учрежденія въ античныхъ республикахъ, какъ эфоратъ въ Спартѣ и трибунатъ въ Римѣ: это не были *представительныя*, но такія же *правительственныя* учрежденія, какъ и всѣ другія въ республикѣ: члены ихъ избирались лишь изъ известнаго класса гражданъ, также какъ члены другихъ правительственныхъ учрежденій—изъ другого класса граж-

ства. Но эта мѣра дѣйствительно могла служить хорошимъ средствомъ для устраненія волненій при выборахъ, что имѣло свою полезную сторону. При значительномъ числѣ должностей въ республикѣ и краткости срока (годъ, иногда и меньше), на который избирались должностныя лица, гражданская община слишкомъ много и часто подвергалась бы возбужденному состоянію, неразлучному съ выборами; много являлось бы оскорбленныхъ самолюбій и недовольныхъ лицъ; честолюбія сталкивались бы безъ конца и должностныя лица дѣйствительно встрѣчали бы противодѣйствіе себѣ не со стороны своихъ политическихъ противниковъ, а отъ своихъ соперниковъ, обойденныхъ выборами. Это имѣло большую важность и серьезное значеніе въ малочисленныхъ гражданскихъ общинахъ древней Греціи, гдѣ всѣ граждане составляли тѣсно сплоченный кругъ, гдѣ каждая отдѣльная личность была замѣтна, а потому и чувствительна ко всякому униженію, оказанному ей, и предпочтенію, отданному другой. Жребій въ этомъ случаѣ успокаивалъ всѣхъ, какъ тѣхъ, кто хотѣлъ быть избраннымъ, такъ и тѣхъ, кому нужно было подавать голосъ на выборахъ. Все сказанное приложимо въ одинаковой степени къ республикамъ, какъ демократическимъ, такъ и олигархическимъ: въ этихъ послѣднихъ соперничество между отдѣльными личностями господствующаго сословія было, конечно, никакъ не слабѣе, чѣмъ среди демократическаго гражданства. Фукидидъ передаетъ намъ на сей счетъ весьма замѣчательный фактъ. Во время олигархіи четырехъ сотъ въ Аѣнахъ (411 г. до Р. Х.) многіе изъ олигарховъ захотѣли снова установить въ республикѣ демократическій порядокъ вещей, «побуждаемые къ тому своими личными честолюбіями, потому что всякій изъ нихъ хотѣлъ быть первымъ; а при демократическомъ устройствѣ имъ легче было переносить каждому свой неуспѣхъ на выборахъ, такъ какъ онъ былъ бы устраняемъ отъ власти не со стороны себѣ равныхъ»¹⁾. Фукидидъ высказываетъ здѣсь глубоко вѣрное сужденіе: дѣйствительно всего тяжелѣе быть поставленнымъ ниже другихъ въ средѣ себѣ равныхъ. Аѣнскіе олигархи предпочитаютъ отказаться отъ своей власти, только бы никто изъ нихъ не

данъ, но тѣ и другіе вмѣстѣ равно составляли собою *правительство*, исполнительную власть въ республикѣ.

¹⁾ Фукид. VIII, 89: ἕκ δὲ δημοκρατίας αἰρέσεως γιγνομένης, ἕρον τὰ ἀποβαίνοντα ὡς οὐκ ἀπὸ τῶν ὁμοίων ἑλασσόμενός τις φέρεται.

возвышался надъ прочими: демократія, по крайней мѣрѣ, уравнивала ихъ всѣхъ. Неудивительно поэтому, что замѣщеніе должностей посредствомъ жребія существовало и въ нѣкоторыхъ олигархическихъ республикахъ: здѣсь оно также, какъ и въ демократическихъ, служило для удовлетворенія чувства равенства членовъ олигархій. Но, конечно, такой порядокъ вещей всего болѣе умѣстенъ былъ въ демократическихъ республикахъ, гдѣ начало всеобщаго равенства гражданъ лежало въ основаніи цѣлаго строя государства.

Несмотря однако на такой несомнѣнно демократическій характеръ разсматриваемаго нами способа замѣщенія должностей, должно все таки сказать, что низшіе классы аѣнскихъ гражданъ мало могли извлекать изъ него существенной пользы для себя. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, когда и къмъ введена была эта мѣра въ Аѣнахъ; но всего менѣе, намъ кажется, было бы справедливымъ приписывать ее Периклу: цѣлый рядъ мѣръ, введенныхъ имъ въ интересахъ димоса и демократіи, имѣетъ тотъ отличительный характеръ, что всѣ онѣ удовлетворяютъ прямымъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ нуждамъ низшихъ классовъ аѣнскихъ гражданъ, не только демократичны и либеральны по идеѣ, но служатъ къ дѣйствительному улучшенію положенія димоса. Нельзя того же сказать о замѣщеніи должностей жребіемъ: оно удовлетворяло собственно идеальному требованію; служило выразеніемъ идеи политическаго равенства всѣхъ гражданъ. Во всякомъ случаѣ не этою мѣрою могъ бы Периклъ поднять и усилить на самомъ дѣлѣ политическое значеніе димоса въ республикѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что занятіе правительственныхъ должностей было не по силамъ бѣднымъ гражданамъ. Эти должности искони были безвозмездными. Онѣ были гражданскою почестію (τιμή) и вмѣстѣ государственною повинностію (τέλος, οἱ ἐν τέλει), которую граждане несли предъ государствомъ, какъ обязанность, неразлучную съ ихъ званіемъ ¹⁾. Между тѣмъ должности эти требовали отъ лицъ, которымъ поручались, постоянныхъ правильныхъ занятій. Поэтому бѣдный гражданинъ, жившій своимъ трудомъ, или совсѣмъ не могъ бы проходить ихъ, или же онѣ были

1) Арист. Полит. III, I, стр. 71: ὁ δὲ πολίτης οὐ τῷ οἰκεῖν που πολίτης ἔστι· καὶ γὰρ μέτοικοι καὶ δοῦλοι κοινοῦσι τῆς οἰκῆσως... ὥστε ἀτελεῶς πῶς μεταχοῦσι τῆς τοιαύτης κοινωνίας, ἀλλὰ καθάπερ καὶ παῖδας τοὺς μήπω δι' ἡλικίαν ἔγγεγραμμένους καὶ τοὺς γέροντας τοὺς ἀφαιμένους φαιτέον εἶναι μὲν πως πολίτας, οὐχ ἀπλῶς

бы для него большимъ обремененіемъ ¹⁾. Для успѣшнаго исполненія этимъ должностей нужна была извѣстная степень образованія и знаніе дѣла, что также, конечно, не часто можно было находить въ людяхъ, принадлежащихъ къ низшимъ классамъ. Наконецъ на лицахъ, несшихъ эти должности, лежала большая отвѣтственность и они должны были давать государству отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ: это должно было казаться и въ самомъ дѣлѣ было отнюдь не простымъ и не легкимъ дѣломъ для подешщиковъ (θητες) и матросовъ (ναυτικός οχλος), изъ которыхъ преимущественно состоялъ афинскій димосъ. Периклъ умѣлъ хорошо все это взвѣсить и нашелъ другой, болѣе вѣрный путь къ рѣшенію своей задачи.

До Перикла тѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ, къ которымъ доступъ такъ былъ труденъ для низшихъ классовъ, принадлежала обширная власть въ государствѣ. Въ особенности большую силу давало имъ то, что въ ихъ же рукахъ была и судебная власть.

Главнѣйшимъ изъ этихъ учрежденій былъ ареопагъ, верховный государственный совѣтъ (ἡ ἄνω βουλή), издревле облеченный чрезвычайно обширною властію и окруженный величайшимъ почетомъ. Онъ имѣлъ высшій надзоръ надо всѣмъ въ государствѣ (ἐπίσκοπος πάντων) ²⁾, какъ надъ другими правительственными учрежденіями и лицами, такъ и вообще надъ всѣми гражданами (ἀπάντων ἑρρόντιζε τῶν πολιτῶν). Члены ареопага слѣдили за тѣмъ, чтобы ни въ совѣтѣ пятисотъ, ни на вѣчѣ не предлагалось ничего такого, что несогласно съ основными государственнымъ установленіями и законами (γραφῆ παρανόμων) или что они считали вреднымъ для блага республики (τὰ ἀσύμφορα τῇ πόλει); затѣмъ, чтобы власти дѣйствовали во всемъ сообразно съ закономъ, чтобы ихъ избраніе происходило законнымъ образомъ ³⁾. Ареопагиты имѣли наблюденіе надъ нравами и образомъ жизни гражданъ, ихъ занятіями и способами существованія ⁴⁾: они привлекали къ суду тѣхъ, кто не имѣя обезпеченнаго состоянія велъ праздную жизнь (γραφῆ ἀργίας), или кто проматывалъ полученное отъ

δὲ λίαν, ἀλλὰ προστιθένας τοὺς μὲν ἀτελεῖς, τοὺς δὲ παρημαχότας.... Πολίτης δ' ἀπλῶς οὐδὲν τῶν ἄλλων ὀρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ἀρχῆς.

1) Арист. Полит. VI, 3, стр. 206: ἑπεὶ δὲ αἱ τελευταῖαι δημοκρατίαι πολυάνθρωποι τε εἰσὶ, καὶ χαλεπὸν ἐκκλησιάζειν ἀμίσθους...

2) Плут. Соловь, 19.

3) Philochori Fragmenta p. 19, ed. Siebelis, Lips. 1811. ср. Шеманна Gr. Alterth. I B. p. 525.

4) Ἰσοκράτης, Ἀρειοπαγίτικός, 17.

предковъ наслѣдство (γραφῆ τοῦ καταθηροχέναι τὰ πατρῶα) ¹⁾. Воспитаніе дѣтей также находилось подъ вѣдѣніемъ ареопага ²⁾. Наконецъ въ кругъ дѣятельности ареопага входило наблюденіе надъ государственною религіею ³⁾. Суду его подлежали важнѣйшія преступленія, какъ намѣренное убійство, измѣна отечеству, оскорбленіе религіи; но онъ могъ привлекать гражданъ къ отвѣтственности и подвергать ихъ высканіямъ за всякаго рода проступки ⁴⁾.

Ареопагъ служилъ средоточіемъ силы и вліянія олигархической партіи. Составъ его наполнялся бывшими архонтами, проходившими безупречно свою должность: ареопагиты со строгимъ разборомъ принимали въ свою среду новыхъ членовъ ⁵⁾. Учрежденіе это было однимъ изъ древнѣйшихъ въ Аѣинахъ и пользовалось почетомъ, какъ ни одно изъ другихъ аѣинскихъ правительственныхъ учрежденій. Поэтъ Эсхилъ въ одной изъ своихъ трагедій влагаетъ слѣдующую рѣчь въ уста богини Аѣины: „да внемлютъ жители Аттики завѣту моему: поставляю вамъ, какъ недремлющаго стража вашей земли, этотъ досточтимый совѣтъ, недоступный корысти, не скорый на гнѣвъ; онъ будетъ бодрствовать надъ спящими; чтите его и имѣйте должный страхъ предъ нимъ, и онъ будетъ спасительнымъ оплотомъ вашего города и вашей страны, оплотомъ, какого нѣтъ нигдѣ у людей, ни у скивовъ, ни въ землѣ Пелопы“ ⁶⁾.

Понятно, что такое могущество ареопага, облеченнаго властію, границы которой повидимому не были даже точно опредѣлены, въ самомъ дѣлѣ составляло твердый оплотъ для олигархическихъ классовъ въ Аѣинахъ, за которыми они крѣпко держались противъ напоровъ демократическаго движенія. Для полнаго успѣха демократіи необходимо было лишить высшіе классы этой опоры. Периклъ рѣшился наложить руку на права и власть ареопага. Задача была не только трудная, но и весьма опасная: онъ предпринималъ ни болѣе, ни менѣе, какъ подорвать политическую силу высшихъ классовъ въ самомъ ея корнѣ, нанести ей ударъ въ такомъ ея убѣжищѣ, которое доселѣ признавалось неприкосновеннымъ: Периклъ зналъ, что дѣло

1) Плут. Солонъ 22. Ср. Schömann, Antiquitt. juris publ. graec. § LXVI.

2) Исократъ тамъ же.

3) Schoemann, Antiquitt. juris publ. gr. 1. 1.

4) Id. ibid.

5) Schoemann, Griech. Alterth. 1 B. стр. 525.

6) Εἰρηνίδης, стт. 681—685. 703—706.

не может обойтись без упорной борьбы. Онъ остерегся вступить открыто въ эту опасную борьбу. Онъ искалъ себѣ союзника, который бы имѣлъ мужество взяться за дѣло. Такого союзника Периклъ нашелъ себѣ въ молодомъ афинскомъ гражданинѣ, по имени Ефіальтѣ. Это былъ смѣлый, энергическій и рѣшительный человекъ, одаренный блестящими политическими дарованіями. Онъ отнюдь не служилъ лишь орудіемъ въ рукахъ Перикла, но дѣйствовалъ по собственному влеченію и убѣжденію, хотя и въ согласіи съ Перикломъ. Ефіальтъ повелъ дѣло такимъ образомъ: онъ началъ неутомимо и горячо преслѣдовать всѣми способами, т. е. и въ публичныхъ рѣчахъ на вѣчѣ и судебнымъ порядкомъ, злоупотребленія какъ членовъ ареопага, такъ равно и другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ въ государствѣ ¹⁾. Самъ Ефіальтъ былъ извѣстенъ высокимъ благородствомъ и честностію своего характера ²⁾. Онъ былъ бѣденъ и его друзья предлагали ему, для его обезпеченія въ средствахъ жизни, сумму въ десять талантовъ (свыше 15,000 рублей): Ефіальтъ отказался отъ этой поддержки своихъ друзей, изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, оказаться неблагодарнымъ, въ случаѣ если-бы кто-нибудь изъ нихъ потребовалъ отъ него чего-либо, несогласнаго со справедливостію ³⁾. Тѣмъ смѣлѣе и безпощаднѣе были его нападенія, направленные противъ неправдъ и притѣсненій, какія правительственными лицами позволяли себѣ относительно бѣдныхъ классовъ гражданъ: „онъ былъ грозой олигарховъ“ (φοβερὸν ὄντα τοῖς ὀλιγαρχικοῖς), по словамъ древняго писателя ⁴⁾. Прямой и смѣлый образъ его дѣйствій встрѣтилъ сильное сочувствіе въ массѣ гражданъ ⁵⁾. Авторитетъ членовъ ареопага и другихъ правительственныхъ лицъ сильно палъ въ общемъ мнѣніи. Какъ разъ въ самый разгаръ борьбы, которая шла теперь между представителями олигархіи и вождями демоса, важныя внѣшнія дѣла удерживали Кимона внѣ Аѳинъ: онъ находился съ флотомъ въ водахъ Эгейскаго моря и занятъ былъ военными дѣйствіями сначала въ Херсонисѣ еракійскомъ, потомъ на о. Тасѣ. Всѣ его дѣйствія имѣли, какъ всегда, блестятельный успѣхъ: онъ присоединилъ къ

1) Плут. Периклъ, 10.

2) Id. Кимонъ, 10.

3) Эліанъ, Var. Hist. II. 43. XI, 9.

4) Плут. Периклъ, 10.

5) id. Кимонъ, 10: Ἐφιάλτην... χάριτι τοῦ δήμου καταλύοντα τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βρολίην.

владѣніямъ Аѳинъ новыя богатыя области. Въ это самое время въ Аѳинахъ его партія понесла совершенное пораженіе. Ефιάлту и Периклу удалось достигнуть того, что права и власть ареопага, архонтовъ и совѣта пяти сотъ, по рѣшенію вѣча, подверглись самымъ существеннымъ ограниченіямъ.

Въ извѣстіяхъ древнихъ нѣтъ точныхъ указаній на то, какія именно изъ прежнихъ правъ ареопага были у него отняты: писатели употребляютъ общее выраженіе, что Периклъ и Ефιάльтъ „подавили“ (ἐκόλουσαν) ареопагъ, уничтожили его власть (κατέλουσαν τὸ κράτος) ¹⁾ и изъяли изъ его юрисдикціи всѣ дѣла, за исключеніемъ немногихъ ²⁾.

Пользуясь своимъ успѣхомъ и не давая своимъ противникамъ времени оправиться отъ удара, Периклъ и Ефιάльтъ немедленно приступили къ устройству судебныхъ учреждений въ Аѳинахъ, на новыхъ демократическихъ основаніяхъ. Это были такъ называемые суды *миаствовъ* (ἡλιασταί): тоже самое, что нынѣшніе суды присяжныхъ. Начало ихъ древніе писатели относятъ ко временамъ Солона ³⁾. Новѣйшіе ученые оспариваютъ справедливость такого показанія древнихъ. Впрочемъ мнѣнія ихъ въ этомъ отношеніи раздѣляются на два противоположныхъ взгляда: одни считаютъ невозможнымъ относить такое часто демократическое учрежденіе, каковы были аѳинскіе суды миаствовъ, ко временамъ Солона; другіе, напротивъ, находятъ это совершенно согласнымъ съ духомъ законодательства Солона ⁴⁾. Вопросъ былъ спорнымъ уже въ самой древности. Солону имѣютъ обыкновеніе приписывать учрежденіе означенныхъ судовъ аѳинскіе ораторы въ своихъ судебныхъ рѣчахъ ⁵⁾. Часто имъ было нужно

1) Арист. Полит. II, 9, стр. 67 (Goettling): καὶ τὴν μὲν ἐν Ἀρείῳ πάγῳ βουλὴν Ἐφιάλτης ἐκόλουσε καὶ Περικλῆς. Плут. Периклъ, 7: ὅς (ὁ Ἐφιάλτης) κατέλουσε τὸ κράτος τῆς ἐξ Ἀρείου πάγου βουλῆς.

2) Плут. Канонъ, 15: ἀφείλοντο τῆς ἐξ Ἀρείου πάγου βουλῆς τὰς κρίσεις πλὴν ὀλίγων ἀπάσας.

3) Арист. Полит. II, 9, стр. 67: τὰ δικαστήρια ποιήσας (ὁ Σόλων) ἐκ πάντων ἢ проч. Плутархъ, Солонъ 18.

4) Представителями перваго взгляда служатъ К. Ф. Германъ (Griech. Antiquit. I Th. § 106), Гротъ (Gesch. Griecheschl. übertr. von Meissner, 2 B. стр. 96 и слѣд.); представителями втораго—Шёманъ (Gr. Alterth. I B. p. 509), Ваксмугъ (Hellen. Alterthumsk., 2 B. § 106. 2-te Ausg. Halle 1846). Обстоятельное изложеніе этого спорнаго предмета см. у В. Онкена въ его сочиненіи „Athen und Hellas“ I ч., стр. 150 слѣд. Leipzig, 1865.

5) Демосеенъ, Περί τοῦ Στεφάνου. § 6. Κατὰ Τιμοκράτ., § 148. Эскинъ, Κατὰ Κτησιφ. p. 389.

это для ихъ ораторскихъ цѣлей,—для того, чтобы придать больше вѣсу своимъ доводамъ. Нельзя не сказать, конечно, что если суды заново въ первый разъ создалъ въ Афинахъ Периклъ, то было большою смѣлостію со стороны ораторовъ, спустя едва лишь столѣтіе послѣ того, приписывать учрежденіе этихъ судовъ Солону; однакожь отрицать въ нихъ подобную смѣлость также нельзя, потому что они вообще обладали ею ¹⁾. Не много, конечно, требовалось для того, чтобы такимъ образомъ въ умахъ афинянъ сложилось убѣжденіе, или привычка думать, что ихъ знаменитые суды, составлявшіе предметъ ихъ особенной гордости ²⁾, были въ самомъ дѣлѣ учреждены ихъ великимъ законодателемъ. Въ первый разъ подвергнулъ дѣло сомнѣнію Аристотель; но онъ выражается на этотъ счетъ съ большою сдержанностію; поэтому слова его допускаютъ возможность различнаго пониманія; такъ что на него ссылаются какъ тѣ ученые, которые приписываютъ учрежденіе судовъ Солону, такъ равно и тѣ, которые это оспариваютъ.

Намъ кажется, для уясненія вопроса должно взять исходною точкою тотъ фактъ, что уже Драконтъ, этотъ суровый законодатель, дѣйствовавшій исключительно въ интересахъ олигархіи, считалъ нужнымъ дать афинянамъ судебное учрежденіе ефетовъ (*ἐφέται*), къ которому можно было апеллировать на рѣшенія архонтовъ и ареопага: слѣдовательно уже въ то время сознавалась необходимость въ отдѣленіи судебной власти отъ правительственной и въ устройствѣ судебного дѣла на болѣе справедливыхъ основаніяхъ. Тѣмъ настойчивѣе должно было пробудиться такое сознаніе во время кореннаго преобразованія государственнаго строя, совершеннаго Солономъ, который несомнѣнно принималъ къ сердцу нужды и положеніе афинскаго димоса и старался, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ ³⁾, сдѣлать для него все возможное при тогдашнихъ условіяхъ. Весьма естественно поэтому, если онъ сдѣлалъ шагъ впередъ также и въ устройствѣ судебного дѣла въ Афинахъ. Свидѣтельства Аристотеля и Плутарха подтверждаютъ такой выводъ, вытекающій изъ естественнаго хода вещей. Но совершенно иной вопросъ, насколько обширенъ

1) Примѣры анахронизмовъ и вольнаго обращенія съ историческими фактами въ рѣчахъ афинскихъ ораторовъ указываетъ Гротъ (Ист. Греціи, нѣм. перев. Мейсснера, 2 ч. стр. 96—97, примѣч. 53).

2) Фукид. II, 37: ἀκροάζει τῶν νόμων καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὠφελίᾳ τῶν ἀδικουμένων κεῖνται.

3) Плут. Солонъ 18.

или тѣсенъ былъ кругъ дѣятельности этихъ судовъ, предоставлен-
ный имъ законодательствомъ Солона. Плутархъ говоритъ, что суды
эти первоначально имѣли ничтожное значеніе (*ὁ κατ' ἀρχὰς μὲν οὐδέν*),
но *впоследствии* приобрѣли громадную силу; потому что, продолжаетъ
этотъ писатель, большую часть тяжбныхъ дѣлъ Солонъ предоста-
вилъ вѣдѣнію этихъ судовъ; равнымъ образомъ и по тѣмъ дѣламъ,
которыя подлежали суду правительственныхъ лицъ и мѣсть (*ταῖς ἀρ-
χαῖς*), желающіе могли апеллировать въ суды иліастовъ; говорятъ,
что и законы онъ написалъ не довольно ясные и членно съ тою цѣ-
лію, чтобы увеличить силу судовъ: тяжущіеся, будучи не въ состоя-
ніи рѣшить свой споръ по смыслу закона, по неволѣ принуждены
были обращаться во всѣхъ случаяхъ къ судьямъ, которые такимъ
образомъ были въ нѣкоторомъ смыслѣ господами законовъ. На это ука-
зываетъ и самъ Солонъ въ своихъ стихотвореніяхъ, гдѣ сказано у
него слѣдующее:

„Я далъ димосу столько силы, сколько это для
него нужно,

Чести его не умаливъ, ни увеличивъ“ ¹⁾

Очевидно, что въ данномъ случаѣ Плутархъ самъ очень мало
понимаетъ то, что говоритъ, не подозрѣвая даже, что взводитъ на
Солона тяжкое обвиненіе, ни съ чѣмъ не сообразное. Ока-
зывается изъ его словъ, что Солонъ, даровавъ гражданамъ
послѣдняго бѣднѣйшаго класса право засѣдать во вновь учреж-
денныхъ имъ судахъ, нарочито пишетъ неясные законы, чтобы
предоставить ихъ толкованіе произволу этихъ несвѣдущихъ и
неопытныхъ судей. Дѣлаетъ это Солонъ съ тою цѣлію, чтобы дать
больше силы судамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и аеинскому димосу, такъ
какъ большинство членовъ въ судахъ присяжныхъ должно было со-
стоять изъ гражданъ низшихъ классовъ. Легко представить, какова
могла быть сила этихъ судовъ, въ которыхъ засѣдаютъ бѣдные по-
деньщиками (*θητες*), оторванные отъ своихъ работъ, и судятъ по зако-
намъ, которыхъ не понимаютъ. Хорошо то, что Плутархъ, высказавъ
свое неправдоподобное обвиненіе противъ аеинскаго законодателя, въ
подтвержденіе его приводитъ собственные слова самаго Солона, кото-
рыми это обвиненіе уничтожается. „Я далъ димосу столько силы,
сколько нужно для него, чести его (*τιμῆς*—политическихъ правъ) не
умаливъ и не увеличивъ“: изъ этихъ словъ, конечно, всего менѣе

1) Плут. Солонъ 18.

можно заключить, что Солонъ предоставилъ низшимъ классамъ аѳинскихъ гражданъ обширную судебную власть и сдѣлалъ ихъ „въ нѣкоторомъ смыслѣ господами законовъ“. Однакожь Плутархъ не избрѣлъ самъ того, что онъ говоритъ относительно аѳинскихъ судовъ присяжныхъ во времена Солона; онъ ссылается при этомъ на свидѣтельство другихъ (*λέγεται δέ*); но своего источника не называетъ и неизвѣстно, въ самомъ ли источникѣ заключалось такое сбивчивое и запутанное показаніе, какое онъ сообщаетъ, или же онъ не ясно и не правильно понялъ дѣло. Утверждалъ, что первоначально суды иліастовъ имѣли ничтожное значеніе и свою громадную силу приобрѣли уже впоследствии, Плутархъ, по нашему мнѣнію, передаетъ дѣло такъ, какъ оно было, но ошибается въ томъ, что то и другое положеніе вещей одинаково относить ко временамъ Солона. Было-бы странно и не понятно, почему Солонъ сначала предоставляетъ иліастамъ ничтожную власть, а потомъ скорѣе же измѣняетъ самымъ радикальнымъ образомъ свое распоряженіе. Сами собою суды также не могли, конечно, въ короткое время изъ ничтожества достигнуть величайшей силы ¹⁾.

1) Г. Огень старается объяснить рассматриваемое нами мѣсто изъ Плутарха иначе, чѣмъ мы его понимаемъ. Онъ относитъ его не къ судамъ иліастовъ, какъ мы, а частью къ гражданскому вѣчу, частью къ судебной власти архонтовъ. Именно—выраженіе Плутарха о ничтожномъ значеніи судебной власти димоса онъ относитъ къ участию низшихъ классовъ въ засѣданіяхъ вѣча, гдѣ должностныя лица подвергались ответственности за свои дѣянія (*εὐθύνῃ oder die χρίσις*); то же, что Плутархъ говоритъ о большой власти судей, которая между прочимъ обуславливалась неясностію самихъ законовъ, Огень относитъ къ судебной власти архонтовъ (*Athen und Hellas, I Th., стр. 157—159*). Цѣлая послѣдовательность и связь рѣчи Плутарха въ данномъ мѣстѣ совершенно ясна и отнюдь не допускаетъ подобнаго толкованія. Во всемъ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія, начинающемся словами: „во вторыхъ Солонъ, желая, съ одной стороны, всѣ правительственныя должности, какъ онѣ были, оставить въ рукахъ достаточныхъ классовъ, съ другой же—предоставить и димосу участіе въ дѣлахъ государства, чего онъ былъ лишень доселѣ“..., Плутархъ говоритъ о томъ, какія политическія права предоставилъ Солонъ аѳинскому димосу. Сказавъ о раздѣленіи гражданъ на 4 класса по имуществу, онъ продолжаетъ: „всѣ же прочіе (не вошедшіе въ три высшіе класса по цензу) назывались ейтими; Солонъ не предоставилъ имъ доступа ни къ одной изъ правительственныхъ должностей, а предоставилъ только участіе въ ѳемнѣ и судѣ; вначалѣ это не имѣло никакого значенія, а впоследствии оказалось чрезвычайно важнымъ, такъ какъ большая часть судебныхъ дѣлъ (*τῶν διαφόρων*) перешла къ судьямъ; даже и по тѣмъ дѣламъ, по которымъ судъ онъ вручилъ должностнымъ лицамъ (*ταῖς ἀρχαῖς*), желающіе могли апеллировать въ судъ (*εἰς τὸ δικάστηριον*); говорить, что и самыя законы онъ написалъ не довольно ясно для того, чтобы увеличить силу судовъ

Это сбивчивое и запутанное показаніе Плутарха уясняется, когда сравнимъ его съ тѣмъ, что говорить о томъ же предметѣ Аристотель. „Солонъ положилъ основаніе димократіи, учредивъ суды изъ всѣхъ классовъ гражданъ. Иные и порицаютъ его за то, что судамъ онъ предоставилъ полное господство надо всѣмъ въ государствѣ; потому что, при могуществѣ этихъ судовъ, всѣ угождали димосу, какъ-бы тиранну, и довели димократію до ея нынѣшняго крайняго предѣла... Кажется, однако, что это произошло не по мысли Солона, а по силѣ обстоятельствъ....; Солонъ же, какъ надобно думать, предоставилъ димосу только самую необходимую власть, именно—право избирать должностныхъ лицъ и требовать отъ нихъ отчета“¹⁾. Заключительное выраженіе Аристотеля напоминаетъ собою выше приведенныя слова Солона: „я далъ димосу столько силы, сколько нужно для него“. Въ послѣднихъ словахъ Аристотеля нѣкоторые видятъ прямое отрицаніе существованія судовъ присяжныхъ во времена Солона²⁾: мы не видимъ надобности находить въ нихъ болѣе того, чѣмъ сколько хотѣлъ сказать самъ Аристотель. Онъ ничего прямо не отрицаетъ, но считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Солонъ далъ димосу столько силы и власти, сколько онъ имѣлъ ее въ то время, какъ получили большую силу суды иліастовъ. Аристотель имѣетъ въ виду не ту или другую частную сторону дѣла, а общій государственный строй въ Афинахъ при Солонѣ и послѣ него. Въ цѣломъ этомъ мѣстѣ онъ проводитъ ту общую мысль, что неограниченная власть димоса, какою она была въ періодъ крайняго развитія димократіи, произошла не вслѣдствіе законодательства Солона и не согласно его намѣреніямъ, а по силѣ обстоятельствъ, на которыя Аристотель и указываетъ (услуги, оказанныя государству гражданами низшихъ классовъ во время персидскихъ войнъ, и именно—побѣды, одержанныя афинскимъ димосомъ въ морскихъ битвахъ, за тѣмъ—вліяніе димагоговъ). Аристотель не отрицаетъ же того, что Солонъ предоставилъ низшимъ классамъ участіе въ гражданскомъ вѣчѣ. Между тѣмъ впослѣдствіи, также по силѣ обстоятельствъ, вѣче

(τῶν δικαστηρίων)⁴⁾. Самымъ яснымъ и очевиднымъ образомъ Плутархъ отличаетъ здѣсь архонтовъ и судебную власть должностныхъ лицъ (ἀρχαί) отъ тѣхъ судовъ (δικαστήρια) въ которыхъ могли засѣдать въ качествѣ судей (δικασταί) граждане послѣдшаго четвертаго класса.

1) Полит. II, 9, стр. 67.

2) Оукенъ, *ibid.*, стр. 160 слѣд.

приобрѣло громадную силу. Тоже самое должно было произойти и съ судами илиастовъ. При Солонѣ, даже если-бы онъ этого и хотѣлъ, судамъ присяжныхъ было еще менѣе возможности имѣть большую силу, чѣмъ—вѣчу; потому что, во первыхъ, засѣданія судовъ должны были происходить гораздо чаще, нежели засѣданія вѣча; поэтому участіе въ первыхъ было обременительнѣе для бѣдныхъ гражданъ, чѣмъ участіе въ послѣднихъ; отсюда должно было слѣдовать частое и невольное уклоненіе ихъ, всѣми возможными способами, отъ своихъ судебныхъ обязанностей; во вторыхъ, засѣдая въ судахъ, они всего болѣе должны были сознавать при этомъ свою безпомощность и безответность по незнанію и непониманію законовъ.

Итакъ, принимая, что суды илиастовъ получили свое начало при Солонѣ, мы, въ тоже время, согласно показанію Плутарха, думаемъ, что они имѣли тогда очень ничтожное значеніе. По всей вѣроятности они собирались рѣдко и въ очень маломъ составѣ присяжныхъ. Въ такомъ видѣ дѣло оставалось до самыхъ временъ Перикла. Онъ далъ этому учрежденію новую жизнь и сообщилъ ему дѣйствительную силу. Периклъ началъ съ того, что назначилъ судьямъ плату за каждое засѣданіе (ἡλιαστικόν) ¹⁾. Плата была очень незначительная, однако ею дорожили бѣдные граждане, и охотно поэтому исполняли обязанности судей. Для многихъ изъ нихъ это служило существенною поддержкою въ средствахъ существованія. Периклъ старался доставить такого рода поддержку возможно большому числу своихъ согражданъ. Ежегодно избиралось жребіемъ 6000 гражданъ въ составъ присяжныхъ судей; они дѣлились на 10 отдѣленій, по 500 человекъ въ каждомъ отдѣленіи; остальные 1000 человекъ служили для замѣны тѣхъ судей, которые по какимъ либо причинамъ выбывали изъ состава, или не могли участвовать въ засѣданіи. Дѣла рѣшались въ томъ или другомъ изъ 10 отдѣленій также по жребію, на какое онъ выпадетъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Впрочемъ иногда, въ особенно важныхъ случаяхъ, собирался цѣлый составъ всѣхъ судей вмѣстѣ, какъ одно судилище, или же только нѣсколько отдѣленій соединялось вмѣстѣ; а иногда, напротивъ, одно и тоже отдѣленіе раздѣлялось на меньшіе отдѣлы ²⁾. Каждый долженъ былъ лично защищать свое дѣло въ судѣ. Кто не чувствовалъ себя достаточно

1) Арист. Полит. II, 9, стр. 67. Плут. Периклъ, 9.

2) Harpocrat Lex. v. v. ἡλιαστικὰ Tom. 1. pag. 146 (Oxonii, 1853. Dindorf.) K. Fr. Hermann, Gr. Antiquit. I. Th. 134.

искуснымъ въ этомъ, тотъ поручалъ составить для него обвинительную или защитительную рѣчь другому, а потомъ выучивалъ ее наизусть и произносилъ самъ въ судѣ. Защита и обвиненіе могли два раза обмѣняться рѣчами. Приговоръ постановлялся закрытою подачею голосовъ—безусловнымъ ихъ большинствомъ. Въ случаѣ равенства голосовъ—обвиняемый былъ оправдываемъ ¹⁾).

Устройствомъ этихъ судовъ положено было прочное основаніе политической равноправности аѳинскихъ гражданъ. Можно сказать, что теперь лишь въ первый разъ аѳинскій димось могъ вздохнуть свободно, теперь лишь вполнѣ освободился отъ давленія высшихъ классовъ. Мало того: онъ получилъ теперь самъ возможность дать имъ чувствовать свою силу. Все то, что говорятъ Аристотель и Плутархъ о чрезвычайномъ могуществѣ судовъ, объ ихъ неограниченномъ господствѣ надо всѣмъ въ государствѣ, относится къ тому періоду ихъ существованія, который начался со времени устройства, даннаго имъ Перикломъ. Демократическій элементъ былъ на нихъ преобладающимъ. Какъ мы видѣли, Аристотель почитаетъ ихъ главною опорою тираннической власти аѳинскаго димоса. Не слѣдуетъ, однако, думать поэтому, чтобы въ аѳинскихъ судахъ присяжныхъ была попираема справедливость и что они пользовались своею силою для угнетенія высшихъ классовъ; но такъ это должно было казаться сямъ послѣднимъ. У этихъ классовъ отнята была власть, которою они пользовались издавна: уже одного этого было достаточно, чтобы имъ искренно и въ глубинѣ души думать и чувствовать, что имъ нанесена тяжкая обида. Но самая горькая обида была въ томъ, что власть перешла въ руки тѣхъ, надъ коими они ее имѣли доселѣ: очень естественно, что имъ казалась теперь власть эта тиранническою. Какъ во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ и дѣлахъ, такъ и въ аѳинскихъ судахъ присяжныхъ, конечно, не было идеальнаго совершенства; но всякая ошибка и несправедливость, допущенная ими въ своихъ рѣшеніяхъ, была замѣтнѣе и строже имъ вмѣнялась, вслѣдствіе бѣльшей публичности судопроизводства. Въ прежнее время всякій неправый приговоръ приписывался извѣстной отдѣльной личности, тому или другому архонту, неправильно рѣшившему дѣло, тѣмъ или другимъ членамъ ареопага, погрѣшившимъ противъ совѣсти: теперь въ такихъ случаяхъ вина па-

1) К. Fr. Hermann, *ibid.* § 143.

дала на самое учреждение. Несомненно однако, что правосудіе теперь настолько выиграло, насколько меньше стало зависѣть отъ произвола отдѣльныхъ личностей. Въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей Периклъ, говоря о послушаніи, какое имѣютъ аѳиняне къ законамъ, въ особенности поставляетъ на видъ уваженіе ихъ къ тѣмъ законамъ, которые служатъ для защиты обидимаго ¹⁾. Эта похвала аѳинскому правосудію, торжественно высказанная Перикломъ, была конечно заслуженна: въ демократическихъ судахъ слабый находилъ себѣ безъ сомнѣнія болѣе защиты, чѣмъ въ прежнихъ олигархическихъ.

Предоставивъ возможно большому числу аѳинскихъ гражданъ участіе въ отправленіи судебныхъ обязанностей, Периклъ достигалъ этимъ, кромѣ усиленія власти димоса, еще двойной цѣли: во первыхъ доставлялъ нѣкоторое обезпеченіе въ существованіи многимъ бѣднякамъ, давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ способъ быть полезными государству; во вторыхъ—суды служили школою, гдѣ граждане пріобрѣтали знаніе законовъ и опытность въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Съ тою же цѣлію Ефіальтъ взялъ изъ акрополя таблицы законовъ, гдѣ онѣ дотошъ хранились, и выставилъ ихъ на площади, гдѣ происходили собранія гражданъ ²⁾.

Когда всѣ эти мѣры приведены были къ концу, возвратился въ Аѳины Кимонъ, увѣнчанный новыми лаврами послѣднихъ своихъ побѣдъ. Аристократическая партія ожидала его съ нетерпѣніемъ и надеждою, что онъ отстоитъ дѣло, ею потерянное. Кимонъ дѣйствительно тотчасъ же горячо вступился, прежде всего, за права и власть ареопага. Политическая борьба загорѣлась снова и новому порядку вещей, только что созданному усилиями Перикла и Ефіальта, угрожала опасность. Для его защиты теперь болѣе, чѣмъ когда либо, требовалась твердость и рѣшительность. Кимону былъ сдѣланъ прямой вызовъ: на него взведено было обвиненіе въ подкупѣ, который будто-бы онъ принялъ во время послѣдняго похода отъ македонскаго царя Александра. Это было такого рода обвиненіе, которое обыкно-

1) Фукид. II, 37: ἀκροάζει τῶν νόμων καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὀφελίᾳ τῶν ἀδικουμένων κεῖνται.

2) Harpocrat. Lex. s. v. ἢ Ὁ κάτωθεν νόμος, р. 220 (Dindorf): τοὺς ἄξοντας καὶ τοὺς κύρβαις ἄνωθεν ἐκ τῆς ἀκροπόλεως εἰς τὸ βουλευτήριον καὶ τὴν ἀγορὰν μετέστησεν Ἐφιάλτης.

венно трудно бывает доказать, но которое всегда бросаетъ тѣнь на обвиняемаго. Защищаясь въ судѣ, Кимонъ говорилъ, что если-бы онъ хотѣлъ обогащаться посредствомъ подкуповъ со стороны иноземныхъ государствъ, то взялъ-бы подъ свое покровительство (προξενία) богатыхъ іонійцевъ или эссалийцевъ, а не спартанцевъ, бѣдность и скромный образъ жизни которыхъ онъ принялъ себѣ за образецъ. Однако дѣло могло принять опасный для него оборотъ. Еще свѣже было впечатлѣніе, произведенное на гражданъ недавними разоблаченіями Ефіальта, обнаружившими продажность высшихъ должностныхъ лицъ въ республикѣ. Въ настоящемъ случаѣ дѣло обвиненія велъ самъ Периклъ. Сестра Кимона Елпиника, обратилась къ нему съ просьбами за брата и успѣла его смягчить. Периклъ слабо поддерживалъ въ судѣ обвиненіе. На защитительную рѣчь Кимона даже вовсе не сталъ возражать. Кимонъ былъ оправданъ и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ невиновенъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Периклъ достигъ того, что ему было нужно: отвлекъ Кимона отъ нападенія на новый порядокъ вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему почувствовать свою силу, при томъ—такъ, что даже могъ оказать ему родъ снисхожденія и покровительства.

Вскорѣ за тѣмъ Кимонъ самъ увлекся въ предпріятіе, которое имѣло послѣдствіемъ его окончательное политическое паденіе. Въ Спартѣ произошло возстаніе илотовъ, извѣстное подъ именемъ третьей мессинской войны. Возстаніе приняло очень грозный характеръ и спартанцы принуждены были обратиться за помощію къ аеинянамъ. Кимонъ былъ горячимъ приверженцемъ Спарты. Не смотря на противоудѣйствіе Ефіальта, онъ успѣлъ настоять на томъ, чтобы аеиняне послали на помощь спартанцамъ войско подъ его предводительствомъ. Походъ этотъ кончился непредвидѣннымъ и самымъ непріятнымъ для аеинянъ образомъ: между войсками обѣихъ республикъ возникло соперничество и взаимное недовѣріе. Дѣло дошло до того, что спартанцы отослали назадъ аеинское войско, которое пригласили къ себѣ на помощь. Народная гордость аеинянъ была глубоко оскорблена этимъ событіемъ. По возвращеніи домой аеинскаго войска съ ихъ вождемъ, въ Аеинахъ господствовало всеобщее раздраженіе противъ *лаконистовъ*, т. е. приверженцевъ Спарты. Пользуясь такимъ настроеніемъ своихъ согражданъ, Периклъ рѣшился освобо-

1) Плут. Кимонъ, 14 и 15.

даться совершенно отъ своего политическаго соперника и противника. По его предложенію Кимонъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ: это означало ничто иное, какъ полное торжество политической системы Перикла и полное политическое пораженіе Кимона и его партіи ¹⁾.

Законный срокъ, на который гражданинъ изгонялся остракизмомъ изъ отечества, былъ десятилѣтній; но гражданское вѣче могло даровать изгнаннику разрѣшеніе возвратиться на родину ранѣе этого срока. Кимонъ пробылъ въ изгнаніи около пяти лѣтъ (459—454 г.) Въ теченіе этого времени произошло въ средней Греціи открытое враждебное столкновеніе аѳинянъ со спартапцами. Когда аѳинское войско стояло при Танагрѣ, готовое вступить въ битву съ непріателемъ, въ аѳинскій лагерь явился Кимонъ и также хотѣлъ сражаться простымъ воиномъ въ рядахъ своихъ соотечественниковъ. Совѣтъ пяти сотъ запретилъ стратигамъ принимать его въ свое войско, изъ опасенія, что Кимонъ съ своими приверженцами сдѣлаетъ во время битвы движеніе въ пользу спартапцевъ. Огорченный такимъ недоверіемъ къ нему согражданъ, Кимонъ велѣлъ тѣмъ изъ своихъ друзей, которые въ особенности были извѣстны своими сочувствіями къ Спартѣ, какъ можно доблестнѣе сражаться съ непріателемъ въ предстоящей битвѣ и на дѣлѣ доказать свою вѣрность и преданность отечеству. Друзья обѣщали это Кимону и сдержали свое слово: сто человекъ изъ нихъ пало въ битвѣ, геройски сражаясь съ непріателемъ ²⁾. Периклъ не хотѣлъ имъ въ этомъ уступать и, не щадя своей жизни, превзошелъ всѣхъ своимъ геройствомъ въ этой битвѣ ³⁾. Вскорѣ за тѣмъ произошло сближеніе между нимъ и Кимономъ, при посредничествѣ Елпиники. Горячая взаимная привязанность соединяла ее съ братомъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Съ Перикломъ у нея были особенныя своеобразныя отношенія. Увлекаемая любовью къ брату и ревнивая къ его славѣ, она позволяла себѣ иногда публично дѣлать рѣзкіе укоры Периклу. Онъ отвѣчалъ ей не то сарказмами надъ ея кокетствомъ, говоря, что оно не къ лицу ей—въ ея лѣта ⁴⁾. Однажжъ всякій разъ, когда Елпиника обращалась къ нему съ ходатайствомъ за брата, Периклъ уступалъ ея прозьбамъ. Такъ было и на сей

1) Плут. Кимонъ, 16 и 17.

2) Плут. *ibid.* 17.

3) *Id.* Периклъ, 10.

4) *Id.* *ibid.* 28.

разъ: склоненный ея прозьбами, онъ самъ внесъ въ вѣче предложеніе о возвращеніи Кимона изъ изгнанія. Онъ зналъ, что аеинянамъ будетъ это по душѣ: благородный поступокъ Кимона, во время битвы при Танагрѣ, и самоотверженіе его друзей въ этой битвѣ пробудили въ его согражданахъ давнее чувство любви и уваженія, какое они всегда къ нему имѣли. Вѣче разрѣшило Кимону возвращеніе въ отечество. По взаимному условію съ Перикломъ, они раздѣлили между собою власть: Кимонъ принялъ начальство надъ аеинскимъ флотомъ и отплылъ съ нимъ на востокъ, Периклъ остался одинъ во главѣ управленія въ Аеинахъ. Кимонъ вскорѣ умеръ. Таково было обаяніе его имени и такова была его заботливость о вѣренномъ ему войскѣ, что умирая онъ просилъ окружающихъ скрывать отъ всѣхъ возможно дольше его смерть. Цѣлые 30 дней держали это въ тайнѣ отъ войска, которое успѣшно продолжало военныя дѣйствія, будучи увѣрено, что имъ командуетъ Кимонъ ¹⁾. Такъ окончилъ жизнь свою славный вождь, сдѣлавшій имя аеинянъ грознымъ на сушѣ и на моряхъ.

Аристократическая партія лишилась въ Кимонѣ вождя, равнаго которому по значенію и вліянію болѣе не находилось въ ея рядахъ. Болѣе другихъ выдавался въ средѣ ея родственикъ Кимона, по имени Фукидидъ, сынъ Мелисіи. Онъ не имѣлъ большихъ военныхъ дарованій, но обладалъ краснорѣчіемъ и искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ. Онъ умѣлъ хорошо сплотить вокругъ себя свою партію и не безъ успѣха выступалъ въ состязаніе съ Перикломъ въ преніяхъ на вѣчѣ. Тѣмъ не менѣе въ борьбѣ съ нимъ потерпѣлъ полную неудачу. Политическая система, которую проводилъ Периклъ, уже успѣла пустить глубокіе корни въ аеинскомъ государствѣ, и аеинскій дѣмосъ настолько привыкъ къ его твердому, предусмотрительному и въ тоже время уже ознаменованному блестящими дѣлами управленію, что теперь трудно было кому-бы то ни было поколебать его власть въ республикѣ. Фукидидъ, покусившійся на то, былъ также изгнанъ изъ Аеинъ остракизмомъ ²⁾

Побѣда, одержанная аеинской демократіей надъ олигархами, упрочила за Перикломъ на много лѣтъ почти неограниченную власть въ республикѣ, но стоила жизни благородному Евѣальту. На немъ

1) Плут. Кимонъ, 19. Периклъ, 10.

2) Плут. Периклъ 8 и 11.

выместила побѣжденная партія весь свой гнѣвъ. Ефіальтъ палъ отъ руки убійцы, подосланнаго политическими его врагами ¹⁾.

Давъ новое устройство судамъ присяжныхъ и сдѣлавъ ихъ могущественными, Периклъ старался за тѣмъ поднять также значеніе и силу гражданскаго вѣча. Постепенно онъ достигъ того, что всѣ государственныя дѣла стали разсматриваться, обсуждаться и рѣшаться на вѣчѣ. Не только вопросы законодательные, вопросы о войнѣ и мирѣ, но и всѣ значительныя дѣла должны были докладываться на вѣчѣ, на немъ разсматриваться и рѣшаться. Вѣче также слѣдило за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій. Такимъ образомъ и правительственная власть должностныхъ лицъ въ государствѣ была не только ослаблена, но, можно сказать, доведена до ничтожнаго значенія. Избраніе ихъ могло быть предоставлено жребію, безъ ущерба для успѣшнаго хода государственныхъ дѣлъ. Должности эти могли болѣе или менѣе удовлетворять честолюбію, но не давали никакой дѣйствительной власти.

Вся политическая сила и власть сосредоточилась теперь въ рукахъ гражданскаго вѣча. На немъ всѣ граждане имѣли равное право голоса, но на сторонѣ низшихъ классовъ было большое численное превосходство: слѣдовательно во всѣхъ дѣлахъ имъ принадлежала рѣшающая сила.

Всѣми этими мѣрами создана была неограниченная политическая власть аѣнскаго димоса. Теперь онъ облеченъ былъ всѣми правами верховной власти. Такого рода политическое устройство древніе вллыны называли *димократіей*. Слово это означаетъ *державность димоса*.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ державный димось: самъ онъ себѣ давалъ законы, самъ собою управлялъ, самъ себя судилъ. Его неограниченная власть внушала страхъ отдѣльнымъ лицамъ. Все должно было преклоняться предъ этимъ „сбирательнымъ монархомъ“, какъ называетъ его Аристотель ²⁾. Грезною должна была казаться эта власть, которая господствовала надъ самыми законами. „Въ крайней димократіи, говоритъ Аристотель, править не законъ, а воля большинства: такъ это бываетъ, когда веденіе всѣхъ дѣлъ предоставлено димосу; потому что при этомъ рѣшающая сила при-

1) Плут. Периклъ. 10.

2) Полит. IV, 4, стр. 123; *μόναρχος γὰρ ὁ δῆμος γίνεταί σύνθετος εἰς ἕκ πολλῶν.*

надлежитъ не законамъ, а постановленіямъ вѣча (τὰ ψηφίσματα κέρια, ἀλλὰ μὴ τοὺς νόμους). Облеченный такою властію димось становится деспотическимъ и управляетъ самовластно: при немъ льстецы входятъ въ честь. Таковы—димагоги. Въ демократіяхъ они тоже самое, что придворные льстецы въ монархіяхъ. Посредствомъ угодничества и ласкательства они становятся великими людьми въ государствахъ: потому что толпа любитъ тѣхъ, кто ей льститъ, и вѣритъ имъ ¹⁾).

Много было говорено и въ древности и въ новое время, какъ въ похвалу, такъ и въ порицаніе политической системы, введенной въ Афинахъ Перикломъ. Въ самомъ афинскомъ обществѣ почти всѣ лучшіе умы высказывались противъ этой системы: противъ нея были Сократъ, Платонъ, Аристотель, Аристафанъ, Эукидидъ, Ксенофонтъ. Исключеніе составляетъ Продотъ ²⁾, который, впрочемъ, вообще отличался большимъ оптимизмомъ своего міровоззрѣнія, имѣлъ всѣ причины быть вполне довольнымъ афинянами, а главное—на страницы своего безсмертнаго труда ему приходилось заносить дѣйствительно великія и славныя дѣла, совершенныя афинскимъ димосомъ въ эпоху персидскихъ войнъ..

Въ новое время афинская демократія нашла себѣ сильнаго и рѣшительнаго защитника въ лицѣ покойнаго англійскаго ученаго, Георга Грота, наилучшаго по сіе время историка древней Греціи ³⁾.

Взглядъ вышеназванныхъ греческихъ писателей, стоявшихъ лицомъ къ лицу съ афинской демократіей, безъ сомнѣнія имѣетъ полный вѣсъ. Нельзя же всѣхъ ихъ сообща и безразлично винить въ пристрастномъ и одностороннемъ отношеніи къ дѣлу. Въ особенности должно это сказать о такомъ трезвомъ и безстрастномъ мыслителѣ, какъ Аристотель. Извѣстно, что его политическія воззрѣнія и сужденія были плодомъ изученія самыхъ разнообразныхъ государствъ, болѣе полутора ста числомъ, бывшихъ въ его время. Онъ не былъ отнюдь противникомъ демократіи; напротивъ умѣренную и здравую демократію онъ именно и признаетъ тою политическою формою, которая есть самая разумная и справедливая ⁴⁾. Но не такова была, по его сужденію, афинская демократія.

1) Плут. Периклъ 10.

2) Прод. III, 80. V, 78 слѣд. и въ др. мѣстахъ.

3) Ист. Греціи, перев. Мейсенера, томъ 2-й, стр. 463—467.

4) Полит. IV, 2.

Должно согласиться съ тѣмъ, что демократія, созданная Перикломъ въ Афинахъ, была въ высшей степени смѣлою и крайнею политическою системою. Это была форма правленія абсолютная. Человѣческая личность всецѣло здѣсь исчезала въ государствѣ. Она отдавалась подъ неограниченную власть цѣлой гражданской общины и дѣйствительно никакой законъ и никакое учрежденіе не защищали ее отъ произвола этой власти. Бывали и примѣры, что иногда власть эта несправедливо обрушивалась на невинныхъ. Однакожъ, вообще говоря, на самомъ дѣлѣ все это было не столь страшнымъ, какъ казалось и какъ быть могло. Должно отдать справедливость афинскому димосу, что онъ злоупотреблялъ своею силою и властію гораздо менѣе, чѣмъ-бы могъ. Это дѣлало честь какъ его прирожденному характеру, такъ и его политическому и нравственному воспитанію.

Периклъ самъ хорошо сознавалъ и понималъ, какую громадную, исполнѣ бозотвѣтственную политическую власть онъ создаетъ въ своемъ отечествѣ. Ему первому предстояло вѣдаться съ этою грозною силою, каковъ димось, облеченный державными правами. Если онъ надѣялся, что справить съ этою силою, то, конечно, онъ имѣлъ при этомъ вѣру не въ себя только, а также—и въ афинскій димось. И самъ онъ и димось—исполнѣ оправдали такую вѣру.

Периклъ не былъ димагогомъ, угодникомъ и льстецомъ димоса, въ родѣ тѣхъ, о какихъ говоритъ Аристотель, а былъ настоящимъ вождемъ его и руководителемъ; не унижался предъ димосомъ, а напротивъ—старался его поднять до того нравственнаго уровня, на которомъ стоялъ самъ. Давъ ему неограниченную верховную власть, Периклъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы димось пользовался достойнымъ образомъ своею властію. Онъ употреблялъ всѣ мѣры и изыскивалъ всѣ средства къ его умственному, нравственному и художественному развитію и преуспѣянію. Впрочемъ для этого уже была ранѣе прекрасно подготовленная почва: это, съ одной стороны, высокія произведенія духовнаго творчества эллиновъ, завѣщанныя предшествующими вѣками и поколѣніями, съ другой, различныя общественныя установленія и обычаи, въ особенности религіозныя, также издревле существовавшіе у всѣхъ эллиновъ. Забота Перикла состояла въ томъ, чтобы всѣмъ этимъ могъ пользоваться димось для своего духовнаго развитія.

„Въ эту блистательную эпоху, говорилъ одинъ новѣйшій писатель, таланты толпою стекались изъ чужихъ краевъ въ столицу

образованности, чѣмъ были тогда Аѳины, —этотъ притавій Греціи, по выраженію Платона¹⁾. Таковы были—выше нами упомянутый философъ Анаксагора, изъ города Клазоменъ въ малой Азіи, прибывшій въ Аѳины около 456 г., далѣе—философы: Диогенъ изъ г. Аполлоніи на о. Критѣ, Архелай изъ Милита, Парменидъ и Зинонъ изъ Италіи, Продикъ съ о. Кеоса, Иппія изъ Илиды, Протагора изъ г. Авдврѣ (τὰ Ἀβδῆρα) во Фракіи²⁾. Периклъ оказывалъ пришельцамъ гостепріимство и поддержку. Нѣкоторые изъ нихъ были приняты въ избранный кругъ его близкихъ друзей. Анаксагора жилъ въ его домѣ и, какъ выше сказано, былъ руководителемъ Перикла въ знаніи, добродѣтели и политической мудрости. Протагора былъ воспитателемъ его дѣтей³⁾.

Философскія ученія, принесенныя въ Аѳины этими иноземцами, имѣли слѣшкомъ отвлеченный характеръ и могли быть доступны не многимъ; но они вызвали тамъ сильное умственное движеніе, плодомъ котораго было самостоятельное философское мышленіе, возникшее на аттической почвѣ. Въ школахъ этихъ остроумныхъ и тонкихъ мыслителей развился и окрѣпъ философскій геній Сократа, творца новой философіи въ Греціи. Отъ изслѣдованія мировыхъ сущностей, чѣмъ до него занимались греческіе философы, Сократъ обратился къ предмету болѣе живому и практическому, къ вопросамъ самопознанія и нравственности. Свое ученіе онъ старался излагать общепонятно, искалъ и находилъ себѣ учениковъ и слушателей во всѣхъ слояхъ аѳинскаго общества. Какъ извѣстно, онъ преподавалъ свои уроки бесплатно, кому и гдѣ случится, на площади, въ палестрѣ и т. п. Особенность его методы состояла въ томъ, что онъ никому не навязывалъ готовыхъ воззрѣній, а cadaго вызывалъ на самостоятельное изслѣдованіе предмета; свой пріемъ въ этомъ отношеніи Сократъ сравнивалъ съ искусствомъ повивальныхъ бабокъ: онъ являлся на помощь зарождающейся мысли и любовнательности въ умахъ своихъ слушателей.

Сократъ былъ еще болѣе смѣлымъ умомъ въ сферѣ мысли, чѣмъ Периклъ—въ политической. Своимъ ученіемъ онъ колебалъ самыя основы античнаго міровоззрѣнія, какъ оно сложилось искони, подъ вліяніемъ всѣхъ условій историческаго развитія эллиновъ. Со-

1) Histoire du siècle de Périclès, par M. E. Filleul, t. I., стр. 309. Paris, 1873.

2) Плут. Периклъ, 4. 36. Ср. Filleul, ibid. стр. 310—311.

3) Плут. ibid. 4—7. 36.

временные ему мыслители, съ которыми онъ велъ упорную борьбу, такъ называемые софисты, всё болѣе или менѣе проникнуты были духомъ сомнѣнія и отрицанія въ отношеніи народныхъ вѣрованій; но, отрицая существованіе мифологическихъ божествъ, они переносили приписываемыя имъ свойства и дѣйствія на видимую природу; въ сущности все оставалось по прежнему; изъ этого отрицанія вытекало то лишь практическое слѣдствіе, что обязанности относительно боговъ становились излишними и не нужными; у человѣка оказывалось нѣсколькими обязанностями и нѣсколькими страхами меньше; набожное чувство оскорблялось и возмущалось такимъ отношеніемъ къ праотческой вѣрѣ и праотческимъ богамъ; мудрецы, распространявшіе этого рода вольномысліе, должны были быть осторожными, иначе могли дорого поплатиться за свое ученіе и дѣйствительно иногда платились за него; поѣтому они и предлагали свою мудрость не многимъ и за большую плату; къ толпѣ они относились презрительно. Но все ихъ вольномысліе и отрицаніе не нарушало на самомъ дѣлѣ внутренняго душевнаго мира и покоя у истого эллина: потому что онъ и безъ боговъ могъ такъ же отдаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни, какъ отдавался имъ въ честь боговъ и подъ ихъ покровительствомъ. Аристофанъ могъ смѣяться самъ и заставить смѣяться весь аѳинскій театръ самымъ искреннимъ смѣхомъ надъ умствованіями модныхъ мыслителей; ихъ сила была не велика; но онъ сдѣлалъ злую шутку надъ Сократомъ, приписавъ ему самому подобнаго рода умствованія, въ своей извѣстной комедіи „Облака“. Сократъ не отрицалъ боговъ. Онъ самъ не менѣе Аристофана посмѣялся бы надъ тѣмъ, кто сказалъ бы ему, что міромъ править не Зевсъ, а эеиръ: съ неподражаемымъ искусствомъ умѣлъ онъ приводить подобныхъ умствователей къ сознанію, что они нисколько не понимаютъ того, о чемъ говорятъ. Когда Питоія назвала Сократа самымъ мудрымъ изъ людей, онъ былъ въ большомъ недоумѣніи, какъ понимать ему слова бога, сказанныя о немъ. „Богъ, рассуждалъ онъ самъ въ себѣ, не могъ сказать неправду; между тѣмъ я знаю, что не имѣю никакой мудрости, ни великой, ни малой“. Долго обдумывая слова оракула, онъ наконецъ объяснилъ ихъ себѣ такимъ образомъ: „всѣ другіе, слывшіе между нами за мудрецовъ, знаютъ такъ же мало, какъ я, но думаютъ о себѣ, что знаютъ много; я же, ничего не зная, такъ и думаю, что ничего не знаю: въ этомъ отношеніи я дѣйствительно мудрѣе ихъ“ 1). Сократъ былъ глубоко ре-

1) Платонъ, Апологіа Сократа, с. 5 и 6

лигіознымъ человѣкомъ въ душѣ. Онъ относился съ полнымъ почтеніемъ къ народной вѣрѣ. Но его религіозное сознаніе было совсѣмъ иное, чѣмъ какое внушала античная религія: оно находилось въ полномъ противорѣчій съ этимъ послѣднимъ. Онъ вѣрилъ въ отечественныхъ боговъ, но его понятія о божествѣ были противоположны тѣмъ, какія существовали у его соотечественниковъ. Онъ понималъ божество, какъ воплощеніе верховной правды и совершеннѣйшей святости. Соответственно тому и отношеніе человѣка къ божеству измѣнялось, равно какъ измѣнялся кореннымъ образомъ взглядъ на значеніе человѣческой жизни и на цѣль нашего существованія. Раждался вопросъ о безсмертіи человѣческой души, о судьбѣ человѣка по смерти. Всѣ человѣческія отношенія получали совершенно иную нравственную основу и оцѣнку, чѣмъ какъ то признавалъ доселѣ общій смыслъ эллинскаго міра. Сократъ училъ, что счастье человѣка въ жизни состоитъ не во внѣшнемъ успѣхѣ, не въ обладаніи внѣшними благами, а во внутреннемъ нравственномъ его совершенствѣ. Цѣлое его міровоззрѣніе вносило внутренній разладъ въ сознаніе античнаго человѣка: оно шло въ разрѣзъ съ его понятіями, усвоенными съ дѣтства, — въ разрѣзъ съ тѣмъ міросозерцаніемъ, по которому сложилась вся античная жизнь. Новое міровоззрѣніе не укладывалось въ рамки стараго: это послѣднее оказывалось дѣтскимъ и несостоятельнымъ въ сравненіи съ новымъ сократовскимъ. Сократъ повергалъ умы своихъ современниковъ въ сомнѣніе, но не относительно существованія боговъ, а относительно ихъ собственной внутренней состоятельности и правоты. Онъ возбудилъ въ душѣ ихъ вопросы, великіе и неотстранимые вопросы жизни, на которые не давала никакого отвѣта вся тогдашняя образованность эллиновъ. Тяжела была современникамъ Сократа его даровая философія.

Аѳиняне, какъ извѣстно, осудили Сократа на смерть за его ученіе. Въ обвиненіи сказано было, что „онъ не признаетъ тѣхъ боговъ, которыхъ признаетъ государство, и вводитъ новыхъ“. Обвиненіе было несправедливо. Сократъ не вводилъ новыхъ боговъ, а предлагалъ иное, болѣе воввышенное представленіе о старыхъ. Такой случай не былъ предусмотрѣнъ аѳинскимъ законодательствомъ. Въ своей защитительной рѣчи Сократъ говорилъ совершенно справедливо, что его судятъ за преступленіе, которое онъ совершалъ ежедневно, въ теченіи долгихъ лѣтъ своей жизни, на глазахъ и во услышаніе всѣхъ, и все это время ни ему самому и никому изъ его согражданъ не приходило на мысль, что онъ совершаетъ преступленіе, заслуживающее смерт-

ной казни. Теперь лишь вздумали призвать его къ суду, когда ему уже свыше семидесяти лѣтъ и смерть его—безъ того не заставитъ себя ждать ¹⁾. Сократъ говорилъ не только съ полнымъ сознаниемъ своей правоты, но какъ человѣкъ, понимающій ясно свое нравственное превосходство предъ людьми, предъ которыми держать рѣчь. Онъ хорошо зналъ, что дѣло идетъ не о томъ, правъ онъ или нѣтъ, что обвинители его дѣйствовали по такимъ побужденіямъ, въ которыхъ они не захотятъ самими себѣ сознаться, и что эти самыя побужденія не чужды если не всѣмъ, то многимъ изъ его судей. Онъ думалъ не о своей личной защитѣ, а о томъ, чтобы въ полномъ свѣтѣ преставить всю правдивость и высоту этого дѣла, которому онъ неутомимо и честно служилъ, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, въ теченіе своей жизни. Онъ говорилъ съ своею обычною ироніею и силою убѣжденія, но говорилъ все тоже, что всегда и вездѣ высказывалъ своимъ согражданамъ и что такъ тяжело было имъ слышать,—ту же неутомимую правду, отъ которой они желали бы избавиться какимъ бы то ни было способомъ. Большинство судей подало голосъ противъ Сократа и ему произнесенъ былъ смертный приговоръ.

Послѣ произнесенія приговора Сократъ еще обратился съ нѣсколькими словами къ своимъ судьямъ и сказалъ въ заключеніе: „время намъ разотаться; я иду на смерть, вы остаетесь жить: кому изъ насъ лучше, это—тайна, которую знаетъ одинъ Богъ“.

Осужденіе Сократа легло на всѣ времена тяжкимъ упрекомъ на аѳинянъ. Внѣтъ за то какъ ихъ суды, на которыхъ не внято было голосу правды, такъ и всѣхъ гражданъ—за ихъ нетерпимость къ свободѣ мысли. Находятъ, что въ этомъ именно фактѣ съ полною очевидностію выказали себя дурныя стороны аѳинской демократіи и испорченность аѳинскаго дѣмоса.

Защищая аѳинянъ отъ этихъ обвиненій, Гротъ говоритъ, что должно удивляться не тому, что аѳиняне осудили Сократа, а тому, что они такъ долго могли его терпѣть и не привлекли къ суду гораздо ранѣе. „Либеральное настроеніе аѳинской демократіи, говоритъ Гротъ, прочно въ ней установившееся, долгое время охраняло Сократа отъ нападенія многочисленныхъ его враговъ и давало ему возможность безъ помѣхи продолжать свою благородную дѣятельность, несмотря на всю его эксцентричность. Въ Спартѣ, Фивахъ,

1) Платонъ, Аполлог. с. 21, 22, А. с. 29. р. 98, С.

Аргосъ, Милитъ или Сиракузахъ ему-бы служила недостаточной защитой его безупречная жизнь, а неодолимая сила его діалектики лишь тѣмъ скорѣе вызвала бы противъ него мѣры, которыми принудили-бы его къ молчанію. Нетерпимость свойственна людямъ: эта дурная трава сама собою вырастаетъ въ груди человѣка; но можно остановить ея развитіе средствами, которыя-бы вліяли на насъ либеральнымъ образомъ. Въ Афинахъ такимъ могущественнымъ средствомъ было демократическое устройство афинскаго государства, въ связи съ умственною и художественною воспримчивостію афинянъ и сильно развитымъ въ нихъ вкусомъ къ разговорчивости. Свобода слова тамъ свято чтима была каждымъ, какъ одно изъ первѣйшихъ правъ гражданина; всякій привыкъ постоянно слышать мнѣнія, противорѣчащія его собственнымъ, и освоился съ мыслию, что другіе имѣютъ такое же право высказывать свои мнѣнія, какое—и онъ самъ. И хотя таково общепринятое у людей правило, что подобнаго рода терпимость не должна простираться на предметы религіозныя, однако, подъ вліяніемъ указанныхъ либеральныхъ привычекъ, афиняне мало расположены были въ пользу строгихъ мѣръ даже и относительно людей, которые въ предметахъ религіозныхъ имѣли образъ мыслей, несогласный съ общепринятымъ. Вещь извѣстная, что въ Афинахъ была большая свобода мысли и слова, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Греціи. Долговременная терпимость къ Сократу представляетъ тому примѣръ, тогда какъ судъ надъ нимъ и его осужденіе отнюдь не служатъ доказательствомъ противнаго¹⁾.

Къ этимъ совершенно справедливымъ замѣчаніямъ знаменитаго ученаго съ своей стороны можемъ лишь прибавить, что терпимость, равная той, какую показали афиняне въ дѣлѣ Сократа, во всѣ времена составляетъ величайшую рѣдкость въ какой угодно странѣ. Трудно найти на свѣтѣ судебное мѣсто, въ которомъ-бы дозволили подсудимому говорить такую рѣчь, какую держалъ Сократъ предъ афинскимъ судомъ присяжныхъ. Это была не защита, а обличеніе и и наставленіе судьямъ. При всемъ томъ обвинительный приговоръ произнесенъ былъ Сократу лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ²⁾.

1) Ист. Греція, перев. Мейснера, т. 4, стр. 672—673.
Плат. Апол. с. 25. р. 36. А.

Судъ надъ Сократомъ не былъ простымъ судебнымъ случаемъ. Это было событіе всемірно-историческаго значенія. Оно выражало собою ничто иное, какъ глубокую психологическую драму, происшедшую въ нѣдрѣ эллинизма.

Послѣдніе годы дѣятельности Сократа и его послѣдняя судьба относятся ко времени послѣ Перикла; но при немъ Сократъ началъ свою дѣятельность и уже имѣлъ большое вліяніе въ Аѣинахъ. Онъ былъ всецѣло произведеніемъ эпохи Перикла. Методъ и содержаніе его философіи обозначаютъ собою тотъ путь, какимъ направилось умственное движеніе въ Аѣинахъ, вызванное тамъ софистами. Философское мышленіе эллиновъ, поставленное на новый путь Сократомъ, достигло своего высшаго развитія въ лицѣ двухъ лучшихъ представителей его школы, Платона и Аристотеля: въ этомъ завершенномъ видѣ оно пережило вѣка, въ теченіи которыхъ служило двигателемъ и руководителемъ человѣческаго разума въ области высшаго умозрѣнія, и составляетъ памятникъ человѣческой мысли и генія, имѣющій и понынѣ великое образовательное значеніе.

Другая важная услуга софистовъ, какъ они себя называли, при-несшихъ въ эпоху Перикла на служеніе аѣинскому обществу свои дарованія и познанія, заключалась въ урокахъ краснорѣчія, которые они преподавали совмѣстно съ философіей. Нигдѣ въ цѣлой Греціи не было для успѣховъ ораторскаго искусства лучшей почвы, какъ въ Аѣинахъ. Со временъ Перикла оно стало тамъ насущною потребностію, вслѣдствіе демократическаго строя государства. Ораторамъ открыто было широкое поле дѣятельности, вліянія и славы на аѣинскомъ вѣчѣ и въ судахъ. Ораторское искусство сдѣлалось теперь настоящею политическою силою въ Аѣинахъ. Ему обязанъ былъ самъ Периклъ большою долею своего могущества. Само собою разумѣется, что оратору для своего успѣха нужно было не одно умѣнье говорить, но и серьезное политическое образованіе. Ему предстояло руководить политическою жизнію своей страны. На этотъ путь устремилось теперь въ Аѣинахъ соперничество честолюбій и дарованій. Состязаясь другъ съ другомъ на вѣчѣ и въ судахъ своими рѣчами, въ которыхъ политическія идеи и разныя стороны отечественнаго права излагались въ увлекательной художественной формѣ, аѣинскіе ораторы не только служили проводниками политическаго образованія среди своихъ согражданъ, но и развивали въ нихъ вкусъ къ словесному искусству. Дошедшія до насъ произведенія аѣинскихъ ораторовъ служатъ образцами, по которымъ учатся политическому краснорѣчію государственные люди современной Европы.

Свѣтлую эпоху Перикла озаряетъ своимъ славнымъ именемъ и великій отецъ исторіи Иродотъ. Онъ также принадлежитъ къ числу иноземцевъ, искавшихъ и нашедшихъ въ Аѣнахъ время Перикла тотъ общеэллинскій пританій, гдѣ геній получалъ себѣ признаніе и цѣнимъ былъ по достоинству. Политическій изгнанникъ изъ своего роднаго города Аликарнасса, онъ жилъ и путешествовалъ въ разныхъ странахъ Греціи и востока, пока окончательно поселился въ колоніи, основанной аѣинянами въ Италіи (Θούριοι). Въ Аѣнахъ онъ былъ нѣсколько разъ, жилъ тамъ подолгу и проникся полнымъ сочувствіемъ къ успѣхамъ аѣинской демократіи. Онъ плѣнялся лучшими ея сторонами, именно гражданскою равноправностію и тѣмъ чувствомъ своего достоинства и долга, которое одушевляетъ свободнаго и полноправнаго гражданина ¹⁾. Съ живымъ участіемъ онъ повѣствуетъ объ освобожденіи Аѣинъ отъ тиранновъ ²⁾, при чемъ дѣлаетъ лестный отзывъ о великой заслугѣ алкмеонидовъ для дѣла свободы, и съ сочувствіемъ говоритъ о побѣдахъ надъ своими врагами юной аѣинской демократіи, созданной Клисееномъ ³⁾. Предпринявъ въ своемъ обширномъ трудѣ передать памяти исторіи „великія и удивительныя дѣянія, совершенныя какъ эллинами, такъ и варварами“, Иродотъ начерталъ въ немъ великую художественную картину двухъ тогдашнихъ историческихъ міровъ, восточнаго и западнаго, азіатскаго и эллинскаго. Первый изъ нихъ, уже завершившій свое развитіе и замершій въ вѣковой неподвижности, воскресаетъ предъ нами въ бессмертномъ твореніи историка—во всемъ разнообразіи своихъ формъ, съ своею образованностію, наслѣдіемъ тысячелѣтій, съ могучими памятниками искусства и величавыми образами грозныхъ восточныхъ властелиновъ, прославившихъ себя громкими дѣлами. Иродотъ избралъ предметомъ своего повѣствованія знаменательную борьбу обоихъ названныхъ міровъ, когда восточный міръ, пробужденный отъ своего усыпленія завоевателями, занимавшими персидскій престолъ со времени Кира, и сплоченный во едино подъ скипетромъ персидскихъ царей, обрушился всею своею громадною тяжестію на Элладу, еще юную страну, сильную лишь беззавѣтною любовію къ ней ея сыновъ, только лишь разцвѣтшую подъ лучезарнымъ сіяніемъ роднаго неба и свободы, едва только развернувшую свои творческія силы во всей

1) Ирод. V, 78.

2) V, 55—66.

3) VI, 123. V, 91 слѣд.

ихъ свѣжей красѣ. Передавая въ простомъ, полномъ эпическаго спокойствія разсказѣ о подвигахъ самоотверженія и геройства, показанныхъ эллинами въ теченіи этой борьбы, Иродотъ приписываетъ славныя побѣды ихъ надъ варваромъ заступленію боговъ. Все твореніе его отъ начала до конца проникнуто нравственнымъ чувствомъ и религіозною вѣрою. „Черезъ цѣлое повѣствованіе его, на всемъ непрерывномъ его теченіи, проходятъ извѣстныя идеи, которыя связываютъ отдѣльныя части произведенія въ одно цѣлое и одушевляютъ его собою; по той мѣрѣ, какъ идетъ повѣствованіе, все въ большемъ свѣтѣ выступаютъ и эти идеи, въ чемъ главнымъ образомъ заключается причина того удовлетворенія, которое мы испытываемъ при чтеніи произведенія Иродота. Это—идея праведной судьбы, идея міроуправленія, которое указало каждому существу въ мірѣ свою опредѣленную стезю и установленныя границы, и которое караетъ не только преступленіе и нечестіе, но также и слишкомъ большое проявленіе могущества и богатства и соединенное съ тѣмъ горделивое самомиѣніе. Божество установило для человѣка опредѣленную мѣру величія и счастья и не терпитъ того, чтобы онъ переступалъ эту мѣру: въ этомъ состоитъ такъ часто упоминаемая Иродотомъ „завистливость боговъ“ (φθόνος τῶν θεῶν), что другіе греки обыкновенно называли „божественною Немесидою (Νέμεσις)“. Повсюду въ исторіи Иродотъ указываетъ на вліяніе этой божеской власти, какъ она часто на самыхъ позднихъ потомкахъ отомщааетъ преступленія предковъ и какъ надменность и легкомысліе ослѣпляютъ иногда умъ человѣка до того, что точно онъ самъ нарочно бросается въ близкую погибель; сами оракулы, голосъ которыхъ предостерегаетъ людей отъ нечестія и надменности, становятся посредствомъ своихъ двусмысленныхъ отвѣтовъ орудіями ослѣпленія человѣка, когда ихъ истолкователями являются самонадѣянность и страсть. Прекрасно сказывается въ самомъ Иродотѣ это чувство страха предъ Немесидой собственной его умѣренностію, съ какою онъ обуздываетъ въ себѣ всякій порывъ столь естественной народной гордости. Хотя восточные властители сами навлекаютъ на себя погибель своею гордіею и греки одерживаютъ надъ ними побѣду; однако историкъ изображаетъ древній востокъ съ его раннею образованностію, какъ нѣчто весьма почтенное и достойное удивленія, охотно выставляетъ на видъ черты величія во враждебныхъ грекамъ персидскихъ царяхъ, показываетъ своимъ соотечественникамъ, какъ часто они обязаны были своимъ спасеніемъ божескому попущенію и счастливому стеченію обстоятельствъ—болѣе, чѣмъ своему мужеству и искусству, и вообще

всего наименѣе является онъ панегиристомъ ихъ героическихъ дѣяній“¹⁾).

При всемъ томъ историческое твореніе Иродота высоко поднимало народный духъ и народное сознаніе эллиновъ. Оно научало ихъ цѣнить свободныя учрежденія родной страны и ясно имъ показывало, въ чемъ заключалась ихъ сила, давшая имъ перевѣсъ въ неравной борьбѣ съ болѣе могущественнымъ врагомъ; оно давало имъ понять, что сила эта заключалась въ ихъ любви къ свободѣ, еединенной съ повиновеніемъ своему гражданскому долгу и готовностію всѣмъ жертвовать во имя этого долга. Иродотъ не скрываетъ при этомъ и слабой стороны своихъ соотечественниковъ, которая иногда, въ минуту величайшей опасности, грозила роковою гибелью всему ихъ дѣлу: это именно ихъ склонность къ внутреннимъ раздорамъ, взаимное соперничество и вражда какъ отдѣльныхъ республикъ между собою, такъ и—политическихъ партій и политическихъ людей внутри каждой республики. Въмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе Иродота расширяло умственный кругозоръ его современниковъ. Оно знакоило ихъ со всѣми почти историческими странами и народами древняго міра. Передавая историческія событія въ своемъ изящномъ художественномъ повѣствованіи, Иродотъ въ тоже время влгаетъ въ нихъ извѣстный нравственный смыслъ и въ основу историческаго движенія полагаетъ нравственную идею.

Историческій трудъ Иродота производилъ сильное впечатлѣніе на его современниковъ. Прежде чѣмъ оно явилось въ цѣломъ видѣ въ свѣтъ, Иродотъ читалъ отрывки изъ него въ разныхъ мѣстахъ Греціи, на общественныхъ празднествахъ эллиновъ, и вызывалъ всеобщій восторгъ. Послѣ одного изъ такихъ чтеній, происходившаго въ Афинахъ во время празднованія тамъ великихъ панафиней, въ 446 г. до Р. Х., афинское гражданское вѣче присудило Иродоту награду въ десять талантовъ²⁾).

Слава Иродота и блестящій успѣхъ его произведенія, конечно, не могли не вліять на молодыхъ дарованія и не увлечь ихъ на тотъ же путь: таковъ былъ въ Афинахъ Фукидидъ, младшій современникъ Иродота, вслѣдъ за нимъ издавшій въ свѣтъ свое историческое произведеніе, плодъ болѣе зрѣлой исторической мысли, болѣе строгаго и положительнаго историческаго пониманія.

1) К. О. Müller, *Gesch. der gr. Literatur*, I B., p. 489—491. Breslau, 1841.

2) *Плут. de malign. Herod.* 26.

Такова, въ основныхъ чертахъ своихъ, была умственная жизнь Аѳинъ въ эпоху Перикла.

Художественная жизнь аѳинянъ въ вѣкъ Перикла выразилась въ созданіяхъ искусства, которыя составляютъ лучшую славу этого вѣка. Въ этой сферѣ Периклъ былъ едва ли еще не болѣе предприимчивымъ и неутомимымъ дѣятелемъ, чѣмъ въ сферѣ государственной. Во время его управленія, по его мысли и распоряженію, воздвигнуть былъ въ Аѳинахъ рядъ сооружений, которыя своимъ изяществомъ превосходятъ все, что въ этомъ родѣ было создано тамъ до него и послѣ него. Если государственная дѣятельность влекла его къ себѣ, служа удовлетвореніемъ его честолюбію, и если здѣсь онъ приносилъ на служеніе обществу свой обширный государственный умъ и свои политическія дарованія, то искусство было для него средою, къ которой онъ имѣлъ безкорыстное сердечное влеченіе ради чистаго наслажденія. Въ отношеніи искусства Периклъ былъ истымъ эллиномъ и аѳиняниномъ: съ тонкимъ вкусомъ, умѣющимъ понимать и цѣнить въ искусствѣ строгую правильность и мѣру, онъ почиталъ его необходимою потребностію жизни. Судьба въ этомъ отношеніи ему особенно благоприятствовала: въ лицѣ геніальнаго Фидія послала ему сотрудника, который всѣ его планы и предпріятія по украшенію Аѳинъ созданіями искусства выполнялъ съ великою быстротою и неподражаемымъ совершенствомъ. Полное взаимное сочувствіе и пониманіе соединяло ихъ обоимъ тѣсными и прочными узами искреннаго дружества.

Во время нашествія Ксеркса на Грецію Аѳины двукратно подверглись совершенному опустошенію: городъ преданъ былъ разграбленію и пламени, въ первый разъ, самимъ Ксерксомъ ¹⁾, въ другой—его полководцемъ Мардоніемъ, который разрушилъ и сожегъ въ Аѳинахъ все, что уцѣлѣло отъ перваго опустошенія ²⁾. Съ тѣхъ поръ священныя зданія, бывшія въ акрополѣ, оставались въ развалинахъ до временъ Перикла. При немъ аѳинскій акрополь снова украсился величественными зданіями, которымъ по художественной красотѣ и даже внѣшнему великолѣпію не было равныхъ въ цѣлой Греціи: на ихъ постройку и скульптурныя украшенія употреблены были лучшій въ Греціи мраморъ, золото и слоновая кость. Громадныя суммы были израсходованы на эти сооруженія. Периклъ, крайне

1) Ирол. VIII, 53.

2) Id. IX, 13.

бережливый относительно государственной казны, не шадилъ никакихъ средствъ на общественныя постройки. Здѣсь онъ отдавался самъ увлеченію искусствомъ и увлекалъ вслѣдъ за собою аѳинянь.

Главнымъ и лучшимъ зданіемъ на акрополѣ былъ *Парѳенонъ* (ὁ Παρθενών), храмъ въ честь дѣвственной Аѳины, покровительницы города, носившаго ея имя. Парѳенонъ весь построенъ изъ пентелийскаго мрамора. Зданіе имѣетъ 227 футовъ длины и 101 футъ ширины. Внутренняя часть его, самый корпусъ зданія (σπήλιος) обнесень перистилемъ изъ 48 колоннъ (по 8 на обоихъ фасадахъ, по 17 на боковыхъ сторонахъ). Множество статуй и рельефовъ украшало наружныя части зданія. На восточномъ фронтонѣ храма группа статуй изображала явленіе на свѣтъ богини Аѳины: посредиѣ Зевсъ на тронѣ, окруженный Орами (Ὀραι), богинями временъ года, Мирами (Μοῖραι), богинями судьбы, и между ними—Богиня Счастія (Ἀγαθή Τύχη); затѣмъ въ группѣ слѣдуютъ божества: Афродита Уранія, Илиеія (богиня родовъ), Ифестъ, Проміеей, Арей и Ермій. По одну сторону группы изображена удаляющаяся на колесницѣ Ночь, по другую—День, поднимающійся на своей колесницѣ изъ водъ океана. Аѳина, только что родившаяся изъ головы Зевса отца, паритъ надъ нимъ въ воздухѣ, сверкая золотымъ оружіемъ. На западномъ фронтонѣ изображенъ былъ споръ Аѳины съ Посидономъ за обладаніе Аттикой. Рельефы на метопахъ изображаютъ дѣянія богини, подвиги мѣстныхъ аѳинскихъ героевъ, битвы гигантовъ и кентавровъ. Фризъ на наружной сторонѣ стѣны зданія представляетъ религиозныя процессіи и обряды во время празднествъ въ честь богини. Сцены, представленныя на фризѣ, указываютъ на близкія отношенія, существовавшія между богами и человѣческимъ міромъ. Онѣ служатъ дѣйствительнымъ отраженіемъ народной жизни обитателей Аттики. Мы видимъ здѣсь, какъ этотъ ликующій народъ, всецѣло занятый празднованіемъ своихъ панаѳинней, идетъ въ пышной процессіи, состоящей изъ дѣвъ, юношей, людей всякаго возраста и состоянія, пѣшкомъ, на коняхъ, въ колесницахъ; всѣ одѣты въ праздничныя наряды; въ рукахъ у нихъ—богатыя приношенія и разные предметы, относящіеся къ обряду; иные ведутъ жертвенныхъ животныхъ,—и все это направляется къ акрополю, ко храму богини, чтобы повергнуть предъ нею свои дары и воздать ей торжественное чествованіе¹⁾.

1) Topographie d'Athènes d'après le colonel Leak, par Phocion Roque, p. 78. Paris, 1869.

Внутри храма находилась статуя богини изъ слоновой кости, вышиною въ 39 футовъ; ея одежда была изъ чистаго золота и вѣсила 40 талантовъ ¹⁾; въ правой рукѣ богиня держала небольшую статуя Побѣды (*Nίκη*), 5 ф. вышиною, также изъ слоновой кости и въ золотой одеждѣ. Статуя была изваяніемъ Фидіа. „Онъ создалъ Аѣнну, неуступающую совершенствомъ Аѣинѣ повѣтъ Омира, прекрасную дѣву, свѣтлоокую, съ высокимъ станомъ, препоясанную эгидой: прикрываясь щитомъ, она держитъ копьѣ впередъ“ ²⁾.

„Цѣлое зданіе такъ просто и естественно, что кажется оно и не могло быть инымъ. Зритель, незнакомый съ тайнами искусства, чѣмъ дольше смотритъ на пареѣнонъ, тѣмъ больше поддается мысли, что при помощи хорошихъ рабочихъ онъ и самъ могъ-бы построить точно такой же. Но знатокъ въ искусствѣ, вникая въ измѣренія этого памятника, открываетъ, какое глубокое знаніе, какая тонкая наблюдательность и какія замысловатая соображенія требовались для того, чтобы произвести эту кажущуюся простоту и осуществить планъ, какъ онъ былъ задуманъ художникомъ. Такимъ образомъ, для правильности и полноты перспективы, линіи, которыя кажутся прямыми, на самомъ дѣлѣ кривыя, при томъ кривыя въ двойномъ смыслѣ: горизонтальныя линіи, на вертикальной плоскости, дѣлаютъ выпуклость посрединѣ своего протяженія, такъ что центральная ихъ точка выше, чѣмъ оконечности; безъ этого искривленія, говоритъ Витрувій, эти линіи представляли бы углубленіе посрединѣ; въ то же время эти же самыя горизонтальныя линіи искривлены на горизонтальной плоскости: здѣсь онѣ вогнуты наружу. Большая часть кажущихся перпендикуляровъ на самомъ дѣлѣ косыя: такъ колонны всѣ имѣютъ наклонъ къ центру зданія и нечувствительно сближаются между собою къ верху (*rugamident insensiblement*); толщина ихъ также не одинакова; тѣ, которыя на углахъ зданія, толще остальныхъ, такъ какъ, по замѣчанію Витрувія, преломленіе лучей свѣта скрадываетъ ихъ, представляя въ уменьшенномъ видѣ для глаза“ ³⁾.

Строителями Парѣеѣнона были аѣинскіе архитекторы Калликратъ и Игтійъ. Изваянія исполнены были частію самимъ Фидіей, частію—его учениками, подъ его руководствомъ. Вообще онъ имѣлъ главный

1) Фукид. II, 13.

2) Maxim. Tyr. Dissert. 14, p. 260 (Reiske): *δὲρο ἀνέχουσαν, ἀσπίδα κατέχουσαν*.

3) Filleul, Histoire du Siècle de Périclès, t. I, p. 334—335.

надзоръ надъ всѣми постройками по храму (πάντα διεῖλε καὶ πάντων ἐπίσκοπος ἦν) ¹⁾.

Кромѣ того на акрополѣ же были построены при Периклѣ храмъ Побѣды и храмъ Ерехея: послѣдній, впрочемъ, оконченъ былъ позднѣе. И тотъ и другой также конечно украшены были изваяніями.

Изъ всѣхъ трехъ храмовъ наилучшимъ образомъ сохранился до нашего времени Пареенонъ; храмъ Побѣды также возстановленъ почти вполнѣ изъ своихъ развалинъ и обломковъ, найденныхъ при раскопкахъ въ 1835 г.; но храмъ Ерехея лежитъ въ развалинахъ; отъ него уцѣлѣло немногое и между прочимъ портикъ (πρόστας) южной стороны, съ хорошо сохранившимися четырьмя каріатидами (было шесть). Что касается до изваяній, украшавшихъ Пареенонъ и другіе храмы на акрополѣ, то большая часть ихъ погибла, многія повреждены, но многія сохранились частію на мѣстѣ, частію въ различныхъ европейскихъ музеяхъ и, между прочимъ, знаменитые эльдѣйскіе мраморы британскаго музея. Статуя Аѣины изъ слоновой кости, произведеніе Фидіи, исчезла въ незапамятныя времена, во времена тѣхъ грабежей, жертвою которыхъ сдѣлалась несчастная Греція и прекрасные памятники ея искусства—съ тѣхъ поръ, какъ она утратила свою политическую самостоятельность.

Украшеніе акрополя довершали собою знаменитыя пропилеи. Это былъ ходъ изъ мраморныхъ ступеней, который велъ на вершину акрополя по западному склону его. По сторонамъ хода стояли колонны и статуи. Пять воротъ, однѣ за другими, пересѣкали ходъ. О великолѣпіи этой постройки можно судить по тому, что на нее израсходовано было 2012 талантовъ (около 3 миліоновъ рублей) ²⁾. По этой суммѣ можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, какихъ суммъ должны были стоить Пареенонъ и другіе храмы на акрополѣ: пропилеи служили лишь предверіемъ къ этимъ величественнымъ зданіямъ, составлявшимъ главную красоту акрополя. Строителемъ пропилей былъ архитекторъ Мнисиклъ, постройка ихъ продолжалась пять лѣтъ ³⁾.

Наконецъ акрополь увѣнчивала собою колоссальная бронзовая статуя Аѣины Ратоборствующей (Ἀθηνᾶ Πρόμαχος), съ поднятымъ щитомъ и занесеннымъ на врага копьемъ, изваянная Фидіемъ на добычу, взятую аѣинянами отъ персовъ послѣ мараѣонской битвы: статуя воздвигнута была въ память этого событія.

1) Плут. Периклъ 18.

2) Иліодоръ у Арнократиока Lex. s. v. Προπέλαια, p. 260 (Dindorf).

3) Id. ibid. Плут. Периклъ 13.

Цѣнность всѣхъ этихъ художественныхъ зданій и изваяній опредѣлялась, конечно, не ихъ матеріальною стоимостію. Это были созданія генія, не имѣющія себѣ цѣны. Даже лишеныя лучшихъ своихъ художественныхъ украшеній, они представляютъ образцы зодчества и ваянія, съ которыми тщетно старается сравняться современное искусство. Путешественника поражаетъ нынѣ на акрополѣ множество мраморныхъ обломковъ, грудами лежащихъ повсюду, куда ни обратишь тамъ взоръ: безъ сомнѣнія это только незначительный остатокъ отъ того, что истреблено временемъ и расхищено рукою человѣка. Невольно приходитъ при этомъ на мысль, что нѣкогда эти мертвые и сорные остатки составляли красоту и душу прекраснаго цѣлаго. Мы любуемся теперь въ томъ или другомъ европейскомъ музеѣ какимъ-нибудь рельефомъ пареенона, снятымъ съ своего мѣста, разрозненнымъ съ другими, съ которыми онъ составлялъ цѣльную картину: каково же было въ свое время впечатлѣніе и дѣйствіе, производимое цѣлымъ зданіемъ въ его нетронутой стройной красотѣ!

Изваянія, украшавшія греческіе храмы, дѣйствовали не на одно зрѣніе и художественный вкусъ; они возбуждали и дѣятельность мысли, заставляя зрителя вдумываться въ содержаніе и смыслъ изображенія; они прочно напечатлѣвали въ памяти эллина его религіозныя вѣрованія, народныя преданія, а также и великія событія родной страны. Въ этихъ изображеніяхъ была жизненная струя, вѣрное воспроизведеніе живой дѣйствительности, мѣстныя бытовыя черты, и вмѣстѣ съ тѣмъ—воплощеніе высшихъ идеаловъ человѣчества, какъ они были въ то время понимаемы высшими творческими умами. Благородство и спокойствіе, выражающіяся на лицахъ и въ положеніи боговъ и людей, представленныхъ на этихъ изображеніяхъ, дѣйствовали соотвѣственнымъ образомъ на собственное настроеніе каждаго, кто всматривался въ эти изображенія.

Одну изъ важнѣйшихъ сторонъ народной жизни древнихъ эллиновъ составляли религіозные праздники и торжества, которыя совершались у нихъ съ большою пышностію: на нихъ обыкновенно происходили гимнастическія, музыкальныя и поэтическія состязанія. Греческая повѣзья, какъ извѣстно, этимъ праздникамъ обязана своимъ происхожденіемъ. Въ Аѣинахъ важнѣйшимъ мѣстнымъ праздникомъ были *панаѣинѣи*, въ честь ихъ богини. Праздникъ этотъ совершался ежегодно, но разъ въ четыре года онъ отправлялся съ особенною торжественностію и тогда носилъ названіе *великихъ панаѣинѣй*. Во время этого праздника въ Аѣинахъ происходили состязанія въ бѣгѣ

на колесницахъ, бѣгъ на коняхъ съ горящими факелами (этотъ бѣгъ происходилъ ночью), а также—гонка на военныхъ судахъ (*νεῶν ἀμίλλα* ¹⁾). Со времени Писистрата введено было на этомъ праздникѣ реци- тированіе поэмъ Омира. Периклъ ввелъ, сверхъ того, музыкальныя состязанія, состоявшія въ игрѣ на флейтѣ, игрѣ на китарѣ и пѣніи подъ аккомпаниментъ китары. Для этой цѣли онъ построилъ въ Аѣнахъ особое зданіе, такъ называемый *одеонъ*, въ видѣ театра, но съ вровлек: оно напоминало собою форму шатра, изъ котораго Ксерксъ смотрѣлъ на саламинскую битву ²⁾).

Самыми любимыми у аѣнянъ были праздники въ честь Діониса (Вакха). Ихъ было нѣсколько въ году: великія или городскія діонисіи, малыя или сельскія, линѣи и другіе. На этихъ праздникахъ обыкновенно давались драматическія представленія въ аѣнскомъ театрѣ. Во время Перикла соперничали между собою два величайшихъ трагическихъ поэта древности, Эсхиль и Софоклъ. Эсхиль, впрочемъ, принадлежитъ собственно предшествующему періоду, эпохѣ персидскихъ войнъ: онъ былъ уже маститымъ поэтомъ, съ упроченной славой, когда юный Софоклъ только еще начиналъ свою поэтическую дѣятельность. Драма Софокла явилась на смѣну драмы Эсхиловой. Она была всецѣло плодомъ и выраженіемъ духовнаго развитія и внутренней жизни аѣнскаго общества въ вѣкъ Перикла, и обозначаетъ собою высшую точку развитія греческой драмы. „Софоклъ есть высшій представитель античной трагедіи. Совершенствомъ своихъ произведеній онъ обязанъ не однимъ своимъ отличнымъ дарованіемъ, тщательно имъ развитымъ: не менѣе того способствовало ему подняться на небывалую высоту рѣдкое стеченіе благопріятныхъ условий, свойственныхъ тому прекрасному времени, въ какое онъ жилъ. Софоклъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ великихъ талантовъ, которымъ судьба даровала твердую почву въ чистой средѣ, ихъ окружавшей, которые развились подъ покровомъ ничѣмъ не возмущаемаго счастья и могли всецѣло предаваться блаженству творчества. Властящая эпоха персидскихъ войнъ осіяла послѣднимъ догорающимъ лучемъ своимъ его юность, зрѣлаго возраста онъ достигалъ совмѣстно съ возрастаніемъ могущества Аѣннъ, на его глазахъ

1) Schömann, Gr. Alterth. 2 B. p. 416.

2) Плут. Периклъ, 13.

проходило цвѣтущее время аѳинскаго государства и въ нѣкоторомъ отдаденіи открывалось взору его паденіе этого государства. Онъ не только вращался въ благородномъ обществѣ, среди свѣтлыхъ умовъ, но принималъ непосредственное участіе въ общественномъ движеніи, которое отъ поэтическаго паренія направлялось въ то время къ зрѣлой прозѣ и критическому взгляду на вещи, какой свойственъ сильно развитому чувству своей личности (Selbstgefühl), порожденному народо-державіемъ. Аѳинскій народъ обладалъ тогда богатствомъ цѣльной жизни, соединяя свою всестороннюю производительность въ области мысли, изобразительнаго и пластическаго искусствъ—съ чистотою формы и твердо установившимися законами вкуса. Софокль извлекалъ, сколько хотѣлъ, пользы для себя изъ такихъ благоприятныхъ условій своего времени, обращеннаго къ идеаламъ..... Не меньшую цѣну имѣетъ и та благосклонность къ нему счастья, что оно даровало въ предшественники ему Эсхила, такого учителя, гений котораго пролагалъ новыя пути въ искусствѣ и который завѣщалъ ему средства для совершенной техники. Никто другой не могъ съ такимъ умѣньемъ воспользоваться выгодами подобной пріуготовительной школы, какъ Софокль: онъ надѣленъ былъ въ меньшей степени, чѣмъ Эсхиль, даромъ изобрѣтенія, за то тѣмъ въ большей степени владѣлъ умѣньемъ методически исчерпывать предметъ во всей его глубинѣ. Перенесши, сообразно съ здравымъ пониманіемъ своего времени, высокое поэтическое творчество въ область современности, Софокль съ мудро рассчитанною экономіею ставилъ драму въ рамки строго размѣряннаго построения. За Эсхиломъ оставалось преимущество большей смѣлости, отмѣчающей его личность: никто послѣ него не могъ настроить свой голосъ на его геройскій и могучій тонъ или соперничать съ нимъ въ возвышенности и богатствѣ фантазіи; столь же мало его преемникъ могъ равняться съ нимъ по обилію высшихъ идей... Софокль создалъ себѣ свою собственную область: оставивъ пышный міръ древнихъ демоническихъ существъ, онъ низошелъ въ міръ человѣческой жизни, волнуемый страстями.... Поэзія его беретъ не за далекія и высокія темы, касающіяся міроваго развитія, восходящія къ началу закона, религіи и чело-вѣчности: содержаніе его поэзіи есть современность, текущая жизнь, какъ она складывается изъ взаимодѣйствія человѣческихъ страстей и нравственной силы. Эти образы, взятые изъ душевной жизни, какъ она обусловлена была народностію и временемъ, придали трагической поэзіи общедоступность и непреходящее значеніе. Изъ содержанія драматическаго матеріала поэтъ извлекаетъ психологическую основу, которую

приложилъ въ разнообразію дѣйствующихъ лицъ и ихъ душевныхъ состояній: отсюда выводимые въ его драмахъ характеры, вообще говоря—отвлеченнаго свойства, у него впервые получили видивидуальное содержаніе, почерпнутое имъ изъ многосторонней опытности. Они все еще продолжаютъ быть символами нравственныхъ понятій и стоять на идеальной высотѣ, но проявляютъ свой паѳосъ и чувство своей личности въ горячей страсти, полной дѣятельной силы; правоописательныя подробности (*ῥητορικά*), искусно схваченныя, оживляютъ собою метко и тонко обрисованныя черты дѣйствующихъ лицъ, что составляетъ сильную сторону искусства Софокла. Борьба противоположностей приводитъ эти характеры во враждебное столкновеніе между собою, наполняя ихъ горячею кровью и всею энергіею живой личности. Въ своей собственной груди носятъ дѣйствующія лица свое счастье и свою будущность, ихъ воля направляетъ дѣйствіемъ, развивающимся въ драмѣ; ихъ преступленія и ошибки уже не зависятъ болѣе отъ загадочной судьбы, хотя оракулы, сновидѣнія и божественный голосъ совѣсти предостерегаютъ ихъ въ рѣшительныя мгновенія. Все развивается ясно и человѣчески, сообразно теченію нравственнаго паѳоса, изъ свободы человѣческой воли. Пластичность и чистота отдѣлки въ изображеніи характеровъ стяжали Софоклу славу трагическаго Омира. Хотя выводимые имъ характеры различны по своему нравственному достоинству и величію и въ его драмахъ нашли себѣ мѣсто люди изъ низшаго класса народа, говорящіе съ свойственнымъ имъ юморомъ, но они всегда обрисованы метко, прозрачны и очищены отъ всякой примѣси, достигаютъ до своей идеальной вершины, согласно своей нормѣ, указанной поэтомъ, и имѣютъ пластическую законченность очертанія (*von plastischer Geschlossenheit*), которая придаетъ имъ, на наше чувство, холодность мрамора¹⁾.

Такимъ образомъ Софоклъ сдѣлалъ въ области драматической поэзіи такой же поворотъ отъ міровыхъ сущностей къ явленіямъ внутренней душевной жизни человѣка, каковой Сократъ—въ области философіи. Характеры, созданные Софокломъ, служатъ выраженіемъ нравственныхъ понятій, имѣютъ неическій смыслъ, такъ же какъ и философія Сократа занималась вопросами человѣческой нравственности. Равнымъ образомъ Софоклъ ставитъ иногда въ своихъ драмахъ смѣлые вопросы жизни и нравственнаго порядка, на которые не даетъ отвѣта общепринятая житейская мораль: его Антигона, бла-

1) G. Bernhardt, Grundriss der Griech. Litteratur, 2 Th. 2 Abth., p. 318—321 Halle, 1872.

городный, возвышенный характеръ, исполненный не женской твердостью и отваги, существо любящее, преданное, съ глубокими привязанностями, съ сильнымъ чувствомъ правды, одна сама собою производить возмущеніе противъ постановленій закона, противъ существующей власти, и предпочитаетъ подвергнуться смертной казни, но— не покорится установленному порядку вещей, котораго она не признаетъ справедливымъ.

Поэтическіе образы въ произведеніяхъ Софокла—плѣняютъ свою человѣчностью, знакомы и родственны нашей душѣ, но въ то же время носятъ на себѣ отпечатокъ идеальности. Это общая черта всѣхъ художественныхъ созданій эпохи Перикла. Таковъ былъ вкусъ и настроеніе тогдашняго аѣинскаго общества. Оно одушевлено было стремленіемъ къ идеаламъ, но такимъ, которые имѣли свою почву и свой смыслъ въ сферѣ живой дѣйствительности.

Софоклъ съ начала и до конца своего долгодѣтняго поэтического поприща, которое продолжалось шестьдесятъ два года (468—406 до Р. X.), неизмѣнно пользовался любовью аѣинянъ. Начало его поэтической дѣятельности почти совпадаетъ съ началомъ политической дѣятельности Перикла. Въ первый разъ онъ выступилъ на поэтическое состязаніе въ Эсхиломъ (въ 468 г.) при особенныхъ обстоятельствахъ. Для произнесенія суда надъ драматическимъ произведеніемъ и присужденія награды побѣдителю избираемы были жребіемъ особые присяжные судьи (*ἀγωνοθέται, κριταί*). Ко дню состязанія Софокла съ Эсхиломъ какъ разъ возвратился изъ похода Кимонъ и вошелъ съ своими товарищами, остальными девятью стратигами, въ театръ. Тогда архонтъ не захотѣлъ избирать установленнымъ порядкомъ судей состязанія, а предложилъ быть судьями Кимону и его сотоварищамъ: тѣ должны были принять эту честь. Они признали побѣдителемъ молодаго Софокла—и, конечно, руководствовались при этомъ не своимъ только личнымъ вкусомъ, но тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на зрителей драма Софокла ¹⁾. Съ тѣхъ поръ Софоклъ уже безраздѣльно господствовалъ на аѣинской трагической сценѣ. Аѣиняне постоянно присуждали ему награды на поэтическихъ состязаніяхъ, избирали его въ разныя почетныя должности ²⁾ и даже въ стратиги, несмотря на то, что, какъ онъ самъ благодушно въ

1) Плут. Кимонъ, 8.

2) См. Bernhardt, тамъ же стр. 314.

томъ признавался, Периклъ считалъ его отличнымъ поэтомъ, но плохимъ полководцемъ ¹⁾).

Понимая, какимъ могущественнымъ средствомъ развитія служить театръ, Периклъ озаботился, чтобы бѣдные граждане по недостатку средствъ не лишены были возможности посѣщать сценическія представленія. Онъ назначилъ выдавать имъ деньги на этотъ предметъ изъ государственной казны ²⁾).

Такъ проявлялась внутренняя духовная жизнь аѳинскаго общества въ демократическую эпоху Перикла. Властительный аѳинскій дѣмосъ отъ своихъ политическихъ дѣлъ и заботъ искалъ себѣ отдохновенія и наслажденій въ высшемъ идеальномъ мірѣ мысли и искусства. Общественные нравы аѳинянъ отличались тогда свободою и непринужденностію, въ соединеніи съ мягкостію и нравственнымъ достоинствомъ. Въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей Периклъ начерталъ намъ картину тогдашней общественной жизни Аѳинянъ. Приведемъ здѣсь это мѣсто изъ его рѣчи.

„Я хочу нынѣ, такъ говорилъ онъ своимъ согражданамъ, обратить взоръ вашъ на внутренній строй нашей жизни, на наши государственныя учрежденія и общественные нравы, чему наше отечество обязано своимъ настоящимъ величіемъ. Я думаю, что вникнуть въ этотъ предметъ полезно будетъ всякому, какъ нашему соотечественнику, такъ и иноземцу.

„Наше государственное устройство не заимствовано нами отъ сосѣдей: напротивъ сами мы служимъ въ этомъ образцомъ для другихъ, и не мы, а намъ подражаютъ. Оно носитъ имя демократіи, потому что опирается не на меньшинство, а на большинство гражданъ. Наши законы предоставляютъ всѣмъ равныя права въ частныхъ тяжбахъ, а въ государственныхъ отношеніяхъ мы отдаемъ предпочтеніе не происхожденію и не личнымъ преимуществамъ, а заслугамъ, какія кто оказалъ отечеству: бѣдность и незнатность никому не служатъ препятствіемъ совершить, если можетъ, дѣла полезныя для отечества. Мы пользуемся свободой какъ въ жизни политической, такъ и въ своихъ всѣдневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ: мы не слѣдимъ съ подозрительностію другъ за другомъ, не смотримъ неодобрительно на то, что сосѣдъ нашъ живетъ такъ, какъ ему нравится; мы не подвергаемъ гражданъ такимъ взысканіямъ, которыя, правда, неубыточны,

1) Аѳиней, кн. 13, стр. 604 (Савацб).

2) Плут. Периклъ, 9.

он на котормя тяжело смотрѣть *). Свободные отъ принудительныхъ стѣсненій въ своей частной жизни, въ дѣлахъ общественныхъ мы повинемся долгу совѣсти, установленнымъ властямъ и законамъ, въ особенности тѣмъ нашимъ законамъ, какіе мы имѣемъ для защиты обидимаго, равно какъ и тѣмъ неписаннымъ нравственнымъ правиламъ, нарушеніе которыхъ считаетъ постыднымъ.—Для отдохновенія послѣ трудовъ у насъ существуетъ множество развлеченій, освѣжающихъ духъ нашъ: гимнастическія состязанія, ежегодныя торжественныя жертвоприношенія, равно какъ и благоустроенный домашній бытъ, въ которомъ мы ежедневно можемъ найти себѣ успокоеніе отъ заботъ.—Благодаря громадности нашего города, въ него изъ всѣхъ странъ ввозятся всякія произведенія, такъ что мы имѣемъ возможность наслаждаться у себя дома произведеніями чужихъ краевъ наравнѣ съ дарами своей родной земли.—Въ устройствѣ военнаго дѣла мы отличаемся отъ своихъ противниковъ **): нашъ городъ открытъ для всякаго; нѣтъ у насъ обычая изгонять изъ него иностранцевъ, которые прѣзжаютъ сюда учиться или смотрѣть на наши зрѣлища; мы не думаемъ о томъ, что кто нибудь изъ нашихъ враговъ подсматриваетъ за нами; мы полагаемся не на хитрости и предосторожности, а на свою храбрость. Наши противники стараются посредствомъ усиленныхъ упражненій обучить своихъ юношей такъ, чтобы они не уступали на войнѣ зрѣлымъ мужамъ; мы не ведемъ суроваго образа жизни и однако не уступаемъ имъ ни въ чемъ среди равныхъ опасностей войны. Предаваясь больше покойному наслажденію жизнию, чѣмъ воинскимъ упражненіямъ, мы идемъ навстрѣчу опасностямъ съ незаученною, а съ природною храбростію: при этомъ мы имѣемъ ту выгоду, что не мучимъ себя до войны тягостями военной жизни, а когда настанетъ война, переносимъ эти тягости съ такоюже твердостію, какъ и тѣ, которые постоянно себя ими изнуряютъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи, какъ во всемъ другомъ, нашъ городъ заслуживаетъ удивленія.—У насъ любовь къ прекрасному соединена съ простотою жизни и любовь къ знанію не ослабляетъ нашего мужества. Богатство въ нашихъ рукахъ служитъ средствомъ для дѣятельности, а не предметомъ тщеславія. У насъ считается по-

*) Периль дѣлаетъ здѣсь намекъ на жестокія тѣлесныя расправы, употреблявшіяся въ Спартѣ.

**) Разумѣетъ спартацевъ, съ которыми въ то время афиняне вели войну (431 г. до Р. X.).

стыднымъ скрывать свою бѣдность, но еще болѣе постыднымъ—нерадѣніе о томъ, чтобы выйти изъ нея. Попеченіе о своихъ домашнихъ дѣлахъ у насъ совмѣщается съ заботою о дѣлахъ государственныхъ и тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые живутъ рабочимъ трудомъ, не менѣе другихъ обладаютъ знаніемъ политическихъ дѣлъ. Это лишь у насъ однихъ—гражданинъ, не принимающій участія въ политической жизни, считается не просто недѣятельнымъ, но негоднымъ въ государствѣ человѣкомъ *). Прежде чѣмъ рѣшимъ дѣла, мы тщательно ихъ обсуждаемъ и не боимся вреда для дѣла отъ рѣчей, а скорѣе отъ того, если приступимъ къ дѣлу, не обсудивъ его предварительно. Смѣлость нашихъ плановъ у насъ соединена съ ихъ рассчитанностію, тогда какъ у другихъ эта смѣлость проистекаетъ отъ незнанія, а размышленіе приводитъ ихъ къ нерѣшительности. Въ своихъ нравственныхъ правилахъ мы также отличаемся отъ многихъ; стараемся приобретать себѣ друзей,—дѣлая людямъ добро, а не отъ нихъ требуя того себѣ самимъ..... Мы оказываемъ услуги другимъ не по расчету, а съ довѣріемъ свободныхъ людей. Кратко сказать: городъ нашъ во всемъ служитъ училищемъ для цѣлой Эллады и я увѣренъ, что каждый найдетъ въ немъ себѣ широкій просторъ и самыя благоприятныя условія для своего развитія.

„Что все сказанное мною не одни красивыя слова, рассчитанныя на минутное впечатлѣніе, а настоящая правда, тому доказательствомъ служить могущество нашего города, которымъ мы обязаны существующему у насъ порядку вещей. Это единственный городъ въ наше время, который затмилъ собою прославленную древность, котораго побѣды надъ врагомъ не унижительно для сего послѣдняго и власть котораго надъ другими не подвергаетъ ихъ стыду быть подъ властію недостойныхъ. Мы воздвигли себѣ великіе памятники, которые свидѣтельствуютъ о нашемъ могуществѣ, и для послѣдующихъ поколѣній мы будемъ служить предметомъ удивленія, такъ же какъ служимъ теперь для современниковъ. Не нужно намъ, чтобы какой либо Омиръ воспѣлъ наши дѣла. Повсюду, на сушѣ и на моряхъ, мы проложили себѣ вольный путь своею отвагой и повсюду оставили по себѣ вѣковѣчные памятники—какъ нашего великодушія, такъ и—нашего гнѣва“¹⁾.

Внѣшняя политика Перикла соответствовала уровню внутренняго величія и процвѣтанія Аѳинъ въ его время. Въ этомъ отноше-

*) По законамъ Солона, гражданинъ, который во время борьбы партій не оставалъ ни къ одной изъ нихъ, лишался за то своихъ гражданскихъ правъ (Плут. Соловнъ, 20).

1) Фукид. II, 36—41.

ни онъ также довершилъ то, что было начато и сдѣлано его предшественниками, прежними государственными людьми Аѳинъ, и что еще въ большей степени подготовлено было самымъ ходомъ вещей. Извѣстно, что во время персидскихъ войнъ, вслѣдствіе особеннаго стеченія обстоятельствъ, аѳиняне получили *игомонию* надъ частію греческихъ республикъ, состоявшихъ изъ ихъ соплеменниковъ іонянъ. Игомонія, въ понятіяхъ эллиновъ, означала не болѣе, какъ только старѣйшинство, первенство одной республики надъ другими съ ней союзными; въ мирное время—такому первенствующему государству принадлежало предсѣдательство на союзныхъ собраніяхъ, право созывать ихъ, и частію—исполнительная или распорядительная власть по выполненію рѣшеній, постановленныхъ въ собраніи союзниковъ; въ военное время—этому государству принадлежало главное начальство надъ союзными войсками. Это было почетное право, не заключавшее въ себѣ ничего принудительнаго, основанное на добровольномъ согласіи союзныхъ государствъ, обыкновенно соплеменныхъ между собою, имѣвшихъ одинаковое политическое устройство и отчасти также—общія цѣли во внѣшней политикѣ. Такой точно характеръ имѣла первоначально и аѳинская игомонія ¹⁾. Постепенно за тѣмъ этотъ древній характеръ ея измѣнился совершенно и игомонія въ рукахъ аѳинянъ обратилась въ дѣйствительное господство (*ἀρχή*) ихъ надъ союзниками (*οἱ ἑταῖροι*), которые стали къ нимъ въ отношеніе почти совершеннаго подданства (*ὑπήκοοι*). Это произошло какъ бы само собою, безъ прямаго и намѣреннаго домогательства или насилія со стороны аѳинянъ; однакожъ такой порядокъ вещей былъ новизною въ Греціи, гдѣ издревле автономія, политическая независимость почиталась существенною принадлежностію и неприкосновеннымъ правомъ каждой отдѣльной республики—до тѣхъ поръ, пока она существовала, какъ отдѣльная республика. Но укоренившимся понятіямъ считалось меньшимъ преступленіемъ, если одна республика совершенно уничтожала другую, присоединяла ея завоеванную область къ своимъ владѣніямъ, а жителей ея истребляла или обращала въ рабство, чѣмъ если какое либо изъ эллинскихъ государствъ покушалось поставить въ зависимость отъ себя другое эллинское же государство. Главною охранительницею этого рода преданій и понятій о международномъ эллинскомъ правѣ была Спарта.

1) Фукид. I, 97: ἡγούμενοι δὲ αὐτονόμων τὸ πρῶτον τῶν ἑταίρων καὶ ἀπὸ κοινῶν ἐνοχῶν βουλευόντων etc. См. В. Бауера Аѳинская Игомонія. Спб. 1858 г.

Ей также съ давнихъ временъ принадлежала игемонія надъ дорійскими государствами въ пелопоннисѣ. Спартанская игемонія неизмѣнно сохраняла свой древній, освященный преданіемъ, характеръ — простаго первенства и предсѣдательства между союзными государствами ¹⁾. Аѣиняне и ихъ государственные люди, конечно, хорошо знали образъ мыслей эллинскаго міра на этотъ счетъ и потому старались, по возможности, соблюсти видимость и форму древней игемоніи. Члены союза республикъ, находившихся подъ игемонією Аѣинъ, обложены были ежегодными денежными взносами въ союзную казну, предназначавшуюся на общія союзныя предпріятія, подъ чѣмъ главнымъ образомъ разумѣлась война съ персами. Союзная казна находилась въ завѣдываніи аѣинянъ, но хранилась на о. Дилосѣ въ храмѣ Аполлона, который былъ общимъ святилищемъ всѣхъ союзныхъ государствъ. Аѣиняне ежегодно давали отчетъ союзникамъ въ расходованіи союзной казны. Такъ это было до временъ Перикла. Въ теченіи своего управленія онъ постоянно завѣдывалъ дѣлами союза, въ качествѣ государственнаго казначейскаго (ταμίης τῆς κοινῆς προῦδοο — министръ финансовъ, первый лордъ казначейства). Съ этою должностію соединялось общее завѣдываніе всѣми важнѣйшими государственными дѣлами въ Аѣинахъ. Поэтому лице, ее занимавшее, носило также наименованіе „завѣдывающаго государственнымъ управленіемъ“ (ἐπιμελητῆς τῆς διοικήσεως — первый министръ, государственный канцлеръ). На эту важнѣйшую въ государствѣ должность избираемы были способныя лица не жребіемъ, но общею подачею голосовъ, и на четырехлѣтній срокъ ²⁾. Периклъ, управляя дѣлами союза, велѣлъ перенести союзную казну съ о. Дилоса въ Аѣины, гдѣ она и помѣщена была для храненія во вновь построенный пареононъ. Это было съ его сторонѣ очень смѣлое распоряженіе, которое должно было сильно встревожить аѣинскихъ союзниковъ. Сущность дѣла, собственно говоря, не измѣнялась такимъ распоряженіемъ. Охранителями казны были аѣиняне и отвѣтствовали за ея цѣлость. Поэтому все равно, гдѣ-бы они ее ни хранили, лишь-бы вѣрно и честно хранили. Но здѣсь именно имѣла большую важность видимость дѣла. Съ давнихъ поръ союзники уже привыкли смотрѣть спокойно на то, что аѣиняне распоряжались союзною казною по своему усмотрѣнію. Они

1) Фукид. I, 19.

2) Aug. Boeckh, Staatshaush. d. Athen. I B., p. 223. О значеніи этой должности Моллеръ-Штробицъ высказываетъ очень основательныя соображенія. Aristophanes und die Hist. Kritik, стр. 194 слѣд.

имѣли на это и нѣкоторое право. Такъ какъ эта казна назначена была на военныя дѣйствія противъ персовъ, а войну съ персами давно уже вели одни аеиняне, своими собственными силами, содержа для этого громадный флотъ, то конечно, она имѣли законное основаніе употреблять часть означенной казны на покрытіе расходовъ по веденію войны. Но эта война давно также перестала быть оборонительною, а обратилась въ наступательную. Аеиняне вели ее на свой страхъ и своими собственными силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ свою собственную пользу. Вытѣсняя персовъ изъ всѣхъ мѣстъ, занятыхъ ими на малоазійскомъ и еракійскомъ берегахъ эгейскаго моря, аеиняне присоединяли эти мѣста къ своимъ владѣніямъ, при чемъ случалось, что они присоединяли къ себѣ и такія мѣста, которыя находились въ рукахъ не персовъ, а грековъ. Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ выходило, что они употребляли деньги союзныхъ съ ними греческихъ государствъ на свои собственные потребности, на содержаніе своего войска и флота и на расширеніе своихъ владѣній насчетъ какъ—персидскихъ, такъ—и греческихъ земель. Союзники выражали обыкновенно на это свое неудовольствіе глухимъ ропотомъ, на который аеиняне мало обращали вниманія, но если которое либо изъ союзныхъ государствъ производило открытое возмущеніе, съ цѣлію выйти изъ союза, то аеиняне немедленно подавляли возмущеніе вооруженною рукою. Такова была система аеинской игемоніи: она была игемоніей по имени и формѣ, господствомъ по сущности. Периклъ рѣшился поправить и самую форму. Пока союзная казна хранилась на о. Дилосѣ, она все еще, по формѣ, считалась общею собственностію союзныхъ государствъ. Периклъ и по формѣ обратилъ ее въ собственность аеинскаго государства. Распоряженіе его вызвало громкія порицанія даже въ самыхъ Аеинахъ. Его политическія противники говорили, что такой образъ дѣйствій есть „тяжкое оскорбленіе, наносимое всей Элладѣ, что это есть явная тираннія и—эллины не стерпятъ того, чтобы деньги, вносимыя ими на общее дѣло борьбы съ варваромъ, аеинское государство употребляло на статуи и храмы, стоящіе тысячи талантовъ, украшая себя, подобно тщеславной женщинѣ, любящей убираться въ дорогія каменья“. Периклъ не смущался такими рѣчами. Въ оправданіе своего распоряженія онъ говорилъ, что союзная казна помѣщена имъ лишь въ болѣе безопасное мѣсто, тогда какъ на о. Дилосѣ она каждую минуту можетъ сдѣлаться добычею варвара (персовъ); впрочемъ, добавлялъ онъ, аеинянамъ вовсе даже не слѣдуетъ давать отчетъ

своимъ союзникамъ въ этихъ деньгахъ, что деньги принадлежатъ не тому, кто ихъ выплачиваетъ, а тому, кто получаетъ, что наконецъ афиняне честно выполняютъ соединенныя съ пользованіемъ этими деньгами обязательства, такъ какъ всегда содержатъ въ готовности свое войско и флотъ для борьбы съ врагами союза. Афинскій димось вполнѣ и съ полнымъ сочувствіемъ одобрилъ его распоряженіе, ясно понимая, что оно свидѣтельствуеетъ лишь о могуществѣ Аѣинъ¹⁾.

Однако Периклъ зналъ хорошо ту истину, что „право, не подкрѣпляемое силой, не дѣйствительно“. Поэтому онъ старался держать постоянно въ водахъ эгейскаго моря грозный аѣинскій флотъ. Ежегодно 60 военныхъ аѣинскихъ кораблей (τριήρης) выходили въ море и оставались тамъ въ продолженіи 8 мѣсяцевъ²⁾. Аѣинскіе моряки пріобрѣтали такимъ образомъ опытность въ своемъ дѣлѣ; они получали все это время жалованье изъ государственной казны, что особенно привлекало бѣднѣйшіе классы аѣинскихъ гражданъ къ морской службѣ и содѣйствовало развитію и процвѣтанію морскаго дѣла и морской силы аѣинянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это постоянное присутствіе въ морѣ вооруженнаго аѣинскаго флота дѣйствовало внушительнымъ образомъ на друзей и враговъ аѣинянъ, ихъ союзниковъ и противниковъ. Вообще въ это время Аѣины были первою морскою державою въ Греціи и безусловно господствовали въ греческомъ архипелагѣ. Однажды Периклъ съ громаднымъ флотомъ, роскошно снаряженнымъ, вошелъ въ Черное море (εἰς τὸν Πόντον) и поплылъ вдоль южнаго азіатскаго берега его до Синопы. Это было настоящее триумфальное шествіе. Къ Периклу являлись посланные отъ находившихся на этомъ берегу греческихъ городовъ съ разными прозбами, которыя онъ принималъ съ благосклонностію. Окрестные варварскіе народы и цари съ почтеніемъ и страхомъ взирали на это торжественное шествіе иноземнаго флота, прибывшаго изъ за нѣсколькихъ морей. Вообще положеніе дѣла было столь блестящимъ, что „навѣвало на многихъ аѣинянъ грѣзы о завоеваніи Карѣагена и Италіи“³⁾.

Съ завистію гзирала на такое необыкновенное развитіе аѣинскаго могущества большая часть остальныхъ греческихъ республикъ, но въ особенности оно было ненавистно аристократическимъ республикамъ. Всюду, куда простирались вліяніе и власть аѣинянъ въ

1) Плут. Периклъ, 12.

2) Id. ibid. 11.

3) Плут. Периклъ, 20: ἦν δὲ καὶ Τυρρηνία καὶ Καρχηδῶν ἑνίοις ὄνειρος.

Греціи, они поддерживали и проводили свои демократическія начала. Въ демократическихъ республикахъ они также имѣли у себя сильныхъ и опасныхъ враговъ—въ рядахъ высшихъ классовъ, лишенныхъ власти и вліянія. Всеобщее неудовольствіе противъ Аѳинянь глухо, но быстро росло повсюду. Всего же болѣе могущество Аѳинянь, ихъ демократическое устройство и ихъ внѣшняя политика—оскорбляли и раздражали Спарту. Она стояла во главѣ аристократическихъ республикъ Греціи и была главною опорою всѣхъ недовольныхъ аѳинянами. Съ каждымъ годомъ положеніе вещей въ Греціи становилось все болѣе натянутымъ и тревожнымъ. Рапо или поздно оно грозило разрѣшиться всеобщемою междоусобною войною между эллинами. Периклъ все это хорошо понималъ и предвидѣлъ, но онъ держалъ себя наготовѣ и ничего не страшился.

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о его частной жизни. Периклъ не былъ счастливъ въ своемъ семействѣ. Жена его была взята имъ изъ родственнаго съ нимъ дома. Сначала она была въ замужествѣ за Иппоникомъ, сыномъ Калліи. Домъ Калліи—былъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ въ Аѳинахъ. Привыкнувъ у перваго своего мужа къ роскоши и расточительности, жена Перикла не могла выносить его строгой бережливости, того скромнаго и простаго образа жизни, какой былъ заведенъ въ его домѣ. Вообще они не сходились характерами и развелись по обоюдному согласію ¹⁾. Отъ этого брака Периклъ имѣлъ двухъ сыновей, Ксанѳиппа и Парала. Старшій изъ нихъ Ксанѳиппъ, будучи еще мальчикомъ, дѣлалъ долги тайно отъ отца и вообще обнаруживалъ непокорный и строптивый нравъ. Обоихъ сыновей Периклъ лишился во время моровой язвы, бывшей въ Аѳинахъ въ началѣ пелопоннискской войны. Особенно горько оплакивалъ онъ смерть младшаго своего сына Парала ²⁾. — Въ домѣ Перикла жилъ и воспитывался родственникъ его, оставшійся сиротою послѣ своихъ родителей, знаменитый впослѣдствіи Алкивіадъ. Периклъ съ братомъ своимъ Арифрономъ были его опекунами. Эта опека также причиняла Периклу не мало безпокойства, вслѣдствіе крайне своевольнаго и увлекающагося характера молодаго Алкивіада. Иногда цѣлые дни пропадалъ онъ изъ дому и опекуны не знали, гдѣ его искать. Однажды въ подобномъ случаѣ Арифронъ уже хотѣлъ даже сдѣлать публичное заявленіе о пропавшемъ безъ вѣсти Алкивіадѣ.

1) Плут. Периклъ, 24.

2) Плут. Периклъ 36.

Периклъ отсовѣтовалъ ему это, говоря, что если Алкивіада уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, то заявленіе поможетъ имъ отыскать его однимъ днемъ раньше, а если онъ здоровъ и невредимъ, то оно повредитъ ему на цѣлую жизнь ¹⁾).

Была въ душѣ великаго государственнаго человѣка нѣжная и глубокая привязанность, наполнявшая счастьемъ его личную жизнь. Предметъ этой привязанности, прекрасная Аспасія, принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливо одаренныхъ женскихъ личностей, которыя разливаютъ вокругъ себя очарованіе, согрѣвая и оживляя общество лучами своего ума и таланта, изяществомъ и теплотою души, въ которой находятъ себѣ отзывъ всякая живая и свѣтлая мысль и всякій благородный порывъ. Аспасія была душою того тихаго и малаго кружка друзей Перикла, къ которому принадлежали Анаксагора, Фидія, и въ которомъ происходилъ живой обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, касавшихся политики, науки, искусства. Она была законодательницею вкуса въ этомъ обществѣ. Она давала полезные совѣты и указанія ораторамъ, поэтамъ и художникамъ—въ ихъ искусствѣ. Ея вліянію современники приписывали изящный, благородный тонъ въ рѣчахъ самаго Перикла. Сократъ восхищался умомъ и душевными качествами Аспасіи и любилъ ея общество. Периклъ питалъ къ ней неизмѣнную горячую привязанность ²⁾).

Послѣдніе годы жизни Перикла омрачены были тяжкими испытаніями, жестокими ударами судьбы, которые поражали его быстро одинъ вслѣдъ за другимъ. При немъ началась та роковая междуособная война эллиновъ, которая, какъ мы выше указали, давно уже подготовлялась ходомъ вещей въ Греціи. На второй годъ войны (430 до Р. Х.) въ Аѣнахъ открылась страшная моровая язва, ежедневно похищавшая въ городѣ множество жертвъ. Она похитила всѣхъ родныхъ Перикла: его дѣтей, брата и сестру. Ему пришлось испытать также и немилость аѣинскаго димоса. На него посыпались упреки, какъ на виновника всѣхъ бѣдствій войны. Наконецъ нападеніямъ его враговъ подверглись самые близкіе его друзья, которые одни еще составляли его утѣшеніе и поддержку: Анаксагора, Фидія и даже Аспасія привлечены были къ суду, по разнымъ обвиненіямъ, совершенно не справедливымъ. Периклъ горячо вступился за своихъ друзей; ему удалось отстоять, по крайней мѣрѣ, Аспасію, которая

1) Плут. Алкивіадъ, 3.

2) Плут. Периклъ, 21.

обвинена была въ вольномыслии относительно государственной афинской религии (ἀσέβεια). На третій годъ войны (429 г.) самъ Периклъ умеръ отъ моровой язвы, возвративъ предъ тѣмъ опять прежнее довѣріе и расположеніе къ себѣ афинянь.

Всѣ великія и прекрасныя созданія эпохи Перикла, дошедшія до насъ въ произведеніяхъ мысли и искусства, составляютъ памятникъ, воздвигнутый ему исторіею.—Знаменитый его современникъ, историкъ Фукидидъ начерталъ на страницахъ своего глубокомысленнаго историческаго произведенія слѣдующую великую похвалу его имени, вполне достойную какъ Перикла, такъ и самаго историка:

„Въ продолженіе своего управленія въ мирное время, Периклъ велъ дѣла въ духѣ умѣренности и охранялъ спокойствіе и цѣлость государства. Афины достигли, подъ его управленіемъ, высоты своего величія. Когда же настало военное время, то оказалось, что ему заранѣе извѣстны были силы государства и на случай войны. Съ начала войны онъ прожилъ два года и шесть мѣсяцевъ. По смерти его еще въ большемъ свѣтѣ обнаружилась его предусмотрительность по отношенію къ этой войнѣ..... Тайна его великаго вліянія и успѣха въ Афинахъ заключалась въ томъ, что онъ, будучи силенъ своимъ нравственнымъ достоинствомъ и умомъ, при своемъ дознанномъ безкорыстіи, правилъ свободно афинскимъ димосомъ, не подчиняясь ему, а подчиняя его себѣ. Такъ какъ онъ достигъ власти, не прибѣгая ни къ какимъ недостойнымъ средствамъ, то не имѣлъ надобности льстить толпѣ, напротивъ, когда нужно, онъ прямо высказывалъ ей горькія истины. Когда онъ замѣчалъ въ афинянахъ неумѣстную самоувѣренность, то обуздывалъ ихъ страхомъ; а когда они безъ причины падали духомъ, возстановлялъ въ нихъ снова чувство увѣренности въ себѣ. По имени—это была димократія, а на дѣлѣ—правленіе мужа, перваго между всѣми по своему достоинству“ 1).

М. г. Нашъ Институтъ, призднующій сегодня годовщину своего основанія, также украшается знаменитымъ историческимъ именемъ, занимающимъ высокое мѣсто къ ряду достопамятныхъ именъ, какими богатъ былъ славный вѣкъ Екатерины. Великая государыня обладала драгоценнымъ царственнымъ даромъ открывать таланты и полезныя для государства силы въ самыхъ разнородныхъ слояхъ русскаго общества: въ числѣ такихъ ея избранниковъ былъ и знаменитый основатель

1) Фукид. II. 65.

этого учебнаго заведенія. Отечественная исторія съ честію хранитъ его имя на своихъ страницахъ, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того великаго вѣка.—Другая высокая черта генія Екатерины и вмѣстѣ съ тѣмъ великая заслуга ея во всемірной исторіи была та, что она свѣтлымъ и зоркимъ умомъ своимъ постигала великую нравственную силу своего народа, вѣрно угадала его истинное историческое призваніе, и смѣлою рукою повела его по предназначенному для него историческому пути. Много славныхъ дѣлъ совершено и много великихъ жертвъ принесено уже русскимъ народомъ на этомъ великомъ и многотрудномъ пути. Это путь тотъ самый, который въ настоящее время обливается славянскою кровію. Великія историческія задачи не рѣшаются безъ упорной борьбы и великихъ жертвъ. Міровая правда искупается кровію.... Тягостныя и напряженныя, но великія минуты переживалъ въ это послѣднее время весь русскій народъ. Сознаніе и предчувствіе великаго и труднаго подвига, который предстоитъ ему въ будущемъ, сказалось въ немъ. Сердце его порывалось къ завѣтному пути....

Когда настанетъ часъ, русскій народъ, мы это знаемъ, выполнить свой подвигъ на защиту братій своихъ по вѣрѣ и крови съ свойственнымъ ему самоотверженіемъ и вѣрою въ Бога. Но въ наше время совершился великій переворотъ въ его собственной внутренней жизни. Державною волею онъ призванъ на новый, болѣе свободный и широкій путь своего развитія. Блага свободы, гласнаго суда и начатки самоуправленія, дарованныя нашему народу въ нынѣшнее царствованіе, налагаютъ на него, на всѣхъ сыновъ Россіи—святой и великій долгъ по отношенію къ себѣ самимъ. Иной, еще болѣе высокой и самый трудный подвигъ предстоитъ намъ теперь въ нашей жизни: это—подвигъ собственнаго своего духовнаго развитія и совершенствованія. Своими многовѣковыми усиліями и славными внѣшними дѣлами, руководимый мудростію и попеченіемъ своихъ государей, русскій народъ создалъ свою государственную цѣлость, независимость и безопасность. Никакой внѣшній врагъ ему теперь не страшень. Свободно и смѣло можетъ онъ отнынѣ принять на себя призваніе быть защитникомъ и поборникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, угнетаемыхъ противъ притѣснителей. За то тѣмъ настоятельнѣе для него въ настоящее время потребность быстрого и усиленнаго внутренняго преуспѣянія, чтобы оно стояло въ уровень съ его внѣшнимъ политическимъ могуществомъ и величіемъ. Только при такомъ равновѣсіи всѣхъ сторонъ его исторической жизни теченіе

ея будетъ совершаться правильно и благотворно какъ для него самаго, такъ и для другихъ.

П. Люперсольскій.

А. А. КОЗЛОВЪ.
ФИЛОСОФСКИЕ ЭТЮДЫ.

Часть первая. С.-Петербургъ. 1876 г.

КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

~~~~~
„Тотъ, кто несогласенъ съ положеніемъ, что философія есть противопологіе противъ умственной и нравственной анархіи общества, не можетъ ограничиться только однимъ опроверженіемъ его; онъ долженъ указать на что либо другое, что, по его мнѣнію, должно служить противодѣйствіемъ умственной и нравственной анархіи. Въ противномъ случаѣ, онъ долженъ или отрицать самый фактъ анархіи, или не считать его зловреднымъ“.

(Козловъ. Философіеіе этюды. Пред. стр. VII).

Какъ видно изъ нашего девиза, мы рѣшились принять вызовъ, сдѣланный авторомъ недавно вышедшихъ „Философскихъ этюдовъ“. Мы рѣшились на это главнымъ образомъ вслѣдствіе глубоко сознаваемой нами важности затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ.

Философія, какой бы объемъ ни придавать этому понятію, въ нашемъ отечествѣ только еще зарождается. Поэтому нельзя не приѣтствовать сочувственно каждому сочиненію, которое пытается дать направленіе стволу молодого дерева, едва показавшагося на поверхности русской умственной почвы. Но если важна всякая попытка создать русскую философію, то еще важнѣе, послѣ каждой такой попытки, оглянуться назадъ и посмотрѣть, не брошено ли сѣмя на бесплодную, каменистую почву.

Книга г. Козлова обнаруживаетъ въ авторѣ серьезныя стремленія, глубокія убѣжденія и вѣрованія,—серьезный разборъ ея, основательная провѣрка его положеній не могутъ не имѣть интереса для русскихъ читателей.

I.

Изъ предисловія автора видно, что мотывъ, положившій начало его сочиненію, былъ практическаго свойства. Подъ вліяніемъ своего житейскаго опыта, г. Козловъ усвоилъ себѣ пессимистическое воззрѣніе на современный міръ, и вотъ сталъ искать отвѣта на вопросъ: „чѣмъ поправить зло?“ Изъ „Философскихъ этюдовъ“ видно, что онъ нашелъ связующій цементъ для развалившихся кирпичей социальнаго зданія— въ философіи. Отсюда его взглядъ на задачи и предметъ этой науки: „философія, говорится въ его первомъ тезисѣ ¹⁾, имѣетъ своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое“. Исходя изъ мысли объ *увеличивающемся растлѣніи общества*, переходя отъ нея къ вопросу: *что можетъ спасти человечество?*, находя отвѣтъ въ положеніи: *только философія можетъ выполнить это назначеніе*, г. Козловъ приходитъ къ предположенію, что философія должна быть *наукою о мірѣ, какъ цѣломъ*. На первый случай остановимся на этихъ четырехъ моментахъ его изслѣдованія.

Во первыхъ спросимъ, что разумѣетъ авторъ подъ умственной и нравственной анархіей общества? Прочитавъ книгу, мы не нашли въ ней точнаго разъясненія этихъ понятій. Очевидно, г. Козловъ не считаетъ возможнымъ подвергнуть сомнѣнію фактъ указанной анархіи. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, термины „умственная“ и „нравственная“ анархія весьма условные и неизбежно требуютъ комментарий. Жила Европа почти въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, около полторы тысячи лѣтъ, жила, развивалась, колоссально подвинула впередъ человѣческія знанія, значительно увеличила безопасность человѣческой жизни, и вотъ въ XIX-мъ вѣкѣ мыслители открыли въ обществѣ признаки умственной и нравственной анархіи. Что это значитъ? Значитъ ли это, что подобной анархіи ранѣе не было, или ея только не замѣчали, не признавали. Въ послѣднемъ случаѣ можно было бы предположить, что указываемый авторомъ фактъ неизбежно сопровождаетъ жизнь человечества, какъ гніеніе мертвой органической матеріи сопровождаетъ явленіе теплоты, распространяемой солнечными лучами. Но тогда упомянутая выше анархія, по самой неизбежности своей, была бы неизлѣчима, и вся идея автора лишилась бы фундамента... Нѣтъ, очевидно не то разумѣетъ онъ,—не потому умалчивали въ прежніе вѣка объ умственномъ и нравственномъ растлѣніи

¹⁾ Рѣчь идетъ о тезисахъ, которые были предложены публикѣ при защитѣ г. Козловымъ его сочиненія *pro venia legendi*, въ Киевскомъ университетѣ, 27-го октября 1846 года.

общества, что оно не сознавалось, а потому что его не было. Но если это явление новое, то какія же формы оно приняло, гдѣ факты, его обнаруживающіе?

Очевидно, исходной точкой пессимизма г. Козлова были факты, въ родѣ *умноженія числа самоубійствъ*, въ родѣ *увеличенія жадности челоѳчества къ деньгамъ и къ матеріальному благосостоянію*, въ родѣ *упадка въ людяхъ религіозной вѣры* и т. д. Этихъ фактовъ мы не отрицаемъ безусловно, но спрашиваемъ себя, даютъ ли они поводъ къ образованію разбираемыхъ нами понятій?—Мы привели самыя „печальныя“ стороны современнаго общественнаго быта,—и позволимъ себѣ всетаки думать, что эти явленія недостаточны для того, чтобы служить основою пессимистическихъ взглядовъ, выражаемыхъ въ „Философскихъ этюдахъ“.

По нашему убѣжденію, зло въ челоѳчествѣ не растеть, а только облекается съ теченіемъ времени въ иныя формы. Не было прежде такого числа самоубійствъ,—были за то чаще безнаказанныя убійства, что еще печальнѣе, ибо общество отъ послѣднихъ находилось въ болѣе шаткомъ положеніи, чѣмъ въ какое его приводятъ первыя. Здравый смыслъ заставляетъ признать вѣрность мысли, что убійствъ въ наше время меньше, чѣмъ было прежде: сравнимъ только бытъ современной Турціи, представляющей образецъ погаснушаго въ Европѣ кулачнаго права, съ сравнительной безопасностью нашей Европейской жизни, и выводъ явится самъ собой. Притомъ прежде убійства въ большинствѣ случаевъ проходили даромъ и даже не поступали въ лѣтопись челоѳческихъ дѣйствій, какъ явленія обыденныя, да и недоступныя повѣркѣ. Теперь въ большинствѣ случаевъ они такъ или иначе наказываются, и люди нашли даже средства облекать подобнаго рода событія въ опредѣленные рамки статистическихъ цифръ. Не было прежде такихъ случаевъ колоссальной наживы на чужой счетъ путемъ обмѣна вексельныхъ и другихъ бумагъ,—зато былъ грабежъ на открытой дорогѣ, представляющійся теперь явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и въ общей сложности гораздо болѣе невиннымъ, и т. д.

Итакъ, зло въ челоѳчествѣ принимаетъ только новыя формы и, приблизительно по крайней мѣрѣ, равновѣсіе между здоровыми и больными сторонами соціальной жизни не нарушается. Но положимъ даже, что анархія въ обществѣ увеличилась (чего мы отнюдь не допускаемъ),—можно ли назвать её и „умственной“ и „нравственной“ анархіей? Намъ кажется, что съ практической точки зрѣнія автора эти два термина выражаютъ одно и то же—отсутствіе твердыхъ

принциповъ поведенія, и что г. Козловъ отчасти увлекся звучностью словъ въ ущербъ точности. Самъ Контъ говоритъ только объ *anarchie intellectuelle*, и этого вполне достаточно.—Затѣмъ если даже предположить, что въ современномъ *западно-европейскомъ* обществѣ, какъ разумѣетъ самъ авторъ книги ¹⁾, есть признаки анархіи, то поведетъ ли это неизбѣжно къ распространенію таковой и въ нашемъ отечествѣ? Намъ кажется, что Россія, по своей молодости и политическому положенію, роковымъ образомъ призвана реагировать противъ западно-европейскаго растлѣнія и „чѣмъ глубже мы будемъ втягиваться въ водоворотъ Европейской жизни“ ²⁾, тѣмъ интенсивнѣе будетъ противодѣйствіе нашего здороваго организма сгнившимъ основамъ западнаго быта ³⁾.

Нужна ли намъ для этого философія, какъ наука?

Вопросъ переходитъ отнынѣ на почву серьезной, теоретической критики. Онъ прежде всего сводится къ вопросу, — *можетъ ли вообще философія дать общественной жизни какія-нибудь основы нравственности?* Авторъ смотритъ на философію, какъ на науку, строящую сначала общія идеи о значеніи мировыхъ событій и потомъ изъ этихъ общихъ идей выводящую нравственные принципы ⁴⁾. Но можетъ ли еще философія имѣть значеніе науки, *строющей общую идею міра?* Если окажется, что философія не способна выполнить такую роль, то очевидно она должна будетъ потерять и значеніе науки, дающей фундаментъ для общественной морали.

Разберемъ сначала, какія основы даетъ г. Козловъ своему положенію о предметѣ философіи. По его мнѣнію, философія, какъ наука о мірѣ, въ его цѣломъ, есть *особая наука*. Доказательства его историческія. Характеръ ихъ всего лучше выражается слѣдующими заключительными словами автора въ концѣ его перваго вступленія: „только въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ ⁵⁾, можно примирить всѣ философскія системы и направленія въ понятіи философіи, когда мы примемъ за ея предметъ міръ; только тогда эти направленія образуютъ виды по отношенію къ общему родовому понятію: міросозерцаніе. Я предлагаю, кому угодно, попытаться подвести подъ одно понятіе *философа*: Гегеля и Дюринга, Шеллинга и Конта, Фихте и Спенсера, Тределен-

1) Пред. VI.

2) Собственные слова г. Козлова, пред. VI.

3) Н. Я. Данилевскій уже доказалъ эту мысль съ исторической точки зрѣнія.

4) Стр. 109: „Философія, какъ это увидимъ мы въ другомъ изслѣдованіи, всегда даетъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ своею цѣлью дать фундаментъ для морали“.

5) Стр. 69.

бурга и Фейербаха, при томъ условіи, что предметъ философіи есть не міръ, а что либо другое: я съ своей стороны считаю это невозможнымъ". Этотъ выводъ есть совершенно послѣдовательный итогъ всему предыдущему изслѣдованію. Не считая важнымъ для нашихъ цѣлей немедленное рѣшеніе вопроса о вѣрности его съ исторической точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ только спросить читателей, достаточно ли: собрать всѣ сходныя черты въ дѣятельности людей, случайно или не случайно „признаваемыхъ общественнымъ сознаниемъ за философовъ“ ¹⁾, выразить эти сходныя черты въ одномъ опредѣленіи и приставить это опредѣленіе къ термину *философія*, чтобъ доказать, что такое-то содержаніе философія дѣйствительно можетъ и должна имѣть въ будущемъ? Для того, чтобъ согласиться съ такимъ приемомъ доказательства, необходимо было бы признать непогрѣшимость абсурднаго принципа, „что то, что существовало прежде, этимъ самымъ фактомъ своего прошедшаго существованія доказало свои права на неизмѣнное существованіе въ будущемъ“,—такое положеніе есть явное *prouton fides*. Такимъ приемомъ можно бы было, пожалуй, доказать и права схоластическихъ бредней на вниманіе современнаго общества. Мало ли было заблужденій, которыя прошли, чтобъ не возвращаться. Между тѣмъ, кромѣ этого доказательства, „Философскіе этюды“ не даютъ никакихъ другихъ, болѣе убѣдительныхъ, основаній вышеприведенному опредѣленію г. Козлова касательно предмета философіи. Можетъ быть, эти основанія явятся въ слѣдующихъ этюдахъ, но тогда,—имѣлъ ли авторъ право облечь свой выводъ въ рядъ тезисовъ?

Тѣмъ не менѣе представляется существеннымъ рѣшить такъ или иначе, но положительно, вопросъ о возможности *будущаго существованія* философіи, какъ науки о мірѣ,—къ этому мы и приступимъ теперь. Условимся сначала о томъ, что мы будемъ разумѣть подѣ „философіей“. Г. Козловъ, какъ видно изъ его труда и какъ обнаружилось и въ теченіи его диспута, выдѣляетъ изъ области философіи психологію и психологическую теорію познанія ²⁾. Это науки спеціальныя,—его же философія трактуетъ о мірѣ, какъ цѣломъ. Авторъ

1) Стр. 3.

2) Стр. 48: „Далѣе, философія вовсе не занимается изслѣдованіемъ *общихъ законовъ логики или законовъ процесса познанія вообще*: эти изслѣдованія по праву составляютъ предметъ логики и психологій, которыя могутъ быть разработываемы отдѣльно отъ нея, подобно математикѣ, тоже близке соприкасающейся съ философіей“. Ср. также стр. 73: „ученіе о сознаніи составляетъ въ сущности психологію, а не философію!“

поступаетъ въ этомъ случаѣ опять совершенно послѣдовательно: одно изъ двухъ,—или „Философія“ есть только общее названіе для извѣстнаго круга частныхъ, спеціальныхъ наукъ (какъ психологія, теорія познанія, исторія развитія мысли, т. е. исторія философіи, и т. д.), или „Философія“ есть не одинъ только *flatus vocis*, а имя науки съ извѣстнымъ особымъ содержаніемъ, которое, при настоящемъ распредѣленіи научнаго матеріала, можетъ только состоять въ построеніи знаній о мірѣ, какъ цѣломъ. Г. Козловъ становится на вторую точку зрѣнія, мы стоимъ на первой и постараемся опровергнуть положеніе автора „Философскихъ этюдовъ“.

Философія есть наука „о мірѣ, какъ цѣломъ изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое“. Всѣ эти вещи, явленія, событія, какъ извѣстно, разбираются уже спеціально въ разныхъ частныхъ наукахъ; слѣдовательно особаго *фактическиаю* матеріала на долю *особой науки* философіи не выпадаетъ ¹⁾. Съ другой стороны авторъ не признаетъ возможнымъ для философіи изслѣдованія вопросовъ, составлявшихъ ея содержаніе въ до-Кантовскомъ, догматическомъ періодѣ ея развитія: ни Богъ, ни душа, ни другія какія либо сущности не могутъ быть предметомъ философскихъ построеній, думаетъ Г. Козловъ ²⁾.—Но если простыя явленія, какъ они наблюдаются органами спеціальныхъ наукъ, и съ другой стороны—идеи сущностей, не составляютъ предмета философскихъ изслѣдованій, то какія же исходныя точки философіи, на какихъ основахъ она строитъ свои понятія о мірѣ, какъ цѣломъ? Авторъ считаетъ такими исходными точками высшія обобщенія другихъ наукъ, высшія

1) Срав. соч. Козлова, стр. 104: „Наблюденія частныхъ фактовъ и выводы частныхъ законовъ никогда не должны входить въ кругъ спеціальныхъ занятій философа“.

2) стр. 15: „Съ точки зрѣнія раціон. деизма можетъ быть сдѣлаво возраженіе, что предметъ философіи есть не только міръ, но и Богъ. На это можно было бы отвѣтить простымъ указаніемъ на существованіе науки, называемой Богословіемъ или теологіей.....“ ср. также стр. 52—59.—О невозможности познанія „сущностей“ вообще въ философіи авторъ говоритъ въ своихъ разсужденіяхъ о различіи понятій бытія и міра, напр. стр. 34: „значить, философія не можетъ бытъ познаніемъ о бытіи, а только познаніемъ о мірѣ, ибо въ противномъ случаѣ она была бы познаніемъ о самыхъ возможностяхъ, число которыхъ безконечно и которыя всетаки, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, представляютъ не болѣе, какъ ничто для познанія“, ср. также стр. 23, 28 и 29.

понятія, до которыхъ онѣ доходятъ ¹⁾. Отсюда совершенно выясняется его взглядъ: работа, которая должна выпасть на долю философіи, при раздѣленіи труда между науками, при дифференціаціи ихъ задачъ,—есть *синтезъ результатовъ, добытыхъ всеми прочими отраслями знанія*.—Возможна ли и нужна ли подобная наука, которая имѣла бы *спеціальностью* своей—такой высшій синтезъ? Историческій опытъ показалъ противоположное. Самъ авторъ замѣчаетъ однажды: „предметы естественныхъ наукъ, особенно въ новѣйшее время, обозначаются точно, ясно, однообразно, не подавая повода къ недоразумѣніямъ; между тѣмъ какъ изъ вышеизложеннаго очевидно, что ученые философы разногласятъ въ обозначеніи предмета своей науки“ ²⁾. Наука, въ которой предметъ еще не опредѣлился, не есть наука въ своемъ *прошедшемъ* и *настоящемъ*,—она можетъ сдѣлаться таковою развѣ въ *будущемъ*. Но, по отношенію къ философіи, слѣдуетъ еще спросить себя: *нужна ли она въ будущемъ?*

Частныя науки, какъ и вообще всякое индуктивное познание, всѣ стремятся къ обобщеніямъ и къ синтезу. Если факты даютъ возможность, то въ ихъ нѣдрахъ являются даже такія широкія идеи, которыя проливаютъ свѣтъ далеко за предѣлы той области знанія, въ которой онѣ возникли. Гипотеза развитія, напр., появившаяся сперва въ области строго-біологической науки, можетъ, какъ оказывается, быть руководящей идеей и въ другихъ областяхъ науки, каковы языкованіе (Шлейхеръ), психологія и соціологія (Спенсеръ) и т. д. Точно тоже было и съ „закономъ“ Ньютона, который нашелъ себѣ приложение не въ одной астрономіи, но и въ геологіи и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ механики и физики... Стало быть, объединяющій синтезъ есть уже *идеальная цѣль частныхъ наукъ*. Если же синтезъ этотъ не является въ каждую минуту въ видѣ законченной теоріи міровыхъ процессовъ; если онъ напротивъ только періодически всплываетъ на поверхность моря науки; если научныя изслѣдованія, какъ капли морской волны, по очереди погружаются въ глубокія бездны кропотливаго анализа и потомъ смѣло возвышаются въ орлиныя области синтеза для того только, чтобы тотчасъ затѣмъ опять спуститься въ тѣ же бездны,—то не зависитъ ли это отъ свойствъ самого научнаго матерьяла,—свойствъ, производящихъ извѣстное давленіе и на философа?! Но, скажетъ авторъ, мы можемъ,

1) стр. 59: „Важно для насъ то, что задача философіи есть постройка изъ данныхъ наукъ единого міросозерцанія и т. д.“ ср. стр. 47.

2) стр. 22.

и не имѣя полного фактическаго матерьяла, построить *по аналогіи* и въ формѣ *плодотворной гипотезы* общую идею міра. Такой отвѣтъ былъ бы одностороненъ: уже частныя науки наполнены гипотезами и недоказанными—хотя и плодотворными—теоріями. Какая же была бы достовѣрность той науки, которая, взявъ за основаніе эти первичныя гипотезы, синтезировала бы ихъ во вторичное, *еще болѣе гипотетическое*, представленіе о мірѣ, какъ цѣломъ! Очевидно, что и частныя науки иногда заходятъ за предѣлы строго индуктивнаго синтеза и этимъ самымъ уже, съ излишкомъ, удовлетворяютъ всѣмъ синтетическимъ потребностямъ науки, такъ что философія, какъ *особая наука*, съ этой точки зрѣнія совершенно излишня. Но этого мало, она была бы и невозможна, еслибъ даже ея задачи и невыполнялись другими спеціальностями.

Не говоря уже о той шаткости, которую бы она имѣла, какъ гипотеза, построенная на гипотезахъ,—она, по простой логикѣ здраваго смысла, не могла бы имѣть никакой самостоятельности въ характерѣ своихъ построеній.

Въ частныхъ наукахъ исходныя точки—твердые, неизмѣнныя по существу, факты, но и въ ихъ разработкѣ часто нужны поправки, вслѣдствіе возможнаго измѣненія наблюдаемыхъ формъ предметовъ, а вмѣстѣ съ ними и точекъ зрѣнія науки. Въ философіи матеріаломъ были бы неустойчивыя гипотезы другихъ вѣтвей знанія. Еслибъ задача философіи состояла въ синтезѣ этихъ гипотезъ, то, очевидно, съ каждымъ новымъ открытіемъ науки, философія должна была бы механически перестраивать свои теоріи ¹⁾. Будучи равнодѣйствующей массы слагающихъ элементовъ, она принуждена была бы лавировать, смотря по направленію, какое принимаютъ частныя науки въ ту или другую пору ²⁾. И такъ именно было въ ея исторіи. Всякая философская система, какъ продуктъ самыхъ разностороннихъ умовъ времени, всегда была, болѣе или менѣе, выразительницею, современнаго состоянія эмпирическихъ наукъ; поэтому она жила, пока не

1) Г. Козловъ самъ не хотѣлъ бы такого положенія философской науки (ср. стр. 110), а между тѣмъ оно неизбежно съ его же точки зрѣнія.

2) Эта мысль, по странному противорѣчію, высказывается и самимъ авторомъ „Фил. эт.“; онъ говоритъ: „Если міръ не есть готовый объектъ самъ по себѣ и если понятія міра, какъ цѣлаго, строятся по мірѣ нашего научнаго проникновенія въ предѣлы вещей и явленій, и изсажденія ихъ связи, то въ разныя эпохи неизбежно должны были явиться и являлись различныя міросоверщенія.“ (стр. 70).

нашѣнялось это состояніе, и вытѣснялась новой системой, когда эмпирическія науки вступали въ новый возрастъ своей жизни. Желательно ли продолженіе такого порядка вещей? Не въ силу того ли самаго и отвергается нынѣ значеніе философіи, что философскія построєнія неизбежно вводятъ въ самообманъ и заставляютъ дедуцировать руководящіе принципы нравственнаго поведенія изъ *эфмерныхъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, теорій? Даже и та философія, которая всего болѣе выходила изъ прочныхъ, фактическихъ основъ познанія, т. е. философія Конта, и эта философія потеряла вскорѣ свое значеніе, какъ таковая, т. е. какъ система, и отъ нея осталось лишь извѣстное настроеніе частныхъ наукъ, предшествовавшее впрочемъ *à la douzième* твореніямъ Конта и бывшее даже безсознательной подкладкой его ученія. Стало быть философія, какъ прочная специальность, могущая дать какіе нибудь неопровержимые и устойчивыя принципы человечеству, невозможна по самому отношенію своему къ другимъ наукамъ; но она невозможна и потому еще, что, съ увеличивающимся запасомъ фактическихъ знаній, задачи философа дѣлаются *практически* неосуществимыми. Хорошо было философствовать Фалесу и Пифагору, когда почти весь эмпирическій фундаментъ, на которомъ они возводили свое зданіе, былъ ими же и положенъ. Но гдѣже намъ и нашимъ потомкамъ обнять всѣ области науки, когда мы рѣдко обнимаемъ, какъ слѣдуетъ, одну вѣточку ея вѣтви! Уже въ Кантѣ, величайшемъ мыслителѣ нашей эпохи, который просидѣлъ почти 50 лѣтъ на одномъ стулѣ, не поднимая глазъ съ книги, уже въ Кантѣ критики замѣчаютъ поверхностное отношеніе къ фактамъ и къ исторіи. Между тѣмъ, послѣ Канта-то собственно и создалась вся современная наука съ ея *микроскопическими* работами надъ каждымъ *волоскомъ* фактическаго матеріала. Г. Козловъ, впрочемъ, и не разумѣетъ необходимости для философа—знакомства со всѣми фактами частныхъ наукъ; по его мнѣнію, послѣднему достаточно знать „одни выводы“. А ну, какъ они невѣрны? Авторъ ссылается на „авторитетъ“; но для каждой изъ взаимно исключаютшихъ и противорѣчащихъ другъ другу теорій существуютъ свои, столь же сильныя, авторитеты,—которому изъ нихъ вѣрить? Считать ли Дарвина или Бэра за авторитетъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи видовъ? Вѣрить ли Фолькману и Нагелю, или Иоганну Мюллеру и Герингу, при изученіи напр. бинокулярности зрительныхъ ощущеній? Вѣдь необходимо же принять, или теорію тождества (*Identitätstheorie*), или теорію проекціи (*Projectionstheorie*)? А главное, какому авторите-

ту вѣрить, при рѣшеніи самаго важнаго современнаго спора—между теоріей матеріалистической и спиритуалистической? Авторитетовъ множество и съ той и съ другой стороны! Авторитетъ, по нашему мнѣнію, несогласному съ мнѣніемъ г. Козлова ¹⁾, понятіе совершенно субъективное. Мы вѣримъ извѣстному авторитету, потому что онъ точно, въ научной или литературной формѣ, выражаетъ нашу же собственную мысль, или фактъ, эту мысль подтверждающій. Последняя могла образоваться и съ вѣтру, какъ результатъ нашихъ душевныхъ влеченій, но могла быть добыта и собственной индуктивной работой. Такъ какъ изъ двухъ путей только послѣдній можетъ считаться научнымъ, то только во второмъ случаѣ авторитетъ имѣетъ какую нибудь цѣну, но разумѣется цѣну чисто формальную: авторитетъ только вѣнчаетъ нашу собственную повѣрку вопроса,—повѣрку, недоступную для философа, желающаго обнять *всю* явленія міра.

Выводъ изъ всего предъидущаго ясенъ самъ собой:

Философія, какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только не нужна, но и невозможна, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія.

Но тогда можетъ быть войдетъ въ силу мнѣніе автора „Философскихъ этюдовъ“, что „кто отрицаетъ возможность философскаго построенія понятія о мірѣ, тотъ отказывается отъ реальнаго единства познанія“ ²⁾. Нѣтъ, скажемъ мы, это положеніе не войдетъ въ силу; такъ было бы, еслибъ наукой исчерпывалась вся наша мыслительная работа, еслибъ вѣтви науки не возможны были никакія убѣжденія, никакая познавательная дѣятельность; но вѣдь наука служитъ только частнымъ выраженіемъ послѣдней. По нашему мнѣнію, пока частныя вѣтви знанія не пришли въ естественномъ ходѣ своей эволюціи къ удовлетворительному синтезу законовъ, управляющихъ міромъ, до тѣхъ поръ каждый развитой человѣкъ непремѣнно обязанъ—самъ про себя—подвести итоги своимъ знаніямъ, отдать себѣ отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающей его сферѣ явленій, и онъ не только обязанъ стремиться къ такому личному синтезу, но и на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, совершаетъ

1) стр. XVIII пред.

2) стр. 31.

его иногда бессознательно, такъ какъ чувствуетъ къ этому непреодолимую потребность¹⁾. Не слѣдуетъ только возводить эти субъективныя итоги мышленій въ объективныя нормы науки. При ограниченности того, что человѣкъ можетъ узнать и изучить въ теченіи всей жизни, даже изъ умѣреннаго количества фактовъ, извѣстныхъ наукѣ вообще, — нѣтъ сомнѣнія, что наши общія идеи о мірѣ всегда будутъ субъективны, условны, годны для насъ однихъ, пока онѣ не разовьются въ средѣ самой науки, создаваемой десятками вѣковъ и сотнями поколѣній. Муравей не можетъ одинъ построить муравьиной кучи.... Что наши общія идеи дѣйствительно субъективны, видно изъ ежедневнаго видоизмѣненія нашихъ взглядовъ, по мѣрѣ накопленія новыхъ цифръ, долженствующихъ войти въ сложеніе; видно это и изъ примѣра лицъ, живущихъ почти въ одной обстановкѣ, въ однихъ условіяхъ познанія и дѣятельности, и носящихъ все таки индивидуальныя отпечатокъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Итакъ, „философскій“ синтезъ долженъ считаться дѣломъ празднымъ и ни къ чему не ведущимъ только въ томъ случаѣ, если придавать синтетической работѣ нашего ума объективную, научную цѣну; но если такъ называть только экзотерическій по отношенію къ наукѣ—умственный процессъ, то этотъ процессъ также необходимъ для каждой развитой личности, какъ необходима крыша для каждаго обитаемаго зданія, какихъ бы она ни была—цвѣта и очертаній.

Всѣ предъидущія разсужденія приводятъ насъ къ слѣдующему:

1) *Анархія общества, о которой говоритъ г. Козловъ, по меньшей мѣрѣ преувеличенное, если не вовсе лишнее основаніе, понятіе.*

2) *Но если и предположить въ современномъ обществѣ такую анархію, то всеже философія, какъ наука о „цѣломъ мірѣ“, не можетъ устранить зла, ибо такая наука невозможна. Это не мѣшаетъ намъ однакоже удовлетворять вполнѣ своей потребности къ синтезу—субъективному, внѣнаучному.*

Поставленная нами выше задача исполнена²⁾. Но дѣло нами еще не выиграно.... Г. Козловъ находитъ недостаточнымъ опроверженіе его мысли о значеніи философіи, какъ ряда *первыхъ посылокъ*

1) ср. стр. 50 „Этюдовъ“: „.... и радъ бы человѣкъ обойти неблагодарную по-видимому работу строить понятіе о мірѣ, т. е. философствовать (?), да ничего не подѣлаешь съ неизбежными влеченіями“.

2) см. выше стр. 3.

при дедуктивномъ построеніи принциповъ нравственности,—онъ требуетъ, чтобъ критикъ, устранивъ эти посылки „философскаго“ характера, далъ другія, новыя основы для созданія правилъ человѣческаго поведенія ¹⁾); при этомъ авторъ естественно можетъ выйти изъ мысли, что если зло въ мірѣ и не возрасло, всёже оно есть, а потому его слѣдуетъ и лѣчить..... Для лѣченія должны существовать «лѣкарства»... Гдѣ же они, если философія не есть та аптека, въ которую они заключены? Если не признавать общаго міросозерцанія за основу нравственной устойчивости общества, то—по мнѣнію Г. Козлова— „одно только лицемеріе и близорукость могутъ оспаривать всю силу положеній Гоббса: homo homini lupus, bellum omnium contra omnes ²⁾“. Постараемся обсудить эту мысль безпристрастно и разносторонне.

Нравственные принципы для общества имѣютъ только значеніе орудій, охраняющихъ его отъ зла и гибели,—подпорокъ, не позволяющихъ обвалиться ненадежнымъ стѣнамъ зданія. Еслибъ зло въ мірѣ было невозможно, то были бы излишни и нравственные принципы, такъ какъ это значило бы, что природа человѣка, помимо извѣстныхъ навязанныхъ правилъ, указывала бы ему во всякомъ данномъ случаѣ только на одинъ, и притомъ лучшій, способъ дѣйствования. Слѣдовательно, чтобъ понять, гдѣ источникъ нравственныхъ принциповъ, надо выяснитъ себѣ напередъ, *какое зло точитъ общество*. Общество состоитъ изъ единицъ; каждая единица можетъ дѣлать зло или *себѣ или другимъ единицамъ*. Зло можетъ еще въ одно и тоже время быть зломъ по отношенію къ себѣ и по отношенію къ другимъ, но этотъ видъ его распределяется, при анализѣ, между выше указанными двумя категоріями.

Разберемъ сначала, какія формы можетъ принимать вредъ, причиняемый человѣкомъ самому себѣ. Онъ можетъ быть вообще рассматриваемъ, какъ результатъ ненормальнаго пользованія потенциально присутствующими нашему организму силами (даже самоубійство подходитъ подъ это опредѣленіе, такъ какъ оно состоитъ въ злоупотребленіи данной намъ возможности содѣйствовать столько же продленію, сколько и сокращенію нашей жизни). Ненормальное пользованіе нашими силами можетъ быть двойное: *качественное*,—если мы нарушаемъ

1) см. „Этюды“, пред. стр. VII (нашъ девизъ).

2) Пред. стр. V.

существенныя условія какой нибудь нашей дѣятельности, и *количественное*, — если мы не соблюдаемъ въ ней должной мѣры. То и другое одинаково ведетъ къ истощенію, болѣзни ¹⁾, или преждевременной смерти организма. Что можетъ предупредить подобныя несчастія? Съ одной стороны, вліяніе той науки, которая указываетъ человѣку на всю сумму послѣдствій, вытекающихъ изъ ненормальнаго функціонированія его органовъ; съ другой стороны, вліяніе науки, благодаря которой въ организмъ нашемъ закладываются здоровыя привычки и здоровыя потребности. Иначе сказать,—предупредить наши грѣхи противъ самихъ себя могутъ только: 1) науки, указывающія намъ на причинныя отношенія нашихъ физическихъ и психическихъ процессовъ въ ихъ разнообразной послѣдовательности, т. е. науки *антропологическія* въ обширномъ смыслѣ слова; 2) науки, содѣйствующія безсознательному укорененію въ насъ задатковъ инстинктивно-соразмѣрныхъ дѣйствій, т. е. науки *педагогическія* въ томъ-же общемъ значеніи ²⁾. Такъ какъ науки педагогическія суть таже *антропология* въ практическомъ примѣненіи, то мы не ошибемся, если скажемъ, что разумными, по отношенію къ себѣ, можетъ сдѣлать насъ только антропологическая наука, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ ея вліяніи. Пояснимъ это на примѣрѣ: медики въ наше время единогласно приходятъ къ выводу, что причина умножающагося въ наше время числа самоубійствъ и умопомѣшательствъ лежитъ въ чрезмѣрномъ распространеніи пьянства; послѣдній фактъ зависить отъ большей доступности и безнаказанности этого порока, сравнительно съ прежними временами. Что можетъ положить предѣлъ этому патологическому явленію въ жизни общества? По мнѣнію вышеупомянутыхъ медиковъ,—полицейская расправа, какъ палліативъ, и *просвѣщеніе* массы, какъ радикальное средство. Просвѣщеніе массы естественно должно состоять въ распространеніи среди нея добрыхъ привычекъ—путемъ рациональныхъ воспитательныхъ пріемовъ, и разумнаго самосознанія—чрезъ обученіе народа основнымъ даннымъ біологической науки. Какъ могла бы замѣнить, въ настоящемъ случаѣ, философская система о мѣрѣ предписанія здоровой гигиены и результаты нормальнаго воспи-

1) Болѣзнь, мы разумѣемъ, какъ физическую, такъ и психическую.

2) Г. Алаидскій, возражая г. Козлову въ статьѣ „Философія и Наука“ (Кіевъ, Университетскія извѣстія, январь 1877) высказываетъ сходную мысль: „прежде чѣмъ обращаться къ философіи за помощью противъ умственного безначалія и розни въ той области, которая отвоевана наукой, надобно исчерпать всѣ средства энергическаго и *правильнаго* воспитанія.“ (стр. 98).

танія,—мы рѣшительно не можемъ себѣ представить. Стало быть принципы личнаго поведенія лежать не такъ высоко, какъ полагаетъ Г. Козловъ.

Остановимся теперь на принципахъ общественной жизни, начавъ тоже съ патологическихъ сторонъ послѣдней. Зло, причиняемое нами другимъ людямъ, можетъ быть зломъ нравственнымъ и физическимъ. Въ сущности, ни то ни другое зло не можетъ явиться отъ человѣка, который *самъ* живетъ на здоровыхъ началахъ. Поэтому, строго говоря, вредъ личности устраняется тѣми самыми мѣрами, какими устраняется вышеуказанное расположеніе ея къ саморазрушенію. Но положимъ даже, что человѣкъ самъ умѣетъ хорошо жить, а между тѣмъ не считаетъ дурнымъ посягать на чужую личность и собственность,—такіе люди рѣдки: обыкновенно дурными ближними бываютъ люди, уже сами по себѣ испорченные. Для насъ довольно, что можно себѣ представить людей уломянутой категоріи (точно также, какъ есть возможность вообразить себѣ наоборотъ людей, вредныхъ себѣ, но безвредныхъ для общества), чтобы спросить себя, нѣтъ ли *особыхъ* мѣръ для самостоятельнаго устраненія вреда, наносимаго ими окружающимъ лицамъ. Такія особыя мѣры несомнѣнно есть: посягательство на чужую личность или собственность можетъ быть предотвращено или внушеніемъ *страха* передъ законнымъ наказаніемъ, или пробужденіемъ въ человѣкѣ *добрыхъ чувствъ* къ ближнему, или наконецъ образованіемъ въ немъ *здравыхъ идей* о человѣческихъ отношеніяхъ, о взаимныхъ обязательствахъ между членами общества.

Всѣ эти результаты очевидно могутъ быть достигнуты исключительно воспитаніемъ,—воспитаніемъ не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но и тогда, когда уже извѣстное зло сдѣлано личностью, и она попала подъ отвѣтственность передъ людьми; иначе сказать,—воспитывать въ одномъ изъ означенныхъ направленій можно какъ дѣтей, такъ и преступниковъ. Конечно воспитаніе во всѣхъ трехъ случаяхъ изберетъ особыя точки отправленія: страхъ передъ законной карой можетъ быть внушенъ воспитателемъ только при отправленіи его изъ идеи нравственной отвѣтственности, построенной на религіозномъ принципѣ высшаго авторитета; любовь къ ближнимъ можетъ быть пробуждена только при искусственномъ уходѣ за извѣстными психическими инстинктами воспитывающагося, которые могутъ легко заглухнуть безъ надлежащей культуры, но существуютъ въ зародышѣ у всѣхъ людей. Наконецъ здравый взглядъ на социальныя отношенія можетъ быть

развить только при сообщеніи человѣку извѣстныхъ социологическихъ понятій, обставленныхъ строгими юридическими и историческими доказательствами. Последнее направленіе всего трудѣ выдержать, такъ какъ социологія, не отвергаемая вполне и авторомъ „Философскихъ этюдовъ“¹⁾, еще слишкомъ молодая, неустановившаяся наука. Но еслибъ даже воспитаніе безвредныхъ членовъ общества основывалось пока исключительно на религіозной и психологической почвѣ, то и тогда „философская система“ опять-таки излишня рядомъ съ такими реальными основами, какъ напр. психологическая педагогика.. *Итакъ человечество можетъ совершенно обойтись безъ философскихъ системъ при устройствѣ разумнаго социальнаго быта.*

И это тѣмъ болѣе справедливо, что до сихъ поръ въ исторіи мы не видимъ ни одного примѣра—практической приложимости философскихъ міросозерцаній къ осуществленію указанной задачи. Были, правда, философы, которые являли собой примѣръ особенно высокаго нравственнаго совершенства (Сократъ, Спиноза, Мендельсонъ....), но они были рѣдкими исключеніями, да и притомъ не такихъ одностороннихъ результатовъ желаетъ г. Козловъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ эти *міросозерцанія* проливали согрѣвающій свѣтъ не на однихъ только творцевъ своихъ, но и на озябшую, нравственно, толпу „меньшей братіи“—мысль хорошая, но не осуществимая.....

Мы кажется выполнили задачу, начертанную буквально пониманіемъ взятаго нами за девизъ положенія г. Козлова. Но мы этимъ не покончили съ критикой всей книги почтеннаго философа. Разобравъ главную мысль, составляющую содержаніе перваго этюда, окинемъ бѣглымъ взглядомъ общія положенія его втораго изслѣдованія „о методахъ философіи“.

II.

Къ несчастію второй этюдъ не оконченъ авторомъ¹⁾. Пользуясь тѣмъ же „историческимъ путемъ“, онъ доводитъ обзоръ методовъ

¹⁾ Стр. 65.

¹⁾ Авторъ не исполняетъ напр. многихъ обѣщаній, данныхъ имъ въ этомъ изслѣдованіи, стр. 103 и др.

мышленія, которые употребляли люди, „признаваемые общественнымъ сознаниемъ за философовъ“, только до Сократа. Выводы автора находятъ себѣ выраженіе въ слѣдующемъ 7-мъ тезисѣ его защиты: „въ основаніи метода, посредствомъ котораго строили философскія познанія Греки до Сократа, лежатъ преимущественно слѣдующіе логическіе приемы: аналогія, гипотеза, дедукція изъ установленныхъ понятій“. Намъ бы не хотѣлось подробно затрогивать этого положенія, такъ какъ мы намѣрены посвятить анализу логическихъ приемовъ особое изслѣдованіе. Но мы не можемъ отказаться отъ нѣсколькихъ второстепенныхъ вопросовъ г. Козлову, по поводу этого тезиса.

Во первыхъ, что разумѣетъ авторъ при сопоставленіи трехъ означенныхъ приемовъ. Ставитъ ли онъ ихъ, какъ три однородныя понятія? или хочетъ отмѣтить какое нибудь подчиненіе между ними? По нашему мнѣнію, логика допускаетъ только постановку рядомъ, безъ повѣрки, нѣсколькихъ цѣлыхъ, взаимно—исключающихъ другъ друга или нѣсколькихъ частей, находящихся въ подобномъ же отношеніи,—вообще всякое перечисленіе предполагаетъ единство признаковъ, служащихъ показателями различія предметовъ. Въ логикѣ аналогія и гипотеза считаются обыкновенно *вспомогательными* индуктивными приемами, ихъ коррелятомъ признаются *главные* индукт. методы (согласія, различія и т. д.); понятіе коррелятивное дедукціи есть индукція. Очевидно, что если г. Козловъ стоялъ на обыкновенной логической точкѣ зрѣнія, то онъ долженъ былъ дать совершенно иную форму своему перечисленію..... Если же онъ имѣетъ на данный вопросъ свое собственное воззрѣніе, то ему необходимо было не только обозначить его въ тезисѣ; но и въ книгѣ своей—историческому изслѣдованію предпослать точный анализъ терминовъ, имъ употребляемыхъ; это представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что отношеніе между собою методологическихъ понятій еще весьма темное и сбивчивое, и точно установленнымъ можно считать только различіе между индукціей и дедукціей, въ самомъ общемъ смыслѣ слова.—Последнее доказывается и самымъ текстомъ втораго этюда, гдѣ авторъ, то обнаруживаетъ склонность причислить гипотезу къ приемамъ индуктивнымъ ¹⁾, то приравниваетъ ее дедукціи ²⁾. Но эти замѣчанія

1) ср. стр. 104.

2) Стр. 102: „Истина, по Демокриту, давалась только размышленію, а не чувственному воспріятію; последнее должно быть переработано путемъ *математическаго построенія, гипотезы и дедукціи*, чтобъ получить правильное понятіе о бытіи“.

только мимоходом... Гораздо существеннѣе—установиться: (во вторыхъ) на разборѣ значенія, придаваемого авторомъ „дедукціи“, которую онъ принимаетъ въ смыслъ „критики понятій“¹⁾).

Отъ „критики понятій“ Г. Козловъ ожидаетъ весьма важныхъ услугъ въ будущемъ развитіи философіи. „На ряду съ аналогіей и гипотезой, говоритъ онъ, имѣетъ приложеніе въ философіи дедукція, къ которой въ наше время относятся черезъ чуръ подозрительно. Выводъ изъ понятій или положеній проходитъ черезъ всю исторію философіи.... Если вообще въ познаніи однимъ изъ главныхъ рычаговъ прогресса служитъ критика или повѣрка понятій и сужденій посредствомъ основныхъ законовъ логики, то всего болѣе эта критика должна имѣть мѣсто въ дедукціи....; въ этомъ приѣмѣ критика понятій составляетъ существенную часть цѣлой мыслительной операціи, ибо сужденія состоятъ изъ понятій“²⁾). Ту же мысль онъ развиваетъ и въ другихъ мѣстахъ книги³⁾). По его мнѣнію „критика понятій есть для познанія тоже, что *правильная бухгалтерія* для торговаго и промышленнаго дѣла“⁴⁾).

Съ послѣдней параллелью мы совершенно согласны; но потому-то мы и не согласны съ положеніемъ, что критика понятій можетъ дать какую нибудь вѣрную философскую систему. Цѣль всякой критики понятій есть установленіе точныхъ названій для предметовъ и ихъ отношеній. Такое установленіе не можетъ совершаться однимъ апіорнымъ примѣненіемъ логическихъ законовъ. Послѣднее должно регулироваться повѣркою словъ со стороны ихъ адекватнаго конкретнаго содержанія; такая повѣрка требуетъ спеціальнаго знакомства съ матеріаломъ науки, къ области которой принадлежитъ анализируемое понятіе. Слѣдовательно критика понятій есть дѣло всѣхъ частныхъ спеціальныхъ наукъ, каковыя только и компетентны въ рѣшеніи вопроса о степени гармоніи, существующей между „именемъ“ и „именуемымъ“. Конечно философъ „по профессіи“ можетъ помогать въ этомъ дѣлѣ специалисту, но не какъ *философъ*, а просто какъ *знающій* данную спеціальность (*conditio sine qua non*) человекъ. Поэтому въ области научныхъ терминовъ, составляющихъ формальное содержаніе частныхъ наукъ, „философская“ критика опять

1) Стр. 105.

2) Стр. 105.

3) Стр. стр. 92, 108 и 109.

4) Стр. 109.

таки не имѣть мѣста. Другихъ же, метафизическихъ, понятій философія не должна касаться, по мнѣнію г. Козлова! Правда, послѣднюю мысль онъ принимаетъ съ ограниченіемъ: онъ полагаетъ, что такія понятія (всецѣло метафизическія, какъ скоро рѣчь идетъ о ихъ содержаніи, а не о психологическомъ ихъ происхожденіи въ умѣ человѣческомъ), какъ „истина, причина, цѣль, реальность, пространство, время, движеніе, субъектъ и объектъ всегда были и будутъ достояніемъ философіи“¹⁾. Но метафизическому анализу ихъ онъ, очевидно, и самъ придастъ не очень-то высокую цѣну, какъ можно заключить изъ приводимыхъ имъ, безъ всякой оговорки, словъ Тренделенбурга о зеноновскомъ анализѣ „движенія“: „доводы Зенона, по заявленію Тренделенбурга, были оставлены послѣ въ сторонѣ, какъ *излишнія преутонченности*, хотя никто рѣшительно не одолевалъ ихъ (?)“²⁾. Не будутъ ли такими излишними преутонченностями и дальнѣйшія метафизированья по поводу содержанія этихъ понятій? ³⁾.

Итакъ, если критика научныхъ понятій и можетъ быть сравнена съ правильной бухгалтеріей, то она должна принадлежать спеціальнымъ вѣтвямъ знанія, подобно тому, какъ и бухгалтерія есть дѣло спеціальныхъ отраслей мануфактурнаго и промышленнаго дѣла. Считать полезной апріорную критику понятій, внѣ спеціальныхъ наукъ, значило бы считать возможною и апріорную бухгалтерію, которая въ видѣ особой спеціальности открыла бы свою лавочку и

1) Стр. 12.

2) Стр. 106.

3) Вотъ что Кантъ говоритъ по этому поводу (Критика чистаго разума, пер. Владиславлева, стр. 547): „собственно говоря, нельзя опредѣлять ни одного понятія аргіогі, напр. сущность, причину, право, справедливость. Ибо здѣсь нельзя быть увѣреннымъ, что наше личное ясное представленіе даннаго (еще смутнаго) понятія имѣетъ совершенную полноту, и нельзя поручиться, что оно совершенно равно своему предмету. Такъ какъ въ содержаніи этихъ понятій есть между прочимъ темныя представленія, на которыхъ мы не обращаемъ вниманія при анализѣ, тѣмъ не менѣе нужными при употребленіи понятія, то подробность нашего анализа остается сомнительною и можетъ быть достигнута путемъ примѣровъ только *предположительно*, а не аподиктически.... Если такимъ образомъ ни опытные понятія, ни понятія аргіогі не могутъ быть опредѣляемы, то остаются только совершенно произвольныя понятія, на которыхъ можно пробовать это искусство.... Опредѣленію могутъ подлежать только такія понятія, которыя заключаютъ въ себя произвольный синтезъ, построенный аргіогі; значить только математика имѣетъ опредѣленія“.

вела бы счеты мнимымъ оборотамъ надъ мними величинами. Такая *спеціальная* бухгалтерія была бы еще возможна, какъ школа, которая бы указывала схематически на способы веденія различныхъ сторонъ дѣла при настоящихъ торговыхъ оборотахъ; но ктоже отрицаетъ возможность и „логической школы“, подготовляющей чело-вѣка къ разностороннему пользованію его умственными силами въ разработкѣ индуктивнаго матеріала? Не слѣдуетъ только тѣмъ схе-мамъ мышленія, которыя даетъ логика, приписывать объективное, реальное содержаніе, видѣть въ нихъ объектъ для особой науки *философіи*. Величины, все таки, въ упомянутыхъ выше логикѣ и бух-галтеріи, будутъ мнимыя; *дѣйствительными* будутъ только различные приемы операцій, совершаемыхъ надъ ними; между тѣмъ философія склонна приписывать реальность не этимъ приемамъ, а самимъ вели-чинамъ, считая ихъ выразителями конкретныхъ событій... На эту-то ошибочную точку зрѣнія философіи и становится г. Козловъ въ своихъ разсужденіяхъ о пользѣ дедукціи, говоря, что „если по-нятія, послѣ критики, окажутся правильными, то мы, при предполо-женіи правильной логической дедукціи, можемъ надѣяться на выводъ изъ нихъ *истинныхъ* положеній“ 1).

III.

Очеркъ нашъ былъ бы неполнымъ, еслибъ мы ограничились толь-ко оцѣнкою общихъ выводовъ, главной завязки, разбираемаго сочи-ненія. Необходимо остановиться и на нѣкоторыхъ частныхъ его не-достаткахъ. При этомъ мы разсмотримъ послѣдовательно вопросы: 1) о неточныхъ историческихъ выводахъ автора, 2) о невѣрности нѣ-которыхъ фактическихъ его указаній, 3) о неопредѣленностяхъ и про-тиворѣчіяхъ въ его изложеніи. Эта часть очерка конечно не-будетъ имѣть въ виду безусловной полноты, — она только ко-снется типическихъ формъ, въ которыхъ выразились упомянутые

1) Стр. 109.

недостатки книги такъ какъ анализъ этихъ типическихъ формъ не можетъ не быть принятъ въ расчетъ при окончательной оцѣнѣ сочиненія.

1) Что касается до неправильности нѣкоторыхъ историческихъ выводовъ г. Козлова, то она обнаруживается въ главномъ же изслѣдованіи—о предметѣ философіи въ разныхъ фазахъ ея историческаго развитія. Задавшись идеей—доказать, что философія всегда занималась построениемъ понятій о мірѣ, какъ цѣломъ, авторъ „Этюдовъ“ рѣшительно насилуетъ многіе историческіе факты. Мы не оспариваемъ того, что иные философы, напр. дософистическаго періода, занимались только синтезомъ общихъ представленій о мірѣ; но, начиная съ софистовъ и Сократа, предметъ философскихъ умозрѣній рѣшительно раздвоился и даже разтроился. Положимъ, умозрѣнія о Богѣ и душѣ можно еще, съ нѣвѣстной точки зрѣнія, подвести, какъ видовое понятіе, подъ родовую идею умозрѣній о мірѣ, но вопросъ о *критеріи познанія*, затронутый впервые софистами, уже совсѣмъ не подходитъ подъ категорію вопросовъ о мірѣ... „Мы не остановимся на софистахъ, говоритъ г. Козловъ, потому что, подвергая сомнѣнію достовѣрность знанія вообще и философскаго въ частности, они, конечно, не указывали на какой либо особый предметъ философіи (?)“¹⁾. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать совершенно наоборотъ: что именно, разрѣшая эту задачу, софисты дали содержанію такъ называемой философіи совершенно новое направленіе,—направленіе, изъ котораго вышла впоследствии та самая школа, которая отвергла возможность философіи какъ науки о мірѣ, т. е. школа, сначала ощупью и безсознательно говорившая устами Бэкона и Локка, а потомъ выразившаяся законченно и опредѣленно въ ученіяхъ Канта и Милля. Направленіе, которое въ концѣ концовъ погубило философію, какъ науку о мірѣ, не могло быть частью этой самой науки о мірѣ. Между тѣмъ совсѣмъ игнорировать, при обзорѣ предметовъ философіи, кругъ вопросовъ, поднятыхъ софистами, тоже невозможно, ибо со времени этихъ „философовъ“ изслѣдованія о критеріѣ познанія составляли всегда одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ умозрѣній²⁾. Какъ мы намекнули выше, и Кантъ главнымъ

1) Стр. 13.

2) Автора можно справедливо упрекнуть въ такомъ игнорированіи, ибо онъ совершенно не излагаетъ ученій, ни Бэкона, ни Беркли, ни Локка, ср. „Этюды“, стр. 73.

образом сосредоточился на томъ же вопросѣ; но такъ какъ Кантъ, подъ вліяніемъ традицій Вольфовской школы, не могъ вполне отрѣшиться отъ взгляда на философію, какъ науку о мірѣ, то и выходитъ нѣкоторое противорѣчіе между тѣми двумя опредѣленіями философіи, которыя приводитъ г. Козловъ и которыя онъ неправильно старается слить въ одно. Очевидно, говоря, что „философское познаніе есть познаніе разума на основаніи понятій“, Кантъ понимаетъ философію, какъ науку объ этомъ особомъ родѣ нашей познавательной дѣятельности; говоря же, что „философская система соединяетъ въ себѣ философію природы и философію нравовъ (первая касается всего, что существуетъ, вторая того, что должно быть)“, Кантъ въ первой половинѣ этого опредѣленія разумѣетъ философію, какъ науку о мірѣ. Удивляемся, какъ авторъ „Этюдовъ“ не замѣтилъ этого различія ¹⁾. Во второй половинѣ опредѣленія Кантъ намекаетъ на третій кругъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ философскихъ учений. Этотъ кругъ вопросовъ былъ впервые затронутъ Сократомъ. Г. Козловъ справедливо замѣчаетъ, что Сократъ продолжалъ съ одной стороны изслѣдованіе софистовъ о критеріѣ познанія ²⁾. Не отвергая той доли правды, которая заключалась въ положеніи софистовъ—о *субъективномъ элементѣ* въ нашихъ разсужденіяхъ о мірѣ, и соглашаясь съ тѣмъ, что построение окончательнаго понятія о мірѣ, какъ цѣломъ, должно быть, по крайней мѣрѣ на время, оставлено въ сторонѣ, Сократъ нашелъ болѣе правильнымъ сосредоточиться на вопросѣ о нравственномъ самовоспитаніи человека. Этотъ вопросъ ввелъ философію опять въ новую фазу развитія, и разрѣшеніе его, по мнѣнію Сократа, могло быть достигнуто совершенно независимо отъ построенія какихъ либо космологическихъ теорій, единственно осуществленіемъ извѣстнаго его психологическаго принципа: *γυμνάσιον*.

1) Оно вытекаетъ изъ самыхъ словъ Канта: „Критика чистаго разума“ перев. Владиславлева, стр. 618: „философія чистаго разума есть или наука *подготовительная* (Pronödentik), изслѣдующая способность разума ко всямъ чистымъ познаніямъ a priori и называющаяся *критикой*, или система чистаго разума (наука), т. е. философское познаніе изъ чистаго разума въ систематической связи и называющаяся *метафизикой*.“ (Если $A=a+b$, а $b=m+n$, то а отнюдь не есть еще $m+n$, какъ выходитъ у г. Козлова).

2) Стр. 13.

σεατόν 1). Начало, данное Сократомъ было развито далѣе въ ученіяхъ Стоиковъ, Эпикурейцевъ и Скептиковъ въ древнее время, а затѣмъ атическіе вопросы были снова подняты христіанскою философіею и въ ней нашли себѣ новую, обширную и независимую, разработку. Но авторъ не обратилъ должнаго вниманія и на эту сторону дѣла, а потому и не разобралъ ни одного философскаго ученія съ практическими задачами; отсюда является и заключеніе его, что послѣ разбора Аристотелевскихъ теорій „было бы бесполезно останавливаться далѣе на каждомъ философѣ и на каждой школѣ въ историческомъ движеніи философіи (до Канта)....., потому что онѣ представляютъ очень мало самостоятельнаго (?) 2)“.

Вотъ самый крупный образецъ односторонности историческихъ выводовъ въ разбираемомъ сочиненіи.

2) Есть у автора промахи и въ фактическихъ сообщеніяхъ. Такъ напр. онъ, по смерти Ланге, не исправилъ того мѣста въ своемъ предисловіи, гдѣ выражается имъ надежда, что „вѣроятно не долго заставитъ себя ждать философская система этого ученаго 3)“. Такое предположеніе, высказанное въ книгѣ, помѣченной 76 годомъ является нѣкоторымъ анахронизмомъ! Далѣе, повторяя мнѣніе В. Соловьева, онъ говоритъ о „блестящемъ успѣхѣ, который получила въ Германіи философская система Гартмана 4)“. Между тѣмъ Гартманъ, какъ извѣстно, не создалъ ни въ Германіи, ни въ какой либо иной странѣ сколько нибудь стоящей вниманія школы, и сочиненіе его „die Philosophie des Unbewussten“ не пользуется даже среди *нѣмецкихъ* ученыхъ слишкомъ лестной репутаціей. Если же сочиненіе Гартмана разошлось уже въ семи изданіяхъ, то это слѣдуетъ приписать не сочувствію къ нему дѣльныхъ умовъ, а только крайней парадоксальности его выводовъ,—парадоксальности, которая всегда рождаетъ любопытство въ *публикѣ*. Этого ли рода успѣхъ долженъ быть названъ блестящимъ?

1) Сократъ не только не выводилъ своихъ нравственныхъ принциповъ изъ понятій о Богѣ и мірѣ, но напротивъ изъ первыхъ дедуцировалъ свою идею о божествѣ какъ нравственномъ поступатѣ.

2) Стр. 16.

3) Пред. стр. X.

4) Стр. VIII пред.

Г. Козловъ говоритъ, что, по учению Пифагора, сущность вещей есть „гармонія чиселъ“¹⁾). Показаніе это неточно: сами вещи, по Пифагорейскому учению, представляютъ гармонію тѣхъ или другихъ чиселъ, сущности же вещей суть просто сами „числа“, какъ видно изъ многочисленныхъ мѣстъ аристотелевской метафизики²⁾, главнаго источника въ данномъ случаѣ. Конкретный предметъ, какъ совокупность извѣстныхъ качествъ, есть гармонія нѣсколькихъ чиселъ³⁾, но первичныя сущности вещей суть „не приведенныя еще въ гармонію“ числа. Это различіе при оцѣнкѣ Пифагорейскихъ теорій весьма существенно⁴⁾). Значеніе Анаксагорова „ума“ тоже не вполне вѣрно передано въ „Этюдахъ“. При разъясненіи этого понятія авторъ⁵⁾, въ скобкахъ, приводитъ переводъ собственнаго опредѣленія Анаксагора; но переводъ этотъ очень далекъ отъ текста, такъ какъ „*καθαρότατον καὶ λεπτότατον πάντων χρημάτων*“⁶⁾ значить не „чистый и тончайшій духъ“, а „чистѣйшая и тончайшая изъ вещей“. Это различіе очень важно, потому что слово *χρῆμα*, вещь, подало ученымъ поводъ предположить, что Анаксагоръ смотрѣлъ на умъ материалистически, т. е. именно считалъ его не *духомъ*, въ томъ значеніи слова, которое укоренилось за симъ послѣднимъ въ наше время, а только особенно тонкимъ веществомъ въ родѣ нашихъ газовъ.

Наконецъ, излагая ученіе Платона, авторъ говоритъ: „еще и до сихъ поръ ученые не пришли къ соглашенію относительно значенія *идей* у Платона: разумѣлъ ли онъ подъ ними то, что мы разумѣемъ подъ родовыми понятіями, или же совершеннѣйшіе типы, идеальные первообразы, которыхъ копія суть вещи;—это еще вопросъ, подлежащій спору“⁷⁾). Не въ этомъ сущность спора ученыхъ. То, что идеи суть, по Платону, первообразы, которыхъ вещи суть копія, не мо-

1) Стр. 7.

2) См. I, 5, 28. διὸ καὶ ἀριθμὸν εἶναι οὐσίαν πάντων (ср. VII, 2, 3 и XIV, 3, 9), далѣе εἶναι μὲν ἀριθμὸς ἐπιπέδων τὰ ὄντα, XIV, 3, 2.

3) См. XIV, 3, 2: τὰ πάθη τὰ τῶν ἀριθμῶν ἐν ἀρμονίᾳ ὑπάρχει καὶ ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐν τοῖς πολλοῖς ἄλλοις.

4) Авторъ впрочемъ самъ, въ другомъ мѣстѣ книги, выражается правильно, стр. 87 („Этюды“).

5) Стр. 8.

6) Ritter u. Preller, Hist. philos. ex f. l. c. Ed. quinta, стр. 83, № 123 (ар. Simpl.).

7) Стр. 13.

жетъ подлежать сомнѣнію, въ виду такихъ выраженій Платона, какъ μέθεξις¹⁾, ὁμοίωσις, κοινωνία, для обозначенія отношеній между вещами и идеями; какъ εἶδωλα, ὁμοίωματα, для наименованія вещей, въ ихъ отношеніи къ идеямъ; какъ παραδείγματα, для обозначенія роли идей, которыя существуютъ αὐτὸ καθ' αὐτό, т. е. сами по себѣ, независимо отъ вещей, и т. д.²⁾; рѣчь идетъ только о томъ, что подало Платону поводъ создать ученіе объ идеяхъ, наши ли родовыя понятія (такъ думаетъ Аристотель и ученые, къ нему примыкающіе), или что либо другое, какъ напр. „исключительно эстетическое воззрѣніе на міръ и его содержаніе (Шопенгауеръ)“³⁾.

3) Говоря о неопредѣленностяхъ и противорѣчіяхъ въ изложеніи г. Козлова, мы должны прежде всего спросить его: какія „особенныя силы духа человѣческаго“, о которыхъ онъ упоминаетъ въ предисловіи⁴⁾, создаютъ философію? Утверждая, что философія строится въ сущности на тѣхъ же основахъ, объективныхъ и субъективныхъ, какъ и прочія науки⁵⁾, авторъ самъ какъ будто отвергаетъ возможность признанія указанныхъ выше „особенныхъ силъ“. —Нѣсколько далѣе рѣчь идетъ о людяхъ, „спеціально разрабатывающихъ философію въ Германіи съ 60-хъ годовъ“. Разумѣетъ ли авторъ подъ этими людьми такихъ ученыхъ, какъ Вундтъ, Гелмгольцъ, и т. д., которые, какъ извѣстно, имѣютъ въ виду въ своихъ трудахъ только психологію или психологическую теорію познанія; или такихъ, какъ Целлеръ, Куно-Фишеръ, Штѣгль, Ибервергъ, которые всецѣло посвятили себя разработкѣ исторіи философіи, или наконецъ мыслителей, въ родѣ Гартмана или Ульрици, которые въ сущности представляютъ своими ученіями послѣдніе вздохи умирающей, но еще не испутившей духа германской метафизики? Во всѣхъ трехъ случаяхъ нѣмецкая философія, какъ наука о мірѣ, окажется не въ блестящемъ положеніи, если срав-

1) Ср. Арист. Метаф., изложеніе ученій Платона, I, 6, 4: κατὰ μέθεξιν γὰρ εἶναι τὰ πολλὰ τῶν συνονόμων τοῖς εἶδεσι.

2) Ср. Ueberweg, Grundriss d. Gesch. d. Philos. 1 Th. 1876. (5-te Aufl.), стр. 139. и слѣд.

3) Ср. Dühring, Krit. Gesch. d. Philos. B. 1873 (2-te Aufl.), стр. 99.

4) Стр. VI.

5) Стр. 30.

нить наше время съ временемъ дѣятельности Лейбница, Канта, и даже Гегеля. Затѣмъ г. Козловъ считаетъ г. Кавелина отголоскомъ Англійской эмпирической школы ¹⁾. Вѣроятно, авторъ „Задачъ Психологіи“ самъ откажется отъ такой параллели, ибо направленіе и приемы его скорѣе германскіе, чѣмъ англійскіе. Это доказывается и тѣмъ самымъ мѣстомъ „Задачъ психологіи“, на которое указывается въ „Этюдахъ“ ²⁾ и которое отнюдь не служитъ отголоскомъ идей Милля, Бэна или Спенсера ³⁾.—Мы желали бы знать далѣе, какъ согласить почтеніе г. Козлова передъ авторитетомъ съ мнѣніемъ, имъ же высказываемымъ, что „истина, какъ и всякое благо, нигдѣ не лежитъ готовою: она вырабатывается путемъ борьбы и страданій“? ⁴⁾ Наконецъ, намъ кажутся странными слова: „итакъ не время намъ еще оригинальничать и измышлять восточныя міросозерцанія“ ⁵⁾. Авторъ, очевидно, намеряетъ въ послѣднихъ своихъ выраженіяхъ на одно, недавно появившееся у насъ, сочиненіе по философіи. Не входя въ разборъ того, на сколько точенъ оборотъ рѣчи, употребленный г. Козловымъ, и на сколько законны тенденціи этого новаго сочиненія, мы замѣтимъ только, что критическое и свободное отношеніе русскихъ ученыхъ къ воззрѣніямъ представителей западно-европейской науки не должно состоять непремѣнно въ измышленіи восточныхъ мірозерцаній, и что, въ виду этого, оно не только не заслуживаетъ порицанія, но напротивъ того составляетъ весьма утѣшительное явленіе. Намъ вѣжется, что задача русскихъ мыслителей состоитъ не въ томъ, чтобъ рабски развивать воззрѣнія западныхъ школъ, а именно въ томъ, чтобъ, воспользовавшись опытомъ чужихъ народностей, пробить свой собственный путь и прямо вачать строить науку по тому идеальному плану, который создается изъ критической оцѣнки столько же достоинствъ, сколько слабостей и односторонностей, работъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ.

Этими замѣчаніями мы прерываемъ анализъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ недостатковъ, подмѣченныхъ нами въ сочиненіи г. Коз-

1) Пред. стр. X.

2) Ib. стр. XI.

3) Г. Кавелина уже потому нельзя считать послѣдователемъ англ. эмпирической школы, что онъ пытается дать новое рѣшеніе вопросу о сущности души, отъ чего давно уже отказались мыслители означенной школы.

4) Пред. стр. XVIII.

5) Ib. стр. XIX.

лова, и позволимъ себѣ, въ заключеніе, подвести итоги предъидущему, т. е. соединить въ одну общую оцѣнку разрозненные результаты нашей критики.

IV.

Изъ предъидущаго не трудно вывести, что мы считаемъ руководящую идею автора именно за то „сѣмя, брошенное на бесплодную почву“, о которомъ мы упомянули въ нашемъ краткомъ предисловіи.

Мы полагаемъ, что философія, какъ специальность, изучающая міръ въ его цѣломъ и занимающаяся синтезомъ результатовъ, добытыхъ частными вѣтвями знанія, уже *невозможна* въ будущемъ. Конечно *наука вообще* будетъ проходить въ своемъ развитіи, снова и не разъ, фазы философскаго, синтетическаго характера, но это будетъ совершаться по почину существующей совокупности частныхъ наукъ, направленныхъ только къ разрѣшенію иныхъ вопросовъ, чѣмъ какіе ихъ занимаютъ теперь. Признавая влеченіе къ философіи за „высшее по моменту влеченіе въ эволюціи человѣческой психической дѣятельности ¹⁾“, Г. Козловъ въ сущности очень близко подходитъ къ нашему толкованію. Философія, какъ *синтезъ*, есть *неизбѣжная ступень* въ развитіи познавательной дѣятельности, потому то она и является характернымъ направлениемъ *частныхъ* изслѣдованій въ *отдѣльных* періоды времени, слѣдующіе за переполненіемъ научныхъ архивовъ всевозможнымъ, какъ драгоценнымъ, такъ и сорнымъ матеріаломъ анализа; но какъ явленіе, наступающее періодически, синтезъ конечно не можетъ составлять задачи особой, вѣчно пребывающей специальности, — отсюда и полная неудача тѣхъ философовъ, которые являлись съ своимъ синтезомъ не во время.... Нашъ вѣкъ есть именно такое неподходящее для синтеза время; оттого всѣ столпы такъ называемой современной философіи суть либо реалисты-психологи, либо историки..

Въ наше время, если смотрѣть на дѣло съ строго-логической точки зрѣнія, правильное пониманіе философіи, только какъ родоваго термина для нѣсколькихъ сходныхъ по предмету наукъ. Какъ таковой, онъ можетъ быть употребляемъ въ двухъ значеніяхъ: или

для объединенія частныхъ наукъ *психологическою* характера (психологія, теорія познанія, педагогика, социологія),—такой смыслъ, придаваемый указанному понятію, оправдывается историческимъ фактомъ отдѣленія означенныхъ спеціальностей *послѣ* всѣхъ прочихъ отъ „философіи“, какъ общей матери наукъ; или же этотъ родовой терминъ можетъ получить еще большій объемъ, если обозначать имъ всѣ спеціальности, изслѣдующія данныя субъективной жизни, сознанія, въ противоположность объективнымъ фактамъ,—и тогда философію будутъ составлять столько же психологическія науки, какъ и науки историческія, филологическія, юридическія; философія, въ противоположность къ естествознанію, будетъ означать всѣ гуманитарныя науки. Основую такого толкованія будетъ потребность отыскать наиболее подходящее имя для всѣхъ научныхъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ факты сознанія. Есть еще способъ пониманія анализируемаго термина, способъ „школьный“, объединяющій въ названіи „философія“ кругъ наукъ полуисторическаго и полутеоретическаго характера, преподаваемыхъ въ неразрывной связи въ университетахъ. Не имѣя строгаго логическаго значенія, это употребленіе оправдывается академическими традиціями, которыя имѣютъ тоже неоспоримое право на вниманіе.

Видя въ терминѣ „философія“—въ первомъ и третьемъ случаяхъ только извѣстный *flatus vocis*, а во второмъ всетаки не болѣе, какъ *conceptus mentis*, мы естественно также мало можемъ признать возможность особой науки философіи, которая бы не была ни психологіей, ни логикой, ни исторіей философіи, какъ и возможность естественной науки *αὐτὸ καὶ αὐτό*, которая бы не была ни физиологіей, ни анатоміей, ни химіей, ни вообще какой либо изъ частныхъ вѣтвей природо-вѣдѣнія. Г. Козловъ держится совершенно противоположнаго убѣжденія; но можно ли изъ за этого одного отнять всякую цѣну у его труда? Конечно нѣтъ!

Послѣдовательность развитія мыслей въ „Философскихъ этюдахъ“, выдержанность въ характерѣ всего сочиненія, наконецъ высоко-нравственныя стремленія, послужившія мотивомъ его появленія въ свѣтъ,—все это заставляетъ забыть мелкіе недостатки въ исполненіи главной идеи и признать серьезность разобраннаго труда. Нельзя не пожелать, чтобъ продолженіе „Этюдовъ“ появилось вскорѣ и чтобъ оно вызвало въ читателяхъ столько же размышленій, какъ два разсмотрѣнные очерка. Мы только позволяемъ себѣ думать, что не въ этомъ направленіи должны работать русскіе „философы“, желающіе *создать* „русскую

философію⁴. Всякій народъ, какъ и всякая личность, долженъ стремиться начинать тамъ, гдѣ кончили его предшественники. Философскія системы отжили свое время; русскимъ философамъ по профессіи не только надо на-всегда отказаться отъ построенія подобныхъ системъ, но на время воздерживаться и отъ спеціальнаго разбора таковыхъ съ исторической точки зрѣнія. Онѣ—не наши, онѣ намъ чужды; предоставимъ ихъ анализъ соотечественникамъ ихъ создателей. Эти ученые соотечественники имѣютъ передъ нами всѣ преимущества историографовъ и критиковъ. Мы же, вмѣсто этого, устремимся прямо на вопросы дня, а вопросы дня въ философіи—суть спеціальныя психологическіе вопросы. Спеціальныя работы надъ этими вопросами, на ряду съ переводомъ и популяризацией лучшихъ западныхъ сочиненій той же категоріи—вотъ наша задача. Только выполненіемъ ея мы можемъ надѣяться избѣгнуть переливанія изъ пустого въ порожнее.

12 ноября 1876 г.

Николай Гротъ.

АНАЛИЗЪ

СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ

СЛАВЯНСКАГО СЛОВА,

СЪ MORFOЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Ученіе о строеніи славянскихъ корней.—В. Ученіе объ образованіи основъ: I. *Префиксы*. II. *Инфиксы*. III. *Суффиксы*: 1) Суффиксы основъ именныхъ. 2) Суффиксы основъ глагольныхъ. 3) Основы мѣстоименій и числительныхъ.—В. Ученіе объ образованіи словъ: 4) Суффиксы падежей. 5) Суффиксы лицъ. 6) Обь образованіи частицъ.

Звуки представляютъ въ составѣ языка то, что атомы въ природѣ; слоги же соотвѣтствуютъ молекуламъ натуральной философіи. Подобно тому, какъ изъ атомовъ и молекулъ (по ходячей гипотезѣ) образуются химическіе элементы, изъ разнообразнаго сочетанія которыхъ естествознаніе выводитъ всѣ виды природы органической и неорганической, такъ изъ звуковъ и слоговъ образуются корни, т. е. элементы языка, изъ соединенія которыхъ развились слова, предложенія, періоды, однимъ словомъ, въ параллель макрокосму физическому, развился микрокосмъ человѣческаго языка.

Аналогію эту можно продолжить еще далѣе: какъ въ природѣ рѣдко встрѣчаются химическіе элементы въ чистомъ видѣ, а болѣею частію въ соединеніяхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, такъ и корни въ составѣ языка рѣдко являются въ чистомъ, обнаженномъ

видѣ; обыкновенно же они взаимно соединяются, видоизмѣняясь при этомъ такъ, что изъ данныхъ соединеній первичные корни могутъ быть выдѣлены лишь дѣйствіемъ разныхъ научныхъ реактивовъ, путемъ разнообразныхъ этимологическихъ операций.

Корни и ихъ соединенія могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: во 1) съ внѣшней или формальной, и во 2) съ внутренней или логической. Вслѣдствіе того этимологія, или наука о словахъ, распадается на два отдѣла:

1. Морфологію или ученіе о формахъ словъ (на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія);
2. Симазіологію или ученіе означенійхъ (функціяхъ) тѣхъ-же словъ.

Настоящая статья посвящена разсмотрѣнію важнѣйшихъ вопросовъ Славянской морфологіи, при чемъ всѣ вопросы симазіологическіе совершенно исключены изъ этого обзора, такъ какъ во 1) смѣшеніе этихъ двухъ частей этимологіи мы считаемъ очень вреднымъ для науки, а во 2) предполагаемъ впослѣдствіи посвятить особую статью симазіологическому отдѣлу Славянской грамматики.

Задача Славянской морфологіи, какъ науки, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить:

1. какими сочетаніями звуковъ пользуется данный языкъ, какъ значащими элементами рѣчи или корнями?
2. какія звуковыя средства употребляетъ этотъ языкъ въ ходѣ образованія изъ корней—словъ, т. е. изъ элементовъ—тѣлъ?

Особое значеніе и важность получила эта часть грамматики съ тѣхъ поръ, какъ языковѣдѣе, съ легкой руки В. Гумбольдта, положило морфологическіе признаки въ основу классификаціи всѣхъ языковъ міра. Извѣстно, что по этимъ признакамъ (именно по формѣ корней и способамъ образованія словъ) принимаютъ три класса или типа языковъ:

1. языки корней (изолирующіе, моносиллабическіе), гдѣ нѣтъ различія между корнями и словами, между именемъ, глаголомъ и частіцами;
2. языки приставокъ (агглютинирующіе), гдѣ слово состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ корней, но соединенія довольно внѣшняго

и механическаго, при чемъ лишь вторые корни (аффиксные) теряютъ свою самостоятельность, но первый удерживаетъ ее вполнѣ;

3. **языки флексій**, гдѣ процессъ органическаго сращенія корней въ единствѣ слова прошелъ гораздо дальше и выразился потерей самостоятельности и взаимнымъ приравливаніемъ всѣхъ элементовъ слова.

Славянскій языкъ принадлежитъ къ числу языковъ высшей формациі, т. е. флексивныхъ. Въ немъ совершился и завершился полный процессъ образованія изъ корней словъ.

Задача Славянской морфологіи заключается въ томъ, чтобы прослѣдить этотъ процессъ, въ его началахъ, теченіи и результатахъ.

Такъ какъ развитіе словъ изъ корней совершается путемъ органическимъ, то оно идетъ безъ скачковъ, по непрерывной лѣстницѣ восхожденія отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, но такъ, что промежуточные ступени часто сливаются для глаза наблюдателя и развитіе представляется, какъ ростъ дерева, рядомъ неуловимыхъ переходовъ, въ которыхъ лишь болѣе рѣзкія фазы развитія могутъ быть подмѣчены и указаны.

Такими фазами развитія слова являются слѣдующія шесть:

1. **корень** простой или первичный;
2. " вторичный, третичный и т. д.;
3. **основа** или тема первичная;
4. " " вторичная, третичная и т. д.;
5. **слово** простое или несложное;
6. " сложное изъ 2, 3 и болѣе отдѣльныхъ темъ или словъ.

Такъ напр. древнеславянское слово: бѣдѣштааго можетъ быть разложено на элементы, соответствующіе каждой изъ означенныхъ фазъ развитія слова:

1. бу; 2. бѣ; 3. бѣд; 4. бѣдѣшт; 5. бѣдѣшта; 6. бѣдѣштааго.

Ошибочно было бы утверждать, будто каждое славянское слово прошло всѣ означенныя ступени; но три изъ нихъ (1, 3, 5-ая) пройдены неизбѣжно каждымъ словомъ, хотя не всегда сохранился явственный слѣдъ всѣхъ этихъ метаморфозъ, а если и сохранился, то часто въ видѣ столь слабомъ, что трудно опредѣлить подлинную фазу развитія слова въ данной формѣ.

Соотвѣтственно тремъ главнымъ фазамъ развитія слова (1. корень; 2. основа; 3. слово), морфологія естественно распадается на 3 части:

1. ученіе о строеніи корней (первичныхъ, вторичныхъ и т. д.);
2. ученіе объ образованіи основъ (первичныхъ, вторичныхъ и т. д.);
3. ученіе объ образованіи словъ.

А. Ученіе о строеніи корней.

Къ числу самыхъ трудныхъ задачъ морфологіи принадлежитъ опредѣленіе качества и количества первичныхъ корней даннаго языка. Особенно это должно сказать о морфологіи языковъ флексивныхъ, прошедшихъ корневую фазу развитія во времена очень отдаленныя и потерпѣвшихъ значительныя измѣненія и искаженія фонетическія. Тѣмъ не менѣе наукѣ удалось уже добраться до нѣсколькихъ сотъ первичныхъ корней Аріійскихъ языковъ. Дѣлаются попытки разлагать еще далѣе эти 600—800 корневыхъ созвучій, но довольно гадательныя и опасныя. Научный методъ требуетъ, чтобы въ этомъ анализѣ слова остановиться тамъ, гдѣ корень является еще живымъ и значащимъ элементомъ рѣчи, а не гипотезой или трупомъ грамматическимъ. Лучше принять какую нибудь основу за корень, чѣмъ переступить за предѣлъ первичной кристаллизаціи корня, разбивъ его пополамъ.

Какой же звуковой типъ имѣетъ корень языковъ флексивныхъ?— Не одинаковый: въ однихъ онъ является съ характеромъ готоваго слога, т. е. имѣетъ своимъ средоточіемъ гласный, прикрытый съ одной или обѣихъ сторонъ однимъ или нѣсколькими согласными; въ другихъ онъ состоитъ изъ группы согласныхъ, представляя такимъ образомъ слогъ лишь въ возможности, а не въ дѣйствительности. Этотъ главнѣйше признакъ и раздѣлилъ, какъ извѣстно, классъ языковъ флексивныхъ на два подкласса:

1. Языки Аріійскіе (Индо-Европейскіе), или языки корней слоговыхъ;
2. Языки Семитскіе, или языки корней трилитерныхъ (изъ группы трехъ согласныхъ).

Предполагаютъ, что первый типъ строенія корней исконнѣ послѣдняго, такъ какъ онъ господствуетъ и въ языкахъ перваго и втораго классовъ (въ языкахъ корневыхъ и приставочныхъ), т. е. во всѣхъ почти языкахъ міра, за исключеніемъ Сямитскихъ.

Славянскій языкъ, какъ одинъ изъ Аріійскихъ, имѣетъ корни слоговые и притомъ односложные, такъ какъ слогъ былъ не только исходнымъ, но и конечнымъ предѣломъ въ звуковомъ развитіи Аріійскаго корня. Во всѣхъ языкахъ этой семьи нѣтъ корня безъ гласнаго, но нѣтъ корня и съ двумя независимыми гласными, т. е. о двухъ слогахъ. Если по разложеніи слова окажется, что коренное его созвучіе не имѣетъ гласнаго, то это значить, что мы не возстановили еще его въ первоначальномъ видѣ. Такъ въ русскомъ словѣ усну, по отсѣченіи префикса: у, и суффикса: ну, останется корнемъ одинъ согласный с. Если реставрировать однако древнѣйшій видъ этого слова и прослѣдить его видоизмѣненія, то не трудно убѣдиться, что корневымъ созвучіемъ служить здѣсь слогъ: съп (оусъпе).

Если же, съ другой стороны, по совершеніи всѣхъ этимологическихъ операцій, остается все еще двусложный комплексъ звуковъ, то это означаетъ, что мы либо возвращаемся еще въ области основъ, либо имѣемъ дѣло со словомъ иностраннымъ, котораго этимологическій разборъ можетъ быть доведенъ до конца лишь на почвѣ того языка, гдѣ оно родилось и развилось. Такъ напр. слова: атаманъ, циркульникъ, капуста, куролесить, щеголь, не разлагаются на почвѣ русскаго языка; но дѣло облегчается, если сопоставить эти слова съ иностранными ихъ прототипами: Hauptmann, χερσοφόρος, composita, Κορία ἐλεῖσον (по другимъ: χοραὸλης), singularis и т. п.

Въ славянскомъ языкѣ открываются слѣдующіе *типы корневыхъ звукосочетаній*.

1. *Первый типъ*: корень образуется изъ одного гласнаго звука, приращеннаго легкимъ дыханіемъ (spiritus lenis), т. е. слабымъ согласнымъ шумомъ, безъ котораго гласный въ дѣйствительности не можетъ быть выговоренъ. Въ Греческой азбукѣ этотъ шумъ имѣетъ особое надстрочное обозначеніе, которое опускается въ графикѣ Славянской. Сюда относятся корни:

а: прежде указательное мѣстоименіе, потомъ частица и т. п.

и: частица; глаголь (и-ти) и т. п.

оу: частица (оу-же; оу); глаголь (об-оу-ти) и т. п.

2. *Второй типъ*: гласный съ согласнымъ явнымъ: а) спереди (корни открытые), или б) сзади (закрытые):

а) да-ти; би-ти; соу-ти; мзи-ти; вѣ-тръ и т. п.

б) аз-ъ; ин-ъ; ов-ъ; ес-шь; на-оун-а; в-он-га и т. п.

Болѣе древнимъ считаютъ первый видъ этихъ корней (открытый); нѣкоторые считали его даже единственнымъ для древнѣйшаго періода, но это трудно доказать.

3. *Третій типъ*: гласный съ двумя согласными, при чемъ возможно было тройное ихъ размѣщеніе:

а) согласный+согласный+гласный.

б) согл.+гласн.+согл.

в) гласн.+согл.+согл.

Гласный могъ слѣдовательно стоять либо въ концѣ, либо въ срединѣ, либо въ началѣ группы. Таковы корни:

а) ста-ти, слоу-ти, крзи-ти; влѣ-на, чръ-та и т. п.

б) каз-ати, год-ъ, доб-а; вез-ти, съп-ати, пѣт-ница; мнѣ-ѣти, чѣт-л; гзѣб-нѣти; вѣр-а, цѣл-ити; ма-ти, дѣ-ти и т. п.

в) агн-ъць, алк-ати и т. п.

Нерѣдко корни типа а) и в) переходятъ въ типъ б): гла-гол-ъ; пра-пор-ъ; лак-омъ, и т. п.

4. *Четвертый типъ*: гласный съ тремя согласными, въ слѣдующихъ комбинаціяхъ:

а) три согласные+гласный;

б) два согл.+гласн.+согласный;

в) согласн.+гласн.+два согласн.

Мы встрѣчаемъ здѣсь корни то открытые (а), то закрытые-однимъ (б) или двумя (в) согласными.

Таковы корни:

а) стра-на, стрѣ-ла, стрѣ-ти, стла-ти и т. п.

б) влад-ѣти, вран-а, плак-ати, прос-ити, слѣз-а, мльв-ити, вѣс-крас-нѣти, Сръб-ъ и т. п.

в) про-заб-сти, при-саг-а, из-зѣкъ, мѣс-ъ, мѣт-ъ, и т. п.

Типы а) и б) иногда взаимно мѣняются:

стла-ти: по-стел-га; ср. власть: Gewalt; прас-а: рогсис и т. п. Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются переизуки изъ б) въ в): напр. Сръб-ъ: Серб-ъ и т. п.

5. *Пятый типъ*: гласный съ четырьмя согласными, въ слѣдующемъ расположеніи:

а) три согл.+гласн.+согласн.

б) два согл.+гласн.+два согласн.

Таковы корни:

а) страд-ати, сваж-ина, сирад-ъ, силъб-ъ (и: стъл-ъ), тврьд-ъ и т. п.

а) празд-ьнъ, звѣзд-а, свист-ъ, прьст-ъ, прад-ъ, сѣ-прѣг-ъ, и т. п.

Перестановка часто смѣшивала оба эти типа: стълб-ъ: стлб-ъ; ср. тврьдъ: рус. твердый и т. п.

Въ новославянскихъ нарѣчїяхъ, путемъ перестановки гласнаго, развила еще третїй видъ того-же типа:

в) согласн.+гласн.+три согласные: перст-ъ, перст-ень; верст-а, черст-вый и т. п.

6. *Шестой типъ*: гласный съ пятью согласными, въ двухъ комбинаціяхъ:

а) четыре согласн.+гласн.+согласн.

б) три согласн.+гласн.+два согласн.

Таковы корни:

а) скрвьн-а;

б) хврат-ъ.

Такимъ образомъ постояннымъ и основнымъ элементомъ корня является гласный звукъ; число же согласныхъ измѣняется отъ 1 до 5, при чемъ въ составъ каждой группы входитъ не менѣе половины протяжныхъ (continuæ) согласныхъ, а въ послѣднемъ, самомъ сложномъ типѣ (6), четыре согласные должны быть протяжные, и лишь одинъ мгновенный (momentanea).

Надобно предполагать, что въ древнѣйшія эпохи жизни Аріи-скихъ языковъ строеніе корней отличалось большею простотою и однообразіемъ, чѣмъ впоследствии. Славянскіе корни съ четырьмя и даже пятью согласными, по всей вѣроятности, суть корни вторичнаго образованія, т. е. представляютъ родъ основъ, или соединеній корней съ аффиксами, но—столь древнихъ и плотныхъ, что аффиксы приросли здѣсь къ самому тѣлу корня и, потерявъ свою прежнюю формативную силу, стали показателями матеріальной сущности выражаемаго корнемъ понятія, т. е. нераздѣльною частію этихъ новыхъ корней; послѣдніе можно назвать потому корнями вторичнаго или третичнаго образованія.

Знаменитый чешскій славистъ П. І. Шафарикъ посвятилъ (въ 1846 г.) особую статью вопросу о расширеніи первичныхъ глагольныхъ корней посредствомъ согласныхъ ¹⁾ въ Славянскомъ языкѣ.

1) Sebrané Spisy. III. 458—539.

Онъ отмѣтилъ цѣлый рядъ мнимыхъ первичныхъ корней, которые, по разложеніи, оказываются соединеніемъ дѣйствительныхъ корней съ разными побочными элементами, произошедшими изъ аффиксовъ. Такими элементами оказываются, по мнѣнію Шафарика, слѣдующіе согласные:

1. р: Рус. капля: Пол. kropła; Рус. тоска: Пол. troska; Чеш. stačiti: Пол. starczyć; Пол. bawić: Серб. боравити; Рус. нить-изнурять и т. п.
2. л: Пол. chusta: Рус. холстъ; Рус. томить: Пол. tłumić; Рус. пять: пилить и т. п.
3. н: Рус. куть, ковать: Пол. knuć, knować; Рус. рвать: ронять и т. п.
4. в: Рус. укорять: Серб. кварити; Рус. сять: Серб. сванути Рус. твать: Пол. tkwić и т. п.
5. м: доу-хъ: дѣ-ти, дѣм-ѣ; бы-ти, бѣдѣ и т. п.
6. п: Рус. драть: Пол. dgarać; Рус. сѣять: сыпать; таять: топить; Ц. Сл. тати: Чеш. terati, ср. топоръ; Серб. трајати: Рс. терпѣть и т. п.
7. б: длато: Рус. долбить и т. п.
8. т: чоути: Чеш. cititi; Рус. терять: тратить и т. п.
9. д: рюти: рѣдати; нѣти: нѣдти и т. п.
10. к: Рус. чаять: Пол. czekać; рюти: рѣмати; тѣти: тоуль и т. п.
11. г: Рус. мотать: Пол. gmatwać; Рус. драть: дергать и т. п.
12. х: Рус. баять: бахорить; чуть: чихать; дремать: дригнуть; ѣду: ѣхать; парить: поркать; вонять: нюхать и т. п.
13. с: кора: Пол. skóra; ср. Чеш. surý: smurý; тати: тесать и т. п.

Шафарикъ привелъ въ своей статьѣ болѣе значительное число примѣровъ; мы выбрали самые рѣзкіе изъ ихъ числа, хотя и между приведенными многіе очень просто объясняются производствомъ расширенныхъ глагольныхъ темъ отъ именъ, образованныхъ различными суффиксами: напр. пять: пилъ: пилить; чоу-ти: чоуть: cititi и т. п. Но нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ не могутъ быть объяснены иначе, какъ допущеніемъ гипотезы Шафарика объ образованіи вторичныхъ корней путемъ приставки согласныхъ къ первичному коренному созвучію.

Употребленный Шафарикомъ приемъ разложенія корней вторичныхъ, посредствомъ отсѣченія позднѣйшихъ наростовъ отъ созвучія первоначальнаго, въ довольно широкой степени примѣняется современными лингвистами. Такъ напр. Шлейхеръ ¹⁾ считаетъ возможнымъ разсѣкать даже такіе плотные и простые корни, какъ: ju-g (jungo), ma-t (мѣрить), ma-n (мнѣти), ga-n (родиться), ka-k (kochen), gi-g (жить), считая конечные согласные позднѣйшими наростами, не существовавшими въ соответствующихъ первичныхъ корняхъ.

Въ приложеніи къ Славянскому языку далѣе всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи г. Микуцкій, который помѣстилъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, за послѣдніе годы, цѣлый рядъ этимологическихъ этюдовъ, сосредоточенныхъ на операціи сѣченія корней вторичныхъ и выдѣленіи изъ нихъ созвучій первичныхъ. Г. Микуцкій считаетъ возможнымъ подводить къ одному корню слова самыя разнородныя, напр. отъ корня: ка, ки, ку (вопаге) производится, по его теоріи, слова: кавка, качка, куръ, кокошь, комонь, хомякъ, шмель, кобза; отъ корня: да, ди, ду: дѣти (говорить), дума, дика, (Серб. слава), дуда, дубасить; отъ корня: ша, ши, шу, (са, си, су): шагать, шатать, шаркать, шипѣть, шушукать; отъ корня: ва, ви, ву: Ваѣъ (говорящій), велѣть, вопить, выть. Цѣлый рядъ коренныхъ на видъ славянскихъ словъ авторъ разлагаетъ, отсѣкая то начальныя звуки (какъ префиксы), то конечныя (какъ суффиксы). Такъ напр. префиксъ я (а) открытъ имъ въ словахъ: яворъ, ящерица, ягода, jaskunia (Пол.); префиксъ ка, ко, ку въ словахъ: каверзъ, канура, кайма, ковылять, колебать, (за)коулоуѣ, кувырнать, кумиръ, Куява, чумазый; суффиксъ ста, ска, зда въ словахъ: блистать, свистъ, полоскать, плескъ, доска, звѣзда, узда и т. п. Нельзя сказать, чтобы всѣ этимологическія догадки г. Микуцкаго могли выдержать строгую критику; но нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ нихъ подтвердятся дальнѣйшими изслѣдованіями.

До сихъ поръ мы говорили о качествѣ Славянскихъ корней или звуковомъ ихъ построеніи; коснемся теперь мимоходомъ вопроса объ ихъ количествѣ.

Аббатъ Юсифъ Добровскій, въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи: *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*, впервые исчислилъ въ морфологическомъ распорядкѣ всѣ корни Славянскаго языка,

1) Compendium, 1868 г. 314 стр.

открытые его анализомъ словъ. Такихъ корней оказалось 1605, изъ коихъ 72 простѣйшаго строенія (I классъ: одинъ гласный, съ предшествующимъ ему согласнымъ или безъ него), 655 болѣе сложнаго (II кл. гласный съ двумя согласными, изъ коихъ первый можетъ быть замѣненъ начальнымъ гласнымъ) и 878 еще сложнѣйшаго построенія (III классъ: гласный съ тремя, четырьмя, пятью согласными, изъ коихъ первый можетъ иногда слиться съ начальнымъ гласнымъ). Добровскій сознается впрочемъ (*Institutiones*, 1852 г. 255 стр.), что нѣкоторые корни третьяго класса могли бы быть отнесены ко второму, или совсѣмъ опущены, такъ что число ихъ было-бы уменьшено. Дѣйствительно, если-бы 1605 корней Добровскаго удалось разложить на ихъ элементы, то число это навѣрное уменьшилось бы въ половину для корней первичныхъ. По методу г. Мигуцкаго можно бы дойти и до одной сотни праславянскихъ корней, но мы чувствовали бы себя тогда на почвѣ очень шаткой, если не фантастической. Лучше остановиться на 600—800 корней реальныхъ (какъ это сдѣлалъ г. Миклошичъ въ своемъ сочиненіи: *Radices linguae Slavicae*), чѣмъ строить этимологию на одной или двухъ сотняхъ корней очень гадательныхъ.

Б. Ученіе объ образованіи основъ.

Языкъ корней, какимъ несомнѣнно былъ Праарійскій и какимъ донинѣ остается Китайскій, есть первый и самый несовершенный лепетъ человѣка. Форма этихъ корней была очень проста, а значеніе—неопредѣленно какъ по объему, такъ и по содержанію. Лишь при помощи указательныхъ жестовъ, мимики и разнообразной интонаціи голоса возможно было этими немногими сотнями созвучій обозначить простѣйшія понятія и выразить ихъ элементарныя логическія отношенія.

Геній большей части языковъ міра не остановился на этой первой ступени развитія словъ. Корни стали расти и развиваться, путемъ то взаимныхъ соединеній, то разныхъ образовательныхъ приставокъ: языки корневые (I-го морфологическаго класса) перешли въ приставочные (II-го класса), а эти въ свою очередь поднялись въ нѣкоторыхъ семьяхъ народовъ еще ступенью выше, ставъ языками флексивными (III-го класса).

Важнѣйшимъ, а быть можетъ и единственнымъ, способомъ развитія изъ корней основъ, а изъ послѣднихъ словъ, является въ языкахъ Арийскихъ система аффиксовъ, или расширение коренныхъ созвучій разными приставками, въ началѣ (префиксы), среднѣ (инфиксы), или концѣ (суффиксы) тѣхъ созвучій.

Аффиксы могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ:

1. съ генетической, по ихъ происхожденію;
2. съ морфологической, во звуковой формѣ;
3. съ семантической, во внутреннему значенію.

Въ нашемъ очеркѣ могутъ найти мѣсто лишь первыя двѣ части ученія объ аффиксахъ; третья же должна быть излагаема въ ученіи о фуниціяхъ или семантической отдѣлѣ грамматики.

Такъ какъ матеріалъ языка состоялъ первоначально изъ однихъ корней, то уже а priori можно утверждать, что развитіе языка совершалось разнообразнымъ скрещиваніемъ коренныхъ созвучій. Звуки отдѣльные, не захваченные процессомъ кристаллизаціи корней, не могли принять участія въ этимологическомъ развитіи словъ; если же они и появляются иногда въ составѣ послѣднихъ, то лишь въ видѣ эфоническихъ вставокъ, лишенныхъ динамическаго значенія. Но такъ какъ аффиксы играютъ въ составѣ словъ роль элементовъ не механическихъ, а динамическихъ, служатъ цѣлямъ не эфоніи, а этимологіи, то они могли образоваться не изъ отдѣльныхъ и разрозненныхъ звуковъ, а изъ значащихъ звукосочетаній, т. е. изъ самостоятельныхъ некогда корней.

Языки флексивные (III кл.) отличаются въ этомъ отношеніи отъ приставочныхъ (II кл.) лишь тѣмъ, что составные элементы основъ и словъ (т. е. корни) въ языкахъ III-го класса срослись тверже и объединились полнѣе, чѣмъ въ языкахъ II-го класса.

Какіе же корни сближались при этомъ между собою и какую роль игралъ каждый изъ нихъ въ составѣ основы и слова?

Процессъ мышленія заключается въ обобщеніи частныхъ, въ преобразованіи матеріи представленій въ логическую форму понятій и сужденій. Представленіямъ мысли соотвѣтствуютъ корни языка; понятіямъ же—основы и слова. Какъ въ понятіи соединяется извѣстный матеріальный образъ съ логической формой, подъ которой онъ мыслится, такъ и въ словѣ кромѣ матеріальнаго корня существуетъ еще звуковой показатель извѣстной логической категоріи или—показатели категорій.

На разсвѣтъ человѣческаго сознанія, въ представленіяхъ дѣтей, эти двѣ стороны понятій (матеріальная и формальная) не различаются особенно ясно: отвлеченное мыслится образно, между конкретнымъ и абстрактнымъ почти не замѣчается различій. Тоже и въ дѣйствіи языка. Не было еще словъ,—были только корни; и эти корни были знаками извѣстныхъ представленій, неясныхъ, неоформенныхъ.

Уже во второй періодъ развитія мысли и языка начинается все болѣе строгое разграниченіе предметовъ природы, качествъ явленій и дѣйствій жизни съ одной стороны, а ихъ отношенія къ мысли, къ лицамъ говорящему, слушающему и третьему—съ другой. Тутъ-то выдѣляются корни знаменательные (знаки предметовъ, качествъ, дѣйствій и т. п.) и корни служебные (знаки логическихъ отношеній). Первые легли впоследствии въ основу частей рѣчи глагольно-именныхъ, а вторые—мѣстоименныхъ и частичныхъ.

Такъ параллельно противоположностямъ мыслящаго и мыслимаго, субъекта и объекта, формальнаго и матеріальнаго—развился въ самыхъ зернахъ рѣчи или корняхъ дуализмъ, который отразился затѣмъ на всемъ дальнѣйшемъ построеніи языка.

Первымъ обнаруженіемъ этого сознанія или чувства противоположности корней знаменательныхъ и служебныхъ,—объективныхъ и субъективныхъ, былъ процессъ образованія изъ корней основъ и словъ. Хотя фактъ образованія нѣкоторыхъ именныхъ и глагольныхъ темъ посредствомъ удвоенія корня (*тотъ, ираноръ, маюль* и т. п.), причемъ первый членъ редупликации играетъ роль префикса (какъ увидимъ ниже), показываетъ, что геній языка могъ-бы употребить всякаго рода корни (т. е. какъ субъективные, такъ и объективные) для цѣлей формативныхъ; однако болѣе удобнымъ оказался другой путь, по которому и пошли въ своемъ развитіи всѣ Арійскіе языки: въ показатели отношеній или въ аффиксы словъ избраны изъ всего запаса корней лишь немногіе, именно самые отвлеченные, мѣстоименные корни. Ихъ соединеніе съ корнями объективными (глагольно-именными) составляетъ руководящее начало словообразованія въ языкахъ Арійскихъ.

Такимъ образомъ каждая Арійская основа и каждое слово представляетъ соединеніе по меньшей мѣрѣ двухъ корней, изъ коихъ одинъ долженъ быть мѣстоименнаго происхожденія.

Конечно, этотъ основной законъ Арійской морфологіи допускаетъ нѣкоторыя уклоненія; но число ихъ очень незначительно въ сравненіи съ массою образованій нормальнаго типа.

Во многихъ случаяхъ наука не успѣла еще дойти до первыхъ элементовъ слова, вслѣдствіе чего и происхожденіе многихъ аффиксовъ не разъяснено окончательно; однако аналогія заставляетъ предполагать прономинальное происхожденіе тѣхъ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ явныхъ примѣтъ противнаго.

Наконецъ должно замѣтить, что даже тѣ аффиксы, которые несомнѣнно произошли изъ корней объективныхъ (напр. суффиксы: греч. *αδης*, лат. *feh*, нѣм. *heit*, и т. п.), въ этой роли совершенно теряютъ прежнее свое значеніе, сокращаются въ звукахъ, обобщаются въ смыслѣ и такимъ образомъ нерѣдко совершенно примыкаютъ, какъ формой, такъ и значеніемъ, къ аффиксамъ прономинального происхожденія.

Добытый приведенными соображеніями результатъ о происхожденіи аффиксовъ изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней мѣстоименнаго значенія подтверждается фактами исторической грамматики всѣхъ Арійскихъ языковъ.

1. *Префиксы* Арійскихъ основъ и словъ, сохранившіеся цѣльнѣе суффиксовъ, возбуждаютъ мало сомнѣній относительно своего происхожденія.

Изъ всѣхъ обычныхъ Арійскихъ префиксовъ лишь одинъ авгментъ (Греч. *α*, Санскр. *а*) могъ-бы показаться несамостоятельнымъ словомъ. Однако и онъ удовлетворительно объясняется изъ мѣстоименнаго корня *а*, являшагося также въ видѣ предлога или нарѣчія ¹⁾. Что касается всѣхъ остальныхъ префиксовъ, то мѣстоименные ихъ корни не подлежатъ сомнѣнію. Шлейхеръ ²⁾ утверждаетъ даже, что большая часть префиксованныхъ глаголовъ представляетъ результатъ очень позднаго и слабаго сопоставленія (*Zusammenrückung*) двухъ самостоятельныхъ словъ (*а* не основъ или корней), изъ коихъ первое бываетъ обыкновенно окаменѣлостью извѣстной падежной формы, напр. въ *abs-tineo*, гдѣ *abs* есть застарѣлый родит. падежъ. Слабое сдѣяніе предложныхъ префиксовъ съ глаголами явствуетъ изъ того, что въ Греческомъ авгментъ нерѣдко вставляется въ средину такихъ соединеній: *ἐξ-έ-πεσον*.

Въ Славянщинѣ нѣтъ авгмента, но глаголы съ предложными префиксами представляютъ явленіе очень обычное. Самостоятельное

1) Schleicher, Compendium, 752 стр.

2) *ibid.* 348.

происхождение такихъ префиксовъ, какъ: въ, вън, възь, до, за, изъ, на, надъ, объ, отъ, по, подъ, при, про, прѣ, разъ, съ, не подлежитъ сомнѣнью, такъ какъ большая ихъ часть и теперь употребляются нерѣдко въ роли самостоятельныхъ словъ (предлоговъ); субъективное же значеніе лежащихъ въ основѣ этихъ префиксовъ корней доказывается какъ традиціоннымъ ихъ значеніемъ, такъ и звуковымъ сближеніемъ со многими обычными мѣстоименными корнями.

Гораздо труднѣе опредѣлить происхождение тѣхъ префиксовъ, которые, какъ выше показано, открываются въ составѣ нѣкоторыхъ простыхъ, на первый взглядъ, именныхъ темъ, напр. я-щерица, ко-нура, чу-мазы; но аналогія другихъ фактовъ языка заставляеть насъ предположить и здѣсь древніе прономинальные корни.

Изъ среды префиксовъ въ особую группу выдѣляются тѣ изъ нихъ, которые образовались путемъ *редупликаціи* корня. Это явленіе особенно часто встрѣчается въ языкахъ первобытныхъ, въ рѣчи дѣтей и дикарей, а также въ говорахъ народныхъ. Это самый легкій способъ усилить смыслъ корня, расширить его въ отношеніи пространственномъ либо временномъ, или наконецъ остановить на немъ особое вниманіе слушателя. Всего чаще встрѣчается *редупликація* въ образованіи основъ изъ корней звукоподражательныхъ:

кукушка, кукурику, перепелка, зевица, чечеть; бѣбѣть, хохотъ, глаголь, кламоль (колоколь), дудка; люлюкать, гагати (Чем. о гусяхъ), жужжать, сосать.

Тоже явленіе повторяется при звукоподражательныхъ корняхъ другихъ Аріійскихъ языковъ:

Лат. turtur, црира, tintinnabulum, susurrus; ululare, туртураре;
Греч. ταίταψ, δλολόζω, ἀλαλάω;
Нѣм. klingklang, wiggwar.

Есть однако не мало случаевъ удвоенія корней, не имѣющихъ звукоподражательнаго характера:

мама, папа, няня; ляля (Пол. кукла); пепель, прапоръ, хохоль, титька, напоротникъ.

Эти образованія параллельны слѣдующимъ иностраннымъ: Лат. me(r)por, pi(r)per, bibo, sisto; Франц. joujou, bonbon; πίκτω, ἕδωμι, γι(ν)γνώσκω, ἀραρίσκω и т. п.

Еще далѣе отъ звукоподражательныхъ—корни мѣстоименные; однако и тутъ встрѣчаемъ факты удвоенія: тотъ, сесь, какъ; ср. Лат. sese, memet.

Но особенно часто употреблялось удвоение, какъ морфологическій приемъ, при образованіи темъ прошедшаго времени, въ языкахъ: Санскр., Зенд., Греч., Лат. и Готскомъ, при чемъ первый членъ редупликаціи сильно сокращался, по требованіямъ эвфоніи: *tomordi*, *vrordni*, *tetigi*, *ripugî*; γέγραφα, δέδωκα, λέκασα и т. п.

Славянскому языку чуждъ былъ этотъ приемъ образованія прошедшаго; но есть доказательство, что не противорѣчитъ духу и Славянскаго языка обозначеніе посредствомъ редупликаціи явленій или дѣйствій, передвигаемыхъ какъ бы въ даль прошедшаго или будущаго времени, напр. пра-дѣдъ: пра-пра-дѣдъ; пра-внукъ: пра-пра-внукъ.

Главное отличіе префиксовъ, образованныхъ удвоеніемъ корня, отъ обычныхъ, заключается въ томъ, что мы встрѣчаемъ въ основаніи первыхъ корни главнымъ образомъ объективные (знаменательные), тогда какъ въ основѣ вторыхъ лежатъ, какъ мы видѣли, корни субъективные; сходство же тѣхъ и другихъ заключается не только въ мѣсторасположеніи обоихъ элементовъ темы (первый—формативный, второй же—матеріальный), но и въ значеніи или функціи каждаго изъ нихъ. Первый слогъ удвоеннаго корня является чистымъ аффиксомъ по своему значенію, такъ какъ онъ даетъ основному слогу лишь извѣстное логическое опредѣленіе (пространственное, временное, интенсивное и т. п.), не измѣняя матеріальной стороны его значенія. Вотъ почему на редупликацію необходимо смотрѣть, какъ на одинъ изъ видовъ образованія основъ посредствомъ префиксовъ.

II. Гораздо рѣже префиксовъ употребляются и труднѣе объясняются *инфиксы* Аріійскихъ основъ. Самый распространенный ихъ видъ представляетъ ринезація нѣкоторыхъ глагольныхъ корней въ темахъ настоящаго времени: *стс-ти*: садъ; *леш-ти* (лег-ти): лаг-ѣ; *обрѣс-ти*: об-раш-ѣ; *бзи-ти*: бѣ-д-ѣ.

Еще чаще встрѣчается это явленіе въ морфологіи языковъ классическихъ: *μα-ν-θ-άνω*, *λα-μ-β-άνω*; *ju-n-g-ε*, *γα-να-ρ-ε*.

Нѣ Санскритъ въ соответствующихъ формахъ нерѣдко встрѣчается слогъ: на, напр. *ju-na-k-ti* (*jungit*) ¹⁾ и т. п. Быть можетъ этотъ слогъ и соответствуетъ древнѣйшей формѣ Аріійскаго инфикса, мѣстоименнаго значенія (ср. онъ, насъ и т. п.).

1) Schleicher, Compend. 766.

Есть въ Славянскомъ языкѣ одинъ случай полного инфикса на (но) въ именной темѣ: мѣ-но-г-ъ. При сравненіи съ Лат. mag-ni-voка-зывается, что здѣсь — корень mag, расширенный аффиксомъ на. Послѣдній является инфиксомъ, кромѣ Славянскаго, и въ Готскомъ: ma-na-ga (нѣм. ma-n-ch). Въ виду одиночности примѣра (ср. впрочемъ Греч. βένθ-ος: βίδ-ος: τῶπ-ανον: τῶπ-τω) можно предположить здѣсь и позднѣйшую перестановку суффикса внутрь корня. Шлейхеръ ¹⁾ склоненъ такъ-же объяснять и всѣ вышеприведенныя явленія ринезаціи корней въ темахъ наст. времени, основываясь при этомъ какъ на несогласіи типа инфиксовъ съ господствующимъ морфологическимъ принципомъ Аріискихъ языковъ (корень+суффиксъ), такъ и на нѣкоторыхъ примѣрахъ, гдѣ инфиксамъ однихъ языковъ соотвѣтствуютъ суффиксы другихъ, напр. Санскритск. kī-ná-d-mi: Греч. κίδ-νῆ-μι. Нельзя однако считать это предположеніе доказаннымъ, такъ какъ въ послѣдняго рода примѣрахъ, даже будь ихъ много, столько же оснований считать переставленнымъ инфиксъ, какъ и суффиксъ; что же касается абсолютнаго несогласія формы инфиксовъ съ обычнымъ типомъ Аріискихъ темъ, то это еще вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ и въ обратномъ смыслѣ, если напр. форма инфиксовъ окажется, что очень вѣроятно, въ явленіяхъ динамическаго движенія кореннаго гласнаго, къ которымъ теперь переходимъ.

Въ Славянскомъ, какъ и въ другихъ Аріискихъ языкахъ, существуетъ цѣлый рядъ параллельныхъ формъ, различныхъ между собою единственно вокальнымъ элементомъ корня. Сравнивая между собою различныя гласныя этихъ параллельныхъ корней и основъ, мы замѣчаемъ между ними постоянное и правильное соотвѣтствіе, при чемъ наблюдается иногда различіе корней закрытыхъ и открытыхъ. Мѣняются вообще между собою слѣдующіе элементы:

- 1) ь: е, а; е: о; о: а;
- 2) ь: и; и: ѣ, ей, ай; ѣ: а;
- 3) ѣ: и, оу; и: оу; и: ѣв, ав; оу: ов, ав; ю: ѣв, ев; и, оу: ва;
- 4) а: ѣ.

---

1) Compend. 765.

Примѣры:

1. ь: е, а: рѣци: рѣкъ; мѣгъ: омегъ; мрѣкнѣти: мракъ; вртѣти: вратити;
 е: о: нести: взимосъ; везти: возъ; вести: воевода; тешти: токъ, патока; велѣти: волга; рѣшти: пророкъ; грести: гробъ;
 о: а: точъ: истачаѣ; клонити: поклонитиса;
2. ь: и: ѡстръ: писати; ѡлѣти: поминати; цвѣсти: процвѣтати; дърати: дѣра (или дърати: дѣра?);
 и: ѣ: ливнѣти: лѣвъ; вѣсти: вѣсъ; обидѣти: бѣда; вѣти: вѣтъць;
 и: ой, ай (въ основахъ открытыхъ): бити: бой; вѣти: по-вой; лити: лой; пѣти: помти, напалати; почити: покомти, оупокалати;
 ѣ: а: ѣсти: гадъ; сѣсти: садъ; рѣзати: образъ, разити; лѣсти: лазити; влѣшти: облакъ;
3. ь: зи, оу: сълати: посълати; осьпа: съпати; мѣшица: мѣуха; бѣдѣти: боудити; зѣвати: назѣвати; рѣдѣти: рѣждѣ, роуда; бѣчела: бѣжѣ, боучати; занѣкнѣти: мѣкнати;
 зи: оу: тѣти: тоукъ; дѣшати: доушити; привѣкнѣти: приоучати;
 зи: ѡв, ав: (въ основахъ открытыхъ): рѣти: рѣвъ; тѣти: отава; забѣти: забѣвень, забава;
 оу: ов, ав (въ основахъ открытыхъ): слоути: слово, слава; плоути: пловѣць, плавъ; коути: ковъ, ковачъ; троути: отровъ, отрава, трава; ср. сноути: основа; крѣти: кровъ;
 ю: ѡв, ев (idem): рюти: ревъ; плонѣти: плавати;
 зи, оу: ва (въ основахъ закрытыхъ): нѣкнѣти: нѣвасъ; хѣтити: хватъ; хоулити: хвала? ср. Хър-съ: Свар-огъ?
4. ѡ: ѡ: вазати: ѡзѣ; мати: мѣка; пати. пѣто; штадѣти: снѣдѣнь; трасти: трѣсъ; тагнѣти: тѣга.

Сравнительная фонетика Арийскихъ языковъ учитъ, что въ основѣ перваго (1) ряда параллельныхъ паръ лежитъ праарійскій звукъ **а**, въ основѣ втораго (2) **і**, а третьяго **у**; но такъ какъ въ Славянскомъ языкѣ не только чувство, но и память о древней роли названныхъ трехъ празвуковъ давно простыла, то нѣтъ основанія распространяться объ нихъ въ морфологii нашего языка. Важнѣе разсмотрѣть характеръ существующихъ въ Славянскомъ языкѣ и чувствуемыхъ повнѣ перегласовокъ, какъ одного изъ морфологическихъ средствъ языка.

Сравнивая вышеприведенныя пары формъ, мы замѣчаемъ, что второй членъ всюду представляется усиленіемъ или расши-

реніемъ перваго, какъ по звукамъ, такъ и по значенію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это усиленіе гласнаго звука корня представляется совершенно нагляднымъ и неоспоримымъ, въ замѣнѣ напр. гласныхъ глухихъ чистыми (ь: е; ѣ: и; ѣ: ѣ, оу), или простыхъ—дифтонгами (и: ѣ, ой, ай; ѣ: ѣ, оу, ов, ав, ва). Никто не станетъ оспаривать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ динамическимъ усиленіемъ гласнаго. Труднѣе доказать тѣмъ самоотношенію къ равносильнымъ на видъ парамъ звуковъ: е: о; о: а; ѣ: а; а: ж; однако аналогія перваго рода перегласовокъ вставляютъ насъ предположить, что и здѣсь вторые члены паръ представляютъ звукъ болѣе сильный въ сравненіи съ первыми. Въ этомъ насъ поддерживаетъ и болѣе вѣроятный смыслъ вторыхъ формъ, въ сравненіи съ первыми, заключающійся въ измѣненіи напр. глаголовъ непереходныхъ въ переходные (бѣдѣти: бѣдити; вѣстѣти: вѣстити; кѣсѣти: кѣсити; привѣстѣти: привѣстити; сѣсти: садити), или дательныхъ въ учащательные (лѣути: лѣвети; вѣсти: вѣдити; лѣсти: лѣсити), а также въ образованіи изъ глагольныхъ корней именныхъ темъ, при чемъ происходитъ сосредоточеніе зыбкаго дѣйствія или составнаго глагольнаго въ болѣе определенное и энергичное именное (напр. вѣсти: вѣведа; рѣшти: рѣрокъ; сѣршати: сѣррагъ; трасти: трѣлъ).

Такимъ образомъ морфологическое значеніе паръ: е: о; о: а; ѣ: а; а: ж ничуть не разнится отъ паръ: ѣ: е; и: ѣ,—т. е. гласные твердые о, ж являются, для субъективнаго чувства славянскаго языка, сильнѣе гласныхъ мягкихъ или небныхъ е, а; срединная же гласная а оказывается сильнѣе не только древняго дифтонга е (а+у), но и новаго ѣ (а+і). Быть можетъ такая сила этого звука въ данныхъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ здѣсь долгимъ (т. е. соединеніемъ а+а). Что же касается причины перевѣса дифтонга оу надъ ѣ, то она можетъ заключаться въ томъ, что одинъ изъ элементовъ послѣдняго есть небный (ѣ: ѣ+і), тогда какъ въ первомъ оба составные гласные были твердые (оу: а+у).

Какъ бы то ни было, изъ приведенныхъ соображеній слѣдуетъ, что образованіе многихъ основъ (особенно именныхъ) совершается въ Славянскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ Арійскихъ, посредствомъ динамическаго движенія или усиленія кореннаго гласнаго.

Въ какомъ же отношеніи находится этотъ способъ образованія основъ къ господствующему въ Арійскихъ языкахъ морфологическому приему ассимиляціи корней?

Сравнивая многія изъ вышеприведенныхъ параллельныхъ формъ

между собою, мы замѣчаемъ во вторыхъ членахъ парь родъ вставочнаго а. Всего нагляднѣе это видно въ звукосочетаніяхъ: ой, ай вм. и; ов, ав, ва вм. эи, оу. Формы напр. пом-ти, на-паати, благословити, прославляти, ивасъ, при сопоставленіи съ корнями: пи, слоу, изис, обличаютъ присутствіе въ себѣ вставочнаго а: пи: на-п-а-и-ати; слоу (хлѡ-ω): сл-а-в-ити; коус: ив-а-с-ъ, или его замѣнителя о: п-о-и-ти, сл-о-в-и-ти.

Тотъ же элементъ а можно открыть и въ формахъ: лѣп-ъ, боуд-ити, при сравненіи съ корнями: лии, бѣд, такъ какъ изъ Славянской фонетики извѣстно, что ѣ и оу были встарь дифтонгами, состоявшими изъ соединенія гласныхъ звуковъ: а+і; а+у. Ничего нѣтъ несообразнаго и въ томъ предположеніи, что въ общемъ замѣнителя звуковъ о и ѣ: а скрывалось двойное (долгое) а, при чемъ одно а представляло вставочный въ корень слогъ.

Если же допустить подобную вокальную вставку по отношенію ко всѣмъ исчисленнымъ темамъ, то нельзя считать изъятіемъ изъ общаго правила тѣ немногія основы, гдѣ нѣтъ столь явныхъ слѣдовъ вставочнаго а, напр. при усиленіяхъ: ь: е (а+і?); ь: и; е: о; а: ѡ.

Предположеніе о вставочномъ а въ темахъ, образованныхъ усиленіемъ кореннаго гласнаго, подтверждается еще тѣмъ явленіемъ, которое въ Санскритской грамматикѣ извѣстно подъ названіемъ: гуна и вриди. Оно состояло въ усиленіи исконныхъ гласныхъ а, і, у приставкою элемента а, одиночнаго или двойнаго, и играло въ Санскритѣ роль, аналогичную изложенному динамическому движенію гласныхъ въ Славянскомъ языкѣ.

Итакъ образованіе темъ посредствомъ усиленія кореннаго гласнаго есть родъ инфикса, аналогичнаго ринезаціи того же кореннаго гласнаго. Что же касается первоначальнаго значенія вставочнаго гласнаго а, то всего естественнѣе видѣть въ немъ тотъ указательный мѣстоименный корень, который появляется въ Санскр. и Греческомъ глаголахъ, въ видѣ префикса, называемаго авгментомъ (а, е).

III. Впрочемъ, если даже признать усиленіе гласныхъ за инфиксы и допустить такимъ образомъ этотъ способъ образованія основъ въ Арійскихъ языкахъ, а слѣд. и въ Славянскомъ, то все таки господствующимъ морфологическимъ принципомъ этихъ языковъ необходимо будемъ считать развитіе корней не префиксами или инфиксами, а—*суффиксами*. Это видно уже изъ того, что, хотя въ Арій-

скихъ языкахъ существуетъ много основъ, образованныхъ посредствомъ префиксовъ и инфиксовъ, однако существуетъ много и такихъ, которыя не имѣютъ ни того, ни другаго; между тѣмъ образованіе изъ темъ словъ совершается спеціально и исключительно посредствомъ суффиксовъ, такъ что не существуетъ въ этихъ языкахъ ни одного слова безъ явнаго или скрытаго суффикса.

Число элементовъ, которые фигурируютъ въ роли суффиксовъ, очень велико. Миклошичъ, посвятившій ученію объ образованіи основъ цѣлый (II-й) томъ своей „Сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ 1)“, насчиталъ въ нихъ до 185 суффиксовъ, которыми образованы именныя основы. Если-бы прибавить къ этому суффиксы темъ глагольныхъ, а также суффиксы словъ (т. е. показатели падежей, чиселъ, лицъ), то число этихъ элементовъ превысило-бы двѣ сотни. Конечно, въ этомъ числѣ находится множество повтореній однихъ и тѣхъ же элементовъ, въ разнообразныхъ взаимныхъ соединеніяхъ; если-бы выдѣлить изъ этой массы одни первичные и основныя элементы, то ихъ число едва-ли превзошло-бы четыре—пять дюжинъ.

Грамматическій анализъ Боппа и его учениковъ доказалъ, что въ суффиксахъ скрываются самостоятельныя первоначально корни, субъективнаго значенія. Такъ напр. личныя окончанія глаголовъ (ис-мь, ис(с)-си, ис-ть) почти совершенно совпадаютъ съ корнями личныхъ (иа, тѣ: ѿ) и указательнаго (тъ) мѣстоименій. Суффиксы наклоненій, напр. conjunct. а, optat. ja, i, infin. re(se), ti, находятся въ сродствѣ съ субъективными корнями: а, ja, sa, ta; суффиксы залоговъ (Лат. r=se; Слав. са) совпадаютъ съ корнемъ возвратнаго мѣстоименія; суффиксы времени произошли то отъ субъективнаго глагольнаго корня: ис (аз-ти; ср. Аор. Греч. α, Сл. съ, хъ; Futur. Греч. ω, Лат. ego, Слав. шъ), то отъ отвлеченныхъ же корней: бѣ (bhu, fu: Лат. bam, bo), дѣ (dhā, dh: Греч. Аор. Стрд.) и т. под.

Тоже въ именныхъ образованіяхъ. Какъ ни загадочно еще происхожденіе многихъ падежныхъ напр. формъ, однако связь ихъ съ мѣстоименными корнями (sa, ta, ma, na и др.) не оспаривается

---

1) Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Zweiter Band. Stammbildungslehre. Wien. 1875. XXI стр.

даже такими осторожными лингвистами, какъ Яковъ Гриммъ ¹⁾. Въ суффиксахъ же темъ, между которыми преобладаютъ элементы: т, к, н, м, в, й и др. нельзя не открыть сродства съ тѣми субъективными корнями, которые появляются въ мѣстоименіяхъ: то, нѣто, нашъ, мой, овъ, име и т. п.

Такимъ образомъ, подобно префиксамъ, Арійскіе суффиксы произошли отъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, субъективнаго значенія. Если же и встрѣчается нѣсколько суффиксовъ, производныхъ отъ корней объективныхъ, каковы напр. Греч. εἶς, εἶς, φόρος; Лат. fex, spex, dicitus, ficus; Нѣм. heit (haidus: образъ бытія), schaft (schaffen), thum (dōm: судъ, господство), bar (φέρω); Слав. ликъ (ср. нѣм. lich, gleich); то во 1. эти слоги въ роли суффиксовъ совершенно потеряли свой первоначальный объективный смыслъ, а 2. слова съ этими суффиксами представляютъ соединеніе двухъ не корней, а темъ, т. е. являются не простыми, а сложными словами.

Выше замѣчено, что при общемъ единствѣ происхожденія всѣхъ трехъ видовъ аффиксовъ (пре—ин—и суффиксовъ) есть однако довольно существенное между ними различіе по той роли, какую играютъ префиксы и инфиксы съ одной стороны, а суффиксы съ другой въ процессѣ образованія слова. Первые образуютъ изъ корней основы, а вторые (суффиксы) и основы, и слова. Слѣдов. роль суффиксовъ въ морфологій языка обширнѣе и разнообразнѣе роли префиксовъ и инфиксовъ. Оттого они заслуживаютъ и болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

По двоякой роли, какую играютъ суффиксы, они распадаются на два отдѣла: 1) на суффиксы основъ и 2) суффиксы словъ. Разсмотрѣніе первыхъ, подобно префиксамъ и инфиксамъ, относится ко второй части морфологій (ученію объ основахъ); послѣдніе же (суффиксы словъ) должны быть выдѣлены въ особый отдѣлъ: ученіе объ образованіи словъ.

Но для того, чтобы выдѣлить тѣ отъ другихъ, необходимо усло-

1) Deut. Gram. 1870 г. стр. 753.

виться въ томъ, что слѣдуетъ разумѣть подь *основой* (темою), а что подь *словомъ*?

При тѣсной органической связи всѣхъ фазъ развитія слова, трудно бываетъ съ математическою точностію опредѣлить моментъ, гдѣ корень становится основой, а та—словомъ. Въ смыслѣ морфологическомъ основа тѣмъ отличается отъ корня, что кромѣ послѣдняго она заключаетъ въ себѣ еще аффиксъ, т. е. формативный элементъ, произошедшій изъ осебаго (субъективнаго) корня; итакъ, если нормальный размѣръ корня составляетъ одинъ слогъ, то основа должна состоять по меньшей мѣрѣ изъ двухъ слоговъ. Слово же непременно имѣетъ въ своемъ составѣ кромѣ корня еще суффиксъ. Но по этому признаку иногда было-бы трудно отличить основу отъ слова, если напр. первая тоже образована посредствомъ суффикса,—явленіе, очень обычное въ морфологіи; слѣдов. необходимо иснать еще другаго признака для различенія основы отъ слова. Всего проще принять за такой признакъ мѣру развитія или степень реальности, достигнутую основой съ одной стороны, а словомъ съ другой. Существуетъ извѣстная аналогія въ отношеніяхъ корня къ основѣ, а послѣдней къ слову. Корень есть потенціальное зерно основы, какъ основа—слова. Основа есть нѣчто отвлеченное, неготовое, становящееся, утробное; слово же есть уже живой членъ живой рѣчи.

Аффиксъ основы можетъ стоять и въ срединѣ корня; но аффиксъ слова лишь въ концѣ его. Если въ образованіе извѣстной формы входитъ нѣсколько суффиксовъ, то всѣ они относятся къ основѣ, кромѣ послѣдняго. Такими являются въ именахъ суффиксы падежей и чиселъ, а въ глаголахъ—лицъ и чиселъ. Всѣ остальные суффиксы, какъ напр. суффиксы степеней сравненія въ именахъ, суффиксы видовъ, залоговъ, наклоненій и временъ въ глаголахъ, относятся къ образованію не словъ, а темъ, почему и могутъ быть названы тематическими, въ противоположность первымъ—лексическимъ. Суффиксы лексическіе называются иногда флексіями, хотя столь узкое пониманіе термина флексія не вполне согласно съ его значеніемъ въ приложеніи къ цѣлому классу (III) языковъ, по морфологической классификаціи В. Гумбольдта и его послѣдователей.

Болѣе подробное объясненіе различія основъ и словъ по ихъ внутреннему значенію относится къ симазіологическому отдѣлу грамматики. Для нашей цѣли достаточно пока установить различіе

суффиксовъ тематическихъ и лексическихъ, и оправдать отнесеніе тѣхъ и другихъ къ различнымъ (2-му и 3-му) отдѣламъ морфологіи.

Второй важный вопросъ синазіологіи, который необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи суффиксовъ, заключается въ различеніи частей рѣчи склоняемыхъ и спрягаемыхъ, или именъ (въ обширномъ смыслѣ) и глаголовъ. Это различеніе не исконно въ языкѣ. Былъ періодъ, когда не было ни именъ, ни глаголовъ, или когда они не дифференцировались еще. Это было въ доисторическую пору жизни языковъ нашей семьи—въ эпоху корпей. Китайскій языкъ и теперь не различаетъ въ словахъ категорій имени и глагола. Однако и въ этомъ эмбриологическомъ состояніи Праарійскаго языка лежали уже, безъ сомнѣнія, основанія для раздѣленія словъ на эти два отдѣла, такъ какъ иначе они не развились бы и впоследствии. Что касается психическихъ основаній, легшихъ въ основу этой дифференцировки формъ языка, то онѣ представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Предметы природы и силы жизни дѣйствовали и дѣйствуютъ на человѣческое сознаніе двоякимъ образомъ: либо своими качествами, являющимися въ пространствѣ, либо дѣйствіями, совершающимися во времени. Трудно сказать, какою стороною природа и жизнь раньше и сильнѣе дѣйствовали на человѣческую душу: формами ли и свойствами своихъ тѣлъ, или энергіей своихъ силъ,—отношеніями ли тѣлъ въ пространствѣ, или измѣненіями явленій во времени? Вслѣдствіе того вопросъ о первенствѣ имени или глагола является неразрѣшимымъ. Несомнѣнно только, что дуализмъ матеріи и силы, пространства и времени, долженъ былъ такъ или иначе отразиться на содержаніи и формахъ языка, что и выразилось въ различеніи именъ и глаголовъ, формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Конечно, на физико-психической почвѣ человѣческаго языка этотъ дуализмъ не могъ развиваться до контрастовъ столь непримиримыхъ, какъ въ метафизикѣ. Между именемъ и глаголомъ прошелъ цѣлый рядъ соединительныхъ звеньевъ: такими являются инфинитивы и причастія, соединяющія въ себѣ измѣненія по категоріямъ пространственнымъ (падежи) съ временными; затѣмъ общая именамъ и глаголамъ категорія чиселъ, и наконецъ цѣлый рядъ общихъ суффиксовъ (лъ, нь, нъ, ть и т. п.) тоже представляють родъ моста между двумя полярностями въ области словъ.

Однако, при всѣхъ этихъ взаимодѣйствіяхъ и сближеніяхъ двухъ грамматическихъ категорій, все таки рѣзкая черта отдѣляетъ, какъ

по значенію, такъ и по формѣ, имена отъ глаголовъ. Однимъ именамъ свойственно обозначеніе пространственныхъ отношеній суффиксами падежей; въ однихъ глаголахъ встрѣчаемъ выраженіе личныхъ отношеній дѣйствія или явленія, посредствомъ суффиксовъ лицъ.

Итакъ, формы падежей и лицъ: вотъ существенные принадлежности именъ и глаголовъ, склоненій и спряженій. Но кромѣ этого основнаго различія развился еще цѣлый рядъ другихъ, уже болѣе специальныхъ особенностей, ихъ отличающихъ. Такъ имена развили категорію степеней сравненія, родъ количественнаго измѣренія качествъ и свойствъ; другія отмѣтили особыми суффиксами величину или малость предметовъ, а также способъ нашего—презрительнаго или ласкательнаго—къ нимъ отношенія. Глаголы, въ свою очередь, развили категорію отношеній временныхъ, модальныхъ, видовыхъ и т. п. Средствами для выраженія этихъ различныхъ отношеній служатъ преимущественно суффиксы—какъ тематическіе, такъ и лексическіе.

На основаніи приведенныхъ соображеній ученіе о строеніи Славянскихъ суффиксовъ считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ изложить въ слѣдующихъ рубрикахъ:

1. суффиксы основъ	{	а) <i>именныхъ</i> ; б) <i>малюльныхъ</i> ;
2. суффиксы словъ	{	а) <i>склоняемыхъ</i> ; б) <i>спрягаемыхъ</i> .

I. О суффиксахъ *именныхъ основъ*.¹⁾

Такъ какъ суффиксы происходятъ изъ самостоятельныхъ корней, то нормальный размѣръ каждаго долженъ равняться одному слогу. Какъ же смотрѣть на многочисленные примѣры суффиксовъ о двухъ

---

¹⁾ Главнымъ пособіемъ при изложеніи этого отдѣла служилъ цитованный выше трудъ проф. Миклошича: *Stammbildungslehre*.

и болѣе слогахъ, таковы напр. Славянскіе суффиксы: атель, ьство и т. п. Очевидно, это должны быть комбинаціи нѣсколькихъ суффиксовъ, изъ которыхъ одинъ приставленъ непосредственно къ корню, а остальные—къ готовой уже темѣ. Перваго рода суффиксы прилично назвать первичными; а другіе—вторичными. Въ зависимости отъ того и основы распадаются на два отдѣла: первичныя и вторичныя.

Не всѣ комбинаціи суффиксовъ даннаго языка имѣютъ одинаковую сплоченность; но въ каждомъ языкѣ есть извѣстное число сочетаній очень частыхъ, привычныхъ, сросшихся такъ крѣпко, что чутью этого языка они представляются какъ-бы нераздѣльными. Такіе составные изъ нѣсколькихъ суффиксы будемъ называть, въ необходимыхъ случаяхъ, слитными, остальные же—сложными.

Суффиксы именныхъ основъ въ Славянскомъ языкѣ, по древнимъ его нормамъ, могутъ быть распределены въ восемь слѣдующихъ группъ:

1. Суффиксы съ гласными;
2. " " іотомъ и в;
3. " " плавными: и, н, л, р;
4. " " зубными: т, д;
5. " " гортанными: и, г, х;
6. " " свистящими: ц, з, с;
7. " " шипящими: ч, ж, ш;
8. " " губными: п, б.

Между группами 1 и 2 существуетъ довольно близкое сродство, по легкости переходовъ гласныхъ і, у въ согласныя й, в; столь же тѣсное отношеніе существуетъ между группами 5, 6, 7, такъ какъ свистящіе и шипящіе развились, большею частію, изъ гортанныхъ.

Суффиксы съ гласными.

На нихъ нужно смотрѣть, какъ на родъ разложенія древнихъ слоговыхъ суффиксовъ, предполагающихъ при гласномъ непремѣнно и элементъ согласный, хотя-бы то въ видѣ легкаго придыханія.

Довольно важную роль играютъ эти суффиксы въ образованіи темъ глагольныхъ (напр. тему съ характеромъ: а, ѣ, и, уа=ова); но и въ именахъ мы встрѣчаемъ ихъ нерѣдко въ чистомъ видѣ.

Такъ какъ въ Праарійскомъ языкѣ предполагается существованіе лишь трехъ гласныхъ пражуковъ: а, у, і, то и всѣ вокальные

суффиксы должны быть возводимы къ одному изъ этихъ звуковъ. Въ Славянскомъ языкѣ (по древнимъ нормамъ) находимъ, въ видѣ замѣнъ названныхъ гласныхъ, слѣдующіе вокальные суффиксы:

1. а: ъ, о, а;
2. у: ъ, џ;
3. і: ъ.

Такимъ образомъ суффиксъ а дифференцировался на три (ъ, о, а), при чемъ руководящимъ началомъ служила категорія рода (ъ: муж.; о: средн.; а: женск.); суффиксъ же у распался на два вида (ъ, џ), тоже не безъ вліянія категоріи рода (ъ: муж.; џ: жен.).

Самую обширную роль занялъ суффиксъ ъ. Онъ является главнымъ замѣнителемъ многочисленныхъ древнихъ основъ на а и большей части основъ на у. Въ первой роли онъ примыкаетъ къ суффиксу а и почти не отличенъ отъ суф. о; во второй же—сближается съ суф. џ. Гораздо ограниченіе роль втораго краткогласнаго элемента ъ, такъ какъ основъ съ суф. і всюду было очень немного.

Принимая этотъ видъ суффиксовъ (ъ, а, о; ъ, џ; ъ), мы избираемъ точкою отправленія при разсмотрѣніи именныхъ основъ форму именит. падежа. Можно бы, говоря теоретически, отправляться и отъ всякой другой падежной формы, такъ какъ всюду скрывается подъ нею одна и таже основа; но въ отношеніи практическомъ удобнѣе выдѣлять славянскія именные основы съ вокальными позвуками изъ формъ именит. падежа, гдѣ онѣ являются почти въ чистомъ видѣ, по обычномъ отпаденіи падежнаго суффикса с (sa). Что же касается темъ съ позвуками согласными (ен^о, ес, ер, ент и т. п.), то необходимо имѣть въ виду при ихъ возстановленіи и формы падежей косвенныхъ.

Съ другой стороны, при разсмотрѣніи именныхъ основъ съ вокальными суффиксами, нельзя терять изъ виду ихъ отношенія къ первоначальнымъ кореннымъ гласнымъ. Во множествѣ случаевъ мы замѣчаемъ въ нихъ усиленіе послѣднихъ, по разсмотрѣннымъ выше законамъ славянскаго подъема звуковъ. Если смотрѣть на этотъ подъемъ, какъ на родъ инфикса, то придется признать усиленные подъемомъ кореннаго гласнаго основы за первичныя. Вокальные суффиксы являются съѣсъ не первымъ, а вторымъ формативнымъ элементомъ, образуя такимъ образомъ родъ вторичныхъ, хотя очень древнихъ и прочныхъ основъ. Имѣя однако въ виду распространенность основъ съ инфиксомъ а (или съ усиленіемъ гласнаго элемента) и устано-

вившіяся привычки, мы будемъ условно называть ихъ корнями, а основы съ вокальными суффиксами—первичными.

Третье обстоятельство, которое имѣетъ значеніе при разсмотрѣніи вокальныхъ суффиксовъ, заключается въ томъ: къ какому корню (или древнѣйшей основѣ) они приставляются—открытому или закрытому? Явленія, происходящія въ первомъ случаѣ, сложнѣе тѣхъ, какія встрѣчаются во второмъ.

1. *Суффиксы*: ъ (а), а, о. Они могутъ приставляться къ корнямъ (праосновамъ) либо а) открытымъ, либо б) закрытымъ.

Если корень открытъ, то по приставкѣ къ нему вокального суффикса происходитъ зіяніе (*hiatus*), которое должно быть устранено тѣмъ, или другимъ способомъ. Это совершается либо обращеніемъ въ согласный послѣдняго гласнаго въ корнѣ, либо вставкою эвфоническаго согласнаго. Перваго рода явленіе мы замѣчаемъ въ большинствѣ случаевъ, гдѣ корень имѣетъ позвучное *и*, *оу*, усиленное инфиксомъ *а*:

и: бити: бой-ъ, бой-ъ, бой; гни-ти: гнои-ъ, гной-ъ, гной;

оу: плу-ти: плау-ъ, плав-ъ; троу-ти: трау-а, трав-а.

Отсутствіе ъ въ формахъ: бой, покой, гной не должно возбуждать въ насъ сомнѣній касательно суффикса этихъ формъ. Косвенные надежды показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основы, образованныя суффиксомъ *а* (ъ). Форма бойъ не встрѣчается въ памятникахъ Древнеславянскаго языка; однако она не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ его фонетикой, такъ какъ *й* (іотъ) есть звукъ согласный, слѣд. не только могъ, но и долженъ былъ имѣть послѣ себя гласный пазвукъ, подобно всѣмъ остальнымъ согласнымъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. *в*, въ вышеприведенныхъ случаяхъ) ничуть не отличны по силѣ своего согласнаго характера отъ іота. Причина опущенія этого ъ послѣ *й* могла быть двоякая: 1. ложный взглядъ не только Славянскихъ, но и другихъ древнихъ, а отчасти и новыхъ писателей на звукъ *й* (*j*), который, по своей близости къ гласному *и* (*i*), самъ казался гласнымъ, не будучи такимъ въ сущности; 2. общая слабость вокальныхъ пазвуковъ ъ, ь въ Древнеславянскомъ уже языкѣ, обнаруживающаяся въ частомъ ихъ опущеніи на письмѣ, особенно въ предложныхъ префиксахъ. Впослѣдствіи ъ, ь поотпадали въ пазвукахъ *и* при всѣхъ другихъ

согласныхъ; но это не даетъ права предполагать, будто и въ древнѣйшій періодъ Славянскаго языка они не имѣли самостоятельнаго звуковаго значенія. Тоже заключеніе позволительно сдѣлать о пазвукѣ ѣ и послѣ іота. Что же касается перехода кореннаго гласнаго и въ согласный й, и у въ в, то это принадлежитъ къ явленіямъ очень обычнымъ въ Славянской фонетикѣ: иду: найду; понимаю: поймаю; ср. повелит. цей, бей, лей (при суфф. и: коли, вели, носи); заоутра: завтра и т. п.

Другой способъ устраненія зіянія заключается во вставкѣ эвфоническихъ согласныхъ: й, в. Это происходитъ обыкновенно при позвучномъ элементѣ а, изрѣдка же и при позвучныхъ: и (ѣ), оу (ѡ):

- а) ба: Рус. красно-бай; ста: стай (mansio); ставъ;
- б) ли: приливъ; пи: пиво; дѣ: чародѣй; Рус. душегрѣя; припѣвъ;
- в) чоу: почоувъ (sensus); клювъ; строуга; рѣкомъга, гроборъга; ср. кѡй, вой (вѡй).

Въ послѣднихъ случаяхъ не всегда есть возможность отличить й, в эвфоническіе отъ этимологическихъ, а слѣд. суффиксъ ѣ (а, о) отъ суффиксовъ ја, ва, съ которыми мы встрѣтимся ниже. Единственную точку опоры могло-бы служить при этомъ отличное значеніе темъ первыхъ отъ вторыхъ. Но при слабой разработкѣ симазіологии Славянскихъ суффиксовъ и эта опора оказывается довольно шаткою. Въ сомнительныхъ случаяхъ гораздо надежнѣе считать элементы й, в этимологическими, чѣмъ эвфоническими, такъ какъ первые встрѣчаются гораздо чаще послѣднихъ. При томъ же въ наукѣ такъ часто злоупотребляли терминомъ „эвфонія“, что ко всѣмъ ея явленіямъ нужно относиться съ большимъ скептицизмомъ.

На переходѣ отъ корней открытыхъ къ закрытымъ нужно поставить тѣ, гдѣ послѣднимъ элементомъ является одинъ изъ плавныхъ: л, р. Миклошичъ принимаетъ эти л, р за гласные; но памятники Древнеславянскаго языка показываютъ, что вокальный элементъ корней съ плавными заключался не въ послѣднихъ, а въ звукахъ ѣ, ѡ, которые неизбѣжно появляются въ этихъ группахъ: вѡкъ, сѡрътъ. Несомнѣнно однако, что и плавные заключали въ себѣ столько самостоятельной силы, что роль гласныхъ (ѣ, ѡ) могла доходить при нихъ до минимальныхъ размѣровъ. Это открывается изъ того, что гласные при группахъ, закрытыхъ плавными, являются элементомъ чрезвычайно летучимъ и измѣнчивымъ. Они являются то съ одной, то съ другой стороны плавнаго: вал-ъ, вѡ-на, вѡ-га; глаголь; Чеш. plá-rol-áti (пылать); прапоръ. Перегласовка кореннаго гласнаго при плав-

ныхъ (какъ въ открытыхъ, такъ и въ закрытыхъ слогахъ) гораздо свободнѣе обычныхъ нормъ движенія гласныхъ звуковъ въ Славянскомъ. Мѣняются между собой не только звуки: ъ, ѣ, а, ѣ, но и звуки: а: ѣ; и: ѣ.

Напр. а) слеза (рус. слеза): слѣза (Серб. суза, Пол. łza); мрън-нѣ;
иранъ; обланъ: облѣкати;

б) памяти: пѣль; дѣра (изъ: дѣрати?) и дѣра (дѣрати?).

Но всѣ эти измѣненія гласнаго въ корнѣ нисколько не касаются суффикса, который сохраняетъ свой нормальный видъ: ъ, а, о: пе(л)пелъ; раздоръ; дѣра; тѣло. Последнее замѣчаніе относится ко всѣмъ другимъ закрытымъ корнямъ. Вокальные суффиксы ложатся непосредственно на конечные согласные, при чемъ различія встрѣчаются лишь въ способахъ измѣненія кореннаго гласнаго, при динамическомъ его движеніи.

Такъ напр. гласный а остается при этомъ безъ измѣненія: закладъ, западъ; страда; влада.

Гласный е то остается, то усиливается въ о:

а) Рус. отежъ, ожегъ; опека; щепя;

б) отокъ, отрокъ, стонъ; патока, тропа.

Нерѣдко корень и неизвѣстенъ въ первомъ, а лишь во второмъ видѣ: околъ, потопъ, богъ, слонъ и т. п.

Гласный и (ѣ) либо остается, либо переходитъ въ ѣ:

а) иигъ; тѣма;

б) лѣль, вѣсъ, бѣда.

Гласный ѣ (ѣ) то остается, то подымается въ оу, ва:

а) замѣнь, посылъ; пѣта, осьпа; сѣиръ, стѣидъ, лѣико;

б) сѣгоубъ, наоуна;

в) ивасъ, хватъ.

Гласный ѣ то остается, то переходитъ въ а:

а) обѣдъ, сѣдѣдъ, пастѣна;

б) садъ, образъ.

Гласный а либо остается, либо переходитъ въ я:

а) пласъ; присага; масо;

б) сѣпрѣгъ, ѣзъ; тѣга, мѣна.

Нерѣдко извѣстенъ лишь второй видъ (съ: я) корня, а не первый (съ: а): дѣбъ, мѣсъ, пѣкъ; дѣга, гѣба.

Этимъ исчерпывается число возможныхъ метаморфозъ Славянскихъ корней, при образованіи изъ нихъ основъ суффиксомъ а (ѣ, а, о). Но этотъ суффиксъ можетъ присоединяться, какъ характеръ темы,

не только къ корнямъ, или къ основамъ столь архаичнымъ, какъ образованныя подъемомъ, но и къ темамъ вторичнымъ, а даже и къ готовымъ словамъ, которыя въ этомъ случаѣ обратно метаморфозуются въ родъ темъ, новѣйшаго третичнаго образованія.

Всего чаще образованы суффиксомъ а (ъ, а, о) вторичныя именныя основы изъ темъ *маюльныхъ*, которые въ свою очередь развились изъ корней посредствомъ глагольныхъ суффиксовъ: и, ѣ, а, у. Такъ напр. отъ корня слоу, съ подъемомъ: слав, произошла глагольная тема съ суффиксомъ и: слави-ти. Эта глагольная тема можетъ лечь въ основу дальнѣйшимъ образованіямъ, между прочимъ чрезъ посредство суффикса а (ъ, а, о). Такимъ образомъ изъ первичной глагольной темы: слави можемъ получить вторичную именную: слави-ъ. Произошедшее отъ этого соединенія зіяніе устраняется вставочнымъ й: слави-й-ъ; по отпущеніи же конечнаго краткогласнаго получаемъ форму слави. Аналогичнымъ образомъ изъ первичныхъ темъ: вари(ти), сѣди(ти) получимъ вторичныя: поварий (соquus), сѣдмиа.

Мы видимъ, что между гласными первой темы (и) и второй (а) появляется тутъ эфоническій согласный й. Этотъ послѣдній элементъ, согласно фонетическимъ нормамъ Славянскаго языка, можетъ воздѣйствовать на предшествующіе ему позвучные согласные глагольной темы, претворяя ихъ, и даже сливаясь съ ними въ одинъ дифтонгъ, путемъ ассимиляціи. Такъ отъ темы: гради(ти) суффиксомъ а образована форма: гради-ъ=гради-й-ъ=градъ (stabulum); изъ води(ти): вождъ; вѣли(ти): вѣль; нѣди(ти): нѣмда; граби(ти): грабли; кропи(ти): кропла; коупи(ти): коупла, и Русскія формы: пригожь, неучъ, простокваша, сажа, порча, ловля и т. п.

Впрочемъ нерѣдко зіяніе устранялось въ подобныхъ случаяхъ не вставкой іота, а наоборотъ опущеніемъ глагольнаго суффикса и; такъ изъ темъ: оудари(ти), дѣли(ти) и пр. образовались именныя основы: оударь, прѣдѣль, оукорь, въпросъ; побѣда, прѣграда, разлѣка; Русскія: удавъ, ознобъ, поварь; ѣзда, смута, потѣка.

Послѣдній видъ вторичныхъ темъ, съ суффиксомъ а (ъ, а, о) не всегда легко отличить отъ первичныхъ именныхъ темъ съ тѣмъ же суффиксомъ. Единственною опорой можетъ служить смыслъ этихъ формъ, показывающій, что онѣ прошли чрезъ глагольную среду, ставъ по значенію: *nomen agentis, actio, actum*.

При глагольныхъ темахъ на ѣ и оу вторичный суффиксъ ѣ (а) встрѣчается гораздо рѣже. Миклошичъ приводитъ для первыхъ Сло-

винскую форму: bogatěj (homo dives). Изъ глагольной же темы на оу произошли вторичныя темы: поцѣлуй; Малорус. будова (aedificium) и н. др. Наконецъ изъ темъ на а образовались вторичныя основы: величай (Ц.-Сл. superbia); Рус. коровай, нагоняй, растегай, попросай; разгуль, ласка и н. др.

Еще болѣе новую формацию представляютъ именныя темы, образованныя суффиксомъ а (ъ, а, о) изъ готовыхъ *именныхъ* же темъ, преимущественно сложныхъ, въ родѣ слѣдующихъ: богъ: небогъ, оубогъ; носъ: крѣносъ (крѣноносъ, ῥινόκερος); чадо: братоучады; рѣка: бѣлорѣка; честь: зѣлочѣсть.

Къ этого же рода новобразованіямъ принадлежатъ формы: Марко, Михайло; Кирила, карла и т. под.

2. Выше сказано, что суффиксъ ѣ соответствуетъ не только суффиксу а, но и суффиксу у другихъ языковъ. Давно уже впрочемъ Славянскій языкъ забылъ это двойное этимологическое происхожденіе суффикса ѣ. Оттого темы на у почти не отличаются въ склоненіи отъ темъ на а. Лишь въ немногихъ словахъ и формахъ сохранился слѣдъ губнаго ѣ(у), напр. въ формахъ: дат. ед. на ови, имен. мн. ове, род. мн. овѣ; въ окончаніи оу въ род., зват. и предл. ед., темъ-а.

Что касается словъ съ тематическимъ ѣ=у, то самыми обычными и вѣроятными образованіями этого типа были слѣдующія: дощѣ, медь, полъ (latus), кратъ, садъ (planta); вошь, врѣхъ, даръ, миръ, чинъ, станъ, сѣнь, вѣнь (fogas) брѣзь и н. др.

Впослѣдствіи темы у и а совершенно перепутались. Первая распространилась насчетъ другихъ въ род. ед. (оу) и род. мн. (овѣ); но вытѣснена изъ всѣхъ другихъ формъ.

3. Въ родствѣ съ суффиксомъ ѣ=у былъ тотъ Древнеславянскій суффиксъ, который выражался въ именит. падежѣ дифтонгомъ ки (ъ+и), а въ падежахъ косвенныхъ—слогомъ ѣв: любѣи,—ѣве; боукѣи, црѣкѣи, тѣикѣи, смокѣи, нелодѣи, катрѣи, свекрѣи; Хорут. кгі (крѣвь).

Уже въ Древнеслав. языкѣ согласный элементъ этого суффикса нерѣдко проникалъ и въ именит. падежъ, прикрываясь вторичнымъ гласнымъ суфф. ѣ или а: брѣвь, крѣвь; любовь; ср. лихва; котва.

Въ нарѣчіяхъ Новославянскихъ суффиксы ѣв и овѣ, въ почти совершенно смѣшались: такъ напр. въ Русскомъ, вм. црѣкѣи, тѣикѣи и т. п. мы постоянно встрѣчаемъ формы: церковь, тыква; свекровь, буква и т. п. Это явленіе можно объяснить дѣйствіемъ аналогіи болѣе частыхъ

темъ а и і на темы у (х), подобно тому, какъ это выразилось и въ совпаденіи основъ съ двумя разнородными ъ-ами (ъ=а; ъ=у).

4. Третій первичный гласный, играющій, на-ряду съ а, у, самостоятельную роль въ образованіи именныхъ темъ есть—и (і). Въ темахъ именит. падежа онъ является обыкновенно въ сокращеніи—ь. Не всѣ однако темы, имѣющія въ нашемъ письмѣ ь въ имен. пад., образованы суффиксомъ і, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя сохраняли, отчасти же и теперь сохраняютъ это і во всѣхъ изгибахъ слова по склоненіямъ. Такъ напр. слово кость имѣетъ форму: кости въ 4 падежахъ ед. ч., 3 множ. и 3 дв. ч., т. е. въ большей половинѣ падежныхъ формъ. Въ остальныхъ формахъ вм. і появляются то ь, то е, естественные и обычные замѣнители перваго. Совершенно другой характеръ имѣетъ ь въ словахъ напр. мѣжь, конь. Оно подлежитъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и суф. ъ: мѣма, коня,—оу,—ю и т. д. Изъ этого видно, что въ темахъ послѣдняго рода скрывается суффиксъ не и (і), а йъ (ја), съ которымъ мы еще встрѣтимся впоследствии.

Теперь же займемся суффиксомъ ъ=и (і). Подобно суффиксу а, онъ можетъ образовать темы первичныя и вторичныя, муж. и жен. рода. Къ числу первичныхъ темъ муж. рода относятся слѣдующія: боль (homo aegrotus), навъ (mortuus), звѣрь, рысь, медвѣдь, чрьвь, пѣть, гладь (fames) и н. др.

Но болѣе средства имѣлъ этотъ суффиксъ къ женскому роду, въ который перешли даже нѣкоторыя изъ мужескихъ темъ, напр. пѣть, рысь. Тѣ же темы, которыя не измѣнили своего рода, сблизьсь потомъ на аналогію основъ а (ја), напр. Русск. медвѣдя, звѣря. Образцами женскихъ первичныхъ основъ съ суффиксомъ ъ=і могутъ служить слѣдующія: гразь, снѣдь, лъжь, мочь, рѣзь, ось, сѣпь, зобъ, похоть и т. п.

Какъ суффиксъ вторичный, является ь въ формахъ: чадѣ: чадъ; дѣта: дѣть; долъ: ѡдолъ; лѣнь: лѣнь; тврьдъ: тврьдъ; Рус. пробѣль, просѣдъ и т. п.

Разсмотрѣвъ суффиксы вокальные, перехожу къ согласнымъ. И въ нихъ мы встрѣтимъ конечно одинъ изъ обычныхъ Славянскихъ гласныхъ, такъ какъ безъ гласнаго не существовало ни одного настоящаго суффикса; но главнымъ носителемъ функціи и характеристикой этихъ суффиксовъ являются вторые—согласные элементы.

Суффиксы съ небнымъ придыхательнымъ ѣ (іотъ).

Мы встрѣчались уже съ ѣ въ суффиксахъ вокальныхъ; но тамъ онъ былъ (предположительно) эфонического происхожденія и не на немъ опиралась этимологическая сила суффикса.

Самый обычный видъ суффиксовъ съ іотомъ есть слогъ: **ѣ** (ja) для муж. рода, **ѣо** (ю) для среднего и **ѣа** (па) для женскаго. Приставляясь къ замкнутымъ корнямъ или темамъ, этотъ слогъ большею частію подвергается нѣкоторому видоизмѣненію: согласный его элементъ (іотъ) сближается съ предшествующимъ согласнымъ, воздѣйствуя на него ассимилирующимъ образомъ; гласный же звукъ ѣ (о), подъ вліяніемъ предшествующихъ небныхъ элементовъ, самъ переходитъ въ небную среду (ѣ=ъ; о=е). Исключеніе составляетъ женскій родъ, гдѣ гласный а (вѣроятно долгій) упорно сохраняется, вслѣдствіе болѣе срединнаго своего положенія, а потому и устойчивости какъ въ твердыхъ, такъ и въ мягкихъ слогахъ.

Суффиксъ **ѣ**, обратившись въ **ѣ**, сближается съ суффиксомъ **ь** (і); однако между ними существуетъ важное различіе, состоящее какъ въ видоизмѣненіяхъ по падежамъ (1) им. **ь** (і), род. и; 2) имен. **ь** (**ѣ**), Род. **па** и т. д.), такъ и въ характерѣ позвучныхъ согласныхъ корня, мало измѣняемыхъ при суффиксѣ **ь** (і), но совершенно преобразуемыхъ при суффиксѣ **ѣ** (ja). Это преобразование происходитъ по общимъ законамъ ассимиляціи сосѣднихъ согласныхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

л, р+**ѣ**=ль, рь: хиль, срьдоболь (cognatus); сльрь (adversarius); вепрь;

б, п, в, м+**ѣ**=б, п, в, м+ль: добль, доупль (cavus), дравль;

д, т+**ѣ**=ндь, шть: рьндь, вѣндь, дѣндь; брошь (purpura), плашь, блюшь;

г, н+**ѣ**=жь, чь (ць): лжь (mendax), лоучь, кличь; ниць (pronus);

з, с+**ѣ**=жь, шь: гьжь (insectum); жь (funiculus); пѣшь;

ск, ст+**ѣ**=шь: пашть (плеск-ѣ: tumultus), хрьшь, прьшь.

Тѣже звуковые переходы происходятъ при образованіи суффиксами **ѣо** и **ѣа** именныхъ темъ среднего и женскаго рода. Вся разница состоитъ въ томъ, что гласный о самъ смягчается при этомъ въ небный е; звукъ же а остается безъ измѣненій. Такъ напр.

л, р+**ѣо**, **ѣа**=лю, рю (я: ре); лга; рга: полю, морю (я: море); срьдоболга, тьлга, постелга, пьрга, зорга;

б, п, в, м+**ѣо**, **ѣа**=б, п, в, м+лю, лга: наплга, землга, греблга;

д, т+йо, йа=жде, ште; жда, шта: вѣште, вѣшште (humerus);
 рѣжда, стоужда, одежда, невѣжда, пишта;
 г, к+йо, йа=же, че; жа, ча: ложе, гѣжа, велъножа, сѣча, тѣча;
 з, с(х)+йо, йа=же, ше; жа, ша: жме (catena), соуша, душа.

Кромѣ темъ первичныхъ, суффиксъ йъ (ja) появляется нерѣдко и въ образованіи вторичныхъ основъ. При этомъ съ позвучнымъ согласнымъ первичной темы происходятъ тѣ же измѣненія, какія сей часъ были указаны. Такъ образованы изъ: без оума: безоумль; штоудъ: штоуждъ; сласть: слашть (jucundus); вѣсть: вѣшть (peritus).

Всего чаще употребляется этотъ суффиксъ, какъ вторичный, при образованіи прилагательныхъ притяжательныхъ: орьль: орьль; овьнь: овьнь; мати: матерь; Царь-градъ; Ярославль, Аврамль, медвѣждъ, ослашть, кѣмажь, пѣтичь, жрѣчь.

Въ послѣдняго рода вторичныхъ темахъ суффиксъ йа (йъ, йо, йа) легъ на первичные суффиксы: ъ, ѣ, ер, ент, аз и т. п., образовавъ такимъ образомъ суф. сложные. Между составными ихъ частями нѣтъ однако столь тѣсной и органической связи, чтобы для чувства языка суффиксы эти казались цѣльными и нераздѣльными, выражая вмѣстѣ особую, однообразную функцію. Есть однако цѣльный рядъ сложныхъ съ элементомъ йа суффиксовъ, представляющихъ такую плотность состава и единство значенія. Это слитные суффиксы: айа, ийа, ейа, ойа, уйа, т. е. сочетанія суффиксовъ а, и, е, о, у съ суф. йа (йъ, йо, йа). Образованныя этимъ путемъ основы нерѣдко совпадаютъ по внѣшнему виду съ разсмотрѣнными выше вторичными именными темами, образованными изъ глагольныхъ на и, ѣ, а, у, посредствомъ суффикса а (ъ, о, а), при чемъ получались иногда слоги: ий, ѣй, ай, уй; иа и т. п. Такіе же слоги, по сокращеніи гласнаго а (ъ, о, а), получаютъ нерѣдко и во второмъ случаѣ. Вся разница заключается въ томъ, что въ первомъ ряду суффиксовъ йъ есть эвфоническаго, а во второмъ—этимологическаго происхожденія, что отражается на значеніи тѣхъ и другихъ. Это различіе значеній не столь однако рѣзко, чтобы всегда безошибочно можно было отличить перваго рода суффиксы отъ вторыхъ. Миклошичъ принимаетъ напр. въ словѣ: коровай суффиксъ: а+ъ; но что мѣшаетъ принять за таковой а+йъ? Форма ладия фигурируетъ у него сначала въ ряду темъ и+ъ (ст. 43); а потомъ въ ряду основъ и+йъ (стр. 70), хотя оба раза сдѣлана оговорка о неясности этой темы. Разсматривая примѣры, приведенные Миклошичемъ въ ряду вторичныхъ темъ съ а (ъ, о, а), а потомъ темъ

съ *йа* (ъ, о, а), мы замѣчаемъ, что, въ случаяхъ звуковаго совпаденія, къ первымъ отнесены авторомъ образованія болѣе ясныя, а ко вторымъ болѣе темныя: мѣрило довольно субъективное и ненадежное! По нашему мнѣнію, выраженному уже выше, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ благоразумнѣе находить суффиксъ съ *й* этимологическимъ, чѣмъ эвфоническимъ.

Изъ вторичныхъ слитныхъ суффиксовъ съ *йа* (ъ, о, а) всего чаще употребляется его сочетаніе съ предшествующимъ *и*: *иѣ—ий*; *иѣ*, *иѣа*:

- а) *иравий*, *иръбий*, *иравий*, *нетий*, *балий* (*magus*), *виночръпий*; ср. Рус. *кравчій*, *ловчій*, *чирей*, *улей*, *дуралей*;
- б) *зелиѣ*, *бзѣлиѣ*, *съметѣ*, *лглиѣ*, *рождѣ*, *заоутриѣ*, *орѣдѣ*, *подроужѣ*; *оунзинѣ*, *житѣ*, *бзѣтитѣ*; ср. Русс. *острее*, *бабье*, *сырье*, *поморье*;
- в) *вѣтиѣ*, *брат(р)иѣ*; *гостиѣ*, *свиниѣ*, *ладвиѣ*, *ладиѣ*; ср. Рус. Россія, *игуменья*.

Есть затѣмъ цѣлый рядъ прилагательныхъ притяжательныхъ, образованныхъ этимъ слитнымъ суффиксомъ: *бабий*, *божий*, *козий* и т. п. Онѣ примыкаютъ къ аналогичнымъ образованіямъ суффиксомъ *а* (ъ, о, а) + *йа*: *пѣтиѣ*: *пѣтичій*; *жръчѣ*: *жръчій*. Въ послѣднихъ примѣрахъ мы имѣемъ предъ собою редуцированный суффиксъ: *йа* + *йа* (*ја*). Второй его элементъ есть мѣстоименіе *и* (*ме*), въ формѣ готоваго слова. Слѣд. прилагательныя эти суть уже образованія сложные.

Гораздо рѣже встрѣчаются сочетанія суффикса *йа* съ другими гласными напр. *е*, *о*, *у*:

- а) Хорут. *volej(bos)*, *kumej(campater)*, *malej(puer)*; Серб. *гледеја*; Рус. *ищѣя*, *жнея*, *толчѣя*;
- б) Серб. *Драгоје*, *Милоје*, *Радоје*; Пол. *dziewoja*;
- в) Ц.-Сл. *волоуй* (*воловій*), *крагоуй*; чешоум; Пол. *piechluj* (*замарашка*); Рус. *валуй* (*разиня*).

Суффиксы съ губнымъ придыхательнымъ в (v).

Нѣкоторую аналогію съ суффиксомъ *йа* представляетъ суф. *ва* (*ва*). Какъ первый, такъ и второй приближаются своими согласными элементами къ гласнымъ (*й*: *и* = *у*); оба являются кой-гдѣ эвфоническими вставками, для устраненія зіянія.

Суффиксъ *въ* (*во*, *ва*) довольно рѣдко встрѣчается въ темахъ

первичныхъ, но очень часто во вторичныхъ. Къ числу образованій первичныхъ можно отнести слѣдующія:

1. въ: влхвъ? ¹⁾ трѣзвъ?

во: стръво (или: стръво?);

ва: гъва, лихва; ср. Рус. листва, дресва, лягва, куропатва, драхва, ночва.

Последній видъ этого суффикса совпадаетъ съ вышеупомянутымъ видоизмѣненіемъ суффикса џ: џва. Очень правдоподобно, что формы: лягва (лягушка), патва, ночва, развились изъ: лагъы, пѣтъы, нѣштъы, какъ смокъы, тѣкъы.

Въ темахъ вторичныхъ въ (во, ва) появляется обыкновенно въ составѣ слитныхъ суффиксовъ: авъ; овъ; ивъ.

Примѣры:

2. авъ: рѣнавъ, лѣнавъ, нрѣнавъ;

ава: дѣбрава, гѣштѣва, понгѣва; Рус. мурава. Ср. Русс. суфф. лѣвъ: вертлѣвъ, костлѣвъ;

3. овъ: соуровъ, галовъ, дѣбовъ, адамовъ; гановъ, слановъ, таковъ;

4. ивъ: мѣсливъ (intelligens), завидивъ; Рус. игривъ, лживъ, служивый;

иво: вариво, прадиво, кладиво (malleus); Рус. кресиво, топливо, жививо, огниво. Иногда вм. иво—ево: куроиво, марево, зарево, кружево;

ива: кропива; татива. Ср. Рус. суфф. ливъ: бодливъ, пискливъ, пѣхотливъ.

Въ двухъ случаяхъ (при суфф. авъ, ивъ) мы встрѣчаемъ въ Русскомъ параллельныя Ц.-Славянскія формы, съ участіемъ элемента л: лѣвъ, ливъ. Трудно рѣшить, произошелъ ли этотъ приставочный звукъ этимологически, какъ новый суффиксъ, родственнѣйшій причастному лѣ, или фонетически, посредствомъ замѣны эвфоническаго юта, какъ это обычно происходитъ при согласныхъ губныхъ.

Суффиксы съ носовыми м, н.

Согласный м очень обыченъ въ Славянскихъ суффиксахъ, какъ въ простомъ, такъ и въ слитномъ видѣ, особенно въ сочетаніи съ родственнѣйшимъ звукомъ н (мъи, ма, мень). Наряду съ другими плавны-

1) Вопросительный знакъ при известной формѣ показываетъ, что она не вполне ясна.

ми (кромиѣ р), онѣ всего чаще встрѣчается въ образованіи причастныхъ основъ (какъ Греч. μενος).

Къ первичнымъ темамъ, образованнымъ суффиксомъ мѣ (мо, ма), принадлежатъ слѣдующія:

1. мѣ: дѣмѣ, оумѣ (indumentum), оумѣ?, глюумѣ?; мо: рамо, оумо; ма: носма, слама, крѣма; Срб. струма.

Но большею частію этотъ суф. приставляется не къ корню, а къ темѣ, образованной уже вокальнымъ суффиксомъ: о, и, ѣ, какъ напр.

2. омѣ: ланомѣ, несомѣ, вѣсомѣ;

3. имѣ: лобимѣ, хвалимѣ; Рус. нелюдимѣ, родимый, вѣстимо; Срб. побратимѣ;

4. ѣмѣ, ѣма, ѣмо: писѣмо, бѣлѣмо, крѣчѣма? вѣдѣма.

Кромиѣ причастныхъ образованій, суф. мѣ, мо, ма употребителенъ въ образованіи нарѣчій направленія и образа дѣйствія, какъ напр.

мо: намѣ, тамѣ, сѣмѣ; амо: овамо, инамо, друугоамѣ, четверамѣ;

ма, ми (ѣма, ѣма): кольма, кольми; ѣлма, — ми; вельма, — ми; весьма; полѣма, бѣхѣма; тѣхѣма, — мо.

Возможно однако, что въ послѣднихъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло не съ темами, а со словами, т. е. что суффиксы ма, ми суть не тематическіе, а лексическіе, — быть можетъ формы творит. двойственного, или какія нибудь другія падежныя. Это какъ будто подтверждается русскими формами: кишѣма кишить, ливѣма льетъ; ср. двумя, тремя, четырьма.

Суффиксъ ма можетъ соединиться съ суф. на и образовать слитный суф. мана, который затѣмъ, сокращаясь и дифференцируясь, могъ принять одинъ изъ слѣдующихъ четырехъ видовъ: 1. манѣ; 2. мзи; 3. ма; 4. мѣнь.

5. манѣ: Русс. сукманѣ, дурманѣ, лихоманѣ, лиманѣ? Къ сожалѣнію, этотъ суф. встрѣчается столь рѣдко и въ словахъ столь неясныхъ этимологически, что трудно допустить его въ Славянскую морфологию иначе, какъ въ видѣ вопроса, допускающаго два противоположныя рѣшенія.

6. мзи, мен: камзи, — ене; пламзи;

7. ма: знама, чисма, тема, взѣма, има, плѣма, брѣма, врѣма;

8. мѣнь, мен: ремѣнь, стрѣмѣнь, кремѣнь; Рус. сухмѣнь, Ильмѣнь?

Ср. мно: гумно?

Изъ четырехъ параллельныхъ формъ всѣхъ ближе къ первоначальному виду этого слитнаго суффикса первая: *мана: манъ*. Вторая и третья формы представляютъ стяженіе того же суффикса, образовавшееся чрезъ отпаденіе позвучнаго гласнаго: *мана: ман*. Последний звукъ этой формы, по нелюбви Древнеславянскаго языка къ согласному пазвуку, слился съ предшествующимъ гласнымъ, который предварительно нѣсколько сократился и поблекъ т. е. *a=ъ, ъ*. Изъ слога *нъи* развился суф. *нъи*; изъ слога же *нъи*: *на*. Память объ общемъ происхожденіи того и другаго сохранилась въ однообразномъ ихъ видѣ въ большей части падежныхъ формъ: *наше, знаменъ*. Что касается наконецъ формы: *мень*, то она представляется образованіемъ вторичнымъ, расширеніемъ суффикса *мен* новымъ слогомъ: *нъ=ъ*. Въ Древнеславянскомъ эта форма изрѣдка появлялась, какъ параллельная формѣ на *нъи* (*нашъи: нашень; плакъи: пламень; врекъи: время*). Впослѣдствіи она совершенно вытѣснила ту и смѣнила ее во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Еще обширнѣе роль суффиксовъ съ зубнымъ носовымъ: *н*. Чуть ли даже это не есть самый распространенный согласный элементъ суффиксовъ. Единственными соперниками ему могутъ быть лишь суффиксы съ согласными *т* и *к*.

Согласный *н* соединяется въ суффиксахъ, отчасти первичныхъ, отчасти вторичныхъ, со всевозможными гласными, какъ слѣдующими за нимъ (*ъ, о, а; џи; ъ, и*), такъ и предшествующими ему (*а, о, у, џи, и, ѣ, ъ, е*), при чемъ нерѣдко присоединяется элементъ *нъ*, чрезъ что получается цѣлый рядъ разнообразныхъ видоизмѣненій этихъ суффиксовъ:

а) *нъ: но, на; нъи; нъ; ни; на, нига;*
 б) *анъ, анъ; онъ, онъ; унъ, унъ; џинъ, џини; инъ, ина; ѣнъ, ѣнъ, ѣно, ѣна, ѣнь; енъ, енъ* и т. п. Приводимъ по нѣскольку примѣровъ для каждаго изъ видовъ этихъ суффиксовъ:

1. *нъ: станъ, плънъ, дрънъ; данъ, вранъ, плънъ;*
но: соуно, оно, роно, зрно, лонъ, вѣно? вино? зѣно?
на: дсна, глина, храна, лоу(н)на, мѣна, слина, страна, весна, вл-на, рана, срѣна; цѣна? сосна?
2. *нъи: мрънъи; остегнъи (vestis).*
3. *нъ: днь, огнь; бранъ, длнь, сѣнь, стрнь, грамъ; Рус. данъ, дрнь, пристанъ. Этотъ суффиксъ очевидно родственъ причаственному на нъ: бранъ: бранъ; данъ: данъ; дракъ: дракъ (дрякъ).*

По звуковой формѣ не отличенъ отъ суффикса *нь* (*ни*) сложный съ элементомъ небнымъ суф. *н+йъ* (*пја*)=*нь*. Различіе ихъ можно усмотрѣть лишь изъ формъ косвенныхъ падежей, гдѣ *вм.* элемента *і* появляется а: *стнь*: *стни(нь=ни)*; *смиь*: *смига (нь=ийъ)* Гораздо чаще впрочемъ встрѣчается этотъ суф. въ формахъ женскаго рода, въ видѣ: *иѣа=иѣа*: *дѣгига* (*сiсатrіx*), *гдѣгига* (*сiбус*), *стѣгига* (*umbга*); ср. Русс. *брехня*, *долбня*, *квашня*, *пашня*, *кузня*; Пол. *реѣ-пня* (*vollmond*) и т. п. Сюда относятся и формы: *басгига*, *пѣсгига*, если предположить, что звукъ *с* здѣсь вставочный. Нерѣдко суф. *гига* ложится на основы, образованныя уже другими простыми или слитными суффиксами, чрезъ что получаютъ вторичныя и третичныя образованія, въ родѣ слѣдующихъ:

- альгига*: *наковальгига*; *съпальгига*;
- ильгига*: *бѣлильгига*; *свѣтильгига*;
- ельгига*: *модельгига*;
- аргига*: *овчаргига* (т. е. *ов-ъч-ар-гига*); Малорус. *писаргига*;
- отгига*: *бѣгот(ъ)гига*; *пискот(ъ)гига*;
- ушьгига*: *конюш(ъ)гига*;
- зшьгига*: *барыш(ъ)гига* (т. е. *богаръшьгига*);
- овьгига*: *волков(ъ)гига*, *солодов(ъ)гига*.

Тѣмъ же суффиксомъ образованы отъ числительныхъ формы: *двойгига*, *тройгига*, *четвергига*, *сотгига*.

Дальнѣйшее развитіе суффикса *ни* составляетъ сложный суф. *нига*: *ильнига*; *свиннига*. Ср. Рус. *унья*: *бѣгунья*, *говорунья*, *болтуня*.

4. *ань*: *балань*; *пигань*, *постогань*, *истоукань*, *барань?* *жоупань*, *братань*;
Рус. *брюхань*, *горлань*.
ана: *сметана*; *полгана*.
5. *ань*. Этотъ суф., какъ и *нь*, имѣетъ двойное происхожденіе:
а) изъ *ани*, б) *анйъ*:
а) *гртань*, *глань*; *рвань* (*lucta*); со вставочнымъ *з*: *азнь*:
богазнь, *пригазнь?*
б) Хорут. *vrtanj* (*spira*); *анга*: *копанга*; *Немаѣа?*
6. *онь*: *гомонь?*
7. *онь* (*онйъ*): *комонь?* Пол. *luboń* (*возлюбленный*):
онга: Рус. *тихонья*; Срб. *ждероѣа*, *дугоѣа*.
8. *оунь*: *бабуни* (*superstitio*)? *пероунь?* Рус. *бѣгунь*, *брехунь*, *крикунь*, *лизунь*, *опекунь*; *вьонь*, *в(ъ)рунь*;
9. *оунь* (*оунйъ*): Пол. *bratunio*, *Jasiunio*; *оунга*: Пол. *babunia*; ср. Рус. *унья*: *бѣгунья*, *говорунья*.

10. **ѡинъ**: пелѡинъ; ср. Пол. mѡyn.
11. **ѡини**, **ѡина**: богѡини, дроугѡини, опѡини, грѡѡини, господѡини; добрѡини, грѡдѡини, простѡини, сватѡини. Всѣ эти формы измѣняютъ въ послѣдствіи свое пѡзвучное и на *и*: **ѡина**. Впрочемъ въ Пол. и теперь удержались формы: *gospodyni*, *bogini* и т. п. Въ Рус. рядомъ съ формою **ѡня** (простѡня, богѡня) встрѣчаемъ **ѡнья**, **ѡнь**: спорѡнья, полѡнья, теплѡнья; ср. полѡнь.
12. **ѡинъ**: и(ъ)лѡинъ, блѡинъ (мѡлинъ?); ср. Рус. людинъ, воинъ, Русинъ, Гречинъ; женѡинъ, бабѡинъ, иудѡинъ и т. п. Этотъ суф. можетъ ложиться на другіе, образуя темы вторичныя и третичныя: Българѡинъ, бо(л)арѡинъ (барѡинъ), граждѡинъ, селяѡинъ, челяѡинъ, жидовѡинъ.
- ѡина**: пѡчина; лѡупина; долина, година, хѡѡина, ирѡина, лѡдина, маслина; бѡѡстрина, дроужина, истина, обѡѡщина. Со вставочнымъ (б. мож. эвфонически, какъ въ суффиксахъ **снѡ**, **знѡ**?) образуется суффиксъ: **ѡина**: главѡина, оуѡорѡина, лѡлѡина, т(ъ)рѡина? ср. отѡчина и отѡчѡина.
13. **ѡинъ**: дрѡвѡинъ, мѡчѡинъ, лѡнѡинъ; роу(д)ѡинъ? Это ѡ является здѣсь какъ будто неорганической замѣной звуковъ *ь*, *е*. Иногда же параллелью для ѡ является тутъ *а* (собственно *и*, т. е. $a+i=i+a$): напр. Рус. деревяннѡй, лѡннѡй. Сюда же относятся формы: **ѡманъ**, **ѡштанъ**, **пѡсчанъ**, гдѣ $a=i=ѡ$.
- ѡино**: полѡно, колѡно.
14. **ѡинъ**: остѡнъ, овѡнъ, видѡнъ; вѡрѡнъ, больнѡнъ, дивѡнъ, тѡчѡнъ, иѡчѡдѡнъ, иѡсконѡнъ. Сюда принадлежатъ и суффиксы въ названіяхъ мѡсяцевъ, напр. Хорут. brēzen, gruden, srpen, traven и пр. По-видимому изъ того же суф. ѡнъ произошелъ суф. **ѡинъ**, **ѡина**, **ѡино**: достѡинъ, покоѡинъ, таѡнъ, Рус. буйнѡй; ейнѡй. Отъ суф. **ѡинъ**, **ѡина**, **ѡино** онъ отличенъ краткостью, а потому и перегласовкою въ согласный звукъ (ѡ) элемента и.
- ѡино**: платѡно, брѡвѡно, пѡтѡно; ѡна, ѡина: гривѡна, война, таѡна; ср. кѡнаѡна, царевѡна. Подобно тому, какъ изъ суффикса **нѡ** образовались **снѡ**, **знѡ**, а изъ суф. **ѡина**—**ѡина**; такъ изъ ѡнъ развилось **ѡнъ**: любѡнъ. Хотя и въ вышеприведенныхъ формахъ суф. ѡнъ болѡшею частію вторичнѡй, но встрѣчаются еще болѡе сложныя его соче-

танія съ другими образовательными элементами, въ суффиксахъ напр. формъ: доуховьнь, сьмрьтельнь, гоубительнь; Русс. листовный, жаловальная и т. п.

15. **ьнь** (ь=і): Рус. сажень; Чеш. řízeň. Чаще происходитъ этотъ видъ суффикса отъ соединенія элементовъ: ьн+йъ: сьжнь (сартівус), ражнь, глѣжнь? отьнь, дѣднь; ближнь. Въ Русскомъ суффиксѣ ьнь правильно перешелъ въ енъ, въ Сербскомъ же въ аь: Рус. баловень, ливень, сидень, оборотень; селезень? Серб. сужаь.
16. **енъ**. Этотъ суффиксѣ тѣсно примыкаетъ къ суффиксу ьнь. Лишь устойчивость звука е въ первомъ, а шаткость ь-ря во второмъ, служитъ основаніемъ для различенія этихъ суффиксовъ. Примѣры: чръвень, студень, зеленъ;
 ено: врѣтено;
 ена: с(п)лѣзена?
17. **ень** (ь=і): юсемь? ср. Пол. kieszeń (карманъ);
 енъ (ь=йъ), енга: Рус. жменя.

Суффиксы съ язычными плавными: л, р.

Хотя оба эти звука развились въ Арійскомъ изъ одного общаго празвука, а по сходству своей артикуляціи, находятся въ очень близкомъ взаимномъ сродствѣ, что отражается и на близости функций образованныхъ ими суффиксовъ; однако, даже для Праславянскаго языка, необходимо принять ихъ раздвоеніе и значительную уже обособленность. Большую роль играетъ въ Славянщинѣ первый изъ двухъ элементовъ; однако и второй участвуетъ въ цѣломъ рядѣ образованій, хотя менѣе ясныхъ и прозрачныхъ.

Суффиксы съ плавнымъ л:

1. **лъ, ло, ла**. Существуетъ предположеніе, что суф. ло развился изъ слога: тра, являющагося въ суффиксахъ многихъ Арійскихъ языковъ (ср. trum, trov и т. п.). Основывается оно на нѣкоторыхъ формахъ сѣверозападныхъ Славянскихъ нарѣчій, гдѣ появляется согласная д: mydlo (мыло), sadlo (сало), а также на довольно обычномъ опущеніи коренныхъ д, т, предъ звукомъ л, въ юговосточной группѣ Славянскихъ нарѣчій: па(д)лъ; кра(д)лъ; цвѣ(т)лъ, ме(т)лъ и

т. п. Это предположеніе не лишено вѣроятности, но не можетъ пока считаться доказаннымъ; такъ какъ возможно допустить и вставку зубнаго звука въ сѣверозападныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, для чего существуетъ аналогія въ формахъ: островъ, страмъ, Чеш. střibro и т. п., гдѣ зубной звукъ вставленъ въ группу предъ плавнымъ. Съ другой стороны не мало есть случаевъ, гдѣ при суф. ло нѣтъ зубнаго д не только въ юговосточныхъ, но и въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, напр. въ формахъ: дѣло (Пол. działo, Чеш. dílo), село, стебло (Пол. źdźbło, Чеш. stblo); ср. буѣ, гниѣ и т. п. Что звукосочетаніе дло не совершенно чуждо и юговосточнымъ нарѣчіямъ, и слѣд. могло-бы удержаться хоть отчасти въ разсматриваемыхъ суффиксахъ, видно изъ слова: сѣдло, существующаго въ этой формѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Итакъ возможно производить не только суф. ло изъ дло, но и наоборотъ: дло изъ ло. Рѣшеніе этого спорнаго вопроса должно предоставить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь же мы ограничимся приведеніемъ образцовъ употребленія суффиксовъ ль, ла, ло. Всего чаще встрѣчается этотъ суффиксъ въ образованіи одной изъ Славянскихъ причастныхъ формъ: бзиль, —о, —а; гнилъ, изилъ, поухль. Въ сродствѣ съ этими причастіями находятся прилагательныя: жтль, кржгль, свѣтль, бѣль? подль? и существительныя: жзль, оудѣль; било (tintinnabulum), дѣло, грѣло, крзіло, рзіло, сало, тѣло; начало, жало, масло, весло, число, сѣдло, стѣбло; ср. Рус. дуло, гирло (о=i: малоруссизмъ), тягло, русло? кресла (ср. чрѣсла)? мыгла, мила, скула, игла? стрѣла, вила (русалка).

2. ль: лѣторосль; глѣсь, глѣли; ср. Рус. убыль, вдосталь.

Этотъ, по-видимому, суффиксъ лежитъ въ основаніи неясныхъ адвербіальныхъ формъ: отъколѣ, доселѣ, николи; ср. Рус. отколѣ, откулѣ, откелѣ; Малорус. витки(лѣ). Кромѣ суф. ль=лм встрѣчается однозвучный съ нимъ, но отличный суффиксъ ль=лмъ (lja): сребродѣль, кашль; жгль; таль? Къ послѣднему суф. относится однородный женскій на лм: недѣла, дрѣводѣла; ср. Рус. петля, сопля, тесья и т. п.

3. аль: Рус. дать д(ь)рала; Пол. kawał;

ала: Рус. объѣдала, запѣвала, шагала, Чеш. žízela (на-сѣкомое).

- адо: чрыцало, млепало, (е)радо, зрыцало; Рус. мѣняло.
4. аль (алѣ): сональ; Рус. коваль; Пол. Moskal, Góral.
  5. оль: соколъ?
ола: Чеш. mrtvola.
  6. оль (олѣ): дрыколь; мозоль, нѣколь, тополь; Рус. гоголь? соболь?
ола: Рус. сусола? Чеш. homole; Серб. топола.
  7. оуль (оулѣ): Хорут. metulj (мотылекъ); Серб. славуль.
оула: кошула, копроула? Рус. ходуля, зозуля; Пол. matula.
  8. ыла: могола, мобыла.
  9. ыль (ылѣ): Рус. мотыль, костыль, горбыль.
  10. ило: гадрило, надило, мѣрило, бѣлило, чрынило, свѣтило, точило.
  11. ѣль, галь: дѣтель, гзѣтель, кпѣтель, сепѣль, свирѣль, нѣдѣль;
пишталъ, мѣлчалъ; печаль.
  12. ьль: орьль, осьль, козьль.
  13. ьль (ьлѣ): нашль.
  14. ель: плѣвель, жоупель? датель(-ель), нѣсель, весель, дебель?
Рус. бусель.
ола: бѣчела; Рус. омела? Хут. dežela.
  15. емь (ели): жоумель (сагабаеус); Рус. мятель (метель).
емь (емѣ): Рус. кошель.

Суффиксы съ дрожащимъ р.

1. рь: дарь, пирь, жи(в)рь, вихрь, дѣб(р)ь (ср. дѣбрава); мирь? бѣдрь,
хѣтрь, монрь, острь, пьстрь, старь? сѣрь, штедрь, добрь,
мѣдрь, бѣстрь? нѣдрь?
ро: вѣдро, гдро, ребро? сребро?
ра: мѣра, сѣра, икра? искра? вѣра? вѣдра, мѣдра; Рус. кара;
2. рь(ри): дѣбрь, ноздрь.
рь(рѣ): жрь, велрь, нѣдрь.
3. арь: комарь, овъчарь, стеларь(—арь); Серб. гусар;
ара: кошара; Серб. овчара, Пол. moczaga.
4. арь(арѣ): пенарь, зидарь, нѣитарь, лѣнарь; Рус. знахарь, пахарь,
глухарь, господарь; ср. ар-инь: болгаринь, Българинь.
5. орь: топорь? стоборь (columna)? Малорус. вихорь; Пол. kaczor;
ср. заматорѣль.
ора: котора (gicha); Чеш. bachora, nemotora.
6. орь(орѣ): гѣхорь(дѣхорь), ср. Рус. хорекъ; Чеш. piskoř.
ора: Рус. бахѣря(краснобай); моторя.

7. оурь, оурь(ь=йь): котоурь; Срб. мехур; Малорус. качурь; ср. Мазурь.
оура: Рус. Нымчура, кочура; ср. Срб. дъвойчура.
8. зирь(ь=йь): мѣхзирь (Срб. мехур); Рус. поводирь, гладырь, пупырь, пустырь; ср. богатырь?
зира: стѣзира.
9. ерь, ерь(ь=йь): вечерь, дѣверь; бисерь? стѣерь? Рус. костерь.
еро: юзеро.
ера: пештера; Чеш. mezera.
10. ѣрь: Хорут. kosĕr (Срб. косијер).

Суффиксы съ мгновенными зубными т, д.

Элементъ т занимаетъ между всѣми согласными первое мѣсто по разнообразію и многочисленности суффиксовъ, въ которыхъ онъ играетъ существенную роль. Звонкій д далеко отсталъ въ этомъ отношеніи отъ своего тихаго (шепотнаго) коррелятива (т: д=и: г=и: б) въ средѣ мгновенныхъ согласныхъ. Формы, образованныя при участіи звука т, отличаются большей ясностію, чѣмъ тѣ, въ которыхъ является д,—замѣчаніе, которое приложимо ко всѣмъ согласнымъ тихимъ съ одной стороны и звонкимъ съ другой.

Съ участіемъ тихаго зубнаго т образованы слѣдующіе суффиксы:

1. ть (ь=а), то, та. Самое обширное примѣненіе нашель этотъ суффиксъ въ образованіи причастныхъ страдательныхъ формъ: начать, взъять, промлатъ, повить, отвьсть. Также повидимому образованы прилагательныя: сѣть, гѣсть, часть, лоть, свать, тлѣсть, млтъ; ср. патъ, шесть, девать, четверть и т. п. Въ неподвижныхъ родовыхъ формахъ именъ существительныхъ встрѣчается суффиксъ ть, то, та въ слѣдующихъ основахъ:

тъ: млатъ, мостъ, прѣсть, сѣпостать, щитъ, вѣтъ; ср. лмсть? сѣтъ?
то: длато, жито, пѣто, мѣсто, злато, лѣто, оуста; врата; блато? лѣто
сито, мѣто;

та: врьста, невѣста, пата, свита; Рус. трата?

Есть еще другой суффиксъ ть, однозвучный съ вышеприведеннымъ, но отличный отъ него этимологически тѣмъ, что его ъ про-

изошло не изъ а, но изъ оу. Это встрѣчается въ образованіи Древне-славянскаго суфина на ть, тоу: битъ, литъ; бѣтоу.

2. ть(ь=и). Изрѣдка этотъ суф. появляется въ именахъ муж. рода, но большею частію въ женскихъ: тать, съвьрьсть (aequalis); гость? тьсть, затъ; благодать, благодѣть, грѣсть, съмрьть, памать, нить, остъ, сѣть, сласть, страсть, съвѣсть, власть, часть, побѣзтъ; пешть, вешть, мошь; клѣтъ? лѣтъ? прѣсть, трѣсть, плѣтъ, опать? рать?
3. тѣ=штъ: ништъ? обштъ?
тѣ, ште: плѣшта (plur.); Чеш. plíce; вѣче (вѣште).
тѣ, шта: оноушта, клѣшта; Рус. добыча, дача.
4. тръ: брат(р)ъ; вѣтръ, матръ.
тро: оу(с)тро? матра; Пол. ріатро.
тра: Рус. патра.
5. тль: пѣтль, датль? Рус. ветла; Пол. petla.
6. тер: матер-е, дѣштер-е.
7. теръ, торъ: втеръ, которзій; вторъ; Хорут. stotero.
8. тель(й=йъ): житель, властель, датель;
9. тзирь(ь=йъ): пастзирь (pastor), пластзирь? псалтзирь (ψαλτήριον); ср. богатзирь?
10. тоухъ: пастоухъ; Рус. пѣтухъ; ср. свинтюхъ.
11. тий(й=йъ): нетий; питий (potabilis).
12. тоунъ: пѣстоунъ; Рус. пѣтунъ (пѣтухъ).
13. твъ. Этотъ суфф. сродни вышеприведенному ть=тоу (ср. Лат. mutuus). Примѣры: мрътъ: мрътъ; чръствъ.
тво: Рус. ятво.
тва: гства, битва, сѣтва, бритва, клтва, жатва, мрътва; Рус. плотва. Иногда тва переходитъ въ тба: Срб. сѣтба.
14. твъ=tev: вѣтъ; Хут. britev.
15. ѣство. Этотъ суф. представляетъ дальнѣйшее развитіе суффикса тво, посредствомъ новаго тематическаго гласнаго ь и ѳфонической вставки с: дѣѣство, трѣѣство, рождѣство. При открытыхъ корняхъ ь обращается въ й: дѣйство, оубийство. Иногда суф. ѣство приставляется къ другимъ, предшествующимъ ему, или послѣдующимъ за нимъ: цѣсарѣство, страдаѣство; цѣсарѣствію, бальствію (medicina), свойствію.

16. агъ: богатъ, брадатъ; Рус. ушатъ.
ата: лопата. Съ новыми наращеніями образуются сложные суффиксы: оватъ: виноватъ, трывоватъ; Рус. бѣловатъ, горьков-ов-атъ; ѡнатъ: прѣнать, оустынатъ. Со вставочнымъ (эвфонически?) с образованъ суффиксъ астъ: плышастъ; Рус. чреватый, усастый; коренастый; Серб. брдаст, репаст, будаласт; ср. Рус. лопасть?
17. атай(й—йъ): (о)ратай, ходатай, съгладатай; Рус. глашатай.
18. атель: назатель, пригатель; Рус. обыватель.
19. ота: длѣгота, льгота, красота, работа; Рус. дремота, ломота, р(ъ)вота; пѣхота, спрота. Со вставочнымъ с- образуется суф. оста: староста.
20. отъ: Рус. мякоть, копотъ. Со вставочнымъ с-ость: тагость, жзость, гирость, милость, паность, радость.
21. оутъ: Рус. ж(ь)гутъ, Чеш. kohout; Пол. kogut, maluty (ср. малютка);
оута, юта: Рус. плакута, Васюта; Хут. kořuta. Со вставочнымъ с суф. юсть: челюсть.
22. зито: копзито, корзито;
зита: Рус. волокита, рѣкита?
23. итъ: маститъ, срьдитъ, нарочитъ; найинитъ.
ита: ланита. Съ наращеніемъ ов, ен образовались сложные суффиксы: овитъ, енитъ: домовитъ, сановитъ, гдвовитъ; иненитъ, племенитъ. Со вставочнымъ с произошедъ суф. исть: рѣчистъ, плыштистъ; Рус. голосистый, льдистый, лѣсистый. Иногда этотъ суффиксъ иностраннаго происхожденія: гуслисть, бандуристъ; ср. нигилисть, лингвистъ и т. п. Такимъ же образомъ изъ суффиксовъ итъ, зитъ развились исть, зистъ: користъ, корысть, дешевистъ?
24. итва: молитва, ловитва, гонитва.
итво: чоувитво, творитво.
25. итель: чѣтитель, з(ь)ритель, проситель, гонитель.
26. итѣ—иштъ: отрочиштъ, робиштъ, пѣтиштъ, дѣтиштъ, ср. Рус. дѣтище.
Изъ Древнеславянскаго суффикса иштъ развился русскій патронимическій суф. ичъ (Серб. ић, Пол. и Чеш. ic): дѣдичъ, сестричъ, княжичъ, Лукничъ, Ѡмичъ; Пол. dziedzić, księżyc.

- Чеш. Martinic, Серб. Обилић. Отъ наращенія ов (ев) образовался сложный суф. овичъ (евичъ): Ивановичъ, королевичъ; Пол. królewicz; Серб. Обреновић.
27. ѣтъ, отъ: рьпѣтъ, тьпѣтъ; Рус. ропотъ, грохотъ, животъ, хоботъ?
28. ѣтъ (ь=йъ): лакѣтъ, ногѣтъ; Рус. деготъ, коготъ?
29. ѣтъ, етъ: шьпѣтъ; трепѣтъ, вречѣтъ; Рус. лепѣтъ.
30. ето: тенето, Рус. рѣшето, нерето; етъ (ь=и): Рус. чернѣтъ, мокрѣтъ, теплѣтъ, темнѣтъ; ср. едь: чернедь, мокредь.
Со вставочнымъ с-есть, юсть: болѣсть, долѣсть.
31. ѣтель: радѣтель, свидѣтель.
32. ѣтва, гатва: желѣтва, сѣлатва.
33. жтъ: могжтъ (dominus); ср. Рус. ргуть (Пол. rтѣс)? Чеш. perut'.
Въ основаніи этого суффикса лежитъ слогъ ант. По законамъ Древнеславянской фонетики онъ могъ преобразиться и въ жъ, а: градъжъ: градѣжта; словжъ: словѣжта; хвала, хвалѣжта; бина: бинажта; ср. тѣжжта. Изъ этихъ формъ развились русскія на учій, ущій: кипучій, гремучій, могучій, пахучій, скрипучій; большущій, тмущій, злющій.
34. ат. Сродни предшествующему тотъ суффиксъ, который встрѣчается въ названіяхъ молодыхъ звѣрятъ и который въ формахъ имен. падежа звучалъ въ Древнеславянскомъ а, ата: агна, дѣта, нота, праса, штена, жрѣба; Рус. близнята, ребята, утята.

Суффиксы со звонкимъ зубнымъ .

1. дъ: съдъ? тврѣдъ? подъ, прѣдъ, задъ.
до: стадо, чоудо (штоудо)? чадѣ?
да: бразда? гроуда? мѣзда (μѣδος)? Подобный суффиксъ, съ темнымъ вставочнымъ звукомъ г, встрѣчается въ образованіи нарѣчій времени: нгда, тгда, мнгда, югда, всегда. Нѣсколько аналогично образованіе нарѣчій мѣста суффиксомъ де: нѣде, онѣде, сѣде, всѣде. Нельзя не привести въ связь съ этими формами и тѣ адвербіальныя образованія, гдѣ въ видѣ суффикса являются слоги ѣдоу, ѣдѣ. ѣда: нѣдоу, нѣдѣ, нѣда; мѣдоу, —дѣ, —да; сѣдоу, —дѣ, —да; Рус. куда, туда; сюды, туды; сюдою, тудою. Наконецъ сюда же примыкають адвер-

- біалыныя суффіксы: *ндѣ, ждѣ, ждѣи, шѣдѣ, штѣ*: тойндѣ, нѣдѣ; *шлѣндѣ, нѣгандѣи*; *трѣшѣдѣ, чѣтѣырѣштѣ*.
2. *дѣ*: *стадѣ (grѣх), падѣ, задѣ; прѣдѣ*.
  3. *адѣ*: Хорут. *strpad*; *ада*: *громада; снѣвѣрада?* Рус. *голяда*.
  4. *адѣ, падѣ*; *площадѣ, челгадѣ?* Рус. *пестѣрадѣ, рухлядѣ, стерлядѣ?* *мокрядѣ* (ср. *мокрѣть*). Въ Сербскомъ этотъ суффіксъ часто употребляется въ названіяхъ молодежи; *момчад, шокчад, грчад*; ср. *гѣчлад*.
  5. *адѣ*: *скарадѣ; адо, ада*: *говѣадо*; Пол. *gawęda*; ср. Рус. *дуринда; адѣ?* Пол. *labędź* (лебедь)?
  6. *оудѣ?* Хут. *mr̄tvud*; Пол. *maruda*.
  7. *ѣда*: *правѣда, кривѣда, вражѣда*.

Суффіксы съ гортанными н, г, х.

Тихимъ гортаннымъ *н* образованы слѣдующіе суффіксы:

1. *нѣ*: *знанѣ, бранѣ, навѣикѣ, прѣнѣ, плѣнѣ*: *на*: *ласна, соуна?* Рус. *бѣломойка*; Срб. *дойка*.
2. *анѣ, ганѣ*: *своганѣ, юганѣ, инанѣ, всѣганѣ*; Рус. *черпакѣ, ходакѣ, рѣзакѣ*; *простаѣ, русакѣ; чудаѣ, гусаѣ, завтраѣ*; *Поляѣ, добраѣ, синяѣ, моряѣ, обинаѣ*.
ана, гна: Рус. *писаѣ, зѣваѣ, служаѣ; гуляѣ, кривляѣ, забіяѣ*;
3. *ѣнѣ*: *чловѣѣ?* Хут. *pisěk*; *ѣна*: *налѣна?*
4. *ннѣ*: *ѣннѣ, блнннѣ*; Рус. *мужнѣ, старнѣ, кролнѣ, рыжнѣ, вѣннѣ, прнннѣ, семнѣ; мячнѣ, братнѣ*; *ина*: *ѣнна, блннна*; Рус. *черннѣ, гвоздннѣ*.

Отъ приставки *кѣ* этому суффіксу другихъ образовались слѣдующіе сложные суффіксы:

аннѣ: *романнѣ, Рус. пос(ѣ)ланнѣ; земляннѣ*;

ѣннѣ: *пнннѣ*;

нннѣ: *любнннѣ*;

нннѣ: *крѣслнннѣ, оучнннѣ*;

нннѣ; *пѣтнннѣ, крѣвнннѣ*; Рус. *жалнннѣ, плот(ѣ)нннѣ*;

лнннѣ: *начальнннѣ*;

алнннѣ: Рус. *утиральнннѣ*;

алнннѣ: *бѣлнннѣ, буднннѣ*;

овьникъ: громовьникъ; пировьникъ;

итъникъ: рѣзбитъникъ;

ьтъникъ: шьптьникъ;

ьдъникъ: вражьдъникъ;

ьчикъ: Рус. колокольчикъ; мальчикъ; нѣт(ь)чикъ; завод(ь)чикъ.

овьщикъ: Рус. часов(ь)щикъ;

еньщикъ: Рус. камен(ь)щикъ.

5. ъкъ, ькъ: пѣсъкъ, шипъкъ, цвѣтъкъ, патъкъ, добѣтъкъ; ѡзъкъ, близъкъ, дръзъкъ; Рус. глотокъ, пинокъ, плевокъ; затылокъ, пасынокъ, наперстокъ; смѣчкъ, горькъ, тыкъ, тамькъ, Рус. скачекъ, прыжекъ, хорекъ;

ьно, ьно: гablyно; Рус. батько, гнѣд(ь)ко, бур(ь)ко;

ьна, ьна(йна): гадьна, тчьна, оуйна; Рус. глот(ь)ка, ков(ь)ка, слив(ь)ка, незабуд(ь)ка, зыб(ь)ка, ут(ь)ка.

Отъ соединенія этихъ суффиксовъ съ другими образовался цѣлый рядъ сложныхъ суффиксовъ:

енькъ: Рус. гусенокъ, львенокъ;

онькъ, ененькъ: Рус. диконькій, блѣдненькій.

оушькъ: Рус. соловушекъ; пѣтушекъ.

зшькъ: Рус. колышекъ;

ашькъ: Рус. барашекъ?

ешькъ: Рус. гребешекъ;

ютъкъ: Малорус. ранютко, свѣжутвій.

охоненькъ: Рус. бѣдохонекъ, Малорус. всехонько;

ешенькъ: Рус. здоревешенекъ; ранешенько.

юсенькъ: Малорус. голюсенъкій:

осенькъ: Малорус. махосенькій.

отенькъ: Малорус. махотенькій.

охоненькъ: Малорус. махохонъкій.

атько: Рус. дивчатко.

енько: Рус. оченьки.

ечько: Рус. мѣстеч(ь)ко, сердеч(ь)ко.

ишько, ишьна: Рус. домиш(ь)ко; мальчиш(ь)ка;

зшько: Рус. солныш(ь)ко.

оушьна, юшьна: Рус. дѣдуш(ь)ка, лягуш(ь)ка, батюш(ь)ка;

ашьна: Рус. мидаш(ь)ка;

еньна: Рус. дяденька, тетенька.

отья: Рус. крохот(ь)ка;

- овѣка: Рус. воров(ъ)ка;
 ѣлна: Рус. горѣл(ъ)ка.
6. окъ: свѣдокъ, глѣбокъ, широкъ, вѣсомъ; Рус. ходокъ, вѣдокъ;
 она: лалона (palatum)?
7. оукъ, юкъ: клобоукъ? Рус. индюкъ, канюкъ; Малорус. псюкъ.
 юна: Рус. гадюка, подлюка.
8. чикъ: мзѣикъ; Рус. кадыкъ? в(ъ)лыкъ.
 чина: владыка, мотыма? Рус. кавыка?
9. иско, исне=иште: Пол. ognisko, babisko, chlopisko, nazwisko; ср.
 Рус. головишка, мужичишко.
 Въ Древнеславянскомъ этотъ суффиксъ является въ смягченномъ видѣ-иште (ср. искати: иштѣ; поускати: поуштѣ): нѣриште, огниште, плчиште, поприште, вртѣште, гномште, напиште; Рус. городище, кладбище, топорище; ср. ручища.
 Отъ сложенія съ суффиксами ал, ил, ел образовались формы: игралѣште, сѣдилиште, дѣлателиште.
10. ьскъ, йскъ: дѣтскъ, мѣнскъ; Рус. тысяцкій (т. е. тысячтскъ);
 свойскій; войско.
 Сложные съ другими суффиксы: звѣринскъ; жидовскъ.

Суффиксы со звонкимъ гортаннымъ г.

1. гъ: плоугъ? Рус. четвергъ (ЦСл. четвертъкъ).
 га: слоуга, строуга, розга, снага?
2. агъ, агъ (агъ?): крѣчагъ? Рус. липнягъ, мочагъ; ага, тага (ага?):
 лемага; Рус. бродяга, скряга? сермяга? Суф. этотъ соединяется
 съ другими въ формахъ Рус. бѣд(ъ)няга, порт(ъ)няга, двор(ъ)
 (ъ)няга, роботяга.
 Предположеніе о существованіи въ этомъ суффиксѣ юса
 основывается на Польскихъ формахъ: włoczeга, siermieга,
 mitreга?
- Если это предположеніе вѣрно, то разсматриваемый суффиксъ
 былъ бы совершенно аналогиченъ суф. агъ въ словахъ:
 Варягъ, колбягъ, и суф. азъ (см. ниже), который въ женскомъ
 родѣ открываетъ согласный г: кнѣзъ, кнѣзгини.
3. оугъ, югъ (ѣгъ?): Рус. яругъ? пестругъ (Пол. pstrag, т. е.
 пѣстрѣгъ); жемчугъ? оуга, юга: коуга (res ligneus)? Рус. бѣ-

луга, вѣлочуга (Пол. włoczuca, т. е. влчдага), яруга, вьюга, дерюга, радуга? ср. пар(ь)нюга, кольчуга, пьянюга.

Со вставочнымъ з получаемъ суффиксъ юзга: мелюзга.

4. зигъ: сазыгъ (fornax fusoria); зига: котыга (tunica)? Рус. лодыга (Пол. łodyga, caulis); прощелыга, торопыга.
5. игъ: григъ? ига: верига, кынига, коврига?
6. егъ, ѣгъ: ковчегъ? бѣлѣгъ? Со вставочнымъ з-езгъ: Рус. дребезги; Пол. drobiazgi.
7. огъ: острогъ, чрътогъ, многъ (gryps), Сварогъ, брълогъ, сапегъ? хѣдогъ (kundig)? Рус. пирогъ, тварогъ? батогъ?
ога: Рус. острога, берлога.

Суффиксы съ гортаннымъ придыхательнымъ х.

1. хъ: спѣхъ, слоухъ, доухъ, смѣхъ;
ха: стрѣха; Рус. пряха, сваха, неряха, вѣха, лѣха?
2. ахъ: сиромыхъ; Малорус. п(ъ)тахъ (ср. пташка);
аха: Рус. черепаха, рубаха, плаха, п(ъ)гаха.
Въ соединеніи съ суффиксомъ ѣнь образуется сложный суф. ахънь: Серб. мадахан (parvus); Рус. боляхный.
3. ехъ, Рус. лемехъ (Цсл. лемешь)?
еха: маштеха (Рус. мѣяха); Рус. лепеха; ср. малехонекъ.
4. ихъ: женихъ; иха: Рус. гречиха; Чеш. pleticha; ср. Малорус. ковалиха, гончариха.
5. охъ: Рус. ворохъ; Чеш. jinoch, lenoch; Пол. pieszczoeh;
оха: т(ь)роха; Рус. проидоха, суматоха, кумоха.
6. оухъ, юхъ: сопоухъ; Рус. пѣтухъ, конюхъ, пентюхъ;
оуха, юха: пазоуха, горюха; Рус. сивуха, веснуха, требуха;
Пол. zawierucha.
7. ѣхъ, ѣхъ: ветѣхъ? бръчѣхъ (πλόκαμος); ѣха; плетѣха?

Суффиксы съ согласными свистящими (ц, з, с) и шипящими (ч, ж, ш).

Хотя первый членъ каждой тріады есть не элементарный звукъ, а дифтонгъ ($ц = \frac{т}{2} + с$; $ч = \frac{т}{2} + ш$), однако въ суффиксахъ онъ является для чутья языка звукомъ столь же цѣльнымъ и единичнымъ, какъ и четыре остальные.

Изъ фонетики Славянскаго языка извѣстно, что звуки свистящіе и шипящіе (т. е. протяжные зубной и небной среды) развились первоначально изъ гортанныхъ (н: ц: ч=г: з: ж=х: с: ш), а кой-гдѣ изъ зубныхъ (напр. Русскіе: ч=шт=тй; ж=жд=дй), и слѣд. представляютъ родъ звуковъ вторичныхъ, за исключеніемъ одного с, который принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, къ числу звуковъ Праарійскихъ; но метаморфоза эта произошла во времена столь отдаленныя, что для исторической поры жизни Славянскаго языка необходимо признать самостоятельность этихъ производныхъ звуковъ и въ морфологическомъ отдѣлѣ грамматики разсматривать ихъ отдѣльно отъ ихъ первоисточниковъ.

Суффиксы съ зубнымъ диэтонгомъ ц.

1. цъ: сиць, сице? Этотъ суффиксъ встрѣчается, въ видѣ слога ци, какъ энклитическая привѣска при мѣстоименіяхъ и числительныхъ, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: друг. ици, двоици.
2. ьць: борьць, коупць, пѣвьць, ж(ь)рьць, съсьць, отьць, пальць; Рус. истець; заводець, Корсунець; ьце, йце: слъньце, срьдьце, словьце, дрѣвьце; гйце; Рус. допце; словцо, кольцо; ьца, йца: овьца, вхъшьца; оубийца, нръвопийца, любодѣйца; Пол. da҃ca, gza҃ca, gajca, owsa.

Сложные суффиксы съ тѣмъ же слогомъ:

- аць: романць;
  - еньць: пѣтенць;
  - онць: Рус. червонецъ;
  - инць: гостинць, низинць; дѣтинецъ, звѣринаецъ;
  - ѣць: роумѣць;
  - авць: дѣлавць, лаславць;
  - ивць: лѣмивць;
  - евитьць: имовитьць;
  - льць: пришьльць;
  - альць: страдальць;
  - ильць: Рус. кормилецъ.
3. ица: пѣтица, ж(ь)рица, чародѣйца; дѣвица, грѣлица, лѣвица, соулца; лѣвица, юница; тронца; Рус. столица, бездѣйца.

Сложные суффиксы:

ьница: грѣшьница, плѣньница, деньница, горьница; Рус. ризница;

ганица: пиганица;

авица, гавица: пугавица; трасавица;

овица: ноговица; шаковица; оноговица;

ивица: страшивица;

ьлица: Рус. свѣт(ь)лица;

илица: Рус. кормилица.

4. иць: гвоздиць; Растиць (Ростиславъ); Чеш. střevis. Впрочемъ суффиксъ ic въ сѣверозападныхъ нарѣчїяхъ чаще произошелъ изъ суф. итѣй=иштъ=Рус. ичь, о чемъ см. выше.
5. аць: мѣсаць? заиць?

Суффиксы со звонкимъ зубнымъ протяжнымъ з.

Число этихъ суффиксовъ такъ незначительно и составъ соотвѣтственныхъ темъ столь неясенъ, что трудно положительно присваивать Славянскому языку этотъ элементъ, какъ темообразующій. Въ однихъ случаяхъ онъ могъ развиваться, какъ поздняя неорганическая вставка, въ другихъ-же является какъ будто варягомъ, пришельцемъ изъ-за моря.

Къ числу формъ перваго рода можно отнести слѣдующія:

1. езъ: Серб. љемез?

2. озъ: Чеш. lotoz?

3. изъ: Рус. прямизъ (ср. прямизна), бѣлизъ, дробизъ;

4. оузъ: Рус. мелузъ, мелюзъ (ср. мелюзга); Бѣлорус. ментузъ (налимъ).

5. Къ темамъ, заимствованнымъ изъ-чужа, должны, по всей вѣроятности, принадлежать тѣ, которыя образованы суффиксомъ азъ, агъ (Рус. язъ, ягъ), соотвѣтствующимъ нѣмецкому ing. Таковы: кьназь (ср. староверхненѣм. chuning), витазъ, пѣназь (ср. ст. вер. нѣм. rhenning), силазь или стьлазь (Пол. szelag; ср. ст. вер. нѣм. scilinc), оусеразь (Рус. серьга; Готск. auhsariggs), владазь (ср. Готск. kaldiggs); Пол. mosiadz (ср. средневерхненѣм. messinc), rzeciadz (и: wrzeciadz), Чеш. řetěz, Малорус. петязъ (catena); ср. Szlązk (Чеш. Slezsko); Grudziąż (Graudenz). Во всѣхъ этихъ формахъ скрывается звукъ г, какъ показываетъ форма кьнагъини, а равно и сравненіе съ соотвѣтственными формами Нѣмецкаго; слѣдовательно суффиксъ азъ не от

личень въ сущности отъ суффикса *агъ*, который необходимо предполагать въ Древнерусскихъ формахъ: Варягъ (ср. старонижненѣм. *vaering*), корлягъ (ср. старовѣрхненѣм. *karling*), колбягъ, Ятвягъ (Ядзвингъ); ср. Пол. *Elljag* (*Elbing*). Касательно происхожденія исчисленныхъ словъ не установилось еще полнаго согласія между изслѣдователями, хотя не одинъ разъ онѣ были уже предметомъ изслѣдованія лингвистовъ и историковъ. Приверженцы нормандизма Варяговъ-Руси всегда принимали эти слова за одно изъ доказательствъ своей теоріи; ихъ же противники старались подыскать Славянскіе корни для приведенныхъ формъ. Наибольше вѣскими соображеніями подкреплена гипотеза послѣднихъ въ „Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка“ Проф. И. И. Срезневскаго. Эти соображенія не для всѣхъ однако показалиcя убѣдительными, какъ показываетъ примѣръ знаменитаго вѣнскаго слависта Фр. Миклошича, который считаетъ вышеприведенные слова и формы по большей части (*Stambbildungslehre*. 317) заимствованными. Мы должны сознаться, что при всемъ желаніи доказать славянизмъ этихъ словъ, мы бы затруднились въ этомъ. Суффиксъ *азъ*, *агъ* встрѣчается всего въ дюжинѣ формъ, изъ которыхъ ни одна не представляетъ особенно яснаго и прозрачнаго Славянскаго корня, а наоборотъ всѣ почти представляютъ очень подозрительное сходство съ созвучными Нѣмецкими. Вслѣдствіе того предположеніе о германизмѣ этихъ словъ опирается, по нашему мнѣнію, на данныхъ несравненно болѣе осязательныхъ, чѣмъ противоположное—объ ихъ славянизмѣ.

Во всякомъ случаѣ, формы эти существуютъ уже очень давно во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и потому заслуживаютъ упоминанія въ Славянской морфологіи.

Суффиксы съ тихимъ зубнымъ протяжнымъ *с*.

1. *съ*: *часъ*, *вѣсъ*, *лѣ(и)съ*; *рѣкъ*?
са: Рус. *плакса*; Пол. *beksa*.
2. *ес(о,еса)*. Суффиксъ этотъ производитъ закрытую тему, какъ и два нижеслѣдующіе (*ъс*; *иѣс* (*ijas*). Такъ какъ въ им. ед. мы встрѣчаемъ форму сокращенную на *о*, то приведемъ здѣсь для наглядности формы именит. множ. *дѣвеса*, *словеса*, *небеса*, *очеса*, *тѣлеса*, *оушеса*, *колеса*, *оудеса*: ср. *ломесно*, *древеснѣ*.

3. **ъс.** Это суффиксъ прошедшихъ причастій дѣйствительнаго, соотвѣтствующій Праарійскому *us* (*vas, vans*). Въ Древнеславянскомъ слогъ **ъс** въ именит. ед. мужескаго рода сократился въ звукъ **ъ, ь**; но въ женскомъ элементъ **с** выступаетъ наружу, въ видѣ вторичнаго звука **ш**, который остается затѣмъ во всѣхъ косвенныхъ падежахъ: плеть, плетъши (ж. р.); начньнъ начньнъша (Род. ед.); хвалъ, хвальши; коупль, коупльша.
4. **ийъс** (*ijas*) или **ийъсй** (*ijasja*). Этотъ суф. образовалъ форму, сравнительной степени. Въ Древнеславянскомъ изъ первой приведенной формы образовалось окончаніе **ий** (**ийъс** = **ийъ** = **ий**), а изъ второй окончаніе **йшъ**. Первое встрѣчается въ древнѣйшихъ образованияхъ, а послѣднее въ болѣе новыхъ: болйи, больши (ж. р.); шньи, лишйи, льжйи, тажйи, бръжйи, глѣблйи, хоуждйи, слаждйи, поуштйи, ваштйи, оунйи; но: добръйи, добръйиши.
- Въ Русскомъ изъ этого суффикса развились два слѣдующіе: **ьшій** (большій) и **йшій** (малѣйшій).
5. **асъ:** и(ъ)ласъ? в(ъ)ласъ? Рус. дубасъ, бѣласый; бѣлбасъ?
аса: илбаса? Рус. мордасы?
6. **осъ:** Серб. пркос (прекословіе).
7. **оусъ, оусь:** Пол. *obdartus, całus, Kostuś*; Малорус. Петрусь, татусъ;
оуся: Малорус. бабуся.
8. **ысъ, ысь:** Малорус. Бенадысь (*Benedictus*); Рус. мамысь, — ыса; ср. Пол. *Magysia*.
9. **исъ:** Пол. *młodniś; strojniś*;
иса: Пол. *strojnisia*.

Суффиксы съ зубнонебнымъ дифтонгомъ ч.

1. **чь** (чйъ): бичъ, бричь, врачъ.
2. **ачъ** (ачйъ): тыначъ, соначъ, играчь, ковачъ, скрипачъ; Рус. богачъ, калачъ, силачь;
ача: Хорут. *bedača* (*stulta*); Серб. грбача (*dorsum*).
3. **очъ** (очйъ): ласночь (*adulator*), врѣночь? иночйи.
4. **оучъ:** Рус. свучъ;
оуча: Серб. главуча.
5. **ычь:** Пол. *włodycz, gogucz*.
6. **ечъ:** Серб. Годечъ (гора);
еча: Бѣлорус. малѣча (малолѣтній).

7. **ичь**: **историчь** (homo rixosus). Этот суффикс напоминает однозвучный съ нимъ въ Русскомъ патронимическій суффикс **ичь(итйъ)**. Ихъ различіе видно единственно изъ разницы формъ Церковнославянскаго: **иштъ: ичь**.

Суффиксы съ звонкимъ небнымъ протяжнымъ ж.

1. **жа**: Рус. любжа. Миклошичъ относить сюда и Пол. формы *odzieża, przedaża*; но гораздо проще объяснить ихъ влияніемъ соответствующихъ Русскихъ формъ: одежда, продажа, правильно образованныхъ изъ Цер.-славянскихъ: *одежда, продажда* (суффиксомъ: *джа*).
2. **емь**: *матемь, падемь, грабемь*; Рус. *дѣлеть, свербеть; холостеть, молодежь*.
3. **оужа**: Пол. *kaluża* (или: *ka-luża*)? Срб. *калужа* (*fimetum*)?
4. **хмь, имь**: Хут. *drobiż*; Пол. Чеш. *řaniž, —už* (родъ гриба)?

Суффиксы съ тихимъ небнымъ протяжнымъ ш.

1. **ша**: Рус. крыша, лѣвша, векша? Маша, Саша; ср. докторша.
2. **ашь (ь=йъ)**: Рус. торгашь, кругляшь; Срб. *великашь*; Хут. *banderaš*.
3. **ешь (ь=йъ)**: *лемешь* (*aratrum*). Ср. суфф. *езь*.
4. **ошь (ь=i)**: *мокошь*; Рус. *Мокошь*; **ошь (ь=йъ)**: Пол. *gokosz, Długosz*; Срб. *Милошъ*, Рус. *юноша, святоша*; ср. *ладоша*?
5. **оушь, оуша**: Рус. *кликша, толстуша*; ср. *матушка, хохлушка*; Срб. *Негуш*, Хут. *bogatuš*.
6. **ышь**: Рус. *катышь, огарышь, околышь, подвидышь, приемышь, проигрышь, зародышь, гладышь, малышь, дѣтенышь, кукишь? нагишемъ? Лотышь? ыша, ыша*: Срб. *богиша, грубиша*.

Суффиксы съ минованными зубными п, б.

Звуки эти рѣже всѣхъ остальныхъ появляются въ образовательныхъ окончаніяхъ, какъ и вообще эти наружные звуки стоятъ довольно изолированно отъ другихъ (внутреннихъ по органамъ про-

изношенія) согласныхъ, не обмѣниваются съ ними, и даже очень слабо соединяются въ сложныя группы.

Въ роли суффиксовъ встрѣчаются слѣдующія сочетанія этихъ звуковъ:

1. *оупъ*: Серб. скоруп; Хут. gorjup (горькій);
оуна: Рус. скорлупа (м. б. с-кор-луп-а?); ср. Бѣлорус. малюпаткій; Пол. масіуркі; *стльпъ* и *стльбъ*.
2. *ба*, *ьба*: *вьба*? *борьба*, *гядьба*, *мольба*; *сядьба*, *тамьба*; Рус. *рѣзьба*, *усадьба*, *туж(ь)ба*, *жур(ь)ба*. Въ сложеніи съ суф. *ть*—*тьба*, *атьба*, *итьба*: *сѣтьба*, *оратьба*, *женитьба*.
3. *оба*: *зьоба*, *ятраба*; Рус. *худоба*, *жалоба*, *хвороба*.

Относительную роль разныхъ звуковъ въ образованіи суффиксовъ можно опредѣлить до нѣкоторой степени по числу комбинацій, въ которыхъ каждый изъ такихъ звуковъ является. Принимая точкой отправленія исчисленныя нами формы суффиксовъ, мы получимъ слѣдующія количественныя отношенія роли звуковъ въ суффиксахъ:

1. суффиксовъ вокальных 4;
2. " съ придыхательными 5 (й: 1; в: 4);
3. " " плавными 50 (м: 8; н: 17; л: 15; р: 10);
4. " " зубными мгновенными 41 (т: 34; д: 7);
5. " " гортанными 24 (к: 10; г: 7; х: 7);
6. " со свистящими 19 (ц: 5; з: 5; с: 9);
7. " съ шипящими 17 (ч: 7; ж: 4; ш: 6);
8. " " губными мгновенными 3 (п: 1; б: 2).

Такимъ образомъ изъ 163 комбинацій звуковъ, играющихъ роль именныхъ суффиксовъ, лишь въ 4 случаяхъ находимъ чистые *масные*; во всѣхъ остальныхъ встрѣчаемъ ихъ соединенія съ *сомастыми*. Этотъ сильный перевѣсъ суффиксовъ консонантныхъ надъ вокальными вполне соответствуетъ тому, что выше сказано о генезисѣ суффиксовъ. Происходя изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, они должны имѣть слоговой характеръ, т. е. представлять соединеніе гласнаго звука съ однимъ или нѣсколькими согласными.

Плавные являются въ 50 комбинаціяхъ, т. е. обнимаютъ 30, 6% общаго числа именныхъ суффиксовъ. Столь значительная роль плавныхъ объясняется ихъ участіемъ въ причастныхъ образованіяхъ

(и, н, л), легшихъ въ основу цѣлому ряду вторичныхъ именныхъ суффиксовъ.

Сравнивая число группъ съ согласными *протяжными* (со включеніемъ плавныхъ) съ одной стороны и *мгновенными* съ другой, мы получимъ слѣдующее отношеніе: 98: 61. Роль первыхъ гораздо обширнѣе, слѣдовательно, роли вторыхъ. Впрочемъ, пужно вспомнить, что въ числѣ протяжныхъ есть цѣлый рядъ вторичныхъ разложениій изъ мгновенныхъ, напр. ц, ч развились изъ и; з, ж изъ г. Если прибавить эти четыре элемента къ мгновеннымъ, по происхожденію, то получится уже другое отношеніе: 77: 82, т. е. сила тѣхъ и другихъ оказалась бы почти равномѣрною, съ нѣкоторымъ даже перевѣсомъ мгновенныхъ надъ протяжными. Это согласно съ древнѣйшимъ состояніемъ Арійскаго консонантизма, гдѣ девяти согласнымъ мгновеннымъ соответствовало 6 протяжныхъ (I. k, g, gh; t, d, dh; p, b, bh; II. j, s, v; r, n, m ¹⁾).

По отношенію къ звону согласные (за изъятіемъ плавныхъ, которые являются обоюдными) распределены въ суффиксахъ такъ: комбинаціи со *звонкими* (й, в, д, г, з, ж, б) 30; съ *тихими* же (т, н, с, ц, ч, ш, п) 79. И такъ рѣшительный перевѣсъ оказывается на сторонѣ послѣднихъ. Отношеніе было бы еще рѣзче, если бы мы приняли во вниманіе обширную роль звука к въ сложныхъ суффиксахъ, далеко не полно выражаемую его показателями: 10. Роль звонкихъ въ суффиксахъ не мало ослабляется еще тѣмъ, что въ очень многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся здѣсь съ образованіями темнаго происхожденія (напр. д, і, з, ж, б), и сомнительной оригинальности. Тѣмъ не менѣе не основательно было бы заподозривать Славизмъ того или другаго суффикса по той единственно причинѣ, что въ его составѣ является звукъ звонкій, а не тихій, такъ какъ къ числу первыхъ принадлежатъ й, в, играющіе довольно обширную и самостоятельную роль въ Славянской морфологій.

По *органамъ* произношенія согласные въ образованіи исчисленныхъ 159 суффиксовъ находятся въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

зубные (н, т, д, ц, з, с)	въ 77 суффиксахъ;	
небные (й, ч, ж, ш)	" 18	"
гортанные (к, г, х)	" 24	"
язычные (л, р)	" 25	"
губные (в, ш, п, б)	" 15	"

1) *Schleicher. Compendium.* 10.

Итакъ всѣхъ чаще встрѣчаются зубные и гортанные, съ примыкающими къ нимъ небными; всѣхъ рѣже губные; средину занимаютъ язычные.

Нельзя утверждать, чтобы разсмотрѣнные числовыя отношенія безошибочно выражали дѣйствительную роль разныхъ звуковъ въ образованіи именныхъ основъ. Нѣкоторыя несообразности этихъ показаній прямо бросается въ глаза. Такъ напр. по нашимъ цифрамъ звуки *к* и *р* должны бы встрѣчаться по-ровну въ образованіи суффиксовъ, между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что *к* играетъ въ образованіи тѣмъ роль несравненно болѣе обширную, чѣмъ *р*. Тоже должно сказать о *х* въ сравненіи съ *г* (7: 7), о *ц* въ сравненіи съ *з* (5: 5) и т. д. Для установленія отношеній болѣе точныхъ, необходимо провѣрить изложенныя указанія по другому методу, напр. высчитать процентное отношеніе именныхъ суффиксовъ съ разными элементами, на основаніи текста Церковнославянскаго, Русскаго и т. п.

Опытъ подобнаго вычисленія произведенъ нами, съ приближительной точностію, по тексту Древнеславянскаго перевода „XIII словъ Григорія Богослова“¹⁾, при чемъ оказалось слѣдующее.

Между 200 именныхъ суффиксами, встрѣтившимися въ избранномъ отрывкѣ, находится: вокальныхъ 59, консонантныхъ же 141.

Въ числѣ послѣднихъ:

21	суф. образованныхъ	придыхательными	(й: 19; в: 2);
53	„	плавными	(м: 14; н: 31; л: 3; р: 5);
35	„	зубными мгновенными	(т: 31; д: 4);
12	„	гортанными	(к: 7; г: 0; х: 5);
9	„	свистящими	(ц: 2; з: 0; с: 7);
9	„	шипящими	(ч: 3; ж: 0; ш: 6);
2	„	губными мгновенными	(п: 1; б: 1).

Сравнивая этотъ счетъ съ предшествующимъ, мы находимъ существенное различіе въ числовомъ опредѣленіи роли гласныхъ звуковъ въ образованіи суффиксовъ. Въмѣсто прежняго отношенія 4 (гласн.): 159 (согл.) мы получаемъ: 59: 141. Послѣднее несомнѣнно вѣрнѣе, такъ какъ суффиксы вокальные, несмотря на малое число ихъ обычныхъ комбинацій, являются уже въ Древнеславянскомъ очень частымъ и важнымъ дѣятелямъ въ образованіи именныхъ основъ.

Въ ряду согласныхъ плавные обнимаютъ 25%, что почти совершенно согласно съ отношеніемъ, выведеннымъ выше (30, 6%).

1) См. изданіе СПб. Академіи наукъ. 1876. стр. 110—112.

Число суффиксовъ съ протяжными и мгновенными опредѣляется отношеніемъ: 97: 44 (ср. выше: 98: 61), слѣд. фактъ перевѣса первыхъ надъ вторыми подтверждается еще болѣе рѣзкимъ образомъ.

Отношеніе суффиксовъ съ тихими и со звонкими (за изъятіемъ плавныхъ) опредѣляется цифрами: 62: 26 (ср. выше: 79: 30). Для трехъ звонкихъ (г, з, ж), поставленныхъ нами выше въ ряду сомнительныхъ дѣятелей темообразованія, не оказалось ни одного примѣра, что вполне соотвѣтствуетъ незначительности ихъ роли въ Славянской морфологіи.

Въ распредѣленіи согласныхъ по органамъ получаются и здѣсь отношенія, аналогичныя предшествующимъ:

зубные	участвуютъ въ	75 суф.	(ср. выше: 77);
небные	"	" 28	" (" " 18);
гортанные	"	" 12	" (" " 24);
язычные	"	" 8	" (" " 25);
губные	"	" 18	" (" " 15).

Итакъ преобладаніе зубныхъ надъ всеми другими подтверждается и новымъ вычисленіемъ; но роль губныхъ нѣсколько выдвигается впередъ, превышая въ употребленіи не только гортанные, но и язычные, которые оказываются факторомъ болѣе скромнымъ, чѣмъ какъ могло казаться по числу образуемыхъ ими комбинацій суффиксовъ. Второе мѣсто послѣ зубныхъ приходится, слѣдовательно, оставить за гортанно-небными (въ совокупности 40); третье мѣсто займутъ (благодаря носовому м) губные, а послѣднее язычные.

2. О суффиксахъ основъ глагольныхъ.

Разсмотрѣвъ суффиксы основъ именныхъ, перейдемъ къ основамъ глагольнымъ. Онѣ отличны отъ именныхъ не только въ симазіологическомъ, но отчасти и въ морфологическомъ отношеніи. Вокальные элементы составляютъ, какъ мы видѣли, въ суффиксахъ именныхъ основъ факторъ несравненно слабѣ согласныхъ (59: 141); въ глаголахъ наоборотъ они играютъ роль преобладающую. Въ связи съ этимъ находится фактъ, что многія именныя основы представляютъ комплексъ звуковъ закрытыхъ позвучнымъ согласнымъ (напр. при суффиксахъ: ер, ес, ыш, ма, ат); въ глаголахъ же мы постоянно имѣемъ предъ собою основы открытыя, за исключеніемъ

развѣ временныхъ темъ съ суффиксомъ ес, хотя и тутъ находимъ обыкновенно какой нибудь вокальный позвукъ (а, е, ъ).

Неоспоримое различіе основъ глагольныхъ и именныхъ не простирается однако до такой степени, чтобы устранять всякую между ними аналогію. Суффиксы тѣхъ и другихъ равно были нѣкогда самостоятельными словами; произошли изъ корней субъективныхъ или (въ новѣйшихъ образованияхъ) опустѣлыхъ по значенію объективныхъ (вас, ѳу и т. п.); составляютъ слогъ, если не утратили своего вокального элемента. Подобно суффиксамъ именовымъ, глагольные способны, хотя и въ меньшей мѣрѣ, къ дальнѣйшему наращенію и могутъ являться въ видѣ суффиксовъ сложныхъ или слитныхъ, напр. суффиксъ ова (ou+a). Наконецъ связующимъ звѣномъ основъ именныхъ съ глагольными служатъ формы инфинитива и причастныя. Какъ по значенію, такъ и по образованію онѣ являются родомъ грамматическихъ амфибій. Съ пространственными функциями именъ (въ склоненіяхъ) онѣ соединяють временныя (въ спряженіяхъ) глаголовъ; кромѣ разсмотрѣнныхъ выше именныхъ суффиксовъ (ти, тоу; жшт, ѡш, ль, иѣ, нѣ), онѣ заключаютъ въ себѣ еще особыя глагольные суффиксы (нѣ, а, ова, ѣ, и), которые будутъ разсмотрѣны нами вслѣдъ за симъ.

Число видоизмѣненій глагола, или его тематическихъ развѣтвленій, чрезвычайно обширно, чуть ли не обширнѣе именныхъ. Если сосчитать всѣ формы любого Славянскаго глагола по видамъ, залогамъ, наклоненіямъ, временамъ и лицамъ, то получится нѣсколько сотъ видоизмѣненій одного и того же корня, въ области преимущественно основъ, такъ какъ словообразующими элементами глаголовъ являются одни личные суффиксы, съ ихъ различеніемъ по числамъ.

Удивительно, какими простыми звуковыми средствами достигается въ Славянскомъ (какъ и другихъ Арійскихъ) языкѣ это грандіозное развитіе глагольнаго корня въ области темъ! Пять суффиксовъ видовыхъ (нѣ, а, ова, ѣ, и); два для наклоненій (е, і); одинъ для временъ (съ=хъ): восьмью этими суффиксами и исчерпываются морфологическія средства Славянскаго языка при развитіи темъ чисто глагольныхъ (безъ причастій и инфинитива)! Если прибавить сюда еще три личные суффикса глагола, то мы получимъ 11 суффиксовъ для всѣхъ его видоизмѣненій, въ области не только темъ, но и словъ! При разсмотрѣніи глагольныхъ темъ, необходимо обращать вниманіе

на то обстоятельство, что всѣ онѣ даже морфологически группируются около двухъ логическихъ центровъ: а) темы аористовъ (онѣ же инфинитива) и б) темы настоящихъ временъ, а иногда и имперфектовъ.

По внѣшнему виду перваго рода темы можно бы назвать простыми или краткими, а вторыя распространёнными.

Краткія глагольныя основы (аористныя или инфинитивныя) могутъ быть образованы въ Славянскомъ языкѣ шестью различными способами:

1. Корень принимается за основу;
2. къ корню прибавляется суффиксъ *нѣ*;
3. къ корню или основѣ прибавляется суффиксъ *а*;
4. " " " " " " *ова* (*оуа*);
5. " " " " " " *ѣ*;
6. " " " " " " *и*.

Такъ получается шесть видовъ или классовъ Славянскаго глагола, отличныхъ какъ по строенію, такъ и по значеніямъ, вслѣдствіе чего на нихъ должно быть обращено особое вниманіе какъ въ морфологіи, такъ и въ синтаксисѣ Славянскаго языка.

Первый изъ 6 видовъ существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что по отсѣченіи суффиксовъ временныхъ или модальныхъ (*хъ*, *ти*) мы получаемъ въ немъ односложный комплексъ звуковъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ классахъ остается въ результатѣ два и даже три слога. Такъ напр. по отсѣченіи суффикса *ти* мы получимъ для каждаго изъ шести классовъ слѣдующія звуко сочетанія:

1. *да*, *би*, *обоу*, *бѣи*, *сѣ*, *пек*, *жи(в)*, *ма*, *трѣ*;
2. *нос-нѣ*, *гѣб-нѣ*, *дрѣз-нѣ*, *гѣ(б)-нѣ*;
3. *чес-а*, *рѣд-а*, *бѣг-а*, *дѣл-а*;
4. *лмк-ов-а*, *цѣл-ов-а*, *вог-ев-а*,
5. *бѣд-ѣ*, *мын-ѣ*, *им-ѣ*, *блест-ѣ*;
6. *боуд-и*, *сад-и*, *блѣд-и*.

1. По своей роли въ образованіи глагольныхъ формъ, *первый* изъ шести видовъ совершенно аналогиченъ пяти послѣднимъ, почему и принимается, подобно имъ, за глагольную основу; но въ сущности онъ такъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ, въ морфологическомъ отношеніи, какъ только можетъ быть отличенъ односложный корень отъ многосложной основы.

Число глаголовъ первого типа не очень значительно: Миклошичъ насчиталъ до 100. Мы видимъ въ нихъ глаголы самой простой и древней формаци.

2. Второе мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ глаголы, образованные суффиксомъ *нѣ*. Онъ приставляется обыкновенно къ корнямъ и образуетъ основы первичныя, тогда какъ остальные суффиксы весьма часто приставляются и къ именнымъ основамъ, образуя такимъ образомъ темы вторичныя.

Что касается происхожденія слога *нѣ*, то сравнительное языкованіе ставитъ его въ одинъ рядъ съ Греческимъ суффиксомъ *ω* (въ формахъ: *δαίωμι*, *πύωμι*), соответствующимъ Санскритскому *ни*. Есть дѣйствительно основаніе предполагать, что ризація слога *ноу* произошла въ Славянскомъ языкѣ во время сравнительно позднее, являясь родомъ удвоенія элемента *н* (*нѣ*—*нуц* или *нан*). Въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ бѣглый характеръ второго носоваго (двигнѣ: *двигнешн*, — *нетъ*), такъ и случаи перегласовки *кса* (*ж*) въ слогъ *ов*, что возможно объяснить лишь предположеніемъ, что въ этомъ *ж* скрывается древній *оу*: *примоснѣса*: *примосновенъ*; *плннѣти*: *плнновенъ*; *двигнѣти*: *двигновенъ* и т. п.

3. Глагольныя основы на *а* обнимаютъ очень обширный кругъ формъ, съ разнообразнымъ значеніемъ, при чемъ встрѣчаются темы какъ первичныя (*чесати*, *рѣдати*), такъ и вторичныя (*дѣлати*, *оупокати*, *стрѣлати*). Иногда этотъ суффиксъ какъ будто удваивается, такъ что получается тема трехсложная: *сочет-ава(ти)*, *оувѣшт-ава(ти)*; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ ложится на суффиксъ съ другимъ гласнымъ: Рус. *сказывать*, *игрывать*.

Гласный суффиксъ *а* встрѣчается и въ прочихъ Арійскихъ языкахъ: Лат. *amahe*; Греч. *τινάω*; въ Санскритѣ онъ звучалъ *аја*.

4. Въ темахъ на *а* примаютъ основы на *ова*. Суффиксъ этотъ есть слитный: онъ явственно распадается на два: *ов+а*. Касательно первого элемента возможны два мнѣнія: либо онъ самостоятельно произошелъ изъ мѣстоименнаго корня *ова* (*овъ*); либо развился подъемомъ изъ звука *ъ* (=а, *оу*) именныхъ темъ, отъ которыхъ произошли относящіяся сюда глагольныя основы. Последнее предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ оно подтверждается и производнымъ (*denominativa*) характеромъ глаголовъ этого типа, и явленіемъ слога *оу* въ темахъ настоящаго времени: *цѣловати*: *цѣлоуж*; *даровати*: *дароуж*; *воювати*: *воюж*. Принимая это мнѣніе, не надобно

думать, будто суффиксъ ов могъ развиваться лишь изъ именныхъ темъ на оу; возможно допустить образованіе его и изъ основъ на а, чрезъ посредство ъ, въ которомъ совмѣщался характеръ какъ одного, такъ и другаго прагласнаго. Мы допускаемъ здѣсь такой же переходъ звуковъ, какой совершился въ развитіи суффикса родительнаго множественно на овъ, въ темахъ не только оу, но и а.

5. Темы на ѣ примыкають съ одной стороны къ темамъ на а, а съ другой къ темамъ на и, что видно на основахъ настоящаго времени:

а) имѣти: имѣѣши; ср. рѣдати: рѣдаѣши;

б) бѣдѣти: бѣдиши; ср. садити: садиши.

Такая двойственность формъ этого типа коренится, по всей вѣроятности, на двойственности происхожденія и характера звука ѣ(а+і): одной своей стороною онъ примыкаетъ къ а, а другой къ і (ср. сѣсти: садиши; вѣдѣти: видѣти). Быть можетъ въ этомъ обстоятельстве лежитъ источникъ разногласія, а вмѣстѣ и почва для примиренія взглядовъ на происхожденіе этого суффикса: Шлейхеръ выводилъ его изъ аја(=еје=ѣ), а Миклошичъ изъ ја(=ај, еј, ѣ). Возможно какъ то, такъ и другое; но позволительно допустить и третье, именно формы ѣти, ѣѣши выводите изъ аја (по Шлейхеру), а формы ѣти, иши изъ ја (по Миклошичу).

6. Шестой и послѣдній видъ темъ имѣетъ суффиксъ и. Формы, имъ образованныя, представляютъ основы по большей части вторичныя: побѣда: побѣдѣти; покой: покоити, садъ: садиши. Этотъ суффиксъ и замѣчательнъ тѣмъ, что остается и въ темахъ настоящаго (какъ въ одной половинѣ глаголовъ 5 класса); но онъ является тамъ, по-видимому, результатомъ вторичнаго стяженія, какъ увидимъ ниже.

Изъ темъ, образованныхъ шестью исчисленными способами, развился, посредствомъ дальнѣйшихъ суффиксовъ, рядъ другихъ основъ, съ общимъ смысломъ прошедшаго или будущаго времени, какъ въ причастныхъ, такъ и личныхъ формахъ. Суффиксы прошедшихъ причастій (ѣш, ѣш, ѣ; нѣ, гѣ) разсмотрѣны уже выше, въ обзорѣ именныхъ основъ. Что касается темъ аористныхъ, то онѣ бывали въ Древнеславянскомъ либо совершенно обнаженныя отъ всякаго временнаго суффикса (идѣ, идомѣ, вѣнидѣ в.м. позднѣйшихъ идохъ, идохомѣ, идоша; сѣдѣ, сѣдомѣ, сѣдѣ в.м. сѣдохъ, сѣдохомѣ, сѣдоша и т. п.), либо прираженныя суффиксомъ с: чисѣ(чѣт-сѣ), сѣблюсѣ, привѣсѣ, принѣсѣ, погрѣсѣ, вѣзасѣ, распасѣ, сѣнаса. Впрочемъ какъ та, такъ и

другая форма, соответствующія Греческому II и I-ому аористамъ, довольно рано выходятъ изъ употребленія въ славянщинѣ и замѣняются новымъ видомъ аориста съ суффиксомъ: хъ (вм. съ).

Славянскій аористъ раскололся затѣмъ на двѣ формы: краткую (оконченнаго дѣйствія) и распространенную (неоконченнаго, или несовершеннаго дѣйствія и состоянія). Элементомъ распространенія является звукъ а, который въ згнннн прикрывается іотомъ: чоу-га-хъ, мзи-га-хъ, одѣгахъ (при краткихъ аористныхъ формахъ: чоухъ, мзихъ, одѣхъ). Трудно сказать, въ какомъ отношеніи къ этимъ формамъ Славянскаго переходящаго находится тѣ, въ которыхъ вмѣсто одного а появляется его удвоеніе: аа, ага: бихъ: бигахъ; лихъ: лигахъ; пѣхъ: погахъ; плоухъ: пловахъ; дѣхъ: дѣгахъ; махъ: мѣгахъ. Возможно двойное предположеніе: либо перваго рода формы (съ одиночнымъ а) представляютъ позднѣйшее и довольно рѣдкое стяженіе вторыхъ (аа), какъ это допускаютъ по отношенію къ а инфитивовъ на ати (изъ: аја-ті); либо наоборотъ, формы аахъ развились изъ древнѣйшихъ на ахъ, по вліянію аналогіи переходящихъ временъ глаголовъ съ суффиксами въ инфинитивѣ: а, ѣ, и, т. е. что формы бигахъ, погахъ, развились изъ болѣе древнихъ: бигахъ, погахъ, по дѣйствию формъ: дѣлаахъ, жадаахъ, писаахъ; слышаахъ; велѣахъ (и: велѣгахъ), дѣлаахъ, люблаахъ. Первое предположеніе имѣетъ за себя чрезвычайную рѣдкость въ Древнеславянскомъ языкѣ формъ переходящаго съ одиночнымъ а, а также фактъ позднѣйшаго повсемѣстнаго стяженія суффикса аахъ въ ахъ: древнія стяженныя формы на ахъ могли быть слабымъ предвѣстникомъ того обширнаго звуковаго процесса, который обнялъ въ послѣдствіи весь подлежащій матеріалъ языка. Но съ другой стороны, если не соблазняться внѣшнимъ видомъ суффиксовъ переходящаго времени (аахъ, махъ), а обращать особенное вниманіе на происхожденіе ихъ элементовъ, то окажется, что большинство Древнеславянскихъ глаголовъ имѣли характеромъ означеннаго времени суффиксъ съ одиночнымъ а, такъ какъ первое а (въ суф. аахъ) не только можно, но и должно принимать за характеръ не переходящаго времени, а первой глагольной основы, которая удерживается и въ аористѣ: дѣла-хъ: дѣла-ахъ; мета-хъ: мета-ахъ; кова-хъ: кова-ахъ; жьда-хъ: жьда-ахъ; велѣ-хъ: велѣ-ахъ; висѣ-хъ: висѣ-ахъ; дѣли-хъ: дѣли-ахъ; оучи-хъ: оуча-ахъ. Мы считаемъ послѣднее предположеніе болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, при подобномъ объясненіи перваго изъ удвояемыхъ гласныхъ, число формъ съ чисто-временнымъ суффиксомъ аахъ (какъ: бигахъ, погахъ) будетъ очень незначительно; слѣ-

довательно, принимая характеромъ Славянскаго имперфекта звукъ а, мы отдаемъ предпочтеніе прочнымъ основаніямъ этимологическимъ предъ призрачными очевидностями звуковымъ.

Что касается способа распространенія суффикса аахъ на темы не только съ элементомъ а, но и съ ѣ, и, даже ѣѣ и односложныя, то это должно было произойти по аналогіи самыхъ частыхъ формъ имперфекта, какими несомнѣнно, по своему значенію, были темы на а, заключающія въ себѣ понятіе длительности и незаконченности дѣйствія, или состоянія. Всѣхъ легче могли сбиться на тотъ же путь основы на ѣ, чрезъ промежуточную ступень звука и; за темами ѣ должны были слѣдовать родственныя имъ на и, а въ концѣ концовъ этотъ процессъ обобщенія обнялъ и глаголы перваго и втораго классовъ: вести: ведѣахъ; печи: печѣахъ; гнѣти: гнѣахъ; тагнѣти: тагнѣахъ.

Когда въ послѣдствіи начался процессъ стяженія сосѣднихъ гласныхъ, то во многихъ случаяхъ исчезло всякое различіе между темами аориста и имперфекта. Это произошло именно въ глаголахъ 3 и 4 класса по строенію лервыхъ основъ: изъ дѣлаахъ образовалось дѣлахъ, изъ воюваахъ—воювахъ, т. е. формы прошедшаго растяженнаго слились съ краткими. Это сліаніе началось очень рано и образцы его встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности. Быть можетъ это обстоятельство не осталось безъ вліянія на вторичную дифференцировку двухъ аналогичныхъ формъ въ суффиксахъ 2 и 3 л. ед. и 3 множ. Она выразилась въ томъ, что общій характеръ времени обѣихъ формъ х(ѣ) оставленъ въ однихъ формахъ, а видоизмѣненъ или выброшенъ въ другихъ. Такъ въ 3 л. мн. ч. мы встрѣчаемъ суффиксъ хъ(т) въ имперфектѣ, но шѣ(т) въ аористѣ; въ 2 и 3 л. ед. тотъ же суффиксъ, хотя и видоизмѣненный въ ш, сохраненъ въ темахъ времени преходящаго (быше, мѣше), но изнанъ безслѣдно изъ основъ аористныхъ (би, мѣи). Обнаружилось стремленіе дифференцировать какъ-нибудь еще формы 3 л. дв. и 2 л. мн., совпадавшія въ однообразныхъ суффиксахъ: ста, сте (дѣлааста: дѣласта; писаасте писасте). Въ имперфектѣ, по аналогіи формъ единств. числа, стали показываться оригинальныя формы: шета, шете; но онѣ не имѣли уже времени распространиться и утвердиться въ языкѣ.

Суффиксъ с(ис) образовалъ, какъ въ Греческомъ, такъ и въ Славянскомъ языкѣ, темы не только аористовъ, но и *будущаю* времени, если позволительно судить объ этой давно утраченной категоріи

Славянскаго спряженія на основаніи единственной надежной формы: *бъишцѣю*, которая разъ пять встрѣчается въ рукописи XIII Словоу Григорія Богослова (въ смыслѣ Греческихъ: τὸ μέλλον, γειόμενον, εἰόμενον), а также и въ нѣкоторыхъ другихъ Древнеславянскихъ памятникахъ. Эта причастная форма предполагаетъ изъяснительную на шь: *бъишь* (ср. *бъдѣцѣю*: *бъдѣ*), что вполне совпадаетъ съ литовской формой *busiu* и Греческой *φύσω*. Славянскіе филологи, съ легкой руки Шафарика, приводятъ еще полъ—дюжины формъ Древнеславянскаго будущаго: *измишь* (отъ *минѣти*), *бѣгасѣж* (*бѣгати*), *обрѣсѣж* (*брити*), *въснопѣсѣж* (*копати*), *тънѣсѣж* (*тънѣти*), *пласѣж* (*планѣти*). Надобно сознаться, что ни одна изъ этихъ шести формъ не представляетъ столь ясныхъ примѣтъ будущаго, чтобы могла разсвѣять всѣ сомнѣнія и возраженія. Четыре послѣднія формы очень легко могутъ быть объяснены какъ формы настоящаго времени отъ инфинитивовъ *нажѣти*, со вставочнымъ *с* (ср. именные суффиксы: *снѣ*, *знѣ*, *изнѣ*, *остѣ*: *баснѣ*, *боизнѣ*, *отъчизнѣ*, *милостѣ*); изъ двухъ же первыхъ очень темныхъ формъ нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода.

Другая глагольная основа (настоящихъ временъ) характеризуется вставочнымъ гласнымъ, который является въ видѣ то *е*, то *э*: *плет-е-ши*, *дѣи-еть*; *несѣж*(*несон*), *несѣж*(*онтѣ*); *везомѣ*. Лишь четыре архаическіе глагола (*юсмѣ*, *гамѣ*, *вѣмѣ*, *дамѣ*) образуютъ *praesens indic.* безъ этого вставочнаго гласнаго. Въ глаголахъ 5 и 6 класса, т. е. съ темами *ѣ*, *и*, встрѣчаются формы безъ вставочныхъ *е*, *о*: *бѣдиши*, *блѣдиши*; *трьпимѣ*, *любимѣ*. Руководствуясь аналогією, можно предположить, что и эти формы развились при участіи, хотя и скрытомъ, вставочнаго гласнаго *е* (*о*), т. е. что вышеприведенныя формы: *бѣдиши*, *любимѣ* развились изъ древнѣйшихъ: *бѣди-ю-ши*, *люби-ю-мѣ*. Стяженіе сосѣднихъ слоговъ *и+ю* въ одинъ (долгий)², путемъ ассимиляціи сосѣднихъ гласныхъ, не представляется явленіемъ невозможнымъ. Въ параллель этому роду стяженія можно поставить извѣстные случаи стяженія прилагательныхъ сложныхъ: *добра+юго*—*добраго*, Чеш. *dobrého*; или глагольныхъ формъ: *видѣтахъ*: *видѣхъ*. Еще большее сходство съ разсматриваемыми формами стяженія имѣетъ Древнеславянская же форма *имаѣ* изъ *има+юмѣ*.

Нельзя сказать, чтобы приведенныхъ соображеній достаточно было для окончательнаго разъясненія вопроса объ отношеніи формъ на *юши* къ формамъ на *иши*; однако гипотеза о скрытомъ присутствіи гласной *е* въ составѣ звука *и* является пока единственнымъ

богѣ или менѣе рациональнымъ объясненіемъ разсмотрѣнныхъ формъ, вслѣдствіе чего должна быть удержана до присканія лучшей.

Что касается происхожденія вставнаго въ распространенныхъ темахъ звука, то большинство изслѣдователей склоняется къ предположенію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ элементомъ эфоническаго, а не этимологическаго происхожденія. Такой элементъ встрѣчается въ Санскритѣ (а), въ Греческомъ (ε) и другихъ Арійскихъ языкахъ. Шлейхеръ предполагалъ, что соединительный гласный (α; ε; е, о) по являлся первоначально лишь въ тѣхъ глагольныхъ темахъ, гдѣ представлялся эфоническій къ тому поводъ. Потомъ, по аналогіи, онъ распространился и на всѣ другія основы, проникнувъ даже въ аористы, при согласныхъ темахъ: *иде, идомъ, идѣ; идохъ, идохомъ; ведохъ, гребохъ, мегохъ, толохъ, гъбохъ.*

Все это произошло въ пору столь отдаленную, что не представляется фактическихъ данныхъ для убѣдительнаго рѣшенія вопроса. Даже эфоническій характеръ соединительнаго гласнаго кажется намъ предположеніемъ, далеко еще не доказаннымъ. Можно прискать эфоническіе мотивы для появленія и многихъ другихъ вокальныхъ суффиксовъ (а-ти, м-ти, ѣ-ти), но много ли пользы наукѣ отъ столь шаткихъ предположеній?

Есть случаи, гдѣ въ темахъ настоящаго времени, кромѣ вставочнаго е, появляется еще при немъ небный элементъ и, ѣ, который отражается то въ іотации гласнаго е, то въ разложеніи предшествующаго согласнаго: *ливши, сѣвши; пишеши, жадеши, приимлѣши.* Въ первомъ случаѣ (при открытыхъ корняхъ, какъ: *лити: ливши*) ѣ могъ быть эфонической при зіаніи вставкой; но трудно предполагать тоже при корняхъ закрытыхъ, какъ *пис, жад, им.* Въ параллель съ этими Славянскими формами можно поставить Греческія: *φαίνω (φαίνω), τείνω; ἔδωμι (ἔδ-ι-ομι), κράω (κραγ-ι-ω), στέλλω (στελίω)* и т. п.

Кромѣ вокальной вставки (соединительнаго гласнаго), вторая глагольная основа характеризуется и нѣкоторыми другими особенностями; подтверждающими за ней названіе основы распространенной. Она принимаетъ иногда и согласныя прибавки, то въ концѣ корня (въ видѣ суффиксовъ), то въ срединѣ его (въ видѣ infixовъ). Такова приставка звука *д* въ формахъ настоящаго времени глаголовъ: *бзи-ти, м-ти, о-дѣ-ти, дати: бѣ-д-еть, м-д-еть, о-де-ждѣ-тъ, да-дать.* Изъ настоящаго этотъ вставной *д* перешелъ иногда въ имперфектъ и даже въ аористъ: *бѣдѣахъ, идѣахъ; идохъ, идѣ, идомъ, идѣ.* Это

вставное *д* распространилось впоследствии въ Сербскомъ нарѣчїи какъ на презенсъ, такъ и на аористъ: дадемъ, знадемъ, имадемъ; дадохъ, знадохъ, имадохъ. Что касается происхожденія этого вставочнаго согласнаго, то всего вѣроятнѣе предположеніе, что въ немъ скрывается корень *дѣ* (*dhâ*, *θε*: *дѣ-ти*, *дѣ-ль*, *дѣ-нѣ*), подобно тому, какъ онъ скрывается въ Латинскихъ формахъ: *vendo*, *credo*, *perdo*, а быть можетъ и въ Греческихъ *πρήθω*, *πλήθω*, и въ страдательномъ аористѣ *θη*.

Примѣръ внутренняго распространенія корня во второй глагольной основѣ представляютъ тѣ формы, гдѣ произошла ринезація кореннаго гласнаго, такъ какъ она равносильна вставкѣ носоваго *и*, *м*: лешти: лажеть; сѣсти: садеть; обрѣсти: обрѣтеть; бѣжити: бѣдетъ (изъ бѣид-еть?). Въ послѣднемъ примѣрѣ нужно предположить развитіе корня *бѣи* сначала звукомъ *д*: бѣид (ср. *ид*, *дад*), а потомъ вставочнымъ (по аналогіи формъ: *лаг*, *сад*, *рат*) въ средину этого комплекса звукомъ *и*(*м*). Аналогичное расширеніе корня въ основахъ настоящаго вр. встрѣчается и въ классическихъ языкахъ: *λα-μ-β-άνω*; *το-γ-χ-άνω*; *ju-n-g-o*, *pu-n-g-o*.

Послѣдній способъ расширенія второй глагольной основы состоятъ въ усиленіи кореннаго гласнаго: *пѣ-ти*: *пои-ж*; *плѣти*: *плов-ж*; *ли-ти*: *лѣ-ж*; *сми-латиса*: *смѣ-жса*; *рю-ти*: *рев-ж*; *зѣв-ати*: *зов-ж*; *бѣр-ати*: *бѣр-ж*; ср. Пол. *nieść*: *nieść*; *wieźć*: *wieźć* и т. п.

Ринезація и усиленіе кореннаго гласнаго могутъ, по вышеизложеннымъ соображеніемъ, быть принимаемы за родъ инфикса—согласнаго въ первомъ случаѣ, и гласнаго во второмъ, вслѣдствіе чего эти явленія представляютъ видоизмѣненія одного и того же морфологическаго приѣма.

Отъ второй глагольной основы, которую мы назвали распространенною, производятся, посредствомъ особыхъ суффиксовъ, темы настоящаго времени не только изъявительнаго, но и другихъ наклоненій, именно: повелительнаго и причастія.

Изъявительное не имѣетъ особаго модалнаго суффикса, если не считать таковымъ разсмотрѣнный выше вставочный звукъ *е*, *о*, который обыкновенно выводятъ изъ требованій эвфонїи.

Повелительное наклоненіе имѣетъ въ Славянскомъ суффиксъ *и*, который во множ. числѣ видоизмѣняется обыкновенно въ *ѣ* или *и* (послѣ согласныхъ), а въ обоихъ числахъ въ *й* послѣ гласныхъ: *иди*: *идѣтъ*; *неси*: *несѣтъ*; *дѣйи*: *дѣѣтъ*; *бий*: *бейте*; *пой*: *пойте*.

Нѣкоторое уклоненіе отъ общихъ нормъ представляютъ глаголы на *ѣти* (праес. *иши*) и *ити* (праес. *иши*). Во множ. числѣ они не измѣняютъ своего и въ *ѣ*: велите, видите, любите, таите. Быть можетъ это происходило отъ большей силы звука *и*, образованнаго въ этихъ глаголахъ изъ сліянія двухъ гласныхъ: 1) *ѣ*, и глагольной основы; 2) и императива: *дѣ-ли-ти*: *дѣ-ли-и=дѣ-ли*; *люби-те*: *любите*. Такимъ образомъ возможно предположить въ этомъ *и* (какъ результатъ контракціи) долготу, которая отразилась какъ въ большей устойчивости этого звука въ Древнеславянскомъ, такъ и въ преобладаніи на этомъ слогѣ ударенія въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ Русскомъ: *дѣлите*, *острите*, *любите*, *несите*, *оучите*, *трлите*, при отсутствіи въ тѣхъ же формахъ ударенія въ настоящемъ изъявительнаго.

Что касается происхожденія суффикса *и* въ Славянскомъ императивѣ, то его объясняютъ аналогіею Греческаго оптатива, гдѣ звукъ *i* (*η*) соотвѣтствуетъ Санскритскому *ja*, *ī*, *ē*. *).

*) Примѣч. Въ октябрьской книжкѣ Рус. Вѣстн. 1876 г. (т. 125) напечатана любопытная статья „объ образованіи основъ и времени Русскаго глагола“ г. Вестфала. Авторъ касается въ ней между прочимъ и вопроса о Славянскомъ императивѣ, который, согласно съ другими лингвистами, признаетъ за Арійскій оптативъ. При этомъ онъ останавливается на Русскихъ формахъ: *пеки*, *соги* и утверждаетъ, будто мы имѣемъ здѣсь предъ собою чрезвычайно архаичное образование, „что въ этомъ отношеніи Русскій языкъ гораздо древнѣе и первобытнѣе всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, первобытнѣе даже Церковнославянскаго“ (стр. 509). Это основывается на недоразумѣніи. Формы: *пеки*, *моги* (какъ и аналогичныя именныя: *луки*, *руки*, *ноги*) не только не превосходятъ, но наоборотъ далеко уступаютъ въ древности формамъ: *пеци*, *мози* (какъ и формамъ: *лѣци*, *рѣци*, *нози*), такъ какъ послѣднія господствуютъ и въ Русскомъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не только XII, но и XIII в. Формы же: *пеки*, *моги* развились въ немъ уже позже, на глазахъ исторіи, какъ въ этомъ можно удостовѣриться по фактамъ, собраннымъ въ изслѣдованіи г. Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка“ (стр. 53, 63, 79, 92, 106).

Промашъ г. Вестфала не стоить-бы не только опроверженія, но и упоминанія, если-бы авторъ не придалъ своему открытію чрезвычайной важности, говоря, что вышеозначенная „глагольная форма (*пеки*, *моги*) бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Русскаго языка и Малороссійскаго нарѣчія къ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ“ и дѣлая изъ этого выводъ, что „пора-бы вывести Русскій языкъ изъ той почти рабской зависимости отъ Церковнославянскаго языка, въ которую его до сихъ поръ ставятъ составители русскихъ грамматикъ“. Выводъ г. Вестфала столь же невѣренъ, какъ и послышаніе, на которыхъ онъ построенъ. Если самъ авторъ считаетъ полезнымъ проводить аналогію между формами Русскаго языка съ одной стороны, а Санскрита, Греческаго и Латинскаго съ другой, то онъ долженъ признать существованіе извѣстныхъ аналогій,

Чище всего сохранился слѣдъ слога ja въ формахъ: гандь, дамдъ, вѣмдъ, вимдъ (изъ гад-йа—гад-йѣ—ганд-ъ—гандь; дад-йа, вѣд-йа, вид-йа). Въ формахъ множественнаго: берѣмъ, берѣте, ѣ образовалось, какъ предполагають, изъ соединенія тематическаго гласнаго а съ модальнымъ суффиксомъ i: а+i=ѣ.

Изъ второй же глагольной основы, какъ сказано, развились формы настоящаго времени причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залоговъ. Суффиксъ перваго—ант (ср. выше), т. е. слогъ, почти неотличимый отъ личнаго суффикса 3 л. мн. ч. настоящаго изъявительнаго. Близость этихъ 2 формъ открывается и изъ того, что появленіе большаго или малаго юса въ обѣихъ формахъ взаимно совпадаетъ: ведѣть: ведѣшти (жен. р.); пенѣть: пенѣшти; биѣть: биѣшти; колѣть: колѣшти; но: видѣть: видѣшти; острѣть: острѣшти; дѣлѣть: дѣлѣшти; тамѣть: тамѣшти. Разсмотрѣніе скрывающихся въ основѣ этихъ формъ первыхъ глагольныхъ темъ показываетъ, что ѣ употребляется въ четырехъ первыхъ изъ шести вышеразсмотрѣнныхъ основъ (1) темы односложныя; 2) темы съ суффиксомъ ил; 3)—а; 4)—ова, ева); юсъ же малый употребляется въ темахъ 6-го класса (и). Что же касается 5-го класса (ѣ), то одна половина его сохраняетъ ѣ (бѣлѣти: бѣлѣшми: бѣлѣжъти: бѣлѣжшми), другая же измѣняетъ его въ а (велѣти: велѣшми: велѣтъ: велѣшми). Изъ этого слѣдуетъ, что измѣненіе ѣ въ а какъ въ той, такъ и въ другой формѣ (праес. 1) indic. 2) partic.) происходитъ при темахъ съ суффиксами ѣ, и и безъ сомнѣнія по дѣйствию этихъ элементовъ, т. е. что а=иѣ, ѣѣ. Такимъ образомъ большой юсъ въ этихъ формахъ древнѣе малаго. Откуда же проиѣтъ послѣдній во всѣ почти причастныя формы имен. п. муж. р., какъ напр. дѣм, вама, пшма, вѣма, дѣлм? Надобно предположить конечно, что и здѣсь существовалъ раньше ѣ, какъ видно

а слѣдов. и сторонѣ для сравненія между любымъ изъ современныхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчій и тѣмъ отпрыскомъ языка Древнеславянскаго, какой для насъ сохранился въ древнихъ памятникахъ Церковнославянской письменности. Научная разработка любого языка предполагаетъ сравненіе формъ его развитія какъ въ пространствѣ (диалектологія), такъ и во времени (исторія языка). Самые важные законы какъ фонетики, такъ и морфологіи всѣхъ Славянскихъ нарѣчій открыты преимущественно путемъ ихъ сравненія съ церковнославянщиной. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя долго еще будетъ служить незаменимымъ источникомъ для изученія Славянскихъ лингвистовъ и что она навсегда сохранитъ въ нашей филологіи значеніе Славянскаго Санскрита.

изъ косвенныхъ падежей: дѣжшѣ, вѣжшѣ и т. д. Онъ преобразился въ **а** во 1. вслѣдствіе ослабленія голоса въ концѣ слова и во 2. по вліянію мягкаго согласнаго, предшествующаго юсу. Первымъ объясняется между прочимъ то явленіе, что **л** (**лж**) сохранился въ жен. родѣ (при сохраненіи конечной гласной: пишѣшѣти); а второе подтверждается судьбою звука **л** въ темахъ, имѣющихъ твердые согласные позвукки. Въ этихъ случаяхъ юсь тоже нѣсколько помутился, но преобразился онъ при этомъ не въ **а**, а въ **ы**: зовѣи (зовѣшѣта), мѣны, ведѣи, пенѣи.

Что касается настоящаго причастія страдат. залога, то суффиксомъ его является элементъ **иѣ** (какъ въ прошедшихъ причастіяхъ нѣ, тѣ). Онъ приставлялся (какъ въ праес. *indicat.*) къ глагольной основѣ, распространенной вставочнымъ **е**, **о**: дѣиѣмъ, мѣиѣмъ, колѣиѣмъ; новомъ, зовомъ, ведомъ. Первый появлялся въ слогахъ мягкихъ (какъ **а** въ муж. р. прич. дѣиѣств.), а второй въ твердыхъ (какъ **ы**, тамъ же) Ихъ взаимное отношеніе и употребленіе совершенно аналогично юсамъ, т. е. **е**: **о** = **а**: **ы** (**ы**). Но въ темахъ на **ѣ**, **и** (праес. *indic. илии*) мы не находимъ въ явномъ видѣ вставочнаго гласнаго **е** или **о**: ви-димъ, любимъ. По аналогіи съ праес. *indic.* нужно предполагать, что этотъ вставочный **е**, **о** (если онъ тутъ существовалъ) слился съ тематическимъ **и**.

Что касается образованія темъ преходящаго времени (имперфекта), то подобно аористнымъ онѣ правильно образуются изъ первой (аористной) глагольной основы. Но есть случаи, гдѣ мы находимъ противное. Изъ 63 образцовъ Славянскаго спряженія, приведенныхъ въ таблицѣ Востокова ¹⁾, 43 образуютъ имперфектъ, изъ аористной глагольной основы, а 20 изъ второй или распространенной. Между послѣдними находится 10 имѣющихъ въ инфитивѣ форму I-го класса (односложная основа), 4—второго (нѣ-ти) и 6—шестаго (и-ти). Въ числѣ десяти односложныхъ основъ—3 имѣютъ позвукки чисто гласные (пѣ-ти: пож: пожахъ; плоти: пловѣ: пловѣахъ; стати: станѣ: станѣахъ), 2 гласные же, но при плавныхъ **л**, **р** (млѣти: мелѣж: мелѣахъ; трѣти: трѣж: трѣахъ), 3 юсовые (дѣти: дѣиѣж: дѣиѣахъ; жати: жѣиѣж: жѣиѣахъ; мати: мѣиѣж: мѣиѣахъ) и 2 согласные (пешти: печеть: печаахъ; жешти: жѣжеть: жѣжѣахъ). Касательно основъ съ юсовыми позвукками позволительно высказать предположеніе, что мы имѣемъ тутъ предъ собой фактъ фонетическаго, а не этимологическаго происхожденія.

¹⁾ Грамматика церковнославянскаго языка. 1863. Спб.

Юсы не могли стоять предъ гласными, почему и разлагались на свои обычные элементы: дѣти=дѣм-ти: дѣм-лахъ.

Не вводи́тъ также очевидно происхождение имперфектныхъ основъ отъ темъ вторыхъ или распротавенныхъ въ глаголахъ VI класса. Процессъ разложенія коренныхъ согласныхъ, подъ вліаніемъ созвучія и +а=л, могъ совершиться въ имперфектѣ и независимо отъ аналогическаго прецедента въ темѣ настоящаго: люби-ти: люби-лахъ=люб-лахъ; носи-ти: носи-аахъ=ношаахъ.

Такимъ образомъ число несомнѣнныхъ образцовъ производства имперфекта отъ темъ настоящаго оказывается довольно ограниченнымъ и можетъ быть потому принято за частное уклоненіе отъ общей нормы.

3. *Объ образованіи основъ мѣстоименій и числительныхъ.*

Разсмотрѣвъ морфологическіе приемы и средства Славянскаго языка, прилагаемые къ образованію основъ именныхъ и глагольныхъ, бросимъ теперь бѣглый взглядъ на характеръ темъ мѣстоименныхъ, а въ связи съ ними числительныхъ и частицъ.

По порядку логическому слѣдовало-бы темы мѣстоименныя разсматривать прежде именноглагольныхъ, такъ какъ первыя входятъ уже элементами въ образованіе послѣднихъ, какъ ихъ формативные экспоненты; но для ясности изложенія удобнѣе начинать съ формъ болѣе прозрачныхъ; между тѣмъ въ основахъ мѣстоименныхъ мы встрѣчаемся съ образованіями очень древними и вмѣстѣ очень трудными для научнаго анализа. Ни имена, ни глаголы не представляютъ въ строѣ рѣчи словъ столь малочисленныхъ и вмѣстѣ столь частыхъ по употребленію, какъ мѣстоименія и частицы. Вслѣдствіе того послѣднія подверглись съ теченіемъ времени чрезвычайнымъ звуковымъ измѣненіемъ, такъ что наукѣ все еще не удается возстановить ни первоначальнаго вида этихъ основъ, ни послѣдовательныхъ фазисовъ ихъ развитія. По этой причинѣ и мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями и сопоставленіями, ходячими въ наукѣ, хотя, по большей части, очень проблематической еще достовѣрности.

Основы мѣстоименій личныя.

1. Перваго лица. Славянское азъ соотвѣтствуетъ Санскритскому agham, Греч. ἐγώ, ἐγών, Лат. ego, Гот. ik (ich). Разлагають его дво-яко: 1) ag+am и 2) ma-gha-m¹⁾. Звукъ м вводится во второмъ раз-ложеніи, на основаніи его появленія въ темахъ другихъ падежей: мене, ма, меі, моѵ и т. п. Если послѣднее вѣрно, то корень ма могъ быть въ сродствѣ съ тѣмъ, который является въ формахъ: мѣ-нѣти; мамъ (ман-жѣ), мѣ-ра, мѣ-саць и т. п.; элементъ же г трудно объяснить; ср. Греч. γε.

2. Второго лица. Слово ты, звучало въ Санскритѣ: tvám, Лат. tu, Греч. σύ (Дорич. τῷ), Нѣм. du. Предполагать ли въ немъ корень tva, (по Воппу), или tu (по Шлейхеру), матеріальное значеніе его остается неизвѣстнымъ. Присутствіе губнаго согласнаго въ Санскритѣ отражается и въ нѣкоторыхъ формахъ Славянскаго: тебе, тобоѵ и т. п.

Столь же темны формы множ. и дв. числа этихъ мѣстоименій:

1. л. мы, ны, намъ;—вѣ, на;
2. л. вы, вамъ;—ва;

Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что въ основѣ этихъ формъ скрываются звукосочетаніе: 1. ma-sma (я-онѣ=мы); 2. tva-sma (ты-онѣ=вы); но самъ сознается, что ничего не можетъ привести для его подтвержденія.

3. Третьяго лица. Аналогію съ мене, тебе представляетъ, по своимъ формамъ, мѣстоименіе себе; ср. Лат. sibi, Греч. σέ, ἑ; ср. свой: suus, σός. Но въ Славянскомъ языкѣ оно имѣетъ, какъ извѣстно, отноше-ніе не только къ третьему (какъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Нѣ-мецкомъ), но и къ двумъ прочимъ лицамъ всѣхъ чиселъ. По зву-камъ разсматриваемая основа очень близка къ темъ 2 лица: тебе: себе=тъ: съ, того: сего. Родственны ли онѣ и по происхожденію,—это не можетъ быть ни утверждаемо, ни отрицаемо.

Въ самомъ близкомъ и непосредственномъ отношеніи къ неродо-вымъ личнымъ мѣстоименіямъ стоятъ, по своему образованію, мѣсто-именія *притяжательныя*. Онѣ произведены отъ личныхъ суффиксомъ йа: мой, твой, свой, нашъ, вашъ. Послѣднія формы развились, кажется,

1) Ср. Schleicher, Compend. 642.

изъ род. множ. *насъ, васъ+ѣа* (ср. *домъ: домовъ: домовой; часъ: часовъ: часовой*). Еще явственнѣе связь притяжательныхъ съ родит. падежемъ въ формахъ: *яговъ, т говъ*.

За отсутствіемъ въ Славянскомъ, какъ и въ другихъ Аріійскихъ языкахъ, специальной темы для обозначенія 3-го лица, фунгируютъ въ этой роли различные *указательные* мѣстоименные корни и ихъ основы.

а) *тъ, съ: того, сего*. Разница между этими двумя темами, кажется, часто фонетическаго характера: обѣ могли развиться изъ одного корня вторичной дифференцировкой. Въ Славянскомъ языкѣ переходъ *т* въ *с* можно видѣть въ формахъ: *да-си, я-си, въ-си*, гдѣ есть элементъ личнаго суффикса, происходящаго изъ мѣстоименнаго корня: *ты* (*tu*, Греч. *σύ*; ср. *τὸς: съиръ?*). Можно указать еще на аналогическій переходъ мгновеннаго въ протяжный въ формахъ: *гонѣ: жемѣ; годяти: жьдати; грѣло: жрьло; носъ: чесати*; а также въ случаяхъ диссимилациіи въ группахъ *дт. тт. чь-ти, пас-ти*. Корень *тъ, съ* является въ формахъ *тъи (тъ+и), тотъ (тъ+тъ), томитъ (тъ+митъ), такъ (тъ+къ), сикъ, селикъ, сиць, и т. п.*

Соотвѣтствующій Славянскому *тъ (съ)* мѣстоименный корень является во многихъ формахъ языковъ родственныхъ: *tam, talis, tum, tunc, tot; dum, demum; τὸί, ταί, οὗτος; der, dieser* и т. п.

б) *онъ*: ср. *ὄν, ἄνι, alius* (*αnyas: ить?*); исходною формою предполагають: *ана*.

в) *овъ*: ср. *ᾠθη, ᾠτήρ, ᾠτός; οὖν*; Лат. *ve*; праформа могла звучать: *ова*.

г) *и, я, ю*, обыкновенно съ частицею *же: име*. Въ основѣ предполагають слогъ: *ја*. По значенію своему это мѣстоименіе хотя и было первоначально указательнымъ (ср. *благъ+и=ὁ ἀγαθός*, Новоболгар. *благъ-т*); однако въ послѣдствіи утвердилось въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ *относительнаго* мѣстоименія (ср. *is, item, ibi; ἓς, ἕως; Нѣм. ja*).

Наряду съ указательными развились мѣстоименія *вопросительныя*. Корневою ихъ элементъ есть звукъ *и* въ соединеніи съ разными гласными: *къи (къ+и), каи, юю; чий; какъ (къ+къ); къ-то; коль (къ+ли); колитъ (къ+литъ), которъ (къ+тор)*; ср. *qui, quod, quam, cur; κῶς (πῶς), κότερος (πότερος)*. Въ основѣ всѣхъ этихъ формъ лежитъ, по видимому, слогъ *ка*. Изрѣдка появляется въ той же роли и корень *яа*, въ формахъ: *какъ (я+къ), юлитъ (ю+литъ)* и т. п.

Изъ соединенія темъ вопросительныхъ съ указательными развились *соотносительныя* (correlativa): кто: ть; какъ (такъ): такъ; коликъ (яликъ): толикъ; ср. κηλίχος (ήλίχος): τηλίχος.

Нѣсколько аналогично вопросительнымъ образовалось изъ корня *я* (ja?) *неопредѣленное* мѣстоименіе *кто*. Быть можетъ тотъ же корень лежитъ въ основѣ образованій: *нѣкто*, *нѣкъ*; *нѣмакъ*, *нѣколикъ* (ср. jemand, jemals; нѣкто: никто=jemand: niemand).

Очень остроумную теорію образованія мѣстоименныхъ корней и основъ представилъ г. Микуцкій ¹⁾. Онъ вычислилъ тѣ простѣйшія комбинаціи звуковъ, которыя были возможны въ Праарійскомъ языкѣ, при существованіи въ немъ трехъ лишь гласныхъ (a, i, u) и 18 согласныхъ, между которыми было 6 мгновенныхъ чистыхъ (k, g; t, d; p, b), 6 мгновенныхъ же аспированныхъ (kh, gh; th, dh; ph, bh) и 6 протяжныхъ (m, n; j, r; v, s). Авторъ считаетъ нормальными корни открытые, но допускаетъ и закрытые, при вокальномъ элементѣ a: ka, ki, ku, ak; ja, ji, ju, aj и т. п. Такимъ образомъ получается 75 звуко-сочетаній, которымъ г. Микуцкій приписываетъ значеніе первоначальныхъ указательныхъ частицъ, изъ коихъ возникли затѣмъ мѣстоименія, образовательныя приставки, указательныя нарѣчія, предлоги и союзы. напр: азъ=a-gha-am; ты=tu-a; мене=ma-na и т. п. Нельзя сказать, чтобы теорія эта заключала въ себѣ какія нибудь внутреннія противорѣчія или невозможности; но она ничѣмъ не подтверждена, почему и не можетъ претендовать на значеніе прочнаго научнаго положенія.

Очень близки къ мѣстоименіямъ по значенію и происхожденію *числительныя*. Онѣ тоже имѣютъ смыслъ чисто абстрактный и произошли изъ корней субъективныхъ, либо опустѣлыхъ по смыслу объективныхъ. Происхожденіе основъ числительныхъ очень древне, какъ видно изъ ихъ общности во всѣхъ Арійскихъ языкахъ, а также изъ темноты ихъ состава ²⁾.

1) Филологическія Записки. 1870. № 2. стр. 104.

2) Этимологическому разбору числительныхъ Славянскаго языка посвящено спеціальное изслѣдованіе П. І. Шфарика, напечатанное въ Чешскомъ музейникѣ 1848. См. Sebrané spisy. т. III. 615 сл.

Въ основѣ Славянскаго счисленія, какъ оно выражается въ языкѣ, лежитъ десятичная система, общая всѣмъ Арійскимъ языкамъ и народамъ. Высшимъ предѣломъ Праарійской нумерации было число 999. Самостоятельными корнями и темами обозначены въ Славянскомъ слѣдующія 12 цифръ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 100, 1000. Всѣ остальные образованы путемъ сложенія этихъ основныхъ чиселъ десятичной системы.

1. Для перваго въ ряду чиселъ находимъ въ Славянскомъ языкѣ двѣ различныя основы:

а) *инь*: *инюргъ*, *иноходь*, *иночадъ*; *вѣинь*; Чешское *jepon* (единюж). Въ основѣ этой формы предполагають мѣстоименный корень *i*, развитый суффиксомъ *на*: *и-на*. Славянскому *инь* вполнѣ соответствуютъ Латин. *unus* (изъ *oi-po=ai-na*), Гот. *ains*, Нѣм. *ein*. Ср. *инакъ*.

б) *идинь*. Его сближаютъ съ Санскритскимъ *adi* (начало). Шафарикъ разлагаетъ его такъ: *и-ди-нь* и считаетъ первый слогъ указательнымъ мѣстоименнымъ корнемъ *ja*, а второй сравниваетъ съ Греч. *δεις* (въ смыслѣ *тис*): *оу-δεις*.

2. *дѣва*, *duo*, *дѣо*, Гот. *tva* (*zwei*). Шафарикъ предполагалъ, что *дѣва*=*дѣ+ва*, т. е. сложено изъ двухъ указательныхъ корней: *тъ* и *въ*.

3. *три*, *tres*, *трейс*, Гот. *thri* (*dreî*). По Шафарикъ *три*, подобно суффиксу *тор*, *терос*, сложено изъ двухъ указательныхъ корней: *та+ра*.

4. *четыре*, *quatuor*, *тѣссарес*, Гот. *fidvor* (*vier*). Праформа (по Шлейхеру) должна была звучать: *katvar*. Шафарикъ видѣлъ въ этой темѣ соединеніе 3 корней: *чет+ва+ра*, изъ коихъ первый однокоренъ и однозначенъ съ словомъ *чета*, *четь* (*чѣтъ*), второй съ суффиксомъ двойствен. числа *ва*, а третій съ указательнымъ корнемъ, находящимся и въ словѣ *три*. Другіе производятъ тоже слово изъ *ка+три*, т. е. видятъ въ немъ указат. мѣстоименіе *ка*, въ смыслѣ „одно“, да предшествующее числительное *три*.

5. *пять*, *пѣтъ*, *quinque*, Гот. *fimf* (*fünf*), Санскр. *pañcan*. Шлейхеръ предполагаетъ праформу *kanpan*, состоящую изъ удвоенія корня *kan*. Шафарикъ сближаетъ слова *пять* и *пасть* (отъ корня: *пати*, *пѣтъ*, ср. Санск. *pañi=рука*), находя въ этомъ

свидѣтельство, что пять пальцевъ руки служили первымъ счетнымъ орудіемъ человѣка. Объясненіе Шлейхера хромаетъ тѣмъ, что считаетъ болѣе нормальною форму съ начальнымъ к, вм. п; между тѣмъ это к встрѣчается лишь въ Латин. и Кельтскомъ, во всѣхъ же остальныхъ Арійскихъ языкахъ видимъ формы съ начальнымъ п(р).

6. шесть, *sex*, *ḫt*, Гот. *saihs*, Сан. *ḫaḫ*. Шафарикъ сближаетъ это слово съ Югославянскимъ *шака* (горсть, отъ Санскр. корня *saḥ=jungere*), видя въ немъ повтореніе той же метафоры, какая скрыта въ пять: пасть.

7. семь, *septem*, *ḫptá*; Сан. *saptán*, Гот. *sibun* (*sieben*). Въ Славянскомъ опущенъ звукъ п, а звукъ т преобразенъ въ д, по вліянію слѣдующаго и, въ которомъ видятъ элементъ, аналогичный суффиксу превосходной степени *ма* (*сэдъмаи*, *осъмаи*). Корень этого слова очень теменъ. Шафарикъ рѣшался сближать его съ еврейскимъ *шабат=sabbatum*, день священный; но предполагать вліяніе Еврейскаго термина на образованіе Праарійскаго—болѣе чѣмъ смѣло.

8. осмь, *octo*, *ḫptó*, Сан. *aḫtán*. Предполагаемая праформа могла звучать *aktu*, такъ что *осмь* было-бы производнымъ изъ *окт-ми=окни=осми=осмь*. Значеніе корня—темно. Шафарикъ видѣлъ въ этой формѣ префиксъ *a* и корень *ket* (тотъ самый, который является въ словѣ *четыре*), объясняя смыслъ ихъ соединенія: два раза четыре.

9. девять, *novem*, *ḫvna*, Гот. *niun* (*neun*), Сан. *navan*. Славянское *д*, какъ видно изъ сравненія со всѣми другими соответствующими Арійскими формами, есть видоизмѣненіе звука *n*, произведенное, вѣроятно, дѣйствіемъ аналогіи сосѣдней формы: *десять*. Корень этой основы Шафарикъ сближалъ съ тѣмъ указательнымъ элементомъ *na*, который виденъ въ словахъ: *vōv*, *niun*, *niun*; *nov*, *vōs novus*. Девять означало-бы, по этому предположенію, новый рядъ чиселъ, послѣ двухъ четверней ($4+4=8+1=9$),—что въ свою очередь служило-бы подтвержденіемъ гипотезы Шафарика о происхожденіи слова *восемь* (повторенныя четыре).

10. **десать**, *deset*, δέξη, Сан. *dácap*, Гот. *taihun* (*zehn*). Предполагаемая праформа: *dacap*. Въ Славянщинѣ она (подобно формамъ **пять**, **шесть**, **девать**) развита суффиксомъ **ть**. Корень слова **десать**: **дек**, **дак**, очевидно находится въ родствѣ съ формами: **деснь**, δέξιός, *dexter*; (*in*)dicare, *digitus*, δάκτυλος. Шафарикъ пытался пойти еще дальше и доказать, что не первая (**десать**) форма развилась изъ корня послѣднихъ, а наоборотъ, такъ что **десать** произошло де изъ **дѣва+сать** (**сагати**, **сѣмень**), какъ Готское *tai—hun=tvai—hand* (двѣ руки). Но это—предположеніе очень ужъ искусственное и не оправдываемое формами большинства Аріійскихъ языковъ.

100. **съто**, *centum*, ἑκατόν, Сан. *çatá*, Гот. *hunda* (*hundert*). Шлейхеръ производитъ эту форму гипотетически изъ редупликаціи темы: *dacap* (**деса-ть**), предполагая возможность слѣдующаго перехода: *dacap-dakanta*=(*da*)*kap*(*da-kan*)*ta*=*kanta* (Сан. *çatá*, Лат. *centum*)=*kata* (Слав. **съто**). Если это вѣрно, то смыслъ ста былъ-бы: **десять** (**разъ**) **десять**.

1000. **тысяшта**, **тысяшта**; Гот. *thusundja* (*tausend*), Лит. *tukstanti*. Форму эту Шлейхеръ считаетъ не невозможнымъ производить изъ: *daka* (10)+*kanti* (100) = *da*(*ka*)*kantja* = *taçantja* = **тысяшта**. Название этого числа въ другихъ Аріійскихъ языкахъ произведено отъ совершенно другихъ темъ: Сан. *sahasra*, Греч. χίλιοι, Лат. *mille*. Это показываетъ, что Прааріійское счисленіе не восходило выше цифры 999.

Образованіе темъ для промежуточныхъ между рассмотрѣнными чиселъ: 11—19, 20—99, 101—999, совершается въ Славянскомъ языкѣ очень просто и наглядно.

Единицы прибавляются къ одному десятку посредствомъ предлога на (**юдинъ-на-десате**), а къ двумъ и болѣе—либо непосредственно, либо при участіи союза и (**дѣвадесате и три** ¹⁾); въ остальныхъ образованіяхъ (6×10 = **шестьдесать**; 2×100 = **дѣвъ сътъ**) обходится безъ всякой вставочной частицы, съ отношеніемъ то подчинительнымъ, то сочинительнымъ между 2 частями формы.

---

1) Рѣже употреблялась форма: **три между десатма** (23). Она уцѣлѣла въ Чешскомъ.

Для цифры 40 развилась въ Русскомъ особая форма: сорокъ, заимствованная изъ Новогреческаго: *σαράκοντα* (ср. сорокоустъ, *σαράκοστός*).

Въ нѣкоторомъ, хотя болѣе косвенномъ, отношеніи къ числительнымъ стоятъ еще слѣдующія формы:

- 1) полъ ($\frac{1}{2}$); ср. плаха, полѣно (ср. *secare*, *segmentum*);
- 2) разъ: два раза; корень: разить, рѣзать;
- 3) кратъ: два краты; корень: *kar* (*facere*) или *kart* (*findere*)?
- 4) самъ (1), въ смыслѣ одинъ; ср. *semel*, *simplex*; *ἄμα*, *ἄταξ*, *εἰς* (*ἕνς* = *sans*);
- 5) гоубъ: соугоубъ, тригоубъ; корень: гъ(б)нѣти; ср. *duplex*, *triplex* (*plicare*);
- 6) оба (2): *ἀμφο*, *ἀμφί*;
- 7) дестъ (24): ср. десница?
- 8) копа (60): копити? ср. *coria*, *simulus*;
- 9) тьма (10,000): тьмнота; туманъ ¹⁾.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ образованіи *числительныхъ порядочныхъ*.

Оригинальныя темы представляютъ формы для 1-й и 2-й цифры: *првъ*, *друзги*. *Првъ* соотвѣтствуетъ Санскритскому: *r̥iṅva*, *pr̥im̥us*, *πρῶτος*; ср. *par* (равенъ); *per*, *παρά*. *Друзги* не имѣетъ аналогичной основы въ языкахъ родственныхъ. По всей вѣроятности въ немъ скрывается тотъ же корень, какой въ словѣ *другъ* (*amicus*).

Всѣ остальные порядочныя числительныя образованы изъ темъ *вышеразсмотрѣнныхъ*, посредствомъ суффиксовъ степеней сравненія *торъ*, *тъ*, *мъ*:

- а) *вторъ* = *двъ-торъ*; *δύωτος*, *andere*; ср. *ноторъ*, *тетеръ*; *uter*; *πότερος*; *κοιφότερος*;
- б) *гъ*: *тъ*: *четвертъ*, *паты*, *шесты*; *третий*; ср. *quartus*, *πρῶτος*, *τέταρτος*; ср. *μέγιστος*;
- г) *мъ*: *седми* (*septimus*, *ἑβδόμος*), *осми*; ср. *primus*, *summus*, *infimus*.

---

1) Въ подобномъ же смыслѣ употреблялось слово *несыгдъ*, обозначающее и 10,000 и 100,000 (см. *легеонъ*).

Частицы, или неизмѣняемыя части рѣчи, представляютъ окаменѣлости формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ; поэтому образованіе ихъ темъ какъ произошло, такъ и должно быть разсматриваемо въ связи съ формами глагольно-именными, съ ученіемъ о падежныхъ формахъ именъ и личныхъ—глаголовъ.

Въ заключеніе главы объ основахъ, бросимъ взглядъ на *основы сложныя* изъ нѣсколькихъ темъ или даже словъ.

Собственно говоря, каждая тема есть результатъ сложенія по крайней мѣрѣ двухъ самостоятельныхъ этимологическихъ элементовъ, изъ коихъ одинъ произошелъ обыкновенно изъ области корней объективныхъ, а другой—субъективныхъ или опустѣлыхъ; но это сложеніе произошло во времена столь отдаленныя и совершилось столь полно и тѣсно, что полученный въ результатъ комплексъ звуковъ чувствуется въ языкѣ однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ. Отъ этого сложенія первобытнаго необходимо отличать позднѣйшее, гдѣ элементами являлись не чистые корни, а готовые уже темы, или даже слова. Первымъ элементомъ вторичнаго сложенія могла быть либо одна изъ частицъ, либо форма глагольно-именная. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ обнаружилось стремленіе обратить полученный комплексъ звуковъ въ основу префиксованную, т. е. первый элементъ пустѣлъ до извѣстной степени, становясь вспомогательнымъ, опредѣлительнымъ для втораго, въ которомъ сосредоточивалась матеріальная сторона значенія.

Духу Славянскаго языка болѣе отвѣчаетъ форма сложений съ префиксами (вторичными) частичными: *нечмсть, недлгъ, ѣдолъ, оунхилъ, възмездинъ, дубогъ, патока, потонъ, прадѣдъ, прѣлихъ, проказа, раздолинъ, надемда, бездѣна, облако, обьноштыть, забава, изитѣна, съпрягъ, съборъ* и т. п. Еще болѣе обширную роль играютъ вторичные частичные префиксы въ Славянскихъ глагольныхъ основахъ: они исчислены уже выше, въ отдѣлѣ о префиксахъ.

Что касается сложныхъ основъ съ первыми элементами изъ частей рѣчи измѣняемыхъ, то значительная ихъ часть въ Славянскомъ языкѣ возникла въ историческое уже время на книжной почвѣ, по вліянію еосѣднихъ языковъ. Такъ напр. множество подобныхъ образованій Церковнославянскаго носятъ явные слѣды Греческаго вліянія: *благовѣствованіе: εὐαγγέλιον; любови́дрии: φιλοσοφία; богословьць: θεολόγος; православынь: ὀρθόδοξος* и т. п.

Есть однако въ Славянскомъ извѣстное число подобныхъ образованій несомнѣнно самобытныхъ: куропатка (ср. коуропѣтина), виноградъ, листопадъ, хлѣбосоль, многогъ, иноходъ, чрынокъ, кальмень, браточадъ. Въ этихъ словахъ первая часть стоитъ въ тематической формѣ; но болѣе согласно съ духомъ Славянскаго языка ставить ее въ формѣ лексической: жарь-птица, горемыка, скопидомъ, не-тронь-меня, перекати-поле и т. п.

На послѣдней ступени, въ образованіи словъ сложныхъ изъ словъ же, языкъ переходитъ уже изъ области этимологической въ синтаксическую, т. е. изъ круга словъ въ среду предложеній.

В. Ученіе объ образованіи словъ.

Предѣлъ и цѣль развитія корня въ Арійскихъ языкахъ заключается въ образованіи слова, т. е. такого комплекса звуковъ, который обозначаетъ не только матерію, но и форму понятія, отношенія называемаго предмета въ пространствѣ и времени, а также въ примѣненіи къ лицамъ говорящему, слушающему и третьему.

Ученіе объ образованіи изъ основъ словъ—составляетъ содержаніе третьей и послѣдней части аналитической морфологии. Съ первой и второю ея частями (ученіемъ о строеніи корней и способахъ образованія темъ) оно находится въ тѣсной связи, ибо корень и основа составляютъ не что другое, какъ послѣдовательныя ступени въ органическомъ развитіи слова. Если ученіе о строеніи корней и темъ сравнить съ эмбриологіей естественныхъ организмовъ, то ученіе объ образованіи словъ соотвѣтствовало бы анатоміи организмовъ на степени ихъ самостоятельнаго существованія.

Тотъ дуализмъ языка, который выразился довольно рѣзко въ различеніи основъ именныхъ и глагольныхъ, съ полной силой обнаруживается въ области словъ, въ видѣ различенія словъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Морфологическія средства языка, которыми образуются тѣ и другія, чрезвычайно просты и немногочисленны. Онѣ заключаются въ двухъ дюжинахъ суффиксовъ (или, какъ ихъ нѣкоторые называютъ, флексій), обозначающихъ падежныя формы въ именахъ (съ мѣстоименіями) и личныя въ глаголахъ. Второстепенныя логическія категоріи, которыя выражаются тѣми же лексическими суффиксами (или флексіями), заключаются въ родахъ и числахъ для

именъ, и въ числахъ же для глаголовъ. Такимъ образомъ въ третьей части морфологіи слѣдуетъ рассмотретьъ:

1. суффиксы падежей, въ ихъ видоизмѣненіяхъ по родамъ и числамъ;
2. суффиксы лицъ, съ ихъ развѣтвленіями по числамъ.

4. О суффиксахъ падежей.

Въ Праарійскомъ языкѣ предполагаютъ существованіе девяти падежныхъ формъ ¹⁾, если причислять къ нимъ и звательный, который въ сущности есть не слово, а голая тема, столь же изолированная въ рѣчи, какъ междометіе. Уже рано эти формы начали между собою сливаться и число падежей стало непрерывно уменьшаться. Такъ въ историческія эпохи мы находимъ, вмѣсто 9 первоначальныхъ падежныхъ формъ, въ Латинскомъ 6, въ Греческомъ 5, въ Готскомъ 5, въ Новонѣмецкомъ 3, въ Новороманскихъ и Англійскомъ 1 (для каждаго числа). Въ Древнеславянскомъ языкѣ было 7 болѣе или менѣе различныхъ формъ для единственнаго числа, да сверхъ того 6 для множественнаго и 3 для двойственнаго. Въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ число ихъ нѣсколько уменьшилось; въ Болгарскомъ онѣ даже совсѣмъ пропали. Тѣмъ не менѣе Славянскій языкъ, въ большинствѣ своихъ нарѣчій, и теперь еще богаче склоняемыми формами языка Греческаго, временъ Омира!

Прежде, чѣмъ приступимъ къ рассмотрѣнію звукосочетаній, служившихъ и служащихъ суффиксами Славянскихъ падежей, остановимся на тѣхъ способахъ, какими различены въ нашемъ языкѣ имена по родамъ. Предполагаютъ, что въ древнѣйшую эпоху жизни Арійскаго языка категорія рода совсѣмъ не выражалась въ языкѣ и лишь впоследствии роды были различены и то не самостоятельными суффиксами, а вторичными вспомогательными средствами. Одни изъ суффиксовъ утвердились за мужескимъ родомъ, другіе за женскимъ, третьи за среднимъ. Гриммъ ²⁾ находилъ, что въ Нѣмецкомъ языкѣ мужескій родъ имѣетъ формы болѣе явственныя и прочныя, женскій—мягче и нѣжнѣе, а средній—близкія къ мужескимъ, но тупѣе. Въ Славянскомъ наоборотъ

1) *Schleicher*. Compendium. 515.

2) *Grammatik*, I. 597.

самыя ясныя и прочныя формы представляетъ родъ женскій (а, і, ъ, ер); гораздо шатче и неопредѣленнѣе суффиксы мужскаго (ъ, йъ); средину между этими противоположностями занимаютъ формы средняго (о, е, ес, а, ат): онъ выдѣлился, повидимому, позже двухъ первыхъ и примыкаетъ къ мужскому во всѣхъ формахъ, за исключеніемъ именит. падежа, а отчасти и винительнаго.

Какъ-бы то ни было, категория рода не имѣетъ въ языкѣ Славянскомъ, какъ и прочихъ Арійскихъ, особаго суффикса, а выражается совокупностію формъ, развивающихся изъ соединенія суффиксовъ тематическихъ съ падежными, вслѣдствіе чего она и не можетъ быть предметомъ особаго разсмотрѣнія въ морфологическомъ отдѣлѣ грамматики.

Что касается категоріи числа, то и она не всюду имѣетъ особое звуковое выраженіе. Единственное (нормальное и древнѣйшее) напр. число совершенно обходится безъ числоваго указателя; во множественномъ числѣ находимъ распространеніе падежной формы единственнаго посредствомъ суффикса с (sa?); двойственное же характеризуется не самостоятельнымъ суффиксомъ, а вторичнымъ растяженіемъ падежныхъ суффиксовъ множественнаго, отъ котораго оно, очевидно, отдѣлилось уже въ позднее сравнительно время.

При тожествѣ логическихъ отношеній, выражаемыхъ падежными суффиксами, нѣтъ основанія предполагать для древнѣйшаго вида Арійскаго языка различныхъ падежныхъ формъ для различныхъ отдѣловъ склоняемыхъ словъ. Впослѣдствіи оказалась однако дифференцировка склоненій именнаго съ одной стороны, а мѣстоименнаго съ другой. Для Древнеславянскаго языка необходимо принять уже два главныя склоненія: 1) именное и 2) мѣстоименное. Комбинація формъ того и другаго произвела третье склоненіе—сложныхъ съ мѣстоименіями прилагательныхъ. Дѣленія дальнѣйшія будутъ развиты и разсмотрѣны впослѣдствіи.

Падежные суффиксы именъ.

1. На переходѣ отъ основъ къ словамъ стоитъ форма *звательнаго* падежа. Морфологически она принадлежитъ еще къ области темъ; но синтаксически является словомъ, входящимъ въ составъ рѣчи, хотя и изолированнымъ въ ней, какъ междометіе.

Не принимая въ Славянскомъ языкѣ никакого подежнаго суффикса, форма зват. п. тѣмъ не менѣе отличается нѣсколько отъ чистой именной основы усиленіемъ тематическаго гласнаго, слабѣющаго въ другихъ падежныхъ формахъ, напр. въ именит. п.

Такъ при темахъ:

- а) а получается въ именит. ъ, а, а въ зват. е, о: влькъ: вльче; доухъ: доуше; богъ: боже; рѣна: рѣно; ср. λύκος, lupo;
- б) у, въ именит. ъ, зват. оу: сзѣнъ: сзѣноу; медъ: медоу; ср. γλυκό;
- в) и, въ именит. ъ, въ зват. и: кость: кости; ср. κόλι.

Съ теченіемъ времени зват. п. былъ вытѣсненъ формами именительнаго, съ которыми онъ издавна совпадалъ во всѣхъ числахъ при среднемъ, а также въ двойственномъ и множественномъ при мужск. и женск. родахъ.

2. *Именительный падежъ*. Суффиксомъ этого падежа для Аріійскихъ языковъ принимается с(s) для мужскаго и женскаго рода и t(t) для средняго. Эти элементы сближаются съ прономинальными корнями: *sa*(ó, ῥ) и *ta*(τό).

Суффиксъ s хорошо сохранился въ языкахъ классическихъ: ἴππος, ναῦς; vox, mors. Что касается суффикса средняго рода t, то отъ него остались лишь скудные остатки: id, quid, istud, aliud, illud; Нѣм. das, was, Англ. it, that, what.

Въ Древнеславянскомъ издавна замѣчалась антипатія къ согласнымъ позвукамъ; они обыкновенно отпадали и слова кончались на гласные, которые при этомъ нѣсколько слабѣли и мутились въ чистотѣ и ясности звука. Такимъ образомъ изъ вльнас (λύκος, lupus) вышло вльна—влькъ; новас (νέος, novus): новъ; съто (ἑκατόν, centum), слоуто (κλυτόν, inclutum); гостис (hostis): гость; сзѣноус: сзѣнъ; именс (nomen): имя; маманс (ἄμμων-ς): мамы; матерс (μήτηρ-ς, mater-s): матери; небесс (ср. νέφος, nubes): небо; давусс: давъ (давши); пекантс (coquens): пекы. Въ формахъ женскаго рода, при темахъ а, согласный с(s) тоже отпалъ, но тематическій гласный сохранился въ чистомъ видѣ: вдова (vidua), жена (γυνή); иногда къ суффиксу приставляется вторичный тематическій гласный: пекышти, берышти.

Во множест. числѣ въ формахъ имен. п. является суффиксъ с(s), составляющій, вмѣстѣ съ созвучнымъ падежнымъ суффиксомъ с, группу сс, происходящую, какъ полагаютъ, изъ саса, что видно изъ сокращенныхъ формъ: сас, ас. Этотъ приблизительно видъ имѣетъ

суф. имен. множ. въ древнѣйшихъ формахъ языковъ классическихкихъ: *ὄπες, πατέρες, πόλιες*; *voces, boves*; но: *ἵπποι, equi* (изъ *equeis, equoes*).

Въ Славянскомъ не сохранилось этого суффикса ни въ видѣ *сас*, ни въ видѣ *ас*, *с*. Слѣдъ этихъ утраченныхъ звуковъ отразился единственно на нѣкоторомъ усиленіи (замѣнительномъ растяженіи) повзвучнаго тематическаго гласнаго. Такъ изъ темы *вльци* образовалась форма *вльци*, гдѣ звукъ *и* соотвѣтствуетъ Греческому диотонгу *οι* (*λόχοι*) и произошелъ, быть можетъ, изъ Славянскаго диотонга *ѣ*. Въ соотвѣствующихъ основахъ средняго рода появляется звукъ *а* (*нова, вѣа, нова*), быть можетъ — усиленный тематическій элементъ.

Нѣсколько другой характеръ представляетъ образованіе имен. множ. женскихъ основъ на *а*. Тутъ получается звукъ *ѣ* въ твердыхъ темахъ, и *а* въ мягкихъ: *вѣдъ вѣи: доуша*. Последняя форма показываетъ, что и въ первой *ѣ* имѣеть носовой характеръ, то есть почти равняется *юсу* (ср. *намы: намень; беры: берышта*). Возстановляя первоначальный его звукъ, получимъ слогъ *ам*, *ан*, за которымъ слѣдуетъ предположить утраченный *с*: *амс*, *анс*. Последній суффиксъ совершенно совпадаетъ съ суффиксомъ *винит. множ.*, что ведетъ къ предположенію, — не представляютъ ли формы: *вѣдовѣи, доуша винит. множ.*, фунгирующаго въ роли *именит.?* Предположеніе это подтверждается стародавнимъ совпадениемъ формъ *именит.* и *винит.* въ единствен. мужескаго рода, во всѣхъ числахъ средняго рода, и во всѣхъ трехъ родахъ двойст. числа.

При темахъ на *у* появляется въ имен. множ. слогъ *ов* съ повзвучнымъ гласнымъ *е*: *сѣинове (сѣіеѣс)*. *Ов* могло быть усилениемъ тематическаго *у*; гласный же *е* представляетъ, повидимому, остатокъ суффикса *ес (ас)*. Также образована форма имен. множ. на *ие* въ темахъ *і*: *чрьвию (vermes)*.

Формы двойственнаго числа объясняютъ, какъ сказано выше, растяжениемъ соотвѣствующихъ суффиксовъ множественнаго. Процессъ образованія этихъ формъ не завершился ни въ одномъ Аріисккомъ языкѣ, отчего количество раздѣльныхъ надежныхъ формъ двойств. гораздо меньше нормальнаго ихъ числа, для каждаго отдѣльнаго языка. Такъ и въ Славянскомъ, при 7 формахъ единственнаго и 6 множественнаго, находимъ лишь три для двойственнаго, именно:

1) именительный, который функционирует также в роли винительного; 2) родительный, замѣняющій съ тѣмъ вмѣстѣ формы предложнаго и 3) дательный, онъ же и творительный. Вслѣдствіе того три падежныя формы двойственнаго должны быть разсматриваемы въ связи съ соответственными этимологическими прототипами множественнаго (т. е. 1) именительнымъ, 2) родительнымъ и 3) дательнымъ).

Суффиксомъ именит. двойств. для языковъ Аріійскихъ принимаютъ слогъ *sās* (*sās*), *ās* (*ās*), т. е. растяженіе суффикса именит. множ. Согласный элементъ этого суффикса не сохранился въ Славянщинѣ; но слѣдъ долгаго гласнаго отразился въ нѣкоторомъ растяженіи именныхъ темъ: два вълна (*λόκω*); двѣ сѣтѣ; души (изъ *δουστѣ?*); пѣти, кости, цръкви, имени.

3. Къ именит. и звательному падежамъ ближе всѣхъ примыкаетъ *винительный*. Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ ихъ формы совпадаютъ. Трудно сказать, на какой логической основѣ произведено въ языкѣ сближеніе падежей, столь противоположныхъ по смыслу, какъ падежъ субъекта (именит.) и объекта (винит.). Впрочемъ рѣшеніе этого вопроса не относится къ задачамъ морфологии, а можетъ найти мѣсто въ синтазіологии.

Суффиксомъ винит. един. въ Аріійскихъ языкахъ является слогъ *am* (*am*), или его сокращеніе: *m*. Въ среднемъ родѣ онъ часто функционируетъ и въ роли именит. (вмѣсто архаичнаго суф. *ta*, *t*), распространившись туда по какой-то внутренней аналогіи (*ovum*, *φόν*). Суффиксъ *am*, по происхожденію своему, сближается съ указательнымъ мѣстоименіемъ *ama*, которое уцѣлѣло въ Санскритѣ.

Извѣстно, что въ Латинскомъ языкѣ элементъ *m* (*m*) очень хорошо сохранился въ винит. (един. *vosem*, *equum*); въ Греческомъ онъ то перешелъ въ *v* (*ἴππον*, *φόν*), то исчезъ совершенно (*παιτέρα*, *ὄκα*). Подобное случилось и въ Славянщинѣ. Звукъ *m* пропалъ въ немъ либо вполне, либо на половину. Последнее относится къ основамъ на *a* женскаго рода, гдѣ слѣдъ исчезающаго *m* сохранился въ юсѣ: вдовѣ (*viduam*); слоутѣ (*κλωτήν*, *inclutam*). Во всѣхъ другихъ случаяхъ позвучный *m* отпалъ безслѣдно, какъ *s* въ именит. ед., вслѣдствіе чего эти двѣ формы совпали по звукамъ: вълнѣ (*вълнас*, *λόκος*)=вълнѣ (*вълнам*: *λόκον*); чръвь(-*is*)=чръвь(-*im*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ замѣны отпавшаго слога *am*, находимъ гласный *ь*, *e*: большѣ, давшь, камень (*и*: *намене*), матерѣ (*и*: *матере*). Фор-

мы на е, быть можетъ, принадлежать родит. падежу и лишь по аналогіи фунгируютъ иногда въ роли винительнаго.

Во множеств. числѣ имена муж. и жен. рода прибавляютъ къ суффиксу ам характеристику множ. числа с: амс. Въ среднемъ же родѣ находимъ здѣсь, какъ и въ именит. мн., гласный ā, темнаго происхожденія.

Судьба суффикса амс въ Славянскомъ была противоположна его судьбѣ въ языкахъ классическихъ. Въ послѣднихъ утратился элементъ м, а сохранился с (ἵππος, equos); въ Славянщинѣ же наоборотъ исчезъ звукъ с, тогда какъ м хранился еще въ историческую эпоху языка, въ видѣ ринезованнаго гласнаго. Результатъ этой ринезаціи былъ двойкѣй, смотря по твердости или мягкости послѣдняго слога: въ слогахъ твердыхъ отъ соединенія тематическаго а, у съ пазвукомъ м(н) образовался большой юсь, видоизмѣненный (какъ и во многихъ другихъ пазвукахъ) въ ѣ; въ слогахъ же мягкихъ вышелъ юсь малый, который и сохранился въ Древнеславянскомъ:

- а) вльѣзи (изъ вльѣна-амс=вльѣнѣм=вльѣнѣ; λόφος, lupos), рльѣзи, сзѣнѣзи (изъ сзѣну-амс=сзѣнум=сзѣнѣ);
- б) нона (изъ нонѣа-амс=конѣам), воѣ; доуша, матера.

Въ темахъ м и нѣкоторыхъ согласныхъ (напр. ѣ=емь) носовой пазвукъ совершенно отпалъ въ формахъ винит. мн., но аналогія требуетъ допущенія и въ этихъ формахъ для древняго періода ринезма, хотя и утраченнаго, т. е. кости, пѣти развились изъ кстин(с), пѣтин(с).

Разсмотрѣвъ падежи зват., именит. и винительный, составляющіе въ совокупности особую и тѣсно между собой связанную группу формъ, переходимъ къ четыремъ остальнымъ падежамъ, которые въ свою очередь смыкаются въ двѣ пары: 1) родительный съ предложнымъ (мѣстнымъ) и 2) дательный съ творительнымъ (оруднымъ). Существованіе между ними внутренняго средства выразилось всего нагляднѣе въ совпаденіи параллельныхъ формъ въ двойст. числѣ, о чемъ упомянуто выше. Въ Сербскомъ нарѣчій и во множ. числѣ совершилось аналогичное сліянiе формъ тѣхъ же двухъ паръ падежей. Ниже увидимъ, что въ склоненіи прономинальномъ тоже совпали формы падежей родит. и предложнаго множеств. (тѣхъ, сихъ; насъ, васъ). Вслѣдствіе этихъ соображеній мы распредѣляемъ дальнѣйшій

обзоръ падежныхъ формъ въ слѣдующемъ порядкѣ: родит. и предлогный; дател. и творительный.

4. *Родительный* падежъ нѣкоторыми своими сторонами уже въ Древнеславянскомъ примыкалъ къ винительному (ср. матере, камене: родит. и винит.); въ Новославянскихъ же нарѣчіяхъ взаимный ихъ обмѣнъ попадаетъ, какъ извѣстно, на каждомъ шагѣ (въ одушевленныхъ именахъ муж. и средняго родовъ родит. и винит. даже вовсе не отличаются теперь какъ въ Русскомъ, такъ и другихъ нарѣчіяхъ). Тѣмъ не менѣе между суффиксами обоихъ падежей не видно особенной близости. Въмѣсто слога ам мы встрѣчаемъ здѣсь образовательную приставку ас, с, а въ нѣкоторыхъ темахъ (напр. а, муж. и средн. рода) какъ будто видоизмѣненіе или развитіе послѣдней: сѣа (sja). Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что мы имѣемъ предъ собою въ послѣднемъ суффиксѣ соединеніе двухъ указательныхъ корней: са+ѣа.

Согласный элементъ этого суффикса, сохранившійся во многихъ формахъ языковъ классическихъ (ὄπός, ἡώρα; vocis, pater-familias), совершенно исчезъ въ Славянщинѣ, какъ и въ именит. единственнаго. Что касается гласнаго а, то онъ либо преломился въ звукъ е, либо слился съ тематическими у, і, а и потерялся въ нихъ: небесе (νέφερος=вѣфрос), дщере (θυγατέρος=бухатрѣс), имене (поmіnis), сѣиноу; ношти (noctis); вѣла, нова. Послѣднія двѣ формы отличны отъ предшествующихъ не только тематическимъ гласнымъ (а), но и происхожденіемъ суффикса. Историческія изслѣдованія доказали, что въ основѣ какъ Греческихъ формъ ἵππου, νέου, такъ и Латинскихъ equi, novi и Славянскихъ конга, нова, скрывается суффиксъ—не аа, а, но—sja (sjo); т. е. что ἵππου развилось изъ ἵππουsjo, equi изъ equasja, конга изъ конгага-са (конгага(сѣ)а=конга).

Характеристическую особенность Славянскаго языка составляетъ появленіе носоваго звука въ суффиксѣ родит. ед. женскихъ основъ на а. Этотъ звукъ, подобно именит. множ. жен. рода, выражается въ видѣ то ѣ (въ твердыхъ слогахъ), то а (въ мягкихъ): водѣѣ, доуша. Появленіе здѣсь носоваго элемента объясняютъ различно, считая его то замѣнителемъ древняго с(з), то перенесеніемъ формы мѣстнаго ед. (in, an?), или винит. и имен. множ. (водѣѣ, доуша), то приставкою звука м, и къ обычному суффиксу род. ед. аа: маа, паа. Наиболѣе правдоподобнымъ представляется третье предположеніе, такъ какъ замѣна с въ м(н) въ Славянщинѣ была-бы явленіемъ непримѣрнымъ; въ мѣстномъ же падежѣ Славянскаго, какъ и большей части другихъ

Арийскихъ языковъ, носовой элементъ если и былъ, то такъ давно исчезъ оттуда, что не могъ реагировать на форму родительнаго.

Правда, и безпричинная приставка элемента м(н) къ суффиксу-ас(ас) не принадлежитъ къ числу явленій легко объяснимыхъ. Она могла однако совершиться подъ влияніемъ аналогіи другихъ падежей и всего скорѣе не винит. или именит. множ., а родительнаго же множ., гдѣ находимъ суффиксъ ам(сам), равносильный вышеприведенному суффиксу ѣ, а(ам, зам).

Суффиксъ родит. множ. ам считаютъ сокращеніемъ древнѣйшаго сам, который уцѣлѣлъ преимущественно въ формахъ прономинальнаго склоненія, Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что и суф. зам не есть исконный, а развился изъ самъ.

Слогъ ам, видоизмѣненный въ оу, ум, сохранился въ языкахъ классическихъ (ἀπὸν, vocum), но въ Славянщинѣ онъ долженъ былъ, по общимъ фонетическимъ законамъ, перейти въ ѣ, оу, ъ (ср. зам.: сѣ, соу, сѣ): небесъ (νεφέσων), именъ (nominum), мать (μητέρων); сыновъ (υἱέτων); влъкъ (λύκων), вдовъ (viduarum); пѣтъ (изъ пѣти-ѣам=пѣтмъ=пѣтмъ; ср. ovium).

Къ формѣ родит. множественнаго примыкаетъ соответственная падежная форма двойств. числа, имѣющая въ Славянщинѣ суффиксъ оу (Санскр. ὄσ). Происхождение этого суффикса совершенно еще не разъяснено. По аналогіи другихъ формъ двойственнаго, представляющихъ растяженіе суффикса множественнаго, слѣдовало-бы предположить здѣсь связь съ родит. множественнаго. На почвѣ Славянскаго языка легко видѣть въ звукѣ оу растяженіе того ѣ, который образовался изъ ам въ род. мн: небесъ: небесоу; сыновъ, сынъ: сыновоу, сыноу; влъкъ: влъкоу; рѣкъ: рѣкоу; костей: костноу; пѣти: пѣтноу (но: мать: материю, вм. матероу, какъ будто по аналогіи темъ и). Но слишкомъ смѣло было-бы принимать на вѣру такое объясненіе, пока оно не будетъ согласовано съ формами языковъ родственныхъ.

5. *Мѣстный или предложный* падежъ. Его суффиксомъ является звукъ і, который, по аналогіи формъ прономинальнаго склоненія, считаютъ сокращеніемъ слога ин (in); послѣдній же сближаютъ съ указательнымъ корнемъ ан (Слав. ван, вѣ, вѣ; Греч. ἐν, Лат. in).

Этот падеж уцѣлѣлъ въ четырехъ лишь Арійскихъ языкахъ: Санскритѣ, Зендѣ, Литовскомъ и Славянскомъ; въ другихъ онъ слился съ дательнымъ, который вообще очень близокъ къ мѣстному какъ по формѣ, такъ и по значенію. Такъ и въ Славянскомъ мѣстный часто фунгируетъ вмѣсто дательнаго.

Отъ соединенія суффикса *i* съ тематическими *a*, *y*, *i* получаются въ Славянскомъ формы: *ъ* (*a+i*), *ови* (*y+i*), *и* (*i+i*): вльцѣ, дѣлѣ, рѣцѣ, ноеѣ; сынови, кости. При темахъ же съ согласными звуками *i* остался неизмѣненнымъ: небеси, имени, матери, свекрѣви.

Почти всѣ эти формы (за исключеніемъ формъ на *ъ*) употребляются и въ Славянскомъ вмѣсто дательныхъ, какъ это постоянно случается въ языкахъ классическихъ.

Во множественномъ предложный имѣетъ въ суффиксѣ звукъ *s*, при которомъ въ Санскритѣ стоитъ гласный *u*: *su*. Этотъ слогъ сближаютъ съ прономинальнымъ корнемъ *sva* (свой). Слогъ *su* правильно преобразился въ Славянщинѣ въ *хъ*, подобно тому, какъ это случилось въ аористѣ, гдѣ Славянское *хъ* соотвѣтствуетъ Греческому *α(v)*. Такимъ образомъ *vm*. Греческаго *λόχοι(ι)* получается Славянская форма: влѣохъ, вльцѣхъ. Замѣчаемое въ послѣднемъ случаѣ растяженіе тематическаго *a* въ *ъ* (*a+i*) вполне соотвѣтствуетъ Греч. перемѣнѣ изъ *α(o)* въ *αι* (*ai*). Впрочемъ это растяженіе не есть фактъ всеобщій и необходимый; такъ въ женскихъ темахъ на *a* никогда его не бываетъ: рѣмахъ, доушахъ.

Шафарикъ ¹⁾ нашелъ въ памятникахъ Древнечешскаго нѣсколько образцовъ сигматическаго мѣстнаго падежа: *Topolas* (въ *Тополяхъ*), *Vukovas*, *Polas*. Они представляютъ такое-же ослабѣвшее эхо старины, какъ и аористы на *съ*.

6. *Дательный падежъ*. Его суффиксъ въ единств. *ai* очень близокъ къ мѣстному и является какъ-бы усиленіемъ послѣдняго. Въ склоненіи прономинальномъ въ суффиксѣ дат. ед. появляется элементъ губной: *тебѣ*, *тому*, который мы встрѣтимъ и въ формахъ дат. множествен-

¹⁾ См. Sebrané Spisy III, 579.

наго. Это повело къ предположенію, не скрывается ли въ суффиксѣ *ai* древнѣйшее созвучіе: *abhi*?

Нормальной замѣною слога *ai* въ Славянщинѣ является дигтонгъ *ѣ* (какъ въ Греческомъ *αι, οι*). Такимъ образомъ отъ темъ *рѣма* получимъ форму *рѣѣѣ* (изъ *рѣма+ai=рѣмаі*), какъ въ Греческомъ *χῶρα* (т. е. *χῶραі*), *ἵππος*, а въ Латинскомъ *equo(i)*, *populo(i)*.

Въ мужескихъ и среднихъ темахъ на *a* Древнеславянскій языкъ обнаруживаетъ суффиксъ не *ѣ* (*ai*), но *ou*: *вльмоу*, *рогоу*. Подобная форма встрѣчается въ Литовскомъ: *vilkuі*, *raguі*. Трудно сказать, скрывается ли тутъ суффиксъ *ai* (*ѣ*), или *i*, т. е. имѣемъ ли мы здѣсь предъ собой форму дат. или мѣстнаго? Первое вѣроятнѣе, такъ какъ для мѣстнаго существовала въ Славянскомъ при этихъ темахъ другая форма: *вльѣѣ*, *розѣ*. Объяснить же звуковой процессъ, которымъ изъ формъ: *вльма-ai*, *рога-ai* развились формы: *вльмоу*, *рогоу*—представляется дѣломъ очень труднымъ. Быть можетъ это *ou* развилось тутъ подъ влияніемъ темъ на *y*,—что не представляется въ Славянщинѣ явленіемъ исключительнымъ.

Во множеств. дательномъ встрѣчаемъ въ Славянскомъ слогъ *мъ*, который соотвѣтствуетъ Латинскому *bus* (именемъ: *pominibus*; матерью: *matribus*), а Санскритскому *bhjas*. На основаніи Древнепрусскаго суффикса *man* предполагаютъ для Праарійскаго форму *bhjamn*. Если это вѣрно, то Славянскій утратилъ не только позвучное *s*, но и *m*, удержавъ лишь первый согласный губной элементъ, съ перезвукомъ его въ *m*. Такимъ образомъ предполагается слѣдующій рядъ переходовъ: *bhjamn*, *манс*, *манс*, *мъс*, *мъ*, *мъ*. Что касается тематическаго гласнаго, то онъ уцѣлѣлъ въ формахъ: *рѣнамъ*, *вльмъмъ*, *пѣтмъмъ*, но видоизмѣнился въ темахъ *ou*: *сѣномъ*, *сѣномъ*; въ послѣднемъ второе *e* есть вставочное, какъ *a*, *ь* при согласныхъ темахъ: *црѣвамъ*, *манѣмъ*, *матерьмъ*, *небесъмъ*.

Двойствен. число дательнаго представляетъ въ Славянскомъ такое же усиленіе суффикса множественнаго, какъ и въ родительномъ: *вльма*: *вльмъмъ=вльмоу*: *вльмъ*. Что касается отношенія Славянскаго суффикса на къ другимъ Арійскимъ, то онъ является, повидимому, сокращеніемъ суффикса *bhjamn*. Мягкость этого слога замѣчательнымъ образомъ сохранилась въ нѣкоторыхъ формахъ Русскаго языка: двумя, тремя, ср. *плашмя*, *стоймя*, *ливмя*.

7. *Творительный падежъ*. Суффиксомъ его служилъ, кажется, слогъ *bhi*, аналогичный предшествующему множест. *bhj-am-s* и уцѣлѣвшій въ дательныхъ формахъ проминальнаго склоненія: *tibi, sibi*. Слѣды этого суффикса сохранились въ Греческомъ, въ гомерическихкихъ формахъ на *φι* (*φιν*): *βίηφι, κεφαλῆφι, Ἰλιόφιν*.

Въ Славянскомъ изъ *bhi* развился суффиксъ *мь*: *влькъмь, сзгнъмь, пѣтъмь, каменьмь*. Въ темахъ женскаго рода, процессомъ вторичной дифференцировки, этотъ суффиксъ преобразился въ юсовую форму: *рѣка-мь=рѣкѣ¹⁾* (и: *рѣко+ѣ*, со вставочнымъ гласнымъ), *доушѣ* (и: *доуше+ѣ*); *кости-мь: костнѣ* (изъ *костѣ*? ср. Пол. *kością, pięą, dłońą*).

Во множеств. приставляется спеціальный его суффиксъ *s*: *bhi-s*. Нормальною замѣной этого слога въ Славянщинѣ является *ми* (Греч. *φι, φιν*): *рѣками; костями, каменьями*. Въ мужескихъ и среднихъ основахъ съ твердыми позвуками мы находимъ видовзмѣненіе суффикса *ми* въ звукъ *зи*: *вльки* (изъ *влькъ-ми=влькъми, сзгны, имены, словесы*. Темы у служили здѣсь, повидимому, образцемъ, на который сбились затѣмъ темы *а* и наконецъ нѣкоторыя темы согласныя (*ен, ес*).

Падежные суффиксы мѣстоименій.

Разсмотрѣнные выше суффиксы прилагаются къ образованію всѣхъ именъ-какъ существительныхъ, такъ и простыхъ (не сложныхъ съ мѣстоименіемъ) прилагательныхъ. Нѣсколько уклоняются отъ приведенныхъ нормъ лишь падежные *суффиксы мѣстоименій*, выдѣляемые вслѣдствіе того въ особое склоненіе основъ проминальныхъ. Хотя это различіе и представляется вторичнымъ, а не исконнымъ²⁾, однако для историческихъ эпохъ языка оно является довольно существеннымъ и должно быть принимаемо въ расчетъ. Причина различія формъ склоненія номинальнаго и проминальнаго заключается въ звуковомъ искаженіи нѣкоторыхъ общихъ суффиксовъ, а также

¹⁾ См Miklosich, *Altslovenische Formenlehre*. Wien. 1874, 10.

²⁾ Ср. Grimm, *Grammatik*. I. 807.

въ нѣсколькихъ архаистическихъ формахъ, сохранившихся въ одномъ мѣстоименномъ склоненіи и утраченныхъ въ именномъ.

Подобно тому, какъ въ отдѣлѣ именъ существуетъ группа словъ а) съ опредѣленнымъ родовымъ характеромъ и б) — безъ такового (т. е. существительныя, и прилагательныя), такъ и въ отдѣлѣ мѣстоименій встрѣчаемъ аналогичную двойственность формъ, для мѣстоименій а) *родовыхъ* и б) *неродовыхъ*.

Разсмотримъ характеристическія особенности въ надежныхъ суффиксахъ тѣхъ и другихъ.

Мѣстоименія родовыя.

1. *Именительный надежъ.* Въ языкахъ классическихъ сохранились въ этой формѣ слѣды суффикса т (t) для словъ среднего рода (id, istud). Въ Славянскомъ въ соответствующихъ формахъ нѣтъ ни с, ни т: то, ю. Очевидно, что позвучный согласный здѣсь отпалъ; но трудно рѣшить, былъ-ли онъ т (t) или м, т. е. произошли ли то, ю изъ tat, jat, или изъ tam, jam.

2. *Родительный.* Въмѣсто суффикса ас (as), распространеннаго въ формахъ именныхъ, мы находимъ здѣсь слогъ сѣа (sja), тотъ же, какой мы видѣли въ мужескихъ и среднихъ именныхъ темахъ на а. Но фонетическій рефлексъ этой формы въ мѣстоименіяхъ нѣсколько отличенъ отъ суффикса именнаго. Въмѣсто звука а (вляна изъ вляна-сѣа) мы получаемъ здѣсь со, го: чьсо, сего, того (ср. Греч. τότο изъ τόσο = tasja). Слогъ со представляетъ древнѣйшій видъ суффикса, а го его позднѣйшее видоизмѣненіе. Звуковой переходъ, здѣсь совершившійся, не вполне разъясненъ. Согласный г (h?) развился тутъ либо изъ с (s), либо изъ й (j). И то, и другое не принадлежитъ къ числу обычныхъ Славянскому языку перезвуковъ. Но нельзя отрицать извѣстныхъ точекъ соприкосновенія между тремя этими звуками, изъ которыхъ одинъ (г = h) есть протяжный заднеязычный, другой (j) среднеязычный а третій (с = s) переднеязычный или зубной. Четвертымъ элементомъ въ томъ же ряду стоимъ губной протяжный в (v). Переходъ изъ в, с въ г (h) совершился, какъ извѣстно, въ Греческомъ, въ формахъ развитыхъ чрезъ дигамму: vespera: Γεσπέρα, ἐσπέρα; vesta: ἑστία; septimus: ἑβδόμος. Въ

Русскомъ аналогичная замѣна суффикса го въ во (тово, злово) есть тоже, какъ кажется, переходъ чисто эвфоническій, подобный древнему изъ sja въ го. Подобно звукамъ й, в,—г (h) является иногда придыхательнымъ знакомъ: гострый: вострый; Параскевга. Всѣ эти соображенія дозволяютъ предположить образование суффикса го изъ sja, посредствомъ простаго перезвука элементовъ втораго въ первый, причемъ возможно допустить промежуточную ступень со (а не: jo), такъ какъ какъ она уцѣлѣла даже въ языкѣ, хотя и въ единственномъ лишь словѣ: чьсо.

Въ родит. множ. находимъ въ Славянскомъ суффиксъ хъ, производимый изъ того же sam, которое скрывается въ Славянскомъ именномъ суф. род. множ. ѣ. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою примѣръ того, что формы мѣстоименныя архаичнѣе соответствующихъ именныхъ.

Другая особенность прономинальной формы родит. множ. заключается въ растяженіи тематическаго гласнаго: а=ѣ: тѣхъ. Тоже повторяется въ формахъ: тѣнь, тѣнь, тѣим, тѣиа

3. *Предложный*. Въ Славянскомъ находимъ суффиксъ нь (томь, юнь), который, по сравненію съ Санскритомъ, оказывается сокращеніемъ изъ smin=miş=mi=нь¹⁾.

Въ женскомъ родѣ встрѣчаемъ совершенно другой суффиксъ, именно не нь, но й: той, юй. Последняя форма фунгируетъ и въ дат. падежѣ; ея происхождение темно. Шлейхеръ²⁾ видѣлъ въ ней сокращеніе изъ суф. smjām; но надобно сознаться, что это предположеніе имѣетъ очень слабую вѣроятность.

4. *Дательный*. Славянскій суффиксъ мою (томуу, семоу) соответствуетъ, какъ кажется, Санскритскому smai, при чемъ м=sm; что касается оу, то оно не могло развиться изъ слога ai иначе, какъ по вліянію темъ у, перенесенному, быть можетъ, изъ именныхъ формъ: вльоу, рооу.

¹⁾ Schleicher, Compend. 629.

²⁾ ib. 630.

5. *Творительный*. Суффиксъ его какъ въ един. (тъ), такъ и во множ. (тъи) не отличенъ отъ соотвѣтствующаго именнаго. Оригинально здѣсь лишь расширеніе тематическаго гласнаго, выражающееся въ замѣнѣ звука а въ ѣ: тѣтъ, тѣтъи. Тоже мы видѣли въ род., предл. и дат. мн., а также въ дат. и твор. двойственнаго.

Таковы особенности падежныхъ суффиксовъ родовыхъ мѣстоименій. Второстепенное различіе замѣчается еще въ склоненіи темъ съ твердыми и мягкими позвуками; но это различіе обусловлено исключительно фонетическими мотивами и не имѣетъ этимологическаго значенія: тѣ, съ; того, сего; томуоу, семуоу; тѣтъ, ситѣ и т. д. По примѣру тѣ склоняются слова: овѣ, онѣ, инѣ, самѣ, кѣто; налѣ, такѣ, вслѣкъ, ѣдинѣ, дѣва, оба; по типу же съ слова: и (иже), чѣ-то; всѣ, нашѣ, ванѣ; мой, твой, свой, чий, кой, дѣвом, обом, тром и т.

Сюда же относится *склоненіе прилагательныхъ, сложныхъ съ мѣстоименнымъ корнемъ и, употребленнымъ въ видѣ послѣдовательнаго члена* (какъ въ Нѣмецкомъ jains=p): *благъ+и* (ὁ ἀγαθός); *блага+юго* (τοῦ ἀγαθοῦ); *благоу+юмоу* (τῷ ἀγαθῷ) и т. п. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ мы и находимъ подобныя нормальныя формы; но уже рано началъ дѣйствовать законъ сначала ассимиляціи, а потомъ и стяженія сосѣднихъ слоговъ этого сложнаго суффикса: *благаго, благоуоумоу; благаго, благомоу*. Что это стяженіе обнаружилось очень рано, видно изъ того, что даже въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянской письменности мы не встрѣчаемъ уже полныхъ формъ: *благъ+и+и; благъ+и+и; благъ+и+и*, но, вмѣсто нихъ, стяженные: *благъ+и+и, благъ+и+и, благъ+и+и*. Между тѣмъ, нѣтъ основанія предполагать, будто изъ всѣхъ формъ лишь три приведенныя уклонялись отъ общей нормы-полнаго воспроизведенія какъ именнаго, такъ и мѣстоименнаго суффикса.

Мѣстоименія перодовыя.

Слова: азъ, ты, са стоятъ совершенно особнякомъ въ ряду не только мѣстоименій, но и вообще именъ, тѣмъ, что не имѣютъ отношенія къ родамъ, или безразлично прилагаются къ всѣмъ тремъ родамъ.

Падежные суффиксы этихъ словъ представляютъ столь же много загадочнаго, какъ ихъ основы. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь

дѣло съ формами очень древними и искаженными въ звуковомъ отношеніи.

Въ *именит.* ед. суффиксомъ формъ азъ, ты могло быть м, если основательна ихъ реставрація въ формы: агам, tuam. Это м представляло-бы аналогію съ суффиксомъ винит. среднего рода (вопум, malum), переносимымъ и на именительный.

Въ *винит.* ед. сохранился носовой элементъ суффикса въ формахъ: ма, та, са (изъ: мам, tvam, svam?).

Въ *родит.* ед. суффиксъ с(s) отпалъ. Въ формахъ: мене, тебе, себе можно видѣть удвоеніе темъ: ма-ма, tva-tva, sva-sva (какъ Санскр. मामа, tava; ср. Латин. sese). Формы эти фунгируютъ нерѣдко и въ Винит. падежѣ.

Въ *предложномъ* древнѣйшая форма сохранилась въ энклитикахъ: ми, ти, си (изъ: ма-і, tva-і, sva-і; ср. μοί, σοί, οί), гдѣ і могло развиться изъ ѣ=а+і. Она фунгируетъ и въ *дательн.* ед.

Параллельно съ этой формой развилась другая (мѣст. и дат.): мнѣ, тебѣ, себѣ, изъ редуликованныхъ, какъ кажется, основъ, съ суффиксомъ і (мнѣ=мама+і=мамаі). Здѣсь мы встрѣчаемъ въ суффиксѣ форму, подобную женской темъ на а (мнѣ: мѣнѣ): аналогія, которая повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ этого склоненія: творит. ед. мнѣю, тобоѣ, собоѣ; ср. вдовѣю; твор. множ. нами, вами; ср. вдовами; дат. мн. намъ: вамъ; ср. вдовамъ; винит. мн. нѣ, вы; ср. вдовы. Трудно объяснить, какимъ образомъ развилась эта аналогія неродовыхъ мѣстоименій съ женскими именами; но едва-ли можно ее отвергать.

Въ *родит.* (и *предложн.*) *множ.* встрѣчаемъ въ неродовыхъ мѣстоименіяхъ форму, столь же древнюю, какъ сигматическій род. чьсо, или *аористъ*: вѣсь, именно: насъ, васъ, гдѣ ѣ въполнѣ соответствуетъ древнему суффиксу sam, видоизмѣненному во всѣхъ другихъ мѣстоименіяхъ въ звукъ х: тѣхъ, сихъ.

Что касается, наконецъ, формъ *действительнаго* числа, то здѣсь во второй и третьей формахъ находимъ обычные мѣстоименные суффиксы ю, на: насъ, васъ; нама, нама; ср. тою, сею; тѣма, има.

Но въ первой формѣ (им., вин., зват.) эта аналогія выдержана

лишь на половину: отъ азъ получаемъ въ именит. дв. **вѣ**, въ винит. на; отъ тѣ: ва, ва. Последнія три формы не отличны отъ нормальныхъ мѣстоименныхъ: та, та; но первая (**вѣ**) уклоняется не только отъ мѣстоименій, но и отъ всѣхъ склоняемыхъ словъ, представляя единственный остатокъ архаическаго различенія въ двойственномъ формѣ именит. и винит. падежей. Что касается окончанія формы **вѣ**, то она аналогична женскимъ: **дѣвѣ**, **вдовѣ** и т. п.

Разсматривая совокупность морфологическихъ средствъ, которыя употреблены Славянскимъ языкомъ для образованія падежныхъ формъ, не въ ихъ генезисѣ, а въ дѣйствительномъ, и притомъ древнѣйшемъ видѣ, мы находимъ слѣдующее.

Большая часть падежныхъ формъ Славянщины отличены *вокальными* суффиксами. Очень часто послѣдніе представляютъ видоизмѣненіе тематическаго гласнаго. Такъ напр. *е*, *о*, *оу* въ формахъ зват. ед., (*рабе*, *жено*, *сыну*), *ъ*, *ь*, *о*, въ формахъ именит. и винит. ед. (*влѣкъ*, *конь*, *око*), а въ имен. ед. и мн., род. ед. и вин. мн. (*жена раба*, *омна*) и многія другія позвучныя гласныя несутъ двойную функцію: суффиксовъ тематическихъ и падежныхъ. Въ другихъ случаяхъ для послѣдней функціи присоединенъ особый вокальный элементъ, напр. *е* въ формахъ род. ед. (*небесе*, *имене*), *ѣ* въ дат. и мѣстн. ед. (*женѣ*, т. е. *женѣ*), *ы* въ род. ед. (*вдовы*), *оу* въ дат. ед. (*рабоу* т. е. *раба+у*) и т. п. Три послѣдніе дифтонга заключали въ себѣ по два вокальные элемента (*а+і*; *у+і*; *а+у*), изъ коихъ одинъ могъ относиться къ основѣ, а другой къ падежной формѣ.

Что касается *согласныхъ* элементовъ падежныхъ суффиксовъ, то они большею частію утрачены, напр. *с* въ формахъ им. и род. ед., *м* въ формахъ винит. ед. муж. и средн., тотъ и другой (*сам*) въ род. мн. и т. п. Но въ нѣкоторомъ числѣ формъ и эти элементы уцѣлѣли, то въ ослабѣломъ, то въ полномъ видѣ. Такъ *м* является въ видѣ *ж* (*жи*), *л* въ суффиксахъ винит. и творит. ед. жен. (*женѣ*), въ род. ед. жен. (*женѣ*, *доуша*), въ им. и вин. множ. жен. (*земля*), въ винит. ед. неродовыхъ мѣстоим. (*ма*, *та*, *са*) и т. п. Въ полномъ же видѣ этотъ звукъ уцѣлѣлъ въ суф. *моу*, *мъ*, *ма*, *мь*, *ми* (*томуу*, *тѣмъ*, *тѣма*, *тѣмъ*, *тѣми*) и т. п.

Звукъ с уцѣлѣлъ то въ чистомъ видѣ (чьсо; насъ, васъ; Торо- las), то въ перезвукѣ х (тѣхъ, сихъ), то наконецъ въ видѣ г(д: того, сего; ср. чьсо).

5. О суффиксахъ лицъ.

Такъ какъ глаголъ означаетъ по преимуществу дѣйствіе или состояніе, то есть энергію или инерцію силы въ отношеніи къ матеріи (выражаемой именемъ), и такъ какъ источникомъ этой силы является обыкновенно лице—реальное или фиктивное; то въ этомъ обстоятельствѣ скрывалась уже въ зародышѣ частая и тѣсная связь личныхъ мѣстоименій съ глагольными основами. Въ Арійскихъ языкахъ онѣ срослись съ послѣдними въ одно органическое цѣлое, самое простое и первобытное предложеніе, заключавшее въ единствѣ слова элементъ какъ субъективный (подлежащее), такъ и объективный (предикать).

При тожествѣ функцій этихъ мѣстоименныхъ приставокъ къ глаголамъ разныхъ временъ, наклоненій, залоговъ и пр., не было первоначально въ языкѣ причины разнообразить ихъ форму; но впоследствии, когда стали вырабатываться вторичные способы для внѣшняго разграниченія различныхъ глагольных значеній, и когда дуализмъ временъ положительныхъ (praes., perf., futurum) съ одной стороны, а условныхъ или историческихъ (imperf., aor.) съ другой сталъ все болѣе развиваться, то и личные суффиксы подверглись вторичной дифференцировкѣ, на суффиксы *полные* (во временахъ главныхъ) и *сокращенные* (въ историческихъ).

Въ Славянскомъ языкѣ это различіе не имѣетъ впрочемъ такого значенія, какъ въ Санскритѣ или Греческомъ; но есть признаки древняго различенія суффиксовъ полныхъ и сокращенныхъ и въ Славянскомъ: въ настоящемъ напр. личный суффиксъ сохранялъ въ I л. свой согласный элементъ (да-мь; дѣж), между тѣмъ въ аористѣ послѣдній совсѣмъ исчезалъ (дахъ, дѣхъ). Точно такъ въ 3 л. мн. въ praesens элементъ т(i) уцѣлѣлъ въ Древнеславянщинѣ, а въ аористахъ испарился: дадать: даша, дѣхъ.

Мало имѣеть приложенія къ Славянскому языку и различіе личныхъ суффиксовъ по залогамъ, такъ какъ образованіе глаголовъ возвратнаго и пассивнаго значенія совершалось въ Славянскомъ съ помощію одного мѣстоименія **са** и не касалось нормальныхъ личныхъ суффиксовъ глагола.

Существенное значеніе имѣеть въ нашемъ языкѣ лишь различіе личныхъ формъ по числамъ, которыхъ Древнеславянскій, подобно Санскриту, Греческому и Литовскому, имѣлъ три.

Въ личномъ суффиксѣ Арійскихъ глаголовъ *перваго лица* является носовой согласный **м**. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ скрывается мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица, котораго древнѣйшій видъ звучалъ: **ма** (ср. мене, мѣнѣ, ма, мы, мой. Этотъ слогъ нигдѣ почти не уцѣлѣлъ въ чистомъ видѣ, такъ какъ даже въ формахъ Санскр. и Греч. перфекта (*babhāga*, *λέλοιπα* изъ: *λέ-λοιπ-μα?* ¹⁾), при сохраненіи празвучка **а**, утраченъ согласный **м**. Въмѣсто слога **ма** находимъ почти всюду его видоизмѣненіе **ми** (*mī*) или **мь**: **юсмь, вѣмь, памь, дамь**; ср. *εμί, δίδωμι; sum, inquam*. Довольно рано и слогъ **ми(мь)** сталъ ослабѣвать и сокращаться. Прежде всего это сокращеніе началось и раньше завершилось въ условныхъ (историческихъ) временахъ и наклоненіяхъ: **бѣи-хъ** (изъ **бѣи-са м**), **да-хъ(-м)**; но потомъ оно коснулось и главныхъ временъ, хотя въ послѣднихъ носовой элементъ суффикса долго хранился, а отчасти и теперъ остается въ Славянщинѣ въ видѣ носоваго позвѣка: **берѣ** (ср. *φέρω*, изъ *φέρωμι*).

Во множественномъ числѣ къ суффиксу **ма** приставлялся новый элементъ, съ зубнымъ придыхательнымъ **с**, за которымъ кажется слѣдовалъ гласный **і**: **ма+сі**. Этотъ второй элементъ сохранился въ Латинскомъ суффиксѣ: *mus*, а также въ Дорической формѣ: *μσ*. По происхожденію онъ могъ быть родственнымъ мѣстоименному корню **ти, о́** (**ты**), такъ что **масі** означало-бы: **я+ты=мы**. Въ Славянщинѣ второй суффиксъ исчезъ, такъ что остался лишь слогъ **мь**: **юсмь, бѣдемь**.

Суффиксъ I лица *двойственнаго* числа отличается отъ множествен. (**масі**) лишь первымъ согласнымъ: вмѣсто **м(ш)** здѣсь

1) Ср. Schleicher, Compend. 663. 664.

является в(v): vasi. Этотъ переходъ совершился подъ вліяніемъ аналогичнаго перезвука м в в въ двойствен. мѣстоименнаго корня ма: вм. ва въ двойств. находимъ вѣ. Это вѣ и воспроизведено въ глагольномъ суффиксѣ: юсѣѣ, вѣѣѣ, давѣ. Впослѣдствіи эта форма раздвоилась: для муж. рода ва, для средн. же и женскаго—вѣ.

Въ суффиксахъ *второю лица* находимъ мѣстоименный корень tva=ты. Подобно тому, какъ въ I лицѣ ма преобразилось въ ті, такъ во II л. изъ tva, та: ті. Послѣднее появляется иногда въ чистомъ видѣ, напр. fecisti, tutudisti; но большею частію этотъ суффиксъ перегласовался въ слогъ си (si): юси, даси, лси, вѣси (ср. еісі, фѣреіс(і)). Впрочемъ, и это не было еще концемъ перезвуковъ разсматриваемаго суффикса. Подобно тому, какъ въ падежныхъ суффиксахъ с уцѣлѣлѣ лишь въ одиночныхъ формахъ (чѣсо, насъ, васъ), въ большинствѣ же ихъ преобразился въ х, такъ и въ суффиксахъ личныхъ звукъ с уцѣлѣлѣ лишь въ четырехъ исчисленныхъ архаическихъ формахъ; во всѣхъ же другихъ либо совсѣмъ исчезъ (въ аористахъ: бѣи, рече), либо перешелъ въ звукъ ш (везеши, дѣвши; ср. доусити: доушѣ; писати: пишѣ).

Во *множестве*. числѣ для II л. находимъ въ Славянскомъ суффиксѣ та, совершенно сходный съ Греческимъ те: юсте, берете: ёстѣ, фѣрете. Сравненіе съ Латинскимъ (tis) показываетъ, что и здѣсь скрывается второй прономинальный корень si, вѣроятно такого-же происхожденія, какъ въ I л. множ., то есть отъ корня ты: оѣ. Если это вѣрно, то въ суффиксѣ II л. множ. tasi заключалось бы первоначальное значеніе: ты+ты=вы.

Въ *двойств.* II л. господствовалъ суффиксъ та (юста, вѣста, бѣста),—т. е. форма множественнаго (те), съ перезвукомъ гласнаго въ характеристической для двойств. звукъ а (ср. ва; та).

Наконецъ въ суффиксахъ *третью лица* появляется указательный корень та (ta), ослабленный (какъ и въ I и II лицахъ) въ слогъ ти (ti), ты: юсть, везеть (ср. ёсті, тіѣти; est, vehit). Въ историческихъ временахъ ослабленіе этого суффикса прошло еще дальше и онъ совершенно исчезъ наконецъ: бѣи, рече; глаголаше. Если же иногда мы находимъ въ аористахъ III л. личный суффиксъ (бѣистъ, дасть), то онъ явился туда процессомъ вторичнаго образованія, по аналогіи временъ настоящихъ. Въ послѣдняго рода формахъ замѣчательно древнее

появленіе ъ вж. ъ: бѣсть, дасть, сѣсть, пить, жить, клать, сать. Дѣйствовала ли здѣсь аналогія супина (бѣть, дать, пить и т. п.), или другія причины, трудно рѣшить.

Во *множ.* числѣ суффиксъ 3-го л. расширяется: вмѣсто слога *ti* мы находимъ форму *anti* (или *nti*, послѣ гласныхъ основъ). Последнюю разлагають на *an+ti*, объясняя ту и другую указательными корнями: *an-a*, *tà* (онъ, ты), такъ что ихъ соединеніе означало бы: онъ+тотъ=они. Слогъ *ant* хорошо сохранился въ Латинскомъ (*veh-ant*, *am-ant*), но еще лучше въ Славянскомъ, такъ какъ здѣсь удержался и позвучный гласный *i* въ видѣ ъ: *везать*, *несать*. Въ историческихъ временахъ второй согласный элементъ суффикса исчезаетъ: *неслахъ*(ть). Замѣчательно при этомъ въ аористахъ смягченіе большаго юса въ малый (*несоша*(ть)),—явленіе, повидимому, вторичное и не исконное. Впрочемъ въ аористахъ древнѣйшихъ (II аор), безъ характера времени, встрѣчаемъ большой юсъ въ III л. *множ.*: *вѣнды* (вм. *вѣндоша*), *пады* (*падоша*), *сѣды* (*сѣдоша*), *сърѣты* (*сърѣтоша*), *вѣмогы* (*вѣмогоша*), *мшезы* (*мшезоша*).

Есть рядъ глаголовъ, имѣющихъ малый юсъ въ III л. *мн.* *на-*стоящаго времени. Это глаголы съ тематическимъ *и*(ть) въ инфинитивѣ, удерживающіе этотъ звукъ и въ настоящемъ. Можно предполагать, что тематическій гласный (*и*) былъ причиною смягченія большаго юса въ малый, т. е. что формы: *ходить*, *трьпять* развились изъ древнѣйшихъ: *ходи-ать*, *трьпѣ-ать*.

Труднѣе объяснить появленіе *а* въ архаическихъ глаголахъ: *дадать*, *падать*, *вѣдать* (но: сѣть). Быть можетъ тутъ дѣйствовала аналогія формъ императива, съ суффиксомъ *и*: *дадимъ*, *падимъ*, *вѣдимъ*,—формы, которыя въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ вытѣснили и въ изъяснительномъ древнѣйшія формы: *вѣтъ*, *давъ*, *павъ*.

Форма III л. *двойственною* очень близка въ личному суффиксу II л. *дв.* Вмѣсто *та* мы находимъ здѣсь *те*, хотя очень часто и въ древнѣйшихъ памятникахъ тутъ употребляется *та*, особенно въ муж. родѣ, тогда какъ для женскаго и средн. предпочтительнѣе употреблялись формы на *те*, (а въ женскомъ также и на) *тѣ*: *дѣлакта*, *дѣласте*; *посыластъ*.

Личные суффиксы глаголовъ возвратнаго и страдательнаго значенія отличаются отъ рассмотрѣнныхъ своимъ сложнымъ характе-

рѣшъ. Одно мѣстоименіе (первое) играетъ тутъ роль субъекта, а другое (последнее) объекта: *можса*—мою я себя.

Различіе Аріійскихъ языковъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что въ однихъ второй мѣстоименный корень представляетъ редупликацію перваго (напр. Греч. *μαι, οαι, ται* изъ: *μαη, ζαιη, ταιη*), тогда какъ въ другихъ онъ есть особый мѣстоименный корень. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ языки Латинскій (*амог*—*амо-ге*) и Славянскій: *божса, божижса, боиъса* и т. п.

6. Объ образованіи частицъ.

Наука объ языкѣ принимаетъ за достовѣрное, что въ древнѣйшую эпоху жизни Аріійскихъ языковъ не существовало ни одного слова, которое не было-бы падежемъ какого нибудь имени (съ мѣстоименіемъ), либо личною формою какого нибудь глагола. Частицы или неизмѣняемыя части рѣчи не могли развиться иначе, какъ чрезъ оконченіе известныхъ падежныхъ и личныхъ формъ словъ. Онѣ принадлежатъ слѣдовательно къ новообразованіямъ языка, хотя нѣкоторыя восходятъ ко временамъ очень отдаленнымъ. Число частицъ увеличивается непрерывно, по мѣрѣ того, какъ гибкость словъ слабѣетъ, формы застываютъ, каменѣютъ:—имена и глаголы обращаются въ частицы, которыя могутъ быть названы окаменѣлостями измѣняемыхъ частей рѣчи.

Что касается корней и темъ, лежащихъ въ основѣ частицъ, то хотя тутъ преобладаютъ (особенно въ формахъ древнѣйшихъ) корни субъективные, однако и объективные появляются уже въ Древнеславянскомъ въ немаломъ числѣ образованій. Отъ корней мѣстоименныхъ, безъ сомнѣнія, произошли частицы: *а, и, иъ, бо, да, же; въ, въз, до, за, изъ, къ, на, надъ, объ, отъ, по, вадъ, при, про, съ; ни, не, ли, чи, къ а, съде, когда, тогда* и т. п.

Отъ корней же и темъ именно-глагольныхъ образовались частицы: *васнь, рекъше (igitur), зѣло, обаче, тѣчигъ* и т. п.

По суффиксамъ своимъ ¹⁾ однѣ изъ частицъ примыкаютъ къ

1) Ср. Miklosich, *Syntax*, 157 сл.

формамъ падежей, другія же къ формамъ личныхъ глаголовъ; въ первомъ случаѣ необходимо отличать падежи самостоятельныя отъ соединенныхъ съ предлогами.

1. Частицы въ формахъ *винительнаю* падежа:

- а) *безъ предлоговъ*: зѣло, любо; како, вѣнь, обаче, дьнесь; Рус. гораздо, точь въ точь, ближе, вѣчѣръ, тотчась, теперь, лѣтось. Быть можетъ сюда относятся и Древнеславянскія несклоняемыя формы: двоугоубь, треугоубь, испльнь, различь, संबодь(-дѣ).
- б) *съ предлогами*: вѣинѣ, вѣскльж, вѣскрай, окръсть, окръжъ; Рус. вдоль, вдругъ, врознь, порознь, вообще, насилу, насквозь, навзничь, опричь, около; Пол. wbrew; Серб. наков(ьць).

2. Частицы въ формахъ *родительнаю* падежа:

- а) *безъ предлоговъ*: дѣла? ради? Рус. вчера, дома;
- б) *съ предлогами*: искони, заоутра, изъвѣноу, досъгити (Пол. dosyć, dość); Рус. издавна, изстари, слегка, сперва, снова, вайзуть; Чеш. zejmena; Пол. natychmiast (ср. покамѣсть), Серб. због (съ бока? ради).

3. Частицы въ формахъ *предложнаю* падежа:

- а) *безъ предлоговъ*: блазѣ, добрѣ, лъзѣ, поздѣ, прѣди; врѣхоу, близоу, вѣнѣ, горѣ, долѣ, лани, трѣбѣ, гвѣ, годѣ, нзинѣ, сквозѣ; Рус. намедни (Серб. ономадне, пурег); среди;
- б) *съ предлогами*: Рус. вмѣстѣ, вскорѣ, вчужѣ, наяву, наединѣ, потомъ, позади; Пол. owszem, rowoli.

4. Частицы въ формахъ *дательнаю* падежа:

- а) *безъ предлоговъ*: домови; Рус. домой, долой; ср. нѣтуть (тѣ), Пол. gdzieś(i), jakoś(i).
- б) *съ предлогами*: Рус. кстати, пѣпросту, поелику; Пол. gwoli; Чеш. роёsku.

5. Частицы въ формахъ *творительнаю*:

- а) *безъ предлоговъ*: тѣчинѣ, идинонѣ (semel), большьмѣ (magis); большьми, малзи (parum), пакзи, римьски (romane); Рус. пѣшкомѣ,

даромъ, рядомъ, днемъ и ночью, опрометью, пятью; щегольски; Чеш. honem, Пол. gazem;

б) *съ предлоюмъ*: Рус. порусски.

6. Что касается формъ *именительнаго* падежа, то къ нимъ можно причислить Новославянскія дѣепричастія, т. е. причастія съ адвербіальнымъ характеромъ: Рус. читая, играючи; написавъ, выпивши. Сюда же относятся частицы: хотя и молъ (изъ: молвилъ?).

Къ частицамъ же должны быть относимы по своей формѣ *инфинитивы* и *супины*, такъ какъ и они являются въ одномъ неизмѣнномъ видѣ, представляющемъ окаменѣлость формы падежной. Какой падежъ скрывается въ инфинитивѣ, родительный, дательный или предложный, трудно рѣшить, такъ какъ при суффиксѣ *ть* (*ti*) во всѣхъ трехъ означенныхъ формахъ является слогъ *ти*: такъ Рус. знать, честь, имѣють: знати, чести, въ род., дат. и предложномъ. Слѣдов. вопросъ о падежной роли инфинитивнаго суффикса не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ морфологической и долженъ быть перенесенъ на симазіологическую.

Что касается супина (на: *тъ*, *тоу*), то въ немъ можно видѣть форму винит. или дат. темъ на *tu*: быть, бѣтоу.

Въ Новославянскихъ нарѣчійхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще рѣзче выразилась метаморфоза инфинитива въ частицы: напр. Рус. знать (вм. видно); чуть-чуть (еле-еле).

Изъ личныхъ формъ глагола, окаменѣлыхъ въ частицы, встрѣчаются слѣдующія.

1. *Настоящее* изъявительнаго. Суффиксъ II л. множ. *те* соединяется иногда съ частицами для образованія новыхъ: Рус. на, нате; ну, нуте; ср. полно, полноте; Срб. овамоте. Въ другихъ случаяхъ появляется въ подобной роли суф. двойственнаго числа, въ формѣ: *ста* (*ста?*): пожалуйста. Въ Малорусскомъ же нарѣчійи и суффиксъ I л. множ. (*мо*) встрѣчается въ такихъ соединеніяхъ: нумо, нумте.

Отъ личныхъ формъ наст. изъявит. произошли наши союзы: если (*кътъ*), буде (*бѣдетъ*); частица *де* (*дѣеть?*); Пол. *albowiem*, Чеш. *pru* (*inquit*), Срб. *морда* (*fortasse*, изъ: море бити да).

2. *Повелительное*. Рус. будьто, что-ни-будь, вѣдь, небось, спасибо(гъ), пусть, пускай, почти; Пол. *niechaj*, Срб. *нека*, Хут. *пај*.

3. *Аористъ*. Союзъ бы (чтобы, дабы), существующій теперь въ Русскомъ, Пол., Чеш., Хут., развился изъ аориста: быхъ, бы, быи. Въ глагольномъ значеніи онъ и донинѣ употребляется въ Сербскомъ, Болгарскомъ и Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

На всѣ однако формы частицъ такъ легко могутъ быть приурочены къ одной изъ падежныхъ или личныхъ формъ. Есть цѣлый ихъ рядъ довольно темнаго происхожденія. Таковы напр. не только простые односложные предлоги и союзы (въ, къ, а, и и т. п.) но и многія нарѣчія, которыхъ корень ясно выдѣляется отъ суффикса: да, де, доу, дѣ, жди (шти), ли, лѣ, на, ни (когда, кѣде, кѣдоу, кѣдѣ, трижды, коли, доколѣ, кольна, кольми). Лишь послѣднія (на, ни) формы съ нѣкоторою вѣроятностію можно приурочить къ формамъ творит. множ. и двойствен. (ср. тѣна, тѣми); всѣ же остальные представляютъ образованія загадочныя.

На этомъ мы заключаемъ *анализъ* составныхъ элементовъ Славянскаго слова. Къ задачамъ морфологіи относится еще ихъ *синтезъ*, какъ онъ выражается въ системахъ склоненія и спряженія: но разсмотрѣніе послѣднихъ можетъ быть предметомъ особой статьи.

А. Будилевичъ.

О ЗЕМЛѢ ПОЛОВЕЦКОЙ.

(Историко-географическій очеркъ).

Русскія поселенія въ раннее время лежали по Донцу и по лѣвой сторонѣ Днѣпра, простираясь чуть ли не до Азовскаго и Чернаго морей, о чемъ свидѣтельствуютъ названія многихъ мѣстностей весьма древнія ¹⁾. Но подъ напоромъ кочевыхъ народовъ, которые одинъ за другимъ занимали южный край Россіи, наши предки мало по малу уступали свои города, обращавшіеся въ городища, пришлецамъ, ведя съ ними постоянныя войны въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Раздолье южно-русскихъ степей, множество рѣкъ и удобныхъ водоемовъ, сочныя травы и богатая пастбища издавна привлекали кочевыхъ народовъ для привольнаго житія въ этой благодатной мѣстности, съ ихъ многочисленными стадами. Азіатскія племена, обитавшія въ южныхъ степяхъ, имѣвшія враждебныя столкновенія съ русскимъ народомъ, оставили память о себѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей, которыя могутъ иногда разъяснять или дополнять скудныя лѣтописныя извѣстія о дикихъ кочевникахъ.

На памяти исторіи, *Хазары* постепенно подвигались отъ Яика къ Дону, потомъ кочевья ихъ простирались по Донцу вплоть до Тавриды. Въ Харьковской губ. сохранилось много слѣдовъ пребыванія этихъ степняковъ въ ея предѣлахъ; эти слѣды можно отыскать въ названіяхъ разныхъ мѣстностей, которыя находятся въ трехъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Донцу съ правой стороны. *Хазарское юрочище* лежитъ оною с. Ковеговъ въ 8 верстахъ отъ г. Валокъ; недалеко отъ него въ трехъ верстахъ отъ вала урочище называется

---

1) Извѣст. Акад. Н. VIII, 314. Статя *И. И. Срезневскаго*. Въ 1170 г. князя собирались „поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути“ къ Черному и Азовскому морямъ. Ипат. 97.

Хозарескимъ. Городище это расположено на возгорѣ по берегу ручья и мѣстами окружено тройнымъ валомъ; вообще городища Валковскаго у. самыя значительныя въ той мѣстности и ихъ надо признать одними изъ древнѣйшихъ. Другія названія также указываютъ на мѣстности, гдѣ прежде обитали Хазары: въ 32 верстахъ отъ г. Валокъ на р. Березовой есть хуторъ *Заказаровка*, а въ 20 верстахъ отъ г. Лебедина лежитъ хуторъ *Коцаревъ*. Въ самомъ г. Харьковѣ находится улица *Кацарская*, а вблизи города есть *Кацаново городище* и *Кацановъ перевозъ*; все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о поселеніяхъ Хазаръ, князь которыхъ назывался *Кацаномъ*. Отсюда, вѣроятно, въ IX в. они дѣлали набѣги на славянскія племена, подчинивъ своей власти Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Олегъ освободилъ отъ Хазарскаго вліянія Сѣверянъ и Радимичей; а Святославъ, взявъ г. Бѣлугу, сдѣлалъ свободными и Вятичей; но часть Хазаръ оставалась въ Русской землѣ въ подчиненіи Половцевъ, потомъ перешла на службу къ русскимъ князьямъ. Отъ насильства Половцевъ *Бѣловѣжцы*, какъ называетъ лѣтопись Хазаръ, переехали въ нынѣшнюю Черниговскую губ. и основали г. *Бѣловѣжу* близъ верховьевъ р. Остра, гдѣ находимъ нѣсколько селеній съ этимъ именемъ; остатки этого городка доселѣ можно видѣть у нѣмецкой колоніи Бельмешъ ¹⁾. Когда возникъ этотъ городъ Хазаръ—неизвѣстно, но лѣтописи сохранили память объ ихъ переселеніи въ Черниговскую область, отмѣтивъ подъ 1117 г. слѣдующій случай: „придоша Бѣловѣжцы въ Русь“ (*Ипат. 8. Листинс. 291*). Недалеко отъ развалинъ Бѣлавѣжя находимъ селеніе съ названіемъ *Казары*, на пути отъ с. Носовки въ г. Козелецъ; сохранились также слѣды ихъ жительства около г. Воронежа, гдѣ близъ слободы Чижевки, недалеко отъ шлязовъ, указываютъ *Козарское городище* и *Козарское поле*. Въ XI стол. мы встрѣчаемъ Хазаръ въ Тмутарсканскомъ княжествѣ ²⁾.

Хазаръ смѣнили *Печенги*, которые также обитали около Донца недалеко отъ г. Чугуева,—и названія мѣсть ихъ жилья сохранились до нашихъ дней. *Печенгская гора*, находящаяся на лѣвомъ берегу Донца (въ 7 верстахъ выше г. Чугуева, около с. Масловки), поражаетъ зрителя своими грандіозными размѣрами, особенно если смотрѣть на

¹⁾ *Изслѣдованія Лерберга* подробно описываютъ этотъ старинный городокъ (стр. 385).

²⁾ Древн. в Нов. Рос. 1876 г. V, 65. Калужск. губ. Вѣдом. 1842 г. № 42. П. С. Лѣт. I, 87. 88.

нее съ противоположной гористой стороны Дона, наиримѣрь—отъ церкви изъ с. Конетка. Въ 1667 г. упоминается *и Печенѣжскіе* въ числѣ другихъ русскихъ городовъ; это—теперешнее село *Печенѣжскіе*, тоже лежащее на Донѣ въ 23 верстахъ отъ Чугуева при горѣ *Бубонѣ*; въ 1646 г. отъ гоменія пашежанъ тамъ стали селиться выродцы поддслаго ярая изъ Черкасъ и употреблялись для охраны границы отъ нападенаія крымскихъ Татаръ. Эти *Печенѣжскіе Черкасѣ* постоянно вѣжнѣли русскимъ, нападали на Аркадіевскую цукетинь и дѣйствовали по мыслямъ Дорошенко вмѣстѣ съ Татарами; извѣстный атаманъ Сѣрко былъ полковникомъ Зміевскихъ и Печенѣжскихъ Черкасъ, и въ вавановъ въ 1668 г. и желалъ поселиться въ своемъ домѣ въ Маррѣѣ 1675 года ¹⁾. Напрасно нѣкоторые писатели думали, будто эти Печенѣжскіе Черкасѣ были потомками старинныхъ Печенѣговъ: только старая мѣстность, въ которой они поселились, дала имъ названіе въ XVII стол. Извѣстно, что Печенѣги въ послѣдній разъ приступили къ Киеву безъ числа въ 1036 г., но Ярославъ въ злой свѣчѣ, продолжавшейся цѣлый день, сокрушилъ ихъ силу, о чемъ лѣтопись замѣтила: „и побѣгоша Печенѣжи разное, и не вѣдяхуся камо бѣжати, тонаху въ Сѣтомли, ина въ нѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне“ (*Лавр. 65*). Побѣда русскихъ князей надъ Печенѣгами заставила ихъ пробираться за Днѣпръ и за Дунай, гдѣ добила ихъ Греки съ Половцами, а въ южныхъ степяхъ осталось ихъ мало. Потомъ нѣкоторые переселились въ Києвскую область и смѣшались съ другими степными племенами, которые названіи подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* и *Берендѣевъ*. Остатки Печенѣговъ помогали русскимъ князьямъ и въ XII в., но часто дѣстали имъ и вѣмѣняли, не исключая *Печенѣговъ Каневскихъ* ²⁾.

Ослабивъ силу Печенѣговъ, русскіе стали дѣйствовать наступательно противъ *Торковъ*, которые сидѣли по Донцу далѣе Печенѣговъ и были одного съ ними племени. Племя это обитало около нынѣшняго г. Славянска и сообщило свое наименованіе нѣсколькимъ мѣстностямъ: двѣ рѣки издавна назывались *Торъ* и *Торецъ*, соляныя озера—*торскими* и самый г. Славянскъ носилъ имя *Тора*; деревня *Торская* лежитъ въ 90 верстахъ отъ г. Купянска при р. Жеребцѣ. Около г. Славянска находится *Торское юродище*, вблизи котораго въ

1) Опис. Харьковск. епархіи. Пр. *Филарета*. I, 19. 292; II, 6. 51; III, 263; IV, 66. 97—101. 106—110.

2) Ипат. лѣт. 18. 60. 90. 96. Воскр. 25. Никон. II, 134.

XVII в. былъ татарскій перелазъ и тутъ поставленъ острожекъ въ 1646 г. для обереганья соляныхъ промысловъ. Старое *Торчиново юрочище* лежитъ на р. Мерлѣ въ 6 верстахъ отъ г. Краснунутска; въ описаніи сторожей 1571 г. сказано: „а Мерлѣ перелезти ниже Торчинова городища“. *Торская дорога* шла около р. Тетлѣги, подлѣ дачь Чугуевцевъ за Сѣверскимъ Донцомъ, недалеко отъ рѣчки Гнилицы ¹⁾. Въ 1080 г. часть Торковъ выселилась съ Донца въ Переяславскую область (*Лавр.* 87. 97); другая часть на правую сторону Дѣбюра, о чемъ свидѣтельствуеетъ названіе *Торческа* или *Торційскаго*, и служила князьямъ кievскимъ. Въ 1116 г. „бишася Половцы съ Торки и съ Печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ ноци,—и придоша въ Русь къ Володимеру Торци и Печенѣзи“. Такимъ образомъ Половцы вытѣснили съ Донца племена, которыя измѣняли имъ и дѣйствовали въ пользу русскихъ; въ 1121 г. Владиміръ однако прогналъ Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами,—и тако мутушася сдѣ, однѣ—и тако погибоша“. (*Ипат* 8. *Лавр.* 104). Но Торки не погибли и оставались въ предѣлахъ Черниговскаго княжества въ осыдномъ положеніи въ XII стол. По указанію лѣтописей, остатки Торскаго племени жили близъ *Баруча* и *Бронькняжа*, теперешней *Браницы*, въ Кролевецкомъ у. (на рѣчкѣ Грабаровкѣ, лѣвомъ притоѣ р. верхняго Трубежа), около *Нѣжатица*, недалеко отъ нынѣшняго *Нѣжина*, въ окрестностяхъ *Городка* или *Городни* на р. Сможѣ, впадающей въ Удай, съ лѣвой стороны выше г. Прилукъ, въ окрестностяхъ *Серебрянаго*, теперешняго с. *Сребнаго* Прилуцкаго у., по роменскому тракту на р. Лысогоръ. Н. П. Барсовъ вѣрно объясняетъ мѣстность, гдѣ обитали Торки: „или въ сѣверной части Прилуцкаго, или въ южной Нѣжинскаго уѣзда, можетъ быть, въ окрестностяхъ теперешняго хутора *Барышовцова*, принадлежащаго селу *Носовкѣ* (Нѣжинскаго у. на границѣ съ прилуцкимъ *)“. Торки въ XII стол. то помогали русскимъ князьямъ своимъ участіемъ въ битвахъ, то льстили и измѣняли имъ ²⁾.

1) А. эксп. IV, стр. 273. Опис. Харьк. спархин. I, 314. III, 219—250. IV, 62. V, 115—118. 127. 132. На Торскихъ вершинахъ часты были столкновенія казаковъ съ Татарами въ XVII в. Доп. къ А. ист. X, N 44, с. 4.

2) *Лавр.* 129—1125 г.; 132—1135 г. *Ипат.* 107.

3) *Очерки рус. истор. геогр.* Варшава. 1873 г. стр. 140.

4) *Ипат.* 60. 90. 96. 100—101. 106. 143. 174.

Болѣ вѣрными русскимъ оставались *Ковуи*—небольшая отрасль Торскаго племени,—которые сначала жили тоже въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. Тамъ при рѣчкѣ Ворсклицѣ и р. Боровой находится *Кукуево юродище*, между деревнями Литовкой и Боголюбовой, окруженное двумя валами и ровомъ въ 3 сажени вышины; другое *Кукуево юродище* лежитъ около села Боровеньки Лебединскаго у. на р. Пслѣ въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города. Оба эти городища надо считать памятниками древнихъ жилищъ Ковуевъ. При нашествіи Половцевъ одни изъ нихъ передвинулись на правый берегъ Днѣпра, гдѣ г. Черкасы и Торческъ; другіе пошли съ Торками въ предѣлы Черниговскаго княжества и назывались *Ковуями Черниговскими*, которые постоянно помогали русскимъ князьямъ въ битвахъ противъ Половцевъ¹⁾.

Столкновеніе русскихъ съ Торками въ 1054 году вызвало ихъ на борьбу съ *Половцами*; какъ только русскіе князья побѣдили Торковъ, въ тоже время познакомились съ Половцами: „иде Всеволодъ на Торкы, и побѣди Торкы. Въ семь же лѣтѣ приходи *Болушь* съ Половцы, и сотвори Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася вспять, отнюду же пришли“. Значить, Половцы въ это время придвинулись къ Торкамъ, которые, вѣроятно, обратились къ нимъ за помощью, а заключенный миръ показываетъ, что передъ этимъ была ссора. Подобное же явленіе повторилось въ 1060 году: четыре русскіе князя „совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множество на Торкы. Се слышавше Торци убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи отъ зимы, гладомъ, моромъ и судомъ Божиимъ; тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ“. Но лѣтописецъ ошибся въ расчетѣ: въ защиту Торковъ 1061 г. явились болѣ опасные враги—Половцы, сдѣлали первый удачный набѣгъ на русскую землю, побѣдили Всеволода, подъ предводительствомъ своего князя *Искала* (Сокала) и повоевавъ Русь, ушли во свояси (*Лавр. 70. 1 Соф. 140*). Съ тѣхъ поръ Половцы стали дѣлать набѣги смѣлые и постоянные на русскія поселенія въ нынѣшней Полтавской, а отчасти и въ Черниговской губ. Они воевали по р. Сожицѣ или Оржицѣ, брали и осаждали города Черниговъ, Переяславъ, Прилуки, Переволоку (*теперь Переволочное на р. Удаѣ къ вост. отъ Прилукѣ*), Песочень или Песочки на р. Сулѣ, Ромны,

1) Опис. Харьков. енар. III, 55. 56—8. 489—490. Ипат. 60. 90. 99. 130—131.

Герошинъ, Синятинъ и Лубинъ. Русскіе князья гонялись за Супой, Хоролъ, Сузу и Голтву, отражая ихъ нападенія ¹⁾).

Вообще наступательная война русскихъ съ Половцами въ XI стол. не отличалась смѣлостью и ограничивалась защитой собственныхъ пограничныхъ укрѣпленій; только въ 1103 г. они „умыслиша деранути поити въ землю ихъ“. Первая побѣда надъ Половцами произошла въ ихъ землѣ 4-го апрѣля; войска пошли внизъ по Днѣпру однѣмъ берегомъ, другія въ лѣвахъ, „придоша ниже порогъ и сташа въ претолчехъ въ Хортичемъ островѣ“; потомъ шли въ полѣ 4 дна и одержали знаменательную побѣду въ нынѣшней Екатеринославской губ. Однихъ князей Половецкихъ избили 20 человекъ, обогатились скотомъ и челядью, „и заша Печенѣгы и Торкы съ вежами. И придоша въ Русь съ полономъ великимъ, и съ славою и съ побѣдою великою“. Виновникъ этого удачнаго похода, Владиміръ Мономахъ, въ 1109 г. послалъ съ другой стороны войско, въ Половецкое поле и оно взяло вежи недѣю предводительствомъ Дмитра Иворовича у Дону, т. е. на Донцѣ ²⁾).

Но самый удачный походъ сдѣлали князья на Половцевъ въ 1111 году: тогда они въ первый разъ проникли въ глубь Половецкихъ степей и одержали блистательную побѣду надъ своими врагами—кочевниками, которая современниками считалась чудомъ и приписана помощи и участію ангеловъ. И этотъ славный походъ совершилъ, благодаря энергіи Владиміра Мономаха; онъ сталъ убѣждать Кіевскаго в. кн. Святополка идти весной на поганыхъ, но встрѣтилъ отпоръ дружины, которая говорила: „хочеть погубити смерды и ролью смердомъ“, т. е. при раннемъ походѣ, когда заняты будутъ лошади и люди, нельзя произвести посѣва. Не смотря на противодѣйствіе дружины весеннему походу, Мономахъ доказалъ его необходимость и настоялъ на своемъ. Ему хотѣлось, должно быть, застать рано и въ распахъ Половцевъ на ихъ зимовищахъ около Донца и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степня-

1) Лавр. 87. 92. 103. 104. Очерки рус. истор., геогр. Барсова. 141. Р. Орщина выходитъ изъ Прилуцкаго у., течетъ по Пирятинскому и Лубенскому на 130 верстъ и впадаетъ въ р. Сузу.

2) Лавр. 118—119. 121. Малая рѣка Хортица впадаетъ въ Днѣпръ въ Екатеринославской губ. противъ острова Хортица.

ни съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи на Калмиусъ, на Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли *лѣтовисца*, а на зиму опять шли обратно ¹⁾. Походъ Мономаха, замѣчательный тѣмъ, что Русскіе въ первый разъ проникли въ средину Половецкой земли, представляется различно у разныхъ писателей и по времени и по мѣстности, да и показаніи лѣтописей на этотъ разъ неодинаковы ²⁾. Приблизительно—точный расчетъ движенія войскъ представилъ Н. П. Барсовъ въ своей „Географіи начальной лѣтописи“; но и у него вкрались лѣтописныя ошибки, какъ увидимъ далѣе.

Мономахъ съ князьями отправился изъ Переяславля *во вторую недѣлю* или во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26-го февраля. Въ лѣтописяхъ путь его означенъ переходомъ черезъ рѣки, которыя протекаютъ въ Полтавской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что войска двигались обычной дорогой, по которой ходили тогда Половцы на Переяславль, по которой ѣздили и торговцы въ землю Половецкую: известно, что пути устанавливаются надолго и прокладываютъ по Россіи новыя дороги прямоѣзжія—трудъ богатырскій. Следовательно, направленіе пути войскъ можно означить тѣми мѣстностями, которыя упоминаются въ лѣтописяхъ. Мономахъ пошелъ къ р. Супою черезъ *Войнъ*, теперешнее с. Войница (въ 11 верстахъ отъ г. Переяслава), около котораго находился валъ въ XI стол. и теперь еще хорошо видный (*Лавр. 97. 139*). Войница составляетъ первую станцію отъ Переяслава, — и когда князья пошли на Половцевъ въ 1110 г., то дошедъ до Войницы, вернулись назадъ, потому что путь былъ плохой ³⁾. Въ 1111 г. князья, переправившись чрезъ р. Супой, пришли на Сузу въ пятницу 3-й недѣли поста 3-го марта; значить они въ пять дней сдѣлали 138 верстъ (*отъ Супоя до Сузы около 108 верстъ*); шли они, вѣроятно, по направленію къ городку *Джумлю*, на р. Сулѣ, который уже въ XII стол. разоренъ былъ Половцами и назывался *городищемъ* (*Ипат. 122*), а можетъ быть—къ *Горошину*, взятому Половцами при *Мономахъ*, а укрѣпленіе это лежало южнѣе *Лукомья* тоже на Сулѣ. (*Лавр. 103*). Въ субботу 4-го марта пришли на р. Хороль и отъ тамъія снѣговъ

1) Лавр. 121. 174.

2) Ист. рос. *Татищева* II, 207—209. Ист. гос. рос. *Карамзина* II, пр. 204.

3) Лавр. 121. Ипат. 87. *Войска* при рч. Броварѣ и въ 20 верстахъ отъ с. Тамани, что на Супоѣ. *Стис. насел. мѣстн. 161*.

пометали сани; отъ Лукомья до г. Хорола считается 28 версть. Судя по выраженію Воскресенской лѣтописи, что князья по переправѣ чрезъ Хороль, *выидоша въ поле*,—можно заключить о пограничной линіи по этой рѣкѣ Переяславскаго княжества въ началѣ XII стол. (II. Собр. Лѣт. VI, 21). Если они направлялись отъ Хорола къ с. Бѣлоцерковкѣ, лежащей у р. Псла, то прошли 38 версть—и достигли Псела въ воскресенье крестопоклонное 5-го марта; отъ Псела до Голтвы прошли еще 25 версть (отъ Бѣлоцерковки на Пселѣ до Рѣшетилочки на Голтвѣ 25 в.). Здѣсь подождали войска и во вторникъ 7-го марта на 4-й недѣлѣ поста пришли на р. Ворсклу, сдѣлавъ 36 версть, если шли отъ Рѣшетилочки въ окрестности Полтавы. Такимъ образомъ отъ Переяславля до Ворсклы или до Полтавы прошли 264 версты въ 10 дней, дѣлая съ остановками круглымъ счетомъ версть 26 въ сутки; отъ Хорола до Полтавы около 100 версть прошли они въ 4 дня, когда бросили сани. Н. П. Барсовъ замѣчаетъ: „Очевидно, путь лежалъ выше устьевъ Хорола и Голтвы, по всей вѣроятности отъ Лукомья, пограничнаго городка Переяславской области на Сулѣ, къ Ворсклѣ въ окрестности Полтавы или приблизительно по параллели 59° 50'. Здѣсь всего около 125 версть. Это разстояніе они прошли въ 5 дней (3—7 марта), дѣлая такимъ образомъ въ день круглымъ счетомъ версть по 25¹⁾. Если бы князья шли сѣвернѣе напримѣръ, на Лубны, Миргородъ и Балаклію; то миновали бы р. Голтву; слѣдовательно они направлялись южнѣе—на Бѣлоцерковку. Въ средокрестье или въ среду 4-й недѣли поста 8-го марта пошли они съ Ворсклы, „и оттуда проидоша многи рѣки“. На основаніи этого лѣтописнаго замѣчанія, можно судить гадательно о слѣдующихъ обстоятельствахъ. Едвали войска шли на Чугуевъ или Зміевъ: въ этомъ направленіи нѣтъ почти совсѣмъ рѣкъ, только и встрѣтилась бы имъ р. Можъ и еще около Чугуева р. Уды; значить, онѣ направлялись или сѣвернѣе или южнѣе. Много рѣкъ онѣ должны были перейти, если бы двигались выше г. Харькова; здѣсь надо бы переправиться чрезъ Коломакъ, Уды, Лопань и Харьковъ, не считая мелкихъ рѣчекъ, увеличивающихся весной во время разлива воды. Точно также встрѣтили бы много рѣкъ на пути въ окрестности Изюма; тутъ прошли бы Коломакъ, Орчикъ, Берестовую, верховья Орели и

1) Очерки рус. историч. геогр. прим. 227. Полтава упоминается въ 1174 г. какъ крайнее пограничное русское поселеніе. *Изм.* 107.

Береку. Какъ бы то ни было, князя пришли къ Донцу во вторникъ на 5-й недѣлѣ, по другимъ спискамъ лѣтописей—въ воскресенье той же недѣли, по третьимъ—во вторникъ на 6-й недѣлѣ. Н. П. Барсовъ держится указанія послѣдняго и говоритъ, что „отъ Ворсклы до Шаруканя на Дону они шли 14 дней, прибывши туда вечеромъ 21 го марта, во вторникъ на 6-й недѣлѣ поста“. Въ Ипатьевской лѣтописи дѣйствительно отмѣчено, что они пришли къ Донцу на 6-й недѣлѣ, но это не вѣрно; въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ означено точнѣе, что дѣло было во вторникъ 5-й недѣли, т. е. 14 марта, а слѣдовательно онѣ достигли отъ Ворсклы до Донца (*отъ 8—14-ю*) не въ 14, но въ 7 дней (отъ Полтавы до Харькова считается 132 версты). Если бы князя 21 марта были на Донцѣ, т. е. на 6-й недѣлѣ во вторникъ, то они овладѣли бы Шаруканемъ въ недѣлю цвѣтвую 26-го марта, тогда какъ этотъ праздникъ они проводили послѣ взятія двухъ городовъ и удачной побѣды надъ Половцами при потокѣ Дѣгея, а 27 марта уже разбили ихъ на р. Салницѣ. Едвали не вѣрнѣе всѣхъ списковъ чтеніе Воскресенской лѣтописи, въ которой сказано, что „въ 5-ю же *недѣлю* поста прійдоша къ Донови, во вторникъ же обожшеса во брони, поидоша съ Донови, полки изрядивше, ко граду Шаруканю“ (*Ип. С. Лѣт. VI, 21*). Это свидѣтельство очень достоверно по точности: изрядить полки въ одинъ день, бывшіе въ походѣ 17 дней, сразу нелегко, да и едва ли все войско могло придти въ одинъ день; надо было, вѣроятно, подждать его, какъ это случилось на Голтвѣ ранѣе. При такомъ расчетѣ, войско отъ Ворсклы до Донца, на разстояніи примѣрно 150 верстъ, пришло къ Донцу въ пять или 6 дней, что согласно съ прежнимъ его движеніемъ. Изрядивъ полки, князя пошли 14 марта во вторникъ къ г. Шаруканю и взяли его въ воскресенье 19 марта; это—первый городъ въ землѣ Половецкой.

Хотя всѣ почти писатели утверждаютъ, будто г. Шарукань лежалъ на Донцѣ, но надо полагать скорѣе, что въ недалекомъ отъ него разстояніи; въ одной лѣтописи сказано неопредѣленно: *поидоша къ Шаруканю*, но съ Донца ли ушли войска или двинулись вдоль по берегу, неизвѣстно, только въ Воскресенскомъ спискѣ означено прямо, что Мономахъ и князя „поидоша съ Донови ко граду Шаруканю“ (*Ипат. 2 Воскр. 21*); значитъ, онъ находился не на Донцѣ.—Что же это за городъ и почему доселѣ не опредѣлено его мѣстоположеніе? Вообще отгадывать положеніе городовъ и мѣстечекъ по географическимъ стариннымъ названіямъ весьма трудно, особенно въ землѣ

Половецкой, гдѣ смѣнялись постоянно восточныя племена одиѣ другими, оставляя каждое свои слѣды и названія, которыя передѣлывались нерѣдко русскими на свой ладъ, напр. изъ *Адаламъ* вышла русская *Водолава*, изъ *Гузума*—*Изюмъ* и т. дал. Много названій географическихъ въ Половецкомъ полѣ у русскихъ носили двойныя имена, собственныя и восточныя: Орель и Уголь, Самара и Снопородъ и проч. У Половцевъ же постоянно названіе одного и того же города мѣнялось часто, потому что они именовали ихъ по своимъ ханамъ—князьямъ или родоначальникамъ: когда по смерти одного предводителя извѣстнаго рода дѣлался другой, то и городъ измѣнял названіе. Въ жизни Половцевъ господствовалъ родовой бытъ, о которомъ вѣрно рассуждалъ еще Татищевъ, что у нихъ множество князей зависить отъ множества и раздѣленія улусовъ; поэтому самыя племена ихъ назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каепичи, Багубарсовы, Бастѣва чадь, Чаргова чадь; имена городовъ половецкихъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ, а несущественныя¹⁾. Тотъ же городъ *Шаруканъ* носилъ въ разное время нѣсколько названій: сначала онъ означался именемъ града *Осенева* или *Асенева* отъ Половецкаго хана Асана (Асена, Асияя, Осеня), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ, и впоследствии женилъ на его внука сына своего Георгія. По смерти Асана (1082 г.), его городъ уже сталъ носить названіе *Шарукана*, по имени хана *Шарука*, который едва непопалъ въ плѣнъ русскимъ въ 1107 г. на Хоролѣ. Наконецъ г. Шаруканъ называется *Чешуевымъ* (Чешлюевымъ), также по имени хана, сдѣлавшагося предводителемъ по смерти Шарукана. Всѣ эти названія въ русскихъ лѣтописяхъ служатъ для означенія одного и того же города: въ одномъ спискѣ онъ называется Шаруканомъ, въ другомъ Осеневымъ, въ третьемъ Чешуевымъ²⁾. Г. *Сугровъ* тоже названъ по имени хана *Суры*, который взятъ былъ въ плѣнъ князьями при нападении на г. Лубны 1107 г. (*Лавр.* 120). О положеніи этихъ городовъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1185 г. Игорь Святославичъ перебрелъ Донецъ, шелъ по лѣвой его сторонѣ къ р. Осколу и миновалъ города Шаруканъ и Сугровъ; слѣдовательно они ле-

1) Ист. Рос. *Татищева* 1774 г. II, пр. 351. III, пр. 535. У Печенѣговъ мы видимъ тоже явленіе. *Окраины Россіи*. Вып. I. М., 1865 г. пр. 13.

2) *Лавр.* 87. 120. 128. Ипат. 2.

жали по правую сторону Донца и выше устьевъ р. Оскола, иначе Игорь встрѣтилъ бы ихъ, когда перешелъ на другую сторону; Владиміръ Мономахъ направлялся тоже къ р. Сальницъ, какъ и Игорь, но по правой сторонѣ Донца и потому долженъ былъ имѣть дѣло съ этими городами. Если не на Донцѣ находился г. *Шарукань*, то онъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго *Харькова* (Харкань, Гаркань, Шаркань), который переименованъ Малороссійскими казаками на свой ладъ и невѣрно произведенъ отъ казака *Харько*; еще преосв. Филаретъ опровергалъ мнѣніе, будто Харькову далъ свое имя первый поселенецъ казакъ *Харько* ¹⁾. Однако приурочивая г. Шарукань къ мѣстности Харькова, мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ, что этотъ городъ называется въ лѣтописяхъ *Чешуевымъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что это имя происходитъ отъ хана родоначальника Половецкаго, но Чешуя—хана мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и думаемъ, что это слово переделано на русскій ладъ, а прежнее названіе было *Чуаевъ* или *Чууевъ* отъ хана *Чулая*; дѣйствительно, мы знаемъ, что у Половцевъ были ханы съ этимъ именемъ и одинъ изъ нихъ убитъ въ 1180 г. (*Ипат.* 125).

Такъ какъ многія мѣстности въ землѣ Половецкой назывались по именамъ хановъ, то позволительно предположить, что нѣкоторыя рѣки и населенныя мѣста получили отъ нихъ свои наименованія. Особенно много такихъ названій можно насчитать въ Харьковской губ., наприм.: отъ хана или родоначальника *Буса* („поютъ время *Бусово*, лежатъ мѣсть *Шаруканю*“) происходятъ имена—*Бузовъ яръ* въ Волчанскомъ у. на лѣвомъ берегу Донца въ 15 верстахъ отъ у. города; *Бузовъ новый*, *Бузовъ старый* въ 35 верстахъ отъ Волчанска, *Бузова рѣчка*, *Бузовъ хуторъ*, *Бузовскій* (Зміев. у.), *Бузовикъ* (Лебединск. у.), *Бузовскій* (Купянск. у.). Такъ какъ *Бузовъ яръ* лежитъ въ 15 верстахъ отъ *Салтова*, то еще болѣе можно быть увѣреннымъ въ Половецкомъ происхожденіи *Бусова*. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ говорится: „Стрѣляеши съ огня злата стола *Салтана* за землями; стрѣлай, господине, *Кончака* поганого кощія за русскую землю“. Ясно, что салтавами назывались ханы Половецкіе, которые и дали свое имя *Салтовскому городищу* на Донцѣ, *Верхнему Салтову*, *Старому Салтову* (Волчанск. у.), *Салтановкѣ* (Сумск. у.). Можно думать, что

1) Опис. Харьк. епар. II, 5. Въ Полтавской губ. есть хуторъ *Хархановъ* Лохвиц. у. въ 22 верстахъ отъ у. города.

названіе *Куряжъ* колодець и *Куряжъ* рѣка, гдѣ теперь *Куряжскій* монастырь при р. Удахъ, въ 10 верстахъ отъ Харькова, обязаны своимъ происхожденіемъ также кочеванію въ этой мѣстности хана *Кури* или *Курыжа*; объ этомъ ханѣ лѣтопись отмѣтила подъ 1096 г. что *Курия* воевалъ около Переяславля и сжегъ с. *Устье*. Тоже можно сказать о мѣстностяхъ съ именемъ *Топчѣва*, которыя находятся, въ Харьковскомъ, Валковскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ, что онѣ получили названіе отъ хана *Топчя* и проч. ¹⁾.

Половцы не были устроителями городовъ и, занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; повтому стоило осадить русскимъ засѣвшихъ въ городѣ Половецкѣ, они скоро сдавались—и ни одного случая не найдется, когда бы они сняли осаду, что съ Половцами бывало часто. Впрочемъ и городовъ ими занимаемыхъ насчитывается очень мало, но всѣ ихъ надо искать на мѣстахъ нынѣшнихъ городищъ, которыя находятся около Харькова и Чугуева ²⁾. Итакъ, взявъ легко Шарукань 19-го марта, когда сами жители вынесли князьямъ рыбу и вино, они отправились къ г. *Сугрову*. По всѣмъ почти спискамъ лѣтописей можно гадать, что Шарукань лежалъ отъ Сугрова на разстояніи одного дня пути, но это несправедливо; очевидно, переписчиковъ лѣтописей смущало слово—*завтра* и они думали, что князья пришли на другой день. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ означено точно, что къ Сугрову пришли *завтра въ среду*, т. е. въ среду утромъ; повтому переходъ отъ Шарукани совершенъ въ три дня и Сугровъ былъ зажжонъ 22 марта. Если вѣрно, что Шарукань или Чешуевъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева, то Сугровъ надо искать около Изюма, судя по времени перехода войска и соображая его съ разстояніемъ городовъ. (Чугуевъ отъ Изюма отстоитъ на 88 верстѣ). По взятіи г. Сугрова, князья 23-го марта „въ четвергъ поидоша съ Дона“, слѣдовательно Сугровъ стоялъ несомнѣнно на Донцѣ. Далѣе они направились къ р. *Самницѣ*, которую Карамзинъ считалъ за р. *Самъ*, впадающую въ Донъ, не смотря на то, что еще Татищевъ очень вѣрно замѣтилъ: „Донъ есть Донецъ сѣверскій, который Дономъ на многихъ мѣстахъ

1) Рус. Ист. Сборн. III, 118. 120. Опис. Харьк. епар. I, 100; II, 112; IV, 5—7. 42. 52. 277—289. Лавр. 96. См. „Списки населен. мѣстъ Харьковс. губ.“.

2) *Чугуево городище* значится въ книгѣ Большаго чертежа (стр. 31); выше Чугуева въ 5 верстахъ по Донцу, около рч. Телѣги, въ с. Кочетѣ называется улица *Старый Кремичуть*, т. е. старая крѣпость Чугуя или Чуги.

именованъ, что и рѣка *Сальница* утверждаетъ, ибо она течетъ въ Донецъ съ правой стороны ниже Изюма, какъ въ Большомъ Чертежѣ показано“. Мнѣніе Карамзина давно опровергнуто, какъ несостоятельное, Бутковымъ, Арцыбашевымъ и другими писателями ¹⁾. Надо удивляться, какъ доселѣ не принято чтеніе Хлѣбниковскаго списка лѣтописи, въ которомъ вмѣсто неизвѣстной Сальницы, означена р. *Сольница*, а это названіе самое вѣрное. (*Инт.* 2 въ прим.). Р. Сольница лежитъ дѣйствительно въ 45 верстахъ ниже Изюма, считая по берегу Донца, и называлась такъ въ старинныхъ памятникахъ отъ многихъ соляныхъ озеръ, которыя находятся отъ нея въ полуверстѣ; эта знакомая намъ рѣка получила равнѣ названіе *Тора*, потому что на ней кочевали прежде Торки, прогнанные Половцами. Какъ Торъ назывался Сольницей, такъ г. Торскій или Славянскъ—*Соленымъ Городомъ*, а озера Торскія—*Солеными озерами* ²⁾. Пробираясь съ Донца, князья въ пятницу 24 марта встрѣтили войско Половцевъ, которые „изрядиша полки своя и поидоша къ боеви“, но Богъ помогъ русскимъ князьямъ, супостаты побѣждены были на потоцѣ *Дегья* (Дегейвъ), который составляетъ притокъ р. Сольницы, въ четырехъ верстахъ отъ Донца. Если древняя Сальница есть р. Торъ или теперешній *Казенный Торецъ*, то Дегья составляетъ *Кривой Торецъ* или Сольную рѣку; ростовскій лѣтописецъ при разсказѣ о побѣдѣ Мономаха на потокѣ Дегья, прибавилъ: „или Салнѣ рѣцѣ“, считая Сальницу другой рѣкой; въ Воскресенскомъ спискѣ тоже находимъ на полѣ поясненіе потока Дегья—„Салня рѣка“ ³⁾. Какъ обстоятельства дѣла, такъ и разстояніе не противорѣчатъ этому мнѣнію: послѣ побѣды 24 марта, князья праздновали два дня благовѣщенье и вербное воскресенье, въ которое пришли обратно на Донъ, а въ страстной

1) Ист. Татищева. II, пр. 204. 352. Ист. гос. рос. II, пр. 205. III, пр. 70. Въ Землеопис. рос. Имп. *Е. Зябловскаго* означена *Сальница*, впадающая въ Донецъ съ правой стороны ниже Изюма (V, 287). „Едва ли *Сальницею* не называется рѣка, впадающая въ Донецъ съ лѣвой стороны между Осоломъ и Боровскою“ (*Атласъ рос. имп. 1796 г. карта 49*). Игорь или война Половецкая. Арцыбашева. (Вѣстн. Евр. 1826 г. № 11, стр. 177. № 12, стр. 241). Очерки геогр. *Барсова* (прим. 227). Бутковъ прямо указалъ, что Сальница есть р. *Торъ*. Вѣстн. Евр. 1821 г. №№ 21—22, стр. 52.

2) Опис. Харьк. епар. I, 180—2. V, 115—118. 127—132. 134. Г. Славянскъ лежитъ въ разстояніи отъ Харькова въ 165 верстахъ, отъ Бахмута—въ 40, отъ Екатеринослава—въ 260.

3) Ист. гос. рос. II, пр. 205. П. С. Лѣт. VII, 22.

понедѣльникъ 27 марта одержали блистательную побѣду надъ Половцами на р. Садъницѣ, надо полагать, при впаденіи Тора въ Донецъ. Какъ Мономахъ, такъ и Игорь Сѣверскій направлялись къ Торскимъ или Славянскимъ солянымъ озерамъ, которыми дорожили и степные народы и русскіе промышленники, куда лежалъ *Соломый путь*, по которому ѣздили русскіе торговцы и который старались князья отбить у Половцевъ въ 1170 г. (*Ипат.* 97).

Теперь остается упомянуть о третьемъ Половецкомъ городѣ: въ 1116 г. Ярополкъ „ходи на Половецкую землю къ рѣцѣ, зовомѣй Дону, и ту взя половъ много, и 3 города взя половецкыѣ: *Галинъ* (Балинъ, Бались), Чешюевъ и Сугровъ“. *Балинъ* доселѣ существуетъ фамилія въ Харьковской губ., но опредѣлить мѣстоположеніе этого города на Донцѣ—мы не беремъ. Тотъ же князь ходилъ за *Донъ* въ 1120 г., но не нашелъ Половцевъ и воротился домой. О Мстиславѣ князѣ замѣчено подъ 1129 г., что онъ загналъ Половцевъ за *Донъ* и за *Волу* ¹⁾. Не смотря на это извѣстіе, границы Половецкой земли оставались и посаѣ тѣ же въ Посульѣ, а на сѣверо-востокъ Переяславской области крайними городами по прежнему были *Вырь* или *Выреть*, *Вьяханъ* и *Попаниъ*. Н. П. Барсовъ пишетъ: „На р. Вырь, впадающей въ Сеймъ съ лѣвой стороны въ Путивльскомъ у, находятся населенныя мѣста *Вири*, при устьѣ Сняки, слоб. *Вирки* (оба въ Сумскомъ у.) и *Вири* (старыя?) въ Путивльскомъ у. на границѣ съ Сумскимъ у. Къ какому изъ нихъ правильнѣе приурочивать лѣтописный *Вырьскъ*, опредѣлить нельзя“ ²⁾. Хотя и встрѣчается въ Харьковской губ. с. *Старыя Вири* (на р. Вырь, въ 32 верстахъ отъ г. Сумъ и въ 16 отъ Вѣлополя); но не оно было крѣпостцей въ началѣ XII стол., а искать его надо недалеко, гдѣ находится городище. *Вирское городище* было тамъ, гдѣ теперь лежитъ заштатный городъ *Вѣлополье* (въ 224 в. отъ Харькова, въ 40 в. отъ г. Сумъ). Въ этомъ случаѣ нельзя миновать объясненія преосвящ. Филарета на счетъ положенія Выря, которое, къ сожалѣнію, оста-

2) Лавр. 128. Ипат. 7—8. Воскр. 1. 28.

2) „Къ *Вырети* баху пришли Асеп и Бонякъ“ (Лавр. 104. 130; Ипат. 4. 11). Въ 1147 г. у Выря, какъ украинскаго города, Половцы ходили къ ротѣ. (Лавр. 42, Ипат. 35). Въ 1161 г. Князь Изяславъ говорилъ: „въ Половцы не могу ити, а у Выри не могу голодомъ мерети“ (Ипат. 87. 90. Воскр. 71). Находясь вблизи Половецкихъ кочевьевъ, Вырь былъ небезопаснымъ городомъ. Геогр. Начал. Лѣт. пр. 248.

лось неизвѣстнымъ Барсову. Филаретъ пишетъ: „Въ царской грамо-
тѣ 25 янв. 1704 г. читаемъ: въ 1672 г. по указу царя Алексѣя Ми-
хайловича бояринъ Г. Ромодановскій въ Путивльскомъ у., въ 30-ти
верстахъ отъ Путивля, на р. *Виру* да на устьѣ р. *Крими*, въ угодьяхъ
Путивльцевъ построилъ г. *Бѣлополье на Старомъ Вирскомъ городищѣ*,
а въ томъ городѣ поселились изъ—за Днѣпра сотникъ съ Черкасы
на татарской сакмѣ.—И такъ тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ заштат-
ный гор. Бѣлополье, было старое городище—памятникъ стараго г.
Выря“. За тѣмъ онъ говоритъ о городкахъ *Вьяхань* и *Попашь*, что
„новые историки незнаютъ мѣста этихъ городовъ“ и указываетъ г.
Попашь на рч. Попадѣ, впадающей въ Сулу и протекающей близъ
Ольшаной, въ 4-хъ. верстахъ выше Недригайлова и въ 40 в. отъ
Выря—Бѣлополя. Г. *Вьяхань*, по его мнѣнью, находился на мѣстѣ
нынѣшняго Терновскаго городища, которое въ Дворцовыхъ разри-
дахъ называется то *Дехановскимъ*, то *Дехановскимъ городищемъ*, въ 5-ти
верстахъ отъ слободы Терновъ на рч. Тернѣ, впадающей въ Сулу,
на С. З. отъ у. города Лебедина, недалеко отъ границъ Курской и
Полтавской губ. ¹⁾).

За тѣмъ въ глубину половецкихъ степей по направлеию къ
Донцу сдѣлалъ неудачный походъ князь Игорь Святославичъ Сѣвер-
скій въ 1185 г., обставленный въ лѣтописи нѣкоторыми географиче-
скими подробностями. Онъ отправился во вторникъ на пасхѣ 23
апрѣля изъ Новгородъ-Сѣверска въ Переяславль, гдѣ соединясь съ
нѣкоторыми князьями, двинулся къ Донцу. Какъ видно, онъ держался
не того пути, по которому слѣдовалъ Мономахъ въ 1111 году внутрь
земли Половецкой, а шелъ по украинѣ Руси, на соединеніе съ Пу-
тивльскимъ войскомъ и съ братомъ своимъ Всеволодомъ; поэтому онъ
двигался сѣвернѣе, вѣроятно, въ окрестности Бѣлгорода. Пѣвецъ
Слова о полку Игоревѣ означаетъ эту дорогу такъ: „Комони ржутъ
за Сулою, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Все-
волода“. У Игоря съ Всеволодомъ шли ранѣе переговоры, гдѣ имъ
соединиться: „Създай, брате, своя борзая комони (*Кони у нихъ тучни*).

1) Опис. Харьк. епар. III, 408—413. 577. 592—3. Дворц. разр. II, 885—908. Бар-
совъ указываетъ г. *Попашь* тоже на рч. Попадѣ ниже Недригайлова. Геогр. Начал. лѣт.
пр. 247.

Ипат.), а мои ти гогови, осѣдлали у Курьска напередѣ¹⁾. Мономахъ пошелъ во время распутицы и оттого движеніе его было медленно, а Игорь избралъ самое лучшее время и пришелъ изъ Переяслави къ Донцу менѣе, чѣмъ въ недѣлю, 1-го мая, когда было затмѣніе солнца передъ вечеромъ, въ 7-й часъ дня, какъ утверждаетъ Татищевъ. Объ-этомъ затмѣніи пѣвецъ Слова выразился коротко, что „солнце Игорю тьмою путь заступаше“, отъ него войска всѣ тьмою были прикрыты; но лѣтописецъ изобразилъ его подробно: „мѣсяца мая въ 1-й день на память св. пророка Іеремія, въ среду на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человекомъ въ очю яко зелено баше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ искожаше: страшно бѣ видѣти человекомъ знаменье божье!“²⁾. Но Игорь не испугался, когда другіе поникли головами, въ размышленіи, что это предзнаменованье недоброе,—и перебрелъ Донецъ въ тотъ же вечеръ; пошелъ онъ по лѣвой сторонѣ рѣки къ Осколу, гдѣ два дня ожидалъ брата своего Всеволода, „тотъ баше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курьска“. Надо согласиться съ Бутковымъ, что дорога, по которой шелъ Игорь, лежитъ по возвышенію между рѣками Донцомъ и Осколомъ и приводитъ на Донецкій перевозъ, на 12 верстъ ниже Изюмскаго кургана; поэтому пѣвецъ Слова восклицаетъ: „О русьская земле, уже за шеломянемъ еси!“ Перебродивъ черезъ Донецъ, Игорь направился къ р. *Сальницъ* или къ Тору (*отъ впаденія Оскола до устья Тора по теченію Донца 60 верстъ*); на Сальницѣ войска встрѣтили сторожей, которыхъ послали впередъ „языка ловить“; они сказали, что надо броситься на Половецевъ борзо, ибо они вооруженные ѣздятъ, п. ч. не застали въ распахъ, или идти назадъ. Въ движеніи отъ перехода чрезъ Донецъ съ 1-го мая, въ ожиданіи Всеволода у Оскола, минула цѣлая недѣля—и на Сальницу пришелъ Игорь въ четвергъ мироносицвой недѣли 9-го мая. Оттуда „ѣхаша черезъ ночь“ къ вѣжамъ половецкимъ; этотъ ночной переходъ въ Словѣ о Полку изо-

1) Путивльскій князь присоединился къ Игорю на дорогѣ, п. что онъ не упоминается въ числѣ князей, отправившихся изъ Переяслави (*Лавр.* 167). „Игорь, соединивъ войска въ Путивль, гдѣ и супруга его оставалась, шелъ чрезъ города Суджу, Корочу и вступилъ на древній Изюмскій шляхъ“. (*Бутковъ*).

2) Показанія русскихъ лѣтописей вполне подтверждаются астрономическими таблицами. (*Лавр.* 167. *Ипат.* 130. *Ист. Рос.* Татищева III, 261. *Рус. Достоп.* III, стр. 16, пр. 42).

бражается самыми поэтическими чертами: „Долго ночь меркнеть, заря—свѣтъ запада, мгла поля покрыла, щекоть славій успе, говоръ (войска?) галичь убуди. Русичи великая поля черлеными щиты перегородиша... Съ заранія въ пятокъ потопташа поганяны полкы Половецкыя“. Точность показаній поэта удивительна и часто равняется лѣтописнымъ фактамъ: „заутра пятку наставшу, во обѣднее время (часовъ около 12) усрѣтоша полкы Половецкїи, бяхуть бо до нихъ dospѣли; вежѣ своя пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ р. *Сюурмія*“ (Сюурма, Суюрміи). Сколько извѣстно, положеніе этой рѣки неопредѣлено ¹⁾; но если признать за несомнѣнное, что Сальница означаетъ Сольницу или Торъ, то и рѣку Суюрмію опредѣлить не трудно. Отъ истоковъ Тора (Казеннаго Торца) верстахъ въ 30 впадаетъ рч. *Орелька* въ р. *Орель* и образуетъ уголь, на границѣ Харьковской губ. съ Екатеринославской; вотъ эта-то рѣка и называется *Сюурміи* (Суерель, Суорель, Суюрель), гдѣ сливаются двѣ Орели; а такъ какъ въ лѣтописи Орель порусски называется *Ула*, *Уюль* (*Ипат. 128*), то вѣрно будетъ и чтеніе Татищева, который эту рѣку назвалъ *Суули*, вмѣсто Суюрміи. (*Ист. рос. III, 263—265*). Отъ Сальницы до Суюрміи русскіе князья ѣхали цѣлую ночь и день до обѣда, и время это вполне отвѣчаетъ разстоянію двухъ рѣкъ. Это тѣмъ болѣе достоверно, что и ранѣе русскіе побѣждали Половцевъ жеразъ на р. *Орели* и на Самарѣ, какъ увидимъ далѣе.

Самая побѣда описана такъ: „И якоже быша къ рѣцѣ ко Сюурмію, и выѣхаша изъ Половецкихъ полковъ стрѣльцы, пустиша по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ *Сюурмія*; поскочиша же и ти Половцы силы Половецкїи, которїи же далече рѣкы стояхуть. Стрѣльцы поткоша по нихъ и биша ихъ инаша“. Татищевъ замѣчаетъ, что Половцы въ это время отступили

¹⁾ Рус. Дост. III, пр. 207, стр. 61. Вѣстн. Евр. 1821. N 20; 1830. N 19. Бутковъ думалъ, что Сюурмія—р. Торъ; Арцыбашевъ объ этой рѣкѣ пишетъ: „Намъ она неизвѣстна; но очевидно, что сія рѣка была въ разстояніи одного перехода отъ Сальницы. Не Ольховой ли колодезь, падающій въ Донецъ, ниже Боровой 20 верстѣ? *Ссу* по татарски—рѣчка“ (Вѣстн. Евр. 1821, N 21—22, стр. 152. 1826 N 12, стр. 241). Карамзинъ не дѣлалъ попытки опредѣлить, гдѣ былъ Сюурмія. Отъ Гнилой Орели къ р. Торцу верстѣ съ 20. Кн. Бол. Чертежа 13.

отъ рѣки за гору ¹⁾. Надо полагать, что они бѣжали на Ю. В. по направленію къ Кальміусу, а русскіе передовые полки до вечера гнались за ними, брали въ плѣнъ, „друзіи же въ ночи пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ“, который захватывали по преимуществу въ вежахъ. Пѣвецъ Слова объясняетъ, что это былъ за полонъ: „Помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя оксамиты, и всякыя узорочья половецкыя“. Но эта погоня за добычей увлекла ихъ слишкомъ далеко въ степи Половецкія; благоразумные братья Игорь и Всеволодъ Святославичи, „по малу идаста, не распустяста полку своего, передняя же Русь биша ихъ“, какъ-то: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Игоревичъ, Ольстинъ съ Ковуи и стрѣльцы Они въ преслѣдованіи сильно зарвались и утомили лошадей; Святославъ говорилъ Игорю, что онъ обратно идти ночью не можетъ, иначе долженъ отстать: „Далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои немогутъ (*изнемоги*), аже ми будетъ поѣхати, то толкаю ми будетъ—на дорогѣхъ остати“. Изъ этого видно, что они уклонились уже далеко отъ Суюрміа въ поле, гдѣ и ночевали: „дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло“. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ прибавлено: „И стояша на вѣжахъ 3 дни веселяся, а рекуще: братья наша ходили съ Святославомъ (1184 г.) и билися съ ними, зря на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ на нихъ за Донъ и до конца избьемъ ихъ; оже ны будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь“. Если бы они остановились на Орели, то имъ нечѣмъ было-бы хвалиться передъ Святославомъ, который за годъ предъ тѣмъ одержалъ блистательную побѣду надъ Половцами за Орелью, хотя шелъ со стороны Днѣпра: Игорь подвинулся дальше и именно—къ Лукоморью Азовскому. Съ другой стороны, это показаніе противорѣчитъ Ипатьевскому списку лѣтописи, въ которомъ отмѣчено, что князья послѣ побѣды въ пятницу, не только не останавливались на 3 дня для пиршества, но только ночевали въ полѣ и на другой день въ субботу окружены были Половцами на разсвѣтѣ. Последнее свидѣтельство точнѣе, потому что *во первыхъ*, у князей прошла бы цѣлая недѣля нѣ бездѣйствіи, если бы они остановились на три дня среди поля, что немыслимо,

¹⁾ Ипат. 130. Ист. Рос. *Татищева*. III, 263.

со стороны, и эту ночь провели они по необходимости, противъ воли Игоря, такъ какъ кони утомились, а въ третьихъ показаніе списка Лаврентьевскаго отличается слишкомъ общими чертами и приверженностью къ Святославу Кіевскому, не въ пользу Игоря. ¹⁾).

„Свѣтаючи суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю“ (половецкую) Кончака, Козубурновича, Токсобича и проч. Пѣвецъ Слова поясняетъ мѣстностью, что лѣтопись означаетъ по именамъ хановъ—родоначальниковъ: „Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ странъ, рускіи полки оступиша“. Окруженные Рускіе, считая за грѣхъ оставить черныхъ людей на произволь судьбы, рѣшились слѣзть съ коней и пѣшими „хотяхуть бьющеся дойти рѣки Донца“. Цѣлый день бились они крѣпко до вечера, „наставши же ноци суботніи, и поидоша бьючися“; по другому списку лѣтописи, люди и кони изнемогли „отъ безводья, и постуиша мало къ водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ къ водѣ“. Отступленіе неудалось князьямъ, войска были отброшены Половцами со стороны Донца и бѣжавшимъ некуда было уйти, потому что окружили всѣхъ полками, точно огородили стѣнами сильными. Въ воскресенье возмались Ковуи Черниговскіе, аненый Игорь попался въ плѣнъ; Всеволодъ крѣпко бился „идуше вокругъ при езерѣ“, но тоже взятъ былъ Половцами; и такъ въ праздникъ, вмѣсто веселья, наведе Господь гнѣвъ свой на р. *Каялы*. „Бишася день, бишася другой, третьяго дне къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя *Каялы*“ ²⁾). Воскресный день побѣды Половецкѣ надъ русскими по расчету выходитъ въ недѣлю о Разслабленномъ 12-го мая; Татищевъ пишетъ по случаю битвы: „такъ окончиса сей несчастливый бой, во 2-ю недѣлю пасхи“.—Выраженіе весьма

¹⁾ Рус. истор. Сбор. III, 110. 111. Лавр. 167—168. Ипат. 130. Если 3 дни веселились и 3 дни бились съ Половцами до прихода ихъ главныхъ силъ, то могла вройти цѣлая недѣля.

²⁾ „Изнемогли бо ся бяху безводьемъ, и кони и сами, въ зноѣ и въ тузѣ, а къ водѣ непадуче имъ ити“. Лавр. 168. „Въ полѣ безводяѣ жаждею имъ лукы снаряже, тугою имъ тулы затче“. Сл. о Пол. Увидѣвъ Всеволода, одоляемаго врагами, Игорь просилъ себѣ смерти, чтобы не видѣть его паденія. Ипат. 131. „Игорь полки заворачиваетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода“. Сл. о Пол.

неопредѣленное и оно станетъ понятнымъ, если принять двѣ недѣли по пасхѣ или, послѣ пасхальной седмицы (*III пр., 70*). Что же касается до положенія р. *Каялы*, то разные писатели искали ее въ различныхъ мѣстностяхъ: Карамзинъ думалъ, что это—р. *Капальникъ*, въ землѣ Донскаго войска, но Бутковъ вѣрно указалъ на р. *Кальмиусъ*. Всѣ обстоятельства говорятъ, что Игорь не слишкомъ далеко былъ отъ Азовскаго моря, когда остатки бѣжавшихъ Ковуевъ, преслѣдуемый Половцами, не вернулся на родину: „прочіи въ морѣ истопоша“. Не напрасно русскія войска хвалились послѣ побѣды надъ степняками, что такъ далеко не бывали ихъ дѣды, что они пойдутъ до Лукоморья. Недаромъ и фантазія пѣвца Слова о Полку витаетъ далеко „въ полѣ незнаемъ *среди земля Половецкая*“, около Сурожа; онъ восклицаетъ: „О далече зайде соколъ, птиць бья къ мерю!“ Игорь съ самаго начала похода стремился проникнуть въ глубь степей, преломити коньѣ конецъ поля Половецкаго и онъ имѣлъ дѣло съ *Половцами Лукоморскими*. И прежде Русскіе иногда пробирались неподалеку оттуда, какъ Святославъ грозный Кіевскій, который „поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ подковъ половецкихъ, яко вихрь выторже“, или какъ князь Михайлъ бился у Лукоморья съ Половцами и спасъ его Богъ. Все это заставляетъ убѣдиться, что *Каяла* рѣка непременно есть *Кальмиусъ*, къ которому отброшетъ былъ Игорь, когда преслѣдовалъ враговъ отъ Сюрраи или отъ Угла, образуемаго двумя Орелями; въ два съ половиною дня войска могли свободно пройти разстояніе отъ одной рѣки до другой верстъ въ 70¹⁾. Слѣдовательно, *Каяла* или *Кальмиусъ* будетъ той же рѣкой, что *Калецъ*, *Калакъ*, *Кама*, (*Каялка*), на которой была несчастная битва русскихъ съ Татарами въ 1224 г. среди поля Половецкаго и битва Мамаея съ Тохтамышемъ. Бутковъ объясняетъ дѣло такимъ образомъ: „Въ субботу рано русскіе стали отступать, желая приблизиться къ Дону; но Половцы, окруживъ ихъ, принудили удалиться во глубину безводной степи, къ сторонѣ Азовскаго моря. Томая жаждою въ тогдашній чрезмѣрный зной, Русскіе дрались на походѣ весь тотъ день и слѣдующую ночь;

¹⁾ Ист. гос. рос. III, пр. 70. Еще Арцыбашевъ опровергъ мнѣніе Карамзина, доказавъ невозможность пройти отъ Оскола до Капальника 350 верстъ съ вечера середи до субботы. Онъ спрашивалъ: *Каяла*—не Андаръ ли, впадающій въ Донецъ ниже Ольховаго колодца? *Вѣстн. Евр.* 1826 г. N 12, с. 248. Мнѣніе Буткова тамъ же 1821 г. N 20. с. 53. 1830 г. N 19. *Ипат.* 132. 104. 128, 142. 163, 175. Лукоморье—Азовское море. *Ист. гос. рос.* II, пр. 64. III, пр. 2. 70.

наконецъ, стѣсненные у береговъ быстрой Каялы (*Калмюса*), истощились въ своихъ силахъ. Въ воскресенья въ полдень 5-ю Мая (?), въ третій день сраженій, пали стяги Игоревы; многіе войны побиты, многіе, и самъ Игорь, взяты въ плѣнъ, въкоторыя же изъ ушедшихъ потопли въ морѣ Азовскомъ. Игорь сносилъ неволю у Дона на правой сторонѣ Донца; ибо, бѣжавши оттуда въ Россію, переправился на луговой и слѣдственно на лѣвый Донецкій берегъ“. Въ этомъ объясненіи заключается много правды. Въ 1224 г. Татары на-
двинулись на землю Половецкую: Русскіе пошли на ихъ защиту, по Днѣпру, потомъ отъ острова Варяжскаго у р. Хортицы двинулись въ поле Псоловецкое; оттуда шли 8 дней до р. Каялы, гдѣ были разбиты на *Кажолъ*, т. е. между *Кальчикомъ* и *Калмюсомъ*. (Ипат. 163—165. Лавр. 218).

Побѣдивъ Русскихъ въ 1185 г., часть Половцевъ опять придвинулась къ своей любимой рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ и находился въ плѣну Игорь Святославичъ, хотя всѣ почти писатели думали, будто онъ жилъ на берегу Донца съ правой стороны. Вежа, въ которой сидѣлъ плѣнный князь, стояла на берегу рѣки, иначе издѣла нельзя бы услышать ему свистъ Лавора, который давалъ знакъ князю съ той стороны, что лошади готовы („велить князю разумѣти“). Рѣка эта была *Торъ* или Сольница: въ пятницу, когда у Половцевъ по восточному обычаю, вѣроятно, начался съ вечера праздникъ и сторожи Игоря напились кумыса, играли и веселились, — онъ бѣжалъ незамѣтно. Въ заходѣ солнца послалъ онъ конюшаго своего къ Лавру, „река ему: переѣди на ону сторону *Тора* съ конемъ поводнымъ“; поднявъ стѣну вежи, онъ пришелъ къ рѣкѣ, перебрелъ черезъ нее, сѣлъ на приготовленнаго коня—„и тако поидоста сквозъ вѣжю“. Пѣвецъ Слова отлично зналъ всѣ подробности, что Игорь сначала перебрелъ *Торець*, сѣлъ на коня и поѣхалъ по луку къ Донцу: „поскочи горностаемъ къ тростію (въ тростникъ, *съ камышъ*), и бѣлымъ гоголемъ на воду; вержеса на борзъ комонь... и потече къ луку Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами“. За тѣмъ идетъ разговоръ Донца съ Игоремъ, что тотъ дѣлалъ его на своихъ волнахъ и сталъ ему постелю изъ зеленой травы на своихъ серебряныхъ берегахъ и одѣвалъ теплыми мглами. По всему видно, что Игорь былъ въ плѣну около нынѣшняго г. Славянска на южной сторонѣ Торца и, доскакавъ до Донца, переплылъ черезъ него, а затѣмъ шелъ приблизительно тѣмъ же безопаснымъ путемъ по лѣвой его сторонѣ, какимъ велъ войска“. И иде пѣшь 11 день до г. Донца, и оттолѣ иде во свой Новгородъ“.

Почему онъ шелъ пѣшимъ, когда Лаворъ предоставилъ въ его распоряженіе коня, поясняетъ Слово о Полку, что они надорвали лошадей: „преторгоста бо своя борзая коноя;“ а что князь шелъ 11 дней отъ устья Торца до г. Донца, тоже весьма естественно ¹⁾. Городъ Донецъ, въ который пришелъ Игорь, основательно ищутъ въ окрестностяхъ Харькова; въ книгѣ Большаго Чертежа означено: „На лѣвой сторонѣ вверху по Удамъ, выше хорошаго городища, *Донецкое городище*, отъ Хорошаго верстъ съ пять“. Въ 1571 г. велѣно было ѣхать рыльскому головѣ для наблюденія за Татарами“, внизъ по р. Удамъ чрезъ Павлово селище къ *Донецкому городищу* да къ Харошеву городищу“, которое находится въ 8 верстахъ отъ Харькова между Бабаями и с. Филиповымъ; тамъ доселѣ видны валы и рвы ²⁾. Отъ устья р. Тора до этого городка по теченію Донца гидрографически насчитывается до 500 верстъ, а по прямой дорогѣ отъ Харькова до Славянска 160 верстъ; такимъ образомъ въ 11 дней можно свободно пройти пѣшкомъ 220 верстъ, по 20 въ сутки, принимая это среднее разстояніе для пути Игоря.

Въ область теченія Донца ходили на Половцевъ преимущественно князья Переяславскіе и Черниговскіе; что же касается до Кіевскихъ князей, то они избирали обыкновенно путь внизъ по Днѣпру, отъ котораго на востокъ углублялись въ поле Половецкое. Въ сущности и со стороны Донца, и со стороны Днѣпра, Русскіе стремились за предѣлы теперешнихъ губерній Полтавской и Харьковской въ Екатеринославскую, на р. Орель, Самару и Вальміусъ. Въ 1152 г. отрядилъ Изяславъ, князь Кіевскій, сына своего Мстислава на Половцевъ и Богъ помогъ ему побѣдить ихъ „на Уль и на Самарь, и полонъ много взялъ, самѣхъ прогна, вежѣ ихъ пойма, конѣ ихъ и скоты ихъ зая, и множество душъ крестьянскихъ отполони и возвратишася въ Переяславль ³⁾“. Еще дальше пробирались

1) Рус. Достоп. III, 228, прим. 13. Рус. Ист. Сборн. III, 126. Арцыбашевъ думалъ, что Лаворъ перѣхалъ на ту сторону Донца. Вѣстн. Евр. 1826 г. № 12, стр. 258. Ипат. 133—134.

2) Городскія поселенія, т. V, ч. 1, стр. 310. Книга Бол. Чертежа. *Сласскаю*. 1846 г. 14 32. Опис. Харьк. епар. I, 110.

3) Ипат. 71. Р. Угль или Орель впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Ворсклы, беретъ начало въ Зміев. у. Харьковск. губ., течетъ по границамъ Полтавск. губ. съ Харьковской и Екатеринославской.

Русскіе въ глубину Половецкихъ степей въ 1170 году, когда гонялись за ними отъ Днѣпра до Донца по направленію Орели и Торца; совокупились князья въ Кіевѣ по зову в. князя Изяслава и двинулись оттуда 2-го марта въ субботу на средохрестной недѣлѣ, направляясь на *Тумаць* (Тюмащъ) и за *Каневъ*. „Идоша князи 9 днєвъ изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича, иже идутъ на нѣ князи русьстїи—и побѣгоша, лишившєся женъ и дѣтїи; князи побѣхаша вборзѣ по нихъ. И взяша вѣнѣ ихъ на *Уль рѣчь*, а другыѣ по *Снопороду* (Снопороду, который назывался на восточномъ языкѣ—*Самара*), а самѣхъ постигоша у *Чернаю лѣса*, и ту притиснувшє къ лѣсу, избиша ѣ, а ины руками изоимаша; Бастїи же и инїи мнози гониша по нихъ и за *Вьсколь* (Осколь), бѣучє и⁴. Забравъ множество колодниковъ, чагъ, дѣтей и скота, князья освободили христїанъ, которые томились въ плѣну у Половцевъ¹⁾. И возвратились они обратно въ дома свои на самое Христово воскресєньє, которое въ 1170 г. было 5 апрѣля, а 1168 г. 31 марта. Такое медленное возвращєніє показываєтъ, что князья далеко забрались въ землю Половцевъ, и удальцы изъ Торковъ и Берендѣевъ могли гнаться за ними по Орели и по Сальницѣ за Осколь, по Игоревой дорогѣ, которою онѣ шелъ до Суюрїаи. Если 9 дней шли отъ Кіева до Половцевъ, 10-го марта одержали первую побѣду и вернулись назадъ только 31 марта; то неудивительно, что гнали ихъ за Донецъ и за Осколь. Въ 1184 г. вложилъ Богъ въ сердце Святославу Кіевскому пойти на Половцевъ и послалъ онѣ по околнныє князи, которые обѣщались совокупиться около Днѣпра на устьѣ Сулы; Святославъ пошелъ по Днѣпру, о которомъ пѣвецъ Слова говоритъ: „Ты лєлѣялъ еси на себѣ Святославля носады до плѣку Кобыкова“. На мѣстѣ, „идѣже называется *Имжирь-Бродъ*, ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра, и 5 дней искаша ихъ. Ту же отряди моложеѣ князи предѣ своими полки, Владимїра Переяславскаго и другихъ. Половци же узрѣвшє Володимєрь полкъ, крѣпко идуць

1) Ипат. 97—98 Воскр. 82. По Словарю *Щекатова*, Снопородъ и Самара—одна рѣка.—Марта 2 приходилось въ средохрестную субботу 1168 г., а не 1170 г.—*Каневъ* отъ Кіева лежитъ по Днѣпру на 214 верстѣ и въ XII в. былъ пограничнымъ пунктомъ, гдѣ ожидали возвращєніа русскихъ торговцевъ войска. Ип. 94 98. Еще 141. *Тумаць*—с. Томашевка, Васильовск. у., Кіевс. губ., близъ Ирпени. Погод. IV, 177.

на нихъ, и побѣгоша гонимы гнѣвомъ Божиимъ: оиѣмъ же бѣжавшимъ по нихъ, не постигше, возвратишася Русь, и стояша на мѣстѣ, нарицаемѣмъ *Ерель*, его же Русь зоветъ *Уюль*. Половецкій же князь *Кобякъ*, мнѣвъ толко Руси, возвратися и погна въ слѣдъ ихъ, нача ша стрѣляти о рѣку и бысть того надолгъ“. Услыжавъ объ—этомъ, Святославъ и Рюрикъ послали свѣжіе большіе отряды; тогда Половцы *поскочиша*, а Русь начала ихъ сѣчь и забирать въ плѣнъ. Тутъ взяли *Кобяка* съ двумя сыновьями въ плѣнъ, „и падеся *Кобякъ* въ градъ *Кіевъ*, въ гридниці Святослави!“ Плѣнныхъ князей однахъ лѣтописецъ насчиталъ 417, а всѣхъ вообще до 7000 человекъ, которыхъ „руками яша“. И эту побѣду одержали Русскіе за *Орелью*, 30 іюля въ понедѣльникъ ¹⁾. Въ ту же сторону на Самару ходили Святославъ съ Рюрикомъ зимою 1187 г.; такъ какъ лежалъ глубокой снѣгъ, то они выбрали путь по *Днѣпру*, дошли до *Снегорода*, схватили половецкихъ сторожей и узнали отъ нихъ, что вежи и стада находятся у *Голубаго лѣса*, „лежатъ за полдне“. Но неохота *Ярослава* идти далѣе, потому что дружина изнемогла, и раздоръ князей сдѣлалъ этотъ походъ неудачнымъ (*Ипат.* 134—5).

Внизъ по *Днѣпру* князья обыкновенно выходили къ *Каневу*, иногда на цѣлое лѣто, „стрегучи рускіѣ земли“, и ожидали здѣсь возвращенія торговцевъ, пока взыдетъ *Гречникъ* и *Залозникъ*; дѣлали набѣги „изъѣздомъ безъ возъ“ на Половцевъ на *Днѣпровскомъ бродѣ на Татинци*; нападали „вборзѣ изъѣздомъ“, доѣзжая до *Протолочии* или *Хортинци*. Изъ описанія этихъ походовъ видно, что Половцы часто переходили бродами черезъ *Днѣпръ* съ лѣваго берега на правый, кочевали на р. *Бугъ* и *Дунай*; это имъ было тѣмъ удобнѣе, что часть ихъ земляковъ жила за *Днѣпромъ*, которые извѣстны подъ именемъ *Каневскихъ* или *Русскихъ Половцевъ* ²⁾. Въ XII

2) *Ипат.* 127—128. *Ист. Рос. Татищева*, III, 257, пр. 535. *Лавр.* 167. *Рус. Ист. Сборн.* III, 116. *Ижирь—Бродъ* Арцыбашевъ указываетъ между *Переволочинской* и *Борисоглебской* впастью въ *Екатеринослав. губ.* *Вѣстн. Евр.* 1821 г. № 11, 181.

1) *Лавр.* 166. *Ипат.* 94. 106. 141. 148. 153. *Татищевъ* есть *Мутатинци*, урочище *Золотоноше. у. Полтавской губ.*, близъ устья *Золотоноши*. *Ипат.* 134. *Хортинци*—небольшая рѣка *Екатеринослав. губ.*, впадающая въ *Днѣпръ* противъ острова *Хорти-*

стал. границей Киевской области съ землею Половецкою былъ холмистый водораздѣлъ между рѣками Росью и Тясминой, по Бугу за Росью уже шли кочевья Половецкія; здѣсь на украинѣ поселены были Торки и Черные Клобуки, и по Роси возникла цѣлая система укрѣпленныхъ городковъ, которые еще началъ строить Ярославъ Великій 1032 г. въ огражденіе отъ набѣговъ Печенѣжскихъ; на югѣ Киевской губ. и теперь тянутся непрерывно городища, отъ устья р. Тясмины до Буга. Здѣсь за Росью шла постоянная борьба русскихъ съ Половцами, особенно на *Иль рѣкѣ Половецкой*, гдѣ стояла стража, наблюдавшая за движеніемъ русскихъ князей; туда ходили они *дорогой Половецкой* ¹⁾.

Наконецъ нужно упомянуть и о томъ, что Рязанская область подвергалась набѣгамъ Половецкимъ со стороны Дона, хотя очень рѣдко, и князья рязанскіе дѣлали нападенія на землю Половецкую уже въ позднее время: въ 1199 г. князь Всеволодъ Юрьевичъ ходилъ изъ г. Владиміра на Половцевъ, „*по зимовищамъ ихъ возмъ Донъ*“, но они прослышали о его движеніи и бѣжали къ Азовскому морю; въ 1206 г. рязанскіе князья сдѣлали удачное нападеніе на Половцевъ и взяли вежи ихъ ²⁾.

Такимъ образомъ земля Половецкая простиралась въ южнорусскихъ степяхъ отъ Дона и до Буга, хотя въ разное время имѣла не одинаковыя границы; между Волгой и Дономъ не видно Половецкихъ кочевокъ,—и выраженіе лѣтописи, что Мстиславъ загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ—надо признать фразой. Съ другой стороны, Половцы никогда не выдерживали дружнаго натиска нѣсколькихъ князей русскихъ крупныхъ областей и пользовались случаями

цы; бродъ около р. Хортицы назывался *Протолчѣмъ*. Ипат. 140. П. С. Л. VII, 130. Ипат. 83—4. 103—4. 136. 141. П. С. Лѣт. 87. Лавр. 218.

2) Лавр. 65. Очерки Рус. Географіи. *Барсова*, стр. 119—121. Въ 1193 г. Ростиславъ съ Мстиславомъ шли за Рось и на *Иль* изымаша сторожъ Половецкія. Ипат. 112—143. О томъ же см. Ипат. 103. 140, подъ 1172 и 1190 годами. *Исла*—рѣка протекала выше пороговъ и впадала въ Днѣпръ съ правой стороны. Словарь *Щекатова*, II, 692.

1) Лавр. 174. 179. 180. 182. 186. 188.

для раззоренія страны, когда „князи не въ любви живутъ“. Это обстоятельство точно подмѣчено пѣвцомъ Слова о Полку Игоревѣ, который говоритъ, что князья сами на себя грамогу ковали своими ссорами и усобицами, „а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую“.

Н. Аристовъ.

ЗАМѢТКА

О ТѢКСТѢ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

Появленіе новыхъ сборниковъ русскихъ былинъ, начавшееся съ шестидесятихъ годовъ, произвело, какъ извѣстно, весьма сильное впечатлѣніе. И это впечатлѣніе было совершенно естественно. Извѣстное прежде по изданіямъ Калайдовича и Сахарова былевое содержаніе почти теряло значеніе въ виду сообщаемого новыми сборниками: многое являлось впервые; многіе мотивы, или только намѣченные, или слабо развитые, явились съ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ. Какъ будто открывалась новая область народной поэзіи. Впечатлѣніе было такъ сильно, что въ одно и тоже время обнаруживались и признаки скептическаго отношенія къ новому содержанію, и чрезмѣрное увлеченіе послѣднимъ.

Увлеченіе въ свою очередь было также естественно: быстрое усвоеніе новаго и богатаго матеріала неодолимо влекло къ обобщеніямъ и выводамъ, не давая времени спокойно осмотрѣться и основательно вдуматься въ дѣло, свести точные счеты съ однородными явленіями. Большая часть обобщеній и выводовъ, сдѣланныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, какъ и должно было ожидать, оказалась преждевременною, не выдержавшею и кратковременной пробы; но и эти выводы въ свое время принесли не малую пользу: оцѣниваемые также подъ первымъ впечатлѣніемъ, они возбуждали и усиливали сочувствіе и интересъ къ дѣлу и вызывали новые опыты изученія.

Неопредѣленность, шаткость и невѣрность выводовъ происходили, кажется, и отъ излишняго довѣрія къ тексту былинъ, отъ недостатка анализа его, отъ вѣры, что все въ немъ обстоитъ благополучно, что весь онъ, какъ записанъ со словъ пѣвца, можетъ и долженъ служить матеріаломъ для выводовъ и соображеній. Дѣйствительно, эта вѣра въ текстъ лежитъ въ основаніи появившихся до

сихъ поръ опытовъ изученія былинь. Если и встрѣчаются въ нихъ указанія на порчу, путаницу въ текстѣ, то они отличаются случайностью и относятся почти всегда къ пересказамъ, записаннымъ со словъ неблагонадежныхъ пѣвцовъ. А между тѣмъ и общія соображенія, и имѣющіяся свѣдѣнія о пѣвцахъ, и, наконецъ, самый былевой матеріалъ не даютъ достаточныхъ основаній для такой вѣры въ текстъ.

Наши былины, къ какому бы времени мы ни относили ихъ сложеніе, во всякомъ случаѣ прошли чрезъ длинный рядъ вѣковъ и всегда были предметомъ устныхъ пересказовъ; всѣ онѣ, за исключеніемъ небольшого сборника Кирши Давилова, записаны на нашей памяти. Что при такихъ условіяхъ возможно, естественно и даже неизбежно смѣшеніе былеваго матеріала, пропуски въ одной былинѣ и произвольныя добавленія въ другой, перенесеніе изъ одной въ другую, особенно при нѣкоторомъ сходствѣ содержанія,—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что необходима предварительная работа надъ текстомъ для его исправленія; понятно также, что исправленіе текста, при тѣхъ же условіяхъ, дѣло не легкое, по отсутствію фактическихъ основаній и по неизбежному, въ слѣдствіе того, вторженію личныхъ взглядовъ. Въ общемъ смыслѣ можно допустить нѣкоторое сходство въ состояніи нашего современнаго былеваго текста съ тѣмъ, въ какомъ находились гомерическія пѣсни до общей ихъ редакціи, когда онѣ, подобно нашимъ, обращались въ народѣ въ видѣ отдѣльныхъ, разрозненныхъ отрывковъ. Если же допустить предположеніе К. Аксакова, высказанное 20 лѣтъ тому назадъ, до изданія послѣднихъ сборниковъ, что „была, быть можетъ, цѣлая эпопея, теперь утраченная въ цѣлости, что всѣ былины составляютъ одно живое цѣлое“ (Р. Бес. 1856. IV. 6), то въ задачи общей редакціи нашихъ былинь должна войти и задача—отыскать соединительныя нити между отдѣльными былинами, опредѣлить ихъ взаимное отношеніе и установить, соотвѣтственно тому, новое распредѣленіе всего былеваго матеріала.

Смѣшеніе и порча первоначальнаго текста былинь происходили тѣмъ легче, чѣмъ больше забывался его первоначальный смыслъ и чѣмъ больше вторгались новыя данныя изъ слѣдующей жизни. народное творчество, прекратившееся по отношенію къ первоначальному тексту, продолжалось въ другомъ направленіи: былина оставалась открытою для новыхъ явленій жизни, наиболѣе поражающихъ народное воображеніе, а также для новаго литературнаго содержанія; и то и другое обрабатывалось на почвѣ и въ духѣ стараго

матеріала, що естественно должно было сильно отражаться на общемъ составѣ послѣдняго; переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію только въ устныхъ пересказахъ и обогащаясь новыми пріобрѣтеніями, она постепенно растрчивала древнія черты и въ содержаніи и въ языкѣ, замѣняя ихъ позднѣйшими. Точное и научно—доказательное выдѣленіе многочисленныхъ наслоеній въ нашихъ былинахъ и таковое же ихъ объясненіе, при настоящемъ состояніи текста, едва ли одолжимая задача.

Эти соображенія о необходимости анализа текста былинъ подтверждаются и имѣющимися свѣдѣніями о современныхъ пѣвцахъ, съ такимъ усердіемъ собраннымъ покойнымъ Гильфердингомъ. Оказывается, что даже лучшіе пѣвцы, пріобрѣтшіе наибольшей навыкъ къ пересказамъ и относящіеся къ дѣлу съ особенною любовію, какъ Рябининъ, Щеголенокъ, Прохоровъ, Калининъ и др., нерѣдко перепутываютъ содержаніе и при вторичномъ распѣвѣ допускаютъ существенные варианты. Такъ Рябининъ, „появшій былинны отъ лучшихъ знатоковъ“, постепенно забывалъ ихъ, и притомъ такъ скоро, что не могъ Гильфердингу пропѣть тѣ 23 былинны, которыя онъ пѣлъ Рыбникову, не говоря о тѣхъ, которыя онъ слышалъ отъ стариковъ и которыя уже перезабылъ; даже Романовъ, считающій себя первымъ сказателемъ и считающій пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, оказывается забывшимъ былинну про Василья Буслаева, пропѣтую десять лѣтъ тому назадъ Рыбникову; пересказы Сарафанова Гильфердингу, сравнительно съ егоже пересказами Рыбникову, представляютъ значительный упадокъ поэтическаго склада; Щеголенокъ, съ малолѣтства пріобрѣтшій склонность къ пѣнію былинъ, соединялъ часто въ одну былинну разнородные предметы; Калининъ, знавшій прежде столько былинъ, что и въ недѣлю не переслушать, „ставши на крестьянство“, перезабылъ многія и т. д. И это все относится къ лучшимъ, благонадежнѣйшимъ пѣвцамъ. При такомъ состояніи дѣла, конечно, трудно опредѣлить, на какой стадіи забвенія и смѣшенія текста находился пѣвецъ въ минуты записи, не говоря о смѣшеніи и порчѣ текста пѣвцами предшествовавшихъ поколѣній. То предпочтеніе, какое обыкновенно при общихъ выводахъ отдають тексту лучшихъ современныхъ пѣвцовъ, можетъ возбуждать разные недоумѣнія: достоинство текста легко можетъ объясняться большею толковитостью пѣвца, большимъ умѣньемъ распредѣлять матеріалъ послѣдовательно и связно, и не даетъ никакого ручательства въ

томъ, что текстъ перешелъ къ послѣднему пѣвцу именно въ современномъ его видѣ.

. Искаженіе текста облегчалось и тѣмъ, что лучшіе пѣвцы отъ частаго упражненія въ усвоеніи и пересказѣ былинь въ совершенствѣ овладѣвали ихъ внѣшней формой, языкомъ и размѣромъ, такъ что для нихъ не составляли никакого затрудненія перестановка былевыхъ мотивовъ, сокращенія, добавленія и распространенія на основанія и въ духѣ стараго матеріала ¹⁾; всѣ эти измѣненія, облеченныя въ обычную былевую форму, уравнивались и сливались съ остальнымъ содержаніемъ былины, такъ что изслѣдователю, не задавшемуся мыслью объ анализѣ текста, можетъ казаться все обстоящимъ благополучно. Разумѣется, всѣ эти измѣненія совершались, такъ сказать, безъ вѣдома самого пѣвца, безотчетно, произвольно, въ слѣдствіе слабой связи между отдѣльными частями матеріала, ослабленія въ памяти характерныхъ чертъ героевъ въ соотвѣтствіи съ ихъ подвигами.

Сильное вліяніе на текстъ былинь оказываютъ личный и мѣстный элементы. По мнѣнію Гильфердинга, участіе перваго гораздо сильнѣе, чѣмъ можно бы предположить, слушая увѣренія пѣвцовъ, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. Примѣры, приводимые для доказательства этой мысли, поразительны: пѣвецъ, обращавшійся прежде въ лакейской сферѣ, переводитъ дѣйствіе въ переднюю; послѣднія правительственныя распоряженія становятся руководящими въ ходѣ былеваго дѣйствія. Таковы же примѣры, доказывающіе вліяніе мѣстнаго элемента: два пѣвца—сосѣда поютъ совершенно различно одну и ту же былину, потому что оба научились отъ своихъ отцовъ, жившихъ въ разныхъ мѣстностяхъ прионѣжья.

Должно обратить вниманіе, наконецъ, на небрежность, неумѣлость и слѣд. неисправность самыхъ записей особенно тѣхъ былинь, которыя записывались станowymi приставами, волостными писарями, фельдшерами и пр. Чтобы оцѣнить достоинство послѣднихъ записей, достаточно сравнить текстъ соотвѣтствующихъ былинь въ сборникѣ Рыбникова съ текстомъ Гильфердинга.

Все, сказанное здѣсь, можетъ навести на мысль о необходимости пересмотра современнаго текста нашихъ былинь съ цѣлію опредѣ-

---

1) Гильфердингъ рассказываетъ, что одна крестьянка прочла ему лавно и безъ записки, какъ родную былину, всю предлинную сербскую пѣсню про Юву и Мару въ переводѣ Щербины, что столь длинныя былины, какъ былица о Дюжѣ, усваиваются съ замѣчательною точностію въ три распѣва.

ленія содержанія, какое можетъ и должно быть отнесено къ каждому былевому герою, о необходимости очищеннаго изданія всѣхъ былинъ. Такая работа, очевидно, должна предшествовать изученію ихъ содержанія, и можно съ увѣренностью сказать, что ею были бы предотвращены многіе изъ имѣющихся въ настоящее время выводовъ и соображеній, опирающихся на недостаточно провѣренный текстъ. Для насъ дороги былины, какъ каждое произведеніе народнаго творчества; но для извлеченія изъ ихъ содержанія общихъ выводовъ, въ родѣ предложенныхъ за послѣдніе годы, необходима предварительная работа надъ ихъ текстомъ. Рѣшеніе вопросовъ о вліяніи на былины однородныхъ иноземныхъ произведеній, или, какъ были попытки въ послѣднее время, о связи ихъ съ старинною легендарною и повѣстною рукописною литературой, также находится въ зависимости отъ общей рецензии текста.

При пересмотрѣ былинъ, кромѣ соображеній о типическомъ, неизмѣнно повторяющемся ихъ содержаніи для того или другаго богатыря, хотя тоже требующемъ провѣрки въ подробностяхъ, важное значеніе имѣютъ извѣстныя былевыя характеристики богатырей, свидѣтельствующія, какъ по крайней мѣрѣ въ настоящее время представляются народному воображенію ихъ существенныя черты; въ представленіи послѣднихъ въ теченіи времени едва ли могли произойти существенныя измѣненія. Если по этимъ характеристикамъ Добрыня отличается *вѣжествомъ, тишиною, уговоромъ, смиреніемъ*, Аляпа—*смѣлостью*, Чурило—*цепленьемъ, походкой цепмвой*, Дюкъ—*богатствомъ*, то и въ былинахъ, относящихся къ нимъ, очевидно, должно признавать существеннымъ только то содержаніе, которое заключаетъ въ себѣ развитіе тѣхъ же характеристическихъ чертъ, и по меньшей мѣрѣ съ особенною осторожностью должно относиться къ тѣмъ мотивамъ, которые выходятъ за предѣлы былевыхъ характеристикъ.

Обратимся къ тексту былинъ и приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Былина нодъ № 2-мъ (сборн. Гильф.) о Садкѣ, Вольгѣ и Микулѣ представляетъ весьма оригинальное смѣшеніе обѣихъ Новгородскихъ былинъ, пересказываемыхъ всегда отдѣльно, всегда строго различаемыхъ—былинъ о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ, съ былиной о Микулѣ, также никогда не оказывающеюся въ такомъ соединеніи. Обѣ Новгородскія былины такъ отличны другъ отъ друга, по своему основному содержанію выражаютъ столь различныя черты Новгородской жизни—вольность, выродившуюся въ буйное своеволіе, и торговлю, скопившую несмѣтныя богатства, — что соединеніе ихъ

вмѣстѣ и неожиданно, и неестественно. Очевидно, въ памяти пѣвца, и притомъ лучшаго (Калинина), смѣшались совершенно отдѣльные основные мотивы. Весьма замѣчательнъ переходъ отъ одной былины къ другой, доказывающій, какъ легко было пѣвцу, настроенному на складъ былевой поэзіи и обладающему обширнымъ ея матеріаломъ, связывать самыя разнородныя и несоединимыя части этого матеріала: проигралъ Садко закладъ, не скупилъ товаровъ Новгородскихъ; за это бахвальство за ложное слѣдовало, по уговору, отсѣчь ему буйную голову—и вотъ онъ бѣжитъ къ Вольгѣ Всеславьеву и проситъ его сберечь отъ смерти напрасной. Интересно это смѣшеніе Вольги Всеславьева съ Васильемъ Буслаевымъ, повлекшее пѣвца, какъ увидимъ, къ новому смѣшенію. Является на сцену Вольга, т. е. Василій Буслаевъ, и начинаетъ избіеніе Новгородцевъ. Эта часть былины называется весьма плохимъ сокращеніемъ обширно и прекрасно развитаго содержанія отдѣльной былины о Васильѣ Буслаевѣ. Имя Вольги затронуло хранившійся въ памяти пѣвца другой, также совершенно отдѣльный, мотивъ—и вотъ начинается разсказъ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой, о знаменитыхъ сошкѣхъ и конѣ Микулы. Переходъ къ этой послѣдней былинѣ сочиненъ пѣвцомъ: ужаснулся Вольга (Василій), убивши своего крестнаго отца, мать грозитъ ему небесной карой—и Вольга совершенно неожиданно, набравши дружину, отправляется къ Микулѣ. Смѣшеніе идетъ дальше. На дорогѣ къ городу Орѣховцу, куда, какъ извѣстно, Вольга приглашаетъ Микулу, наѣзжаютъ они на камень огромный (бѣлъ—горючъ камень)—и пѣвецъ опять возвращается къ Василью Буслаеву, къ извѣстному разсказу о его смерти. Изъ этого анализа видно, что вся эта былина случайно, единственно въ слѣдствіе смѣшенія въ памяти пѣвца былеваго матеріала, спита изъ одной части былины о Садкѣ, двухъ частей былины о Васильѣ Буслаевѣ и былины о Вольгѣ и Микулѣ; каждая изъ этихъ частей можетъ послужить вариантомъ къ отдѣльнымъ былинамъ съ соответствующимъ содержаніемъ.

У другаго, также благонадежнаго пѣвца, Прохорова, таже былина о Вольгѣ и Микулѣ (№. 45 Гильф.) перепутана до совершенной бессмыслицы. Оба они народились въ одно время: рыба ушла въ глубину, птица улетѣла въ лѣса и т. д. (извѣстное начало былины о Волхѣ Всеславьевичѣ), оба они вылавливаютъ рыбу и птицу—и за тѣмъ пѣвецъ восклицаетъ: „да какъ тутъ-то еще да вѣдь что было“... Ратаемъ оказывается Вольга и роли совершенно перемѣшаны:

„А ты этые Вольга Всеславьевичъ,

А пожалуй-ко Микулушка Селягинович!

Ино тутъ дубья да колодыя въ борозду валить.

Ай же ты Вольга да е Всеславьевичъ“...

Пѣвецъ самъ сознавалъ, что эта былина спуталась у него въ головѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ оба богатыря отправляются въ Куржевецъ и Орѣховецъ, при чемъ Вольга подхватилъ сошку ратную *чоботомъ сафьяновымъ*, нахлестали мужиковъ орѣховскихъ до—люби, и только на возвратномъ пути замѣчаются чудесныя свойства коня *Вольи*, за которымъ едва гонится Микула.—Въ одной былинѣ Касьянова (№ 156) одежда чуднаго ратая Микулы необычно изображается чертами, очевидно, взятыми изъ былинны о Чурилѣ:

„У оратая вудри качаются

Что не скаченъ ли жемчугъ рассыпаются.

У оратая глаза да ясна сокола,

А брови у него да черна соболя.

У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:

Вотъ шиломъ пяты, носы востры,

Вотъ подъ пята пята воробей пролетить,

Около носа хотъ яйцо прокати.

У оратая шляпа пуховая,

А кафтанчикъ у него да черна бархата“.

Также, безъ сомнѣнiя, должно понимать одежду Ильи Муромца въ одной былинѣ (Кир. I, 22—23), гдѣ онъ является въ кафтанѣ рудожелтой камки, поваживающимъ тросточкой по пуговкамъ золоченымъ, на которыхъ изображены львы лютые. И здѣсь пѣвецъ для одежды Ильи заимствовалъ материалъ изъ былинъ, специально характеризующихъ щегольство и богатство, о Чурилѣ и Дюкѣ. Проф. Миллеръ, замѣтивши, что „богатство Ильѣ не къ разуму и не къ радости, а на старости и не надобно“, полагаетъ однако, что „признаки богатства мѣстами уцѣлѣли за Ильей еще отъ тѣхъ временъ, когда являлся онъ *молодымъ*, т. е. вѣчно—юнымъ въ мнѣстномъ смыслѣ, богомъ громовникомъ“; допустивши за тѣмъ заимствование пуговицъ изъ былинъ о Чурилѣ и Дюкѣ, онъ все-таки видитъ въ тросточкѣ первоначальную палицу, вязъ или дубъ, а въ томъ, что отъ движенiя тросточки по пуговкамъ послѣднiя *разрежались* и лютые звѣри *разрежались*,—явленiе грома (стр. 285). Такое толкованiе черты, очевидно, ошибочно внесенной пѣвцомъ въ одну былинну изъ другой, можно объяснить единственно излишнею вѣрою въ текстъ былинъ.

Если у Калинина смѣшиваются былевые мотивы о Садкѣ, Буслаевѣ и Микулѣ, то у одного изъ лучшихъ пѣвцовъ, Щеголенка,

Святогоръ, къ которому, по пересказу того же Калинина (№ 1. Гильф.), ѣдетъ самъ Илья, потому что ему (Святогору) „не придано ѣздить на святую русь“ и имѣть общеніе съ русскими богатырями, оказывается живущимъ у того же Садки, купца богатаго (Г. № 119), что впрочемъ не имѣетъ никакого отношенія ко всему содержанію былины. Въмѣсто Ильи здѣсь Святогоръ сажаетъ въ свой колчанъ (карманъ) богатырскій Самсона Самойловича, появленіе котораго въ настоящемъ случаѣ также едва ли не обязано смѣшенію былеваго матеріала въ памяти пѣвца: вынувши Самсона изъ колчана и назвавши его меньшимъ братомъ, Святогоръ ѣдетъ съ нимъ далѣе. Самсонъ внезапно исчезаетъ, Святогоръ догоняетъ старцевъ съ сумочками, въ которыхъ заключена „земная тягота“, неожиданно встрѣчается опять съ Самсономъ, наѣзжаетъ на гробницу каменную и принимаетъ смерть великую; по всей вѣроятности, содержаніе, относившееся лично къ Самсону, утратилось, а оставшееся имя его замѣнило собою выпавшее имя Ильи.—Появленіе Святогора у того же пѣвца на Московской заставѣ (Г. №. 118), гдѣ между прочими русскими богатырями вовсе не оказывается Ильи, а также посылка Добрыни въ землю Тальянскую „стоять за Кіевъ градъ“ также могутъ возбудить подозрѣніе въ смѣшеніи текста.

Въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ часто замѣчается тоже явленіе. Такъ у Оюминой, „большой мастерицы пѣтъ былины и пѣсни“, Илья, очевидно, смѣшивается съ Ставромъ (Г. № 16): у него оказывается жена, Офимья Александровна, обманувшая девять царей, девять русскихъ богатырей, обманывающая самого Владиміра и освобождая своего мужа изъ крѣпи темной (погребовъ глубокихъ) явившись къ Владиміру, она даже сватается за дочь его, Катерину Микуловну(!). Вся эта былина, при пересмотрѣ текста, можетъ послужить только вариантомъ, и то плохимъ, къ былинѣ о Ставрѣ.

Если оказывается смѣшеніе отдѣльныхъ былевыхъ мотивовъ, то естественно встрѣтитъ тоже смѣшеніе въ пересказѣ одного и того же мотива. Такъ въ былинѣ Щеголенга (№ 120) о первыхъ подвигахъ Ильи, въ концѣ разсказа о расправѣ съ Идолицемъ, оказавшейся здѣсь совсѣмъ не на мѣстѣ, вовсе не говорится, по примѣру всѣхъ, сюда относящихся, былинъ, о пораженіи Идолица, послѣ того какъ онъ бросилъ въ Илью ножикъ-кинжалище:

„Пролетѣлъ же этотъ ножикъ-кинжалище

Во эти сѣни во рѣшетчаты.

Онъ вышелъ ли старди казакъ Илья Муромецъ...

И отъ этого Одолища поганаго

А съ этихъ сѣней да со рѣшетчатыхъ

На широкъ дворъ ко своему ли коню да къ богатырскому“.

Введение рѣшетчатыхъ сѣней въ пересказъ, очевидно, спутало воспоминавія пѣвца: полетѣло винjaliще *въ сѣни—и съ этихъ сѣней* вышелъ Илья, при чемъ Идолище остался безъ окончательной расправы. Въ слѣдъ за тѣмъ не въ время веселится богатырское сердце Ильи, что очистилъ дорогу къ Кіеву, такъ какъ остается еще на дорогѣ Соловей-разбойникъ, противъ котораго Илья тотчасъ и отправляется; стихи объ очищеніи дороги, повторяющіеся на своемъ мѣстѣ въ концѣ былины (стр. 654), попались сюда совершенно случайно. Въ слѣдующемъ затѣмъ разсказъ о расправѣ съ Соловьемъ продолжается путаница текста; стихи: „устрашился же у стара казака Ильи Муромца, устрашился конь да богатырскіи“, повторяющіеся тутъ два раза, въ первомъ случаѣ оказываются совершенно излишними и неумѣстными (стр. 651). Исправленный текстъ долженъ быть слѣдующій: „пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ.. ко этому ко полю ко чистому. Ъзди Саловой Рахмановъ на богатырскомъ конѣ (? изображеніе Соловья на богатырскомъ конѣ, выкидывающимъ изъ виду вонъ палицу въ сорокъ пудовъ, безъ сомнѣніа, взято съ находящагоса рядомъ тогоже изображенія Ильи). Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному... устрашился у стара казака Ильи Муромца этого крику да звѣринаго, эгого свисту да змѣинаго, его конь да богатырскій“. Въ той же былинѣ разсказъ о томъ, какъ Илья

„Пріѣхалъ-то въ городъ во Черниговъ,

Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ“ и т. д.

и служить молебень, потому что не исполнилъ заповѣди Божіей, окровавилъ руки во челоувѣчью кровь (654), безъ всякаго сомнѣнія, зашелъ изъ мотива объ освобожденіи Чернигова, который здѣсь пропущенъ, не смотря на то, что былина имѣетъ сводный характеръ. Пѣвецъ только что заставилъ Илью сказать, что очистилъ дорогу къ Кіеву, и заводитъ его въ Черниговъ единственно для того, чтобы отслужить молебень. Такъ непрерывно перепутываетъ текстъ лучшей пѣвецъ.

Гораздо важнѣе тѣ случаи искаженія текста, когда къ основнымъ мотивамъ той или другой былины, болѣе или менѣе правильно передаваемымъ, прибавляются цѣлые мотивы, вовсе не соответствующіе ни смыслу былины, къ которымъ они прибавляются, ни былевымъ характеристикамъ богатырей. Свѣдѣніями о пѣвцахъ лег-

ко объясняется возможность такого внесения въ былинну чуждаго ей содержанія. Очищеніе текста отъ этихъ произвольныхъ прибавленій, представляющее и больше затрудненій и больше опасностей увлечься личнымъ взглядомъ, особенно необходимо потому, что эти прибавленія, при излишнемъ довѣрїи къ тексту, могутъ послужить и дѣйствительно послужили матеріаломъ для общихъ выводовъ.

Въ началѣ одной былинны о Потогѣ намечается извѣстная, специально относящаяся къ этому богатырю служба,—отвозъ даней—выходовъ, при чемъ привлекаются Илья съ Добрыней, на которыхъ намечается тоже служба (Рыбн. II. 59. I. 228. Кир. IV. 57). Извѣстно, что ни въ одной основной былинѣ объ Ильѣ нѣтъ мотива объ отвозѣ или привозѣ даней: и это естественно, такъ какъ въ былевой экономїи, точно распредѣлившей роли между героями, для этой службы предназначенъ одинъ изъ нихъ, именно Потогъ. Былевая характеристика вполне соотвѣтствуетъ этому специальному назначенію Потока: одна изъ отличительныхъ чертъ его—„умѣнье на конѣ ѣздить“. Доказательствомъ, что Ильѣ и Добрынѣ назначается въ настоящемъ случаѣ вовсе не свойственная имъ служба, что они привлечены сюда по ошибочному воспоминанію пѣвца, для полноты запѣва, служить то, что въ большинствѣ относящихся сюда пересказовъ о нихъ вовсе не упоминается; только въ одномъ они, исполнивъ порученіе, возвращаются въ Кіевъ. Пѣвцу хорошо извѣстенъ обычный былевой запѣвъ, по которому Владиміромъ намечаются на богатырей разныя службы, соотвѣтствующія ихъ назначенію; онъ только ошибочно ассимилировалъ службу Ильи и Добрыни съ службой Потока. Въ другихъ, относящихся сюда, былинахъ намечываніе службъ происходитъ правильно: Ильѣ назначается съѣздить на горы сорочинскія—прибить силу поганую отъ мала до велика, Добрынѣ—ѣхать за синее море, бить, земли прибавлять и т. д. (Р. II, п. 15). При такомъ взглядѣ на этотъ запѣвъ, трудно согласиться съ мнѣніемъ, что Ильѣ приходится добываніе даней изъ Золотой орды, что подъ Золотой ордой должно разумѣть тутъ позднѣйшія, покоренныя нами орды—Казанское, Астраханское царства, что Потоку достаются дани съ Турціи, а Добрыни—съ Швеціи и т. д. (Илья Мур. стр. 464).

Замѣтимъ кстати, что самыя путешествія Потока за данями или съ данями обыкновенно представляются весьма многочисленными: не уснѣвъ онъ воротиться изъ одного царства, какъ ему назначается такая же служба въ другое царство и т. д., такъ что онъ является

какимъ-то богатыремъ-бродягой, *perpetuum mobile*, выражающимъ собой особую черту древней народной жизни (Кир. IV. XXXVII. Мил. 465). При всемъ вниманіи къ умѣнью Потока на конѣ ѣздить, едва ли можно признать справедливымъ такое представленіе. Во всѣхъ многочисленныхъ пересказахъ былинь о Потокѣ заключается развитіе двухъ основныхъ темъ—его отношеній къ женѣ и службы по отвозу или привозу даней—выходовъ. Эти двѣ темы находятся въ точномъ соответствіи съ полной былевой характеристикой Потока, по которой онъ отличается умѣньемъ на конѣ ѣздить, а также красотой и убожествомъ. Всѣ названія мѣстъ, встрѣчающіяся въ различныхъ вариантахъ послѣдней темы—Турція, Индія, Подолье Лиходѣево, темная орда, царство заморское—варианты одного и того же мѣста, какъ и названія царей—Налеть, Бухарь,—варианты одного и того же названія.

Прекрасныя былины о Чурилѣ и Дюкѣ, явившіяся съ такимъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ въ послѣднихъ изданіяхъ, составляютъ совершенно особую категорію былинь, отличную отъ всѣхъ остальныхъ: это былины въ тѣсномъ смыслѣ бытовья, выходящія изъ обычной сферы богатырства. Первая выражаетъ собою народно-поэтическое представленіе эротическаго элемента, а также щегольства, вторая—богатства. Народное творчество истощило всѣ, находившіяся въ его распоряженіи, средства для изображенія того и другаго. По обработкѣ особенно нѣкоторыхъ пересказовъ видно, что оно съ особенною любовью остановилось на сюжетѣ этихъ былинь. Совершенству обработки, конечно, много помогали съ одной стороны простота содержанія, съ другой—его занимательность и живое отношеніе къ дѣйствительности. Но за то тоже усердіе, съ какимъ трудилось народное творчество надъ обработкой формы этихъ былинь, а также общій характеръ ихъ содержанія, пригодный всѣмъ эпохамъ, облегчали совершавшуюся въ продолженіе вѣковъ растрату древнихъ чертъ, выражавшихъ собою первоначальное значеніе героя былины, постепенное приближеніе къ условіямъ и обстановкѣ современной жизни. Близость содержація къ жизни дѣлали все болѣе и болѣе излишними первоначальныя мифическія черты, по которымъ сложились эти былины, какъ и всѣ остальные; эти черты постепенно затемнялись, сглаживались и замѣнялись позднѣйшими.

И здѣсь все основное содержаніе былинь находится въ полномъ соответствіи съ былевой характеристикой обоихъ героев: если Чурило отличается красотой и щепленіемъ (щегольствомъ), такъ силь-

но дѣйствовавшими на женщинъ, а Дюкъ богатствомъ, то и всѣ былины о нихъ заключаютъ въ себѣ подробное развитіе этихъ основныхъ чертъ. Все остальное, все, что не относится къ этимъ послѣднимъ, должно признать несущественнымъ, механически приставленнымъ къ основному содержанію. Для доказательства этой мысли, остановимся на былинѣ о Дюкѣ, такъ какъ въ ней эта приставка оказывается болѣе распространенною; все, сказанное здѣсь объ этой былинѣ, въ равной мѣрѣ можетъ быть отнесено и къ былинѣ о Чурилѣ.

Господствующая и основная тема всѣхъ пересказовъ былины о Дюкѣ состоитъ въ сопоставленіи домашняго богатства иноземному и въ признаніи, послѣ продолжительной и упорной борьбы, превосходства послѣдняго надъ первымъ. Развитіе этой темы слѣдующее: иноземный богачъ является въ Кіевъ къ Владиміру и здѣсь сталкивается съ туземнымъ богачемъ и щеголемъ. Послѣдній обращается весь въ негодованіе и раздраженіе противъ своего соперника, явившагося, какъ онъ тотчасъ понялъ, смѣнить его собою. Начинается борьба на жизнь и смерть, но не богатырская, такъ какъ ни тотъ ни другой вовсе не были богатырями, начинается состязаніе богатствомъ и щегольствомъ. Когда это состязаніе окончилось рѣшительнымъ поражениемъ Чурилы, изумленный народъ, въ лицѣ своего представителя, все еще не рѣшается разсѣяться съ своимъ старымъ, вѣками нажитымъ, представленіемъ богатства и отправляетъ Добрыню на родину Дюка для окончательнаго удостовѣренія въ справедливости Дюковой похвалы—и только послѣ этого удостовѣренія признаетъ превосходство чужаго богатства надъ своимъ, замѣняетъ Чурилу Дюкомъ.

За тѣмъ весь богатырскій аппаратъ этой былины не имѣетъ никакого органическаго отношенія къ основной темѣ. Въ немъ нѣтъ ничего, что характеризовало бы Дюка, какъ особеннаго богатыря въ ряду другихъ богатырей; относящіяся сюда мотивы, очевидно, взяты на прокатъ изъ другихъ былинъ.

На просьбу Дюка благословить его на богатырскіе подвиги, мать отвѣчаетъ отказомъ, уговариваетъ не ѣхать на заповѣдную богатырскую гору, на богатырскія заставы, и совѣтуетъ лучше ѣхать на угощеніе къ Владиміру. Не послушался Дюкъ, поѣхалъ на богатырскую гору, на заставы—и что же тамъ дѣлаетъ? „Поднялся онъ на гору шеломчатую, началъ по горѣ поѣзживать, своей силы пробовать, туги луки натягивать, свои дурогія стрѣлы сострѣливать, да и задумался: стать мнѣ этихъ стрѣлъ пострѣливать, то не напол-

нить мнѣ имѣнья во чисто поле“—и спустился съ горы (Р. II. 161 и др.). Разбудивши на заставахъ Илью, на вопросъ его, не хочетъ ли испробовать съ нимъ силы молодецкой, отвѣчаетъ: „что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле? Тебѣ смерть на бою не написана... положить надоть буйная головушка“; разбудилъ же онъ его для того, чтобы поучиться похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ. За такую вѣжливость Илья цѣлуетъ его въ уста, называетъ меньшимъ крестовымъ братомъ и обѣщаетъ помощь на всякій случай: „поѣзжай въ стольный Кіевъ-градъ, говоритъ Илья, буду я за тебя печаль держать и буду я за тебя заступатися“. Послѣднія слова Ильи предполагаютъ предварительную просьбу о помощи, и дѣйствительно, по другому пересказу, Дюкъ, поздоровавшись съ Ильей и сказавши, кто онъ, вдругъ заключаетъ свое привѣтствіе словами: „у меня терема—златоверхія маковки, поберегите меня въ Кіевъ“ (Р. II, 137), за что богатыри, стоявшіе на заставахъ, назвали его ученымъ добрымъ молодцемъ и обѣщали исполнить его просьбу. Такимъ образомъ во всемъ разсказѣ о встрѣчѣ Дюка съ Ильей нѣтъ никакого существеннаго, тѣмъ менѣе богатырскаго содержанія. Встрѣча съ Ильей въ былевой экономіи могла бы находить себѣ оправданіе только тогда, когда бы она оказалась нужною въ дальнѣйшемъ развитіи быliny; но помощь Илья въ Кіевѣ оказывается совершенно излишнею: тамъ нечего было дѣлать Ильѣ, гдѣ все дѣло состояло въ щепленьѣ, въ ежедневномъ переодѣваньѣ, въ похвальбѣ богатствомъ и оправданіи этой похвальбы. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ замѣтна попытка мотивировать привлеченіе Ильи въ быlinу: его заставляютъ провожать Дюка до Кіева, не доѣзжая трехъ поприщъ, наблюдать оттуда, чтобы не обидѣли его въ Кіевѣ, даже появляться въ самомъ Кіевѣ—и за чѣмъ? Явившись въ Кіевъ, Илья объявляетъ только, что онъ заступникъ Дюка, и за тѣмъ безслѣдно исчезаетъ. По пересказу Сорокина (Р. II, 182—3), онъ явился въ Кіевъ только тогда, когда Дюку приходилось скакать черезъ Днѣпръ; узнавши о закладѣ съ Чурилой, онъ говоритъ послѣднему: „вѣрно надоѣла тебѣ жизнь на семъ на бѣломъ свѣту! Хоть бы не перескочилъ конь у молода боярина, Дюка Степановича, черезъ матушку Нѣпру-рѣку, далъ ли (бы) я вамъ буйну голову молодаго боярина, когда я засматривалъ его ровно три года во каждый день“. И за тѣмъ, попиравши въ палатахъ Владиміра, поѣхалъ съ Дюкомъ изъ Кіева и сталъ съ нимъ вездѣ поѣзживать. Случайное привлеченіе Ильи въ быlinу повлекло за собою даже расправу съ Идолищемъ и Соловьемъ—разбойникомъ, при чемъ первый подвигъ

остался за Ильей, между тѣмъ какъ второй отнесенъ къ Дюку (Рыби. II, 136).

Это краткое обозрѣніе богатырскаго элемента былины о Дюкѣ, по нашему мнѣнію, можетъ служить доказательствомъ его вѣшняго, неорганическаго отношенія къ основной темѣ. Если что можно признать характеристическимъ для Дюка во всѣхъ относящихся сюда пересказахъ, то развѣ только то, что характеризуетъ его со стороны богатства и щегольства, напр. описаніе стрѣлъ, богатырской скруты, коня. Дюкъ является богатыремъ потому, что онъ герой былины; но, для изображенія его такимъ, не оказывалось въ наличности соотвѣтствующаго матеріала, и послѣдній взятъ изъ обширнаго не только былеваго, но и сказочнаго запаса: явилась потребность поляковать, явилась скрута и сбруя богатырская и богатырскій конь—понадобилась этому необычному богатырю наука богатырская и супротивникъ, съ которымъ онъ могъ бы помѣряться силой—всего; лучше было свести его съ самимъ Ильей, и это было тѣмъ удобнѣе, что съ одной стороны на Илью обыкновенно возлагается изученіе богатырскаго, а съ другой можно было обойти богатырскій бой: не сводить же Дюка на бой съ тѣмъ, кому на бою смерть не писана; а чтобы свести Дюка съ Ильей, нужно было указать дорогу къ нему: являются богатырскія заставы, богатырская гора; съ появленіемъ же Ильи, въ воображеніи пѣвца потянулась цѣлая вереница пересказовъ о его подвигахъ: появились на сцену и Идолище, и Соловей-разбойникъ.

При такомъ взглядѣ на богатырскій элементъ въ былинѣ о Дюкѣ, нельзя согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ: „народное творчество... заставляетъ Дюка задать Чурилѣ такой урокъ: „что ты затѣялъ щепить—басить на землѣ русской—посреди ея немощенныхъ улицъ и въ ея не казистыхъ храмахъ? Во всемъ этомъ я, съ моимъ сиротскимъ поселищемъ, превзойду и тебя, и вашъ стольный Кіевъ; а вотъ передъ чѣмъ нельзя не склонить головы всему міру—такъ это передъ русскимъ могучимъ богатыремъ, *единимъ* какъ солнышко на небѣ, Ильей Муромцемъ, крестьянскимъ сыномъ!“ Словомъ, господствующая въ былевомъ нашемъ эпосѣ мысль о *первенствѣ* Ильи только съ новою силою проводится далѣе въ былинахъ про Дюка съ Чурилой“ (Миллеръ, Илья Муром. стр. 614).

Н. Лавровскій.

III

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Предисловіе.

Предлагаемая мною работа вызвана была мыслию опредѣлить значеніе мѣстоименія $\acute{o}$ ¹⁾ въ гомерическихъ поэмахъ. Споръ, существующій до сихъ поръ между филологами относительно того, есть ли у Гомера слово $\acute{o}$ η $\tau\acute{o}$ „указательное“, какъ выражаются, мѣстоименіе, или „собственный членъ“, а также разногласіе ихъ на счетъ черты, разграничивающей первое отъ послѣдняго, казалось мнѣ, можно будетъ устранить, выработавъ болѣе правильный, въ сравненіи съ существующимъ теперь, взглядъ на симазіологию греческаго мѣстоименія вообще. Но принявшись за исполненіе такой задачи, я убѣдился, что ее необходимо расширить. Во первыхъ уже развитіе исходной точки, того взгляда на симазіологию мѣстоимѣнія, о которомъ мы только что упомянули, требовало себѣ болѣе широкой почвы, чѣмъ какую могъ дать мнѣ разборъ одного слова $\acute{o}$ η $\tau\acute{o}$; а потомъ само $\acute{o}$ η $\tau\acute{o}$ нѣкоторыми сторонами своего значенія соприкасается съ другими 3-мя, даже 4-мя мѣстоимѣніями, значеніе которыхъ, за исключеніемъ одного, также не выяснено до сихъ поръ, какъ и значеніе слова $\acute{o}$. Говоря о неясности значенія нѣкоторыхъ мѣстоименій, мы имѣемъ въ виду слова $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ и $o\upsilon$, $o\iota$, $\epsilon\grave{\iota}$, вмѣстѣ съ замѣняющимъ иногда и то и другое мѣстоименіе словомъ $\mu\acute{\iota}\nu$ ($\nu\acute{\iota}\nu$); всѣ они, вмѣстѣ съ $\acute{o}$ (который) и $\acute{o}$, въ симазіологіи греческаго мѣстоименія, извѣстными оттѣнками своего значенія составляютъ узелъ, отъ котораго уже потомъ въ разныя стороны направляются другіе оттѣнки ихъ значенія. Наша новая, расширенная задача состоитъ въ томъ, чтобы рассмотреть, куда какое изъ этихъ

---

¹⁾ Читатель не будетъ упрекать меня въ употребленіи термина „мѣстоименіе“ о словѣ $\acute{o}$ η $\tau\acute{o}$; хотя я тутъ, что называется, плыву противъ теченія, однако я убѣжденъ, что терминъ этотъ болѣе правиленъ, чѣмъ терминъ „членъ“.

словъ направляется, и развязать самый узелъ, который до сихъ поръ обыкновенно разсѣкали, если не обходили полнымъ молчаніемъ. На сколько намъ удастся разрѣшить эту нашу задачу, объ этомъ будетъ судить снисходительный читатель. Наблюденія мы производили въ большинствѣ случаевъ надъ тѣмъ же Гомеромъ, по причинѣ, которая нами будетъ указана въ самой работѣ.

Нѣжинъ 1877 г.

А. Добіашъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Опредѣленіе задачи.

I.

Относя терминъ *указательное мѣстоименіе* къ греческой грамматикѣ, мы обыкновенно и прежде всего имѣемъ въ виду слова: οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε. Терминомъ этимъ, конечно, мы вовсе не хотимъ сказать, что достаточно только одного произнесенія этихъ словъ, чтобы слушатель вполнѣ уже могъ сознать предметы, о которыхъ толкуеть говорящій: такихъ *чисто указательныхъ мѣстоименій* вообще нѣтъ въ языкѣ; наблюдая же въ частности за словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, мы замѣчаемъ, что ихъ всегда приходится обставлять другими пояснительными средствами, чтобы не осталось непонятнымъ для слушателя, какой собственно предметъ говорящій имѣетъ въ виду при произношеніи этихъ указательныхъ мѣстоименій. Такимъ пояснительнымъ средствомъ можно назвать уже то обстоятельство, что наши указательныя мѣстоименія имѣютъ родовыя окончанія, примѣняющіяся къ грамматическому роду того предмета, къ которому ихъ относятъ говорящій; дальше мы видимъ, что часто съ указательными мѣстоименіями соединяется названіе самаго предмета, къ которому оно относится (мы говоримъ напр.: τοῦτο τὸ δένδρον), обозначается даже мѣсто, на которомъ находится предметъ (τοῦτο τὸ δένδρον τὸ ἐν τῇ πύλῃ), указывается на разные признаки предмета, по которымъ легче было бы его узнать (τοῦτο τὸ δένδρον τὸ ὑψηλόν) и пр. Однако всѣ эти пояснительныя средства оказываются слабыми противъ одного, которое только и можетъ считаться вѣрнымъ руководителемъ для слушателя, наводящимъ его на предметъ разговора: это именно жестъ. Жестъ необходимъ при ук. мѣстоименіи; указат. же мѣстоименіе *дѣйствуетъ только на волю слушателя, вызывая его обратить вниманіе на тотъ предметъ, на который указываетъ жестъ.* Въ од. 13, 344 и сл., мы не можемъ представить себѣ Аенну иначе, какъ

размахивающую руками, или употребляющую какіе бы то ни было другіе диактическіе знаки, когда она, ориентуруя Одиссея на островѣ Иоакѣ, говорятъ:

ἀλλ' ἄγε τοι δείξω Ἰθάκης ἔδος, ὄφρα πεποιθῆς.

Φόρκονος μὲν ὄδ' ἐστὶ λιμῆν, ἀλίοιο γέροντος,

ἧδε δ' ἐπὶ κρατὸς λιμένος τανύφυλλος ἐλαίη·

τοῦτο δέ τοι σπέος ἐστὶ κατηρεφές, ἔνθα σὺ πολλὰς

ἔρδεσσε Νύμφησι τεληέσσαις ἑκατόμβας·

τοῦτο δὲ Νήριτόν ἐστιν ὄρος καταειμένον ὕλη.

Мы говорили до сихъ поръ только о случаяхъ, когда говорящій и слушатель имѣютъ *передъ собою* предметы, по отношенію къ которымъ употреблено указ. мѣстоименіе. Но то же указательное мѣстоименіе можетъ быть отнесено и къ предмету, *не находящемуся на горизонтѣ бесѣдующихъ*, предметъ же этотъ можетъ быть удаленъ отъ бесѣдующихъ не только *по мѣсту*, но и *по времени*. Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что указательное мѣстоименіе можетъ быть употреблено о предметѣ или даже о мысли, съ которыми самъ говорящій посредствомъ одного только словеснаго объясненія или уже познакомилъ слушателя раньше, чѣмъ произнесено имъ указательное мѣстоименіе, или намѣренъ познакомить только послѣ его произнесенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ, обозначенномъ въ послѣднемъ нашемъ пунктѣ, предметы, въ то время, когда къ нимъ говорящій относитъ указательное мѣстоименіе, представляются то же какъ бы удаленными отъ бесѣдующихъ, а именно удаленными по времени. Время это, конечно, мы измѣряемъ не причинною связью рассказываемаго, но самымъ ходомъ рассказа, и, съ одной стороны укладывая въ память рассказанное, а въ тоже самое время напрягая вниманіе на имѣющее быть рассказаннымъ, смотримъ на первое, какъ на прошедшее, а на второе, какъ на будущее, въ какое бы временное отношеніе причинная ихъ связь одно къ другому ни ставила ²⁾). Во избѣжаніе смѣшенія временныхъ отношеній, измѣряемыхъ причинною связью, съ временными отношеніями, измѣряемыми ходомъ рассказа, мы будемъ называть употребленіе указатель-

²⁾ Для разъясненія моихъ словъ я представлю вотъ какой случай. Познакомивъ собесѣдника съ известнымъ историческимъ фактомъ, и желая за тѣмъ объяснить причины явленія этого факта, говорящій можетъ выразиться слѣдующими словами: *этотъ фактъ имѣлъ вотъ какія причины*. Причины, конечно, предшествуютъ самому факту, но употребленное нами въ данномъ выраженіи указательное мѣстоименіе *этотъ* относится къ рассказанному уже, указательныя же слова *вотъ какія* относятся къ имѣющему еще быть рассказаннымъ. Примѣняясь къ терминамъ, употребленнымъ нами въ объясняемомъ этомъ выпискомъ пунктѣ, мы скажемъ, что причина относится къ факту (то и другое составляетъ здѣсь предметъ рассказа), по причинной ихъ связи, какъ предшествующее къ послѣдующему, по времени же, измѣряемому ходомъ рассказа, въ данномъ случаѣ, какъ послѣдующее къ предшествующему.

ныхъ мѣстоименій о предметѣ или мысли, представленныхъ говорящимъ слушателю прежде отнесенія къ нимъ указательнаго мѣстоименія, *эпанапептическимъ* употребленіемъ мѣстоименій, и будемъ различать это употребленіе отъ *пролептическаю*: послѣдній терминъ мы отнесемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ указ. мѣстоименіе употреблено о предметѣ, имѣющемъ быть представленнымъ слушателю только послѣ произнесенія указательнаго мѣстоименія. Примѣры, имѣющіе показать на себѣ употребленіе указательныхъ мѣстоименій о предметахъ, удаленныхъ по мѣсту или по времени, а также пролептическое и эпанапептическое ихъ значеніе, мы приведемъ здѣсь слѣдующіе:

1., Аристофанъ, *ὄρνιθας* ст. 1158. Вѣстникъ въ ст. 1125 рассказываетъ Писоветеру, какъ птицы построили стѣну около города, и заканчиваетъ рассказъ слѣдующими словами: *καὶ νῦν ἅπαντ' ἔχεινα πεπόλωται πόλεις καὶ βεβαλάνωται καὶ φολάτταται κύκλῳ.* (Рассказчикъ разумѣетъ подъ словомъ *ἔχεινα* всѣ предметы, находящіеся въ городѣ, но самъ не знакомитъ съ ними въ рассказѣ слушателя: мы скажемъ, что слово *ἔχεινος* отнесено здѣсь къ предмету, удаленному отъ бесѣдующихъ *по мѣсту*).

2., Демосоевъ, *Ὀλυμπιακός* 1. 16: *νῦν δὲ εὐρίσκω (Φίλιππον) τὴν... ἡμετέραν εὐθύθειαν... τῇ τὴν Ἀμφίπολιν φάσκειν παραδώσειν καὶ (τῷ) τὸ θρολούμενον ἔχεινο κατασκευάσαι... προσαγαγόμενον.* (Что это было за *θρολούμενον*, это Демосоевъ съ своими слушателями хорошо знали, но въ рѣчи его это не объясняется: *ἔχεινο* отнесено здѣсь къ предмету, отдаленному отъ бесѣдующихъ *по времени*).

3., Од. 24. 291. Лаерть спрашиваетъ не дающаго себя узнать Одиссея:

*πόστον δὴ ἔτος ἐστίν, ὅτε ξείνισσας ἔχεινον
σὸν ξείνον δούστηνον, ἐμὸν παῖδα.*

(*ὁ ξείνος* есть здѣсь то же самое лицо, о которомъ Одиссей сочиняетъ рассказъ въ ст. 261, и слово *ἔχεινος* употреблено здѣсь *эпанапептически*).

4., Ил. 4. 163: *εὖ γὰρ ἐγὼ τότε* (разумѣй то, что сейчасъ будетъ сообщено читателю: *тогда* употреблено здѣсь *пролептически*)

*...οἶδα κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν·
ἔσεται ἦμαρ ὅτ' ἄν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρὴ
καὶ Πριάμος καὶ λαὸς εὐμμελίῳ Πριάμοιο.*

Само собою разумѣется, что жесты, или другіе диктическіе знаки, въ случаяхъ, гдѣ предметъ отъ бесѣдующихъ въ вышеизложенномъ смыслѣ удаленъ, не имѣютъ уже никакого прямаго назначенія; а если они совершаются, то это бываетъ лишь только потому, что та умственная сила, которая единственно даетъ намъ возможность ознакомиться съ предметомъ, такъ сказать, осмысленно, — это именно представляющая сила, — впечатлѣвая въ самое представленіе всѣ локальныя и темпоральныя отношенія упоминаемаго въ рѣчи предмета, производить, въ большей или меньшей степени, у каждаго человѣка

вліяніе на движеніе тѣла, приводя это движеніе въ согласіе съ начертаніями, рисующимися въ это время въ нашемъ сознаніи и выражающими собою вышеупомянутыя пространственныя отношенія. Указательныя мѣстоименія имѣють въ такихъ случаяхъ цѣль *заставить насъ пополнить представленіе, развиваемое въ насъ предложеніемъ, въ которомъ поставлено это указательное мѣстоименіе, а пополняемъ мы это представленіе тѣмъ, что возстановляемъ и вносимъ въ него другое представленіе, именно представленіе предмета, съ которымъ, при пролептическомъ употребленіи указательнаго мѣстоименія, намъ предстоитъ только познакомиться съ дальнѣйшемъ разсказъ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ его употребленія мы познакомлены были прежде, словеснымъ ли объясненіемъ самаго разсказчика, или при какомъ бы то ни было другомъ, предшествовавшемъ употребленію указательнаго мѣстоименія, случаѣ.*

Такимъ образомъ случаи употребленія указательнаго мѣстоименія объ удаленныхъ предметахъ отличаются отъ употребленія ихъ о предметахъ, находящихся на лицѣ, тѣмъ, что здѣсь указательное мѣстоименіе заставляетъ насъ *разсматривать* предметъ, тамъ о разсмотрѣнномъ при другомъ случаѣ предметѣ *припомнить*; здѣсь мы можемъ разсматривать предметъ, съ какой стороны намъ угодно, и дѣйствуемъ при восприниманіи его болѣе *активно*, тамъ представленіе извѣстнаго уже предмета зависитъ совершенно отъ памяти, или, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ того, какъ умѣлъ передать намъ его говорящій, и мы должны къ возстановленію его въ нашемъ представленіи относиться болѣе *пассивно*, не будучи въ состояніи отыскать въ немъ ничего новаго противъ того, что мы уже объ немъ знаемъ.

II

Аполлоній Дисколъ, грамматикъ, жившій, по свидѣтельству Свиды, въ половинѣ 2-го столѣтія по Р. X.³⁾, въ своемъ, вполне сохранившемся, сочиненіи: *περί συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν* (см. стр. 99, 15 этого сочин. по изданію Беккера), относитъ къ указательнымъ мѣстоимѣніямъ *ἐκεῖνος* и *οὗτος* термины: *δειξίς τῆς ὄψεως* и *δειξίς τοῦ νοῦ*. Очевидно, что первая *δειξίς* возможна, когда предметъ, на который указывается указательными мѣстоименіями, на лицѣ, а вторая, когда этотъ предметъ въ вышеизложенномъ смыслѣ уда-

³⁾ Свидя собственно не опредѣляетъ времени жизни Аполлонія, но за то мы находимъ у него точное указаніе о времени жизни его сына Геродиана: *Ἡρωδιανός, говорить Свидя Ἀλεξανδρεὺς, υἱὸς Ἀπολλωνίου, τοῦ γραμματικοῦ τοῦ ἐπικληθέντος Δυσκόλου, γέγονε κατὰ τὸν Καίσαρα Ἀυτωνόβου τῶν καὶ Μάρκου, (значитъ между 161 и 180 гг.) ὡς νεώτερον εἶναι καὶ Διονυσίου τοῦ τῆν, νεωστὴν γράφαντος (Дионисія тотъ же Свидя относитъ ко времени Гадріана) καὶ Φύλωνος τοῦ Βιβλίου (последняго относитъ Свидя ко времени Нерона).*

ленъ отъ бесѣдующихъ. Аполлоній на томъ же мѣстѣ своего сочиненія между прочимъ выражаетъ и такъ, что иногда-де мѣстоименія οὗτος и ἐκεῖνος οὐ δείχνουσι τὰ ὑπ' ὄψιν, ἀναφέρουσι δέ. Мы не усомнимся первую часть этой фразы привести въ связь съ вышеозначеннымъ терминомъ δειξίς τῆς ὄψεως, а вторую съ терминомъ δειξίς τοῦ νοῦ. Соответствующимъ этому мы находимъ у Аполлонія на стр. 101. 7 того же синтаксиса вмѣсто термина δειξίς τῆς ὄψεως употребленіе простаго слова δειξίς, а вмѣсто δειξίς τοῦ νοῦ употребленіе слова ἀναφορά. Смыслъ слова ἀναφορά Аполлоній объясняетъ на стр. 98, 25 слѣдующими словами: Ἰδίωμα ἀναφορᾶς ἐστὶ προκαταλεγμένου προσώπου δευτέρου γνῶσις (свойство анафоры есть *возстановленіе* въ нашемъ сознаніи предмета, прежде уже представленнаго); терминъ δευτέρα γνῶσις должно противопоставить термину πρώτη γνῶσις (*осъздание*), употребленному Аполлоніемъ напр. на стр. 44. 19; послѣднее, т. е. πρώτη γνῶσις, будетъ составлять, если выразаться словами Аполлонія, ἰδίωμα τῆς δειξέως. Въ одинаковомъ значеніи съ терминомъ δευτέρα γνῶσις Аполлоній употребляетъ еще терминъ ἀναπόλησις ⁴⁾).

Такому взгляду Аполлонія на мѣстоименія, которыя мы назвали указательными, вполне соответствуетъ встрѣчающаяся у него двойственность ихъ названій; онъ ихъ называетъ то δεικτικὰ, то ἀναφορικὰ. Въ нимъ, какъ къ однороднымъ, онъ присоединяетъ еще слова: αὐτός, ἐγώ, σύ, οὐ (μὴν) и произведенныя отъ послѣднихъ притяжательныя ἐμός, σός, ὅς. Мы находимъ здѣсь присоединеніе притяжательныхъ мѣстоименій къ словамъ ἐγώ, σύ и οὐ правильнымъ, такъ какъ первыя отъ послѣднихъ ничѣмъ не отличаются по отношенію къ теоріи диксиса и анафоры; они суть ничто иное, какъ синтаксически склоняемыя формы, употребляемыя вмѣсто синтаксически неизмѣняемыхъ родительныхъ падежей ἐμοῦ, σοῦ и οὐ. — Всѣ эти вышепоименованныя слова, вмѣстѣ съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, сосоставляютъ у Аполлонія особую часть рѣчи, называемую имъ ἀντωνομία ⁵⁾). Его опредѣленіе антониміи помѣщено въ его сочиненіи περὶ ἀντωνομίας стр. 10. 3 и гласитъ такъ: ἀντωνομία ἐστὶ λέξις ἀντὶ ὀνόματος προσώπων ὀρισμένων παραστατικῆ (антонимія есть часть рѣчи, которою мы располагаемъ—такой смыслъ лежитъ въ словѣ παραστατικῆ — вмѣсто имени существительнаго для обозначенія предмета опредѣленнаго). Объ ὀρισμός (опредѣленіи) предмета, какъ можно догадаться изъ

⁴⁾ Περὶ συντ. 29. 10. Аполлоній говоритъ о тѣхъ случаяхъ рѣчи, въ которыхъ мы познакомились съ чѣмъ нибудь, потомъ указываемъ на это, какъ на известное (возстановленіе въ нашемъ сознаніи известный намъ уже предметъ) и выражаетъ эту мысль такъ: ἀναλθόντες τῆν γνῶσιν τως ὡς προεδίδαγμένοι τὴν κατ' αὐτοῦ ἀναπόλησιν περιφραίνομεν.

⁵⁾ Что слово ἀντωνομία не заключаетъ въ себя у Аполлонія всѣ слова, которыя вмѣщены въ понятіе нашего слова мѣстоименіе, на это указалъ между прочимъ Шеманъ въ своемъ сочиненіи: Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt, стр. 109.

всего предыдущаго, и какъ Аполлоній на двухъ мѣстахъ особо объясняетъ⁶⁾, можетъ быть рѣчь тогда, когда или самъ предметъ находится на лицѣ, или когда мы въ состояніи въ нашемъ сознаніи вызвать представленіе о немъ, на основаніи или собственныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ нимъ въ какомъ нибудь другомъ случаѣ, или свѣдѣній, полученныхъ объ немъ посредствомъ разсказа.

Всѣ слова, подведенныя Аполлоніемъ подъ антонимію, раздѣлены имъ же на три разряда: на исключительно диктическія, на исключительно анафорическія и на обоюдныя. Исключительно диктическими Аполлоній объявляетъ мѣстоименія ἐγώ, σὺ, какъ принадлежашія первому и второму лицамъ; исключительно анафорическими онъ признаетъ ὁ οἷ, ἐ, μιν; обоюдными считаетъ οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε. Исключительно анафорическія и обоюдныя мѣстоименія относятся, по мнѣнію Аполлонія, къ грамматическому 3-му лицу⁷⁾.

Въ томъ мѣстѣ Аполлоніевой грамматики, изъ котораго мы почерпнули вышеприведенное распредѣленіе антониміи, особенными словами упоминается еще о словѣ αὐτός. Мы этимъ указаніемъ не можемъ здѣсь воспользоваться, такъ какъ оно могло бы насъ легко ввести въ недоумѣніе (оно сдѣлается для насъ яснымъ въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія); принимая же во вниманіе другія мѣста этой грамматики, въ которыхъ упоминается объ αὐτός, мы можемъ сказать, что Аполлоній и αὐτός принималъ за исключитель-

6) Περὶ συντ. 101. 10 читаемъ слѣдующее: ἀναφ' ὀνόματι αἱ ἀντωνυμίαι ὀρίζονται καθὸ τὰ πρόσωπα ἐγνώσθη (поелику намъ предметъ уже извѣстенъ), καὶ δευτέρῳ, καθὸ τὰ πρόσωπα ὡς ὄφιν ἐστὶ (когда предметы находятся на лицѣ).—Сравни еще περὶ ἀντ. 10. 13, гдѣ говорится: Εἰ τὰ δευτέρῳ ὀρίζεται,—καὶ τὰ ἀναφ' ὀνόματι γινώσκον ἐπαγγέλλεται προφασίσασθαι,—ὅ ἐστι κατὰ πρόσωπον ὀρισμένον,—ὅρθως ἀπ' ὀρισμένον πρῶτον παραστατικὴ τῆ ἀντωνυμία. Мѣсто это раздѣлено нами на 4 части, смыслъ и взаимную связь которыхъ мы должны понимать такъ: Если предметы, находящіеся на лицѣ, этимъ самымъ уже даютъ возможность ὀρίζεσθαι—быть опредѣленными, т. е. быть извѣстными по признакамъ, принадлежащимъ имъ какъ индивидуумамъ,—то опять съ другой стороны то представленіе о предметѣ, возстановить которое говорящій заставляеть насъ посредствомъ антониміи, основано на свѣдѣніяхъ, собранныхъ нами при другомъ какомъ нибудь случаѣ о предметѣ, опять таки, какъ объ индивидуумѣ,—такъ что и въ послѣднемъ случаѣ можно говорить о предметѣ, какъ объ ὀρισμένον,—а потому, говорить Аполлоній, правильно я опредѣляю антонимію, если въ ней указываю на ὀρισμὸν τῶν πρόσωπων.

7) Аполлоній περὶ ἀντ. 10. В. говоритъ: Πᾶσα ἀντωνυμία ἢ δευτέρῳ ἐστὶν ἢ ἀναφ' ὀνόματι αἱ κατὰ πρόσωπα καὶ δευτέρῳ πρόσωπον μόνως δευτικαί, αἱ κατὰ τὸ τρίτον καὶ δευτικαί καὶ ἀναφ' ὀνόματι, ἐκεῖνος οὗτος... αἱ ἐπολεμιζόμεναι ἀναφ' ὀνόματι, ἰ, οὐ, οἷ, ἐ. О мѣстоименіи μιν, какъ ἐξουσιασμοῦσα (имѣющее одинаковое значеніе) съ энклитическимъ ἐ, ср. περὶ ἀντ. 107. С.

ное ἀναφορικόν⁹⁾, и относить его, наравнѣ съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, къ грамматическому 3-му лицу⁹⁾.

Такими же исключительными ἀναφορικά Аполлоній считаетъ еще слова: ὅ, ἧ, τό и ὅς, ἧ, ὅ; то и другое вмѣстѣ составляютъ у него въ грамматикѣ особую часть рѣчи, подъ названіемъ ἄρθρον; первое изъ нихъ называется имъ ἄρθρον προτακτικόν, второе ἄρθρον ὑποτακτικόν¹⁰⁾.

III 1.

Въ грамматикѣ ученика Аристарха, Діонисія Фракійскаго¹¹⁾, въ книгѣ общезвѣстной древнимъ ученымъ и служившей для нихъ элементарно-основною¹²⁾ (изданной Беккеромъ въ его »Anecdota«), опредѣленіе аптониміи почти ничѣмъ не отличается отъ опредѣленія, которое представляетъ намъ

⁹⁾ Сопоставляя обоюдныя мѣстоименія съ словомъ αὐτός, Аполлоній всегда называетъ первыя, за неизмѣнимъ для нихъ особаго термина, δευτικά, а слово αὐτός—ἀναφορικόν. Сравни: Περὶ ἀντ. 41 С: Αἱ εἰς ὅς λήγουσαι ἀντωνομίας μονοπρόσωποι, ὀρθοτονοῦμεναι μὲν καὶ δευτικά οὖσα, διὰ τοῦ ἐπακτινέουσαι χωρὶς τῆς αὐτῆς αὐτῆ γὰρ ἀναφορικῆ οὖσα οὕτε ἐπακτινέται οὕτε μόνως ὀρθοτονεῖται. Переводъ этого мѣста: Кончающіяся на ὅς мѣстоименія одноличныя (разумѣй слова οὗτος, ἐκεῖνος, αὐτός; Аполлоній ихъ называетъ одноличными въ отлччіе отъ словъ ἐμός, ἕς, которыя тоже оканчиваются на ὅς, но будутъ уже „двуличными“, потому что въ основѣ ихъ формы указываются на лицо, которому принадлежитъ извѣстный предметъ, окончаніемъ же своимъ относятся къ предмету, который кому-либо присвоивается. Объ этомъ сравни Аполлонія Περὶ συνт. 62. и слѣд.) не бывають энклитическими (ὀρθοτονοῦνται), суть диктическія и распространяють свои формы посредствомъ ι (сравни наприм. οὗτοοι, тоοτοοι и т. д.), за исключеніемъ слова αὐτός; это послѣднее, какъ *анафорическое* (sic!) не распространяеть своихъ формъ посредствомъ ι и бываетъ иногда энклитическимъ (объ энклитисѣ слова αὐτός будемъ говорить ниже). Тоже самое Аполлоній подтверждаетъ Περὶ ἀνт. 46. Сравни еще Περὶ συνт. 88. 1 100. 1.

⁹⁾ Περὶ ἀνт. 80. А. Аполлоній борется съ тѣмъ взглядомъ нѣкоторыхъ грамматиковъ, по которому слово αὐτός объясняется какъ общее всѣмъ лицамъ мѣстоименіе, и говоритъ, что это слово само по себѣ принадлежитъ только 3-му лицу (αὐτῆ μόνου κατ' ἴδιον τρίτου—разумѣй πρόσωπου—ἑστίν).

¹⁰⁾ О пониманіи Аполлоніемъ словъ, названныхъ имъ ἄρθρον, исключительно анафорическими, мы убѣждаемся изъ слѣдующихъ мѣстъ:

1., Περὶ συνт. 26. 11. Ἔστιν οὖν, καθὼ καὶ ἀπεφηνάμεθα, ἴδιον ἄρθρον ἢ ἀναφορά, ἧ ἐστὶ προκατελεγμένου πρόσωπου παρατακτικῆ.

2., Περὶ ἀνт. 16. А. Ἡ τῶν ἄρθρων σημασία ἄλλοτρία δεῖξεως καθέστηκεν, ἐπαγγέλλεται δὲ ἀναφορᾶν, ὅ ἐστὶν ἀναπολούμενον πρόσωπον.

3., Περὶ ἀνт. 16. В. αἱ ἄντωνομίας γινώσκου πρώτῃ ἐπαγγέλλονται (не всѣ ж!) τὰ δὲ ἄρθρα δευτέρῃ γινώσκου σημαίνει.

4., Περὶ συνт. 29. 5. τὸ ἄρθρον προεξεπέσωκε γινώσκου δηλοῖ.

¹¹⁾ Свида называетъ Діонисія Фракійскаго μαθητῆς Ἀριστάρχου и говоритъ о немъ, что онъ занимался софистикою въ Римѣ при Помпеевѣ Великомъ (106—48 до Р. Х.).

¹²⁾ Такъ можно судить по громадному разстоянію времени, которое прошло со вре-

Аполлоній, но о теоріи диксиса и анафоры въ его грамматикѣ нѣтъ и помину¹²⁾. Аполлоній думаетъ, что эту теорію знали уже Аристархъ¹¹⁾ и что онъ на нее указывалъ именно тѣмъ, что называлъ антономію οὐζυγος. Намъ кажется страннымъ, почему Діонисій, если эта теорія была извѣстна уже его учителю, не воспользовался ею для опредѣленія значенія словъ ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἣ, ὅ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ чувствовать, что его собственное опредѣленіе τοῦ ἀρθροῦ слишкомъ мелко¹³⁾. По этому можно бы скорѣе предположить, что Аполлоній безъ достаточнаго основанія отнесъ Аристархову οὐζυγίαν τῆς ἀντωνομίας въ своей теоріи, съ единственною

мнѣніемъ составленія этой грамматикѣ до послѣднихъ ея комментаторовъ. Комментаторы грамматикѣ Діонисія Фракійскаго, какъ-то: Хоробоскъ, Стефанъ, Мелампъ, Геліодоръ, относятся только къ VI и VII столѣтіямъ. Гершельманъ, установившій на вѣрныхъ основаніяхъ въ своей брошуркѣ «De Dionysii Thracis interpretibus veteribus» (Lipsiæ 1874) время, къ которому относятся вышеупомянутые комментаторы (смотри 75 стр. этого сочиненія), выражается на стр. 76 того же сочиненія, вмѣстѣ съ Шмидтомъ, слѣдующими словами: Si quis Apollonii, Herodiani, Nicanoris (грамматикѣ эти жили раньше вышеупомянутыхъ комментаторовъ: время жизни Аполлонія и Геродіана намъ уже известно, Никанора же относитъ Свидя ко времени Адріана) reliquias cum Dionysii grammatica comparet, ... ipsa incunabula, uude profecta illorum doctrina paulatim incrementa ceperat, quasi oculis videat.

¹²⁾ Діонисій опредѣляетъ антономію такъ: ἀντωνομία ἐστὶ λέξις ἀντὶ ὀνόματος παρασημασμένη προσώπων ἀρισμένων δηλωτικῆ; затѣмъ, какъ подраздѣленіе антономіи, приводятся нитъ только πρόσωπα ἐγώ, σύ, ἐγώ, εἶ, ἐμός, οὐός и ὅς; на слова οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε не указывается особа.

¹¹⁾ Περὶ συντ. стр. 100 и 101 Аполлоній защищаетъ Аристарха отъ нападеній нѣкоторыхъ грамматиковъ, упрекавшихъ его за то, что онъ училъ, что антономіа есть οὐζυγος, и говоритъ, что Аристархъ понималъ, οὐδὲν (φαίνεται γὰρ δι...), οὐζυγίαν τῆς ἀντωνομίας не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее толкуютъ тѣ, которые нападаютъ на Аристарха (они подъ нею разумѣли, какъ извѣстно, то, что мы называемъ спряженіемъ, или скорѣе способность перемѣнять свои формы не по надежамъ, а по лицамъ), а въ смыслѣ τοῦ ὀρισμοῦ κατὰ τὴν ἀναφορὰν καὶ κατὰ τὴν δεξιάν).

¹³⁾ Для ἀρθρονъ встрѣчается у Діонисія такое опредѣленіе: ἀρθρονъ ἐστὶ μέρος λόγου πρῶτον, προταττόμενον ἢ ὑποταττόμενον τῆς κλίσεως τῶν ὀνομάτων (къ словамъ склоняющимся) καὶ ὑποταττόμενον μὲν τὸ ὅς, προταττόμενον δὲ τὸ ὁ. Это опредѣленіе разсматриваетъ употребленіе словъ ὁ, ἡ, τό и ὅς, τ, ὅ съ вѣшной только стороны. Оно очень похоже по своему характеру на опредѣленія, которыя намъ представляетъ тотъ же Діонисій для предлоговъ (πρόθεσις ἐστὶ λέξις προτιθεμένη πάντων τῶν τοῦ λόγου μερῶν ἐν τῇ συνθέσει καὶ συντάξει), причастій (μετοχὴ ἐστὶ λέξις μετιχοσά τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ιδιότητος), наречій (ἐκίφρησις ἐστὶ μέρος λόγου ἄλλοτον κατὰ ῥήματος λεγόμενον ἢ ἐκπελεγόμενον ῥήματι), однимъ словомъ для тѣхъ частей рѣчи, которыя, какъ полагаетъ Шеманъ (смотри: die Lehre von den Redetheilen стр. 12 и Animadversiones ad veterum Grammaticorum doctrinam de articulo стр. 17), на основаніи одного мѣста Квинтиліана (Квинтиліанъ Inst. orator. 1. 4. 20), наравнѣ съ словами ὁ и ὅς выдѣлялъ Аристархъ, какъ особыя части рѣчи. Надобно полагать, что побужденіемъ къ выдѣленію этихъ частей рѣчи только и послужило вниманіе къ ихъ вѣшной сторонѣ, указанной въ вышеизложенныхъ опредѣленіяхъ.

цѣлью упрочить свою теорію ссылкой на столь сильный авторитетъ. — Впрочемъ, кто бы ни создалъ теорію о диксисѣ и анафорѣ, во всякомъ случаѣ въ вопросѣ, нами разбираемомъ, мы можемъ именно *Аполлонія* назвать представителемъ ученія древнихъ ¹⁶⁾.

III 2.

Мы не можемъ не одобрять той точки зрѣнія, съ которой Аполлоній отправляется при раздѣленіи и опредѣленіи значенія тѣхъ вещественно-бесодержательныхъ словъ, какія представляютъ собою *ἀντωνομία* и *ἄρθρον*; да и самое приложеніе этой точки зрѣнія къ конкретнымъ явленіямъ, какое мы замѣтили у Аполлонія, на первый взглядъ кажется намъ правильнымъ. Но, присматриваясь ближе къ употребленію словъ, подведенныхъ Аполлоніемъ подъ теорію диксиса и анафоры, мы находимъ во всемъ этомъ ученіи нѣкоторый пробѣлъ и наталкиваемся на нѣкоторыя противорѣчія. Мы не будемъ касаться здѣсь тѣхъ мѣстоименій, которыя Аполлоній объявляетъ или исключительно диктическими, или обоюдными, наша задача — разсмотрѣть слова, признанныя Аполлоніемъ исключительно анафорическими, именно слова *αὐτός*, *οὗ* (*οὖν*), *ὅ* и *ὅς*. Только въ виду *рѣшенія этой нашей задачи*, мы должны относительно первыхъ, т. е. диктическихъ и обоюдныхъ, указать на три пункта:

Во первыхъ, слова *ἐγώ* и *σὺ* суть слишкомъ слабыя *δεικτικά*; есть даже основаніе сомнѣваться въ томъ, что они настоящія *δεικτικά*; они не имѣютъ той силы значенія, которую имѣютъ слова *αὐτός*, *ὅς* при диктическомъ ихъ употребленіи. Мы говорили на первыхъ страницахъ нашего сочиненія, что *δεικτικόν* дѣйствуетъ на волю слушателя, заставляя его обратить вниманіе на то, какой собственно предметъ говорящій имѣетъ въ виду при употребленіи этого *δεικτικόν*. Такое правило трудно примѣнить къ словамъ *ἐγώ* и *σὺ*. *Ἐγώ* имѣло бы только въ такомъ случаѣ характеръ чисто дикческаго мѣстоименія, т. е. слова, побуждающаго насъ (слышающихъ произнесеніе его другимъ какимънибудь лицомъ) освѣдомиться, чтó это за предметъ, имъ обозначаемый, когда во время его произношенія считалось бы еще не установленнымъ и неизвѣстнымъ, *кто* собственно нашъ собесѣдникъ. Точно такъ же и *σὺ* имѣло бы такой характеръ только тогда, когда посредствомъ его

¹⁶⁾ У комментаторовъ Діонисія Аполлоній называется *ἡμίτερος γραμματικός* (смотри *Веккері Anecdota* стр. 763) и его грамматика *βιωφελῆς τέχνη τοῦ μεγάλου γραμματικοῦ* (тамъ же стр. 920) и каждая фраза этихъ комментаторовъ, относящаяся къ антониміи или *ἄρθρον*, напоминаетъ намъ Аполлонія.

только *устанавливалось бы*, когò изъ насъ произносящій это слово хочеть сдѣлать своимъ собесѣдникомъ. Выражаясь другими словами, мы можемъ сказать: ἐγὼ имѣло бы диитическое значеніе при откликахъ, а σὺ при вызовахъ. Но мы знаемъ, что при вызовахъ и откликахъ одного ἐγὼ или одного σὺ недостаточно, а употребляется обыкновенно οὗτος σὺ (вотъ ты тамъ!) и ὅδε ἐγὼ (вотъ я здѣсь), иногда даже οὗτος и ὅδε безъ всякаго ἐγὼ и σὺ. Такое οὗτος и ὅδε, разумѣется, соединено опять съ появленіемъ всѣхъ возможныхъ пояснительныхъ средствъ, о которыхъ мы говорили на первой страницѣ нашего сочиненія ¹⁷⁾. Приведемъ для примѣра слѣдующія мѣста:

1) Еврипидъ. Орестъ 1567: Οὗτος σὺ, κλήθρων τῶνδε μὴ ψαύσης χειρί, Μενέλαον εἶπον, ὅς πεπύρωσαι θράσει.

2) Начало Платоновой бесѣды Συμπόσιον, гдѣ Аполлодоръ рассказываетъ: Δοκῶ μοι περὶ ὧν πονθάνεσθε οὐκ ἀμέλητος εἶναι· καὶ γὰρ ἐπιγυχανον πρόην εἰς ἄστυ οἴκοθεν ἀνίων Φαληρόθεν· τῶν οὖν γνωρίμων τις ὄπισθεν κατιδὼν με πόρρωθεν ἐχάλεσε, καὶ παίζων ἅμα τῇ κλήσει, ὦ Φαληρεὺς, ἔφη, οὗτος Ἀπολλόδωρος, οὐ περσιναῖς;

3) Евр. Орестъ 380. Ὅδε εἰμὶ Ὀρέστης, Μενέλαος, ὃν ἱστορεῖς.

Второе наше замѣчаніе касается обоюдныхъ мѣстоименій. Уже изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ на обороты οὗτος σὺ и ὅδε ἐγὼ становится понятнымъ, что слова οὗτος и ἐκεῖνος вовсе не суть мѣстоименія 3-го лица, какъ Аполлоній утверждаетъ, а что это просто слова ди-мензіально-диитическія, побуждающія насъ только искать какой нибудь предметъ въ известномъ мѣстѣ, въ какомъ бы онъ лицѣ потому намъ ни представлялся. Они употребляются при третьемъ лицѣ всякій разъ, когда говорящій хочеть *указать* на предметъ, находящійся на лицѣ, и подвергнуть его наблюденію и съ своей стороны и со стороны слушателя; при первомъ же и второмъ лицахъ они появляются не только при вызовахъ и откликахъ, т. е. когда лица, имѣющія бесѣдовать между собою, еще не установились, но и тогда, когда, послѣ установленія ихъ, говорящій хочеть съ *особенною выразительностью* говорить о себѣ или о своемъ слушателѣ, и то же какъ бы подвергнуть себя или своего слушателя *особенному* наблюденію. Примѣровъ на это найдемъ много; здѣсь, для поясненія дѣла, помѣстимъ только слѣдующіе:

¹⁷⁾ Конечно, вызовъ можетъ совершаться посредствомъ звательнаго падежа имени существительнаго, и откликъ посредствомъ произношенія имени откликивавшагося, и такимъ образомъ можно избѣгать употребленія словъ οὗτος и ὅδε; но такъ какъ вопросъ нашъ не относится къ синтаксическимъ функциямъ именъ существительныхъ, то мы объ этомъ способѣ вызова и отклика не упоминали.

1) Ил. 19. 140. Агамемнонь говоритъ Ахиллесу:

ἀλλ' ὄρωεу πόλεμόνδε, καὶ ἄλλους ὄρωεθι λαοῦς·
δῶρα δ' ἐγὼν ὄδε πάντα παρασχεῖν, ὅσα τοι ἐλθῶν
χθιζὸς ἐνὶ κλισίῃσιν ὑπέσχετο δῖος Ὀδυσσεύς.

2) Од. 21. 207. Ἐνδον μὲν δὴ ὄδ' αὐτὸς ἐγὼ κακὰ πολλὰ μογήσας
ἦλθον¹³⁾.

Такимъ образомъ разница между оборотомъ напр. τὸνδε ἐμέ и иногда встрѣчающимся оборотомъ τὸν ἐμέ (о послѣднемъ оборотѣ говоритъ Аполлоній περί συνт. 59. 24 и указываетъ на то, что τὸν въ подобныхъ случаяхъ выражаетъ ἐξοχήν, т. е. представляетъ кѣмъ то особеннымъ лицо, обозначаемое этимъ оборотомъ), если слово ὄ дѣйствительно исключительно анафорическое слово, будетъ состоять въ томъ, что въ первомъ случаѣ говорящій вызываетъ слушателя подвергнуть его, говорящаго, *наблюденію*, (τὸνδε ἐμέ=меня, смотри же, кто я, и каковъ я!), а во второмъ *припомнить* о немъ все, что онъ знаетъ (τὸν ἐμέ=меня, ты же знаешь, кто я, и каковъ я). Изъ оборота τὸν ἐμέ мы видимъ, что и ἀναφορικά, совершенно наравнѣ съ δεκτικὰ, суть мѣстоименія, не принадлежащія одному грамматическому лицу, а общія всѣмъ лицамъ.

Но возвратимся опять къ словамъ ἐγὼ и σύ и укажемъ на третье и послѣднее обстоятельство, относящееся къ δεκτικὰ и обоюднымъ и прикасающееся къ нашей задачѣ. Мы убѣждены, что слова ἐγὼ и σύ нельзя принимать за такія δεκτικὰ, какими являлись οὗτος и ὄδε въ предшествующихъ двухъ пунктахъ и въ примѣрѣ изъ Одиссеи, приведенномъ нами стр. 4; но въ то же время трудно слова ἐγὼ и σύ назвать и анафорическими, такъ какъ намъ для пониманія ихъ смысла не нужно никогда прибѣгать къ тому, что сказано говорящимъ прежде или послѣ ихъ произнесенія. (Мы не говоримъ уже о томъ значеніи анафоры, которое относится къ удаленнымъ по мѣсту или по времени предметамъ и которое уже къ словамъ ἐγὼ и σύ не имѣетъ никакого отношенія.—Въ риторической фигурѣ ἀποστροφῆ и въ «oratio gesta», появляющейся среди разсказа, предметъ, къ которому обращается говорящій посредствомъ слова σύ, или отъ имени котораго говорящій передаетъ прямую рѣчь посредствомъ слова ἐγὼ, хотя на-

¹³⁾ Такъ, кажется намъ, нужно понимать слова οὗτος и ὄδε при первомъ и второмъ лицахъ. Бюнеръ (ausführliche Grammatik der griech. Sprache § 356. 4) говоритъ объ οὗτος въ соединеніи со вторымъ лицомъ и принимаетъ его въ однихъ случаяхъ за оппозицію, въ другихъ—за формулу вызванія; обороты ὄδε ἐγὼ вошли у него въ примѣры § 467 b. 2., въ которыхъ только съ общей точки указываются на димензіальное значеніе слова ὄδε. Мы находимъ подобное раздѣленіе означеннаго грамматическаго матеріала неметодичнымъ въ виду разскаанія значенія диетическихъ словъ вообще.

даль и удаленъ, однако представляется говорящему и слушателю присутствующимъ). Итакъ слова ἐγώ и σύ находятся въ срединѣ между δεκτικᾶ и ἀναφορικᾶ. Аполлоній ихъ назвалъ δεκτικᾶ потому, что при нихъ δεῖξις τῆς ὀψέως возможна, но не принялъ въ соображеніе того обстоятельства, что эта δεῖξις τῆς ὀψέως для пониманія ихъ вовсе не нужна послѣ того, какъ установилось, ктò слушатель и ктò говорящій. Мы назовемъ слова ἐγώ и σύ, во вниманіе къ тому, что δεκτικᾶ и ἀναφορικᾶ къ обозначенію грамматическихъ лицъ, какъ выше было сказано, собственно не относятся, прямыми указателями грамматическихъ лицъ.

Такимъ образомъ средствъ, которыми говорящій распознаетъ для представленія слушателю предмета, кромѣ поименовательнаго средства (прямаго названія предмета по имени), которое не имѣетъ къ нашей задачѣ прямаго отношенія, оказывается еще три, а именно:

1. Указаніе диктическимъ знакомъ на предметъ и соединенное съ этимъ указаніемъ употребленіе диктической антониміи.

2. Личное обозначеніе предмета; здѣсь имѣетъ мѣсто употребленіе словъ ἐγώ и σύ.

3. Обозначеніе предмета посредствомъ анафоры, т. е. напоми-
наніе слушателю рассказаннаго самимъ говорящимъ, или узнаннаго при какомъ бы то ни было другомъ случаѣ.

III 3.

Перейдемъ теперь къ Аполлоніевымъ исключительно анафорическимъ словамъ и укажемъ на тѣ недостатки и противорѣчія въ ихъ подборѣ и систематизаціи, о которыхъ мы упомянули выше.

I. Читая Аполлоніево указаніе на слово αὐτός, какъ исключительно анафорическое, мы припоминаемъ себѣ сплошь да рядомъ встрѣчающіяся мѣста въ родѣ слѣдующаго:

Ил. 4. 237. ἀλλ' οὔπερ πρότεροι ὑπὲρ ὄρκια δηλήσαντο,
τῶν ἦτοι αὐτῶν τέρενα χροῖα γυπέε εἶδονται,
ἡμεῖς αὐτ' ἀλόχους τε φίλας καὶ νήπια τέχνα
ἄχομεν ἐν νήεσσιν, ἐπὶν πτολίεθρον ἔλωμεν.

Въ этомъ и въ безчисленномъ количествѣ подобныхъ мѣстъ, слово τῶν есть несомнѣнно анафорическое; оно указываетъ на предметъ, удаленный по времени, измѣряемому ходомъ рассказа, и само уже своимъ присутствіемъ, не говоря о другихъ причинахъ, уничтожаетъ всякую возможность принять слово αὐτός за ἀναφορικόν въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы толкуемъ анафору. Кромѣ того, обратимъ вниманіе и на обороты ἐμαυτὸν, σωτοῦ и т. д., показывающіе прямо, что αὐτός вовсе не есть мѣсто-

именіе 3-го лица, а мѣстоименіе общее всѣмъ лицамъ. Послѣ такихъ замѣчаній намъ предстоитъ исправить ученіе Аполлонія и рѣшить: *какое собственно имѣетъ значеніе слово αὐτός и какое оно имѣетъ отношеніе къ 3-му лицу и анафоръ?*

II. Отвѣчая на вопросъ, какія изъ вещественно-бесодержательныхъ или, какъ грамматики выражаются, служебныхъ словъ, способны анафорически обозначить предметъ 3 лица, мы прежде всего укажемъ на οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε, ὅ, какъ общія всѣмъ лицамъ, затѣмъ, послѣ вышесказаннаго, отнесемъ съ сомнѣніемъ къ тому, присоединять ли сюда слово αὐτός, и наконецъ положительно исключимъ слово οὗ οἱ ἔ (μίν). Последнее мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ приравнивать къ вышензложеннымъ словамъ по той простой причинѣ, что если бы оно было такое же ἀναφορικόν, какъ всѣ остальные, то оно должно бы имѣть именительный падежъ, между тѣмъ какъ οὗ, οἱ, ἔ въ именительномъ падежѣ не нуждается (форма ἱ, которую древніе грамматики приводятъ какъ именительный падежъ отъ слова οὗ, οἱ, ἔ, а также форма σφεῖς, употребляющаяся крайне рѣдко, не должны противорѣчить тому, что мы сказали объ именительномъ падежѣ разбираемаго нами слова. И о формѣ ἱ, и о формѣ σφεῖς придетъ намъ говорить ниже). Но что же тогда выражаютъ собою формы οὗ, οἱ, ἔ (μίν)? Во всякомъ случаѣ онѣ въ родительномъ, дательномъ и винительномъ падежахъ выражаютъ собою то, что въ именительномъ пад. не требовало себѣ выраженія. Слово οὗ, конечно, не нуждалось въ именительномъ падежѣ, какъ чистое reflexivum, т. е. какъ слово, появляющееся только въ грамматическомъ дополненіи (т. е. род., дат. и винт. падежахъ) глагола, для обозначенія лица, тождественнаго съ подлежащимъ этого же глагола; но мы знаемъ, что у Гомера слова οὗ, οἱ, ἔ (μίν) приходится переводить чаще словами *ею, ему, чѣмъ* словами *себя, себя*. Является вопросъ: почему даже въ этомъ значеніи эти формы не имѣютъ имен. пад.? Когда я слышу слово γράφει безъ всякаго имен. пад. и при этомъ все-таки знаю, кто пишетъ, то значить, предшествующая слову γράφει рѣчь такъ живо нарисовала въ моемъ сознаніи это лицо, что нечего мнѣ теперь больше напоминать, что это за лицо, къ которому относится дѣйствіе γράφειν; тоже самое, что мы сказали объ отсутствіи именительнаго падежа въ предложеніи γράφει, мы должны сказать объ οὗ, οἱ, ἔ напр. въ Ил. 5. 1 и сл.

Ἐνθ' αὖ Τυδαΐδῃ Διομήδαι Πάλλας Ἀθήνη
 δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἴν' ἔκδηλος μετὰ πᾶσιν
 Ἄργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιτο.
 δαῖτέ οἱ ἐκ κόρυθός τε καὶ ἀσπίδος ἀκάματον πῦρ,
 ἀστέρ' ὀπορινῶ ἐναλίγκιον, ὅστε μάλιστα
 λαμπρὸν παμφαίνῃσι λελουμένος Ὀχεανοῖο·
 τοῖόν οἱ πῦρ δαῖτεν ἀπὸ κρατός τε καὶ ὤμων,

ὡρον δὲ μιν κατὰ μέσσον, ὅτι πλεῖστοι χλωέοντο.

Мы пока оставимъ въ сторонѣ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ примѣрѣ и укажемъ на одно, хотя простое, но очень важное для насъ обстоятельство. Предметъ рѣчи, въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова (одушевленный предметъ, вещь, abstractum, цѣлая мысль), представляющійся бесѣдующимъ въ 3-мъ лицѣ,—а это, конечно, всякій предметъ разговора, за исключеніемъ самихъ бесѣдующихъ,—составляетъ для нихъ какъ бы внѣшній міръ. Предметовъ внѣшняго міра, доставляющихъ матеріалъ бесѣдующимъ для ихъ разговора, входитъ въ одинъ непрерывный разсказъ часто очень много, смотря по сложности содержанія бесѣды. Разговоръ при этомъ переходитъ отъ одного предмета къ другому, отъ другого къ третьему, опять возвращается къ первому, а тамъ опять переходитъ къ новому, и сознание бесѣдующихъ играетъ при этомъ роль какъ бы зеркала, въ которомъ видна картина только до тѣхъ поръ, пока предметъ стоитъ передъ нимъ, и исчезаетъ вмѣстѣ съ предметомъ; въ нашемъ представленіи, пожалуй, картина извѣстнаго предмета не исчезаетъ совсѣмъ, но все-таки затемняется тотчасъ, какъ только вниманіе разсказчика обратится къ другому предмету и покажется опять въ своемъ настоящемъ свѣтѣ только тогда, когда разсказчикъ возвратится къ самому предмету. Возвращаясь къ предмету, разсказчикъ уже можетъ не вести къ нему слушателя простымъ поименовательнымъ, какъ мы выше выразились, средствомъ, а имѣеть возможность обозначать его анафорико-эпаналептически, припоминая слушателю то мѣсто своего разсказа, въ которомъ онъ уже разъ объ этомъ же предметѣ упоминалъ.

Такимъ образомъ среди разсказа постоянно можетъ чувствоваться потребность анафорического обозначенія предметовъ, по мѣрѣ того, какъ разсказчикъ возвращается отъ одного предмета къ другому. Приведемъ слѣдующій примѣръ изъ Геродота (II. 1):

Ψαμμήτιχος παῖδια δύο νεογνά... διδοῖ ποιμένι τρέφειν... ταῦτα δὲ ἐποίησε τε καὶ ἐνετέλλετο ὁ Ψαμμήτιχος ἐθέλων ἀκούσαι τῶν παιδίων... ἦντινα φωνὴν ῥήξουσι πρώτην... ὡς ὢν διέτης χρόνος ἐγεγόνει ταῦτα τῷ ποιμένι πρήσσοντι, τὰ παῖδια ἀμφότερα... βέχος ἐφώνεον... τὰ μὲν δὴ πρῶτα ἀκούσας ἤσυχος ἦν ὁ ποιμὴν, ὡς δὲ πολλαῖς φοιτέοντι πολλὸν ἦν τοῦτο τὸ ἔπος, ἤγαγε τὰ παῖδια ἐς ὄψιν (τοῦ δεσπότηου).

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ собою вышеприведенная цитата Ил. 5 нач. Тамъ на мѣстахъ, гдѣ читается οὐ, οἶ, εἶ (μῖν), предметъ 3-го лица, обозначенный черезъ это οὐ, οἶ, εἶ (μῖν), не представляетъ собою ничего, что нужно бы выводить еще на свѣтъ въ нашемъ сознаниіи и что нужно бы обозначать анафорически, такъ какъ онъ всецѣло занимаетъ нашу мысль, и такъ какъ его никакъ нельзя назвать въ это время удаленнымъ предметомъ или отсутствующимъ; οὐ, οἶ, εἶ (μῖν) можно бы въ этомъ при-

мѣрѣ назвать такимъ же личнымъ показателемъ *присутствующаю въ нашемъ представленіи* предмета 3-го лица, какимъ было ἐγώ и σὺ для *находящихся налице* предметовъ, принадлежащихъ 1-му и 2-му грамматическимъ лицамъ. Тому условію, которому должно бы непременно подвергнуться слово οὗ, чтобы стать на одинаковую степень съ анафорическими словами οὗτος, ὅδε и ἐκεῖνος, т. е. необходимости присутствія имен. надежа, не подвергнется слово οὗ, если оно станетъ на одинаковую почву съ словами ἐγώ и σὺ, хотя бы эти послѣднія сами имѣли именительный падежъ. Дѣло въ томъ, что предметы, имѣющіе право въ разсказѣ быть обозначенными черезъ ἐγώ и σὺ, всегда суть присутствующіе, если-бы даже объ нихъ самихъ не говорилось, а потому и вносить ихъ въ разсказъ и вызывать ихъ—*а для этого понадобятся преимущественно формы им. надежа*—всегда можно посредствомъ тѣхъ же словъ ἐγώ и σὺ, между тѣмъ какъ предметъ, имѣющій право быть обозначеннымъ черезъ οὗ οἷ, считается присутствующимъ только тогда, когда онъ уже вызванъ и внесенъ въ разсказъ и *когда*, какъ мы на словѣ γράφει показали, *именительною надежа не нужно*.

Но странно; казалось бы, что οὗ, οἷ, εἰ (μίν) можетъ быть употреблено только тогда, когда дѣйствительно мысль наша занята исключительно *однимъ* предметомъ 3-го лица, или, по крайней мѣрѣ, когда этотъ предметъ въ нашемъ представленіи въ числѣ прочихъ находится на первомъ планѣ; а между тѣмъ у Гомера приходится встрѣчать мѣста, гдѣ нѣсколько предметовъ сразу занимаютъ наше представленіе (и въ добавокъ такіе, изъ которыхъ мы затрудняемся одинъ какой нибудь выдвинуть какъ главный), и οὗ, οἷ, εἰ, μίν употреблено о нихъ же такъ, что трудно даже съ перваго разу разузнать, къ которому изъ нихъ оно относится. Сравни напр. Ил. 3. 383 ст.

(Ἄφροδίτη Ἑλένην) ἐκίχανεν
 πύργῳ ἐφ' ὕψηλῳ, περὶ δὲ Τρωαὶ ἄλις ἦσαν.
 χειρὶ δὲ νεκταρέου ἑανοῦ ἐτίναξε λαβοῦσα,
 γρηῖ δὲ μιν εἰκυῖα παλαιγενεῖ προσέειπεν,
 εἰροκόμῳ, ἧ οἱ Λακεδαιμόνι ναϊεταῶσθι
 ἦσκειν εἴρια καλά, μάλιστα δὲ μιν φιλέεσκεν.
 τῇ μιν εἰσαμένη προσεφώνεε δι' Ἄφροδίτη.

Съ другой же стороны замѣчается употребленіе слова ὅ тамъ, гдѣ мы на основаніи всего того, что нами сказано объ οὗ, ожидали бы это послѣднее слово. Такъ въ Ил. 3. 390 мы читаемъ:

Δεῦρ' ἴθ' Ἀλέξανδρος σε καλεῖ οἰκόνδε νέεσθαι.
 κεῖνος ὄγ' ἐν θαλάμῳ καὶ δινωτοῖσι λέχεσιν,
 κάλλει τε στίλβων καὶ εἵμασιν· οὐδέ κε φαίης
 ἀνδρὶ μαχησάμενον τό ν γ' ἐλθεῖν, ἀλλὰ χορόνδ'ε
 ἔρχεσθ' ἧε χοροῖο νέον λήγοντα καθίζειν.

Изъ всего этого мы убѣждаемся, что οὗ, οἷ, εἰ тѣсно связано съ ὅ, ἧ, τό.

Другое, на что мы должны здѣсь указать, это именно то, что вмѣсто того οὐ, οἶ, εἶ, μίν, которые мы замѣтили въ гомерическихъ цитатахъ, аттичскій языкъ употребляетъ αὐτός,—да и въ гомерическомъ языкѣ трудно опредѣлить разницу между οὐ, употребленнымъ напр. въ Ил. 2. 91:

ὡς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καὶ κλισιάων
ἠϊόνος προπάροιθε βαθείης ἐστιχόωντο
ἰλαδὸν εἰς ἀγορὴν. μετὰ δὲ σφίσιιν Ὅσσα δεδήει.

и между αὐτός въ Ил. 3. 436: ...ἀλλὰ σ' ἔγωγε

πάσασθαι κέλομαι, μηδὲ ἐανθῶ Μενελάφ
ἀντίβιον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι
ἀφραδέως, μὴ πως τάχ' ὄπ' αὐτοῦ δοορί σαμήης.

Дальше намъ извѣстно, что οὐ, οἶ, εἶ, въ смыслѣ чисто рефлексивномъ, совершенно какъ русское *себя*, употребляется не только о третьемъ, но также о первомъ и о второмъ лицахъ (примѣровъ въ родѣ Βατραχομ. 23. ἀλλ' ἄγε θάσσον ἐὴν γενεῆν ἀγόρευε, или Ил. 10. 395: φύϊν βοολεόοιτε μετὰ σφισιν, собралъ много Кюнеръ: Aüsführl. Gram. стр. 496 и 497). Последняго мы, конечно, не можемъ сказать о словѣ μίν.

Всѣ замѣчания, сдѣланныя нами по поводу словъ οὐ, οἶ, εἶ (μίν), заставляютъ насъ: *привести къ одному симазіологическому знаменателю всѣ три значенія, замѣченныя нами за словомъ οὐ, οἶ, εἶ* (таковыя значенія суть: значеніе рефлексивное 3-го лица, значеніе русскаго *ему, ему, ей* и значеніе рефлексивное всѣхъ лицъ), *выяснить отношеніе слова οὐ къ слову αὐτός, а также отношеніе обоимъ этимъ словъ вмѣстѣ къ слову αὐτός и къ анафорѣ.*

3) Если ὁ, ἡ, τό дѣйствительно ἀναφορικόν, то зачѣмъ Аполлоній не причислялъ его тоже къ категоріи антонимій и какого мѣрила онъ держался при выдѣленіи перваго изъ послѣдней? На второй вопросъ Аполлоній отвѣчаетъ самъ: вотъ слова, которыя онъ постоянно повторяетъ: ἀνωνομία ἀντ' ὀνόματος, ἄρθρον μετ' ὀνόματος παραλαμβάνεται (смотри напр. περὶ συντ. 16. 27, 96. 28, 107. 15); но такой отвѣтъ Аполлонія не уничтожаетъ, а усиливаетъ наше недоумѣніе: ибо съ одной стороны мы видимъ, что слово ὁ, ἡ, τό употребляется, какъ впрочемъ и самъ Аполлоній замѣтилъ, *вмѣсто имени существительнаго* (ἀντ' ὀνόματος)¹⁹⁾, съ другой же стороны чистая *анафорическая антонимія*, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, должна быть непремѣнно употреблена *въ соединеніи съ существительнымъ* (μετ' ὀνόματος; послѣднее

¹⁹⁾ Περὶ συνт. 186. 22 Аполлоній приводитъ четыре примѣра изъ Гомера въ родѣ столь часто повторяющагося выраженія τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη, о которыхъ онъ на этомъ мѣстѣ говоритъ, что въ нихъ ὁ употреблено вмѣсто αὐτός, что оно только по внѣшнему виду (τῆ φωνῇ) ἄρθρον, а по значенію (τῆ δὲ ἐξ αὐτοῦ μεταλήφει) антонимія, а на стр. 136. 14 того же сочиненія мы читаемъ: τὰ ἄρθρα εἰς σύνταξιν ἀνωνομίας παραλαμβάνεται.

видно изъ примѣровъ, помѣщенныхъ нами на стр. 5) и очень часто можетъ быть замѣнена въ этихъ случаяхъ словомъ ὁ ἢ τό. Для объясненія перваго явленія древнiе грамматикн приводятъ намъ только примѣры изъ Гомера; но его нельзя отрицать и въ болѣе позднихъ памятникахъ: умалчивая о другихъ примѣрахъ, относящихся сюда, указать на которые я нахожу болѣе удобнымъ ниже, я приведу здѣсь одно только ὁ δὲ, встречающееся въ примѣрахъ въ родѣ Апаб. 1. 6. 8: Ἦγὰρ ἀνάγκη, ἔφη ὁ Ὀρόντας· ἐκ τούτου πάλιν ἠρώτησεν ὁ Κύρος· ἔτι οὖν ἂν γένοιτο τῷ ἐμῷ ἀδελφῷ πολέμιος, ἐμοὶ δὲ φίλος καὶ πιστός; ὁ δὲ ἀπεκρίνατο, ὅτι οὐδ' αἰ γένοίμην, ὦ Κύρε, σοὶ γ' ἂν ποτε ἔτι δόξαιμι. Въ томъ, что слова οὗτος и ἐκεῖνος, какъ ἀναφορικά, чередуются съ словами ὁ, ἢ τό, имѣя съ ними одинаковое значенiе, мы можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ мѣстъ:

1., Геродотъ VII. 12 передаетъ читателю сонъ, который видѣлъ Ксерксъ передъ тѣмъ, какъ собирался въ походъ на Европу, и кончаетъ рассказъ такъ: τὸν μὲν ταῦτα εἶπαντα ἔδοξε ὁ Σέρξης ἀποπτάσθαι· ἡμέρης δὲ ἐπιλαμψάσης ὀνειρού μὲν τούτου (въ аттическомъ языкѣ поставимъ τοῦ ὀνειρού τούτου) λόγον οὐδένα ἐποιέετο... νοκτὸς δὲ γενομένης αὐτὸς τώτο ὄνειρον ἔλεγε τῷ Σέρξῃ κατοπνωμένῳ (слѣдуетъ рѣчь мужа, приснивагося Ксерксу). Σέρξης μὲν περιδεῆς γεόμενος τῇ ὀψι ἀνά τε ἔδραμε.

2., Геродотъ VII. 198; ἦμε εἰς τὴν Μηλίδα παρὰ κόλπον θαλάσσης, ἐν τῷ ἄμπωτίς τε καὶ ῥηχίῃ ἀνά πᾶσαν ἡμέρην γίνεται· περὶ δὲ τὸν κόλπον τοῦτόν ἐστι χῶρος πεδινός, τῇ μὲν εὐρύς, τῇ δὲ καὶ κάρτα στείνος, περὶ δὲ τὸνχῶρον οὖρα ὑψηλὰ καὶ ἄβατα.

Изъ всего того, что мы сказали объ отношенiи слова ὁ къ словамъ, подведеннымъ Аполлошемъ подъ антонимiю, явствуетъ, что Аполлонiево *основанiе группировки* всѣхъ этихъ словъ противорѣчитъ самой *группировкѣ*. Такое основанiе должно бы привести Аполлонiа скорѣе къ тому, чтобы слова ἐγώ, σύ, οὗ, οἱ, ἐ (μὲν) поставить въ одну группу и прибавить къ нимъ, пожалуй, αὐτός, если онъ уже такъ придерживается взгляда, что αὐτός есть ἀναφορικόν 3-го грамматическаго лица (срав. 9 выноску), а другую группу составляли бы слова οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε и ὁ. Надобно полагать, что если Аполлонiй такъ не дѣлаетъ, то этому причиною былъ авторитетъ того ученаго, который, какъ мы уже прежде говорили (смотри 15 выноску), выдѣлилъ слово ὁ, ἢ, τό по внѣшнимъ только признакамъ его появленiя, имѣя въ виду, вѣроятно, преимущественно то употребленiе этого слова, которое приобрѣло широкiй просторъ особенно въ аттической прозѣ и въ которомъ трудно было отыскать какую нибудь сторону, связывающую его, хотя бы даже съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, не говоря уже о другихъ словахъ, заключающихся у Аполлонiа въ категорiи антонимiи. Въ самомъ дѣлѣ, употребленiе слова ὁ дошло въ аттической прозѣ до такихъ тонкостей, которыя легко было чувствовать, но трудно было объяснить на

основаніи анафоры. Намъ не удивляетъ, что, при недостаточномъ умѣнн на психологической почвѣ разбирать синтаксическія явленія, у самихъ грековъ существовалъ такой взглядъ на слово *ὁ*, *ἡ*, *τό*, будто оно ставится только для различія родовъ и чиселъ именъ существительныхъ²⁰). Затрудненіе объяснить всѣ случаи употребленія слова *ὁ* на основаніи анафоры чувствуется и новыми грамматиками и довело Бюнера даже до такой... фразы: «Древніе грамматикки находятъ всю суть значенія слова *ὁ* въ *ἀναφορά*, *ἀναπόλησις* *προεγνωσμένου καὶ ἀπόντος προσώπου*. Конечно, членъ употребляется очень часто для обозначенія указанія на извѣстное, уже упомянутое, но тогда членъ является не настоящимъ, чистымъ, а болѣе въ своемъ первоначальномъ *демонстративномъ* (*sic*) значеніи²¹). Намъ придется *опредѣлить по возможности всѣ значенія слова *ὁ* и попытаться найти отношеніе этихъ значеній къ анафорѣ*.

4) Остается указать еще на одно противорѣчіе въ Аполлоніевой теоріи. Намъ кажется страннымъ, почему у Аполлонія слово *ὅς* поставлено въ одной группѣ съ словомъ *ὁ*: мы видимъ прежде всего, что если Аполлоній при пониманіи *ἄρθρον* какъ *παράλαμβανόμενον μετ' ὀνόματος*, а не *ἀντ' ὀνόματος*, встрѣчалъ противорѣчіе *въ некоторыхъ* случаяхъ, то въ словѣ *ὅς* онъ не найдетъ поддержки для своего опредѣленія уже *ни въ одномъ* примѣрѣ. Аполлоній (*περὶ συντ.* 87. 3) сопоставляетъ фразу *παρεγένετο γραμματικός, ὅς διελέξατο* съ фразою *ὁ γραμματικός παρεγένετο καὶ οὗτος διελέξατο* и называетъ эти фразы *ἰσοδυναμοῦσαι συντάξεις* (имѣющія одинаковую силу значенія). Въ этихъ двухъ фразахъ *ὅς* поставлено Аполлоніемъ наравнѣ съ цѣлымъ оборотомъ, состоящимъ изъ антониміи и союза. Это уравненіе даетъ Аполлонію поводъ къ принятію слова *ὅς* не за антонимію, а за *ἄρθρον*; онъ указываетъ при этомъ на то, что если бы союзъ въ оборотѣ *καὶ οὗτος* былъ уничтоженъ, то вся фраза не имѣла бы никакого смысла (*εἴ τις ὑφέλοι σύνδεσμον, ἀσύνετα τὰ τοῦ λόγου γίνεται. — περὶ συντ.* 87. 25), другими словами, что *ὅς* нельзя сопоставлять съ *οὗτος*, если послѣднее

²⁰) Такое опредѣленіе синтаксическаго значенія слова *ὁ* передаетъ намъ Діогенъ Лаерт. VII. 1. (по изд. Кобета стр. 172) и приписываетъ его, — несправедливо, какъ Шемавъ полагаетъ (смотри: Шемавъ, *Animadv. ad vet. gr. doc. art.* стр. 15), — столбамъ времени Хризиппа. *Ἄρθρον, читаемъ на указанномъ нами мѣстѣ Діогена, *ἐστὶ στοιχείον λόγου πτωτικόν, διόριζον τὰ γένη τῶν ὀνομάτων καὶ τοὺς ἀριθμούς, οἷον ὁ ἡ τό οἱ αἱ τα*. При этомъ опредѣленіи нѣтъ и не могло быть, конечно, и помину о словахъ *ὅς* *ἢ* *δ*, которыя у Аполлонія соединены съ *ὁ* *ἡ* *τό* въ одну часть рѣчи.

²¹) Смотри *Ausf. Gramm.* стр. 512. Die alten Grammatiker, говорится тамъ, *setzen das ganze Wesen des Artikels in die ἀναφορά ἀναπόλησις, προεγνωσμένου καὶ ἀπόντος προσώπου*. Allerdings wird der Artikel unendlich oft gebraucht, um eine Hinweisung an Bekanntes schon Erwähntes zu bezeichnen, allein alsdann tritt der Artikel nicht als reiner Artikel auf, sondern mehr in seiner ursprünglichen demonstrativen Bedeutung.

поставлено безъ союза, и что, слѣдовательно (такое долженъ Аполлоній вывести изъ этого заключеніе), ὅς нельзя принимать за ту же часть рѣчи, за которую принимается οὗτος. Мы видимъ, какую слабую Аполлоній имѣетъ опору для разбираемаго нами сго ученія: то, что мы только что сообщили, даетъ ему меньше права назвать ὅς—ἄρθρον, чѣмъ антонимію; согласно же своему взгляду на дѣло сообщенному нами въ выносѣ 18-й, Аполлоній долженъ былъ бы положительно принять слово ὅς за антонимію, а не за ἄρθρον, если бы обратилъ вниманіе на множество гомерическихъ примѣровъ, въ которыхъ *антонимическимъ же* (ἀντωνυμική σύνταξις) а не *арерическимъ* «синтаксисомъ» слова ὅ замѣняется слово ὅς и на оборотъ. Приводить примѣры мы не считаемъ здѣсь нужнымъ, потому что это явленіе слишкомъ извѣстное.—Для насъ, конечно, вопросъ, принадлежитъ ли ὅς къ антониміи, или къ ἄρθρον, не имѣетъ пока смысла. На сколько выяснилось уже значеніе слова ὅ, мы не находимъ необходимымъ считать даже это послѣднее за особую часть рѣчи, а въ какихъ отношеніяхъ слово ὅς находится къ слову ὅ, на это отвѣтить еще не можемъ; это будетъ предметомъ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій и составитъ четвертую и послѣднюю нашу задачу.

Наша задача опредѣлена. Матеріаломъ, надъ которымъ мы будемъ производить наши наблюденія для рѣшенія нашихъ четырехъ вопросовъ, мы избрали Гомера, такъ какъ въ немъ: во первыхъ употребленіе словъ οὗ и ὅς разнообразнѣе, чѣмъ въ болѣе позднихъ памятникахъ, во вторыхъ, относительно словъ αὐτός и μίς, болѣе поздніе памятники во всякомъ случаѣ не даютъ новаго матеріала въ сравненіи съ Гомеромъ, а въ третьихъ наконецъ, относительно ὅ, ἦ и τό, если даже à priori принять, что оно въ аттическомъ языкѣ развилось дальше, чѣмъ было развито въ Гомерѣ, все же *основаніе* для его синазіологическаго разбора получается болѣе прочное у Гомера и отношеніе его къ остальнымъ ἀναφορικά отыскать легче у него же, чѣмъ въ какомъ нибудь памятникѣ аттической прозы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О СЛОВѢ АΥΤΟΣ

съ прибавленіемъ о значеніи словъ οὐ, οἶ, εἰ и μίν, и о симвазіологическомъ отношеніи послѣднихъ словъ другъ къ другу и къ слову αὐτός.

* * *

Представитель и, можно сказать, создатель ученія, котораго придерживаются до сихъ поръ по отношенію къ разнымъ оттѣнкамъ значенія слова αὐτός, есть Готфридъ Германъ. Этотъ ученый, рассмотрѣвъ контексты всевозможныхъ конкретныхъ случаевъ употребленія слова αὐτός, приходитъ относительно значенія его къ слѣдующимъ заключеніямъ (смотри его изданіе Вигера сочиненія de præcipiis Græcæ dictionis idiotismis стр. 733): Αὐτός, ipse, говоритъ Германъ, sic dicitur, ut quis distinguatur ab eo, quod ipse non est, ut anima a corpore (для примѣра приводится здѣсь Германомъ Одисс. 11. 602:

Τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα βίην Ἑρακλῆϊην,
εἶδωλον· αὐτός δὲ μετ' ἀθανάτοισι θεοῖσιν
τέρπεται...),

vel corpus ab anima

(Ил. 1. 4. Πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν
ἠρώων, αὐτοὺς δὲ ἐλώρια τεῦχε κύνεσσιν),

vel homo a rebus, quas ipse habet.]

(Од. 19. 32. ὃς μὲν ἀπηγῆς αὐτὸς ἔη καὶ ἀπηγέα εἶδῃ,
τῷ δὲ καταρῶνται πάντες βροτοὶ ἄλλγε' ὀπίσσω
ζωῶ, ἀτὰρ τεθνεῶτί γ' ἐφαψίωνται ἅπαντες·

ὅς δ' ἄν ἀμόμων αὐτός ἔη καὶ ἀμόμονα εἰδῆ,
τοῦ μὲν τε κλέος εὐρὸν διὰ ξεῖνοι φορέουσιν
πάντας ἐπ' ἀνθρώπους, πολλοὶ τέ μιν ἐσθλὸν ἔειπον),

vel a sociis et sodalibus suis

(Ил. 8. 4. Ζεὺς δὲ θεῶν ἀγορῆν ποιήσατο τερπικέραunos
ἀκροτάτῃ κορυφῇ πολυδειράδος Οὐλύμποιο.
αὐτὸς δὲ σφ' ἀγόρευε, θεοὶ δ' ὑπὸ πάντες ἄκουον.

Ил. 19. 302. Ὡς ἔφατο κλαίουσα, ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες
Πάτροκλον πρόφασιν, σφῶν δ' αὐτῶν κήδε' ἐκάστη),

vel aliquid a rebus, quæ circa sunt

(Οδ. 3. 171. ἦ καθόπερθε Χίοιο νεοίμεθα παιπαλοέσσης,
νήσου ἐπι Ψορίας, αὐτὴν ἐπ' ἀριστέρ' ἔχοντες),

vel totum a partibus

(Ил. 7. 474. ἐνθεν ἄρ' οἰνίζοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί,
ἄλλοι μὲν χαλκῷ, ἄλλοι δ' αἶθωνι σιδήρῳ,
ἄλλοι δὲ ῥινοῖς, ἄλλοι δ' αὐτῆσι βόεσσιν,
ἄλλοι δ' ἀνδραπόδεσσι· τίθεντο δὲ δαῖτα θάλειαν),

vel aliquis a semet ipso, ita ut ipse sine alius rei adjumento quid facere dicatur

(Ил. 8. 75. ἐν δ' ἐτίθει δύο κῆρε τανηλεγέος θανάτοιο,
Τρώων θ' ἵπποδάμων καὶ Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων,
ἔλκε δὲ μέσσα λαβῶν, ῥέπε δ' αἴσιμον ἦμαρ Ἀχαιῶν.
αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες ἐπὶ χθονὶ ποουλοβοτειρῆ
ἐξέσθην, Τρώων δὲ πρὸς οὐρανὸν εὐρὸν ἄερθεν,
αὐτὸς δ' ἐξ Ἴδης μεγάλ' ἔκτυπε, δαιόμενον δὲ
ἦχε σέλας μετὰ λαὸν Ἀχαιῶν·

Ил. 17. 48. ὁ δὲ δεύτερος ᾤρνυτο χαλκῷ
Ἀτρείδης Μενέλαος, ἐπευξάμενος Διὶ πατρι·
ἄψ δ' ἀναχαζόμενοι κατὰ στομάχοιο θέμεθλα
νόξ', ἐπὶ δ' αὐτὸς ἔρρισε, βαρεῖν χειρὶ πιθήσας).

Бъ послѣдному пункту приведеннаго нами правила Германъ еще до-
бавляетъ: «quo in genere quædam paullo obscuriores distinctiones sunt» и при-
водитъ при этихъ словахъ слѣдующія два мѣста изъ Гомера:

Οδ. 6. 328. Ὡς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλωε Παλλὰς Ἀθήνη·
αὐτῇ δ' οὐπω φαίνεται' ἐναντίη· αἶδετο γάρ ῥα
πατροκασίγητον·

Ил. 9. 449 ὅς μοι παλλακίδος περιχώσατο καλλικήμεοιο,
τὴν αὐτὸς φιλέεσκεν...

Кромѣ этихъ указаній мы встрѣчаемъ у Германа въ упомянутой книгѣ еще много другихъ, которыя, однако, мы здѣсь не будемъ сообщать, потому что сами намѣрены разбирать ихъ въ другомъ отдѣлѣ нашего сочиненія, а пока будемъ имѣть дѣло съ одинадцатью вышеупомянутыми ссылками.

I 1.

Первыя двѣ изъ Германовыхъ цитатъ припоминаютъ намъ многочисленную группу гомерическихъ мѣстъ, вмѣщающихъ въ себѣ слово αὐτός, въ которыхъ—не столько *distinguitur aliquis ab eo, quod ipse non est*, какъ говорить Германъ, а скорѣе—*известный предметъ выставляется отличающимся отъ предметовъ, представляющихся намъ принадлежащими ему, какъ главному*. Судя по заглавіямъ, которыя Германъ надписываетъ надъ каждою изъ одинадцати цитатъ, къ нашему правилу слѣдовало бы отнести всѣ первые семь примѣровъ; но, вчитываясь въ самые примѣры, мы находимся въ большомъ затрудненіи не только отнести ихъ къ нашему правилу, но вообще подвергнуть ихъ какой нибудь абстракціи, на столько опредѣлительной, чтобы она могла сдѣлаться факторомъ, пригоднымъ для отысканія одного общаго результата о значеніи слова αὐτός. Что касается перваго, т. е. отношенія этихъ ссылокъ къ нашему правилу, то примѣръ Ил. 19. 302, не говоря уже о другихъ, менѣе удаляющихся отъ центра, назначеннаго этимъ правиломъ, едва ли и имѣетъ хоть какое нибудь отношеніе къ этому центру. Наше правило есть абстракція изъ примѣровъ въ родѣ слѣдующихъ:

Од. 1. 251. τοὶ δὲ φθινόθουσιν ἔδοντες
οἶκον ἐμόν· τάχα δὴ με διαρραίσουσι καὶ αὐτόν.

Од. 1. 39. Αἴγισθος
γῆμ' ἄλοχον μνηστήν ('Αγαμέμνωνος), τὸν δ' ἔκτανε νοστήσαντα,
εἰδὼς αἰπὺν ὄλεθρον· ἐπεὶ πρό οἱ εἶπομεν ἡμεῖς,
'Ερμείαν πέμψαντες, εὐσχοπὸν Ἄργειφόντην,
μητ' αὐτὸν κτείνειν μήτε μνάσθαι ἄκοιτιν·

Ил. 8. 403. γυῖσῶ μὲν σφωῖν ὕφ' ἄρμασιν ὠκέας ἵππους,
αὐτὰς δ' ἐκ δίφρου βαλέω κατὰ θ' ἄρματα ἄξω·

Ил. 2. 263. εἰ μὴ ἐγὼ σε λαβὼν ἀπὸ μὲν φίλα εἶματα δύσω,
χλαῖνάν τ' ἠδὲ χιτῶνα, τὰ τ' αἰδῶ ἀμφικαλύπτει,
αὐτὸν δὲ κλαίοντα θοὰς ἐπὶ νῆας ἀφήσω
πεπληγῶς ἀγορῆθεν ἀεικέσοι πληγῆσιν.

- Οδ. 10. 339. ἤ μοι σῶς μὲν ἔθηκας ἐνὶ μεγάροισιν ἐταίρους,
αὐτὸν δ' ἐνθάδ' ἔχουσα δολοφρονέουσα κελεύεις
εἰς θάλαμόν τ' ἰέναι καὶ σῆς ἐπιβήσθηναι εὐνῆς.
- Οδ. 9. 406. ἤ μὴ τίς σευ μῆλα βροτῶν ἀέκοντος ἐλαύνει;
ἤ μὴ τις σ' αὐτὸν κτείνῃ δόλοφ ἠὲ βίηφι;
- Οδ. 9. 40. Ἴλιόθεν με φέρων ἄνεμος Κικόνεσσι πέλασσεν,
Ἴσμάρφ' ἐνθά δ' ἐγὼ πόλιν ἔπραθον, ὤλεσα δ' αὐτούς·
ἐκ πόλιος δ' ἀλόχους καὶ κτήματα πολλὰ λαβόντες
δασσάμεθ', ὡς μὴ τίς μοι ἀτεμβόμενος κίοι ἴσῃς.
- Ил. 1. 112. τοῦδ' ἔνεκά σφιν ἐκηβόλος ἄλγεα τεύχει,
οὐνεκ' ἐγὼ κούρης Χρυσηΐδος ἀγλά' ἄποινα
οὐκ ἔθειλον δεξασθαι, ἐπεὶ πολὺ βούλομαι αὐτῆν
οἴκοι ἔχειν.
- Ил. 11. 668. ἤ μένει οἰσόκε δὴ νῆες θοαὶ ἄγχι θαλάσσης,
Ἀργείων ἀέκητι, πυρὸς δηΐοιο θέρωνται,
αὐτοὶ τε κτεινόμεθ' ἐπισχερώ;
- Ил. 4. 237. ἀλλ' οἴπερ πρότεροι ὑπὲρ ὄρκια δηλήσαντο,
τῶν ἦτοι αὐτῶν τέρενα χροῖα γῦπες ἔδοται,
ἡμεῖς αὖτ' ἀλόχους τς φίλας καὶ νήπια τέκνα
ἄξομεν ἐν νῆεσσι, ἐπὴν πτολίεθρον ἔλωμεν.

Особенный разрядъ составляютъ здѣсь тѣ примѣры, въ которыхъ и слово, обозначающее владѣльца, и то, которымъ обозначается предметъ, принадлежащій владѣльцу, поставлены въ одномъ и томъ же предложениі одинаковыми частями его и составляютъ такимъ образомъ предложение слитное. Такие примѣры встрѣчаются:

- Οδ. 7. 70. ὦς κείνη (Ἀρήτη) περὶ κῆρι τετιμήται τε καὶ ἔστιν
ἔχ τς φίλων παίδων ἔχ τ' αὐτοῦ Ἀλκινόοιο
καὶ λαῶν.
- Ил. 11. 708. οἱ δὲ τρίτῃ ἡματι πάντες
ἦλθον ὁμῶς αὐτοὶ τε πολεῖς καὶ μώνυχες ἵπποι,
πανσυδίη.
- Οδ. 19. 121. μὴ τίς μοι δμῶν (τῶν σῶν) νεμεσῆσεται, ἠὲ σύγ' αὐτή...
- Ил. 5. 450. ἤ τοι τὸν Δητῶ τε καὶ Ἄρτεμις ἰοχέαιρα
ἐν μεγάλῃ ἀδύτῃ ἀκέοντό τε κύδαινόν τε.
αὐτὰρ ὁ εἶδωλον τεῦξ' ἀργυρότοξος Ἀπόλλων
αὐτῷ τ' Αἰνείῃ ἴκελον καὶ τεύχεσι τοῖον...

Од. 9. 420. αὐτὰρ ἐγὼ βούλευον, ὅπως ὄχ' ἀριστα γένοιτο,
εἴ τιν' ἐταίροισιν θανάτου λύσιν ἦδ' ἐμοὶ αὐτῷ
εὐροίμην.

Присматриваясь къ объѣмъ этимъ группамъ примѣровъ, мы должны сказать слѣдующее:

1. Изъ примѣра Ил. 4. 237 было нами уже на страницѣ 14 заключено, что αὐτός не можетъ быть въ немъ, а слѣдовательно, можно добавить, и въ другихъ примѣрахъ, составляющихъ съ нимъ одинъ разрядъ, анафорическимъ. Но и за δεητικόν и за примаго личного показателя это αὐτός ни въ какомъ случаѣ принимать нельзя: первое невозможно, потому что въ большинствѣ примѣровъ предметъ, къ которому αὐτός отнесено, есть *удаленный* по отношенію къ говорящему, а второе, потому что одно и тоже αὐτός употреблено здѣсь при *всѣхъ лицахъ*, въ то время какъ личные показатели должны представить для *каждаго лица особое слово*.

2. Сопоставляя примѣры: Од. 1. 251 съ Од. 10. 339, Од. 9. 406 съ Ил. 2. 64, Ил. 5. 450 съ Ил. 1. 112, мы замѣчаемъ, что слово, непосредственно обозначающее тотъ предметъ, который авторъ представляетъ слушателю при помощи слова αὐτός, можетъ быть пропущено и слово αὐτός совершенно будетъ достаточно для выраженія того, что выражено было въ одномъ случаѣ черезъ ἐμ' αὐτόν, въ другомъ черезъ σ' αὐτόν, а въ третьемъ черезъ αὐτοῦ Ἀλκινόοιο.

До такой самостоятельности, какая выражается въ простомъ словѣ αὐτόν въ сравненіи съ замѣняющимъ его оборотомъ напр. ἐμ' αὐτόν, слово αὐτός могло дойти, конечно, только тогда, когда самъ предметъ, къ которому αὐτός относится, достаточно опредѣленъ контекстомъ, такъ что при произношеніи слова αὐτός можно было его угадать; но этого не достаточно: и въ самомъ αὐτός должно отыскать условія для такой самоопредѣленности его значенія; послѣднее слово, не будучи ни ἀναφορικόν, ни δεητικόν, ни πρῶτότοπον (личный показатель), ни, конечно, ὀνομαστικόν (поименовательное слово), должно непременно въ контекстѣ отображаться своимъ значеніемъ въ какомъ нибудь понятіи, находящемся къ нему въ отношеніи логической противоположности.—Что αὐτός не имѣло бы дѣйствительно никакого смысла, если бы рядомъ съ нимъ не были выставлены слова, обозначающія принадлежность предметовъ, къ названіямъ которыхъ приставлено слово αὐτός, это замѣчается прежде всего въ приведенныхъ нами примѣрахъ слитныхъ предложений: въ примѣрѣ Ил. 11. 708 появилось αὐτός только въ тотъ моментъ, когда авторъ началъ думать о словѣ ἵπποι,—въ примѣрѣ Од. 7. 70 αὐτοῦ при словѣ Ἀλκινόοιο было бы не возможно, еслибы не было тамъ словъ φίλων παιδῶν,—въ Ил. 5. 450 оборотъ αὐτῷ Αἰνεΐα не состоится безъ

слова *τεῦχεσσι*, и такъ и во всѣхъ прочихъ примѣрахъ.—Мы можемъ опредѣлить смыслъ словъ напр. Ἐταῖρος καὶ αὐτός, не нища къ нимъ *никакою даленнѣею контекста*; опредѣляемъ мы его слѣдующими словами: друзья чьи нибудь и самъ тотъ, которому вышеозначенныя лица суть друзьями. Слово *ἑταῖρος* выражаетъ собою относительное понятіе: я не могу называть себя другомъ, если не имѣю при этомъ въ виду лица, которому я другъ; съ другой же стороны въ примѣрѣ *я другъ твоею брата* слово *братъ* выражаетъ по отношенію къ слову *другъ* понятіе абсолютное: оно представляется намъ центромъ своего относительнаго понятія *другъ*. Послѣ всего вышеизложеннаго мы можемъ сказать, что слово *αὐτός*, въ данныхъ случаяхъ, представляетъ слушателю извѣстный предметъ центромъ другихъ предметовъ; оно не ставится, пока первый предметъ не представляется намъ окруженнымъ послѣдними. Изъ Германовыхъ одиннадцати ссылокъ принадлежать сюда: Од. 11. 602, Ил. 1. 4, Од. 19. 326, Ил. 7. 474. Сюда же можно отнести выраженія, употребляемыя древними логиками, какъ-то: *αὐτὸ τὸ καλόν*. Выраженіе это можно бы перевести словами: *понятіе прекраснаго*; *αὐτός* здѣсь употреблено потому, что *понятіе* или, по выраженію древнихъ, *идея* τὸ καλὸν представляется уму составителя такого выраженія окруженною *предметами*, называемыми *καλοῖς*; послѣдніе, какъ не принадлежащіе къ дѣлу, говорящій хочетъ, употребляя такое выраженіе, *исключить* изъ матеріала своего сужденія. Мы назовемъ такое *αὐτός*—*αὐτός distinctionis*.

1 2.

Перейдемъ къ Германовой ссылкѣ Ил. 8. 75. Это мѣсто можно понимать двоякимъ образомъ: или слова *αὐτός δ' ἐξ Ἴδης μεγάλη ἔκτοπτε* составляютъ противоположность къ словамъ *αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες* (на вѣсахъ Зевеса) *ἐπὶ κορυφοτείρῃ χθονὶ ἐξέσθην*, *Τρώων δὲ πρὸς οὐρανὸν εὐρὸν ἄρδεν*, а въ такомъ случаѣ и этотъ примѣръ принадлежитъ къ вышеприведенной группѣ примѣровъ, или же они составляютъ противоположность къ словамъ *ἔλκε δὲ μέσσα λαβῶν*, а въ такомъ случаѣ данный примѣръ совершенно одинаковъ съ другою Германовою ссылкою Ил. 17. 48, и мы находимъ обоимъ этимъ примѣрамъ аналогію въ совершенно другихъ мѣстахъ, чѣмъ были объясняемы выше. Послѣднее пониманіе нашего примѣра возможно только тогда, если мы считаемъ слова *αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες*.... *ἄρδεν* парентетически; онъ напоминаетъ намъ при такомъ его пониманіи тѣ мѣста изъ Гомера, въ которыхъ сопоставляются два предложенія съ одинаковымъ всегда подлежащимъ, при чемъ въ одномъ изъ этихъ предложеній подлежащее относитъ свое дѣйствіе къ какому нибудь *онъ нею находящемуся* предмету, въ другомъ же предложеніи *это же* подлежащее относитъ свое дѣйствіе къ *самому себѣ*,—другими словами: въ первомъ предложеніи находится *переходной* *маюль* (въ болѣе

широкомъ смыслѣ этого слова), а во второмъ при томъ же подлежащемъ глаголь *непереходной*. Сравни слѣдующія мѣста:

Од. 15. 219. Ἐγκοσμίτε τὰ τέχνη, ἑταῖροι, νηὶ μελαίνῃ,
αὐτοὶ τ' ἀμβραίνωμεν, ἵνα κρήσσωμεν ὁδοῖο.

Ил. 3. 113. καὶ ῥ' ἵππους μὲν ἔροξαν ἐπὶ στίχας, ἐκ δ' ἔβαν αὐτοί.

Ил. 11. 296. ὡς ἐπ' Ἀχαιοῖσιν σεῦε Τρῶας μεγαθύμους
Ἐκτωρ Πριαμίδης, βροτολοιγῷ ἴσος Ἄρηϊ,
αὐτὸς δ' ἐν πρώτοισι μέγα φρονέων ἐβαβήκει...

Ил. 6. 260. ἀλλὰ μὲν', ὄφρα κέ τοι μελιτῆδες οἶνον ἐνείκω,
ὡς σπείσης Διὶ καὶ πατρὶ καὶ ἄλλοις ἀθανάτοισιν
πρῶτον, ἔπειτα δέ κ' αὐτὸς ὀνήσσει, αἱ κε πύρραθα.

Особенный разрядъ могутъ составлять здѣсь тѣ мѣста, въ которыхъ *непереходной* и *переходной* глаголь относятся къ одному и тому же дѣйствию. Сравни напр.

Од. 23. 68. ὤλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιῖδος, ὤλετο δ' αὐτός.

Ил. 2. 191. ἀλλ' αὐτὸς τε κάθησο καὶ ἄλλους ἴδρος λαούς.

Од. 4. 453. ἐν δ' ἡμέας πρώτους λέγε κήτεσιν, οὐδέ τι θυμῷ
ὠϊσθη δόλον εἶναι· ἔπειτα δὲ λέκτο καὶ αὐτός.

Ил. 5. 822. τοῦνεκα νῦν αὐτὸς τ' ἀναχάζομαι ἠδὲ καὶ ἄλλους
Ἀργείους ἐκέλευσα ἀλήμεναι ἐνθάδε πάντας·...

Од. 23. 307. αὐτὰρ ὁ διογενῆς Ὀδυσσεύς, ὅσα τ' αὐτὸς οἴζυσα ἐμόγησεν...
πάντ' ἔλεγ'...

Схема приведенныхъ нами въ этомъ отдѣлѣ группъ примѣровъ должна выразить собою грамматическое отношеніе, замѣчаемое между двумя сказуемыми вѣстѣ съ ихъ грамматическими распространеніями, составляющими въ этихъ примѣрахъ необходимое условіе для появленія слова *αὐτός*. Схема эта можетъ быть изображена формулою: $Ab: Aav^{22)}$. Ей соотвѣтствуетъ въ другихъ примѣрахъ схема, находящая себѣ соотвѣтствіе въ формулѣ $Bar: Aav$; послѣдняя одинаково съ первою вызываетъ постановку слова *αὐτός*. Для того, чтобы намъ можно было возвести къ одному общему правилу обѣ

²²⁾ Большія латинскія буквы обозначаютъ подлежащія двухъ предложеній, греческія буквы сказуемыхъ, а малыя латинскія буквы обозначаютъ дополненія. Однозвучныя буквы (A и a) имѣютъ въ этой формулѣ указать на то, что грамматическую часть предложенія, обозначенную этими буквами, составляетъ одно и тоже лице, одинъ и тотъ же предметъ. Конечно, дополненіе a въ нашихъ примѣрахъ не выражено особеннымъ словомъ, а заключается уже въ *непереходномъ* глаголѣ.

эти схемы, мы должны прежде всего устранить нѣкоторыя терминологическія затрудненія. Въ виду этого мы укажемъ прежде всего вотъ на что: осуществленіе на предметахъ понятія, выраженнаго въ сказуемомъ, можетъ показаться въ однихъ случаяхъ активнымъ, (напр. ὁ ἀνὴρ γέγραφε), въ другихъ же случаяхъ пассивнымъ (предметъ, на которомъ сказуемое осуществляется пассивно, можетъ быть поставленъ грамматически или подлежащимъ:—τοῦτο ὑπὸ τοῦ ἀνδρὸς γεγραμμένον ἐστίν, или дополненіемъ извѣстнаго глагола:—ὁ ἀνὴρ γέγραφε τὸ ὑτο), и мы будемъ выражаться такъ; сказуемое опредѣляется на такомъ-то предметѣ *активно*, а на такомъ-то *пассивно* или: такой то предметъ есть *активный* опредѣлитель сказуемаго, а такой-то *пассивный*. Конечно, слова *активный* и *пассивный* выражаютъ понятія относительныя и найдутся примѣры, въ которыхъ мы, не имѣя возможности противопоставить какому нибудь опредѣлителю сказуемаго другого опредѣлителя, который вызывалъ бы насъ на отыскиваніе такого соотношенія, будемъ говорить объ *опредѣлителяхъ сказуемаго вообще* (τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν). Въ примѣрахъ, соответствующихъ нашимъ двумъ схемамъ Абγ: Аав и Ваγ: 'Аав замѣчается, что въ одной половинѣ этихъ схемъ сказуемое находитъ себѣ въ такомъ же смыслѣ полное опредѣленіе на *одномъ* предметѣ, въ какомъ другое сказуемое нужно было опредѣлить на *двухъ* предметахъ, и мы можемъ эти разныя системы опредѣленія двухъ сказуемыхъ по взаимному ихъ отношенію назвать одну *концентрическою* а другую *эксцентрическою*. —

Такимъ образомъ правило по вопросу объ употребленіи слова αὐτός, которымъ мы намѣрены обобщить объ схемы, приметъ слѣдующій видъ: Сопоставленіе эксцентрическаго и концентрическаго опредѣленій двухъ сказуемыхъ, вызванное тѣмъ, что одинъ и тотъ же предметъ, который былъ въ сказуемомъ, опредѣленномъ эксцентрически, однимъ изъ частныхъ его опредѣлителей (активнымъ или пассивнымъ), является концентрическимъ опредѣлителемъ другого сказуемаго, привлекаетъ постановку слова αὐτός къ этому предмету тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ сказуемое *концентрически*. Для разьясненія схемы Ваγ: Аав мы здѣсь поставимъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 6. 363. ἀλλὰ σὺ' ὄρωθι τοῦτον, ἐπαγέσθω δὲ καὶ αὐτός.

Ил. 5. 520. Τοὺς δ' Αἴαντε δῶα καὶ Ὀδυσσεὺς καὶ Διομήδης
ἄτρονον Δαναοὺς πολεμιζέμεν· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ
οὔτε βίας Τρώων ὑπεδείδιον οὔτε ἰωκάς.

Од. 8. 490. λίην γὰρ κατὰ κόσμον Ἀχαιῶν οἶτον ἀεΐεις,
ὄσ' ἔρξαν τ' ἔπαθόν τε καὶ ὄσ' ἐμόγησαν Ἀχαιοί,
ὥστε που ἢ αὐτὸς παρεῶν ἢ ἄλλου ἀκούσας.

Од. 23. 357. πολλὰ μὲν αὐτὸς ἐγὼ λήισσομαι, ἄλλα δ' Ἀχαιοὶ
δῶσοο', εἰσόχε πάντας ἐνιπλήσωσιν ἐπάουλος.

Какъ при дистриктивномъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, въ примѣрѣ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\ \tau\acute{o}\ \kappa\alpha\lambda\acute{o}\nu$, слово $\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ опиралось на *подразумываемую* только, а не *высказанную* противоположность, точно также и здѣсь мы можемъ сказать, что иногда замѣчается присутствіе *одной* только части вышеобозначенныхъ формулъ, а именно части $A\alpha\upsilon$, вторая же часть *предполагается представленною* въ умѣ автора и слушателя; авторъ, умалчивая объ ней, *исключаетъ* ее, какъ было нами замѣчено и въ выраженіи $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\ \tau\acute{o}\ \kappa\alpha\lambda\acute{o}\nu$, изъ матеріала своего сужденія; этимъ-то и отличается полная схема отъ половинной, что въ первой эксцентрическое опредѣленіе одного сказуемаго съ концентрическимъ другаго сказуемаго *сопоставляется по всемъ логически возможнымъ схемамъ*, во второй эксцентрическое концентрическимъ *уже всегда только исключается*. Сравни:

Од. 1. 216. οὐ γάρ πώ τις ἐόν γόνον αὐτὸς ἀνέγνω (пополни: «а другіе ему должны сказать»).

Од. 6. 218. Ἀμφίπολοι, στήθ' οὕτω ἀπόπροθεν, ὄφρ' ἐγὼ αὐτὸς
ἄλμην ᾧμοιν ἀπολούσομαι, ἀμφὶ δ' ἐλαίφ
χρῖσομαι (пополняется мысль: «Вы меня мыть не будете»).

Од. 3. 255. ἦτοι μὲν τάδε καὐτὸς οἶσαι, (говорить тебѣ не нужно)
... ὡς κεν ἐτύχθη,
εἰ ζῶν γ' Αἰγισθον ἐνὶ μεγάροισιν ἔττηεν
'Ατρείδης Τροίηθεν ἰών, ξανθὸς Μενέλαος...

Въ приведенныхъ нами трехъ примѣрахъ половинная схема взята изъ второй формулы $Var:A\alpha\upsilon$. Въ половинной схемѣ первой формулы $Ab\mu:A\alpha\upsilon$ нужно отнести напр. предложеніе $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\ \kappa\omicron\iota\omega\iota\tau\alpha\iota$, если это предложеніе пополняется фразою: $\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\omicron\iota\omega\iota\tau\upsilon\ \omicron\upsilon\chi\ \acute{\epsilon}\tilde{\nu}$, или, другими словами, если только оно исключаетъ собою эксцентрическое опредѣленіе сказуемаго, выражающееся въ оборотѣ $\acute{\epsilon}\tilde{\alpha}\nu\ \tau\iota\ \nu\acute{\alpha}\ \tau\iota\ \kappa\omicron\iota\omega\iota\tau\upsilon$. На такой примѣръ указываетъ намъ и Германъ въ своихъ одиннадцати ссылкахъ: смыслъ фразы $\tau\eta\nu\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\ \phi\iota\lambda\acute{\epsilon}\sigma\sigma\epsilon$, встречающейся въ Ил. 9. 449, излагаетъ онъ словами: *quam ipse amabat, neque ab aliis volebat amari*.

Чтобы доказывать отсутствіе анафорическаго и диктическаго значеній, а также значенія прямого личнаго показателя въ употребленномъ въ примѣрахъ этого отдѣла $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, этого отъ насъ читатель, мы надѣемся, не потребуеть. Сопоставленіе примѣровъ Од. 4. 74 и Ил. 23. 357 съ примѣрами, въ которыхъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ не имѣетъ при себѣ никакого другаго слова, обозначающаго непосредственно предметъ разговора, вызвавшій постановку въ рѣчи слова $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, заставляетъ насъ объ этомъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ повторить и второй пунктъ, сказанный на стр. 26 о дистриктивномъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Въ какомъ именно понятіи отображается слово $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, это видно изъ вышеобъясненныхъ формулъ: общій

опредѣлитель двухъ связуемыхъ противопоставляется опредѣлителю, составляющему при томъ изъ означенныхъ связуемыхъ, которое опредѣляется эксцентрически, одинъ изъ факторовъ этого эксцентрическаго опредѣленія. При дѣйствительномъ αὐτός предметъ представляется намъ центромъ, *благодаря другимъ предметамъ, окружающимъ его*, въ этихъ же примѣрахъ предметъ дѣлается центромъ, *благодаря сказуемымъ*. Въ послѣднихъ мы назовемъ αὐτός—αὐτός *reflexionis*.

Въ синтаксическомъ отношеніи концентраціи опредѣленія сказуемаго въ извѣстной намъ половинѣ разбираемыхъ нами схемъ соотвѣтствовала до сихъ поръ постановка въ этой половинѣ схемъ непереходнаго, по отношенію къ эксцентрически опредѣляемому сказуемому, глагола, такъ что концентрически опредѣлитель своего сказуемаго могъ быть, какъ мы уже намекнули на это въ выноскѣ 22-ой, синтаксически или выраженъ, или подразумѣваемъ только *одинъ разъ*. Но вмѣсто непереходнаго глагола можетъ встрѣчаться и глаголъ переходной, а въ такомъ случаѣ концентрически опредѣлитель долженъ быть уже синтаксически мыслимъ *два раза*: второй разъ онъ будетъ именно выраженъ въ одномъ изъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и выраженіе это будетъ происходить всегда при посредствѣ прямыхъ личныхъ показателей предмета, со включеніемъ въ нихъ словъ οὐ οἶξ. Αὐτός получаетъ потому возможность быть поставленнымъ и въ другомъ какомъ нибудь падежѣ кромѣ именительнаго, если именно концентрически опредѣлитель своего сказуемаго противопоставляется пассивному, а не активному опредѣлителю другаго сказуемаго. Изъ Германовыхъ ссылокъ принадлежить сюда Ил. 19. 302. Сравни еще:

Од. 2. 45. οὐτε τι δῆμιον ἄλλο πικρῶσχομαι οὐδ' ἀγορεύω,
ἀλλ' ἐμὸν αὐτοῦ χρεῖος, ὃ μοι κακὸν ἔμπροσθεν οἴκῳ,
δοιά·

Од. 1. 356. ἀλλ' εἰς οἶκον ἰοῦσα τὰ σ' αὐτῆς ἔργα κῶμιζε,
ἰστόν τ' ἠλακάτην τε...

Од. 11. 369. μῦθον δ' ὡς ὅτ' αἰοιδὸς ἐπισταμένως κατέλεξας,
πάντων τ' Ἀργείων σέο τ' αὐτοῦ κήδεα λογρὰ.

Ил. 23. 126 ... ἐνθ' ἄρ' Ἀχιλλεύς
φράσσατο Πατρόκλῳ μέγα ἦριον ἠδὲ οἱ αὐτῷ.

Читатель самъ приложитъ общую дедукцію, указанную нами выше, къ каждому изъ этихъ примѣровъ. Употребляя объ αὐτός этой главы терминъ αὐτός *reflexionis* а не употребительный терминъ *reflexivum*, мы хотимъ указать на важное обстоятельство. Reflexio выражена въ этихъ примѣрахъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была прежде выражена значеніемъ самаго глагола) мѣстоименіями ἐγώ, σέ и названнымъ грамматиками по причинѣ, о которой намъ придется

еще ниже говорить, reflexivum κατ' ἑαυτήν словомъ οὐ, а появленіе слова αὐτός есть уже *posl'edstvie* такой рефлексіи, происходящей въ опредѣленіи глагола. Для показанія, до какого разнообразія могла доходить первоначальная схема, вызывающая αὐτός reflexionis, мы приведемъ еще слѣдующіе примѣры:

Од. 8. 441 τόφρα δ' ἄρ' Ἀρήτη ξείνῃ περικαλλέα χηλὸν
ἐξέφερον θαλάμοιο, τίθει δ' ἐνὶ κάλλιμα δῶρα,
ἐσθῆτα χρυσόν τε, τὰ οἱ Φαίηκες ἔδωκαν·
ἐν δ' αὐτῇ φᾶρος θῆκεν καλὸν τε χιτῶνα...

Смыслъ послѣднихъ словъ этого мѣста несомнѣнно такой: Арета отъ Феаковъ положила ἐσθῆτα и χρυσόν, а отъ себя φᾶρος и χιτῶνα; во всякомъ случаѣ опредѣленія понятія выраженнаго въ сказуемомъ τίθει во второмъ предложеніи болѣе концентрировано на лицѣ Арета, чѣмъ въ первомъ, хотя эта конценграція не показана синтаксически ни непереходнымъ глаголомъ, ни личнымъ мѣстоименіемъ, а повела прямо, обходя оба эти средства, къ употребленію слова αὐτός.

Од. 17. 125 ὦ πόποι, ἦ μάλα δὴ κρατερὸφρονος ἀνδρὸς ἐν εὐνῇ
ἦθελον εὐνηθῆναι, ἀνάλκιδες αὐτοὶ ἐόντες.

Этотъ примѣръ можно толковать двоякимъ образомъ. Одинъ способъ пониманія его мы передадимъ фразою: не будучи въ состояніи своею собственною силою возвыситься, они стараются это сдѣлать на чужой счетъ,—а въ такомъ случаѣ мѣсто это походить на приведенное на стр. 30 мѣсто Од. 1. 216.. Второй способъ пониманія этого мѣста можно передать словами: сами они слабы, а за сильныхъ принимаются; въ послѣднемъ случаѣ авторъ хочетъ поставить на видъ своему слушателю противорѣчіе,—несовмѣстимость мыслей, выходящихъ изъ концентрическаго опредѣленія одного, и эксцентрическаго опредѣленія другаго сказуемаго.

Ил. 12. 305. ἀλλ' ὄγ' ἄρ' (λεών) ἦ ἤρπαξε μετάλμενος, ἦε καὶ αὐτὸς
ἔβλητ' ἐν πρώτοισι θεῶς ἀπὸ χειρὸς ἄκοντι·

Если бы мы въ этомъ примѣрѣ слово ἤρπαξε дополнили словами τοὺς διαχομένους, то подразумѣваніе послѣдняго слова не уничтожится и въ предложеніи αὐτὸς ἔβλητο, хотя прежній синтаксическій видъ его измѣнится (вмѣсто прежняго διαχομένους нужно поставить оборотъ ὑπὸ τῶν διαχομένων). Наша формула $Ab\mu : Aav$ непримѣнима здѣсь въ той точности, въ которой она была примѣнима въ примѣрахъ, приведенныхъ на стр. 28, но тѣмъ не менѣе эксцентрическое направленіе дѣйствія ἤρπαξε, выходящее отъ подлежащаго λεών и доходящее до дополненія τοὺς διαχομένους, и съ другой стороны *концентрически обратно*: (sic) направленіе тогоже дѣйствія во второмъ предложеніи видны изъ слѣдующаго схематическаго обобщенія этого мѣста:

то, что переносится въ одномъ случаѣ отъ льва къ другому предмету, отнесено въ другомъ случаѣ ко льву-же.

Од. 4. 748. μὴ πρὶν σοὶ ἔρεειν, πρὶν ὠδεχάτην γε γενέσθαι
ἢ σ' αὐτὴν ποθέσαι καὶ ἐφορηθέντος ἀχοῦσαι.

Во второмъ предложеніи этой цитаты говорится, что Пенелопа должна узнать о путешествіи своего сына *по своей собственной инициативѣ*, по смыслу же перваго предложенія она узнала бы о томъ же по *инициативѣ чужой*. Въ этихъ нашихъ словахъ вполнѣ возстановлена одна изъ схемъ рефлексивнаго αὐτός, именно Вар: Аав.

Упомянемъ еще въ концѣ этого отдѣла о словахъ Германа, сказанныхъ по поводу двухъ относящихся къ этому отдѣлу и приведенныхъ выше ссылокъ Ил. 8. 75 и Ил. 17. 48 (смотри стр. 23); Германъ тамъ говоритъ что слово αὐτός dicitur ut distinguatur aliquis a semet ipso, ita ut ipse sine alius rei adjuncto quid facere dicatur. Мы находимъ эти слова Германа во всякомъ случаѣ тѣсными для нашего рефлексивнаго αὐτός; мы назначимъ въ объясненіе и пополненіе сказаннаго нами на стр. 29 правила слѣдующіе предѣлы для рефлексивнаго αὐτός: слово принимаетъ αὐτός, когда исключительно *на немъ* сосредоточивается опредѣленіе сказуемаго въ противоположность другому сказуемому, требующему кромѣ него еще другое слово для своего пополненія, или когда на немъ опредѣляется сказуемое въ томъ направленіи, въ которомъ при его же содѣйствіи другое сказуемое опредѣляется на другомъ словѣ.

13.

Приступаемъ къ Германовой ссылкѣ Од. 6. 328. Германъ переводить это мѣсто такъ: *prases ejus audivit, sed ipsi non venit in conspectum*. Судя по переводу, можно бы это мѣсто отнести къ дистриктивному αὐτός; но въ греческомъ текстѣ нѣтъ слова, соответствующаго латинскому *prases*, а если сравнить между собою разныя отношенія двухъ сказуемыхъ, встрѣчающихся въ этой ссылкѣ, именно словъ ἔκλυε и φαίνετο, къ одному и тому же лицу—Одиссею, то мы замѣчаемъ, что осуществленіе перваго сказуемаго на Одиссеѣ могло произойти и безъ вѣдома самаго Одиссея, между тѣмъ какъ второе могло осуществиться на томъ же лицѣ только тогда, когда это лицо само сознавало его осуществленіе.— Мы сопоставимъ съ этимъ примѣромъ нижеслѣдующія мѣста:

Од. 4. 18. μετὰ δὲ σφιν ἑμέλπετο θεῖος ἀοιδὸς
φορμίζων· δοῖω δὲ κυβιστητῆρε κατ' αὐτοὺς
μολπῆς ἐξάρχοντος ἐδίνευον κατὰ μέσσοις.

(Болѣе близкое отношеніе одного и менѣе близкое другого глагола къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, пирующимъ, опредѣляется здѣсь пространственноными размѣрами).

Од 5. 367. Εἶος ὁ ταῦθ' ὤρμηνε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
 ὤρσε δ' ἐπὶ μέγα κῆμα Ποσειδάων ἐνοσίχθων,
 δεινόν τ' ἀργαλέον τε, κατηρεφές, ἤλασε δ' αὐτόν.

(Посидонъ дѣйствуетъ здѣсь на Одиссея разъ посредственно, другой разъ непосредственно).

Од. 7. 21: ἐνθα οἱ ἀντεβόλησε θυσὶ γλαυκῶπις Ἀθήνη
 παρθενικῇ εἰκυῖα νεήνοδι, κάλπιν ἐχούσῃ.
 στῆ δὲ πρόσθ' αὐτοῦ· ὁ δ' ἀνείρετο δῖος Ὀδυσσεύς.

(Въ этомъ примѣрѣ мы замѣчаемъ такую же разницу между болѣе далекимъ и между болѣе близкимъ отношеніемъ двухъ связуемыхъ къ одному и тому же лицу, какъ въ первой ссылкѣ Од. 4. 18.)

Од. 10. 196: εἶδον γὰρ σκοπιῆν ἐς παιπαλόεσσαν ἀναλθῶν
 νῆσον, τὴν περὶ πόντος ἀπείριτος ἐσταφάνωται·
 αὐτῇ δὲ χθαμαλῇ κεῖται· καπνὸν δ' ἐνὶ μέσση
 ἔδρακον ὀφθαλμοῖσι διὰ δρομὰ πυκνὰ καὶ ὕλην.

Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ слова *περὶ ἐστὶ πόντος* не имѣютъ такого прямого отношенія къ слову *νῆσος*, какъ слово *χθαμαλῇ ἐστὶν*: первыя относятся скорѣе къ окрестностямъ острова, вторыя уже къ самому острову. Нельзя не замѣтить той близости, въ которой находится послѣдній примѣръ къ мѣстамъ, въ которыхъ мы указывали на дистинктивное αὐτός; онъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ вышеупомянутая Германова ссылка Од. 6. 328, такъ какъ понятіе окрестностей, т. е. предметовъ, представляющихся намъ окружающими предметъ *νῆσος*, находятъ себѣ особое выраженіе въ синтаксически самостоятельномъ словѣ *περὶ*; онъ былъ бы совершенно одинаковъ съ означенными примѣрами, если бы понятіе *окрестности* выражено было въ греческомъ текстѣ черезъ имя существительное, а не черезъ нарѣчіе. Отсутствие послѣдняго обстоятельства заставляетъ насъ отдѣлить αὐτός, естрѣчающееся въ этомъ и сопоставленныхъ съ нимъ въ одну группу примѣрахъ, отъ дистинктивного αὐτός и дать ему особое названіе. Пусть будетъ мнѣ позволено называть его αὐτός *immediabilitatis*, хотя боюсь, что употребилъ во зло права терминолога.

Указывать и на этомъ αὐτός на отсутствіе отношенія къ *ἀναφορικά, δεικτικά* и прямымъ личнымъ показателямъ, какъ это мы сдѣлали съ дистинктивнымъ его значеніемъ на страницѣ 26, мы считаемъ лишнимъ. Изъ Германовыхъ ссылокъ принадлежатъ къ нему еще Од. 3. 171. Выраженія, какъ-напр.: *подъ самый глазъ*—*ὑπ' αὐτόν τὸν ὀφθαλμόν* (сравни Ил. 13. 615:

ἦτοι ὁ μὲν κόρυθος φάλον ἤλασεν ἠπποδασειῆς
 ἄκρον ὑπὸ λόφον αὐτόν)

ведутъ также къ отправленію исключенія, какъ примѣры, показанные на страницяхъ 27 и 30.

Однадцать ссылокъ, приведенныя Германомъ для объясненія главнаго правила его, относящагося къ значенію слова *αὐτός*, разобраны нами всѣ, за исключеніемъ Ил. 8. 4, о которомъ придется поговорить ниже. Но Германъ, какъ мы уже выше сказали, указываетъ еще на другіе оттѣнки слова *αὐτός*; онъ объясняетъ эти оттѣнки не дедукціями уже, а отыскиваніемъ соответственныхъ словъ въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Для насъ самыя важныя изъ этихъ его ссылокъ—первая изъ его второй статьи и всѣ 7, составляющія матеріалъ 3-й статьи разбираемыхъ нами правилъ. Последнія семь ссылокъ разберемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; здѣсь рассмотримъ первую: она взята изъ Ил. 6. 450 и есть слѣдующая:

ἀλλ' οὐ μοι Τρώων τόσσον μέλει ἄλγος ὀπίσσω,
οὔτ' αὐτῆς Ἑκάβης.

Германъ по поводу этого примѣра говоритъ: *Sæpe αὐτός vel, adeo significat.* Мы приблизились бы довольно къ смыслу словъ *οὐδ' αὐτῆς Ἑκάβης*, еслибы мы перевели всю фразу словами: не печалься ни о Троянахъ, ни о Гекабѣ; разница между нашимъ переводомъ и греческою фразою только та, что Гекаба (лицо, къ слову котораго приставлено въ греческомъ текстѣ слово *αὐτός*), представляется намъ при чтеніи греческаго текста главныхъ изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относится сказуемое *μέλει ἄλγος*, между тѣмъ какъ въ русскомъ текстѣ всѣ означенныя лица поставлены не одинаковую степень. Сравни еще слѣдующія мѣста:

Од. 19. 132: ὄσσοι γὰρ νῆσοισιν ἐπικρατέουσιν ἄριστοι,
Δουλιχίῳ τε Σάμῃ τε καὶ ὑλγῆντι Ζαχύνθῳ,
οἱ τ' αὐτὴν Ἰθάκην εὐδαίελον ἀμφιπέμνεται,
οἱ μ' ἀεχασομένην μνῶνται, τρύχουσι δὲ οἶκον.

Од. 14. 94: οἶνον δὲ φθινόθοουσιν ὑπέρβιον ἐξαφύοντες.
ἦ γὰρ οἱ ζωὴ γ' ἦν ἄσπετος· οὔτινι τόσση
ἀνδρῶν ἠρώων, οὔτ' ἠπείροιο μελαίνης
οὔτ' αὐτῆς Ἰθάκης...

Од. 10. 416: δόκησε δ' ἄρα σφίσι θυμὸς
ὡς ἔμεν, ὡς εἰ πατρίδ' ἰκοίαιτο καὶ πόλιν αὐτῆν
τρηχεῖης Ἰθάκης, ἵνα τ' ἔτραφεν ἠδ' ἐγένοντο...

И въ этихъ примѣрахъ *αὐτός* очень походить на дистинктивное *αὐτός*; они отличаются отъ примѣровъ дистинктивнаго *αὐτός* только тѣмъ, что тамъ одинъ предметъ является главнѣе другаго на основаніи отношенія, въ которомъ всѣ эти предметы находятся *δρῦς* къ *δρῦνι*, здѣсь является

одинъ главнѣе другаго на основаніи разныхъ отношеній, въ которыхъ они находятся къ *говорящему или дѣйствующему лицу*. Часто даже случается, что главнымъ выставляется само дѣйствующее, или говорящее лицо. Срав. для примѣра слѣдующія мѣста:

Од. 6. 39: ἀλλ' ἄγ' ἐπότρωνον πατέρα κλυτὸν ἤϊωθι πρὸ
ἡμιόνους καὶ ἄμαξαν ἐφοπλίσαι, ἧ κεν ἄγχιεν
ζῶστρά τε καὶ πέπλους καὶ ῥήγεια σιγαλόεντα.
καὶ δὲ σοὶ ὦδ' αὐτῇ πολὺ κάλλιον ἢ ἐπόδεσσιν
ἔρχεσθαι· πολλὸν γὰρ ἀπὸ πλυνοὶ εἰσι πόληος.

Од. 6. 60: Πάππα φίλ', οὐκ ἂν δὴ μοι ἐφοπλίσειας ἀπτήνην
ὕψηλὴν εὐκυκλον, ἵνα κλυτὰ εἶματ' ἄγωμαι
ἐς ποταμὸν πλυέουσα, τὰ μοι ῥερυπωμένα κεῖται;
καὶ δὲ σοὶ αὐτῷ ἔοικε μετὰ πρώτοιισιν ἑόντα
βουλάς βουλευεῖν καθαρὰ χροῖ εἶματ' ἔχοντα.

Укажемъ здѣсь еще на одно обстоятельство. Оно видно изъ сопоставленія мѣстъ Ил. 2. 597 и Од. 16. 294. На первомъ мѣстѣ читаемъ:

...ἔνθα τε Μοῦσαι

ἀντόμεναι Θάμωριν τὸν Θρήϊκα παῦσαν ἀοιδῆς,
Οἰχαλίηθεν ἰόντα παρ' Εὐρύτου Οἰχαλῆος·
στεῦτο γὰρ εὐχόμενος νικησέμεν, εἴπερ ἂν αὐταὶ
Μοῦσαι ἀείδοιεν, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο
αἱ δὲ χολωσάμεναι πηρὸν θέσαν, αὐτὰρ ἀοιδῆν
θεσπεσίην ἀφέλοντο, καὶ ἐκλέελαθον κιθαρῳπτόν.

Второе мѣсто—слѣдующее:

ὅποτε κεν πολύβουλος ἐνὶ φρεσὶ θήσει Ἀθήνη,
νεύσω μὲν τοι ἐγὼ κεφαλῇ, σὺ δ' ἔπειτα νοήσας,
ὄσσα τοι ἐν μεγάροισιν Ἀρήϊα τεύχεα κεῖται
ἐς μυχὸν ὕψηλοῦ θαλάμου καταθεῖναι ἀείρας
πάντα μάλ'· αὐτὰρ μνηστῆρας μαλακοῖς ἐπέεσσιν
παρφάσθαι, ὅτε κέν σε μεταλλῶσιν ποθέοντες·
ἢ ἐκ καπνοῦ κατέθηκ'...

μή πως οἰνωθέντες, ἔριν στήσαντες ἐν ὀμῖν
ἀλλήλους τρώσετε, καταισχύνητέ τε δαῖτα
καὶ μνηστῶν· αὐτός γάρ ἐφέλκεται ἄνδρα σίδηρος".

Что и въ этихъ примѣрахъ αὐτός имѣеть одинаковое съ прежними примѣрами значеніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя рядъ предметовъ, въ который входитъ предметъ, присоединяющій къ себѣ здѣсь слово αὐτός, не показанъ, но онъ во всякомъ случаѣ подразумѣвается. Это, впрочемъ, только мимоходомъ, а теперь къ дѣлу. Слова,

читаемыя въ Од. 16. 294 должны по совѣту Одиссея Телемахъ сказать женихамъ, когда они будутъ его спрашивать о причинѣ переборки желѣза. »Самое уже присутствіе желѣза«, долженъ Телемахъ говорить, »не говоря уже о другомъ, могло бы Васъ побудить къ дракѣ«. Желѣзо представляется намъ въ ряду причинъ, влекущихъ за собою извѣстное дѣйствіе, самою ничтожнѣйшею и стоящею въ ряду ихъ совершенно на противоположной сторонѣ въ сравненіи съ тою, на которую въ первомъ примѣрѣ (Ил. 2. 597) придется стать предмету Μόσαι въ ряду своихъ, то есть однородныхъ съ нимъ по отношенію къ контексту, предметовъ. На такіе оттѣнки значенія слова αὐτός указываетъ Гартунгъ въ своей: *Lehre von den Partikeln griechischer Sprache*, когда онъ II. 4 говоритъ: durch das Wort αὐτός wird die Sache entweder unterhalb oder oberhalb der Dinge, die von ihr geschieden worden, gedacht, das heisst, entweder ihnen untergeordnet, oder über sie erhoben, wodurch dort eine vermindernde hier eine steigernde Bedeutung zum Vorschein kommt. Смыслъ этихъ словъ будетъ нами переданъ вѣрно, если мы скажемъ, что посредствомъ слова αὐτός выставляется предметъ первымъ или послѣднимъ въ ряду предметовъ, сопоставляемыхъ съ нимъ.

Не безъ значенія должно быть для насъ то обстоятельство, что русское слово *самый*, аналогичное слову αὐτός, употребляется для образованія превосходной степени, значить той этимологической формы, которая указываетъ на крайнюю изъ представляющихся слушателю во время ея произнесенія степеней извѣстнаго качества.

Указывая на подобныя явленія, относящія къ употребленію слова αὐτός мы невольно припоминаемъ себѣ математическую прогрессию, въ которой каждый новый членъ есть степень предыдущаго члена въ плюсовомъ или минусовомъ направленіи. Αὐτός присоединяется въ нашихъ примѣрахъ къ крайнему члену такой прогрессіи, а потому мы его назовемъ *progressivum*. Сюда же принадлежитъ оборотъ дат. надежа слова αὐτός, употребляющійся въ примѣрахъ, каковы:

Ил. 9. 542: πολλὰ δ' ὄγε προθέλυμα χαμαὶ βάλε δένδρεα μακρὰ
αὐτῆσιν ῥίζησι καὶ αὐτοῖς ἄνθεσι μῆλων.

Ил. 23. 8: μὴ δὴ πῶ ὑπ' ὄχεσφι λωόμεθα μώνυχας ἵππους,
ἀλλ' αὐτοῖς ἵπποισι καὶ ἄρμασιν ἄσσον ἰόντες
Πάτροκλον κλαίωμεν...

Что такой дат. и замѣняется иногда у Гомера оборотомъ, состоящимъ изъ предлога σὺν и αὐτός, объ этомъ сравни:

Ил. 9. 194. εἰτὰν δὲ πρόσθ' αὐτοῖο ταφῶν δ' ἀνόρουσεν Ἀχιλλεὺς
αὐτῇ σὺν φόρμιγγι, λιπῶν ἔδος, ἔνθα θάσσεν и проч.

Слѣдуетъ разборъ семи цитатъ, помѣщенныхъ у Германа въ 3-мъ пунктѣ его правилъ объ употребленіи слова αὐτός. Цитаты эти слѣдующія:

Ил. 13. 729: "Ἐκτορ, ἀμήχανός ἐστι παραρρητοῖσι πιθέσθαι.

οὐνεκά τοι πέρι δῶκε θεός πολεμῆϊα ἔργα,
τοῦνεκα καὶ βουλῇ ἐθέλεις περιίδμεναι ἄλλων.
ἀλλ' οὐπὼς ἅμα πάντα θυήσασαι αὐτός ἐλέσθαι.

Од. 7. 237: αὐτὰρ ὁ ἐν μεγάρῳ ὑπελείπετο δῖος Ὀδυσσεύς,

πὰρ δέ οἱ Ἄρητη τε καὶ Ἀλκίνοος θεοειδῆς
ἦσθην· ἀμφίπολοι δ' ἀπεκόσμεον ἔντευ δαιτός.
τοῖσιν δ' Ἄρητη λευκώλενος ἤρχετο μύθων·
ἔγνω γὰρ φᾶρός τε χιτῶνά τε εἴματ' ἰδοῦσα
καλὰ, τὰ ῥ' αὐτῇ τεῦξε σὺν ἀμφιπόλοισι γυναίξιν·
καὶ μιν φωνήσασ' ἔπεα πτερόεντα προσηύδα·

Ἔειπε, τὸ μὲν σε πρῶτον ἐγὼν εἰρήσομαι αὐτή·
τίς πόθεν εἷς ἀνδρῶν; τίς τοι τάδε εἴματ' ἔδωκεν;
οὐ δὴ φῆς ἐπὶ πόντον ἀλώμενος ἐνθάδ' ἰκέσθαι;

Од. 19. 104: "Ἡ ῥα καὶ Εὐρονόμην ταμίην πρὸς μῦθον ἔειπεν·

Εὐρονόμη, φέρε δὴ δίφρον καὶ κῶας ἐπ' αὐτοῦ,
ὄφρα καθέζομενος εἴπη ἔπος ἦδ' ἐπακούσῃ
ὁ ξεῖνος ἐμέθεν· ἐθέλω δέ μιν ἐξαμέεσθαι.

"Ὡς ἔφαθ', ἡ δὲ μάλ' ὀτραλέως κατέθηκε φέρουσα
δίφρον εὐξεστον καὶ ἐπ' αὐτῇ κῶας ἔβαλλεν·
ἐνθα καθέζετ' ἔπειτα πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς·
τοῖσι δὲ μύθων ἤρχε περίφρων Πηνελόπεια·

Ἔειπε, τὸ μὲν σε πρῶτον ἐγὼν εἰρήσομαι αὐτή·
τίς πόθεν εἷς ἀνδρῶν.

Од. 3. 19. Афина говоритъ Телемаху:

ἀλλ' ἄγε νῦν ἰθὺς κίε Νέστορος ἱπποδάμοιο·
εἶδομεν ἦντινα μῆτιν ἐγὶ στήθεσσι κέκευθεν.
λίσεσθαι δέ μιν αὐτός, ὅπως νημερτέα εἴπη...

Од. 3. 327. Несторъ къ Телемаху:

πὰρ δέ τοι υἱες ἐμοί, οἳ τοι πομπῆς ἔσονται
ἐς Λακεδαίμονα διῆαν, ὅθι ξανθός Μενέλαος.
λίσεσθαι δέ μιν αὐτός, ἵνα νημερτές ἐνίσπη.

Од. 14. 331. Неузнанный и выдающій себя за другое лицо Одиссей рассказываетъ Евмею объ Одиссее, что оцъ слыщалъ-де объ немъ отъ царя Феспротовъ:

τὸν δ' ἐς Δωδώνην φάτο βήμεναι, ὄφρα θεοῖο
ἐκ θρυός ὑψικόμοιο Διὸς βουλῆν ἐπακούσαι,

ὄπκως νοστήσῃ Ἰθάκης εἰς πίονα δῆμεν
 ἦδ' ἢ σὴν ἀπαών, ἢ ἀμφαδὸν ἧε κροφῆδόν.
 ὤμοσε δὲ πρὸς ἔμ' αὐτόν, ἀποσπένδων ἐνὶ οἴκῳ,
 νῆα καταρύοθαι καὶ ἐπαρτάας ἔμεν ἑταίρους,
 οἳ δὴ μιν πέμψουσι φίλην ἔς πατρίδα γαῖαν.
 ἄλλ' ἐμὲ πρὶν ἀπέπεμψε.

Од. 8. 396. Алкиной предлагаетъ Феакійскимъ старѣйшинамъ дать подарки Одиссею и говоритъ:

αἶψα δὲ πάντα φέρωμεν ἄλλεες, ὄφρ' ἐνὶ χερσὶν
 ξεῖνος ἔχων ἐπὶ δόρπον ἰῆ χαίρων ἐνὶ θυμῷ.
 Εὐρύαλος δὲ ἐ αὐτὸν ἐρεσσάσθω ἐπέεσσιν
 καὶ δῶρφ, ἐπεὶ οὔτι ἔπος κατὰ μοῖραν ἔειπεν.

“Ὡς ἔφαθ’”, οἳ δ’ ἄρα πάντες ἐπήνεον....

(‘Εὐρύαλος δ’ Οδυσσῆι)

(406) ἐν χερσὶ τίθει ξίφος ἀργυρόηλον
 καὶ μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα.
 χαῖρε πάτερ ὦ ξεῖνε...

(416) δούσετό τ’ ἥελιος, καὶ τῷ κλυτὰ δῶρα παρῆεν
 καὶ τάγ’ ἐς Ἀλκινόοιο φέρον κήρυκες ἀγαυοί.

Однако все это происходитъ безъ вѣдома Одиссея; ибо въ 427-мъ стихѣ Арета говоритъ:

ἀμφὶ δὲ οἳ πορὶ χαλκὸν ἰήγατε, θέρμετε δ’ ὕδωρ,
 ὄφρα λοσσάμενός τε ἰδὼν τ’ εὖ κείμενα πάντα
 δῶρα, τὰ οἳ Φαίηκες ἀμόμονες ἐνθάδ’ ἔνεικαν,
 δαίτι τε τέρπηται καὶ ἀοιδῆς ὕμνον ἀκούων.

Приводя эти примѣры Германъ говоритъ слѣдующее: *Quinque sæpe autós distinguat aliquem ab aliis, sæpe solum notat. Hinc nata formula αὐτοί εἰμεν de iis, qui ut soli cum amicis et familiaribus liberius loqui solent, unde significat quod nos dicimus im Vertrauen.*

Мы тутъ не можемъ согласиться съ Германомъ во многомъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнiю, что мѣсто Одиссея 8. 396 совершенно одинаково съ разобраннымъ нами на стр. 33 и Германомъ совершенно иначе группированнымъ мѣстомъ Од. 6. 328: αὐτός, встрѣчающееся въ Од. 8. 385, привлечено разницею въ опредѣленiи двухъ сказуемыхъ; смыслъ видъ этого мѣста такой: Евриалъ пусть даетъ лично Одиссею подарокъ, а мы ему уже *другимъ* путемъ подарки передадимъ; это ясно видно изъ вышеприведеннаго контекста. Германъ имѣлъ бы только тогда нѣкоторое основанiе принимать здѣсь слово αὐτός въ значенiи *solus*, если бы вмѣсто αὐτόν поставлено было αὐτός и относителность бы къ Евриалу, но такого варианта рукописи на этотъ мѣстъ не представляютъ. Точно такъ же нельзя согласиться съ Германомъ относительно

мѣсть Од. 7. 237 и 19. 104. Предложеніемъ εἰρήσομαι αὐτή, относящимся въ первомъ мѣстѣ къ Аретѣ, а въ другомъ къ Пенелопѣ, и Арета и Пенелопе хотятъ сказать, что онѣ *сами* будутъ спрашивать Одиссея о томъ, что имъ пужно знать, *отъ себя* Одиссей пусть имъ ничего не говоритъ. (Сравни

Од. 4. 118: μερμήριξε δ' ἔπειτα κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν.

ἦέ μιν αὐτὸν πατρὸς ἑάσειε μνησθῆναι,

ἢ πρῶτ' ἑξερέοιτο ἕκαστά τε παρήσαντο).

Видно, что оба примѣра Од. 7. 237 и Од. 19. 104 совершенно одинаковы съ разобраннымъ нами на стр. 32 мѣстомъ Од. 4. 748, и мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ αὐτός reflexionis. Такое толкованіе оказывается необходимымъ въ Од. 19. 103, а потому должно быть принято и въ Од. 7. 237; послѣднее мѣсто дозволяетъ, конечно, судя по контексту, и другое толкованіе (какое,— дощется самъ читатель); однако надобно полагать, что съ типичностью выраженія εἰρήσομαι αὐτή, перешедшаго изъ перваго мѣста въ послѣднее, перешла туда и типичность мысли. Не съ такою увѣренностью мы можемъ на основаніи контекста не соглашаться съ Германомъ относительно Од. 3. 19 и Од. 3. 327. Германъ, переводя въ этихъ мѣстахъ слово αὐτός словомъ solus, объясняетъ себѣ, понятно, оба мѣста слѣдующимъ образомъ: не двое будутъ стремиться къ определенной цѣли, а одинъ пусть просить,—толкованіе, которое нашъ контекстъ допускаетъ, но съ другой стороны нельзя не допустить и слѣдующаго объясненія: другіе въ твоемъ интересѣ до сихъ поръ дѣйствовали, но *просить* для тебя они уже отказываются, это ты уже сдѣлай себѣ самъ. При послѣднемъ толкованіи слово αὐτός будетъ опять αὐτός reflexionis. Во всякомъ случаѣ оба примѣра представляютъ собою слабую опору для принятія значенія solus въ словѣ αὐτός. Точно также на мѣсто; Од. 14. 331 Герману ссылаться нельзя Одиссей здѣсь хочетъ *уприть* больше Евмея въ справедливости того, что онъ говоритъ, а потому и добавляетъ, что его свѣдѣнія почерпнуты не изъ *столпчатыхъ источниковъ*, а что ему *самоу* клялся царь Феспротовъ въ справедливости того, что онъ ему говорилъ о фиктивномъ здѣсь лицѣ Одиссеѣ. Остается разобрать еще Ил. 13. 729. Въ этомъ примѣрѣ сказано, что два разнородныхъ достоинства могутъ не быть соединены въ одномъ и томъ же лицѣ. Такое пониманіе этого мѣста, конечно, не приближаетъ его ни къ одному изъ вышеобъясненныхъ значеній слова αὐτός;—то же самое мы должны сказать о приведенномъ Германомъ оборотѣ αὐτοῖ ἐσμεν.

Другіе примѣры, имѣющіе объяснить соотвѣтствіе греческаго αὐτός латинскому solus, представляютъ намъ Кюнерь и Амейсъ: первый въ своей Ausführliche Grammatik der griech. Sprache (стр. 562), второй въ своемъ Anhang zur Odyssee (см. его замѣтку къ Од. 14. 8). Примѣры эти слѣдующіе:

Ил. 8. 99 Διογενὲς Λαερτιάδῃ, πολυμήχαν' Ὀδυσσεῦ,
πῆ φεύγεις.....

Ὡς ἔφατ' οὐδ' ἐσάκουσε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς,
ἀλλὰ παρήϊεν κοίλας ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν.

Τυδείδης δ', αὐτός περ εὖν, προμάχοισιν ἐμίχθη.

Ил. 21. 467. ...ἀλλὰ τάχιστα

καυσώμεσθα μάχης· οἱ δ' αὐτοὶ θηριαάσθων·

Од. 23. 171. ἀλλ' ἄγε μοι, μαῖα, στόρεσον λέχος, ἄφρα καὶ αὐτός
λέτομαι· ἧ γὰρ τῆγε σιδήρεος ἐν φρεσὶ θυμός.

Од. 1Б. 311. ἀλλὰ μοι εὖ θ' ὑπόθευ καὶ ἄμ' ἠγεμόν' ἐσθλὸν ὄπασσον,
ὅς κέ με κεῖσ' ἀγάγη· κατὰ δὲ πτόλιν αὐτός ἀνάγκη
πλάγξομαι, αἶ κέν τις κοτύλην καὶ πύρνον ὀρέξη.

Од. 15. 371. ἀλλὰ μοι αὐτῶ

ἔργον ἀέξουσιν μάχαρες θεοὶ ᾧ ἐπιμίμνω·

τῶν ἔφαγόν τ' ἔπιόν τε καὶ αἰδοίοισιν ἔδωκα.

ἐκ δ' ἄρα δεσποίνης οὐ μείλιχον ἔστιν ἀκοῦσαι

οὔτ' ἔπος οὔτε τι ἔργον, ἐπεὶ κακὸν ἔμπεσον οἴκῳ,

ἄνδρες ὑπερφύλοιο·

Ив. 2. 233. ἧε γυναῖκα νέην (разумѣй: я долженъ привести), ἵνα
μίσηται ἐν φιλότῃτι,

ἧντ' αὐτός ἀπονόσφι κατίσχεαι;

Изъ этихъ примѣровъ мы должны исключить прежде всего Од. 21 467. Слова, встрѣчающіяся въ этой ссмылкѣ, говорить Аполлонъ Посидону; онѣ не хотятъ—такой ссмыслъ находится въ этихъ словахъ—дѣйствовать въ интересѣ сражающихся Гектора и Ахиллеса и говорить, чтобы они сами рѣшили свою судьбу: αὐτός есть здѣсь αὐτός reflexionis. Такое же αὐτός можно усмотрѣть и въ Од. 15. 311 (до города пусть ведетъ меня проводникъ, а въ городѣ я буду пробиваться самъ). Не необходимо также въ Од. 15. 371 слово αὐτός принимать въ значеніи solus и можно бы понимать это мѣсто такъ: ко мнѣ-то самому боги относятся съ доброжелательствомъ, но госпожа моя несчастна: отъ нея ты никогда не услышишь ничего пріятнаго (αὐτός здѣсь—дистинктивное). Итакъ остается рассмотреть только примѣры Ил. 8. 99, Од. 23. 171 и Ил. 2. 233. Въ этихъ 3-хъ примѣрахъ отрицается опредѣленіе сказуемаго на ббольшемъ количествѣ предметовъ или группъ ихъ въ противоположность меньшему ихъ количеству. Синтаксическая ихъ схема можетъ быть выражена здѣсь слѣдующею формулою: (A+B)_μ : A_μ. (Читатель догадается, какъ нужно понимать эти знаки: они употреблены соответственно знакамъ, помѣщеннымъ нами на стр. 28 и объясняющимъ собою αὐτός reflexionis; знакъ +, употребленный въ послѣдней формулѣ, долженъ указывать на синтаксическую однородность частей предложения, обозначенныхъ связанными посредствомъ этого знака буквами); αὐτός приставляется здѣсь къ слову, обозначенному черезъ A; предметъ, обозначенный этимъ словомъ, противопоставляется, какъ исключи-

тельный определитель известного сказуемого, той цѣлой группѣ предметовъ, опредѣляющихъ на себѣ въ томъ же направленіи это же сказуемое, въ которой онъ самъ состоитъ членомъ. Какая разница между αὐτός reflexionis и между τῆμ, которое появляется въ разбираемыхъ нами примѣрахъ, отвѣтить легко; сопоставивъ формулы, помѣщенные на стр. 28, съ формулою, выставленною здѣсь.

Оборотъ αὐτοὶ ἐσμεν, о которомъ Германъ упоминаетъ, принадлежить сюда же;—въ немъ одна половина выставленной нами выше формулы, именно $(A+B)_\mu$, словами не выражена, но подвизумѣвается: фраза αὐτοὶ ἐσμεν отображается во фразѣ οὐ μετ' ἄλλων ἐσμεν. Другая цитата Германа, оставшаяся прежде необъясненною, именно: οὐ πως ἅμα πάντα δυνήσασαι αὐτός ἐλέσθαι (Ил. 13. 729), ведетъ насъ къ формулѣ $A_\mu + B_\nu : A(\mu + \nu)$, которая, относительно значенія слова αὐτός, ни чѣмъ не отличается отъ прежней $(A+B)_\mu : A_\mu$.

На одну изъ нашихъ цитатъ указываетъ и Аполлоній Дисколь—это именно на приведенный нами на стр. 40 примѣръ Ил. 8. 99 (смотри περί ἀνωνομίας стр. 80. В): онъ говоритъ, что αὐτός имѣетъ въ этомъ примѣрѣ (а слѣдовательно и въ другихъ, сопоставленныхъ нами въ одну съ нимъ группу) значеніе слова μόνος (ἰσοδοῦμαι τῷ μόνος.); различіе между словомъ μόνος и между словомъ αὐτός, употребленнымъ въ нашихъ примѣрахъ, можетъ состоять развѣ только въ томъ, что μόνος отвѣчаетъ на вопросъ, на сколько предметовъ или группахъ предметовъ опредѣляется сказуемое, а αὐτός отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ, принимаетъ ли извѣстный предметъ, какъ извѣстный намъ уже определитель своего сказуемого, еще другіе предметы въ свое сообщество, или нѣтъ. (такое αὐτός можетъ, значить, появляться только тогда, когда уже одно сказуемое на одномъ предметѣ опредѣлено и ожиданіе слушателемъ другаго определителя должно быть парализовано). Такая близость значенія нашего αὐτός къ слову μόνος заставляетъ назвать первое *монадическимъ* (на употребленіе этого термина даетъ намъ право Аполлоній περί συντ 26 и περί ἀντ. 14).

1. 6.

Къ монадическому αὐτός примыкають примѣры, какъ-то:

Од. 23. 178. Пенелопа приказываетъ Евриклею:

ἀλλ' ἄγε οἱ στόρεσον πυκινὸν λέχος, Εὐρύκλεια,
ἐκτὸς εὐσταθείος θαλάμου, τὸν ῥ' αὐτός ἐποίησεν·
ἔνθα οἱ ἐκθειῆσαι πυκινὸν λέχος ἐμβάλετ' εὐνήν,
κώσα καὶ χλαίνας καὶ ῥήγεια σιγαλόεντα.

Ἦς ἄρ' ἔφη πόσιος πειρωμένη:

Од. 19. 482. Μαῖτα, τίη μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δέ μ' ἔτρεφες αὐτή

ἰφ̄ οἴ ἐπὶ μαζῶ, νῦν δ' ἄλγεα πολλὰ μογήσας
ἦλυθον εἰκοστῶ ἔτει ἐς πατρίδα γαῖαν.

Мы говоримъ, что эти примѣры только *примыкаютъ* къ монадическому αὐτός, но не хотимъ утверждать, что употребленное въ нихъ αὐτός *тождественно* съ монадическимъ. Въ нихъ указывается на то, что второе сказуемое контекста опредѣляется на томъ же предметѣ, что и первое, а не на какомъ нибудь новомъ, между тѣмъ какъ αὐτός монадическое показываетъ, что сказуемое кромѣ того опредѣлителя, къ которому приставлено слово αὐτός, другаго опредѣлителя не имѣеть. Последнее αὐτός мы назовемъ αὐτός *identitatis*. Въ нему принадлежитъ послѣдняя изъ тѣхъ ссылокъ Германа, разборомъ которыхъ мы занимались въ первыхъ параграфахъ этой главы, именно Ил. 8. 4 (смотри стр. 23 и 35).

Сопоставляя изъ приведенныхъ нами для объясненія нашего αὐτός *identitatis* мѣсть примѣръ Од. 23. 178 съ примѣромъ Од. 2. 112, мы замѣчаемъ нѣкоторое разнообразіе схемъ, вызывающихъ это αὐτός. Въ Од. 23. 178 дѣйствія στόρεσον и ἐποίησιν опредѣляются *на одномъ лицѣ*: схема, вызывающая тамъ слово αὐτός, будетъ правильно изображена формулою $A(\mu+\nu)$; въ примѣрѣ же Од. 2. 112 мы замѣчаемъ схему $A\mu : A+B\nu$: ὑποχρίνομαι опредѣляется на предметѣ σὺ; на томъ же предметѣ опредѣляется и οἶδα, но не исключительно на немъ, а и на предметѣ Ἀχαιοί.

Αὐτός *identitatis* мы видимъ и въ примѣрахъ: Καλλιᾶν πέμπτον αὐτὸν στρατηγὸν ἐπέψαν (Θук. 1. 8), Κορινθίων στρατηγὸς ἦν Εὐνοκλειδῆς πέμπτος αὐτός (Θук. 1. 46) и т. д. (Сравни русское самъ-шесть, самъ-другъ и т. д.). Два сказуемыхъ, на которыя мы указывали какъ на необходимое условіе появленія этого αὐτός *identitatis*, въ послѣднихъ примѣрахъ видны, если мы разложимъ на пр. первую изъ приведенныхъ нами фразъ на слѣдующія два предложенія: Καλλιᾶν послали полководцемъ; самъ онъ былъ пятымъ въ числѣ посланныхъ съ нимъ. Что эти обороты примыкаютъ къ вышеупомянутой схемѣ $A\mu : (A+B)\nu$, это читателю, надѣемся, будетъ ясно.

Укажемъ здѣсь еще на слѣдующіе примѣры:

Од. 10. 113. τὴν δὲ γοναῖκα

εὖρον ὄσσην τ' ὄρεος κορυφήν, κατὰ δ' ἔστυγον αὐτήν.

Од. 8. 472. κῆρυξ δ' ἐγγύθεν ἦλθεν ἄγων ἐρίηρον αἰοιδόν,
Δημόδοχον λαοῖσι τετιμένον· εἶσε δ' ἄρ' αὐτὸν
μέσσην δαιτυμόνων, πρὸς κίονα μακρὸν ἐρείσας.

Од. 11. 15. ἐνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμος τε πόλις τε,
ἦερί καὶ νεφέλη καχαλομένοι· οὐδέ ποτ' αὐτοὺς

Ἡλίος φαιδῶν καταδέρματα ἀκτίνας.

И въ этихъ примѣрахъ слово αὐτός показываетъ, что сказуемое того предложія, въ которомъ оно поставлено, опредѣляется на томъ же предметѣ, на которомъ опредѣлялось предшествующее сказуемое; но отдѣлить нужно было эти примѣры отъ вышеприведенныхъ потому, что въ послѣднихъ не видно той выразительности значенія самого слова αὐτός, какую можно было замѣтить въ первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ первыхъ примѣрахъ все же оставалось сильно замѣтнымъ то отсутствіе какого—нибудь отношенія къ анафорическимъ словамъ и къ прямымъ личнымъ показателямъ, на которое мы прямо указывали при αὐτός дистинктивномъ и рефлексивномъ и о которомъ можно было, какъ очевидномъ послѣ сдѣланныхъ по поводу первыхъ двухъ αὐτός замѣчаній, умолчать во всѣхъ остальныхъ, разобранныхъ нами до сихъ поръ значенійхъ слова αὐτός. Мы видѣли въ означенныхъ примѣрахъ, приведенныхъ на αὐτός *identitatis*, что хотя предметъ, въ которомъ постановка слова αὐτός отображалась, не былъ иногда поименованъ (поименованъ онъ въ Од. 2. 213), однако онъ всетаки подразумевался, такъ какъ самое чтеніе слова αὐτός вызывало въ насъ противопоставленіе оборотовъ или καὶ οὐκ ἄλλος τις, или, въ схемѣ Ам: (A+B), καὶ ἄλλος (вчитываясь въ самые примѣры, читатель найдетъ, надѣмся, послѣднія наши слова вѣрными). Ничего подобнаго мы не отыщемъ во второй группѣ примѣровъ этого параграфа: противопоставленіе какогонибудь логически сосѣдняго предмета при чтеніи слова αὐτός въ насъ не вызывается²³⁾ и слово αὐτός само представляется намъ уже какъ бы прямымъ личнымъ показателемъ предмета 3-го лица (если бы вся мысль предложія, въ которомъ это αὐτός поставлено, относилась къ предмету 2-го лица, то мы поставили бы вмѣсто него σὺ, ἐγώ) и поставленнымъ, если только значеніе слова οὐ вѣрно было нами указано на стр. 17 (1-я строка), вмѣсто этого послѣдняго слова (анафорическимъ его изъ-за такого значенія не будемъ называть на томъ основаніи, на которомъ мы въ концѣ 16-ей стран. и οὐ, οἶ, εἶ не называли ἀναφορικόν). На сколько вѣрно наше предположеніе о тождественности словъ οὐ и этого αὐτός, мы увидимъ послѣ; а пока мы наше αὐτός будемъ называть *слабое αὐτός identitatis*.

²³⁾ Это-то αὐτός Аполлоній и предлагаетъ въ винят. надежѣ писать энклитичетки ((ср. в сноску); говорить же Аполлоній περὶ ἀντ. стр. 78, такъ: διαφέρει τὸ ἐκαστον αὐτὸν ἐγκλιώμενον τοῦ ὀρθοτονουμένου· ὁ μὲν (вм. τὸ μὲν) γὰρ ἔμφατον ὑπεροχῆς σημαίνει, ὁ δὲ (вм. τὸ δὲ) καὶ ἐκ εὐτελοῦς τινος τάσσεται. Смыслъ этого мѣста таков: отличается ἐκαστον αὐτὸν отъ ἐκαστον αὐτὸν тѣмъ, что въ первомъ слово αὐτός обозначаетъ предметъ въ *отмнчнѣ отъ другаго предмета*, а въ послѣднемъ *безъ этого отмнчка*.

Мы прекращаемъ провѣрку Германа, такъ какъ эта провѣрка была бы только упражненіемъ въ разборѣ того, что мы считаемъ доведеннымъ уже до конца. Провѣряя же весь матеріалъ, представляемый намъ по вопросу о значеніи слова αὐτός Гомеровъ и исключая изъ него выраженіе ὁ αὐτός, а также все то, что входитъ въ вопросъ объ отношеніи этого выраженія къ простому αὐτός (обо всемъ этомъ мы будемъ говорить ниже), мы находимъ только одинъ отгѣнокъ значенія этого слова нами еще не затронутымъ; мы это αὐτός назовемъ αὐτός *intensivum* ²⁴⁾. Его нужно признавать въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Од. 4. 655. ἐν δ' ἄρχον ἐγὼ βαίνοντ' ἐνόησα
Μέντορα, ἧς θεόν, τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἐφίκει.

Геродотъ. V. 61. ²⁵⁾ Δαοδάμας τρίποδ' αὐτός εὐσκόπη Ἀπόλλωνι
μουναρχέων ἀνέθηχε τειν περικαλλές ἄγαλμα.

²⁴⁾ Читатель не потребуеъ отъ насъ отводить въ нашей статьѣ особенную графу оборотамъ αὐτός ἕκαστος и двойнаго αὐτός, не потому, конечно, что эти обороты у Гомера не встрѣчаются, а потому, что въ нихъ слово αὐτός не представляетъ никакого особеннаго значенія противъ тѣхъ, которыя мы уже вычислили. Въ самомъ дѣлѣ: оборотъ αὐτός ἕκαστος, или, какъ послѣ, со времени Аристотеля, πικεали, αὐθέκαστος, показываетъ только, что мы въ сужденіи, выраженіемъ котораго служитъ фраза, заключающая въ себѣ подобный оборотъ, имѣемъ дѣло съ двумя (въ подобныхъ случаяхъ употребляется αὐτός ἕκαστος), или нѣсколькими предметами, къ которымъ свазуемое должно быть отно- симо къ каждому по одиночкѣ; слово же αὐτός можетъ въ нихъ быть и αὐτός reflexionis (сравни Дем. κατὰ Φιλ. 1. 7:

ἐὰν παύσησθε αὐτὸς μὲν οὐδέν ἕκαστος ποιήσειν ἐλπίζων, τὸν δὲ πλησίον πάνθ' ὑπὲρ αὐτοῦ πράξειν, καὶ τὰ ὑμέτερον αὐτῶν κομισέσθε, ἂν θεὸς θέλῃ, καὶ τὰ κατεργασθημένα πάλιν ἀναλήψεσθε, κάκεινον τιμωρήσεσθε),

или слабое αὐτός identitatis (Θесиалъ. Пром. 950:

πατήρ ἄνωγέ σ' οὐστιας κομπείς γάμουσ αὐδᾶν πρὸς ὦν.τ' ἐκεῖνος ἐκπίπτει κρά- τους, καὶ ταῦτα μέντοι μηδὲν ἀνικτηρίως, ἀλλ' αὐθ' ἕκαστα φράζε), и т. д.

Что же касается двойнаго αὐτός, то на него особенно будетъ указано ниже.

²⁵⁾ Изъ Гомера мы больше примѣровъ не приводимъ. Примѣры какъ то:

Од. 21. 207. Ἐνθὸν μὲν δὴ ὄδ' αὐτὸς ἐγὼ, κακὰ πολλὰ μογήσας,
ἧλυθον εἰκοστῷ ἔτει ἐς πατρίδα γαῖαν.

Од. 24. 321. (слова Одиссея) Καῖνος μὲν τοι ὄδ' αὐτὸς ἐγὼ, πάτερ, ὄν
σὺ μεταλλάξ,

ἧλυθον εἰκοστῷ ἔτει ἐς πατρίδα γαῖαν.

Од. 22. 154. Τὸν δ' αὖ Τηλέμαχος πεπνομένος ἀντίον ἦδα·
ὦ πάτερ, αὐτὸς ἐγὼ τότε γ' ἤμβροτον, οὐδέ τις ἄλλος

(Такова была, по свидѣтельству Геродота, надпись на одномъ треножникѣ въ Фиванскомъ храмѣ Аполлона Исменійскаго). Сюда же принадлежить и Платоново αὐτὸ τοῦτο. Смотри напр.

Федонъ 70 В. ἀλλὰ τοῦτο δὴ ἴσως οὐκ ὀλίγης παραμυθίας δεῖται καὶ πίστεως, ὡς ἔστι τε ἡ ψυχὴ ἀποθανόντος τοῦ ἀνθρώπου καὶ τινα δύναμιν ἔχει καὶ φρόνησιν. Ἀληθῆ, ἔφη, λέγεις, ὁ Σωκράτης, ὦ Κέβης· ἀλλὰ τί δὴ ποιῶμεν; ἢ περὶ αὐτῶν τούτων βούλει διαμυθολογῶμεν, εἴτε εἰκός οὕτως ἔχειν εἴτε μή; Ἐγὼγ' οὖν, ἔφη ὁ Κέβης, ἡδέως ἂν ἀκούσαιμι, ἤντινα δόξαν ἔχεις περὶ αὐτῶν.

Апол. Согр. 34. Δ. ἐπεικῆ ἂν μοι δοκῶ πρὸς τοῦτον λέγειν λέγων ὅτι ἐμοί, ὦ ἄριστε, εἰσι μὲν πού τινες καὶ οἰκεῖοι· καὶ γὰρ τοῦτο αὐτὸ τὸ τοῦ Ὀμήρου, οὐδ' ἐγὼ ἀπὸ δρυὸς οὐδ' ἀπὸ πέτρης πέφυκα, ἀλλ' ἐξ ἀνθρώπων, ὥστε καὶ οἰκεῖοί μοι εἰσι καὶ οἰεῖς, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τρεῖς, εἰς μὲν μαιράκιον ἦδη, δύο δὲ παιδία...

Платоново αὐτὸ τοῦτο можно бы переводить словами: именно это, вотъ это именно, въ русскомъ, языкѣ часто приходится слышать: самое (больше всего соотвѣтствуетъ!) вотъ это. Къ этому-то αὐτὸς и относятся слова Аполлонія, читаемыя περὶ αὐτ. стр. 10, о которыхъ мы умолчали на стр. 8 и которыя гласятъ такъ: αὐτὸς δεικτικῆ γίνεται συντασσόμενη τῆς δεικτικαῖς = αὐτὸς дѣлается диктическимъ, будучи присоединено къ диктическимъ мѣстоименіямъ (подъ словомъ δεικτικά нужно, конечно, разумѣть, по пониманію Аполлонія, не только обобщенныя мѣстоимѣнія ἐκεῖνος οὗτος ὅδε, но и личныя ἐγὼ, σύ). Мы скажемъ въ дополненіе ученія Аполлонія, что такое αὐτὸς присоединяется не только къ словамъ οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε, ἐγὼ и σύ (слѣдовательно и къ οὐ, μίν), но и къ существительнымъ. Оно служитъ вообще усиленнымъ средствомъ при обозначеніи извѣстнаго предмета, какой-бы мы путь для обозначенія этого предмета ни избрали (см. стр. 14). И въ немъ замѣчается та ὑπεροχή, которую Аполлоніи

αἴτιος, ὃς θαλάμοιο θύρην ποκινῶς ἀραρυῖαν
κάλλιπον ἀγκλίνας. τῶν δὲ σκοπὸς ἦεν ἀμείνων.

Од. 8. 356. Τὸν δ' αὖτε προσέειπε Ποσειδάων ἐνοσίχθων·
Ἦφαιστ', εἰπερ γάρ κεν Ἄρης χρεῖος ὑπαλύξας
οἴχηται φεύγων, αὐτὸς τοι ἐγὼ τάδε τίσω.

Ил. 17. 139. ὦ πέπον, ὦ Μενέλαε διοτρεφές, οὐκέτι νῶϊ
ἔλπομαι αὐτῷ περ νοστήσομεν ἐκ πολέμοιο.

Ил. 6. 290. ἐς θάλαμον κατεβήσето (мать Гектора) κηῶντα,
ἐνθ' ἔσαν οἱ πέπλοι παμποίκιλοι, ἔργα γοναικῶν
Σιδονίων, τὰς αὐτὸς Ἀλέξανδρος θεοειδής
ἤγαγε Σιδονίηθεν ἐπιπλῶς εὐρέα πόντον·

и проч. допускають, конечно, толковать слово αὐτὸς въ смыслѣ intensivi, но кромѣ этого толкованія возможно и другое (какое?), и отправляться отъ нихъ для константированія интенсивнаго αὐτὸς нельзя.

выставляет за необходимое условие для ὀρθότητος слова αὐτός (смотри 23-ю выноску): то οὐκ ἄλλος τις, которое прямо поставлено въ сомнительномъ мѣстѣ Од. 22. 154 (смотри 25-ю выноску), подразумѣвается вездѣ въ примѣрахъ, въ которыхъ мы указывали на αὐτός intensivum. Сюда же можно причислять αὐτός, предупреждающее собою относительныя предложенія. Примѣры собралъ Кюперъ (см. Ausführl Gram § 468. 2. 4); мы, для уясненія дѣла, приведемъ Евр. Тр. 657:

ἀπέπτω' αὐτήν, ἣτις ἄνδρα τὸν πάρος
καινοῖσι λέκτορος ἀποβαλοῦσ' ἄλλον φιλεῖ.

Намъ кажется, что въ подобныхъ примѣрахъ слово αὐτός есть слово синтаксически не самостоятельное: при немъ можно, по примѣру разбора другихъ примѣровъ, помещеннаго на стр. 26. 2, считать пропущеннымъ пролептически или эпанапептически употребленное ἀναφορικόν. Что впрочемъ въ подобныхъ примѣрахъ и другое толкованіе возможно, объ этомъ мы убѣдимся въ концѣ нашего сочиненія.

Мы отыскали цѣлый рядъ значеній слова αὐτός, отнесши къ нимъ термины: αὐτός distinctionis, reflexionis, immediabilitatis, αὐτός progressivum, modicum, αὐτός identitatis, наконецъ αὐτός intensivum; αὐτός identitatis мы различали сильное и общее всѣмъ грамматическимъ лицамъ отъ слабого и свойственнаго только 3-му грамматическому лицу. Какъ всѣ эти значенія соединить въ одно, въ какой точкѣ всѣ эти значенія сходятся, на это мы отвѣтимъ въ слѣдующей главѣ ²⁶⁾.

II

Всѣ сравнительныя грамматики разлагаютъ, какъ извѣстно, слово αὐτός на части αὐ+τός. То явленіе, что рядомъ съ формою αὐτός образовалась въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ греческаго языка равносильная ему по значенію форма αὐς (αὐς=αὐτός. Κρητες καὶ Δάκωνες.—Гесихій), а больше еще ²⁷⁾ то, что

²⁶⁾ По всякомъ случаѣ анафорическій элементъ, о которомъ говоритъ Аполлоній (см. стр. 8 наш. соч.) и который Бенгарди, въ подражаніе Аполлонію, съ такою увѣренностію выставляетъ за главный въ словѣ αὐτός, называя это последнее истиннымъ ἀναφορικόν (Ein echtes ἀναφορικόν см. Wissenschaftliche Synt. der gr. Sprache 1829, стр. 286), нельзя замѣтить ни въ одномъ изъ значеній слова αὐτός (нигдѣ не употребляется αὐτός о предметѣ, удаленномъ отъ бесѣдующаго въ смыслѣ, выясненномъ на страницахъ 4 и 5), развѣ только, до извѣстной степени (именно на сколько слово αὐτός виѣстѣ съ οὐ соприкасается съ словомъ ὅ; см. стр. 17 въ концѣ и 18 въ началѣ) въ слабомъ αὐτός identitatis,—хотя и тутъ ничего положительнаго утверждать не можемъ, пока не удастся намъ объединить всѣ значенія слова αὐτός и пока не дойдемъ настоящаго отвѣщенія между οὐ, αὐτός и ὅ.

²⁷⁾ Мы говоримъ „больше еще“, потому что самая замѣтка Гесихіа относительно существованія формы αὐς возбуждаетъ много сомнѣній. Сравни объ этомъ Аренса de dia-

слово αὐτόθι въ одномъ и томъ же нарѣчїи чередуется съ словомъ αὐθι ²⁰⁾, ведетъ насъ къ заключенію, что вторая составная часть слова αὐτός, именно основа το, не имѣетъ на рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи значенія слова αὐτός никакого особеннаго вліянія и что все искомое нами значеніе заключено въ первой его составной части αὐ.

Что первая составная часть слова αὐτός въ своемъ этимологическомъ корнѣ сходится съ извѣстнымъ намъ словомъ αὐ, на это указываютъ лучшіе авторитеты въ сравнительномъ языковѣдѣнїи (Сравни объ этомъ Боппа Vergl. Gramm. 544, Бенфея Gr. Wurzel. I. 275, Мейера Vergl. Gramm. 332).

Казалось бы, что слѣдуетъ прежде всего разобрать значеніе этого слова αὐ, какъ слова, по своему составу, болѣе простаго, чѣмъ αὐτός, а за тѣмъ уже нуть отъ такого разбора къ рѣшенію вопроса, которому посвящена

lectis II 272. и Виндиша Untersuchungen über den Ursprung des Relativpronomens (Curtius Studien II. 2. стр. 365).

²⁰⁾ Сравни слѣдующія двѣ группы примѣровъ:

Од. 17. 357. Нищій (переходный Одиссеѣ) пришелъ въ домъ Одиссея, почувствъ тамъ милостыню (хлѣбъ да мясо)...

...καὶ ἀμφοτέρῃσιν ἐδέξατο καὶ κατέθηκεν

αὐθι ποδῶν προπάροθεν, ἀεικελίης ἐπὶ πύρης.

Ил. 3. 244. "Ὡς φάτο, τοὺς δ' ἤδη κάτεχεν φυσίχος αἶα ἐν Λαχεδαίμονι αὐθι, φίλῃ ἐν πατρίδι γαίῃ.

Од. 10. 165. τῷ δ' ἐγὼ ἐμβαίνων δόρυ χάλκεον ἐξ ὠτειλῆς εἰρουσάμην· τὸ μὲν αὐθι κατακλίνας ἐπὶ γαίῃ εἶασ'.

Ил. 10. 209. Несторъ посылаетъ въ лагерь Троянецвъ узникъ, асса те μητιώωσι μετὰ σφίσι, ἢ μεμάσαι αὐθι μένειν παρὰ νηυσὶν ἀπόπροθεν, ἧς πόλινδς ἄψ ἀναχωρήσουσιν, ἐπεὶ δαμάσαντό γ' Ἀχαιοὺς.

Другая группа примѣровъ:

Ил. 24. 673. οἱ μὲν ἄρ' ἐν προδόμῳ δόμου αὐτόθι κοιμήσαντο, κῆρῳ καὶ Πρίαμος, ποκινὰ φρεσὶ μῆδς ἔχοντας, αὐτὰρ Ἀχιλλεὺς εὔδε μυχῷ κλισίης εὐπήκτος.

Ил. 24. 707. "Ὡς ἔφατ', οὐδέ τις αὐτόθ' ἐνὶ πτόλει λίπετ' ἀνήρ.

Од. 11. 187. Мать сообщаетъ сыну Одиссею, пришедшему къ ней въ адъ: Τηλέμαχος τεμένη νέμεται καὶ δαίτας εἶσας δαίνονται, ἃς ἐπέοικε δικασπόλον ἄνδρ' ἀλεγόνειν πάντες γὰρ καλέουσι. πατήρ δέ σός αὐτόθι μίμνει ἀγρῷ, οὐδὲ πόλινδς κατέρχεται:

Одинаковость значенія словъ αὐτόθι и αὐθι становится изъ сооставленія этихъ двухъ группъ примѣровъ ясною.

эта глава нашего сочиненія, будетъ очень короткой и прямой и будетъ состоять только въ томъ, что выводы о значеніи слова *αἰ* мы будемъ непосредственно прилагать ко всемъ тѣмъ значеніямъ слова *αἰτός*, которыя указаны нами въ предыдущей главѣ.

Но на дѣлѣ оказывается не то. Мы не должны забывать, что слово *αἰ* есть *частица* и, слѣдовательно, уже по существу своему могло развить, какъ на самомъ дѣлѣ и развило, значенія гораздо болѣе разнообразныя, болѣе отстоящія другъ отъ друга, чѣмъ какими были указанные нами въ предыдущей главѣ значенія слова *αἰτός*, а между тѣмъ мы рады бы видѣть въ той роли, которую нашъ планъ возлагаетъ на частицу *αἰ*, такое слово, которое имѣло бы или только одно значеніе, а если нѣсколько, то по крайней мѣрѣ такихъ, которыя были бы болѣе соцентрированы, болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ значенія самого слова *αἰτός*. Кромѣ того, самый вопросъ объ опредѣленіи значенія частицы *αἰ* находится въ настоящее время въ такомъ положеніи, что рѣшеніе *ею самою* требуетъ большой осторожности, и уже изъ-за этого опасно принимать его (значеніе слова *αἰ*) за самостоятельную и вѣстѣ съ тѣмъ положительную точку исхода для опредѣленія значенія какихъ бы то ни было находящихся съ нимъ въ этимологической связи словъ. То опредѣленіе его значенія, которое предлагаетъ намъ Беймлейнъ въ его *Untersuchungen über griech. Part.* стр. 44, уже слишкомъ не соответствуетъ нашей цѣли. „Чаще всего“, говоритъ онъ, „появляется *αἰ* въ значеніи оборота *съ другой же стороны, напротивъ того*; это значеніе, впрочемъ, отчасти уже въ эпическомъ языкѣ, такъ ослаблено, что слово *αἰ*, наравнѣ съ частицею *δέ*, вводитъ въ рассказъ вообще только что нибудь *новое, дальнѣйшее...* Въ значеніи *опять* встрѣчается слово *αἰ* сравнительно рѣже... Что первоначальное значеніе этой частицы было *назадъ*, этому доказательствомъ служить не только глаголъ *ἀερόβειν*, но и нѣкоторые примѣры употребленія простаго *αἰ* и составнаго *αἰτίαι*. Конечно, въ Гомерѣ нѣтъ примѣра, гдѣ бы простое *αἰ* употреблялось въ такомъ значеніи, но за то встрѣчаемъ его въ Евр. Эл. 587 ²⁹⁾»

²⁹⁾ Смотри *Untersuchungen über griechische Partikeln* стр. 44: Am häufigsten erscheint *αἰ* in der Bedeutung hinwiederum, dagegen, andererseits, zum Theil in der epischen Sprache so abgeschwächt, dass es nur wie *δέ*, ein Weiteres, Neues einführt... Für die Bedeutung wieder, abermals, von Neuem, auch finden sich verhältnissmässig wenigere Beispiele... Dass die ursprüngliche Bedeutung dieses Adverbs zurück ist, erhellt nicht nur aus dem Verbum *ἀερόβειν*, sondern auch aus einigen Beispielen des allein gebrauchten *αἰ* und *αἰτίαι*. Zwar findet sich bei Homer kein Beispiel, dass das einfache *αἰ* in diesem Sinne gebraucht wird, wohl aber kommt bei Euripides *αἰ* in dieser Bedeutung vor *Electra* 587. То обстоятельство, что Беймлейнъ принялъ самое рѣдкое значеніе за первоначальное

Надѣмся, что читатель не найдетъ вышесказанное нами мнѣніе объ этомъ опредѣленіи Беймлейна неосновательнымъ: оно должно намъ съ перваго же разу казаться не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми значеніями, которыя мы выставили при словѣ *αὐτός*; оно даже, если наше опредѣленіе значеній слова *αὐτός* вѣрно, навлекаетъ подозрѣніе на тѣхъ, которые указываютъ на слово *αὐ*, какъ на *ἑτοῦν* слова *αὐτός*. Это впрочемъ только одна сторона логическаго заключенія, вытекающаго изъ этого несоответствія между нашими значеніями слова *αὐτός* и значеніями Беймлейна для слова *αὐ*³⁰⁾; возможно и то заключеніе, что самое опредѣленіе Беймлейна, если не совсѣмъ невѣрно, то, по крайней мѣрѣ, не точно, или не полно. Для насъ можетъ быть руководящимъ только послѣднее заключеніе³¹⁾; но въ такомъ случаѣ слово *αὐ* скорѣе само *потребуется* для своей поправки выясненія значенія другихъ словъ, находящихся съ нимъ въ этимологическоя связи, чѣмъ чтобы могло *послужить* имъ точкою исхода. За упомянутую поправку слова *αὐ*, и при томъ именно съ употребленіемъ только что указаннаго нами метода, взялся въ послѣднее время извѣстный толкователь Гомера, Дюнцеръ, изложивъ свой взглядъ на *αὐ* въ книгѣ *Homerische Ab-*

чальное, не должно навлекать подозрѣніе на его ученіе. Чешское слово *zase* такъ легко разлагается на два слова *za+se* (=за себя), что въ первоначальномъ его значеніи „назадъ“ сомнѣваться нельзя, а между тѣмъ природный чехъ чувствуетъ его, даже внѣ контекста, въ значеніи „опять“.

³⁰⁾ Такое несоответствіе, должно быть, дало поводъ Христу (смотри: *Grundzüge der griech. Lautlehre*; Leipzig. 1859; стр. 262) отброситься при этимологическомъ разборѣ слова *αὐτός* отъ слова *αὐ* и обратить вниманіе на церковно-славянское ово—ово (значеніе: *τὸ μὴ τὸ δε*; сравни Ев. Луки VIII. 5: *Изде сѣяя сѣяти сѣмене своего; и егда сѣяше, ово наде при пути, ... а другое наде на камень...*) и на вендское *awa* (объ немъ свидѣтельствуеетъ Бенфей *Gr. Wurzell. I. 272* и придаетъ ему значеніе слова *этомъ*), навлечь изъ нихъ корень *awa*, объявить его демонстративно-проминальнымъ корнемъ и отличить его отъ другаго *awa* (санскритскій неотдѣлимый предлогъ, обозначающій *отъ*, латинское *ab*), принятаго имъ въ основаніе при этимологическомъ разборѣ словъ *αὐ* и *ἄφ*.

³¹⁾ Мы считаемъ ученіе Христа, сообщенное нами въ предыдущей сноскѣ увѣркомъ. Взаимная этимологическая связь словъ *αὐ+τε*, *αὐ+τις*, *αὐ+τις*, *ἐξ+αὐ+τις*, *ἐκ+αὐ+τις*, *αὐ+θι*, *αὐ+τό+θι*, адвербиальнаго *αὐ+τοῦ* и *αὐ+τός* слишкомъ бросается въ глаза, чтобы отказать отъ мысли, что первая составная часть послѣдняго изъ нашихъ словъ, т. е. слова *αὐ+τός*, въ своемъ этимологическомъ корнѣ сходится съ тѣмъ же самымъ словомъ, тождественность котораго съ такою же составною частью перваго изъ нашихъ словъ, именно слова *αὐ+τε*, не подлежитъ никакому сомнѣнію (въ подтвержденіе послѣдняго мы указываемъ на постоянное чередованіе у Гомера частицы *αὐ* съ частицею *αἶτε*; оно видно изъ примѣровъ, сопоставленныхъ Дюнцеромъ въ его *Homerische Abhandlungen* Leipzig 1872, стр. 583-587). Христъ, видно, пользуется разстояніемъ двухъ вышеуказанныхъ значеній асновы *awa* для *разсѣченія* того, что скорѣе своею нераздѣлимостью само могло бы послужить звеномъ для *соединенія* этихъ двухъ значеній.

handlungen (Leipzig 1872 г.) стр. 579 и слѣд. Этотъ ученый называетъ изслѣдованіе Беймлейна, касающееся частицы αὐ, крайне неосновательнымъ (höchst ungründlich) и самъ, представивъ читателю рядъ словъ, имѣющихъ съ словомъ αὐ одинъ этимологическій корень (именно слова αὐθι, ἐνταῦθα, ἐνταυθοῖ, санскритскій неотдѣляемый предлогъ ава, слова αὐτός и αὐτός, αὐτίς и αὐτίκα), объявляетъ частицу αὐ *демонстративною* (sic) и принимаетъ за первоначальное значеніе слова αὐ, даже αὐτα, то, которое выражается въ нѣмецкомъ языкѣ словомъ da. Мы не беремся пока рѣшать, дѣйствительно ли это значеніе слова αὐ есть *первоначальное*; но что его за частицею αὐ признавать нужно и что, слѣдовательно, Беймлейнъ въ своемъ изслѣдованіи упустилъ его изъ виду, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Очень вѣскій голосъ въ пользу Дюнцера даетъ Аполлоній Софистъ, который въ своемъ Λεξικὸν κατὰ στοιχείων τῆς τε Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσεΐας (смотри по издан. Беккера стр. 47) объясняетъ значеніе слова αὐ частицею δὴ, ссылаясь при этомъ на начало 5-й книги Илиады, гдѣ сказано:

Ἐνθ' αὐ Τυδείδῃ Διομήδεϊ Παλλὰς Ἀθήνη
δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἴν' ἔχθηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργεῖοισι γένοιτο ἰδὲ χλῆος ἰσθλὸν ἄριστο.

Дюнцеръ самъ *не нашелъ* нужнымъ приводить это указаніе Аполлонія; его доказательство состоитъ въ указаніи на цѣлый рядъ примѣровъ употребленія частицы αὐ, въ которыхъ допустить нельзя ни одного изъ значеній, отнесенныхъ Беймлейномъ къ частицѣ αὐ, тогда какъ частицею δὴ употребленное въ нихъ αὐ можетъ быть замѣняемо безъ нарушенія смысла. Въ такимъ примѣранъ, какъ изъ самыхъ контекстовъ можно заключить, несомнѣнно принадлежать:

Ил. 20. 215, гдѣ Эней начинаетъ свою родословню слѣдующими словами:

εἰ δ' ἐθέλεις καὶ ταῦτα δαήμεναι, ὄφρ' εὖ εἰδῆς
ἡμετέρην γενεήν, πολλοὶ δέ μιν ἄνδρες ἴσασιν·
Δάρδανον αὐ πρῶτον τέκετο νεφεληγερέτα Ζεὺς,
κτίσσε δὲ Δαρδανίην, ἐπεὶ οὐπω Ἴλιος ἰρή
ἐν πεδίῳ πεπόλιστο, πόλις μερόπων ἀνθρώπων,
ἀλλ' εἴθ' ὑπερείας ἦκεον πολυπίδακος Ἴδης.
Δάρδανος αὐ τέκεθ' υἱὸν Ἐριχθόνιον βασιλῆα...

Од. 21. 363, гдѣ женихи говорятъ Евмею:

Πῆ δὴ καμπύλα τόξα φέρεις, ἀμέγαρτε σὺβῶτα,
πλαγχτέ; τάχ' αὐ σ' ἐφ' ὕεσι κύνες ταχέες κατέδονται
οἶον ἀπ' ἀνθρώπων, οὓς ἔτρεφες, εἴ κεν Ἀπόλλων
ἡμῖν ἰλήκησι καὶ ἀθάνατοι θεοὶ ἄλλοι.

Дюнцеръ сознаетъ, что за словомъ *αὐ*, кромѣ перваго значенія, нужно признавать и одно изъ значеній Беймлейна, — именно значеніе, соответствующее значенію частицы *δα*. Дюнцеръ говоритъ: въ гораздо болѣе большомъ количествѣ случаевъ сравнительно съ тѣмъ, гдѣ *αὐ* имѣетъ значеніе нѣмецкаго *da*, предложеніе съ *αὐ* и *αὐτα* должно быть мыслимо въ извѣстномъ отношеніи къ предшествующей мысли, будетъ ли это отношеніе простаго присоединенія новой мысли къ прежней, или продолженія предыдущаго, или логическаго противопоставленія предшествующему. (*Viel häufiger sind die Fälle, wo der Satz, in welchem αὐ, αὐτα steht, auf das Vorige, sei es anknüpfend, sei es fortsetzend, sei es gegensätzlich bezogen wird*—стр. 583). Развитие такого значенія изъ перваго значенія *δα*, или, точнѣе сказать, существованіе одного значенія рядомъ съ другимъ въ одномъ и томъ же словѣ, Дюнцеръ находитъ возможнымъ, да и мы, руководясь статьею Квичалы о частицѣ *δα* (*Zeitschrift für österr. Gymn. XV. 313*), не можемъ съ нимъ не согласиться; но ими, по мнѣнію Дюнцера, вся синтаксическая сторона слова *αὐ* уже исчерпывается; остальные два значенія, указанные для этого слова Беймлейномъ, т. е. значенія „назадъ“ и „опять“, этотъ ученый за *αὐ* признавать ни въ какомъ случаѣ не хочетъ.

Для оправданія своего ученія о значеніи частицы *αὐ*, въ опроверженіе ученія Беймлейна, Дюнцеръ долженъ прежде всего уничтожить связь между *αὐ* и глаголомъ *αὐτέρειν*, въ которомъ значеніе „тянуть назадъ“ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію³²⁾. За тѣмъ онъ долженъ по крайней мѣрѣ перетолковать по своему всѣ мѣста, въ которыхъ Беймлейнъ видитъ *αὐ* въ значеніи „опять“, а также мѣсто Евр. Ел. 587 и примѣры, приведенныя Беймлейномъ на употребленіе слова *αὐτίς* въ значеніи „назадъ“, или же, по отношенію къ слову *αὐτίς*, доказать, что значеніе „назадъ“ въ немъ развилось изъ демонстративнаго значенія нѣмецкаго слова *da*, *благодаря окончанію* *τίς*.

Спрашивается, какъ на самомъ дѣлѣ Дюнцеръ удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ и въ самомъ ли дѣлѣ наши требованія настолько сильны, чтобы повести къ опроверженію ученія Беймлейна? О первомъ, т. е. о доказательствѣ отсутствія связи между частицею *αὐ* и словомъ *αὐτέρειν*, Дюнцеръ считаетъ лишнимъ распространяться: не смотря на многочисленныя заявленія боль-

³²⁾ Объ *αὐτέρειν* толкуютъ и *Etym. mag.* и Аполлоній Софистъ и Гесихій одинаково, именно въ томъ смыслѣ, что оно равняется обороту *εἰς τ' οὐπίσω* *ἔλκειν*. Шире объясняетъ слово *αὐτέρειν* схолиастъ Иліады (смотри Столиа Беккера къ стиху 1. 459). Онъ говоритъ: *αὐτέροισιν εἰς τ' οὐπίσω ἀνέκλων τὸν τράχηλον τοῦ θοοράνου ἰσρείου ὡς προσέχειν εἰς οὐρανὸν τοῖς θεοῖς, οἷς καὶ ἐθύοντο*.

шинства ученых въ пользу Веймлейна, онъ думаетъ (стр. 580), что въ отсутствіи связи между $\alpha\delta$ и $\alpha\delta\epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$ долженъ быть убѣжденъ каждый, кто занимается Гомеромъ (sic!); $\alpha\delta\epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$ онъ разлагаетъ не на $\alpha\delta + \epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$, а на $\alpha + \epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$, и предлагаетъ въ первой составной части α усматривать или видѣть съ Дедерлейномъ и Курціусомъ предлогъ $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$ ²³⁾, или санскритскій неотдѣляемый предлогъ *awa* (читатель удивляется видѣть съ нами Дюнцера послѣ сообщеннаго нами на страницѣ 51-ой). — Перетолковывать всѣ примѣры, въ которыхъ Веймлейнъ переводитъ слово $\alpha\delta$ словомъ *опять*, и замѣнять въ нихъ предлагаемое Веймлейномъ значеніе *опять* значеніемъ, очень легко вездѣ прививающимся, именно значеніемъ частицы $\delta\eta$, Дюнцеру не стоило труда, такъ какъ всегда можно предположить, что вторичность осуществленія того, что выражается *съ предложемъ* (я говорю *съ существительномъ*; мы не имѣемъ примѣровъ, гдѣ бы $\alpha\delta$ относено было къ существительному.. Для уразумѣнія этихъ мнѣній словъ я прошу читателя обратить вниманіе на то, что ниже сказано о примѣрѣ $\acute{o}\ \alpha\delta\epsilon\upsilon\ \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$), если бы даже исторически была прослѣдима, осталась, если не не дознанною говорящимъ, то по крайней мѣрѣ не выраженной имъ не только посредствомъ частицы, но и другимъ какимъ бы то ни было способомъ (не употребила же Эемистиды никакой частицы въ родѣ русскаго слова *опять*, когда въ Ил. 15. 99, встрѣтивъ Геру, возвратившуюся отъ Зевеса съ горы Иды, сказала:

„ $\text{Ἦρη, τίς τε βίβηκας, ἀποζομένη δὲ ἕοικας;$
 $\text{ἦ μάλα δὴ σ' ἐφόβησε Κρόνου παῖς, ὅς τοι ἀκούτης,$ “

а вѣдь намъ, какъ безъ сомнѣнія и Эемистидѣ, очень хорошо извѣстно, что подобное $\phi\omicron\sigma\epsilon\iota\upsilon$ происходило передъ тѣмъ не разъ. — Точно также на пр. у Евр. въ Ел. 782, въ словахъ $\tau\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\delta\epsilon\ \kappa\alpha\iota\acute{o}\nu\ \alpha\delta\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\varsigma$, можно вторичность осуществленія дѣйствія $\kappa\alpha\iota\acute{o}\nu\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\upsilon$ считать не выраженной посредствомъ частицы и для слова $\alpha\delta$ прискивать другое значеніе). Однако если у Дюнцера вся суть обличительной противъ Веймлейна аргументаціи заключается лишь только въ указаніи на не возможность какимъ нибудь примѣромъ *доказать* необходимость принятія частицы $\alpha\delta$ и $\alpha\delta\tau\epsilon$ непременно въ значеніи *опять* (хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внесеніе такого понятія въ контекстъ не про-

²³⁾ Курціусъ Grundz. der. gr. Etymol. 552 говоритъ: я согласенъ съ мнѣніемъ Дедерлейна, который (Gloss. 2290), какъ и многіе передъ нимъ, въ звукѣ α слова $\alpha\delta\epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$ видятъ предлогъ $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$. Значеніе *вытѣснять*, *сверхъ тѣмъ* отвѣчаетъ вполне употребленію этого слова (Ich stimme Döderlein bei, der, wie andere vor ihm, in dem α des Wortes $\alpha\delta\epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$ die Präposition $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$ erkennt. Die Bedeutung ausziehen, emporziehen ist durchaus angemessen). Курціусъ могъ не заходить такъ далеко въ толкованіи значенія слова $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$ и могъ больше придерживаться даже при такомъ этимологизированіи слова $\alpha\delta\epsilon\rho\acute{o}\tau\epsilon\upsilon$ уче-

творѣчить смыслу), то его работа оказывается безцѣльной³¹⁾ и наше требование, относящееся къ этой части его аргументаціи, слишкомъ слабымъ. Что касается мѣста Евр. Ел. 589, въ которомъ хоръ обращается къ возвратившемуся въ свой отечественный городъ Оресту съ словами:

Ἔμολες ἔμολες ᾧ χρόνος ἄμερα
κατέλαμψας, εἰδείξας ἐμφανῆ
πόλει πορσόν, ὃς παλαιᾷ φυγᾷ
πατρίων ἀπὸ δωμάτων τάλας
ἀλαιῶν ἔβα· σὲ θεός αὐ θεός
ἀμετέραν τις ἄγει νίκαν,

то относительно необходимости выраженія понятія *назадъ* посредствомъ особенной частицы *εἰς* *этомъ контекстѣ* мы должны сказать тоже самое, что говорили о необходимости выраженія въ рѣчи понятія „опять“ вообще; Дюнцеръ и здѣсь дѣла не сдѣлалъ. — Последнею задачею Дюнцера было, по нашему мнѣнію убѣдить насъ въ отсутствіи понятія *назадъ* въ словѣ αὐθις, или же доказать, что значеніе *назадъ* развилось изъ значенія нѣмецкой частицы *da*, благодаря окончанію *θις*. Перваго Дюнцеръ не дѣлаетъ, но, согласно съ Бейнлейномъ, оба эти значенія (которые онъ отрицалъ въ словахъ αὐ и

ніа древнихъ. Что и *ἀνὰ* обозначаетъ „назадъ“, на это указываетъ и Etym. Mag. (ἀνὰ σημαίνει τὴν ἐνω συρίαν καὶ τὴν εἰς ἐπίσω ἀνάκαμψιν) и живые примѣры (сравни ἀνατρέφεσθαι, ἀναχωρεῖν и т. д.)

³¹⁾ Сводя итоги разбору отдѣльных мѣстъ, Дюнцеръ говоритъ: Kein einziges Beispiel ist nachzuweisen, wo man αὐ αὐτε als wieder, von neuem fassen müsste, weil sonst dieser Begriff vermisst würde; этимъ словамъ предшествуетъ у Дюнцера слѣдующее: Denn wenn an einzelnen Stellen freilich der Begriff wieder, von neuem dem Sinne nicht widerspricht, so ist dieser in anderen, äusserlich ganz gleichen, unmöglich anzunehmen. Последнія слова сообщенной нами изъ Дюнцера выдержки говорятъ, конечно, больше, чѣмъ мы въ повѣщаемомъ ему сноскою пунктѣ высказали. Сужденіе Дюнцера справедливо, что αὐ и αὐτε, употребляемое въ типическихъ оборотахъ, должно имѣть и типическое значеніе. Такой типическій оборотъ есть на пр. γάρ αὐτε, γάρ αὐ, и мы должны согласиться съ Дюнцеромъ, что если есть несомнѣнныя примѣры, въ которыхъ при употребленіи оборота γάρ αὐте понятіе *опять* внести нельзя (а такой примѣръ Дюнцеръ отыскалъ между прочимъ въ Од. 9. 393, гдѣ сказано:

ὡς δ' ὅτ' ἀνὴρ χαλκῆς πέλεκυν μέγαν τῆ σκέπαρον
εἶν ὕδατι ψυχρῷ βάπτῃ μεγάλα ἰσχοντα
φαρμάσων· τὸ γάρ αὐτε σιδήρου γε κράτος ἐστίν·
ὡς τοῦ σίξ' ὀφθαλμοῦ· ἐλαϊνῆφ περὶ μοχλῶ),

то его нельзя признавать за αὐ при оборотѣ γάρ αὐ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ смыслъ значеніе его въ контекстѣ допускаетъ; но видъ Бейнлейна подъ значеніемъ *опять* привести и такіа мѣста, къ которымъ это замѣчаніе о типичности оборота Дюнцеръ отнести не можетъ. Для примѣра достаточно указать на діалогъ Платона, Βιβλίον (начало), гдѣ собесѣдникъ Сократа, сознавшись передъ Сократомъ, что нѣтъ за всего, чтобы онъ не снѣ-

αἰτε), въ словѣ αἰδῆς считается вѣрными ²⁴⁾). Примѣровъ на αἰδῆς онъ не приводитъ никакихъ; но засвидѣтельствованіе такихъ значеній древними ²⁵⁾ и примѣры въ родѣ ὁ αἰδῆς χρόνος ²⁶⁾ (гдѣ αἰδῆς отнесено къ существительному и уже въ значеніи частицъ δέ и δὴ ни въ какомъ случаѣ не мыслимо), должно быть, побудили его *признать* эти два значенія за словомъ αἰδῆς. Въ своемъ этимологическомъ составѣ слово αἰδῆς не имѣетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ словами αἰ и αἰτε, что могло бы придавать исключительно *ему* такое значеніе ²⁷⁾, и мы можемъ допустить разницу въ значеніяхъ этихъ 3-хъ словъ только въ смыслѣ *экономіи языка*, по которой они всегда могли употребляться такъ, что въ одномъ изъ нихъ больше простора получило одно значеніе, а въ другомъ другое; но *зародивш*

залъ на вѣщъ, надъ нимъ смѣются, какъ надъ бѣшеннымъ (καταγελασέντες αὐτὸν ὡς μαωρίνου), потомъ расказываетъ, что подаетъ жалобу на кого—то, и, будучи спрошенъ Сократомъ, на кого, отвѣчаетъ ὃν διώκων αὐτὸν δοκῶ μαωρίνου.

²⁴⁾ So wenig αὐ αἰτε je die Bedeutung wieder hat, so wenig hat αἰδῆς die Bedeutung der Wiederholung je eingebüsst (!) die bei dem Wege, der gegangen wird, natürlich meist auf ein Zurückgehen sich bezieht. (стр. 592).

²⁵⁾ Etym. mag. говоритъ: αἰδῆς—σημαίνει τὸ ἐξ ὀστέρου, ἢ τὸ ἐκ δευτέρου. Свидѣ: αἰδῆς ἐκ τ' οὐκίω (рѣшать вопросъ, относящійся къ двойности орфографіи этого слова, именно αἰδῆς и αἰδῆς, мы считаемъ отдаленнымъ отъ нашей задачи).

²⁶⁾ Платонъ о законахъ 934 А. οὐδ' ἔνεκα τοῦ κακοῦργήσαι διδοῦς τῆν δίκην, οὐ γάρ τὸ ὑπερβολὸς ἀφέντων ἔσται ποτὲ, τοῦ δ' εἰς τὸν αἰδῆς ἔνεκα χρόνον ἢ τὸ παράπαν μισῆσαι τῆν ἀδικίαν.

²⁷⁾ Дюнцеръ на стр. 592-й известнаго намъ сочиненія толкуетъ такъ: „αἰδῆς образовано не непосредственно отъ слова αἰ, а отъ слова αἰτός, и обозначаетъ: *этимъ способомъ, такимъ же способомъ* (изъ послѣдняго значенія Дюнцеръ развиваетъ значенія *опять и назадъ*); αἰδῆς есть тоже самое слово, что αἰτός; орфографія его можетъ основываться на ложной аналогіи слова αἰδῆ (könnte auf falscher Analogie des αἰδῆ beruhen)“. И по мнѣнію Бенфея слово αἰδῆς образовано отъ слова αἰτός, а не отъ αἰ (Wurzell. I. 275); какъ оно образовалось, это Бенфеемъ не показано; но αἰδῆς онъ производитъ уже непосредственно отъ αἰ; окончаніе δῆς онъ уравниваетъ съ санскритскимъ окончаніемъ his, или болѣе первоначальнымъ dhis (Wurzell. II. 269), обозначающимъ направленіе *откуда*. Мнѣніе Бенфея относительно αἰδῆς имѣетъ за собою прочное основаніе (онъ указываетъ въ мѣстѣ, на которое мы только что сослались, на аналогическія отношенія между санскритскими окончаніями dha, dhas и dhi, dhis. Первые, не имѣющія s, обозначаютъ спокойствіе на мѣстѣ, вторыя обозначаютъ направленіе *откуда*; примѣровъ много встрѣчаемъ тамъ же), мнѣніе же Дюнцера есть чистѣйшая догадка. Держась мнѣнія Бенфея, мы видимъ, что въ словѣ αἰδῆς понятіе *назадъ* можетъ заключаться только въ *первой* составной части αἰ. Въ самомъ дѣлѣ, слово αἰδῆς въ значеніи *назадъ* отвѣчаетъ на вопросъ *куда*—указываетъ, значить *на движеніе*; δῆς, по мнѣнію Бенфея имѣетъ въ виду только точку, какъ начало движенія, а *направленіе движенія* (назадъ) выражено уже въ αἰ. Что касается слова αἰτός, то если бы даже образованіе его, предлагаемое Дюнцеромъ, было вѣрно, все же отъ вѣрныхъ его значеній *опять назадъ*, или хотя бы даже отъ суммирующаго ихъ, по мнѣнію Дюнцера, значенія *такимъ же способомъ*, къ значенію предполагаемому Дюнцеромъ первоначальнымъ, именно къ значенію *этимъ способомъ*, переходъ довольно труденъ. (Въ русскомъ языкѣ къ слову *этомъ* должно было присоединиться слово *эсе*, для того чтобы оно могло выразить повтореніе.

этих значеній въ корнѣ означенныхъ 3-хъ словъ и, прибавимъ, не только ихъ, но и этимологически, вѣроятно, тѣсно съ ними связаннаго и очень важнаго въ нашомъ вопросѣ слова $\alpha\phi$ ²²⁾, долженъ быть для всѣхъ одинаковъ; самихъ же значеній будетъ четыре, именно: назадъ опять, $\delta\phi$ и $\delta\alpha$.—Какое значеніе преобладаетъ въ каждомъ изъ нашихъ словъ, на это указывать здѣсь не станемъ. (Въ чешскомъ языкѣ всѣ 4 значенія сосредоточены въ словѣ *rak*—слав. *пакн*; сравни слова: *паорак*—въ противоположную сторону, *ораковати*—повторять; *со rak to . mluviti?*— $\tau\acute{\iota}$ $\delta\eta$ $\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\tau\epsilon$ $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\sigma\tau\epsilon$; *vy odejete*, *шу rak ostavom zde*— $\upsilon\pi\alpha\gamma\epsilon\iota$ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\sigma\mu\alpha\tau\alpha$, $\eta\mu\epsilon\iota\varsigma$ $\delta\epsilon$ $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\alpha\iota\mu\epsilon\nu$). Напрасно стремился Дюнцеръ уничтожить связь между *αβερύειν* и *αβ* и ошибочно объяснялъ корень всѣхъ разбрасныхъ нашихъ словъ «демонстративно проминальнннъ:» На это не давало ему право ни то *awa*, на которое онъ ссылается (*awa* всѣ переводятъ латинскимъ предлогомъ *ab*. Бенсей: *Wurzell. I. 126* говоритъ, что *awa* обозначаетъ «*Wechselverhaeltniss von einem Orte zum anderen*»), ни всѣ тѣ греческія слова, которыя онъ приводитъ рядомъ съ санскритскимъ *awa* (см. стр. 51), — какъ тѣ, которыя мы уже разобрали, такъ и тѣ, которыя нами еще неастроуты.

II. 3.

Если мы изобразимъ перемѣну направленія съ одной стороны знаками $\leftarrow$ и $\rightarrow$, а съ другой знакомъ $\curvearrowright$, то разница между этими двумя грамматическими изображеніями перемѣны движенія будетъ опредѣляться вотъ чѣмъ: въ первомъ случаѣ эта перемѣна движенія будетъ заключаться въ противоположности двухъ направленій, а во второмъ только отрицается прямота линіи, по которой движется предметъ; къ первому случаю относится вопросъ:

²²⁾ Что $\delta\phi$ имѣютъ одинаковъ корень съ словами *αβ*, *αβτε*, *αβδς*, это видно даже изъ указаній древнихъ. *Etym. mag.* разлагаетъ слово *αβτε* на α - β - $\tau\epsilon$, появленіе въ немъ буквы τ объясняетъ плеоназмомъ, а буквы α , составляющей, по его мнѣнію, первую составную часть, придаетъ значеніе назадъ ($\sigma\mu\alpha\tau\omega$). Замѣчательно: *Etym. mag.* отличаетъ нѣсколько значеній представочнаго α и употребляетъ для нихъ терминовъ какъ то: α *σπριτικόν*, α *ἐπιπτικόν* (въ словахъ напр. $\alpha\beta\lambda\eta\chi\rho\varsigma$, $\alpha\beta\rho\mu\omicron\varsigma$, $\alpha\beta\rho\iota\chi\mu\omicron$), α *σπραινόν* $\tau\omicron$ $\acute{\omicron}\mu\omicron$ (напр. $\alpha\beta\epsilon\lambda\rho\varsigma$) и α *πλεονατικόν*; только въ 3-хъ словахъ, на сколько мы замѣтили, именно въ словѣ $\alpha\chi\lambda\omicron\upsilon\delta\omicron\varsigma$, $\alpha\beta\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\upsilon$ и $\alpha\beta\tau\epsilon$, признаетъ его за *σπραινόν* $\tau\omicron$ $\acute{\omicron}\mu\omicron$ и производитъ его *sub voce αβερύειν* отъ слова $\alpha\phi$ ($\tau\omicron$ $\delta\epsilon$ α , $\tau\omicron$ *σπραινόν* $\tau\omicron$ $\acute{\omicron}\mu\omicron$, $\alpha\beta\tau\omicron\upsilon$ $\alpha\phi$ $\eta\tau\omicron\upsilon\omicron\upsilon\epsilon$; $\alpha\beta$ здѣсь *Etym. mag.* не усматриваетъ да и вообще объ $\alpha\beta$ въ этомъ словарѣ нѣтъ и помину). Фонетическіе законы вовсе не противорѣчатъ такому оближенію слова $\alpha\phi$ съ словомъ $\alpha\beta$. Въ латинскихъ формахъ *abfero*, *abstuli* видна аналогія той фонетической перемѣнѣ, которая требуется для перехода отъ $\alpha\beta$ къ $\alpha\phi$. Кажется, что и лат. *a*, *ab*, *abs*, и греч. $\alpha\beta$ имѣютъ одинаковое начало въ санскритскомъ вышеупомянутомъ *awa* (прочь). Другое доказательство для тождественности корня словъ $\alpha\beta$ и $\alpha\phi$ мы приведемъ ниже. Объ этой тождественности думалъ уже Поттъ (*Et. Forssch. II. 132, 316*), категорически ее высказалъ Хрестъ (*Lautlehre* 262). Она для насъ очень важна, потому что значеніе *назадъ*, признавать которое не хотѣлось Дюнцеру въ словѣ $\alpha\beta$, не оспорию въ словѣ $\alpha\phi$.

туда движется предметъ, и получается отвѣтъ: вправо, влѣво и т. д., а ко второму случаю относится вопросъ, какъ движется предметъ, и получается въ отвѣтъ, что не по прямой линіи, а что, дошедши до извѣстнаго пункта, подвергается повороту. Последнее т. е. отрицаніе прямоты линіи въ движеніи предметовъ мы положимъ въ основаніе опредѣленію значенія того ἔτομον, въ которому сводятся все выше разбираемыя слова: означенное ἔτομον *будеть имѣть значеніе «не впередъ»* ³⁹⁾;—къ такому положенію повело насъ все вышесказанное; мы назвали бы корень разбираемыхъ нами словъ *не додестративно—прономинальнымъ*, какъ это дѣлаетъ Дюнцеръ, а—*модально-прономинальнымъ*.

Слова αὐ, αὐτίς, αὐτε, αὐψ, исходя отъ общаго значенія *не впередъ*, могли дѣйствительно развить, каждое по своему, и значеніе *назадъ*, и значенія: *дѣ* (переходъ въ рѣчи къ предмету, совершенно другому сравнительно съ предшествующимъ), *все кружюмъ* ⁴⁰⁾, *опять*, *дѣ* (какъ частицы, прикрѣпляющей съ извѣстною силою наше представленіе къ тому слову, или къ тому предложенію, при которомъ она поставлена).—Αὐτίχα (мы переходимъ къ другимъ словамъ, указаннымъ Дюнцеромъ, какъ этимологически связаннымъ съ словомъ αὐ), какъ частица времени (такую дѣлается она при посредствѣ окончанія ίχα; ср. πηίχα ἡίχα), указываетъ на то, что извѣстное дѣйствіе, въ предложеніи котораго слово αὐτίχα поставлено, не должно быть отнесено къ другой, болѣе удаленной точкѣ времени, чѣмъ на которой наше представленіе находилось по отношенію къ непосредственно предшествующему дѣйствію. Αὐθι, какъ частица мѣста (частицею мѣста оно дѣлается при посредствѣ окончанія θί, которое Бенфей: Wurzellexikon II. 269 сопоставляетъ съ санскритскимъ dhi, обозначающимъ спокойствіе на мѣстѣ; ср. выносу 27.), равняется своимъ значеніемъ обороту: *все на одномъ и томъ же мѣстѣ, не двигаясь съ мѣста* ⁴¹⁾. Въ мѣсто αὐθι встрѣчается не

³⁹⁾ Мы согласны съ Бенфеемъ, который Wurzell. I. 275 производитъ отрицаніе οὐ отъ того же корня, отъ котораго происходятъ слова αὐ αὐτίς и т. д.

⁴⁰⁾ Такое значеніе развило слово αὐ въ compositum ἀφόρροος. Ἀφόρροος есть у Гомера, какъ извѣстно, эпитетъ Океана; въ схоліяхъ Беккера говорится (смотри schol. ad II. 18. 399), что это слово прибавляется къ слову Ὠκεανός „διὰ τὸ κύκλω περιβαῖν τὴν γῆν.“ Вотъ доказательство, которое мы имѣли въ виду въ 38-й выноскѣ; оно заключается въ засвидѣтельствованіи развитія въ словѣ αὐ значеній, по направленію, тождественному другимъ словамъ, образованнымъ отъ αὐ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду слово αὐτού, о которомъ смотри ниже.

⁴¹⁾ Что αὐθι не есть ἀναρκίον, ни ἀναρκίον, а что его надобно понимать именно за *модальное* слово, это видно лучше всего изъ мѣста Од. 8. 275, гдѣ отсутствіе всякаго отношенія слова αὐθι къ *опредѣленному мѣсту* неоспоримо; мѣсто это слѣдующее:

Ἦφαιστος δ' ὡς οὖν θυμάλγέα μῦθον ἄκουσεν,
βῆ ῥ' ἔμην ἐς χαλκῶνυα, χακὰ φρεσὶ βουσοδομεύων
ἐν δ' ἔθετ' ἀχιυθέτφ μέγαν ἄχιμονα, κόπτε δὲ δεσμοὺς
ἄρρηκτοὺς ἀλύτους, ἔφρ' αὐθι μένοιεν.

только то αὐτόθι, на которое нами выше было указано (смотри выноску 28 ю), но, какъ извѣстно, и адвербіальное αὐτοῦ ⁴²⁾.

Мы не считаемъ нужнымъ объяснять значеніе другихъ нарѣчій, связанныхъ этимологически съ словомъ αὐτός; и перейдемъ къ главному предмету этой главы, т. е. къ самому слову αὐτός. Последнее, какъ слово адъективно-склоняемое, имѣющее 3 разныя окончанія для 3-хъ разныхъ грамматическихъ родовъ и долженствующее всегда синтаксически опираться на извѣстное поименованіе предмета, нужно признать, если не хотимъ погрѣшать противъ послѣдовательности, за слово, служащее не для диктическаго, или анафорическаго, или прямаго личнаго обозначенія предмета, а только для прикрѣпленія, приотстановленія нашего вниманія на томъ предметѣ, на поименованіе котораго оно синтаксически опирается. По этому - по оно и можетъ быть:

1. Средствомъ для затверженія въ памяти слушателя извѣстнаго предмета, какъ опредѣлителя извѣстнаго сказуемаго (αὐτός intensivum).

2. Средствомъ для вызова въ умъ слушателя логическаго сопоставленія тамъ, гдѣ авторъ или хочетъ указать слушателю на особенность подбора предмета, къ которому приходится отнести сказуемое (αὐτός progressivum), или направляетъ его прямо къ предмету помимо всею, что въ его представленіи съ этимъ предметомъ соединено (αὐτός distinctivum и αὐτός immediabilitatis).

3. Средствомъ, коимъ наша представительная сила, приуроченная уже прежде къ извѣстному предмету, какъ опредѣлителю сказуемаго, имѣетъ быть удержана при этомъ предметѣ, поелику приходится опредѣлить на немъ:

а) Это сказуемое какъ на исключительномъ, въ извѣстномъ направленіи, его опредѣлитель (αὐτός monadicum),

б) тоже сказуемое и въ другомъ противъ прежняго направленіи (αὐτός reflexionis).

в) новое сказуемое въ какомъ бы то ни было направленіи (сильное и слабое αὐτός identitatis).

⁴²⁾ Какъ на особенно замѣчательное употребленіе слова αὐτοῦ, укажемъ на мѣсто Ол. 5, 275:

οὐδέ οἱ ὕπνος ἐπὶ βλεφάροισιν ἐπίπτεν
Πληιάδα; τ' ἑσπερώντι καὶ ὄψε δόντα Βοώτην
"Архтон θ', ἦν καὶ ἄμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν,
ἦτ' αὐτοῦ στρέφεται καὶ τ' Ὀρίωνα δοχεύει,
οἷη θ' ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὀκεανοῖο.

Тоже самое мѣсто встрѣчается въ Ил. 18. 488; тамъ слово αὐτοῦ схолиастъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: ἦτις περὶ τὸν ἀρκτικὸν καὶ ἀεὶραντὸν κύκλον ἦτοι πόλον στρέφεται. Эти мѣста мы и имѣли въ виду въ 40-й выноскѣ.

Прибавленіе.

Разсматривая еще разъ всѣ синмазіологическіе оттѣнки слова αὐτός по всѣмъ примѣрамъ, которые нами приведены въ I-ой главѣ этой части, мы находимъ, что вездѣ необходимо съ словомъ αὐτός синтаксически соединять, или по крайней мѣрѣ подразумѣвать, вообще *вызывать въ нашемъ мышленіи* слово, какъ средство, представляющее намъ *непосредственно* тотъ предметъ, къ которому отнесено αὐτός, какое бы это средство изъ приведенныхъ на стр. 14. ни было. При одномъ только слабомъ αὐτός identitatis (см. стр. 44), при томъ αὐτός, которое составляетъ, хотя не по внѣшнему количеству употребленія его, но качественно, въ ряду съ другими синмазіологическими оттѣнками, самую ничтожную часть всего αὐτός, мы можемъ предположить, что грекъ этой необходимости не чувствовалъ; мы это можемъ преположить даже тогда, если допустимъ, что онъ при чтеніи такого αὐτός вовсе не упускалъ изъ виду *общаго значенія* ея. Если на пр. грекъ говорилъ: Κλέαρχος φοῦράς ἦν· — τοῦτῃ συγγενόμενος ὁ Κύρος ἠγάσθη αὐτόν καὶ ἔδωκε κ. т. д. (Ксен. Ан. I. 1. 9.)⁴²⁾, то слово αὐτός могло не вызывать въ мышленіи слушателя словъ Κλέαρχος и τοῦτῃ уже потому, что и такъ его мысль всецѣло занята обозначаемымъ этими словами предметомъ и онъ уже напередъ знаетъ, къ кому ἠγάσθη относится, такъ что на появленіе въ рѣчи даже самаго слова αὐτός, не говоря уже о вызваніи въ его мышленіи словъ Κλέαρχος и τοῦτῃ, не дѣлаетъ никакихъ притязаній и указаніе говорящаго, упомянутое нами въ 42 выноскѣ, — почти лишнее (нѣтъ нужды приводить примѣры для увѣренія читателя въ томъ, что на самомъ дѣлѣ слабое αὐτός ident. часто пропускается; это извѣстно каждому, сколько нибудь знакомому съ греческими авторами). Если дѣйствительно, какъ утверждаетъ Аполлоній (смотри выноску 23), слабое αὐτός identitatis подвергалось энклизису, то этимъ энклизисомъ, какъ мы замѣчаемъ, достигалось многого: говорящій давалъ имъ знать, что онъ еще передъ произношеніемъ этого слова и самъбылъ приготовленъ, и слушателя считалъ приготовленнымъ на отнесеніе сказуемаго къ извѣстному уже предмету (такъ что постановка такого αὐτός равнялась упомянутому выше выпущенію его), между тѣмъ какъ при ὀρθοτονοῦμενον αὐτός или, говоря болѣе специально, при *сильномъ* αὐτός identitatis (о другихъ оттѣнкахъ слова αὐτός мы здѣсь уже не станемъ говорить), онъ на что нибудь подобное не рассчитывалъ; вслѣдствіе чего и явилась потребность, *вызвать въ нашемъ мышленіи* упомянутое выше (въ 5-й строчкѣ „прибавленія“) слово и присоединить его къ слову αὐτός, тѣмъ больше что само слово αὐτός, какъ модальное слово, къ предмету непосредственно не ведетъ.

Что слабое αὐτός ident. употреблялось только о *предметахъ* 3 л., на это

⁴²⁾ Держась общаго значенія слова αὐτός, говорящій хочетъ въ приведенномъ нами изъ Анаксиса примѣрѣ словомъ αὐτός сказать слушателю слѣдующее: Для пассивнаго опредѣленія слова ἠγάσθη ты не ищи новаго предмета, а оставайся при томъ, который занимаетъ твою мысль въ настоящее время.

нами указано уже на стр. 44; первое и второе лице имъ не пользовались (грекъ не говорилъ напр. ἀφίκετο πρὸς ἐμὲ, καὶ ἔδωκε αὐτῷ—въ смыслѣ „миѣ“—καὶ τοῦτα δῶρα); тамъ не отставалъ языкъ отъ словъ ἐγώ и εὖ, а только ихъ выкликивалъ въ извѣстныхъ случаяхъ; для 3-го же лица слово αὐτός очень пригодилося, такъ какъ оно освобождало языкъ отъ необходимости, *поименовывать* предметъ, когда уже достаточно извѣстно, какъ онъ называется, или *указывать* на него, когда онъ намъ уже достаточно знакомъ, или, наконецъ, *анафоровать* его изъ контекста или изъ происходившаго въ насъ въ другое, удаленное уже время представленія, когда рѣчь въ этомъ мѣстѣ представляетъ ничѣмъ не прерванное продолженіе предшествующей, относящейся къ нему же, рѣчи⁴³⁾.

Намъ скажутъ, что, вычисляя средства для обозначенія предметовъ 3-го лица, мы забыли совершенно объ οὐ οἷ ἐ, что все то, что мы теперь говорили объ αὐτός, есть чуть ли не повтореніе сказаннаго нами объ οὐ на страницахъ 16 и 17. и что при существованіи этого послѣдняго слова въ языкѣ и при признанномъ нами на стр. 17-ой его значеніи, въ слабости αὐτός identitatis совершенно также не нуждался языкъ *въ третьемъ лицѣ*, какъ и *въ первомъ и во второмъ лицахъ*. На это мы отвѣтимъ, что если бы языкъ и не нуждался въ такомъ словѣ, то ничто не помѣшало бы ему обогатить себя и присоединить къ имѣющемуся въ немъ уже средству средство новое, если только это новое средство способно, на основаніи общихъ законовъ языка, проложить себѣ дорогу къ отождествленію его съ другимъ средствомъ. Это, впрочемъ, слишкомъ общій отвѣтъ на предполагаемое нами возраженіе; относя же это возраженіе къ словамъ οὐ и αὐτός, мы находимъ въ немъ скорѣе поводъ указать на довольно опредѣленное различіе въ употребленіи каждаго изъ этихъ словъ, чѣмъ признать ихъ тождественными. Надобно припятъ во вниманіе, что 3 грам. лицо принимаетъ въ свою область предметы и одушевленные, и неодушевленные, между тѣмъ какъ предметы, обозначаемые черезъ ἐγώ, εὖ, уже всегда, хотя бы даже при посредствѣ олицетворенія, рассматриваются какъ одушевленные. Замѣчательно, что Гомеръ слово οὐ, οἷ, ἐ въ указанномъ нами на стр. 17. значеніи, употребляетъ крайне рѣдко о не одушевленныхъ предметахъ. Примѣры въ родѣ Ил. 1. 236:

καὶ μὰ τὸδε σῆπτρον, τὸ μὲν οὐκ ὄψατο φύλλα καὶ ὄζουσι
φύσσι, ἐπειδὴ πρῶτα τομῆν ἐν ὄρεσσιν ἔλελοιπεν,

⁴³⁾ Живымъ ἀνάλογον къ слову αὐτός, по отношенію ограниченія его на предметы третьяго лица, является славянское мѣстоименіе ѡ, ѡа, ѡа. Мы знаемъ, что это мѣстоименіе въ церковнославянскомъ языкѣ, въ соединеніи съ частицею же, употреблялось въ качествѣ *относительнаго мѣстоименія*, мѣстоименія, значить, общаго всѣмъ грамматическимъ лицамъ. Что частица же сама не сдѣлала его ни относительнымъ, ни способнымъ быть относимымъ ко всѣмъ грамматическимъ лицамъ, въ этомъ никто изъ насъ сомнѣваться не будетъ, и мы можемъ смѣло сказать, что вся причина этой двойственности его употребленія заключается въ способности самого разбираемаго нами мѣстоименія.

οὐδ' ἀναθλήσασιν· παρὶ γὰρ ῥά ἐ χαλκὸς ἔλαφον
φύλλα τε καὶ φλοίων· νῦν αὖτέ μιν οἷος Ἀχαιοῶν
ἐν καλάμῃς φορέουσι δικασκῆλοι, οἳ τε θάμιστας
πρὸς Διὸς εἰρύσασται,

во всемъ Гомерѣ встрѣчается только еще въ Од. 15. 117.

δαίσιον τοι κρητῆρα τετυγμένον· ἀργύρεος δὲ
ἔστιν ἄπας, χρυσῷ δ' ἐπὶ χεῖλα κειράαντων,
ἔργον δ' Ἡφαιστοῖο· πόρην δὲ ἐ Φαίδιμος ἦρας

(тотъ же примѣръ повторяется въ Од. 4. 617),

въ Од. 7. 216. οὐ γὰρ τι στυγαρῆ ἐπὶ γαστέρι κύνταρον ἄλλο
ἔπλετο, ἦτ' ἐκέλευσε εἶο μνήσασθαι ἀνάγκη,

въ Од. 4. 355. νῆρος ἔπειτά τις ἔστι πελοχλόστῃ ἐνὶ κόντῃ
Αἰγύπτου προκάρουδα, Φάρον δὲ ἐ κιλῆσκουσιν.

Очень можетъ быть, что причина появленія слова οὐ въ этихъ примѣрахъ была тоже одицетвореніе: по крайней мѣрѣ, въ Од. 7. 216 оно не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Надобно полагать, что οὐ, οἳ, εἶ въ значеніи, о которомъ мы говоримъ, выразило лишь только требованіе на уравненіе его съ словами ἐγώ и σύ, если прежде всего по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ допустило развитіе слабаго αὐτός identitatis. Не такимъ оказывается у Гомера слово μιν; последнее очень часто употребляется о неодушевленныхъ предметахъ (Ср. Од. 4. 617, 5. 256, 9. 120, 10. 1, 10. 305, 12. 76, 13. 188, 13. 239, 19. 441, 22. 125.—21. 150, 21. 246, 21. 294, 29. 338, Ил. 20. 214, 21. 585 и т. д.). Мы до сихъ поръ только не хотѣли идти въ разрѣзъ съ обычною группировкою, приводя μιν вездѣ рядомъ съ словомъ οὐ οἳ εἶ, хотя оно симзиологически скорѣе приближается къ слабому αὐτός identitatis⁴³).

⁴³) Наше мнѣніе о симзиологической близости словъ αὐτός и μιν находитъ себѣ поддержку въ производствѣ слова μιν приведенномъ Курціусомъ (смотри: Grundzüge der gr. Etym. стр. 582). Онъ не соглашается съ тѣми, которые производятъ форму μιν отъ корня *ma* и форму *viv* отъ корня *na*,—по той-же причинѣ, что въ такомъ разѣ нужно бы ожидать винительные надежи *mon* и *von*; Курціусъ вѣстѣ съ Дедерлейномъ возводитъ форму μιν на первоначальное *ip*—*ic*; онъ указываетъ въ ней на фонетическое чередованіе въ греческомъ языкѣ звуковъ *μ* и *ν*, находитъ на основаніи этого закона возможною и форму *viv* и считаетъ, какъ видно, оба эти слова, *mon* и *von*, за удвоенныя формы отъ прономинального корня *i*, распространяющагося, какъ мы знаемъ, въ *ja*; однимъ словомъ, и *mon* и *von* панеминуютъ себою въ этимологическомъ, и даже, какъ оказывается, въ симзиологическомъ отношеніи упомянутое нами въ предшествующей сноскѣ мѣстоимѣніе *и*, *м*, *ю*.—То сопоставленіе словъ *μιν* и *εἶ*, которое мы находимъ у Амеяса (смотри: Homerische Kleinigkeiten Mühlh. 1861. стр. 22), и по которому *μιν* указываетъ на что нибудь, данное самимъ рассказомъ, или находящееся на лицѣ, а *εἶ* на что нибудь, находящееся только

Въ памятникахъ аттическаго нарѣчія слабое αὐτός identitatis заходить гораздо больше, чѣмъ въ Гомерѣ, въ ту область слова οὐ, которая нами принята за *первоначальную*. Послѣднее, конечно, не было *совсѣмъ* вытѣснено первымъ: примѣръ Ксеп. Анав. 5. 4. 33. (ἐζήτουσιν δὲ οἱ Μοσσύνοικοι ταῖς ἐταίραις, ἃς ἦγον οἱ Ἕλληνες, ἐμφανῶς συγγίγνεσθαι. νόμος γάρ ἦν οὗτός σφισι) не есть единственный этого рода, хотя и рѣдкость (смотри Кюннеръ: Ausf. Gr. § 455 5. 8). Слово οὐ, οἶ, ἔ оставалось тогда уже только въ роли такъ называемаго *возвратнаго мѣстоименія*, гдѣ активнымъ опредѣлителемъ сказуемаго является предметъ тождественный съ его подлежащимъ. Мы говоримъ „оставалось въ роли такъ называемаго возвратнаго мѣстоименія“, а не „перешло въ роль возвратнаго мѣстоименія“ и думаемъ, что возвратное значеніе слова αὐ οἶ ἔ есть только *ограниченіе употребленія его, какъ прямою личною показателя 3 л.* (что оно въ этомъ случаѣ усиливается словомъ αὐτός, объ этомъ мы говорили на стр. 31). Въ самомъ дѣлѣ, если Гомеръ напр. въ Ил. 4. 335 говоритъ:

Θρήϊκες ἀκρόκομοι, δολίχ' ἔγχεα χερσίν ἔχοντες,
οἶ ἔ, μέγαν περ ἔόντα καὶ ἱρθιμον καὶ ἀγαθόν,
ᾧσαν ἀπὸ σφείων,

то σφείων здѣсь ни чуть не отличается относительно возможности его употребленія отъ словъ ἐγώ и σύ, употребленныхъ на пр. у Дем. 40. 8 (ὄμαῖς τοὺς ὀμετέρους παῖδας ἀγαπάτε) и у Плат. Лах. 179. (αἰτιώμεθα τοὺς πατέρας ἡμῶν), однако не заслуживающихъ отъ того названія возвратныхъ мѣстоименій. Ограничиваясь ролью возвратнаго мѣстоименія, слово οὐ, οἶ, ἔ само вытѣснило изъ нея тѣ слова, на которыя эта роль была прежде распространена (оно потомъ и могло быть названо reflexivum κατ' ἐξοχήν; см. стран. 32). Мы имѣемъ здѣсь въ виду опять слова μὴν и αὐτός: употребленіе этихъ словъ въ рефлексивномъ значеніи служитъ опять таки доказательствомъ такимъ-же и тому-же, каковымъ и чему послужили выше слова ἐγώ и σύ. Что μὴν употребляется у Гомера рефлексивно, въ этомъ убѣждаетъ насъ повторяющійся столь часто оборотъ τῷ μιν εἰσάμενος (смотри напр. Од. 6. 24, Ил. 2. 22, 2. 795, 16. 720, 20. 82. и т. д.); что и на αὐτός распространено было у Гомера возвратное значеніе, это мы видимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Од. 4. 247. Елена рассказываетъ объ Одиссеѣ, какъ онъ
ἄλλφ δ' αὐτὸν φωτὶ κατακρύπτων ἦισκεν,
δέχτη, ὃς οὐδέν τοῖος ἔην ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν.

въ нашемъ представленіи, (jenes weist auf etwas durch die Erzählung gegebenes oder in der wirklichen sinnlichen Anschauung vorhandenes hin, dieses dagegen geht auf etwas bloss in der Vorstellung befindliches), если *само себя* неопровергаетъ окончательно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ дѣло съ чѣмъ то слишкомъ неудовимымъ на конкретныхъ случаяхъ, чтобы заслужить довѣріе, особенно когда не имѣетъ для себя другихъ доказательствъ чѣмъ одни контексты.

τῷ Ἴκελος κατέδω Τρώων πόλιν, οἱ δ' ἀβάκησαν
πάντας·

Од. 2. 125. Антиной говоритъ Телемаху о Пенеполѣ:
τόφρα γὰρ οὖν βίοτον τε τεὸν καὶ κτήματ' ἔδονται,
ἕφρα καὶ κείνη τοῦτον ἔχῃ νόον, ὄντινα οἱ νῦν
ἐν στήθεσσι τιθεῖσι θεοί. μέγα μὲν κλέος αὐτῇ
ποιεῖτ', αὐτὰρ σοίγε ποθὴν πολέος βίοτιο.

Ил. 9. 342. ἐπαὶ ὅστις ἀνήρ ἀγαθὸς καὶ ἐχέφρων,
τὴν αὐτοῦ φιλεῖ καὶ κήδεται, ὡς καὶ ἐγὼ τὴν
ἐκ θυμοῦ φίλεον δουρικτητὴν περ εἰούσαν ⁴⁶⁾:

⁴⁶⁾ Примѣры эти приводятъ Аполлоній смотря *περὶ ἀντ.* стр. 101. Въ Од. 2. 125
вѣтъ вмѣсто αὐτῇ αὐτῆς, а поимѣта объясняютъ въ значеніи γίγεται (смотри Аполлонія
περὶ ἀντ. 102); въ такомъ случаѣ, конечно, этотъ примѣръ не подходилъ бы сюда (хотя
и подобномъ толкованіи нарушается вся синтаксическая симметрія предложенія, выходя-
щаго въ себѣ слово αὐτῆς, съ слѣдующимъ); но за то редакция другихъ двухъ
шѣровъ, въ приведенномъ нами ея видѣ, не оспорима. Конечно, легко было во
всѣхъ этихъ примѣрахъ вмѣсто αὐτὸν поставить αὐτῶν, вмѣсто αὐτῆς αὐτῆς (такъ
и въ другихъ рукописи сдѣлали; смотри изданіе La Roche); но вѣдь намъ извѣстно, что у Го-
мера композиціи ἑαυτοῦ ἑαυτῶ и т. д. не встрѣчаются, а всегда только οὗ αὐτοῦ οἱ αὐτῶ
и т. д. Видишь: *Relativpronomen: Gurtius Studien* II. 2. стр. 349.—Схолія къ Ил. 9. 342
сказываетъ Птолема за то, что онъ въ этомъ стихѣ поставилъ αὐτῶν вмѣсто αὐτοῦ и что
онъ считаетъ, „ὅτι Ὀμηρὸς οὐδέποτε συνθέτω χεῖρηται ἀνωνομίας“); тѣмъ менѣе можно предположить
существованіе формъ αὐτοῦ αὐτῆς. Можно еще принимать въ этихъ примѣрахъ слово αὐτός
только за αὐτός reflexionis и считать мѣстоименіе οὗ οἱ ἔ пропущеннымъ (такіе пропуски и мы
встрѣчали въ I-й главѣ 2-й части нашего сочиненія и при другихъ значеніяхъ слова αὐτός,
въ αὐτός reflexionis такой пропускъ необходимо принять въ Од. 10. 87, гдѣ сказано:

αὐτὰρ ἐμοὶ πνοιτὴν Ζεφύρου προέηκεν ἀνήρα,
ἕφρα φέροι νῆάς τε καὶ αὐτούς· οὐδ' ἄρ' ἔμελλεν
ἔκτελέειν. αὐτῶν γὰρ ἀπώλομεθ' ἀφραδίῃσιν,

въ αὐτῶν вызывается въ себѣ въ пополненіе слово ἱμῶν). Такъ объясняютъ наши при-
мѣры самъ Аполлоній. Намъ кажется, что синтаксическая тождественность слова αὐτός
словомъ μιν на одномъ полѣ значенія его прокладываетъ ему дорогу и къ то-
ждественности на разбираемомъ нами теперь полѣ. Схолія къ Од. 4. 244; именно къ словамъ:

ἀλλ' οἶον τόδ' ἔφεξε καὶ ἔτλη καρτερὸς ἀνήρ
δῆμιφ ἐν Τρώων, ἔθι πάσχετε πῆματ' Ἀχαιοί.
αὐτὸν μιν πληγῆσιν ἀεικαλίῃσι λαμάσσει,
σπεῖρα χάχ' ἄμφ' ὤμοισι βαλὼν, οἰκτῆρ' εἰκώς,
ἀνδρῶν δυσμενέωα κατέδω πόλιν· εὐροάγαυαν,

въ встрѣчающіяся въ означенномъ нами стихѣ слова αὐτὸν и μιν за синтаксическую
тождественность словъ (ἰσαδυναμοῦσαι ἀνωνομίας) и считаетъ одно изъ нихъ достаточ-
нымъ для означенія (ἀντι τῆς μίαις παραλαμβάνονται). Это одно можетъ быть, конечно, и αὐτός и должно быть

Для насъ понятно, что такое ограниченіе употребленія слова *οἷ*, *οἱ*, *ἑ*, которое заставило произносящихъ его чувствовать его если не *исключительно*, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно въ возвратномъ смыслѣ, проложило этому же слову дорогу въ область другихъ лицъ и довело его до того, что оно сдѣлалось *общимъ для всѣхъ лицъ возвратнымъ местоименіемъ* (см. стр. 18 н. соч.). Кюннеръ (Ausf. Gr. § 455. 7) замѣтилъ, что это послѣднее значеніе получило полный ходъ въ александрійскій періодъ (In der alexandrinischen Mundart greift dieser Gebrauch immer mehr um sich). Въ Гомерѣ, въ которомъ первое значеніе слова *οἷ*, т. е. значеніе личнаго показателя 3-го лица, не было еще ограничено, о такомъ общевозвратномъ значеніи его нѣтъ и помину; только въ загадочной Долоніи, въ 398 стихѣ, лучшія рукописи вмѣсто *φῶξιν βολεούσσι μετὰ σφίσιν* (Долонъ тутъ говорить Одиссею, что Гекторъ послалъ его вывѣдать, думаютъ ли греки о бѣгствѣ) пишутъ *βολεούσσι μετὰ σφισιν* (βολεούσσι здѣсь, конечно, возможно, такъ какъ Долонъ всегда былъ въ правѣ, обращаясь къ Одиссею, считать его представителемъ всѣхъ грековъ и убавляетъ ему на грековъ въ 2-мъ лицѣ), послѣ чего *σφίσιν* получаетъ значе-

потомъ уже во всякомъ случаѣ принимаемо въ возвратномъ значеніи. Другой вариантъ этого мѣста есть *αὐτὸν μὲν* (смотри La Roche издание Гомера), а третій, приближающийся къ вышеуказаннымъ *αὐτοῦ*, *αὐτὸν* и *αὐτῷ*, есть *αὐτὸν μὲν*. Къ послѣднему варианту, должно быть, и относятся слова, сказанныя, какъ свидѣтельствуемъ La Roche od versum JI. 4. 24, Аристархомъ, что *αὐτὸν* здѣсь должно быть поставлено *φίλωσ' οὐκ οἶδε*, продолжаетъ Аристархъ, τὴν Ἀττικῶν (congregit Dindorfus pro αὐτῶν) συνίθειν ὁ ποιητής (Диндоръ пополняетъ: qui volit, Attici, αὐτὸν dicunt). Такое указаніе Аристарха, конечно, тоже подтверждаютъ рефлексивное значеніе слова *αὐτός*.—Не принимаемъ мы за рефлексивное то *αὐτός*, которое присоединяется въ формѣ косвенныхъ падеж. къ имен. пад. этого же слова для усиленія его (мы имѣемъ здѣсь въ виду обороты *αὐτῷ πρὸς αὐτὸν*, *αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν* и т. д.; см. въ вын. 24. о двойномъ *αὐτός*) хотя этииъ косв. падежамъ въ другихъ оборотахъ, встрѣчающихся рядомъ съ ними, соотвѣтствуютъ формы *αὐτοῦ*, *αὐτὸν* и т. д. (рядомъ съ оборотомъ *αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν* на пр. полагается оборотъ *αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν*. О существованіи тѣхъ и другихъ оборотовъ въ греческомъ языкѣ сравни Кюннеръ: Ausf. Gramm. § 455. 4. 4). Мы не принимаемъ это *αὐτός* за рефлексивное потому, что тогда нужно бы его признавать рефлексивнымъ не въ одномъ 3-мъ лицѣ, а во всѣхъ (ибо подобныя обороты, какъ видно въ указанномъ нами мѣстѣ грамматикъ Кюннера, употребляются о всѣхъ грамматическихъ лицахъ), а съ другой стороны мы находимъ прекрасное *ἀνάλογον* въ русскомъ языкѣ, ведущее насъ именно къ тому, чтобы принять въ однихъ оборотахъ косвенный падежъ слова *αὐτός* за повтореніе того *αὐτός*, которое встрѣчается тамъ же въ им. пад., не смотря на рефлексивное пониманіе формъ *αὐτοῦ* и т. д., встрѣчающихся въ другихъ оборотахъ. *Ἀνάλογον* это есть русское *самъ на самъ*. Конечно, указывая на русское *самъ на самъ*, какъ на *ἀνάλογον* греческимъ оборотамъ, мы чѣмъ въ виду только одинаковость закона въ обоихъ языкахъ, а не одинаковость простора въ приложеніи этого закона къ конкретнымъ случаямъ; послѣдній, т. е. просторъ приложенія этого закона, оказывается въ греческомъ языкѣ, въ виду нашихъ оборотовъ, гораздо больше, чѣмъ въ русскомъ.

общеозвратное ⁴⁷⁾.—Слово ὄς (свой) въ такомъ общеозвратномъ значеніи ввелъ въ текстъ Гомера, въ разрѣзъ съ текстомъ Аристарха, Бругманъ въ своемъ сочиненіи: Ein Problem der homerischen Textkritik Leipzig; 1876. г. ⁴⁸⁾ Намъ кажется, что такое значеніе слова ὄς развилось на совершенно другой почвѣ, чѣмъ общеозвратное значеніе слова ὄς; первое, въ значеніи, предлагаемомъ Бругманомъ, мы можемъ принять въ текстъ Гомера вовсе не въ ущербъ нашему положенію о симзіологическомъ развитіи послѣдняго; ὄς могло въ этомъ общеозвратномъ значеніи войти въ языкъ Гомера на такихъ же правахъ, на какихъ у него принято слово ἴδιος, имѣющее съ ὄς, какъ извѣстно, общій этимологическій корень. Дѣло представляется намъ вотъ какъ: Стремленіе выразить понятіе „принадлежащій *опредѣленному* предмету“ отыскало въ рѣчи средство для своего осуществленія въ образованіи адъективной формы отъ слова, обозначающаго этотъ *опредѣленный* предметъ. Образую напр. отъ ἑτοῖον *богъ* прилагательное *божій*, мы выражаемъ понятіе *принадлежащій богу*. Чтобы можно было такимъ же образомъ выразить понятіе «собственный», относящееся къ понятію „принадлежащій *опредѣленному* лицу“, какъ absolutum къ relativum, нужно было искать для него ἑτοῖον (такое, какимъ послужило слово *богъ* слову *божій*) въ такомъ словѣ, которое *не* обозначало бы *опредѣленною* предмета: если мы понятіе слова „собственный“ опишемъ посредствомъ выраженія „принадлежащій тому же самому предмету, о которомъ въ томъ или другомъ случаѣ придется говорить“, то увидимъ, что именно должно быть выражено въ ἑτοῖον искомой нами адъективной формы. Предметъ, упоминаемый въ нашемъ описаніи понятія „собственный“, долженъ былъ, въ самый моментъ образованія такой адъективной формы, представляться творцу ея въ 3-мъ грамматическомъ лицѣ, причемъ корень swa оказалъ ему (при отыскиваніи слова для обозначенія этого предмета) свои услуги. Такъ образомъ, слово ὄς, равно, какъ и русское *свой*, могло получить общеозвратное значеніе, благодаря *идеализированію* корня swa (употребленію его для выраженія понятія, не имѣющаго отношенія къ единичному случаю, т. е. къ предмету, которому что нибудь присваивается; сравни

⁴⁷⁾ Древнимъ комментаторамъ, какъ извѣстно, этотъ стихъ надѣлалъ много хлопотъ. Его то выпускали (Аристофанъ), то писали съ 3-мъ лицомъ глагола βολίω (Аристопплъ).

⁴⁸⁾ На стр. 117 этого сочиненія онъ составилъ перечень всѣмъ мѣстамъ Гомера, въ которыхъ онъ вводитъ ὄς въ общеозвр. знач. Неоспоримыми, на основаніи критики текста, онъ считаетъ: Од. 2. 134 и 206, 4. 192, 9. 28, 11. 492, 13. 320, 16. 149, 17. 103, 19. 596; Ил. 1. 393, 3. 244, 6. 221, 7. 153, 14. 249, 15. 138, 18. 231, 19. 322 и 342, 21. 412, 24. 422 и 550.

выраженіе: *свое милье чужаю*) противоположному отнесенію его, какъ корня личнаго мѣстоименія, къ *отдѣльнымъ предметамъ*. Мы, однако, видимъ, что это идеализированіе корня swa вызвано было въ словѣ ѣс чѣмъ-то, находящимся *отъ* значенія этого корня (и привлекающимъ корень swa только въ качествѣ одного изъ факторовъ для выраженія чего-то цѣлаго); оно не будетъ имѣть въ немъ примѣненія, коль скоро такого толчка извнѣ не будетъ; послѣднее (то есть отсутствіе упомянутаго толчка) замѣчается въ употребленіи *простаю* слова об, въ противоположность словамъ, *произведеннымъ* отъ него (на ѣс и їдиос мы уже указали, а на другія въ этомъ родѣ укажемъ ниже). Вотъ почему мы и сказали, что общевозвратное значеніе слова об должно имѣть другую почву для своего развитія, чѣмъ общевозвратное значеніе слова ѣс.

Итоги всему, сказанному нами объ об, ої, ѣ здѣсь и на страницахъ 16 и сл., будутъ слѣдующіе: об, ої, ѣ *есть первоначально личный показатель присутствующаю въ нашемъ представленіи предмета 3 л.; по мнрѣже замѣненія его въ этомъ значеніи словомъ адѣс, оно чувствовалось болѣе возвратнымъ, а какъ возвратное перешло уже въ область друишхъ грам.лицъ*. Наше положеніе объ этомъ мѣстоименіи расходится *существенно* съ господствующимъ въ настоящее время ученіемъ. Мы не говоримъ здѣсь о томъ ученіи, которое, перечисляя 3 разныхъ значенія слова об, ої, ѣ, именно значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, рефлексивное 3-го л. и общерефлексивное,—второе представляетъ за «нормальное», первое за „діалектическую особенность“, а третье за „злоупотребленіе лзыка“ (Missbrauch; см. Крюгеръ: Gr. Sprachl. 51. 2. 15); мы на это ученіе должны смотрѣть только, какъ на сообщеніе одной группировки фактовъ, и видѣли бы въ немъ просто *отклоненіе* вопроса о разъясненіи взаимнаго отношенія этихъ трехъ значеній, если-бы! при этомъ не было внесено въ него указаніе на „злоупотребленіе лзыка“, освобождающее насъ, впрочемъ, какъ указаніе не филологическое, отъ дальнѣйшаго разбора этого ученія. Обратимъ вниманіе на другую теорію. Она діаметрально противоположна съ *нашею* теоріею: за первоначальное значеніе мѣстоименія об она принимаетъ общерефлексивное значеніе, другія же два значенія—за разившіяся изъ него; развилось же, по мнѣнію ея представителей, изъ общевозвратнаго значенія прежде *возвратное значеніе* 3-го лица, а за тѣмъ уже значеніе *личнаю мѣстоименія* того же грамматическаго лица. Эта теорія развита въ послѣднее время особенно Виндишемъ и Бругманомъ. Они изложили ее въ упомянутыхъ нами уже сочиненіяхъ: Untersuchungen über den Ursprung des Relativpronomens in den indogermanischen Sprachen (Виндишъ) и Ein Problem der homerischen Textkritik (Бругманъ) ⁴⁹⁾.

⁴⁹⁾ Бругманъ выставляетъ себя до нѣкоторой степени противникомъ Виндиша; но

Принятіе значенія *личн. мѣстоим. 3 л.* болѣе позднимъ, въ сравненіи съ значеніемъ *возвратнымъ* того же грамматическаго лица, было, конечно, не-

въ общей сложности они оба идутъ, по отношенію къ нашей теоріи, *однимъ направле- ніемъ*. Вотъ болѣе обстоятельное изложеніе ученія Виндиша и Бругмана:

Виндишъ принимаетъ за первоначальное значеніе то, которое мы отвели для сильнаго *αὐτός* *identitatis* въ соединеніи его съ личными мѣстоименіями; для растолкованія этого значенія читателю, онъ прибѣгаетъ къ сопоставленію слова *οὐ* съ нѣмецкимъ *ich, du, er selbst* (смотри 344 страницю его сочиненія). „Въ этомъ значеніи“, говоритъ авторъ, „вроется уже общезвратное значеніе“ (стр. 343). Изъ него же развиваются: съ одной стороны значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица (или, какъ авторъ выражается, въ разрывѣ съ тѣмъ, что мы говорили на страницахъ 16 и сл. „анафорическое“ значеніе), а съ другой стороны возвратное значеніе 3-го лица. Развитіе и того и другаго значенія изъ одного общаго начала идетъ *совершенно независимо другъ отъ друга* (стр. 345), „хотя, прибавляетъ Виндишъ, „последнее значеніе установилось *возже* перваго“ (стр. 332). Въ четыре пункта, сообщенные нами здѣсь, непосредственно выходятъ изъ смысла указанныхъ нами четырехъ мѣстъ изъ сочиненія Виндиша. Подлинное гласитъ такъ (приводимъ мы подлинное въ томъ порядкѣ, въ которомъ составлено наше изложеніе его): *Als ursprüngliche Bedeutung des Wortes οὐ hat man nicht „selbst“, sondern „ich, du, er selbst“ anzusetzen... Es ist nur eine specielle, in manchen Sprachen im Laufe der Zeit zur alleinigen Herrschaft gelangte Anwendung, wenn es als Reflexivpron. die Identität des Objectes mit dem Satzsubjecte bezeichnet... Im griechischen soll man unter Reflexivpronomen οἱ (разумѣй: Reflexivpronomen der dritten Person) ein ursprüngliches „ihm selbst“ u. s. w. verstehen und dabei annehmen, dass in einem griechischen Pronomen diese ursprüngliche Bedeutung noch nicht erloschen war. Dadurch kommt auch eine gewisse Einheit in den Gebrauch desselben, da es ja zu gleicher Zeit reflexiv und einfach anaphorisch angewendet wird... Für das griechische ist die reflexive Function als das Prius anzusetzen.—Виндишъ могъ, не измѣняя своей точки зрѣнія при опредѣленіи первоначальнаго значенія *οὐ* (какая это была точка зрѣнія, на это мы укажемъ ниже), въ подтвержденіе такого значенія, указать на форму *σφεις* (къ ней очень подходитъ его переводъ „sie selbst“), употребленную напр. у Геродот. VIII. 7, гдѣ сказано: *τῶν νεῶν ἀπασέων ἀποκρίναντες διηκοσίας περίπεμπον ἔξωθεν Σκιάθου, ὡς ἂν μὴ ὀφθέωσι ὑπὸ τῶν πολεμίων περιπλώουσαι. Εὐβοίαν κατὰ τε Καφηρέα καὶ Γεραιστὸν ἐς τὸν Εὐρίπον, ἵνα δὴ περιλάβοιεν, οἱ μὲν ταύτῃ ἀπικόμενοι καὶ φράξαντες αὐτῶν τὴν ὀπίσω φέρουσαν ὁδὸν, σφεις δὲ ἐπισπόμενοι ἐξ ἐναντίας. Такое же *σφεις* мы видимъ у *Θук.* 4. 114: *τοὺς δὲ πάντας παρασκευάζεσθαι ἐκέλευσεν ὡς βεβαίους τε ἐσομένους συμμάχους καὶ τὸ ἀπὸ τοῦδε ἦδη ὅτι ἂν ἀμαρτάνωσιν αἰτίαν ἔχοντας· τὰ δὲ πρότερα οὐ σφεις ἀδικᾶσθαι, ἀλλ' ἐκείνους μᾶλλον ὑπ' ἄλλων χρισσόνων, καὶ ξυγγνώμην εἶναι, εἴ τι ἠναντιοῦτο.* Сравни еще Ксен. *Anab.* VII. 5. 9, *Θук.* V. 46. 3 и V. 63. 5, Плат. *Пол.* 487 В. Ксен. *Ἑλλησις* V. 2. 8. и т. д. Сюда же принадлежитъ употребленіе именительнаго падежа *ἴ*, пополняющаго, по ученію древнихъ (смотри Аполлоній Дис. *περὶ ἀντ.* 10. В, и 69 С и сл.), этимологию слова *οὐ*, имѣющаго дѣйствительно общую съ *οὐ* основу (если бы не было въ немъ густаго придыханія, то можно бы подумать, что это слово образовано, какъ выше объясненное *μιν*, отъ корня *ja*; но густое придыханіе въ немъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; смотри объ этомъ Гартунга: *Casus* 114) и употребленнаго, по**

обходимое послѣдствіе принятія общевозвратнаго значенія за *первоначальное*, но само по себѣ осталось нашими учеными недоказаннымъ; доказательство Виндиша, повторяемое Вругманомъ, уличаетъ и того и другаго только въ недалновидности. Виндишу показалось очень пригоднымъ для его теоріи то обстоятельство, что на 14 мѣстѣ изъ Одиссеи приходится 43 мѣста въ Илиадѣ, въ которыхъ нужно *οἷ, οἶ, ἔ* принять за рефлексивное (стр. 332); но почему же онъ скорѣе не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что *οἷ, οἶ, ἔ* у Гомера въ значеніи личнаго мѣстоимѣнія употребляется *очень часто*, а въ аттическомъ языкѣ *очень рѣдко*, и не вывелъ изъ *этого* другое, во всякомъ случаѣ болѣе вѣрное, заключеніе?

Виндишъ, правда, присовокупляетъ къ сообщенному нами указанію о численномъ отношеніи въ Илиадѣ и Одиссеѣ рефлексивнаго *οἷ* къ *οἷ*,

свидѣтельству Аполловія (смотри *περὶ ἰνσ.* стр. 70 В), Софокломъ въ „Эномахъ“ въ контекстѣ: ἡ μὲν, ὡς ἰ θάσσονα, ἡ δὲ ὡς ἰ τέτοι παῖδα (такъ читаетъ это мѣсто Диндорфъ; здѣсь идетъ рѣчь о двухъ матеряхъ, изъ которыхъ каждая своего сына хвалитъ; „одна говоритъ“,—такой будетъ переводъ этого мѣста,—„что она родила болѣе быстрого сына, а другая опять, что она“....)—Мы, конечно, будемъ и *σφῆς* и *ἰ* объяснять иначе, чѣмъ могъ объяснить Виндишъ. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ контекстъ вызываетъ читателя на *логическое противопоставленіе*; это и есть причина постановки именительнаго падежа слова *οἷ*; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы лишній. Что въ подобныхъ примѣрахъ удерживается то значеніе, которое мы сами предназначили слову *οἷ* на стр. 17. (1-я строчка) и что они не противорѣчатъ тому, что мы на томъ же мѣстѣ говорили *οἷ* отсутствіемъ именительнаго падежа въ словѣ *οἷ* (тамъ мы не имѣли въ виду логическаго противопоставленія), ни выводу нашему изъ этого отсутствія, это, надѣемся, читателю будетъ ясно.—На сколько этими примѣрами расширяется почва для симазіологическаго сближенія слова *οἷ* съ словомъ *αὐτός*, на это также у читателя, безъ сомнѣнія, отвѣтъ готовъ.

Переходимъ теперь къ изложенію ученія Вругмана. Вругманъ, къ нашему удивленію, при отыскиваніи значенія, названнаго имъ первоначальнымъ, не хочетъ принимать въ соображеніе существованія въ языкѣ именительныхъ падежей *σφῆς* и *ἰ*. Не представляя на то никакого объясненія, онъ въ полемикѣ съ Виндишемъ отдѣляется слѣдующими словами: *σφῆς kommt hier (разумѣй при отыскиваніи первоначальнаго значенія) natürlich nicht in Betracht* (стр. 85). Можетъ, впрочемъ, быть, что мы должны видѣть это объясненіе въ указаніи на то (смотри стр. 14), что *σφῆς* есть форма относительно молодая (*relativ jung*); но въ *ἔαυτοῖ* (а общевозвратное значеніе развило, какъ извѣстно, преимущественно *это* слово) въ значеніи общевозвратнаго слова есть тоже, какъ мы выше указали (см. стр. 62), и какъ онъ самъ сознаетъ на стр. 43, повднее, а все же онъ на него настаиваетъ при рѣшеніи этой же задачи (смотри у него стр. 39).—Исключая, какъ мы сказали, формы *σφῆς, ἰ* изъ числа слагаемыхъ для подведенія итога, рѣшающаго вопросъ о первоначальномъ значеніи слова *οἷ*, Вругманъ считаетъ необходимымъ условіемъ для появленія слова *οἷ* въ извѣстномъ предложеніи—предварительную постановку въ немъ (или предварительное подразумѣваніе) слова, обозначающаго тотъ же самый предметъ, который обозначаетъ *οἷ*; это слово должно занимать въ предложеніи другое положеніе, чѣмъ *οἷ*; оно можетъ быть или грамматическимъ подлежащимъ, или другимъ членомъ предложенія (въ предложеніи *ὁ παῖρ ἦδετο τὸν υἱὸν περὶ*

имѣющему значеніе русскаго *ему* *eo*, еще другое указаніе, которое, по своему характеру, должно бы имѣть *большой* вѣсъ въ его аргументаціи; но дѣло въ томъ, что это указаніе, если мы его правильно понимаемъ, совершенно *ложное*. Видишь говорить, что рефлексивное *о̄* у Гомера появляется „преимущественно въ типическихъ оборотахъ“ (vorwiegend in gewissen Versformeln; Бругманъ на стр. 85 передаетъ смыслъ этихъ словъ словами: vorwiegend in formelhaften Wendungen). Дѣйствительно, на типическіе обороты, въ которыхъ извѣстное слово представляетъ какую нибудь особенность въ сравненіи съ его обыкновеннымъ употребленіемъ, мы можемъ очень часто смотрѣть какъ на доказательство, что означенная особенность того или другаго слова есть остатокъ болѣе древняго, въ сравненіи съ обыкновеннымъ, его употребленія, чего бы эта особенность ни касалась, этимологій ли, или симазіологій, или синтаксиса. Но Видишь видитъ эту типичность оборотовъ по отношенію къ слову *о̄* тамъ, гдѣ результаты науки совершенно не даютъ ему права усматривать ее и гдѣ и рефлексивное *о̄* и *о̄*, имѣющее значеніе русскаго *ему*, *ему*, появляются одинаково. Онъ указываетъ на то, что рефлексивное *о̄* встрѣчается въ соединеніи съ *предлогами* (смотри стр. 331), какъ будто бы чѣмъ нибудь отличались, по вопросу о типичности оборота, слова ἀπό εἶο, встрѣчающія на пр. въ Од. 22. 19 (θεῶς δὲ ἀπὸ εἶο τράπεζαν ὤζε) и переводящіяся словами *отъ себя*, отъ слова εἶο, встрѣчающагося въ Ил. 2. 239 (εἶο μέγα ἀμεί-

ε̄ φοβούμενον можетъ относиться слово ε̄ или къ слову πατήρ или къ слову υἱόν). Такое слово онъ называетъ реципиентомъ слова *о̄* и, допуская его во всѣхъ (3-хъ грамматическихъ лицахъ, назначаетъ такимъ образомъ предѣлы первоначальному значенію слова *о̄*. Изъ этого значенія развилось за тѣмъ, по его пониманію, рефлексивное значеніе 3-го лица, а изъ послѣдняго уже „анафорическое“ значеніе. Разница-де между 3-мъ и 2-мъ значеніемъ только та, что одно имѣетъ болѣе объективный характеръ, а другое болѣе субъективный, такъ что, если мы напр. переводимъ предложеніе ὁ πατήρ ἐκάλεσεν πρός ἑ τὸν υἱόνъ словами „отецъ призвалъ къ *себѣ* сына“, то въ насъ, по пониманію Бругмана, происходитъ тоже самое, что бываетъ при косвенной рѣчи, и мы въ словѣ ε̄ выставляемъ не *себя* самихъ обозначателями лица, показаннаго этимъ словомъ, но самое лицо πατήρ; сами же являемся обозначателями предмета, если напр. переводимъ предложеніе ἐκάλεσεν τὸν υἱόνъ καὶ εἶδενε οἱ... словами „призвалъ сына и далъ *ему*“. Такое пониманіе Бругманемъ слова *о̄* мы видимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ его сочиненія: Dass die Stämme swa und sava... überall von Anfang an allgemeine Reflexiva waren, ist eine sicher erwiesene Thatsache. (стр. 37) Dass der Recipient des Reflexivpronomen weitaus in den meisten Fällen Subject ist, ist allerdings richtig, aber er kann eben so gut ein anderes Satztheil sein, und das Wesen des Pronomen ist im letzteren Falle genau dasselbe, wie wenn Bezug auf das Subject Statt findet. (стр. 86). Ich glaube, wir können das Wesen des Reflexivpronomen in Kürze nicht besser bezeichnen, als wenn wir von innerer oder subjectiver Anaphora reden, im Gegensatz zu der äusseren oder objectiven, wie sie z. B. in dem Satz *er geht zu ihm* vorliegt....In dem Reflexivum... stellt sich der Redende selbst auf den Standpunkt des Recipienten und verfällt so zu sagen, momentan in die oratio obliqua (стр. 87).

νονα φῶτα ἡτίμησεν): мы должны сказать, въ виду той общезвѣстной теоріи, по которой предлоги у Гомера имѣютъ значеніе *синтаксически самостоятельныхъ нарѣчій*, что по отношенію къ типичности оборотовъ разницы между нашими мѣстамъ никакой нѣтъ; Виндишъ долженъ былъ эту теорію опровергнуть, прежде чѣмъ могъ здѣсь говорить о типичности оборотовъ. Кромѣ того, самъ Виндишъ приводитъ мѣсто, гдѣ *об* въ значеніи рефлексивномъ употреблено *безъ* предлоговъ (смотри стр. 331), и также и съ другой стороны можно найти въ Гомерѣ достаточное количество примѣровъ, гдѣ *об* въ значеніи русскаго *ею* употреблено съ предлогами (сравни Од. 13. 26, 15. 302, 17. 261, 20. 162, 23. 144, 23. 304 и т. д.). Сказаннаго, кажется мнѣ, достаточно, чтобы убѣдился въ несостоятельности аргументаціи Виндиша.

Немного другой характеръ имѣетъ доказательство того положенія, что общерефлексивное значеніе есть *первоначальное* значеніе слова *об*. Оно заключается въ выводѣ, сдѣланномъ на основаніи значеній цѣлаго ряда словъ, собранныхъ изъ разныхъ языковъ и возводимыхъ сравнительною грамматикою къ корню *swa*. Мы ихъ съ своей точки зрѣнія раздѣляемъ на *девять* группы. Въ первую группу входятъ слова, какъ-то: греческое *ἑτης* (собственно *σῆτης*; возможность образованія этого слова отъ корня *swa* совершенно та же самая, какъ въ словахъ *своакъ*, *свояченица*), санскритское *nihswa* (=безъ собственности, бѣдный), *swabhāwa* (=особенность), *swadhā* (=собственное дѣяніе), *swatawas* и *swakshatra* (*=αὐτάρκης*) и т. дал. Значеніе всѣхъ этихъ словъ, думаютъ наши ученые, предполагаетъ въ основѣ *swa*, какъ составной части ихъ, отсутствіе всякаго намека на какое бы то ни было грамматическое лицо и заставляетъ насъ придавать ей то значеніе, на которое мы указывали при *об*; на стр. 65; они его передаютъ словомъ *eigen* (смотри Виндишъ стр. 343. и Бругманъ стр. 39). Мы совершенно согласны съ такимъ мнѣніемъ Виндиша и Бругмана относительно отсутствія намека на извѣстное грамматическое лице въ сложныхъ словахъ, произведенныхъ отъ корня *swa*, но заключать изъ этого, какъ они это дѣлаютъ, что отсутствіе такого грамматическаго лица должно лежать въ основаніи *первоначальнаго значенія* слова *об*, это значитъ смѣшивать такія понятія, которыя нужно строго различить между собою. Та же самая ошибка вкралась въ ихъ выводы и по отношенію къ тѣмъ явленіямъ, которыя мы вносимъ въ другую изъ вышеупомянутыхъ группъ. Мы разумѣемъ здѣсь прежде всего выставленное нашими учеными употребленіе слова *себя* въ славянскихъ языкахъ. Выдѣляемъ мы случаи употребленія его въ особенную группу, какъ читатель самъ догадается, потому, что не можемъ не относить слово *себя* къ опредѣленному предмету (подъ *опредѣленнымъ* предметомъ мы подразумѣваемъ тотъ же самый предметъ, о которомъ мы говорили на стр. 65 въ послѣдней, а на стр. 66 въ

2-й строкахъ). Въ самомъ дѣлѣ, въ выраженіи напимѣръ, „Я не могу никакъ простить себя, что я такъ поступилъ“, слово *себя* слишкомъ живо напоминаетъ намъ лице *я*, чтобы ставить его на одну точку съ какимъ нибудь санскритскимъ *piśwa*, или другими вышеупомянутыми словами. Слово *себя* можетъ, конечно, быть употребляемо во *всѣхъ* грамматическихъ лицахъ, но это случается благодаря столкновению его съ словомъ *ему*, *ею*, точно также какъ греческое *οἱ* употребляется о *всѣхъ* грамматическихъ лицахъ, благодаря столкновению его съ словомъ *μὴ* и *αὐτός*. Грамматики хорошо сдѣлали, назвавъ его, при такомъ его употребленіи, *общевозвратнымъ* мѣстоименіемъ, но изъ этого опять — таки не слѣдовало нашимъ ученымъ заключать, особенно въ виду санскритскаго, гомерическаго и латинскаго словъ, соответствующихъ этимологически славянскому *себя*, а все таки не употребляющихся въ *общевозвратномъ* значеніи, что въ корнѣ *swa* есть общевозвратное значеніе *первоначальное*.

Очевидное дѣло, что и Бругманъ и Виндишъ, при рѣшеніи вопроса о первоначальномъ значеніи корня *swa*, исходили изъ убѣжденія, что первоначальное значеніе должно быть то, которое вмѣщаетъ въ себя всѣ остальные значенія словъ, происходящихъ отъ этого корня; его мы имѣли въ виду въ сноскѣ на стр. 67 (строчка 19 снизу). Что это убѣжденіе ошибочно, объ этомъ нечего говорить; въ виду такого значенія, какое замѣчается за корнемъ *swa* въ словѣ *ἔτις* или славянскомъ *себя*, первоначальное значеніе должно оставаться для филолога такимъ же неизвѣстнымъ *x*, какимъ оно было въ виду значенія *онъ*, *ею*, *ему* и т. д.; отыскивать же это неизвѣстное *x* слѣдовало на другой почвѣ. — Мы сдѣлали попытку отыскать и почву (сообщивъ свой взглядъ на извѣстный рядъ мѣстоименій и сопоставивъ *οἱ* съ другими синонимами) и неизвѣстное *x* на ней. —⁵⁰⁾

⁵⁰⁾ При томъ сходствѣ, которое представляютъ между собою и корни *swa* и *twa*, и склоненіе мѣстоименій, происходящихъ отъ этихъ корней, именно словъ *οἱ* и *οὗ* трудно было не предполагать, что *οἱ* должно быть первоначально такимъ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица, каковымъ является *οἱ* для 2-го лица. Что славянское *себя*, равно какъ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О СЛОВѢ 'Ο

(съ экскурсомъ о значеніи слова ὅς—который) и симазіологическомъ
отношеніи слова ὅ къ словамъ οὐ, αὐτός, μὴ и ἕς.

* * *

Передовыми грамматиками, въ разработкѣ вопроса о значеніи слова ὅ, въ настоящее время считаются Бернгарди, Матіэ, Бутманъ, Тиршъ, Крюгеръ и Кюнерь. Такую выборку сдѣлалъ Кохъ въ статьѣ De articulo Homerī, помѣщенной въ „Programm der Thomasschule“. Leipzig. 1872. Кромѣ этихъ ученыхъ Кохъ указываетъ еще на другихъ, сообщающихъ нѣкоторыя указанія относительно значенія слова ὅ специально въ Гомерѣ; онъ говоритъ именно о Негельсбахѣ, Дюнцерѣ, Ферстерманѣ, Генцѣ и Классенѣ. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, для насъ важенъ только Ферстерманъ, такъ какъ *въ системѣ* одинъ онъ разобралъ этотъ вопросъ, всѣ же прочіе, сколько намъ извѣстно, рассуждали объ этомъ вопросѣ всегда только ad hoc, не уклоняясь при этомъ отъ рамки, выработанной другими грамматиками по вопросу о развитіи значенія слова ὅ, и только переноса отдѣльные случаи его употребленія изъ одной графы этой рамки въ другую, смотря потому какъ кто изъ

никогда и греческое οὐ (сравни Бругманъ: Probl. der homer. Textkr. стр. 11—37.) употребляется для *всѣхъ* грамматическихъ чиселъ безразлично (въ то время, какъ οὐ для множ. числа представлять формы не только съ *особыми*, въ сравненіи съ ед. числомъ, окончаніями, но и съ совершенно *другою* основою), то это не безъ причины: *себя* употреблялось всегда о томъ, что въ разсказъ уже *внесено* и что, слѣдовательно, количествомъ уже *опредѣлено*, между тѣмъ, какъ οὐ должно часто *вносить* въ разсказъ предметы и само *обозначать* ихъ количество; вслѣдствіе этого слово οὐ могло остаться *безъ* средствъ для обозначенія грамматическихъ чиселъ, а οὐ должно было эти средства отыскать.

нихъ былъ направленъ—приблизить гомерическое *ὀ* къ аттическому, или отдалить первое отъ послѣдняго.

Упомянутая нами рамка у всѣхъ вышепоименованныхъ грамматиковъ, по нашему взгляду, одинакова, и мы намѣрены указывать на нее при каждомъ удобномъ случаѣ въ этой части нашего сочиненія. У одного только Ферстермана отличается теорія нашего вопроса отъ всѣхъ прочихъ грамматиковъ, и съ отличіемъ этихъ мы познакоимъ читателя сейчасъ же. Ферстерманъ излагаетъ свою теорію въ сочиненіи: *Bemerkungen über den Gebrauch des Artikels bei Homer. Programm des Gymnasium's zu Salzwedel. 1861.* Сочиненіе Ферстермана, въ большей степени, чѣмъ работы другихъ вышеупомянутыхъ грамматиковъ, носитъ на себѣ характеръ симазіологическаго этюда, стоящаго на исторической почвѣ и стремящагося уяснить послѣдовательность въ развитіи отдѣльныхъ отгѣиковъ значенія слова *ὀ*. Въ отличіе отъ категорій, выставленныхъ значенію слова *ὀ* другими грамматиками, или, скорѣе, въ пополненіе ихъ, Ферстерманъ указываетъ на то, что процессъ противопоставленія въ умѣ говорящаго имѣетъ вліяніе на появленіе въ рѣчи слова *ὀ ἢ τό* (*schon bei Homer dient der Artikel an zahlreichen Stellen wesentlich als Träger des Gegensatzes; стр. 5*) Съ этимъ указаніемъ Ферстермана нельзя не согласиться (мы будемъ имѣть возможность убѣдиться въ справедливости его), хотя и можно пожалѣть, что авторъ, для разработки симазіологіи слова *ὀ*, слишкомъ неудачно избралъ исходную точку вслѣдствіе чего трудно ему было не только привести упомянутый мотивъ для появленія въ рѣчи слова *ὀ* въ тѣсную связь съ другими отгѣиками значенія его, а также опредѣлить точнѣе кругъ вліянія этого мотива на *ὀ*, но вообще удовлетворительно рѣшить задачу, возлагаемую на его сочиненіе, при упомянутомъ его характерѣ. Авторъ принимаетъ *ὀ, ἢ, τό* первоначально за мѣстоименіе 3 гр. лица (*nach seiner ursprünglichen Bedeutung ist der Artikel, wie ich glaube, ein einfaches Pronomen, nicht ein demonstratives oder deictisches, wie die gewöhnliche Ansicht ist; стр. 3*). Такой взглядъ на слово *ὀ* мы считаемъ ошибочнымъ. По нашему мнѣнію *ὀ* есть общее всѣмъ грамматическимъ лицамъ; это нами было высказано уже на страницѣ 13; къ обороту *τὸν ἐμέ,* указанному нами тамъ же, мы присоединяемъ еще въ оправданіе этого нашего взгляда примѣры изъ Гомера (Ферстерману они были извѣстны; сравни въ его сочиненіи стр. 5), въ которыхъ слово *ὀ* употреблено и о другихъ граммат. лицахъ, кромѣ 3-го лица. Сравни:

Од. 21. 353. *μητρ ἐμή, τόξον μὲν Ἀχαιῶν οὔτις ἐμεῖο
κρείσσων, φ' ἔθ' ἄλω, δόμαναί τε καὶ ἀρνήσασθαι,
ἀλλ' εἰς οἶκον ἰοῦσα τὰ σ' αὐτῆς ἔργα κόμιζε,
ἰστόν τ' ἠλακάτην τε, καὶ ἀμφιπόλοισι κέλευε
ἔργον ἐποιχεσθαι· τόξον δ' ἄνδρεςσι μελήσει*

pāsi, μάλιστα δ' ἐμοί· τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ οἴκῳ⁴.

Ил. 19. 324. ὦν δὲ σὺ μὲν κείσαι δεδαίγμενος, αὐτὰρ ἐμὸν κῆρ
ἄκμηνον πόσις καὶ ἐδητύος, ἔνδον ἐόντων,
σῆ ποθῆ. οὐ μὲν γὰρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι,
οὐδ' εἴ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοιο πυθοίμην,
ὅς που ὦν Φθίῃφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει
χρήτει τοιοῦδ' υἱός· ὁ δ' ἄλλο δαπῶ ἐνὶ δῆμῳ
εἵνεκα ῥιγεδανῆς Ἑλένης Τρῳσὶν πολεμίζω

Ил. 8. 211. οὐκ ἂν ἔγωγ' ἐθέλοισι Λιὶ Κρονίωνι μάχεσθαι
ἡμέας τοὺς ἄλλους, ἐπειτὴ πολὺ φέρτερός ἐστιν.

Не безъ значенія для насъ долженъ быть и оборотъ ἐμὲ τὸν δύστηνον, встрѣчающійся въ Од. 7. 223 и 248. Всѣ эти явленія доказываютъ, что слово ὁ ἢ τό не принадлежитъ одному 3-му грамат. лицу, а скорѣе всѣмъ лицамъ. Если мы притомъ примемъ во вниманіе тѣсную этимологическую связь между словами ὁ и οὔτος (что первая составная часть слова οὔτος есть именно слово ὁ, въ этомъ нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія), а также и то, на что нами указано на стр. 19, то мы должны при разсматриваніи значенія слова ὁ непремѣнно исходить изъ той мысли, что ὁ есть или обоюдная антонимія (т. е. ἀναφορικόν и δεκτικόν) или исключительно анафорическое слово (и терминъ ἀναφορικόν и терминъ δεκτικόν нужно понимать въ смыслѣ, объясненномъ нами въ 1 ч. нашего сочиненія); а такъ какъ въ самомъ Гомерѣ нельзя указать ни на одинъ случай; гдѣ ὁ необходимо было бы признавать за δεκτικόν, и такъ какъ вообще можно предположить, что для диксиса скорѣе годятся *composita*, чѣмъ простые слова, то мы не поступимъ не правильно, если ὁ ἢ τό примемъ *in hypothesis* только за (общее, конечно, всѣмъ лицамъ) ἀναφορικόν.

Грамматики указываютъ на нѣкоторѣя мѣста у Гомера, въ которыхъ ὁ поставлено-де къ извѣстному слову потому, что на предметъ, обозначаемый этимъ словомъ, можно указать жестомъ. Такія мѣста суть:

Ил. 1. 20. ὄμῃν μὲν θεοὶ δοῖεν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες
ἐκπέροσι Πριάμοιο πόλιν, εὔδ' δ' οἴκαδ' ἰκέσθαι
παῖδα δ' ἐμοὶ λῦσαι τε φίλην τὰ τ' ἄποινα δέχεσθαι

(такъ говорятъ Хризесъ, желая выпутить свою дочь);

Ил. 3. 54. γνοίης χ' οἴου φωτὸς ἔχεις θαλερὴν παράκοιτιν.
οὐκ ἂν τοι χραίσμη κίθαρις τὰ τε δῶρ' Ἀφροδίτης,
ἧ τε κόμη τό τε εἶδος, ὅτ' ἐν κονίῃσι μιγείης.

Ил. 4. 399. τοῖος ἔην Τυδεὺς Αἰτώλιος· ἀλλὰ τὸν υἱὸν
γείνατο εἶς χέρηα μάχη, ἀγορῆ δέ τ' ἀμείνω

(эти слова говоритъ Агамемнонъ къ самому Тидиду);

Ил. 2. 275. ὦν δὲ τόδε μέγ' ἄριστον ἐν Ἀργείοισιν ἔρεφεν,

ὡς τὸν λωβητῆρα ἐπεσβόλον ἔσχ' ἀγοράων
(такъ говорить народъ въ похвалу Одиссея о присутствующемъ Ѡерситѣ).

Намъ придется о каждомъ изъ этихъ примѣровъ говорить ниже, а пока мы заявляемъ, что грамматикѣ при этомъ своемъ пониманіи слова ὅ сдѣлали такую ошибку, какую сдѣлалъ Аполлоній, объявляя слова ἐγὼ и σύ за δαικτικά. (Ср. стр. 14). Вчитываясь въ другія цитаты, отъ которыхъ всѣ наши грамматикѣ отправляются при разсматриваніи значенія слова ὅ, мы находимъ возможнымъ выдѣлить нѣкоторыя изъ нихъ въ особыя группы. Эти группы мы намѣрены сообщить читателю въ нижеслѣдующихъ параграфахъ:

Г. 1.

Посредствомъ ὅ ἢ τὸ говорящій возвращается къ лицу даже послѣ самыхъ короткихъ вставочныхъ разсказовъ о какомъ нибудь предметѣ, отвлекшихъ его отъ этого лица. Сравни:

Од. 6. 20. τοῦ μὲν ἔβη πρὸς δῶμα θεᾶ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
νόστον Ὀδυσσῆϊ μεγάλῃτορι μητιόωσα.
βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον πολυδαίδαλον, φ' ἔνι κούρη
κοιμᾶτ' ἀθανάτησι φυῖν καὶ εἶδος ὁμοίη,
Ναυσικάα, θυγάτηρ μεγάλῃτορος Ἀλκινόοιο,
πᾶρ δὲ οὐ' ἀμφίπολοι, Χαρίτων ἄπο κάλλος ἔχουσαι,
σταθμοῖν ἐκάτερθε· θύραι δ' ἐπέκειντο φαειναί.
ἢ δ' ἀνέμου ὡς πνοιῆ ἐπέσσυτο δέμνια κούρης,
στῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς, καὶ μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν.

Ил. 5. 620. τὸν ῥα κατὰ ζωστῆρα βάλεν Τελαμώνιος Αἴας,
νειαίρη δ' ἐν γαστρὶ πάγη δολιχόσκιον ἔγχος,
δοῦπησεν δὲ πασῶν. ὁ δ' ἐπέδραμε φαίδιμος Αἴας
τεύχεα σολήσων· Τρῶες δ' ἐπὶ δούρατ' ἔχθυσαν
ὀξέα, παμφανόωντα· σάκος δ' ἀνεδέξατο πολλὰ.
αὐτὰρ ὁ λάξ προσβάς ἐκ νεκροῦ χάλκεον ἔγχος
ἐσπάσατ'...

Ил. 6. 254. ...δεύτερος αὐτε
Αἴας διογενῆς προΐει δολιχόσκιον ἔγχος,
καὶ βάλε Πριαμίδαο κατ' ἀσπίδα πάντοσ' εἶσθην.
διὰ μὲν ἀσπίδος ἦλθε φαεινῆς ὄβριμον ἔγχος,
καὶ διὰ θώρηκος πολυδαίδαλου ἠρήρειστο·
ἀντικρὺ δὲ παρὰ λαπάρτην διάμησε χιτῶνα
ἔγχος· ὁ δ' ἐκλίνθη καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν.

Сюда же принадлежит приведенный на стр. 72 примѣръ Ил. 19. 324, въ которомъ ὅ анафоруется 1-е лицо. Особенно частою вставкою бываетъ

описание какойнибудь картины природы, представленной авторомъ съ цѣлью сравненія этой картины съ тѣмъ, что говорится о главномъ предметѣ разсказа. У Гомера окончаніе такого описанія совпадаетъ съ окончаніемъ гекзаметра, а новый гекзаметръ, въ большинствѣ случаевъ, начинается словами ὡς ὁ, ὡς ἢ, возвращаясь такимъ образомъ къ главному предмету разсказа. Сравни:

Ил. 5. 163. Ἐνθ' οὔιας Πριάμοιο δῶο λάβε Δαρδανίδαο,
εἰν ἐνὶ δίφρῳ εὐντας, Ἐχέμμονά τε Χρομίον τε.
ὡς δὲ λέων ἐν βουσί θορῶν ἐξ αὐχένα ἄζη
πόρτιος ἢε βοός, ξύλοχον κάτα βοσκομενάων,
ὡς τοὺς ἀπφωτέρους ἐξ ἵππων Τυδέος υἱός
βῆσε κακῶς ἀέχοντας, ἔπειτα δὲ τεύχε' ἐσῶλα...

Од. 5. 434. καὶ τὸ μὲν ὡς ὑπάλυξε, παλιρρόθιον δὲ μιν αὐτίς
πλήξεν ἐπεσσύμενον, τηλοῦ δὲ μιν ἔμβαλε πόντιφ.
ὡς δ' ὅτε πουλύποδος θαλάμης ἐξελκομένοιο
πρὸς κοτυληδονόφιν ποικιναὶ λάϊγγες ἔχονται,
ὡς τοῦ πρὸς πέτρῃσι θρασειάων ἀπὸ χειρῶν
ρίνοι ἀπέδρουφθεν· τὸν δὲ μέγα κῆμα κάλυφεν.

Ил. 12. 135. τὼ μὲν ἄρα προπάροιθε πυλάων ὑψηλάων
ἔστασαν ὡς ὅτε τε δρύες οὔρεσιν ὑψικάρηναι,
αἱ τ' ἄνεμον μίμνουσι καὶ ὑετὸν ἤματα πάντα,
ρίζησιν μεγάλῃσι διηνεχέεσσ' ἀραροῖται·
ὡς ἄρα τῷ χειρῆσσι πεποιθότες ἠδὲ βίηψιν
μίμνον ἐπερχόμενον μέγαν Ἴλιον οὐδ' ἐφέβοντο.

Мѣста, встрѣчающіяся рядомъ съ приведенными, свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ, возвращаясь послѣ такой вставки опять къ прежнему предмету разсказа, не *vesida* пуждался въ особомъ обозначеніи этого предмета черезъ анафорическое слово, а что достаточно было для его обозначенія словъ οὐ οἷ ἔ (съ отсутствіемъ имен. пад.), αὐτός и μιν. Смотри:

Ил. 16. 406. ...ὡς ὅτε τις φῶς
πέτρῃ ἐπι προβλῆτι καθήμενος ἰσρὸν ἰχθὺν
ἐκ πόντοιο θύραζε λίνψ καὶ ἦνοπι χαλκῷ·
ὡς ἔλκ' ἐκ δίφροιο κεχηνότα δουρὶ φαεινῷ,
καδ' δ' ἄρ' ἐπὶ στόμ' ἔωσε·

Ил. 17. 436. ἀλλ' ὥστε στήλῃ μένει ἔμπεδον, ἦτ' ἐπὶ τύμβῳ
ἀνέρος ἐστῆκε τεθνηότος ἠὲ γυναικός,
ὡς μένον ἀσφαλέως παρικαλλέα δίφρον ἔχοντες,
οὔδει ἐνισκίψαντε καρῆατα·

Ил. 11. 23. Ἀτρεΐδης δ' ἐβόησεν ἰδὲ ζώνουσαι ἄνωγεν
Ἀργείους· ἐν δ' αὐτός ἐδύσετο νῦροπα χαλκόν.
κνημίδα· μὲν πρῶτα περὶ κνήμησιν εὔθηκεν

καλὰς, ἀργυρέοισιν ἐπισφορίους ἀραροίας·
 δευτέρον αὖ θάρηκα περὶ στήθεσσι ἐδονεν,
 τὸν ποτὲ οἱ Κινύρης δῶκε ξεινήιον εἶναι.
 πύθετο γὰρ Κύπρονδε μέγα κλέος, οὔνακ' Ἀχαιοὶ
 ἐς Τροίην νήεσσιν ἀναπλεύσεσθαι ἔμελλον·
 τοὔνακά οἱ τὸν δῶκε, χαρίζομενος βασιλῆϊ.

Ил. 12. 402. ...ἀλλὰ Ζεὺς κῆρας ἄμυνεν

καιδὸς ἐοῦ, μὴ νηυσὶν ἐπι πρύμνησι δαμείη·
 Αἴας δ' ἀσπίδα νύξεν ἐπάλμενος, οὐδὲ διαπρὸ
 ἤλυθεν ἔγχετή, στοφάλιζε δέ μιν μεμαῶτα.
 χῶρησεν δ' ἄρα τοτθὸν ἐπάλιος...

Од. 4. 708. „Κῆρυξ, τίπτε δέ μοι παῖς οἴχεται; οὐδέ τί μιν χρεῶ

νηῶν ὠκυπόρων ἐπιβαινέμεν, αἶ θ' ἄλός ἵπποι
 ἀνδράσι γίγνονται, παρῶσι δὲ πούλυν ἐφ' ὑγρήν.
 ἦ ἵνα μηδ' ὄνομ' αὐτοῦ ἐν ἀνθρώποισι λίπηται;“

Такие примѣры даютъ намъ поводъ сопоставлять въ Гомерѣ слово *ὀ* съ словами *οὐ* *οἶ* *ἔ* *αὐτός* и *μὴν*. Говоря объ *οὐ* *οἶ* *ἔ* мы, конечно, здѣсь и вездѣ, гдѣ бы ни приходилось производить подобное сопоставленіе, имѣемъ въ виду только то *οὐ* *οἶ* *ἔ*, которое вполнѣдствіи было замѣнено словомъ *αὐτός*, и которое не есть ни *гелективум* 3-го лица, ни общевозвратное мѣстоименіе (ибо эти два значенія уже вовсе не соприкасаются съ словомъ *ὀ*). Точно также слова *αὐτός* и *μὴν* могутъ быть сравниваемы съ словомъ *ὀ* на столько, на сколько они являются синонимами тому значенію слова *οὐ*, которое само входитъ въ область этого сопоставленія. Съ другой стороны, слово *ὀ* ἢ *τό* выходитъ изъ области нашего сопоставленія тогда, когда оно относится къ грамм. 1 и 2 лицамъ. Мы говоримъ, конечно, держась уже одного общаго направленія только о сопоставленіи въ нашихъ примѣрахъ словъ *οὐ* *αὐτός* и *μὴν* съ словомъ *ὀ*, и вовсе не имѣемъ въ виду *отождествленія* въ нихъ этихъ словъ: согласно предположенію, высказанному нами объ *ὀ* на стр. 74, слово *ὀ* нужно здѣсь принимать за *ἀναφορικόν*, т. е. вызывающее возобновленіе представленія о предметѣ, затемненномъ на время въ сознаніи говорящаго другою картиною, *οὐ*, *οἶ*, *ἔ* остается прямымъ личнымъ показателемъ присутствующаго въ сознаніи говорящаго предмета, и также и другія слова, входящія въ наше сопоставленіе, удерживаютъ каждое свое значеніе. Въ такомъ взглядѣ на дѣло поддерживаетъ насъ между прочимъ и указанное нами не много выше обстоятельство, именно, что *ὀ* не имѣетъ никакихъ рѣшительно отношеній къ *οὐ* *гелективуму*, при появленіи котораго предметъ, обозначенный имъ, уже непременно долженъ быть присутствующимъ въ нашемъ сознаніи. Что черту, разграничивающую употребленіе словъ *οὐ* и *αὐτός* отъ употребленія слова *ὀ*, на основаніи вышнихъ какихъ нибудь признаковъ въ нашихъ случаяхъ

провести нельзя, это для насъ понятно; отъ *выразительности и прочности самую представленія у юворящаю* зависить затемненіе въ немъ предмета, или пребываніе его къ немъ на первомъ планѣ, во все то время, пока говорящій, уклонившись отъ предмета, не возвратится опять къ нему.

I. 2.

Ὅ ἢ τὸ *анафоруетъ предметъ, представленный авторомъ слушателю непосредственно передъ анафорою.* Изъ Гомера, избилгующаго, какъ извѣстно, такими мѣстами, мы приведемъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 1. 12. Τίς τ' ἄρ σφωε θεῶν ἔριδι ξυνέηκε μάχεσθαι;
 Λητοῦς καὶ Διὸς υἱός. ὁ γὰρ βασιλῆϊ χολωθεὶς
 νοῦσον ἀνά στρατὸν ὤρσε κακῆν, ὀλέκοντο δὲ λαοί.

Од. 8. 65. Κῆρυξ δ' ἐγγύθεν ἦλθεν ἄγων ἐρίηρον αἰοδόν,
 τὸν πέρι Μοῦσ' ἐφίλησε, δίδου δ' ἀγαθὸν τε κακὸν τε·
 ὀφθαλμῶν μὲν ἄμερσε, δίδου δ' ἠδεῖαν αἰοιδῆν.
 τῷ δ' ἄρα Ποντόνοος θῆκε θρόνον ἀργυρόηλον
 μέσση δαιτυμόνων, πρὸς κίονα μακρὸν ἐρείσας·
 καδ' δ' ἐκ πασσαλόφει κρέμασσεν φόρμιγγα λίγειαν.

Од. 2. 348. ἐν δὲ γυνὴ ταμίη νύκτας τε καὶ ἡμαρ
 ἔσχη, ἢ πάντ' ἐφύλασσε νόου πολυιδρεΐησιν,
 Εὐρύκλει', Ὀπος θυγάτηρ Πεισηνορίδαο.
 τὴν τότε Τηλέμαχος προσέφη θάλαμόνδε καλέσσας.

Ил. 2. 795. ἀγχοῦ δ' ἵσταμένη προσέφη πόδας ὠκέα Ἴρις·
 εἶσατο δὲ φθογγὴν οὐὶ Πριάμοιο Πολίτη,
 ὃς Τρώων σκοπὸς ἴζε, ποδωκείησι πεποιθὼς,
 τύμβῳ ἐπ' ἀκροτάτῳ Αἰσούηταιο γέροντος,
 δέγμενος ὀππότε ναῦφιν ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί·
 τῷ μιν ἐισαμένη μετέφη πόδας ὠκέα Ἴρις.

Од. 1. 359. ...μῦθος δ' ἄνδρεςσι μελήσει
 πᾶσι, μάλιστα δ' ἐμοί· τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ οἴκῳ.

(Сравни примѣръ Од. 21. 353, приведенный на стр. 73).

Од. 1. 152. αὐτὰρ ἐπεὶ πόσιος καὶ ἐδητύος ἐξ ἔρον ἔντο
 μνηστῆρες, τοῖσιν μὲν ἐνὶ φρεσὶν ἄλλα μεμῆλει,
 μολπή τ' ὄρηστος τε· τὰ γάρ τ' ἀναθήματα δαιτός.

Од. 5. 49. εἶλετο δὲ ῥάβδον, τῆτ' ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει,
 ὦν ἐθέλει, τοὺς δ' αὐτε καὶ ὑπνώοντας ἐγείρει·
 τὴν μετὰ χερσὶν ἔχων πέτετο κρατὸς Ἀργειφόντης.

Ил. 1. 325. „Ἐρχεσθον (повелит. накл.) κλισίην Πηληϊάδεω Ἀχι-
 λῆος·

χειρὸς ἐλόντ' ἀγέμεν Βρισθίδα καλλιπάρχον·

εἰ δέ κε μὴ δώχῃσιν, ἐγὼ δέ κεν αὐτὰς ἔλωμαι
ἐλθῶν σὺν πλεόνεσσι· τό οἱ καὶ ῥίγιον ἔσται,“

Ил. 3. 176. ὡς ὄφελεν θανάτος μοι ἀδεῖν κακός, ὅπποτε δεῦρο
οἰεῖ σῶ ἐπόμην, θάλαμον γνωτούς τε λιποῦσα
παῖδά τε τελυγέτην καὶ ὀμηλικίην ἐρατεινήν.
ἀλλὰ τάγ' οὐκ ἐγένοντο· τό καί κλαίουσα τέτηκα.

Ил. 17. 404. ...οὐδ' ἄρα πά τι
ἦδες Πάτροκλον τεθνηῶτα δίος Ἀχιλλεύς.
πολλὸν γάρ ἀπάνευθε νεῶν μάρναντο θοάων,
τείχει ὑπο Τρώων· τό μιν οὔποτε ἔλπετο θυμῷ
τεθνάμεν, ἀλλὰ ζῶν, ἐνιγρυμφθέντα πόλῃσιν,
ἄψ ἀπονοστήσειν...

Од. 5. 311. ὡς δὴ ἔγωγ' ὄφελον θανέειν καὶ πότμον ἐπισπεῖν
ἦματι τῷ, ὅτε μοι πλεῖστοι χαλκήρεα δοῦρα
Τρῶες ἐπέρρυψαν περὶ Πηλείωνι θανόντι.
τῷ κ' ἔλαχον κτερέων, καὶ μευ κλέος ἦγον Ἀχαιοί·
νῦν δέ με λευγαλέφ θανάτῳ εἴμαρτο ἀλῶναι.“

Ил. 4. 290. αἱ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἀπολλων,
τοῖος πᾶσιν θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι γένοιτο·
τῷ κε τάχ' ἡμόσειε πόλις Πριάμοιο ἄνακτος,
χερσὶν ὑφ' ἡμετέρῃσιν ἀλοῦσά τε περθομένη τε.

Мѣсто, занимаемое словомъ ὁ въ нашихъ и имъ подобныхъ примѣ-
рахъ, бываетъ или начало предложенія, или сейчасъ же послѣ союзовъ,
если таковые имѣются въ текстѣ. Переводить мы можемъ въ этихъ при-
мѣрахъ слова ὁ ἢ τό словами *этотъ-то, вотъ этотъ, потому то, вотъ
онъ*, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ словами *вотъ кто, вотъ что, вотъ поче-
му*, а описывать сго значеніе словами: „этотъ предметъ, съ которымъ я
(говорящій) тебя (слушателя) познакомилъ“.

Въ аттической прозѣ встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣст-
но, вмѣсто ὁ исключительно обоюдная антонимія. У Гомера подобная за-
мѣна нашего ὁ обоюдною антонимією, не можетъ быть, конечно, отрицаема,
однако, должна быть названа явленіемъ болѣе рѣдкимъ уже потому, что
одна и та же роль раздѣлена между *двумя* категоріями словъ. Обоюдную ан-
тонимію мы замѣчаемъ у Гомера напр.:

Ил. 9. 35. ἀλκὴν μὲν μοι πρῶτον ὀνειδίσας ἐν Δαναοῖσιν,
φᾶς ἔμεν ἀπτόλεμον καὶ ἀνάγκιδα· ταῦτα δὲ πάντα
ἴσασ' Ἀργείων ἡμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες.

Од. 7. 316. οἶκον δὲ τ' ἐγὼ καὶ κτήματα δοίην,
εἰ κ' ἐθέλων γε μένοις· ἀέκοντα δὲ σ' οὔτις ἐρύξει
Φαιήκων· μὴ τοῦτο φίλον Διὶ πατρὶ γένοιτο.

Какъ особенный случай появленія слова οὗτος, мы замѣтимъ тотъ, въ которомъ представленіе предмета совершается однимъ изъ бесѣдующихъ, а анафорированіе другимъ. Сравни:

Од. 17. 163. Θεοκλιμενъ божится Пенелопѣ, что Одиссей возвратится и что онъ замышляетъ отомстить женихамъ ея, на что она отвѣчаетъ:

„αἶ γὰρ τοῦτο, ξεῖνε, ἔπος τετελεσμένον εἶη·
τῷ κε τάχα γνοίης φιλότρητά τε πολλά τε δῶρα
εἴς ἐμεῦ, ὡς ἄν τις τε συναντόμενος μακαρίζοι.“

Од. 18. 170. παιδί δὲ κεν, говоритъ Пенелопа, εἵπομι ἔπος, τό κἄ κέρδιον εἶη,

μὴ πάντα μνηστῆρσιν ὑπερφιάλοισιν ὀμιλεῖν,
οἷτ' εὖ μὲν βάζουσι, κακῶς δ' ὀπιθεν φρονέουσιν.
Τὴν δ' αὖτ' Εὐρονόμη ταμίη πρὸς μῦθον εἶπεν·
„καὶ δὴ ταῦτά γε πάντα, τέκος, κατὰ μοῖραν εἶπες.
ἀλλ' ἴθι καὶ σῶ παιδί ἔπος φάο μηδ' ἐπίκευθε.“

Конечно, мы не хотимъ сказать, что здѣсь встрѣчается исключительно только οὗτος. Есть примѣры у Гомера и съ ὁ. Сравни напр.

Од. 17. 193. ἀλλ' ἄγε νῦν ἴομεν· δὴ γὰρ μέμβλωκε μάλιστα
ἡμᾶρ, ἀτὰρ τάχα τοι ποτὶ ἔσπερα ρίγιον ἔσται.
Τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη πολύμητις Ὀδυσσεύς
„γινώσκω, φρονέω· τάγε δὴ νοέοντι κελεύεις.
ἀλλ' ἴομεν. σὺ δ' ἔπειτα διαμπερὲς ἡγεμόνευε.
δὸς δὲ μοι, εἴ πῦθι τοι ῥόπαλον τετρημένον ἔστιν,
σκηρίπτεσθ'· ἀπειρή φατ' ἀρισφραλέ' ἔμμεναι οὐδόν.“

Изъ представленныхъ нами въ этомъ пунктѣ примѣровъ на употребленіе слова ὁ видна способность этого слова анафоровать все, что только можетъ составлять предметъ рѣчи: оно анафоруетъ и одушевленные и неодушевленные предметы, и отвлеченныя понятія и цѣлыя мысли. Экстенсивная сила анафоры ⁴⁹⁾ здѣсь до того слаба, что мы не чувствуемъ особенной разницы между этимъ ὁ и пролептическимъ его употребленіемъ. Одинаковымъ чувствуется первое съ послѣднимъ по отношенію къ экстенсивной силѣ анафоры особенно тогда, когда предметомъ анафоры изъ вышеупомянутыхъ предметовъ рѣчи оказывается цѣлая мысль. Разница между пролептическимъ и эпанапелтическимъ ὁ въ такихъ случаяхъ опредѣляется такъ, какъ опредѣляется разница между тою разстановкою періода,

⁴⁹⁾ Говоря объ экстенсивной силѣ анафоры мы имѣемъ въ виду разстояніе двухъ точекъ разсказа, изъ которыхъ на одной происходитъ представленіе предмета, а на другой анафоруется этотъ предметъ; чѣмъ больше это разстояніе, тѣмъ больше экстенсивная сила анафоры.

въ которой синтаксически подчиняющая часть періода *предшествуетъ* синтаксически подчиненной части, и между обратною разстановкою. Пролептическое $\acute{o}$ η $\tau\acute{o}$ можетъ быть, конечно, употреблено не только о цѣлой мысли, но и о другихъ вышеупомянутыхъ предметахъ рѣчи, если только *представленіе* этихъ предметовъ совершается не посредствомъ ихъ наименованія *однимъ* именемъ существительнымъ, а посредствомъ описанія, или перечисленія. Ни то ни другое средство представленія не ушло далеко отъ роли придаточныхъ предложеній. Все сказанное здѣсь видно изъ сравненія вышеприведенныхъ примѣровъ съ слѣдующими:

Од. 20. 84. ἀλλὰ τὸ μὲν καὶ ἀνεκτὸν ἔχει κακὸν, ὀππότε κέν τις
ἤματα μὲν κλαίη, πυκινῶς ἀκαχήμενος ἦτορ,
νόκτας δ' ὕπνος ἔχῃσιν. .

Од. 20. 381. ἀλλ' εἴ μοί τι πίθοιο, τό κεν πολὺ κέρδιον εἴη·
τοὺς ξείνους ἐν νηϊ πολυκλήϊδι βαλόντες
ἐς Σικελοὺς πέμψωμεν, ὄθεν κέ τοι ἄξιον ἄλφοι.

Од. 6. 182. οὐ μὲν γὰρ τοῦγε κρεῖσσον καὶ ἄρειον,
ἦ ὄθ' ἰμοφρονέοντα νοήμασιν οἶκον ἔχῃστον
ἀνὴρ ἠδὲ γυνή.

Ил. 17. 406. ἐπεὶ οὐδὲ τὸ ἔλπετο πάμπαν,
ἐκπέρσειν πτολίεθρον ἄνευ ἔθεν.

Ил. 5. 665 τὸ μὲν οὐτις ἐπεφράσατ' οὐδ' ἐνόησεν,
μηροῦ ἐξερόσαι δόρυ μείλινον, ὄφρ' ἐπιβαίη,
σπευδόντων ⁸⁰)

Од. 13. 331. τῷ σε καὶ οὐ δύναμαι προλιπεῖν εὐστηνον ἔοντα,
οὐνεχ' ἐπητής ἐσσι καὶ ἀγγίνοος καὶ ἐχέφρων.

Ил. 11 186. „Βάσῃ ἴθι, Ἴρι ταχεῖα, τὸν Ἔκτορι μῦθον ἐνίσπεε.
ὄφρ' ἂν μὲν κεν ὄρᾳ Ἀγαμέμνονα, ποιμένα λαῶν,
θύοντ' ἐν προμάχοισιν, ἐναίροντα σίχας ἀνδρῶν,
τόφρ' ἀναχωρεῖτω, τὸν δ' ἄλλον λαόν ἀνώχθω
μάρνασθαι δήϊοσι κατὰ κρατερὴν ὑσμίην. -

Од. 19. 535. ἀλλ' ἄγε μοι τὸν ἔνειρον ὑπόχρῃναι καὶ ἀκούσον.
χῆνές μοι κατὰ οἶκον εἰέχοσι πυρὸν ἔδουσι
ἐξ ὕδατος, καὶ τέ σφιν ἰαίνομαι εἰσορόωσα·
ἐλθῶν δ' ἐξ ὄρεος μέγας αἰστός ἀγκυλοχεῖλης η τ. Д.

⁸⁰) На сколько этотъ и предшествующій (Ил. 17. 406.) примѣры близки къ примѣрамъ, въ которыхъ указывается нашими грамматиками на конструкцію члена съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, это не нуждается съ нашей стороны ни въ какихъ особыхъ разъясненіяхъ. Конечно, конструкція, какую представляетъ напр. предложеніе ἐπὶ τῷ μη λυπεῖν τε τοὺς ἄλλους

Нѣтъ нужды указывать, какое изъ сообщенныхъ нами положеній оправдывается на каждомъ изъ этихъ примѣровъ въ отдѣльности. — Что и здѣсь слово $\acute{o}$ бываетъ замѣняемо обоюдною антонимією, это доказываютъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 9. 244. ταῦτ' αἰνῶς δεῖδοικα κατὰ φρένα, μή οἱ ἀπειλάς
ἐκταλέσσωσι θεοί, ἡμῖν δὲ δὴ αἴσιμον εἶη
φθίσθαι ἐνὶ Τροίῃ ἐκάς Ἄργεος ἱπποβότοιο.

Ил. 2. 119. αἰσχροὺν γὰρ τόδε γ' ἐστὶ καὶ ἐσσομένοισι πυθέσθαι,
μὰψ οὕτω τοιόνδε τοσόνδε τε λαὸν Ἀχαιῶν
ἄπρηκτον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι
ἀνδράσι παυροτέροισι τέλος δ' οὐπω τι πέφανται.

Мы указали на всѣ явленія пролептического и эпаналептического

каὶ αὐτοὶ ἀρμόμενοι μὴ βλάπτεσθαι τὸ ἴσον νέμετε (Оук. 1. 71), не требуетъ для пониманія ея смысла такого напряженнаго вниманія, какого требуютъ тѣ случаи, въ которыхъ слово $\tau\acute{o}$ поставлен^o слишкомъ далеко отъ своего неопредѣленнаго склоненія; но тѣмъ не менѣе слово $\tau\acute{o}$, которое какъ самостоятельное по своему значенію, можетъ войти *одинокимъ* въ синтаксическій составъ предложенія, остается здѣсь, равно какъ и въ предложеніяхъ, приведенныхъ въ текстѣ, *представителемъ* того предмета рѣчи, познакомиться съ которымъ, въ предѣлахъ синтаксического состава этого же предложенія, оказывается зруднымъ по причинѣ сложности и несклоняемости выраженій, представляющихъ изъ этотъ предметъ (мы говоримъ труднымъ, но не хотимъ назвать это невозможнымъ; вѣдь *встрѣчаемъ* же въ нашихъ случаяхъ рядомъ съ словомъ $\tau\acute{o}$ и *отсутствіе* его. Сравни напр. Герод. 1. 210: $\delta\varsigma$ ἀντὶ μὲν δοῦλων ἐποίησας ἐλευθέρους Πέρσας εἶναι, ἀντὶ δὲ ἄρχεσθαι ὑπ' ἄλλων ἄρχων ἀπάτων). Если въ гомеровскихъ цитатахъ, которыхъ касается наша замѣтка, неопредѣленное накл. съ своими грамматическими дополненіями могло быть сравниваемо съ придаточными предложеніями, помѣщенными въ рѣчи *послѣ* своихъ главныхъ предложеній, то въ цитатѣ изъ Овидіида и ея подобныхъ можно такое же неопр. накл. сравнивать съ придаточными предложеніями, *вставленными* въ главное; въ послѣднихъ случаяхъ употребленіе слова $\tau\acute{o}$, въ отличіе отъ первыхъ случаевъ, будетъ нами называться, на основаніи, извѣстномъ уже читателю изъ нашей замѣтки, *синтаксическимъ его употребленіемъ*.

Подъ синтаксическое $\tau\acute{o}$ подходятъ адverbіальные обороты, какъ то: $\tau\acute{o}$ κατὰ τοῦτον (=на сколько его касается), $\tau\acute{o}$ καθ' ἡμέραν (смотри Платона: Περὶ πολ. 567 A), $\tau\acute{o}$ νῦν (=теперь) и др. (больше такихъ примѣровъ приводитъ Беригарди Wissenssch. Syntax der gr. Spr. стран. 328. 3 и 4). Болѣе близкими къ вышепоказаннымъ эти обороты будутъ именно тогда, когда они распространены неопредѣленнымъ накл. εἶναι, какъ это встрѣчается у Ксен. Ἀνάβασις I. 6. 9: ἀλλὰ σχολὴ ἤ ἡμῖν τὸ κατὰ τοῦτον εἶναι τοὺς ἐθελοντάς φιλως εὐ ποιεῖν), тамъ же 3. 2. 37 (ὀπισθοζυλακῶμεν ἡμεῖς οἱ νεώτεροι τὸ νῦν εἶναι) и другихъ мѣстахъ (смотри: Кюперъ Ausführl. Gramm. der gr. Spr. § 479. 4); встрѣчающееся въ нихъ слово $\tau\acute{o}$ входитъ въ синтаксическій составъ своего предложенія, какъ accusativus relationis. Сюда также принадлежатъ выраженія: $\tau\acute{o}$ ἢ ἄλλα ἢ ἐκρώνησις μεγίστη ἐστὶ, — $\tau\acute{o}$ ἐὰν ἔλθοις καταλληλότητα οὐκ ἔχει (=выраженіе ἐὰν ἔλθοις неправильно). На сколько эти примѣры отличаются отъ предыдущихъ, на это читатель, надѣмся, не потребуетъ отъ насъ отвѣта.

ó, имѣющія отношеніе къ этому параграфу; объ одномъ только рядѣ явленій мы здѣсь умолчали, потому что для него уже предназначено нами другое мѣсто.

Если въ первомъ параграфѣ ó сталкивалось съ словами оὐ, οἷ, ἔ, μὴ и αὐτός, то это тѣмъ болѣе замѣчается здѣсь: въ самомъ дѣлѣ;

въ Ил. 3. 231 (Τὸν δ' Ἑλένη τανόπεπλος ἀμείβετο, διὰ γυναικῶν,
 „οὗτος δ' Αἴας ἐστὶ πελώριος, ἔρκος Ἀχαιῶν·
 Ἴδομενεὺς δ' ἐτέρωθεν ἐνὶ Κρήτεσσι θεὸς ὣς
 ἔστηχ' ἀμφὶ δέ μιν Κρητῶν ἀγοὶ ἠγερέθονται)
 и въ Од. 10. 312 (ὦ; ἄρα φωνήσας πόντος φάρμακον ἀργειφόντης
 ἐκ γαίης ἐρύσας καὶ μοι φέσιν αὐτοῦ ἔδειξε)

самое *представленіе* предметовъ, къ которымъ относится μὴ и αὐτός, такъ же предшествуетъ непосредственно употребленію словъ μὴ и αὐτός, какъ и въ приведенныхъ на стр. 78-й примѣрахъ употребленію слова ó.

Мы видимъ, однако, что сопоставленіе перечисленныхъ выше словъ съ словомъ ó получаетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ параграфѣ. Здѣсь намъ придется рѣшить вопросъ: что достигается особеннаго черезъ постановку слова ó по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые мы уже, кажется, не имѣемъ право считать *удаленными* или *затемненными* въ нашемъ представленіи, какъ это замѣчалось при постановкѣ слова ó въ примѣрахъ перваго параграфа, а которые появленіе слова ó застаютъ всегда *присутствующими* въ нашемъ представленіи?

Постараемся рѣшить этотъ вопросъ. Сопоставленіе слова ó съ словами оὐ, οἷ, ἔ, μὴ можетъ касаться только тѣхъ изъ нашихъ примѣровъ, въ которыхъ ó анафоруетъ *одушевленный* предметъ, потому что само оὐ οἷ ἔ для обозначенія неодушевленныхъ предметовъ, или цѣлой мысли, какъ мы уже высказались въ статьѣ объ αὐτός (см стр. 60 и 61), не употребляется. (На подобное условіе сопоставленія не нужно было особо указывать въ первомъ параграфѣ: оно не исключало бы тамъ ни одного примѣра изъ сопоставленія, такъ какъ во всѣхъ приведенныхъ тамъ примѣрахъ шла рѣчь исключительно объ *одушевленныхъ* предметахъ). Намъ приходится здѣсь имѣть дѣло изъ вышеприведенныхъ примѣровъ только съ Од. 8. 65, Од. 2. 348 и Ил. 2. 795. Принимая во вниманіе, при сопоставленіи слова ó съ словомъ оὐ οἷ ἔ, чередованіе формъ оὐ οἷ ἔ съ отсутствіемъ именительнаго падежа, мы должны рѣшать нашъ вопросъ въ предѣлахъ слѣдующихъ четырехъ возможностей:

1) Предметъ былъ въ первый разъ представленъ въ именительномъ падежѣ и остается въ томъ же падежѣ и въ слѣдующемъ за тѣмъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ приходится сопоставлять напр.

Ил. 1. 44. ("Ως ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων,
βῆ δὲ κατ' Οὐλύμποιο καρῆνων χαόμενος κῆρ,
τόξ' ὤμοισιν ἔχων ἀμφηρεφέα τε φαρέτρην).

съ Ил. 1. 73. (.. τοῖσι δ' ἀνέστη
Κάλχας Θεστορίδης οἰωνοπόλων ὄχ' ἄριστος,
ὃς ἤδη τά τ' εὐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' εὐόντα,
καὶ νήεσσ' ἠγήσατ' Ἀχαιῶν Ἴλιον εἴσω
ἦν διὰ μαντοσύνην, τὴν οἱ πόρε Φοῖβος Ἀπόλλων·
ὃ σφιν εὐφρονέων ἀγορήσατο καὶ μετέειπεν).

2) Предметъ былъ представленъ въ первый разъ въ именительномъ падежѣ, а въ слѣдующемъ предложениі приходится обозначать его однимъ изъ косвенныхъ падежей. Сопоставимъ напр.

Ил. 4. 2. (Οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζηνὶ καθήμενοι ἡγορόωντο
χρυσέφ' ἐν δαπέδῳ, μετὰ δὲ σφισι πότνια Ἥβη
νέκταρ ἐφνοχόει.)

съ Ил. 1. 55. (Ἐννήμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ὄψατο κῆλα θεοῖο,
τῇ δεκάτῃ δ' ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς·
τῷ γὰρ ἐπὶ φρεσὶ θῆκε θεὰ λευκώλενος Ἥρη·
κῆδατο γὰρ Δαναῶν, ὅτι ῥα θνήσκοντας ὀραῖτο).

3) Предметъ былъ представленъ первый разъ въ косвенномъ падежѣ и остается въ косвенномъ падежѣ и въ слѣдующемъ предложениі. 'Ο ἢ τὸ встрѣчается здѣсь напр. въ Ил. 5. 603.

(ἦ ὦ φίλοι, οἷον δὴ θαυμάζομεν Ἐκτορα δῖον
αἰχμητὴν τ' ἔμεναι καὶ θαρσαλέον πολεμιστὴν·
τῷ δ' αἰεὶ πάρα εἰς γε θεῶν, ὃς λοιγὸν ἀμύνει·
καὶ νῦν οἱ πάρα κεῖνος Ἄρης βροτῶ ἀνδρὶ εἰοικώς),

а οὐ οἱ ἔ напр. въ Ил. 2. 11.

(ἦ Βάσκ' ἴθι, οὐλα Ὀνεψε, θεὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν·
ἐλθὼν ἐς κλισίην Ἀγαμέμνωνος Ἀτρεΐδαο
πάντα μάλ' ἀτρεκέως ἀγορευέμεν ὡς ἐπιτέλλω·
θωρηξαί ε κέλευε καρηχομόωντας Ἀχαιοὺς
πανσυδίη).

4) Предметъ былъ представленъ первоначально въ косвенномъ падежѣ, а въ слѣдующихъ предложенияхъ переходитъ въ именительный падежъ. Сопоставимъ здѣсь напр.

Од. 12. 17. Ἡμεῖς μὲν τὰ ἕκαστα διείπομιν· οὐδ' ἄρα Κίρκην
ἔξ Ἀΐδεω ἐλθόντες ἐλήθομεν, ἀλλὰ μάλ' ὦκα
ἦλθ' ἐντοναμένη.

съ Ил. 1. 12. νοῦσον ἀνά στρατὸν ὄρασ κακῆν, ὀλέμενος δὲ λαεῖ,
 οὐνεκα τὸν Χρῦσον ἠτίμησ' ἀρητήρα
 'Ατρείδης· ὁ γὰρ ἦλθε θεός ἐπι νῆας 'Αχαιῶν,
 λυοόμενος τε θύγατρα φέρων τ' ἀπερείσι' ἄποινα.

Мы видимъ, что во всѣхъ четырехъ случаяхъ рядомъ съ примѣрами на *οὐ* *οἶ* *εἶ* и отсутствіемъ именительнаго падежа появляются и примѣры на *ὁ* *ἡ* *τὸ*; но стоятъ только немного вдуматься въ обѣ эти группы примѣровъ, чтобы вонять различіе въ характерѣ первой группы отъ послѣдней: тамъ идетъ дѣло только о присоединеніи новаго заявленія о лицѣ къ заявленію, уже прежде сдѣланному говорящимъ, и оба эти заявленія соединяются въ нашемъ представленіи въ одно цѣлое; здѣсь же характеръ предложеній, начинающихся съ *ὁ*, есть общій со всѣми остальными примѣрами, упомянутыми въ этомъ параграфѣ, однако не имѣющими никакой отношенія къ слову *οὐ* *οἶ* *εἶ*, съ примѣрами, въ которыхъ *ὁ* анафорируетъ цѣлую мысль, съ примѣрами, въ которыхъ оно анафорируетъ и другія лица кромѣ 3-го, и съ примѣрами, въ которыхъ *ὁ* употреблено пролептически. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, а дѣдовательно и въ предложеніяхъ, въ которыхъ *ὁ* сталкивается съ *οὐ* *οἶ* *εἶ*, слово *ὁ* заставляетъ насъ, конечно, пополнять содержаніе предложенія, вмѣщающаго въ себя это *ὁ*, внесеніемъ въ него предмета, съ которымъ само *ὁ* согласовано грамматически, но вмѣстѣ съ тѣмъ—а это есть самое существенное въ нашемъ сопоставленіи—въ однихъ случаяхъ имѣ только т. е. слово *ὁ*, а не тѣмъ предложеніемъ, въ которомъ предметъ представленъ, выставляется этотъ предметъ особымъ началомъ, особою точкою, на которую долженъ опираться новый рядъ сужденій, новый рассказъ, въ другихъ же случаяхъ имѣ только, а не предложеніемъ, въ которомъ предметъ представленъ, захватывается этотъ предметъ въ область прекращеннаго передъ ею представленіемъ и теперь опять имѣющаго продолжаться рассказа (послѣднее замѣчается въ Од. 2. 348, Ил. 2. 795, Од. 1. 182). Во всякомъ случаѣ слово *ὁ*, въ нашихъ примѣрахъ, переноситъ насъ въ новую область мыслей, въ сравненіи съ тою, въ которой мы находимся во время представленія предмета; время представленія предмета, будучи измѣряемо ходомъ рассказа, представляется совершенно инымъ, чѣмъ время, въ которомъ произносится предложеніе, начинающееся съ слова *ὁ*. Мы видимъ, что въ этихъ случаяхъ вполне сохраняется анафорическое значеніе слова *ὁ*: анафора относится здѣсь къ предмету, удаленному по времени, измѣряемому ходомъ рассказа; переводъ чрезъ распространенныя указ. мѣстоименія (этотъ то и т. д; см. стр. 79) оказывается поэтому возможнымъ, описаніе его значенія выраженіемъ: „тотъ предметъ, который я вамъ сейчасъ сообщилъ“ (perfectum; время представленія, значить, уже прошло)—правильнымъ и разстановка его, на которую мы указали на той же 79 стр., соответствующую его значенію. Намъ кажется, что „начитательное“, какъ мы выра-

зались бы, значеніе слова $\acute{o}$ въ примѣрахъ, подходящихъ подъ этотъ параграфъ, *доказано*, а потому особое сопоставленіе его съ слабымъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}s$ *identitatis* и $\mu\acute{i}\nu$, какъ не ведущее насъ къ особымъ результатамъ, считаемъ лишнимъ.

Но начинательное значеніе слова $\acute{o}$ не ограничивается этими случаями: коль скоро лице, опредѣливъ въ извѣстномъ направленіи свое отношеніе къ дѣйствию (или какъ *главный дѣятель*, или какъ лице, служащее *предметомъ* дѣйствія для другихъ дѣятелей), перемѣняетъ это свое отношеніе, то его гомерическій языкъ, въ предложеніи, заявляющемъ о такой перемѣнѣ отношенія, тоже обозначаетъ черезъ $\acute{o}$. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя подраздѣленіями.

Первое подраздѣленіе составляютъ тѣ случаи, въ которыхъ предметъ, обозначаемый чрезъ $\acute{o}$, перемѣняетъ свое активное отношеніе къ разсказываемому дѣйствию въ пассивное и активное его положеніе перенимаетъ какое нибудь другое лице. Сравни напр.

Од. 4. 525. ἦτοι ὁ μὲν (Ἀγαμέμνων) χαίρων ἐπεβήζετο πατρίδος αἴης,
καὶ κύνει ἀπτόμενος ἦν πατρίδα· πολλὰ δ' ἀπ' αὐτοῦ
δάκρυα θερμὰ χέοντ', ἐπεὶ ἀσπασίως ἴδε γαῖαν.
τὸν δ' ἄρ' ἀπὸ σκοπιῆς εἶδε σκοπός, ὃν ῥα καθεῖσεν
Αἰγισθος δολόμητις ἄγων, ὑπὸ δ' ἔσχετο μισθὸν
χρυσοῦ δοιὰ τάλαντα.

Ил. 3. 21. αὐτὰρ ὁ (Ἀλέξανδρος) δοῦρε δύω κεκοροθυμένα χαλκῷ
πάλλων Ἀργείων προκαλίζετο πάντας ἀρίστους
ἀντίβιον μαχέσασθαι ἐν αἰνῇ ἠηϊοτῆτι.
Τὸν δ' ὡς οὖν ἐνόησεν ἀρηϊφίλος Μενέλαος
ἐρχόμενον προπάροιθεν ὁμίλου, μακρὰ βιβάντα,
ὥστε λέων ἐχάρη μεγάλῃ ἐπὶ σώματι κύρσας,
ὡς ἐχάρη Μενέλαος...
...φάτο γὰρ τίσεσθαι ἀλείτην·
αὐτίκα δ' ἐξ ὀχέων σὺν τεύχεσιν ἄλτο χαμᾶζε.
Τὸν δ' ὡς οὖν ἐνόησεν Ἀλέξανδρος θεοειδής
ἐν προμάχοισι φανέντα, κατεπλήγη φίλον ἦτορ·
ἄψ δ' ἐτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ' ἀλεείνων...
τὸν δ' Ἐκτωρ νείκεσεν ἰδὼν αἰσχροῖς ἐπέεσσιν...

Сюда же принадлежать столь часто встрѣчающіяся выраженія: τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη... ὡς φάτο, τὸν δ' ὁ γέρων ἠγγήσατο φώνησεν τε... ὡς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε... Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ *смѣняемый* дѣятель со всѣми своими дѣйствіями представляется такою же точкою отправления для *новыхъ* дѣйствій и для *новой* разсказа, какою былъ въ предыдущихъ примѣрахъ *представленный* предметъ. Все, что мы сказали объ $\acute{o}$ въ первомъ пунктѣ этого параграфа, сохраняетъ свою силу и здѣсь. Что, впрочемъ, и смѣна дѣятеля могла не повлечь за собою появленія слова $\acute{o}$, это доказываетъ

намъ выраженіе $\acute{\omega}\varsigma \epsilon\phi\alpha\tau'$, $\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\rho \epsilon\gamma\acute{\omega} \mu\upsilon\upsilon \acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\beta\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \pi\rho\omicron\sigma\epsilon\iota\pi\omicron\nu$, встрѣчающееся чуть-ли не такъ же часто, какъ и соотвѣтствующія ему выраженія съ $\acute{\omicron}$.

Во второе подраздѣленіе входятъ тѣ случаи, въ которыхъ слово $\acute{\omicron}$ обозначаетъ лице, переходящее изъ пассивнаго отношенія къ дѣйствию въ активное; сюда принадлежитъ аттическое $\acute{\omicron} \delta\epsilon$, указанное нами на стр. 19. Объ этихъ случаяхъ, однако, уже трудно утверждать то, что было сказано о случаяхъ перваго пункта; они подають скорѣе матеріалъ для того $\acute{\omicron}$, къ которому мы теперь переходимъ.

г. 3.

Коль скоро Гомеръ, заговоривъ о какомъ нибудь предметъ, начнетъ, среди разсказа о немъ, сопоставлять его съ другимъ какимъ нибудь предметомъ, то онъ обозначаетъ его уже не черезъ $\omicron\delta \omicron\iota \mu\iota\nu \alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$, а черезъ $\acute{\omicron}$.

Мы здѣсь различаемъ два случая. Одинъ изъ нихъ можетъ насъ и не удалять отъ пониманія слова $\acute{\omicron}$ въ томъ значеніи, какое мы ему отвели въ предыдущемъ параграфѣ. Въ пополненіе того, что мы сказали на стр. 6-й о начертаніяхъ, рисующихся въ нашемъ сознаніи во время разсказа объ удаленномъ отъ насъ предметѣ, мы замѣтимъ слѣдующее: Наша сила представленія заставляетъ насъ отводить въ самомъ представленіи опредѣленное мѣсто всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ это послѣднее. При этомъ опредѣленіи мѣста мы руководимся или дѣйствительностью, если намъ эта дѣйствительность извѣстна (а въ такомъ случаѣ въ нашемъ представленіи во время рѣчи говорящаго рисуется картина вполне соотвѣтствующая пространственнымъ отношеніямъ *дѣйствительности*), или же разсказомъ говорящаго, (а въ этихъ случаяхъ вѣрность нашего представленія зависитъ вполне отъ степени точности и отчетливости самаго разсказа), а за тѣмъ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не располагаемъ ни своими свѣдѣніями, ни указаніями разсказчика), предметъ занимаетъ въ нашемъ представленіи положеніе *случайное*. При томъ сопоставленіи предметовъ, какое мы имѣемъ въ виду въ этомъ параграфѣ, въ вопросѣ объ отведеніи мѣста въ нашемъ представленіи сопоставляемымъ предметамъ, насъ не поддерживаетъ ни дѣйствительность, ни разсказъ, и однако въ нашемъ представленіи рисуются двѣ горизонтально противоположныхъ точки, на которыхъ мы и размѣщаемъ сопоставляемые нами предметы. Употребляя слово $\acute{\omicron}$ о томъ изъ двухъ сопоставляемыхъ предметовъ, который уже считается присутствующимъ въ нашемъ представленіи, говорящій дѣлаетъ то же самое, что сдѣлалъ бы онъ, если бы пришлось ему сопоставлять съ какимъ нибудь предметомъ предметъ, *находящійся на лицѣ*, хотя бы даже *освѣдомленіе* объ этомъ послѣднемъ предметѣ ($\pi\rho\acute{\omega}\tau\eta \gamma\upsilon\omega\beta\iota\kappa\iota\varsigma$; см. стр. 7). у него происходило *заранѣе* (передъ сопоставленіемъ). Обратимъ вниманіе на слѣдующаго рода разговоръ:

А. Ты видишь вот *это* дерево?

В. Вижу.

А. Какъ ты находишь, не слѣдуетъ ли *его* пересадить ближе къ зданію, чтобы лѣтомъ, даже въ самый полдень, была тѣнь отъ него въ комнатѣ?

В. Отъ *этого*-то дерева будетъ тѣнь въ твоей комнатѣ и при теперешнемъ его положеніи, но то дерево, которое по ту сторону твоей комнаты и которое ты мнѣ вчера показывалъ, нужно уже во всякомъ случаѣ пересадить.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ діалогѣ повторяющееся два раза слово «это» имѣетъ каждый разъ другой характеръ: первое есть чистое *δεικτικόν*; второе не можетъ быть *δεικτικόν*, потому что при немъ не освѣдомляемся о предметѣ, а должно быть *ἀναφορικόν*. Спрашивается: почему лицу, обозначенному въ этомъ діалогѣ буквою В, удобнѣе было *ἀναφορᾶν* предметъ „дерево“ черезъ слово „это“, чѣмъ обозначать его тѣмъ словомъ, которымъ оно было обозначено непосредственно передъ словомъ *это* (именно: словомъ *его, и.м.*)? На основаніи дознаннаго нами выше психологическаго явленія, именно способности *опитивно* размѣщать въ нашемъ представленіи сопоставляемые предметы, и въ виду представленнаго нами примѣра, мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ слѣдующимъ образомъ: принимаясь сопоставлять присутствующій въ нашемъ представленіи предметъ съ другимъ какимъ нибудь однороднымъ предметомъ, мы вносимъ его въ известное локальное отношеніе къ сопоставляемому съ нимъ предмету; это отношеніе придаетъ ему совсѣмъ другое положеніе въ рассказѣ, чѣмъ какое онъ имѣлъ, когда былъ единственнымъ предметомъ рассказа; оно заставляеть насъ положить п. еgradu между тѣмъ временемъ, когда мы исключительно о немъ рассказывали, и между тѣмъ, когда мы начали *его сопоставлять*; вотъ почему мы и сказали, что эти случаи не удаляютъ насъ отъ случаевъ предыдущаго параграфа. Сравни:

Ил. 18. 146. Οὐλομπόνδε θεὰ Θέτις ἀργυρόπεζα

ἦϊεν, ὄφρα φίλῃ παιδὶ κλυτὰ τεύχε' ἐνεΐκαι.

Τὴν μὲν ἄρ' Οὐλομπόνδε πόδες φέρον· αὐτὰρ Ἀχαιοὶ

θεσπεσίῃ ἀλαλητῆϊ ὑφ' Ἑκτορος ἀνδροφόνιο

φεύγοντες νῆας τε καὶ Ἑλλήσποντον ἴκοντο·

Ил. 5. 47. Ἴδομενεὺς δ' ἄρα Φαίστον ἐνήρατο, Μήνονος υἱὸν

Βώρου, ὃς ἐκ Τάρνης ἐριβώλακος εἰληλούθει.

τὸν μὲν ἄρ' Ἴδομενεὺς δουρικλυτὸς ἔγχρ' μακρῆ

νύξ' ἵππων ἐπιβησόμενον, κατὰ δεξιὸν ὤμον·

ἤρικα δ' ἐξ ὀχέων, στυγερὸς δ' ἄρα μιν σκότος εἶλεν.

Τὸν μὲν ἄρ' Ἴδομενῆος ἐσύλευον θεράποντες·

υἱὸν δὲ Στροφίοιο Σκαμάνδριον, αἴμονα θήρης,

Ἀτρείδης Μενέλαος ἔλ' ἔγχρ' ὀξούαντι,

ἐσθλὸν θηρητῆρα·

Од. 24. 412. Гомеръ переходитъ отъ разсказа сцены въ домѣ Лаерта къ разсказу о Моливѣ (Ἵσσα) слѣд. словами:

Ὡς οἱ μὲν (разумѣй: всѣ тѣ, о которыхъ кончается рѣчь)
περὶ δεῖπνον ἐνὶ μεγάροισι πένοντο·

Ἵσσα δ' ἄρ' ἄγγελος ὄχα κατὰ πτόλιν ᾤχετο πάντη...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ случаями, гдѣ изъ сопоставляемыхъ предметовъ только *одинъ* былъ слушателю извѣстенъ изъ непосредственно предшествующаго разсказа. Немного иначе представляются намъ случаи, въ которыхъ *оба* предмета были представлены слушателю раньше самаго сопоставленія. Мы разумѣемъ здѣсь мѣста, какъ то:

Од. 3. 269. ὁ δ' εὐκηλος μυχῶ Ἄργεος ἱππορότοιο
πόλλ' Ἀγαμεμνονέην ἄλοχον θέλγεσθ' ἐπέεσσιν.
ἢ δ' ἦτοι τὸ πρὶν μὲν ἀνείνετο ἔργον ἀεικέες,
διὰ Κλυταίμνηστρη· φρεσὶ γὰρ κέχρητ' ἀγαθῆσιν.
πὰρ δ' ἄρ' ἔην καὶ αἰεὶδὸς ἀνὴρ, ᾧ πόλλ' ἐπέταλλεν
Ἄτρείδης Τροίηνδε κίων εἴρωσθαι ἄκοιτιν.
ἀλλ' ὅτε δὴ μιν μοῖρα θεῶν ἐπέδησε δαμῆναι,
δὴ τότε τὸν μὲν ἀοιδὸν ἄγων ἐς νῆσον ἐρήμην
κάλλιπεν οἴωνοισιν ἔλωρ καὶ κύρμα γενέσθαι,
τὴν δ' ἐθέλων ἐθέλουσαν ἀνήγαγεν οὐδὲ δόμονδε.

Ил. 11. 472. τρίς δ' αἶεν ἰάχοντος (Ὀδυσῆος) ἀρηίφιλος Μενέλαος.
αἶψα δ' ἄρ' Αἴαντα προσφώνων ἐγγὺς ἐόντα....
Ὡς εἰπὼν ὁ μὲν ἦρχ', ὁ δ' ἄμ' ἔσπετο ἰσόθεος φῶς.

Особенный разрядъ составляютъ здѣсь тѣ мѣста, гдѣ два предмета, одинаково извѣстные изъ непосредственно предшествующаго разсказа, сходятся въ *одномъ* предложении, служа при этомъ разнородными распространениями одного и того же сказуемаго. Примеры представляютъ слѣдующія мѣста:

Ил. 15. 417. Ἐκτὼρ δ' ἄντ' Αἴαντος εἰσατο κυδαλίμοιο.
τὼ δὲ μῆς περὶ νηὸς ἔχον πόνον, εὐδ' ἐδύονατο
οὔθ' ὁ τὸν ἐξέλαισαι καὶ ἐνιπρήσαι περὶ νῆας,
οὔθ' ὁ τὸν ἄψ ὤσασθαι, ἐπεὶ ῥ' ἐπέλασσε γε δαίμων.

Ил. 21. 601. αὐτῷ γὰρ ἐκάργος Ἀθήνορι πάντα εἰοικῶς
ἔσθη πρόσθε ποδῶν· ὁ δ' ἐπέσσυτο ποσσὶ διώκειν.
εἶος ὁ τὸν παδίοιο διώκετο πυροφόροιο....

Мы видимъ, что и въ этомъ, и въ предшествующемъ разрядахъ слово *ὁ* употребляется объ *обоихъ* предметахъ сопоставленія. Къ какому изъ сопоставляемыхъ предметовъ каждое *ὁ* относится, это можно узнать иногда (см. напр. Ил. 15. 417) только изъ контекста. Это *ὁ* очень близко къ *деиктивά*, такъ какъ цѣль его появленія имѣеть *распознавательный* характеръ и рас-

познаваніе не ушло далеко отъ *освѣдомленія* (πρώτη γνώσις) ⁸¹⁾. Воспользуемъ ся существованіемъ у Аполлонія двухъ терминовъ о значеніи анафорическихъ словъ, именно δεῖξις τοῦ νοῦ и ἀναφορά, и назовемъ значеніе, замѣченное нами въ примѣрахъ этого пункта, δεῖξις τοῦ νοῦ;—въ какомъ отношеніи такая δεῖξις τοῦ νοῦ находится къ другимъ оттѣнкамъ слсва ὁ, на это мы укажемъ въ концѣ 3-ей части.

Сюда же слѣдуетъ отнести случаи, упомянутые на стр. 86. На сколько они отличаются отъ вышеприведенныхъ примѣровъ, на это указывать не станемъ; въ Гомерѣ замѣчаемъ соотвѣтствіе аттическому ὁ δὲ въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Ил. 24. 470 Πρίαμος δ' ἐξ ἵππων ἄλτο χαμᾶζε,
 Ἰδαίον δὲ κατ' αὔθι λίπεν· ὁ δὲ μίμνεν ἐρόων
 ἵππους ἡμίονους τε·

Ил. 5. 17. Φηγεύς ῥα πρότερος προΐαι δολιχόσκιον ἔγχος·
 Τοδείδω δ' ὑπὲρ ὤμων ἀριστερὸν ἤλυθ' ἀκωχὴ
 ἔγχυος, οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν· ὁ δ' ὕστερος ἄρνυτο χαλκῷ
 Τοδείδης·

Приведемъ еще нѣкоторыя замѣчанія по поводу нашихъ трехъ параграфовъ. Исходя изъ послѣднихъ указаній третьяго параграфа, мы вполне понимаемъ, что появленію слова ὁ вмѣсто οὗ могло содѣйствовать желаніе *отличить* предметъ, какъ особенный, въ противоположность другому какому нибудь предмету, хотя бы даже и не упомянутому въ текстѣ. Такъ мы понимаемъ слово τοῦ, встрѣчающееся въ Ил. 9. 378, гдѣ Ахиллесъ говоритъ Одиссею объ Агамемнонѣ:

οὐδὲ τί οἱ βουλὰς συμφράσσομαι, οὐδὲ μὲν ἔργον·
 ἐκ γὰρ δὴ μ' ἀπάτησε καὶ ἤλιταν· οὐδ' ἂν ἔτ' αὐτίς
 ἐξαπάφοιτ' ἐπέεσσιν· ἄλις δὲ οἱ. ἀλλὰ ἐκηλος
 ἐρρέτω· ἐκ γὰρ εὐ φρένας εἴλετο μητίετα Ζεὺς.
 ἐχθρὰ δὲ μοι τοῦ δῶρα, τίω δὲ μιν ἐν καρὸς αἴσῃ.
 οὐδ' εἴ μοι δεκάκις τε καὶ εἰκοσάκις τόσα δοίῃ
 ὅσα τέ οἱ νῦν ἔστι, καὶ εἴ ποθεν ἄλλα γένοιτο...

Смыслъ слсва τοῦ, встрѣчающагося здѣсь среди нѣсколькихъ οὗ, можно опи-

⁸¹⁾ Δεξικά ми всегда понимали какъ слова, указывающія на предметы, находящіяся на лицѣ въ *дѣйствительности*; здѣсь эти предметы присутствуютъ въ *нашемъ представленіи*.—При томъ распознаваніи, которое лежитъ въ основаніи появленія этого ὁ, мы не располагаемъ, разумѣется, такимъ вѣрнымъ руководительнымъ средствомъ, какимъ мы располагаемъ при δεῖξις τῆς ὀφθαλμοῦ (см. стр. 3), но всѣ остальные средства, указанныя нами "анъ же, какъ содѣйствующія освѣдомленію о находящихся на лицѣ предметахъ, могутъ употребляться и здѣсь о предметахъ присутствующихъ въ представленіи

сать словами: „этого, о которомъ я говорю, въ различіе отъ другихъ“. Песочнымъ становится такое сопоставленіе предмета съ предметомъ

въ Од. 17. 155: αὐτὰρ ὁ βῆ διὰ δῶμα φίλον τετιμημένος ἦτορ,
νεοστάζων κεφαλῇ· δὴ γὰρ κακὸν ὄσαστο θυμός.
ἀλλ' οὐδ' ὡς φύγε Κῆρα· πέδησε δὲ καὶ τὸν Ἀθήνη
Τηλεμάχου ὑπὸ χερσὶ καὶ ἔγχεϊ ἱφι δαμῆναι..

Часто рассказчикъ не заботится слыхомъ о томъ, чтобы вызывать слушателя на распознаваніе присутствующихъ въ представленіи предметовъ, а у него самого (т. е. у рассказчика) представляющая сила очень свободно совершаетъ постоянную пережѣну въ группировкѣ этихъ предметовъ, выдвигая при этомъ, еще передъ упоминаніемъ о каждомъ изъ нихъ въ рассказѣ, на первый планъ всегда тотъ предметъ, о которомъ придется вслѣдъ за тѣмъ говорить. Вслѣдствіе всего этого говорящій самъ не чувствуетъ особенной надобности вносить въ рѣчь вышеупомянутый распознавательный характеръ, а обозначаетъ всѣ присутствующіе въ его представленіи предметы одинаково черезъ οἷ (при такихъ же условіяхъ появляются и въ русскомъ языкѣ формы ею, ему и т. д. вмѣсто словъ „распознавательныхъ“), а для слушателя такой рассказъ часто дѣлается непонятнымъ, такъ что послѣдній долженъ не рѣдко останавливать рассказывающаго и спрашивать его, когдѣ онъ подразумѣваетъ подъ словомъ ею, употребляемымъ имъ въ рѣчи. Вотъ какъ мы объясняемъ себѣ появленіе слова οἷ, упомянутое нами на стр. 17 и засвидѣтельствованное тамъ же примѣромъ Ил. 3. 383. Сравни еще:

Ил. 5. 8 и слѣд. ὄρωε δὲ μιν (Διομήδῃ) κατὰ μέσσον, ὅθι πλεῖστοι
χλονέοντο.

Ἦν δὲ τις ἐν Τρώεσσι Δάρης ἀφνειὸς ἀμύμων,
ἱρὸς Ἥφαιστοιο· δῶω δὲ οἱ υἱέες ἦστην,
Φηγεὺς Ἰδαίος τε, μάχης εὖ εἰδότε πάσης.
τῷ οἱ ἀποκρινθέντε ἐναντίω ὀρηθήτην·

Ил. 7. 433 и сл. Ἦμος δ' οὐτ' ἄρ πω ἦώς, ἔτι δ' ἀμφιλόκη νόε,
τῆμος ἄρ' ἀμφὶ πυρὴν κριτὸς ἔγρετο λαὸς Ἀχαιῶν,
τύμβον δ' ἀμφ' αὐτὴν ἕνα ποίεον ἐξαγαγόντες
ἄκριτον ἐκ πεδίου, ποτὶ δ' αὐτὸν ταίχος ἔδειμαν
πύργους θ' ὑψηλοὺς, εἴλαρ νηῶν τε καὶ αὐτῶν.
ἐν σ' αὐτοῖσι πόλας ἐνεποίηον εὖ ἀραρυίας,
ὄφρα δι' αὐτῶν ἱππηλασίη ὁδὸς εἴη·
ἔκτοσθεν δὲ βαθεῖαν ἐπ' αὐτῷ τάφρον ὄρουσαν,
εὐρεῖαν μεγάλην, ἐν δὲ σκόλοπας κατέπηξαν.

Од. 7. 171. οἶν ἀναστήσας ἀγαπήνορα Λαοδάμαντα,
ὅς οἱ πλησίον ἴζε, μάλιστα δὲ μιν φιλέσκεν.

Съ другой же стороны желаніе быть понятнымъ слушателемъ уявляеъ возможность постановки слова *ὅ* не только въ такихъ примѣрахъ, какими представляются Ил. 5. 8 и другіе, поставленные съ нимъ въ одинъ разрядъ, но и въ примѣрахъ, не предусмотрѣнныхъ нашими 3-мя параграфами. Оно ведетъ рассказчика, при произношеніи выраженія цѣлой мысли, очень часто къ *разбивкѣ* этого выраженія на возможно большее число частей, опредѣляющихся на основаніи синтаксическихъ законовъ предложенія; эта разбивка на части получаетъ свое выраженіе въ интонаціи; каждая изъ этихъ частей должна быть особо выслушиваема слушателемъ и вызывать въ его сознаніи особое представленіе, какъ частное, имѣющее дѣло въ соединеніи съ другими представленіями, соответствующими другимъ частямъ предложенія, точное цѣлое. Если въ такихъ случаяхъ приходится въ какой-нибудь изъ этихъ частей упоминать о предметѣ, упомянутомъ въ другой части, то уже рассказчикъ не обозначаетъ его, какъ присутствующій, черезъ *οὐ*, *μιν*, *αὐτός*, а анафоруетъ его, какъ переходящій изъ одного синтаксическаго цѣлага въ другое, черезъ *ὅ*. Сравни:

Ил. 4. 28. Ἦρῃ δ' οὐκ ἔχαδε στήθος χόλον, ἀλλὰ προσήδα

„Αἰνότατε Κρονίδη, ποῖον τὸν μῦθον ἔειπες.
πῶς ἐθέλεις ἄλιον θεῖναι πόνον ἢδ' ἀτέλεστον,
ἰδρῶ θ' ἐν ἰδρωσα μόγη, καμέτην δέ μοι ἴπποι
λαὸν ἀγειρούση, Πριάμῃ κακὰ τοῖο τε παισίν.

Од. 10. 68. Ὡς φάσαν. αὐτὰρ ἐγὼ μεταφώνεον ἀχνόμενος κῆρ
„ἄσάν μ' ἔταροι τε κακοὶ πρὸς τοῖσι τε ὕπνος
σχέτλιος.

Въ этихъ двухъ примѣрахъ слова *τοῖο τε παισίν* и *τοῖσι τε ὕπνος* представляются намъ совершенно другимъ синтаксическимъ цѣлымъ, чѣмъ слова, предшествующія имъ, не смотря на то, что они не составляютъ даже полнаго предложенія. Приниманіе *πολλοῖο* предложенія за одно синтаксическое цѣлое влечетъ за собою появленіе слова *ὅ* въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Ил. 4. 293. Ὡς εἰπὼν τοὺς μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δὲ μετ' ἄλλους·
ἐνθ' ὄγε Νέστορ' ἔεταψε, λιγὺν Πολίωιν ἀγορητήν.

Ил. 5. 434. Αἰνεῖα δ' ἐπόρουσε βοήν ἀγαθὸς Διομήδης,
γιννώσκων δ' οἱ αὐτὸς ὑπείρεχε χεῖρας Ἀπόλλων·
ἀλλ' ὄγ' ἄρ' οὐδὲ θεὸν μέγαν ἄζετο, ἔετο δ' αἰεὶ
Αἰνεῖαν κτεῖναι καὶ ἀπὸ κλυτὰ τεύχεα δῦσαι.

Ил. 5. 849. Ὡς δὲ ἶδε βροτολοιγὸς Ἄρης Διομήδεα διον,
ἦτοι ὁ μὲν Περίφρατα πελώριον αὐτόθ' ἔασεν
κεῖσθαι, ὅθι πρῶτον κτείνων ἐξείνυτο θυμὸν,
αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' ἰθὺς Διομήδεος ἱπποδάμοιο.

I. 4.

Перейдемъ къ новымъ фактамъ. Если группа известныхъ намъ однородныхъ предметовъ, входя въ матеріалъ логическаго сужденія, должна быть раздѣлена на двѣ, или нѣсколько частей, то эти части обозначаются черезъ δ ή τό. См. слѣд. мѣста:

Од. 20. 149. ή δ' αὖτε δμῶϊσιν ἐκέκλετο δια γυναικῶν,
 Εὐρύκλει', ὄπιος θυγάτηρ Πεισηγορίδαο·
 ἠ' Ἀγραιῖθ', αἱ μὲν δῶμα κορήσαστε ποιπνύσασαι,
 ῥάσαστέ τ' ἐν τα θρόνοις εὐποιήτοισι τάπητας
 βάλλετε πορφυρέους· αἱ δὲ σπόγγοισι τραπέζας
 πάσας ἀμφιμάσασθε, καθήρατε δὲ κρητῆρας
 καὶ δέπα ἀμφικόπελλα τετυγμένα· ταὶ δὲ μεθ' ὕδαρ
 ἔρχεσθε κρήνηνδε, καὶ οἴσατε θάσασον ἰοῦσαι.

Ил. 2. 90. ἤντε ἔθνεα εἴσι μελισσῶν ἀδινάνων,
 πέτρης ἐκ γλαφορῆς αἰεὶ νέον ἐρχομένων·
 βοτρυδὸν δὲ πέτρωνται ἐπ' ἀνθεσιν εἰαρινοῖσιν·
 αἱ μὲν τ' ἔνθα ἄλις πεποτήσεται, αἱ δὲ τε ἔνθα·
 ὡς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καὶ κλισιάων... ἐστιχόωντο.

Од. 14. 444. ἠῆσθι, δαμόνιε ξείνων, καὶ τέρπεο τοῖσδε,
 οἷα πάρεσσι· θεὸς δὲ τὸ μὲν δώσει, τὸ δ' ἔσσει,
 ὅτι κεν ᾧ θυμῷ ἐθέλη· δύναται γὰρ ἅπαντα.

Эти мѣста во многомъ напоминаютъ намъ примѣры, приведенные на стр. 89. Особенность, замѣчаемая въ примѣрахъ этого параграфа и побуждающая насъ отдѣлить ихъ отъ тѣхъ примѣровъ, съ которыми мы ихъ сравниваемъ, заключается въ неопредѣленности индивидуальности сторонъ сопоставленія: въ случаяхъ, съ которыми мы сравниваемъ эти примѣры, всякій разъ подъ словомъ δ нужно было подразумѣвать только одинъ известный предметъ изъ тѣхъ, которые были сопоставляемы, здѣсь же подъ нимъ подразумѣвается одна какаа бы то ни была часть изъ раздѣленной на двѣ стороны группы. Такою же неопредѣленностію значенія относительно индивидуальности предмета отличается δ , встречающееся въ аттическомъ оборотѣ τὸν καὶ τόν; сравни напри- мѣръ Лизія ὑπὲρ τοῦ Ἐρατοσθένους φόνου 23: ὁ δ' Ἐρατοσθένης, ᾧ ἄνδρες, εἰσέρχεται, καὶ ἡ θηράπινα ἐπεγείρασα—με εὐθὺς φράζει ὅτι ἔνδον ἐστί· καὶ γὰρ εἰπὼν ἐκείνη ἐπιμελεῖσθαι τῆς θύρας, καταβάς σιωπῇ ἐξέρχομαι καὶ ἀφικνούμην ὡς τὸν καὶ τόν (къ тому, другому) καὶ τοὺς μὲν ἔνδον κατέλαβον, τοὺς δὲ οὐκ ἐπιδημοῦντας εὔρον.

У Гомера нѣтъ мѣсть, въ которыхъ встрѣчался бы оборотъ τὸν καὶ τόν, но что гомерическое ἔνθα καὶ ἔνθα (тамъ и сямъ) есть явленіе совершенно тождественное съ указаннымъ нами аттическимъ оборотомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Особенность своего рода представляетъ 11-я рhapsодія Одиссеи, гдѣ Одис-

сей, перечисляя лицъ, съ которыми ему пришлось видѣться въ аду, рассказываетъ такъ:

- Од. 11. 260. Τὴν δὲ μετ' Ἀντιόπην ἴδον, Ἀσωποῖο θυγάτρα,
ἣ δὴ καὶ Διὸς εὖχετ' ἐν ἀγκοίνῃσιν ἰαῦσαι,
καὶ ῥ' ἔτεκεν δύο παῖδ', Ἀμφιόνά τε Ζῆθόν τε,
οἱ πρῶτοι Θήβης ἔδος ἔκτισαν ἑπταπόλοιο,
πύργωσαν τ', ἐπεὶ οὐ μὲν ἀπύργωτόν γ' ἐδύναντο
ναίεμεν εὐρύχορον Θήβην, κρατερῶ περ ἔοντε.
Τὴν δὲ μέτ' Ἀλκμήνην ἴδον, Ἀμφιτρόωνος ἄκοιτιν,...
271. Μητέρα τ' Οἰδιπόδαο ἴδον, καλὴν Ἐπικάστην,...
281. Καὶ Χλωῶριν εἶδον περικαλλέα...
298. Καὶ Λήδην εἶδον...
305. Τὴν δὲ μετ' Ἴφιμέδειαν, Ἀλωῆος παράκοιτιν
εἶσιδον, ἣ δὴ φάσκε Ποσειδάωνι μιγῆναι...
321. Φαίδρην τε Πρόκριν τε ἴδον καλὴν τ' Ἀριάδνην,
κούρην Μίνωος ὀλοόφρονος,...
326. Μαῖράν τε Κλυμένην τε ἴδον στουερῆν τ' Ἐριφύλην,
ἣ χρυσὸν φίλου ἀνδρὸς ἐδέξατο τιμήντα...
601. τὸν δὲ μέτ' εἰσενόησα βίην Ἠρακλείην ἢ τ. δ.

И въ этомъ примѣрѣ слово ὁ, во всѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ оно появляется, есть слово *неопредѣленное* по отношенію къ индивидуальности обозначаемого имъ предмета: оно только переноситъ вниманіе слушателя на другой изъ перечисляемыхъ предметовъ, не давая вовсе знать, что̀ это будетъ за предметъ (мы могли бы переводить его словомъ *затѣмъ*). Конечно, неопредѣленность индивидуальности обозначаемого имъ предмета уничтожается сейчасъ же послѣ произнесенія слова ὁ; однако мы видимъ, что слова, уничтожающія эту неопредѣленность, составляютъ совершенно другую часть предложенія, чѣмъ слово ὁ, и что, слѣдовательно, само ὁ вовсе не причастно въ ея уничтоженія.

Остановимся пока на этихъ 4-хъ параграфахъ. Изъ всѣхъ нашихъ примѣровъ вышеупомянутые нѣмецкіе грамматикѣ ни въ одномъ не находятъ того, что дало бы по ихъ пониманію право слову ὁ ἢ τό называться „членомъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Одинъ только Тиршъ расширилъ предѣлы „собственного члена“ (съузвивъ при этомъ предѣлы «не-члена») до того, что нѣкоторые изъ нашихъ примѣровъ входятъ въ область перваго. Тиршъ вноситъ въ область „собственного члена“ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ слово ὁ поставлено для обозначенія какого нибудь предмета *не одинокимъ*, а влечетъ за собою названіе самого предмета. По его

пониманию будетъ напр. въ Ил. 5. 17. (примѣръ этотъ приведенъ нами на стр. 90) слово *ó* уже „членомъ“, а не тѣмъ, чѣмъ онъ его признавалъ напр. въ Ил. 24. 470 (см. тамъ же). Странно выражается Тиршъ о подобномъ появленіи „члена“: „Оставится“, говоритъ онъ въ § 207. 16 своей грамматики (*Gramm. der griech. Sprache* г. 1855), „будучи лишено ударенія и дѣлаясь черезъ это членомъ, для предварительнаго обозначенія лица, поименованіе котораго имѣетъ послѣдовать въ дальнѣйшемъ разсказѣ⁵²⁾“. Мы называемъ такое выраженіе Тирша страннымъ потому, что въ примѣрахъ, подведенныхъ имъ сюда и имѣющихъ именно такой характеръ, какой представляетъ собою только что упомянутое нами мѣсто Ил. 5. 17, Тиршъ не можетъ указать, на сколько такое *ó* имѣетъ меньше права на удареніе, чѣмъ то *ó*, которое не влечетъ за собою вовсе никакого имени существительнаго. Если Тиршъ подразумеваетъ подъ словомъ „удареніе“ одинъ орфографическій знакъ, то право на такой орфографическій знакъ у перваго *ó* и у втораго—одинаковое. Это право есть авторитетъ древнихъ рукописей, которыя, какъ свидѣлствуетъ Ла Рошъ въ извѣстномъ читателю изданіи Гомера, почти всѣ сохраняютъ удареніе и на первомъ *ó* и на второмъ. Если же Тиршъ подъ словомъ „удареніе“ понималъ интонацію чтенія, основанную на значеніи слова *ó* (служившую, впрочемъ, надобно полагать, руководительницею и при постановкѣ самаго орфографическаго знака), то чѣмъ же отличается *ó* въ Ил. 5. 17. отъ Ил. 9. 19, или чѣмъ отличается напр. *ó* въ гексаметрѣ *ἦ μὲν ὧς εἰποῦσ' ἀπέβη πόδας ὠκεία Ἴρις* отъ *ó*, встрѣчающагося въ гексаметрѣ *ἦτοι ὁ γ' ὧς εἰπὼν κατ' ἄρ' ἔζετο, τοῖσι δ' ἀνέστη*? Могъ ли читатель во всѣхъ этихъ четырехъ примѣрахъ во время чтенія слова *ó* знать, послѣдуетъ ли за нимъ существительное или нѣтъ? Конечно нѣтъ; во всѣхъ четырехъ примѣрахъ слово *ó*—одинаковое, равно какъ и значеніе его въ нихъ—одинаковое (значеніе это мы можемъ во всѣхъ ихъ назвать—самоопредѣляющимъ), а если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ двухъ или нѣсколькихъ словъ, присоединилось къ тексту существительное, то оно имѣетъ чисто аппозиціональный характеръ.

У остальныхъ пяти грамматиковъ, какъ нами уже высказано выше, ни одинъ изъ нашихъ четырехъ параграфовъ не доходитъ до предѣловъ „собственнаго члена“. Въ различіе отъ этого собственнаго члена, они называютъ *ó*, употребленное въ этихъ случаяхъ, *proponen demonstrativum*. Основаніе такого выдѣленія болѣе опредѣленно высказалъ Кюннеръ, и о его ученіи поговоримъ ниже; всѣ же остальные четыре грамматика, при выдѣленіи нашихъ случаевъ изъ собственнаго члена и названіи слова *ó* демонстративнымъ мѣ-

⁵²⁾ Es steht das bezeichnende (sic) *ó*, dann des Accentes ermangelnd und dadurch zum Artikel geworden, als vorläufige Angabe der Person, die im Verlaufe der Rede genannt wird.

стоименіемъ, ссылаются лишь только на то, что въ нихъ вмѣсто *ὁ* можно де поставить *ὄβτος* или *ἐκεῖνος*, или же, какъ Бернгарди выражается, моглибыть въ живомъ разговорѣ (?—im Leben) достаточно замѣнены диктическимъ знакомъ, или интонаціей (Wissensch. Synt. стр. 305). Сообщенное нами замѣчаніе Бернгарди—ложное; о назначеніи диктическихъ знаковъ, упомянутыхъ въ этомъ замѣчаніи, мы уже говорили на страницѣ 3-й; въ словѣ *ὁ* они не имѣютъ никакого прямого назначенія, если только послѣднее не есть диктическое, а чисто анафорическое (сравни стр. 72). Точно также и то, что другіе грамматикѣ говорятъ о замѣнѣ слова *ὁ* словами *ὄβτος* и *ἐκεῖνος*, не даетъ имъ никакого права называть это *ὁ* демонстративнымъ въ отличіе отъ „собственного члена“ потому, что мы съ одной стороны и въ примѣрахъ, внесенныхъ ими же въ предѣлы «собственного члена», находимъ подобное замѣненіе возможнымъ⁵³⁾, а съ другой стороны въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ примѣровъ (сравни нашъ 4-й параграфъ), принятыхъ всѣми ими въ область не-члена, такое замѣненіе слова *ὁ* словомъ *ὄβτος* вовсе нельзя допустить. Такимъ образомъ слово *demonstrativum* остается устухъ грамматиковъ по отношенію къ опредѣленію значенія слова *ὁ* непонятнымъ и непонятнымъ терминомъ, и мы должны требовать отъ нихъ, при ихъ отдѣленіи члена отъ *pronom. demonstr.*, указаніе на другія болѣе опредѣленные положенія. Такихъ болѣе опредѣленныхъ положеній, какъ мы уже выше намекнули, трудно у нихъ доискаться. Всѣ они начинаютъ свои статьи о значеніи слова *ὁ* одинаково. Слово *ὁ*, говорятъ они, есть такое-то *pronomen*; оно удержалось въ значеніи этого *pronomen* въ слѣдующихъ случаяхъ; затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе самихъ случаевъ, группируемыхъ каждымъ ипаче, или по внѣшнему виду появленія слова *ὁ*, или совсѣмъ безъ всякаго мѣрила. Одна только группа выдѣляется всѣми грамматиками одинаково—это

⁵³⁾ Если скоро вносятся въ предѣлы „собственного члена“ случаи, въ которыхъ *ὁ* заменяетъ на предметъ, сообщенный уже говорящимъ, или общезвѣстный и говорящему и слушателю, то уже изъ примѣровъ, приведенныхъ нами на первыхъ страницахъ нашего сочиненія, дѣлается понятнымъ, что мы иногда не можемъ ручаться за то, что вмѣсто *ὁ*, употребленнаго въ этихъ ими указанныхъ случаяхъ, могла появиться обобщенная антонимія. Такие случаи вносятся, однако, въ предѣлы *собств. члена* и у Бернгарди (на стр. 815 приводится имъ какъ примѣръ на его „риторическій *собственный членъ*“ мѣсто и *τὰ Ἀριστοφάνου Πλοῦτος* 302: ἀλλὰ μὲ τοῦτοῦτοῦτος τις διαφέρει. εἰσὸς γὰρ ποτε εἰς τὴν οἰκίαν οὐκ εἶχεν οὐδὲν λαβεῖν; слова *εἰς τὴν οἰκίαν* самъ Бернгарди переводитъ *in das aus der Geschichte bekannte Haus*), и Матію (стр. 711. § 267 выставляетъ прямо правило: *Besonders steht der Artikel,—разумѣй *собственный членъ*,—auch wo er sonst nicht steht, wenn angezeigt werden soll, dass das Substantiv, zu dem es gehört, schon vorher genannt worden, oder etwas allgemein bekanntes, etwas bestimmtes ist*), и Бутманъ (стр. 358 § 124 читаемъ у Бутмана правило, имѣющее такой же смыслъ, какъ и правило Матію), и Крюгеръ (§ 50. 2. 1 выражается о собственномъ членѣ тоже такъ).

оборотъ *οἱ μὲν—οἱ δέ* замѣчено также по поводу этого оборота, что *ὁ* употребляется на предметы то неопредѣленные, то опредѣленные (*eigentlich nur von bestimmten, dann aber auch von unbestimmten*;—такъ говорятъ Бутманъ въ своей *Griechische Grammatik* 1858 г. стр. 346; въ послѣднихъ словахъ Бутмана заключены случаи, разобранные нами подъ пунктомъ I. 4. въ началѣ); кромѣ же этого пункта трудно найти другой, который сблизилъ бы этихъ грамматиковъ другъ съ другомъ. Отсутствиемъ всякой группировки отличается книга Матіа. — Бергарди прежде всего старается увѣрить насъ, ссылаясь при этомъ на Аристарха (ссылка эта очень не вѣрная)⁵⁴), что Гомеръ не зналъ „собственного члена“; потомъ онъ приводитъ изъ Гомера нѣкоторые примѣры «адвербіально-демонстративнаго» (*sic*) *ὁ*⁵⁵), указываетъ на обороты: *καὶ ὅς* (оборотъ этотъ употребляется, какъ извѣстно, вмѣсто аттическаго *ὁ δέ*, указанного нами на стр. 87), адвербіальное *τῷ*—*ποσῆμυ* (см. мѣсто Од. Б. 311, приведенное нами на стр. 79), *τῇ καὶ τῇ* (=туда и сюда; оборотъ этотъ принадлежитъ къ 4-му нашему парагр.), *τὸν καὶ τὸν, ὁ μὲν—ὁ δέ*, переходить затѣмъ къ случаямъ, подходящимъ у насъ подъ 2-й парагр., распространяется объ оборотъ *ἐν τοῖς* при превосходной степени и, наконецъ, упоминаетъ объ *ὁ*, предупреждающемъ собою относительныя предложенія (напр. *τῆς, οἷα παρ' ὁμῶν ἐστὶ, πολιτείας*).

⁵⁴) Бергарди стр. 305 говоритъ собственно такъ: *Homer selbst war noch unbekannt mit dem Artikel, oder einer Form, welche sich ausschliesslich als eine logische Auszeichnung und Charakteristik des Substantivbegriffs mit dem Namen verbinden sollte, wie auch die genaueren Grammatiker des Alterthums nach Aristarch's Vorgang mit geringen Abweichungen vom Dichter urtheilten*. Намъ удивляютъ эти слова Бергарди: такого значенія „собственного члена“, какое представляетъ Бергарди, древніе грамматикѣ вовсе не знали, не исключая даже самого Аполлонія, котораго Бергарди по справедливости считаетъ самымъ глубокомысленнымъ и счастливейшимъ изъ древнихъ исследователей нашего вопроса (*unter jenen älteren Forschungen aber dürfen uns als die tiefstinnigsten und glücklichsten die des Apollonius erscheinen*;—стр. 314); какъ они его въ самомъ дѣлѣ могли отрицать у Гомера? — Мало того, они даже не отдѣляли никакого „собственного члена“ отъ не-члена, а всякое *ὁ* называли *ἄρθρον*; они указывали только какъ на особенность значенія слова *ὁ* на *ἀντωνομιχῆν σύνταξιν τοῦ ἄρθρου*, о которой мы говорили въ 19 выноскѣ и которая разбрана почти (ср. стр. 83, 1 строчку) вся въ нашихъ 4-хъ параграфахъ, но это не имѣетъ, какъ видно, ничего общаго съ вопросомъ, рѣшаемымъ Бергарди. Аполлоній дѣйствительно, по примѣру Аристарха, часто повторяетъ о языкѣ Гомера, что въ немъ *ἔλλειπται ὁ λόγος συνθετός τοῖς ἄρθροις*; въ этихъ словахъ, однако, заключается только такой смыслъ, что у Гомера ставится не вездѣ членъ, гдѣ его поставила бы аттическая проза, а отъ такого взгляда до отрицанія „собственного члена“ у Гомера очень далеко; можно даже сказать, что Аполлоній почти вездѣ свои *ἄρθρα ἢ σύνταξιν τοῦ ἄρθρου* (терминъ этотъ употребляется въ различіи отъ *ἀντωνομιχῆς σύνταξιν*) только и объясняетъ мѣстами изъ Гомера.

⁵⁵) Таковы: Ил. 18. 485 (*τὰ τεῖρα πάντα, τὰ τ' οὐρανός ἐστεφανώται*), Ил. 18. 486. (*τὸ τε σθένος Ἐρίωνος*), Ил. 20. 257. (*χεύαντες δὲ τὸ σῆμα*) и Ил. 10. 11 (*ἐς παῖδων τὸ Τρωϊκόν*). Матіа считаетъ въ этихъ примѣрахъ, во всѣхъ безъ исключенія, слово *ὁ* за приближающееся къ „собственному члену“ (см. его грамматикѣ § 264. 4).

Бутманъ, въ вышеуказанной книгѣ, приводитъ сначала случаи употребленія оборота *οἱ μὲν—οἱ δέ*, говорить потомъ о замѣнѣ этого оборота оборотомъ *ὃς μὲν—ὃς δέ*, указываетъ на обороты: *καὶ ὃς, ἢ δ' ὃς, τὸν καὶ τόν*, адвербіальное τῶν, а заканчиваетъ статью о демонстративномъ ὁ утверженіемъ, что у Гомера почти вездѣ ὁ ἢ τὸ есть *demonstrativum*; на три гомерическихкихъ мѣста, впрочемъ, показано имъ какъ на приближающіяся къ собственному члену, это именно: Ил. 1. 167 (*σοὶ τὸ γέρας πόλῳ μαῖζον* Матіэ въ этомъ примѣрѣ видитъ чистое *demonstrativum*;—см. его грамматикн стр. 700), Ил. 7. 412 (*τὸ σκῆπτρον ἀνέσχευε πᾶσι θεοῖσι*) и Ил. 12. 289 (*τὸ δὲ ταῖχος ὑπὲρ πάν δουπος ὄρωραι*).

Въ такомъ приблизительномъ тонѣ, какъ у Бернгарди и Бутмана, составлены замѣтки объ ὁ *demonstrativum* и у Крюгера. Всѣ эти грамматикн, въ особенности же Крюгеръ, очень тщательно собирали все, что могло бы относиться къ опредѣленію значенія того ὁ, въ которомъ они видѣли не-членъ, но за ближайшее опредѣленіе этого не-члена они не брались.

Изъ нашихъ замѣтокъ видно, что у Бернгарди, Матіэ и Бутмана демонстративное ὁ идетъ далеко за предѣлы нашихъ 4-хъ пунктовъ. Бернгарди во всемъ Гомерѣ видитъ только ὁ *demonstrativum*, а Бутманъ и Матіэ не ушли далеко отъ него. Ближе становятся къ нашимъ 4-мъ пунктамъ предѣлы демонстративнаго ὁ у Крюгера, но на сколько они ближе и въ какомъ именно отношеніи наши 4 пункта находятся къ его ὁ *demonstrativum*, на это трудно отвѣтить, такъ какъ и онъ не объясняетъ намъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ своимъ терминомъ. Ббльшею опредѣленностію въ ученіи объ ὁ «*demonstrativum*» отличается, какъ мы уже сказали, Кюннеръ; его ученія, однако, мы коснемся только въ слѣдующей главѣ.

II. 1.

Изъ словъ Кюннера, высказанныхъ о демонстративномъ ὁ и помѣщенныхъ въ § 457. а. 1, мы выводимъ такой смыслъ: ὁ ἢ τὸ является демонстративнымъ тогда, когда говорящій посредствомъ его одного (субстантивное *demonstrativum*;—этотъ терминъ соответствуетъ Аполлоніевой ἀντωνομιχῆ σύνταξις), или въ соединеніи съ какимъ нибудь именемъ (адъективное *demonstrativum*) *анафоруетъ* (см. стр. 6 нашего сочиненія) предметъ, поелику этотъ послѣдній авторомъ или *предполагается* извѣстнымъ, или *сдѣланъ* извѣстнымъ *имъ самимъ* въ его разсказѣ ⁵⁰⁾.

⁵⁰⁾ Кюннеръ выражается собственно такъ: In den homerischen Gedichten hat das Pronomen ὁ ἢ τὸ noch fast durchweg die Bedeutung eines so wohl substantivischen, als auch adjectivischen Demonstrativ's, daa auf einen Gegenstand hinweist, ihn als einen bekannten oder besprochenen darstellt oder ihn vor die Seele des Hörenden rückt und vorgegenwärtigt.

Подводя подъ это правило всѣ значенія слова *ὁ*, разобранныя нами въ предыдущей главѣ, именно *синтаксическое* (см. 50-ю выноску), *пролептическое* (см. I. 2), *начинательное* (см. тамъ же), *вызывательное* (такимъ терминомъ обозначаемъ *ὁ*, разобранный въ I. 1), *распознавательное* (см. I. 3), *неопредѣленно-раздѣлительное* и *неопредѣленно-присоединительное* (см. I. 4), мы видимъ, что два первыхъ значенія и два послѣднихъ остаются невходящими въ это правило; съ другой же стороны оно вмѣщаетъ въ себѣ многіе случаи, не вошедшіе у насъ вовсе въ предыдущую главу, такъ какъ мы имѣли дѣло почти ⁵⁷⁾ исключительно только съ субстантивнымъ, по выраженію Кюнера, *ὁ*. Въ числѣ послѣднихъ (то есть неразъясненныхъ нами) случаевъ находятся какъ разъ тѣ, которые Кюнеръ въ своемъ правилѣ ставитъ на *первый* планъ, это именно случаи, въ которыхъ говорящій, какъ думаетъ Кюнеръ, черезъ употребленіе слова *ὁ* въ соединеніи съ какимъ нибудь именемъ (пошеп, какъ склоняемой части рѣчи), *указываетъ на предметъ какъ на достаточно извѣстный слушателю*.

Не будемъ нова разсматривать въ этомъ правилѣ *основаніе отдѣленія* объясняемаго въ немъ *ὁ* отъ „собственного члена“ и отведенія ему термина *προποση demonstrativum*; назвавъ такое *ὁ*, въ свою очередь, *историческимъ*, мы обсудимъ здѣсь *самый смыслъ* этого правила.

Приведенное правило Кюнера мы считаемъ недостаточнымъ. Дѣло въ томъ, что Кюнеръ подъ словомъ *предметъ* только и разумѣетъ, видно, то, что въ каждой данномъ синтаксическомъ цѣломъ выражено черезъ пошеп, *будетъ ли это синтаксическое цѣлое только какая нибудь часть предложенія* (сравни: τοῦ Κόρου βασιλεύοντος πολλά τε καὶ κατὰ ἔργα ὑπὸ τῶν Περσῶν ἐπράχθη· выраженіе τοῦ Κόρου βασιλεύοντος—а оно есть только *часть* предложенія—представляется намъ самостоятельнымъ синтаксическимъ цѣлымъ), или полное предложеніе, или цѣлый рядъ предложеній. Кюнеръ не принялъ во вниманіе, что извѣстнымъ слушателю можетъ предполагаться не только *предметъ* въ принятомъ имъ смыслѣ этого слова, но и *все содержаніе* упомянутого нами синтаксическаго цѣлага.

Вотъ мѣста, отъ которыхъ мы считаемъ удобнымъ отправиться при разъясненіи историческаго *ὁ*.

Ил. 20. 147. Ὡς ἄρα φωνήσας ἠγήσατο κοανοχαιτης
 τεῖχος ἐς ἀμφίχυτον Ἡρακλῆος θεῖοιο,
 ὑψηλόν, τό ῥά οἱ Τρῶες καὶ Παλλὰς Ἀθήνη

⁵⁷⁾ Исключеніе составляютъ: Ил. 11. 186 и Од. 19. 535 на стр. 81, а затѣмъ Ил. 11. 48 на стр. 89; на сколько мы имѣли право смѣшивать такую ἀφ' ἑσθ' συντάξιν съ ἀποστομική, это разъяснится ниже.

ποίηον, ὄφρα τὸ κῆτος ὑπεκπροφυγῶν ἀλέσαιοτο,
ὀππότε μιν σεύαιοτο ἀπ' ἠϊόνος πεδίονδε.

Ил. 5. 559. οἷω τώ γε λέοντες δύο ὄρεος κορυφῆσιν
ἐτραφέτην ὑπὸ μητρὶ βαθείης τάρφουσιν ὕλης·
τὼ μὲν ἄρ' ἀρπάζοντες βόας καὶ ἴφια μῆλα
σταθμοὺς ἀνθρώπων κεραίζετον, ὄφρα καὶ αὐτὼ
ἀνδρῶν ἐν παλάμησι κατέκταθεν ὀξείῃ χαλκῷ.
τοίῳ τῷ χεῖρεσιν ὑπ' Αἰνείαο δαμέντε
καππεσέτην, ἐλάττην εἰκότας ὑψηλῆσιν.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ил. 20. 147 помѣченные нами два предложенія суть цѣликомъ историческій намекъ; они намекаютъ на слѣдующій мнѳъ (въ схоліяхъ Илиады, изданныхъ Беккеромъ, смотри стр. 556; мнѳъ этотъ заимствовалъ схоліастъ у Гелланика):

Ποσειδῶν καὶ Ἀπόλλων, προστάξαντος Διὸς Λαομέδοντι θητεῦσαι, ἐπὶ μισθῷ τεταγμένῳ τὸ τεῖχος κατασκευάζουσιν· Λαομέδων δὲ παραβάς τοὺς ὄρκους καὶ τὰς συνθήκας, μὴ δοὺς τὸν μισθόν, ἀπήλασεν αὐτούς· ἀγανακτήσας δὲ Ποσειδῶν ἐπεμψε τῇ χώρᾳ κῆτος, ὃ τοὺς τε παρατυγχάνοντας ἀνθρώπους καὶ τοὺς γιγνομένους καρποὺς διέφθειρεν· μαντευομένη δὲ Λαομέδοντι χρησμός ἐδόθη Ἡσιόνην τὴν θυγατέρα αὐτοῦ βορὰν ἐκθεῖναι τῷ κῆτι καὶ οὕτως ἀπαλλαγῆσεσθαι τοῦ δεινοῦ· προθεὶς δὲ ἐκεῖνος τὴν θυγατέρα, μισθὸν ἐκῆρξε τῷ τῷ κῆτος ἀνελόντι τοὺς ἀθανάτους ἵππους δώσειν, οὓς Τρωὶ Ζεὺς ἀντι Γανυμήδοος ἔδωκεν· Ἡρακλῆς δὲ παραγενόμενος ὑπέσχετο τὸν ἄθλον κατορθώσειν καὶ Ἀθηνᾶς αὐτῷ πρόβλημα ποιησάσης τὸ καλούμενον ἀμφίχυτον τεῖχος εἰσοῦς διὰ τοῦ στόματος εἰς τὴν κοιλίαν τοῦ κῆτους αὐτοῦ τὰς λαγόνας διέφθειρεν.

Сравнивая этотъ мнѳъ съ данными двумя предложеніями Илиады, мы видимъ, какъ много пришлось слушателю дѣлать дополненій къ послѣднимъ, если они не должны были остаться непонятыми. Гомеръ сдѣлалъ только самый короткій намекъ на этотъ мнѳъ, и это дало ему поводъ употребить одно историческое ὄ; онъ могъ сдѣлать болѣе широкій намекъ на него, и это дало бы ему возможность чаще употреблять историческое ὄ; *припоминательная сила каждою такою ὄ была бы, конечно, слабже, чѣмъ сила одною ὄ при теперешней редакціи нашего мѣста.* Въ предложеніи, читаемомъ у Эукидида 1. 9. 1. (Ἀγαμέμνων τέ μοι δοχεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδάρῃω ὄρκοις κατεληγμένους τοὺς Ἐλένης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον ἄγεῖραι) мы находимъ три историческихъ ὄ (синтаксическое цѣлое, служащее здѣсь историческимъ намекомъ, опять отмѣчено нами особо); ту же самую мысль можно было проще выразить такъ: Τόντε Τρωικόν στόλον, ὡς ἐμοὶ δοχεῖ, Ἀγαμέμνονος δύναμις, καὶ οὐ τοσοῦτον οἱ Τυνδάρῃω ὄρκοι ἤγεῖραν. При послѣдней редакціи понадобились только два историческихъ ὄ и при выслушиваніи выраженія οἱ Τυνδάρῃω ὄρκοι пришлось слуша-

тебя припоминать себѣ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовало выраженіе Фукидида. Бываютъ здѣсь еще и другія явленія: въ томъ мѣстѣ Платоновой Апологіи, гдѣ Сократъ объясняетъ судьямъ, какое было бы для него приятное чувство быть въ аду καὶ ἐξετάσαι τὸν ἐπὶ Τροίαν ἀγαγόντα τὴν πολλήν στρατιάν, употребленіе выраженія τὴν πολλήν στρατιάν, гдѣ встрѣчается историческое ὁ, едва-ли было рассчитано Сократомъ на то, чтобы его слушатели припоминали себѣ, когò именно Агамемнонъ повелъ подѣ Трою; намъ кажется, что эти слова не намекали ни на что больше, чѣмъ сколько содержится въ самихъ словахъ πολλήν στρατιάν; авторъ такимъ образомъ доходитъ часто при употребленіи историческаго ὁ до простаго *пересказыванія*³⁹⁾, не требующаго себѣ никакаго пополненія со стороны слушателя, и *припоминательная сила* выраженій, имѣющихъ при себѣ ὁ, бываетъ очень слаба.

Въ русскомъ языкѣ роль такого историческаго ὁ исполняетъ слово *то*, приставляемое къ имени (пошеп); кромѣ того появляется въ началѣ всего предложенія, выражающаго собою что нибудь, предполагаемое слушателю извѣстнымъ, слово *это*. (Говорятъ напр. такъ: когда *это* французы вторгнулись въ Москву—*то*, то и т. д.; съ послѣдняго слова *то* начинается рассказъ, имѣющій уже характеръ не *намёка*, а *заявленія*). Слово *это* принадлежитъ къ сказуемому, или скорѣе къ цѣлому предложенію, что очень на своемъ мѣстѣ, такъ какъ намекъ относится здѣсь не къ имени, а къ цѣлому предложенію. Такимъ образомъ русскій языкъ проводитъ свое слово, соотвѣтствующее греческому историческому ὁ, съ большою послѣдовательностью, чѣмъ греческій свое ὁ. Съ другой стороны нужно замѣтить, что къ самому *пошеп*, въ разбираемыхъ нами случаяхъ, русскій языкъ *не всегда* прибавляетъ слово *то*; по большей части онъ для него выбираетъ такія слова, которыя больше нуждались въ дополненіи своего собственно содержанія или, другими словами, при которыхъ припоминательной силы больше. Такъ же бываетъ и въ греческомъ языкѣ; естественно, что въ подобныхъ случаяхъ безъ ὁ будутъ преимущественно собственныя имена и сказуемыя, какъ заключающія въ своемъ логи-

³⁹⁾ Мы должны, конечно, отличать пересказываніе, предполагающее содержаніе его *извѣстнымъ* слушателю, отъ такого пересказыванія, которое имѣетъ цѣлью *познакомить* слушателя съ своимъ содержаніемъ. Весь, сообщенный нами мѣвъ Гелланника о чудовищѣ мы сами могли бы начать рассказывать словами: Ἐλλαντικός λέγει ὅτι и такимъ образомъ дали бы знать, что только *пересказываемъ* то, о чемъ другіе передъ нами говорили; на это еще не даетъ намъ право вносить *свое* историческое ὁ въ текстъ, если только не рассчитываемъ на знаніе этого рассказа слушателемъ, а хотимъ только его сообщить ему, какъ новость для него.

чешскомъ содержаніи *esse*, что ими говорящій хочетъ представить, а съ *o* будутъ прежде всего нарицательныя слова, употребляемыя (вопреки тому, что они есть собственно названія цѣлаго рода предметовъ) для обозначенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, вошедшихъ случайно въ историческій фактъ, на который намекается.

Конечно, отъ такого эпического поэта, какимъ представляется намъ Гомеръ, мы менѣе всего ожидаемъ, что онъ въ своихъ поэмахъ будетъ ссылаться—не скажемъ на знаніе *предметовъ вообще*, а скажемъ только—на знаніе *фактовъ* (дѣло эпика есть *развить* передъ нами фактъ, а не *ссылаться* на него). Есть основаніе одобритъ древнихъ комментаторовъ Илиады, если они возбуждаютъ сомнѣніе противъ поэтической подлинности приведеннаго нами мѣста: въ схолихъ Беккера мы читаемъ по поводу этого мѣста слѣдующее: ἡ διπλή, ὅτι οὕτως εἴρηκε σὺν τῷ ἄρθρῳ τὸ κῆτος, ὡς παραδεδομένης τῆς ἱστορίας τῆς περὶ τοῦ κήτους.

Перейдемъ ко второй изъ вышеприведенныхъ цитатъ. И здѣсь мы видимъ только намекъ на то, что предполагается извѣстнымъ слушателю. *o* употреблено здѣсь только при *одномъ* изъ существительныхъ (а именно при первомъ), что мы находимъ совершенно естественнымъ, потому что вообще не приходилось здѣсь слушателю ничего пополнять къ логическому содержанію каждаго изъ словъ, употребленныхъ въ этомъ намекѣ, а для того, чтобы только какъ нибудь *внести* характеръ намека въ это описаніе, достаточно было *одною o*, особенно когда это *o* приставлено къ слову, обозначающему *главный* предметъ описываемой въ этомъ намекѣ сцены. Въ такомъ взглядѣ на дѣло поддерживаетъ насъ аналогія прочувствованныхъ нами явленій чешскаго языка. Говорятъ напр. въ чешскомъ языкѣ такъ: on skáče, jako ta kočka, když si hrá s myší —онъ бѣгаетъ, какъ кошка, когда играетъ съ мышью; что этотъ примѣръ имѣетъ совершенно такой характеръ, какъ приведенный нами изъ Гомера, въ этомъ никто изъ насъ сомнѣваться не будетъ. Правда, и въ чешскомъ, и въ гомеровскомъ примѣрѣ встрѣчаются здѣсь одни имена *нарицательныя*, на которыя мы въ первой гомеровской цитатѣ указывали какъ на болѣе всего нуждающіеся въ *o* при внесеніи ихъ въ намекъ; читатель, однако, видитъ, что нарицательныя имена нашихъ примѣровъ имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ нарицательныя имена въ намекахъ перваго разряда: здѣсь они остаются тѣмъ, чѣмъ они были и внѣ контекста, т. е. названіями *цѣлаго рода предметовъ* (*genegis*, противоположнаго индивидууму), равно какъ и самая сцена, описываемая здѣсь, есть ничто другое, какъ что-то, принадлежащее къ *характеристикѣ этого рода предметовъ*.

Конечно, мы не найдемъ въ разбираемой нами цитатѣ того несоответ-

ствія характеру эпической поэзіи, какое можно искать въ Ил. 20. 147; скорѣе удивляемся, почему Гомеръ не употреблялъ чаще въ подобныхъ случаяхъ историческаго *ὀ*. Все, что намъ здѣсь рассказывается, есть явленіе, съ которымъ, нужно предполагать, сжился и пѣвецъ, и его слушатель (а можетъ быть пѣвецъ и его слушатель сжились и съ мѣстомъ, рассказаннымъ выше, такъ что замѣтка схолиаста о неподлинности оказалась бы потомъ неосновательною), и въ добавокъ самое отношеніе, въ которомъ находится этотъ рассказъ къ главному предмету разсказа (онъ представляетъ собою, какъ сопраганъ, что то такое, на чемъ, какъ на извѣстномъ, должно быть выяснено рассказываемое сопрагатум), даетъ поэту право, безъ нарушенія эпическаго характера поэзіи, употребить историческое *ὀ*.

Употребленію историческаго *ὀ* въ синтаксическомъ цѣломъ, какъ указанію на извѣстность слушателю *содержанія этого синтаксическаго цѣлаго*, мы противопоставляемъ употребленіе этого же *ὀ* при *одномъ пошеп*, какъ указаніе на извѣстность слушателю *предмета*, обозначеннаго этимъ пошеп. Такое *ὀ* съ пошеп должно достигать того же самаго, чего достигло *ὀ* въ синтаксическомъ цѣломъ: оно должно вызвать въ сознаніи слушателя представленіе полное, не находящееся въ зависимости отъ его контекста (отъ того синтаксическаго цѣлага, въ которое оно входитъ), а контекстъ его долженъ имѣть уже характеръ не *намекъ*, а *заявленія*, или же, объясняясь въ примѣрахъ, оно должно относиться къ сеоему контексту, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ изъ 20-й книги Илиады вторая половина относится къ первой (сравни стр. 101 строка 19). Вопросъ возникаетъ такой: можно-ли дѣйствительно *однимъ* словомъ выразить все то, на что нами указываемо было выше, какъ на историческій намекъ: можно ли, напр., черезъ *одно* слово выразить такой историческій фактъ, на какой намекаетъ Ил. 20. 147, или историческое какое нибудь учрежденіе, — можно ли дальше *однимъ* словомъ представить слушателю такой индивидуумъ, на какой намекаетъ приведенное мѣсто изъ Фукидида, или такое дѣйствіе, на какое намекается въ Ил. 5. 559? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ *положительно*; имена, обозначающія такіе предметы, бываютъ разные техническіе термины (сравни напримѣръ термины: τευχοςκοπία, βοιωταρχοι, θεωροςъ и другіе), собственные имена (вмѣсто синтаксическаго цѣлага, встрѣчающагося въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Фукидида, можно было поставить слово Ἀγαμέμνων), а затѣмъ, въ случаяхъ, какіе представляетъ Ил. 5. 559, обыкновенное нарицательное слово, какъ слово, указывающее на цѣлый родъ предметовъ, или на качества и дѣйствія, свойственныя этому роду предметовъ. Историческое *ὀ*, замѣченное нами въ синтаксическомъ цѣломъ, остается по большей части и при этихъ словахъ; хотя характеръ пересказыванія, замѣченный нами въ историческомъ цѣломъ, въ нихъ исчезъ, но за то являются многія изъ нихъ съ такимъ логическимъ содержаніемъ, которое

заключаетъ въ себѣ кромѣ предмета, выраженнаго ими въ данномъ случаѣ, и др. предметы, такъ что ихъ для даннаго случая приходится *специализировать*⁶⁹⁾ (сравни слово θεωρός; оно обозначаетъ прежде всего *каждаго зрителя вообще*); въ другихъ же случаяхъ, хотя и содержаніе словъ вполне соотвѣтствуетъ тому, что при посредствѣ ихъ авторъ хочетъ представить (сравни слово βοήταροι; это слово выработала исторія и оно имѣетъ уже опредѣленное значеніе, такое, приблизительно, какое имѣютъ собственные слова), все же лучше, если говорящій употребитъ особенное средство для *вызова* въ сознаніи слушателя представленія, затеппеннаго, можетъ быть, въ минуту ввесе-ненія самаго предмета въ контекстъ, такъ какъ это представленіе не составлялось у него исподволь (такъ бываетъ при технических терминахъ), менѣе произвольнымъ и менѣе сознательнымъ *путемъ*, а опредѣлилось у него *разъ, путемъ изученія*. Такой же смыслъ, какой имѣетъ *ὁ* при технических терминахъ, нужно придавать ему и при *собственныхъ именахъ*, а къ общимъ *нарицательнымъ словамъ*, упомянутымъ на предыдущей страницѣ (въ 6 строкахъ снизу), хорошо прибавлять *ὁ* для того, чтобы вызвать какъ можно полное, опять таки какъ то научно пріобрѣтенное представленіе *всѣхъ* качествъ обозначаемаго ими рода предметовъ. О послѣднихъ случаяхъ говоритъ Аполлоній (см. περί συντ. стр. 26), что въ нихъ *ὁ* есть ἀναφορικὸν κατ' ἐξοχήν (*ὁ φιλόσοφοςъ равняется выраженію истинный философъ*).

II. 1.

Отъ историческаго *ὁ* мы должны отличать *ὁ* *адъективно-субституціо-нальное*. Последнее употребляется рассказчикомъ при поименованіи такихъ предметовъ, о которыхъ онъ самъ уже говорилъ, или на которые, *въ томъ случаѣ если они находились на лицѣ*, самъ указалъ. При существованіи въ языкѣ адъективно-субституціональнаго *ὁ* лучше вьжутся отдѣльныя части разсказа, чѣмъ безъ него. Вызывая предметъ при посредствѣ указанія на него словомъ *ὁ* изъ той части разсказа, въ которой было уже объ немъ упомянуто, говорящій заставляетъ насъ припоминать всю часть разсказа, изъ которой предметъ анафоруется, и такимъ образомъ, продолжая объ немъ повѣствовать, больше обезпечиваетъ себя въ содѣйствіи слушателя лучшему пониманію его разсказа. И здѣсь русское *то* замѣняетъ греческое *ὁ*. Примѣраи пусть служатъ слѣдующія группы мѣсть:

Первая группа:

Од. 10. 517. 'Ἄλλ' ὅτε δὴ ῥ' ἐπὶ νῆα θοῆν καὶ θῖνα θαλάσσης

⁶⁹⁾ Вообще же специализація словъ здѣсь крайне рѣдка; вмѣсто словъ τὸν ἐπὶ Τροίῳι ἀγαθόντα τὴν πολλὴν στρατῖν, приведенныхъ выше изъ Аполонія, не достаточно поставить напр. τὸν ἦρωα, а нужно непременно соединить такое слово, если уже наставься на его употребленіи, съ какимъ нибудь другимъ словомъ, или оборотомъ, чтобы была достигнута искомая цель.

ῥομεν ἀχνύμενοι, θαλερόν κατὰ δάκρυ χέοντες,
τόφρα δ' ἄρ' οἰχομένη Κίρκη παρὰ νηὶ μελαίνῃ
ἀρνεῖον κατέδησεν οἶν θῆλόν τε μέλαιναν,
ῥεῖα παρεξελθοῦσα·

Οδ. 11. 4. Αὐτὰρ ἐπεὶ ῥ' ἐπὶ νῆα κατήλθομεν ἡδὲ θάλασσαν...
ἐν δὲ τὰ μῆλα λαβόντες ἐβήσαμεν, ἄν δὲ καὶ αὐτοὶ
βαίνομεν ἀχνύμενοι, θαλερόν κατὰ δάκρυ χέοντες.

Οδ. 11. 20. νῆα μὲν ἔνθ' (разумѣй: εἰς Κιρκιῶν χώραν) ἐλθόντας
ἐκέλευσαμεν, ἐκ δὲ τὰ μῆλα
εἰλόμεθα.

Οδ. 11. 35. τοὺς δ' ἐπεὶ εὐχολῆσι λιτῆσί τε, ἔθνεα νεκρῶν,
ἐλλισάμην, τὰ δὲ μῆλα λαβὼν ἀπεδειροτόμησα
ἐς βόθρον.

Вторая группа:

Οδ. 9. 332. αὐτὰρ τοὺς ἄλλους κλήρω πεπαλάσθαι ἄνωγον,
ὅστις τολμήσειεν ἐμοὶ σὺν μοχλὸν ἀείρας
τριψαὶ ἐν ὀφθαλμῶ, ὅτε τὸν χλυκὸς ὕπνος ἰκάνοι.

Οδ. 9. 375. ἦ καὶ ἀνακλιθῆεις πέσεν ὕπτιος...

... καὶ δὲ μιν ὕπνος

ἤρει πανδαμάτωρ...

καὶ τότε ἐγὼ τὸν μοχλὸν ὑπὸ σποδοῦ ἤλασα πολλῆς,

εἴως θερμαίνοντο· ἔπεσσι τε πάντας ἐταίροος

θάρσνον, μὴ τίς μοι ὑποδδείξας ἀναδύη.

ἀλλ' ὅτε δὴ τάχ' ὁ μοχλὸς ἐλάϊνος ἐν πυρὶ μέλλεν

ἄψεσθαι...

Третья группа:

Οδ. 17. 371. τοῖσι δὲ καὶ μετέειπε Μελάνθιος αἰπόλος αἰγῶν

»κέχλυτέ μευ μνηστῆρες ἀγακλειτῆς βασιλείης

τούδε περὶ ξείνου (указывает на лице). ἦ γὰρ μιν πρόσθεν

ὄπωπα

Οδ. 17. 398. ἦ ῥα καὶ Ἀντίνοον ἔπτα πτερρόεντα προσῆυδα

»Ἀντίνο' ἦ μευ καλὰ πατὴρ ὧς κήδεαι υἱός,

ὅς τὸν ξείνον (анафорнически) ἄνωγας ἀπὸ μεγάρου δίδεσαι. ⁶⁰⁾

*На сколько отличается историческое ὁ отъ адъективно-субституціональ-
наго, это для насъ ясно: что при первомъ ὁ говорящій анафоровалъ изъ свѣ-
дѣній слушателя, то онъ теперъ анафоруетъ изъ собственнаго разсказа. Ана-*

⁶⁰⁾ Такъ же мы смотримъ и на мѣсто Ил. 2. 275, приведенное нами на стр. 74: слово τὸν λωβητῆρα относится къ Θερσίту, и все это мѣсто есть только продолженіе разсказа объ этомъ лицѣ.

форированіе это можетъ совершаться опять или при посредствѣ *синтаксическаю цѣлаю* (указывать на примѣры считаемъ лишними), или при посредствѣ *одного poten* (При выборѣ этого poten не требуется здѣсь такая осторожность, какая требовалась при историческомъ $\acute{o}$. Специализація словъ получаетъ здѣсь больше простора: словомъ $\acute{o}$ ἦρωε, на которое мы указывали въ 59 выносѣ какъ на недостаточное при историческомъ $\acute{o}$, можетъ оказаться здѣсь достаточнымъ, потому что самъ *контекстъ* способствуетъ уразумѣнію его) И въ томъ и въ другомъ случаѣ говорящій требуетъ, чтобы слушатель представлялъ или субституировалъ—отсюда происходитъ разваніе нашего $\acute{o}$ —все то, что было прежде имъ сказано о томъ же предметѣ, такъ какъ оно пополняетъ смыслъ анафорушаго *синтаксическаю цѣлаю*, или охарактеризовало *предметъ*, обозначенный черезъ анафорушее *poten*.

Мы, конечно, не будемъ поднимать вопроса о томъ, до какихъ разнѣровъ можетъ доходить разстояніе, на которомъ стоятъ другъ отъ друга первый разказъ отъ ссылки на него, или какой степени можетъ достигнуть *экстенсивная сила* адъективно-субституціональнаго $\acute{o}$; самое меньшее разстояніе мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ адъективно-субституціональное $\acute{o}$ замѣняетъ собою *субстантивное $\acute{o}$* въ вызывательномъ, начинательномъ и распознавательномъ его значеніяхъ (во всѣхъ этихъ значеніяхъ $\acute{o}$ является субстантивно-субституціональнымъ). Сказанное нами доказываютъ слѣдующія мѣста:

Ил. 10. 77. Ὡς εἰπὼν ἀπέπεμπεν ἀδελφῶν, εὐ ἐπιτείλας.
αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' ἰέναι μετὰ Νέστορα, ποιμένα λαῶν·
τὸν δ' εὔρεν παρά τε κλισίῃ καὶ νῆϊ μελαίνῃ
εὐνῇ ἐνι μαλακῇ· παρά δ' ἔντεα παικίλ' ἔχειτο,
ἄσπις καὶ δύο δοῦρε φαεινῇ τε τρυφάλεια
πὰρ δὲ ζωστήρ καίτε παναίολος, φῶ ῥ' ὁ γηραιὸς
ζῶνυθ', ὅτ' ἐς πόλεμον φθισήνορα θωρήσσοιτο.

Ил. 5. 794. Ὡς εἰποῦσ' ὤτρυνε μένος καὶ θυμὸν ἐκάστου.
Τυδείδῃ δ' ἐπόρουσε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη·
εὔρε δὲ τόνγε ἄνακτα παρ' ἵπποισιν καὶ ὄχεσφι
ἔλκος ἀναψύγοντα, τό μιν βάλε Πάνδαρος ἰφ.

Ил. 24. 252. ἦ καὶ σκεπανίφ' ἰσπ' ἀνέρας· οἱ δ' ἴσαν ἔξω
σπερχομένοιο γέροντος· ὁ δ' οἰάσιν οἰσιν ὁμόκλα
ναικείων Ἑλενὸν τε Παριν τ' Ἀγάθωνά τε δῖον
Πάριμονα τ' Ἀντίφονόν τε βοῆν ἀγαθὸν τε Πολίτην
Δηίφοβόν τε καὶ Ἰππόθοον καὶ Δῖον ἀγαυόν.
'Εννέα τοῖς ὁ γηραιὸς ὁμοκλήσας ἐκέλευσεν.

Ил. 1. 35. Ὡς ἔφρατ', ἔδδειςεν δ' ὁ γέρων (Χρῖσης) καὶ ἐπέιθετο μύθφ.
βῆ δ' ἀκέων παρά θῖνα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης,
πολλὰ δ' ἔπειτ' ἀπάνευθε κιῶν ἡρᾶθ' ὁ γηραιὸς

Ἀπόλλωνι ἄνακτι, τὸν ἦρχομος τέχε Διῶν.

Сюда же принадлежат примѣры, о которыхъ мы говорили въ 57 выноскѣ (ὁ съ *nomes* вмѣсто простаго ὁ возможно, видно, и при пролептическомъ употребленіи слова ὁ). Отъ произвола поэта (столько мы можемъ сказать въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами въ той же выноскѣ) зависить — дать анафоруемому предмету любое ⁶¹⁾ названіе или анафоровать его, при такой слабой экстенсивной силѣ анафоры, черезъ одно ὁ.

Сопоставимъ теперь эти примѣры съ слѣдующими:

Од. 18. 223. οἶον δὴ τόδε ἔργον ἐνὶ μεγάροισιν ἐτόχθη,
ὃς τὸν ξεῖνον ἕασας ἀεικισθῆναι οὕτως.
πῶς νῦν, εἴ τι ξεῖνος ἐν ἡμετέροισι δόμοισιν
ἦμενος ὧδε πάθοι ρυσταχτύος ἐξ ἀλεγεινῆς;
σοὶ κ' αἰσχος λώβη τε μετ' ἀνθρώποισι πέλοιτο.

Ил. 24. 248. ὁ δὲ (Πρίαμος) Τρῶας μὲν ἅπαντας
αἰθοῦσης ἀπέαργεν ἔπεισ' αἰσχροῖσιν ἐνίσσων·

слѣдуетъ прямая рѣчь, послѣ которой читаемъ:

Ἦ καὶ σκηπανίῳ διέπ' ἀνέρας· οἱ δ' ἴσαν ἐξω
σπερχομένοιο γέροντος.

Од. 8. 544. ἀλλ' ἄγ' ὁ μὲν σχεθέτω, ἴν' ὁμῶς τερπόμεθα πάντες
ξεινοδόχοι καὶ ξεῖνος, ἐπεὶ πολὺ κάλλιον οὕτως·
εἶνεκα γὰρ ξεῖνοιο τὰδ' αἰδοίοιο τέτοχται,
πομπῆ καὶ φίλα δῶρα, τὰ οἱ δίδομεν φιλέοντες.

Ил. 3. 249. Послѣ того, какъ Елена познакомила Приама съ Аяксомъ и Идоменеємъ...

...κῆρυκες δ' ἀνὰ ἄστυ θεῶν φέρον ὄρνια πιστά,
ἄρνε δῶω καὶ οἶνον εὐφρονα, καρπὸν ἀρούρης,
ἄσκη ἐν αἰγείῳ· φέρε δὲ κρητῆρα φαεινὸν
κῆρυξ Ἰδαίος ἠδὲ χρύσεια κύπελλα·
ἔτρυνεν δὲ γέροντα παριστάμενος ἐπέεσσιν.

Изъ этого сопоставленія мы видимъ, что въ Гомерѣ при вторичномъ упоминаніи объ одномъ и томъ же предметѣ не всегда приходится употреблять слово ὁ ⁶²⁾ и что совершенно достаточно для анафоры простое *nomes*,

⁶¹⁾ Выборъ этихъ названій бываетъ самымъ разнообразнымъ (ср. стр. 106, 4 строку) Различіи между существительнымъ и прилагательнымъ или причастіемъ тутъ не чувствуются; слова τὸ μὲν ἄρα δεῖνόν (Ил. 5. 574), αὐτὰρ ὁ διογενὴς (Ил. 21, 17), τὸν δίστηνον (Од. 20. 224) достигаютъ такой же цѣли, какъ и существительныя.

⁶²⁾ То обстоятельство, что въ Гомерѣ, какъ видно изъ приведенныхъ нами послѣднихъ двухъ группъ примѣровъ, а также изъ сравниваемыхъ съ ними группъ, указываемыхъ на стр. 106 (строка 18), одна и таже цѣль достигается и постановкою оборота напр. ἐ γέρον, и постановкою простаго γέρον, или даже простаго ὁ, дало, вѣроятно, поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ принимать въ оборотѣ ὁ γέρον и слово ὁ и слово γέρον за два само-

хотя бы даже нарицательное и принадлежащее не исключительно анафорическому имъ предмету. Последнее можно было допустить особенно потому, что само мѣсто, изъ котораго предметъ анафорируется, очень близко въ мѣсту, гдѣ происходитъ анафора; простымъ пошеп замѣняется здѣсь не только простое $\acute{o}$ и (какъ читателю остановится яснымъ послѣ сказаннаго въ I главѣ этой части) слово $\acute{o}\acute{\iota}$, $\acute{\epsilon}$ $\kappa\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, и пошеп это не могло остаться, конечно, непонятымъ слушателемъ (если слушатель могъ понимать $\acute{o}\acute{\iota}$, $\acute{\epsilon}$, не имѣющее никакого *знаменательнаго* значенія, то тѣмъ больше могъ понять какое нибудь $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$, употребленное вмѣсто $\acute{o}\acute{\iota}$).

Что $\acute{o}$ могло быть также пропущено при вторичномъ появленіи собственныхъ именъ, какъ словъ, принадлежащихъ исключительно тѣмъ предметамъ, которые въ извѣстномъ случаѣ анафорируются изъ предшествующаго, и что его отсутствіе вовсе не препятствуетъ той дѣятельности слушателя, вызывать которую способно само $\acute{o}$, объ этомъ нѣтъ нужды распространяться.

Дальше мы понимаемъ пропущеніе адъективно субституціональнаго $\acute{o}$ и въ нарицательныхъ словахъ, когда они предназначены разскащикомъ для обозначенія такихъ предметовъ, которые, если даже объ нихъ разъ уже была рѣчь и если была бы возможность анафоровать ихъ изъ предъидущаго контекста, ничуть не оопредѣлялись бы больше при посредствѣ анафоры, чѣмъ безъ нея.

стоятельныхъ, совершенно независящихъ другъ отъ друга (по вопросу объ обозначеніи ими предмета) слова; слово $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ они толкуютъ въ смыслѣ анпозиціональнаго прибавленія къ слову $\acute{o}$ (переводя оборотъ $\acute{o}$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ словами: *онъ, старикъ*), и расширяютъ такимъ образомъ въ Гомерѣ предѣлы „демонстративнаго“ $\acute{o}$. Мы, съ своей стороны, должны указать на большую разницу между нашимъ $\acute{o}$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ и между тѣми явленіями, которыми мы опровергали ученіе Тирша о рубежѣ между „собственнымъ членомъ“ и „демонстративнымъ“ $\acute{o}$ (и въ которыхъ дѣйствительно можно толковать $\acute{o}$ за самостоятельное слово; см. отр. 95). Разница эта заключается не столько въ разстановкѣ (здѣсь существительное слѣдуетъ непосредственно за словомъ $\acute{o}$, тамъ между $\acute{o}$ и существительнымъ вставлены другія слова), сколько въ томъ, что въ нашемъ $\acute{o}$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ слово, употребленное для *поименованія* предмета, есть существительное *нарицательное* (тамъ мы встрѣчали имя *собственное*, принадлежащее, по своему логическому содержанію, еще другимъ предметамъ кромѣ того, который имъ здѣсь обозначается. Какъ, спрашиваемъ, посмотрѣли бы тѣ, которыхъ касается эта выписка, на нашъ оборотъ, если бы грамматическій родъ такого нарицательнаго слова не согласовался бы съ *природнымъ родомъ* (можно даже сказать съ родомъ *собственного имени*) анафорическаго имъ предмета если бы напр. какой нибудь Фертитъ анафорическъ былъ у Гомера, при одинаковой съ нашими примѣрами экстенсивной силѣ анафоры, оборотомъ $\tau\acute{o}$ $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\alpha}\nu\tau\iota\omicron\nu$)? Трудно было бы, должно быть, держаться имъ такого взгляда. Мы въ чередованіи простаго $\acute{o}$ съ оборотомъ $\acute{o}$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ и съ простымъ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ видимъ такое же явленіе, какое замѣчается въ мѣстахъ, въ которыхъ слово $\tau\acute{o}$ (средній родъ) чередуется съ выраженіемъ $\mu\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$ (муж. родъ; тутъ уже ни кто не можетъ принять $\acute{o}$ за самостоятельное слово; примѣры сравни на стр. 81 и съ простымъ $\mu\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$ $\acute{o}$ возможно сти послѣдняго свидѣтельствуемъ Ил. 1. 33 и др. Въ Ил. 1. 33 читаемъ такъ:

„ $\acute{\alpha}\lambda\lambda'$ $\dot{\iota}\theta\iota$, $\mu\acute{\eta}$ μ' $\acute{\epsilon}\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\iota\zeta\epsilon$, $\sigma\alpha\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ $\acute{\omega}\varsigma$ $\kappa\alpha$ $\nu\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota$ “
 $\acute{\omega}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\phi\alpha\tau'$, $\acute{\epsilon}\theta\delta\epsilon\iota\sigma\epsilon\nu$ δ' $\acute{o}$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ $\kappa\alpha\dot{\iota}$ $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\dot{\iota}\theta\epsilon\tau\omicron$ $\mu\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$.

При такихъ условіяхъ пропускается ó иногда и съ *аттическомъ языкѣ*; сравни Метог. II. 1. 12: 'Αλλ' εἰ μὲν, ἔφη ὁ Σωκράτης, ὡς περ οὔτε δι' ἀρχῆς οὔτε διὰ δουλείας ἡ ὁδὸς αὐτῆ φέρει, οὔτω μηδὲ δι' ἀνθρώπων, ἴσως ἂν τι λέγοις· εἰ μὲντοι ἐν ἀνθρώποις ὧν μήτε ἄρχειν ἀξιῶσαι μήτε ἄρχεσθαι μήτε τοὺς ἄρχοντας ἐκὼν θεραπεύσαι, οἶμαί σε ὄραν, ὡς ἐπίστανται οἱ κρείττονες τοὺς ἥττονας καὶ κοινῇ καὶ ἰδίᾳ κλίοντας καθιστάντες δούλοις χρῆσθαι.

О можетъ быть пропушено также, если авторъ вовсе не хочетъ связывать мѣста, въ которомъ онъ упоминаетъ вторично о предметѣ, съ мѣстомъ, въ которомъ предметъ въ первый разъ былъ представленъ. Если въ Од. 10. 528 разсказывается, какъ Кирка совѣтовала Одиссею при входѣ въ адъ... διὸν ἀρνειὸν ῥέζειν θῆλὸν τε μέλαιναν εἰς Ἑρεβος στρέψαντι, и затѣмъ (въ Од. 572) слѣдуетъ разсказъ, какъ та же Кирка ему, собравшемуся отплыть изъ острова... οἰχομένη νηὶ μελαίνῃ ἀρνειὸν κατέδηξεν διὸν θῆλὸν τε μέλαιναν, то вторая сцена, разсказываемая Одиссеемъ, могла быть представлена совсѣмъ внѣ связи съ предъидущимъ мѣстомъ (слова ἀρνειὸν διὸν θῆλὸν τε μέλαιναν не нужно было пополнять мыслию: которые Одиссей долженъ былъ по совѣту Кирки принести въ жертву) и могла обойтись безъ субституціональнаго ó. Другое дѣло Од. 9. 550. Въ этомъ мѣстѣ разсказываетъ Одиссей, какъ онъ и дружина его, освободившись отъ преслѣдованія Киклопа... μῆλα Κύκλωπος γλαφυρῆς ἐκ νῆος ἐλόντες δάσαντο, ἀρνειὸν δ' αὐτῶ (Одиссею) εὐκνήμιδας ἐταῖροι μῆλων δαιόμενων δόσαν ἔξοχα, — и дѣйствительно, нельзя не только неприводить это мѣсто въ связь съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ Одиссей разсказываетъ о спасительномъ для него выпущеніи изъ пещеры овецъ и барава (Од. 9. 425—432), но—а это самое важное въ нашемъ вопросѣ—слово ἀρνειός должно получить оттуда свое болѣе точное опредѣленіе (тотъ самый баранъ, который вынесъ Одиссея изъ пещеры), такъ что въ самомъ дѣлѣ, какъ Аполлоній выражается (περὶ συντ. 5. 23),... ὁ λόγος ἐπιζητεῖ τὴν ἀναφορὰν τοῦ ἀρνός, отсутствіе же слова ó здѣсь, особенно при такой значительной экстензивной силѣ анафоры, доказываетъ, что языкъ Гомера во всякомъ случаѣ не успѣлъ р звить въ себѣ въ такой степени адъективно-субституціональное ó, въ какой развилъ его аттический языкъ.

II. 3.

Въ тѣсной связи съ историческомъ и анафорическомъ ó находится ó *контективное*.

Внесши извѣстный предметъ въ представленіе, говорящій можетъ вслѣдъ затѣмъ наткнуться на такое пошеп, которое обозначаетъ или принадлежность внесеннаго въ представленіе предмета, или вообще что нибудь, находящееся въ связи съ нимъ. Мы найдемъ естественнымъ, если то, что имѣетъ быть обозначено этимъ пошеп, войдетъ въ представленіе самаго говорящаго и *сообра-*

жающую слушателя раньше его поименования, именно вѣстѣ со внесеніемъ въ представленіе вышеупомянутаго предмета; поэтому горящему, въ то время, когда онъ намѣревается поименовать такую принадлежность предмета, или то, что находится въ связи съ нимъ, приходится *вызывать* все это уже изъ *представленія*, что, конечно, повлечетъ за собою постановку слова *о* къ вышеупомянутому пошеп.

Примѣровъ у Гомера встрѣчается очень много. Сравни:

1) Ил. 18. 486 Гефэстъ, на щиту, который готовился для Ахиллеса...

... γαῖαν ἔτευξεν, ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δὲ θάλασσαν
ἠέλιόν τ' ἀκαμάντα σελήνην τε πλήθουσας,
ἐν δὲ τὰ τεῖρεα πάντα, τὰ τ' οὐρανός ἐστράνωται
Πληιάδας θ' Ἰάδας τε τό τε σθένοσ' Ὀρίωνος
ἄρκτον θ' ἦν καὶ ἄμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν

Сложное выраженіе τὸ σθένοσ' Ὀρίωνος (оно поставлено здѣсь вѣето простаго Ὀρίων: σθένοσ' Ὀρίωνος περιφραστικῶς τὸν Ὀρίωνα — схолиастъ) привлечено здѣсь первыми частями происходящаго здѣсь перечисленія извѣстныхъ древнихъ грекамъ-мореплавателямъ созвѣздій, при которомъ нельзя уже было обойти молчаніемъ Оріона.

2) Ил. 7. 412. рассказывается объ Агамемнонѣ, что онъ поклывшись Зевсомъ ... ὡς εἰπὼν τὸ σκῆπτρον ἀνέσχεθε πᾶσι θεοῖσιν.

О предметѣ σκῆπτρον не было передъ тѣмъ и помину; однако самого Агамемнона, уже при выведеніи его поэтомъ на сцену, трудно было и поэту и его слушателю иначе представить себѣ, какъ съ скипетромъ въ рукѣ, а потому поэтъ, рассказывая объ этомъ скипетрѣ, могъ его *анафоровать*.

3) Также мы понимаемъ слово τὸ σκῆπτρον, встрѣчающееся въ Ил. 10. 321. Долонъ здѣсь говорить Гектору:

Ἐκτορ, εἴμ' ὀτρύνει κραδίη καὶ θυμὸς ἀγήνωρ
νηῶν ἄκοπρον σχεδὸν ἐλθέμεν ἐκ τε πυθέσθαι
ἀλλ' ἄγε μοι τὸ σκῆπτρον ἀνάσχεο, καὶ μοι βροσσον.

Грамматики любятъ приводить и этотъ примѣръ (ср. стр. 74) для доказательства первоначальной демонстративной силы слова *о* и объясняютъ, что оно здѣсь употреблено для сопровожденія жеста, указывающаго на скипетръ. Мы видимъ только *случайность* въ томъ, что здѣсь можно Долону *жестомъ* указать на σκῆπτρον; указаніе это, однако, вовсе не имѣло цѣлью ближайшее ознакомленіе съ предметомъ,—и если бы Долонъ въ *отсутствіи* Гектора сообщалъ ту же рѣчь другому лицу, или самъ Гомеръ передавалъ бы эту рѣчь своему слушателю какъ *ογατίο οβλίμι*, то оба они могли бы слово σκῆπτρον также опять соединить съ *о*; примѣръ этотъ былъ бы потомъ совершенно одинаковъ, по отношенію къ выраженію τὸ σκῆπτρον, съ приведеннымъ нами выше Ил. 7. 412. Такой характеръ, какъ Ил. 10. 821, имѣетъ и

Ил. 23. 75. (καὶ μοι δὲς τὴν χεῖρ' ὀλοφόρουα ⁶²) и другіе

Нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ гораздо чаще пользовался бы контекстивнымъ *ὁ*, если бы это не было въ ущербъ энической вѣскости словъ, въ силу которой каждое знаменательное слово должно *только вносить* въ представленіе матеріалъ для картины рисуемой въ немъ, но никакъ не *предполагать* въ немъ этотъ матеріалъ. Если мы судимъ правильно о значеніи слова *ὁ*, то совсѣмъ другой характеръ имѣеть мѣсто напр. въ

Ил. 10. 110. (σπαρχόμενος δ' ἀπὸ τοῖν ἰούλα τεύχεα καλὰ), чѣмъ оно имѣло бы, если слова *τεύχεα καλὰ* были бы соединены съ *ὁ*. Въ послѣдней конструкціи (*τὰ τεύχεα*) будетъ *ὁ* контекстивное, такъ какъ *соображающему* слушателю трудно было при этомъ контекстѣ другое ожидать, кромѣ именно этихъ словъ; но эника не рассчитываетъ на *сообразительность* слушателя—она имѣеть дѣло только съ *впечатлительностью* ея.

* * *

Единственные изъ нашихъ шести грамматиковъ, упомянувшіе объ этомъ *ὁ*, оказываются Крюгеръ и Кюннеръ ⁶⁴). Въ различіе отъ предыдущихъ оттѣнковъ его, на сколько, разумѣется, эти послѣдніе ими затронуты, они оба называютъ наше *ὁ* „собственнымъ членомъ“. Мы видимъ, однако, какъ слаба та опора, какую можно здѣсь найти для положенія преграды между этимъ *ὁ* и предшествующими его оттѣнками и для принятія его началомъ для новой какой нибудь половины въ симазіологін слова *ὁ*. Какъ историческое, адъективно субституціональное и субстантивно-субституціональное *ὁ*, такъ и контекстивное *ὁ* опираются своимъ появленіемъ на матеріалъ, *заранѣе* опредѣлившійся и у слушателя, и у говорящаго. У говорящаго возстановленіе этого матеріала въ самый моментъ произвошенія извѣстнаго синтаксическаго

⁶²) Сюда принадлежать и мѣста Ил. 1. 20, 3. 54 и 4. 399, упомянутыя нами на стр. 74 (ср. в. 60 выноски).

⁶⁴) Крюгеръ 50. 2. 3 выражается о немъ такъ: Gleichfalls deiktisch steht der Artikel, in so fern der Begriff als einem vorschwebenden Gegenstande natürlich, notorisch oder üblicher Weise zukommend gedacht wird. У Кюннера § 461. E. 2 читаемъ такъ: Der Artikel tritt sehr häufig zu Gattungsnamen, um denselben als den einem Gegenstande zugehörigen, eigenen, zukommenden, mit ihm in einer nothwendigen Beziehung oder Verbindung stehenden zu bezeichnen.

Въ примѣрахъ, приведенныхъ въ предыдущей выноскѣ а также въ приведенныхъ въ текстѣ легко найти мѣста, припоминающія намъ правило Кюннера (продолженіе правила, приведеннаго нами въ этой выноскѣ), которое гласитъ, что *ὁ* замѣняетъ собою очень часто притяжательное мѣстоименіе (der Artikel vertritt sehr häufig die Stelle der Possivpronomen). Да; его можно оправдать не только при употребленіи его *вмѣсто* мѣстоименія притяжательнаго (замѣтка Кюннера о такой замѣнѣ вытекаетъ непосредственно изъ значенія контекстивнаго *ὁ*; смотри въ *нашемъ* правилѣ контекстивнаго *ὁ* первый случай), но и *вмѣсто* съ нимъ; Гомеръ употребляетъ слово *ὁ* *вмѣсто* съ притяж. мѣст. довольно часто (см. Ил. 15. 58, 18. 451; Од. 14. 153, 19. 487; Ил. 68. 457 и т. д.).

цѣлаге и приуроченіе его къ этому цѣлому вызываетъ постановку слова *ὁ*, а у слушателя, наоборотъ, послѣдняя (т. е. постановка слова *ὁ*) вызываетъ первое. Такой смыслъ имѣетъ слово *ὁ* во всѣхъ сопоставленныхъ здѣсь отгѣнкахъ его не исключая даже — столько мы можемъ сказать въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами на стр. 90 (строка 6) — распознавательное *ὁ*.

Если уже раздѣлять всю синмазіологию слова *ὁ* на двѣ половины, то болѣе *тѣзкое* различіе замѣчается между всѣми упомянутыми здѣсь отгѣнками слова *ὁ* съ одной стороны и между субстантивно-раздѣлительнымъ, субстантивно-присоединительнымъ, пролептическимъ и синтаксическимъ *ὁ* съ другой стороны. Въ послѣднемъ разрядѣ *ὁ* не *вноситъ*, какъ это бываетъ въ первомъ, въ извѣстное синтаксическое цѣлое картину *полную*, заранее приготовленную, а только набрасываетъ въ представленіи слушателя контуръ, который въ однихъ случаяхъ такъ и остается контуромъ (при τὸν καὶ τὸν, ἔνθα καὶ ἔνθα), въ другихъ же — получаетъ болѣе полное содержаніе или въ самомъ томъ синтаксическомъ цѣломъ, въ которомъ появляется *ὁ*, или въ слѣдующемъ.

1. 4.

Отправимся теперь отъ Ил. 7. 442. Мѣсто это слѣдующее:

Ὡς οἱ μὲν πονέοντο καρηχομόωντες Ἀχαιοί·
οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζηνὶ καθήμενοι ἀστεροπητῆ
θηεῦντο μέγα ἔργον Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων.

Употребленное въ этомъ примѣрѣ слово *οἱ* въ соединеніи съ словомъ *θεοὶ* никто изъ насъ не назоветъ ни историческимъ, ни адъективно-субституціональнымъ. Причина перваго нашему читателю ясна, а для убѣжденія его во второмъ достаточно сообщить, что о богахъ во всей 7-й книгѣ Илиады не было рѣчи, за исключеніемъ стиховъ 17 — 60 (значитъ 38^я-мя стихами раньше нашего мѣста), не имѣющими притомъ къ мѣсту Ил. 7. 442 никакого отношенія: они описываютъ дѣйствіе Аѳины и Аполлона въ рядахъ воюющихъ сторонъ и кончаются словами:

καὶ δ' ἄρ' Ἀθηναίη τε καὶ ἄργυρότοξος Ἀπόλλων
ἔζεθην, ὄρνισιν εἰοικότες αἰγιόχοιο,
φηγῶ ἔρ' ὑψηλῆ πατρὸς Διὸς αἰγιόχοιο,
ἀνδράσι τερπόμενοι·

Читатель скажетъ, что разбираемое нами *οἱ* есть *οἱ* контекстивное, что оно указываетъ на лица, дѣйствія которыхъ гѣсно связаны съ тѣмъ, что разсказывалось въ предшествующихъ стихахъ (именно съ тѣмъ, что въ нашей цитатѣ суммировано словами: Ὡς οἱ μὲν πονέοντο καρηχομόωντες Ἀχαιοί). Конечно, въ данномъ мѣстѣ, мы не можемъ отказаться отъ возможности принимать слова *ὁ* контекстивнымъ, однако рядомъ съ ней выставляемъ и другую возможность его пониманія. Мы видимъ нѣкоторую разницу между нимъ и примѣрами, помѣ-

щенными въ предыдущемъ параграфѣ: мы замѣчаемъ, что въ немъ скорѣе, чѣмъ въ предшествующихъ примѣрахъ, слово *ὁ* чувствуется указывающимъ на совершенно другую сторону, на новую какъ бы сцену хотя бы одного и того же дѣйствія; если мы будемъ сравнивать адъективное *ὁ* съ субстантивнымъ, то встрѣчающееся въ Ил. 7. 442 *ὁ* будетъ соотвѣтствовать субстантивному присоединительному *ὁ*, а такого сопоставленія мы въ предыдущемъ параграфѣ сдѣлать не могли.

Да; *ὁ* можетъ быть принято здѣсь за *адъективно-присоединительное*. Субстантивно-присоединительное *ὁ* указывало только на *точку*, образовавшуюся въ представленіи рассказчика на сторонѣ, противоположной той, на которой помѣщалось рассказанное прежде, а адъективно-присоединительное *ὁ* указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на предметъ, который на этой точкѣ помѣщенъ (ср. стр. 112, строку 15).

Какъ субстантивно-присоединительное *ὁ* тѣсно связано съ субстантивно-раздѣлительнымъ, точно также и адъективно-присоединительное *ὁ* нельзя не группировать съ адъективно-раздѣлительнымъ. Последнее мы видимъ въ примѣрѣ:

Ил. 13. 640. Ὡς εἰπὼν τὰ μὲν ἔντε' ἀπὸ χροὸς αἰματόεντα
συλήσας ἐτάροισι δίδου Μενέλαος ἀμύμων,
αὐτὸς δ' αὐτ' ἐξαυτίς ἰὼν προμάχοισιν ἐμίχθη.

(объ *ἔντεα* не было передъ этимъ рѣчи. ⁶⁵⁾)

Съ примѣрами Ил. 7. 442 и Ил. 13. 640 нужно сопоставить слѣдующіе:

Од. 21. 128. τρις μὲν μιν πελέμιξεν ἐρύσσεσθαι μενεαίωνων,

⁶⁵⁾ Сравни эти примѣры съ нижеслѣдующими:

Од. 5. 391. ἀλλ' ὅτε δὲ τρίτον ἤμαρ εὐπλόκαμος τέλει' ἦώς
καὶ τότε ἔπειτ' ἄνεμος μὲν ἐπαύσατο, ἡ δὲ γαλήνη
ἔπλετο νηνεμίη, ὃ δ' ἄρα σχεδὸν εἶσιδε γαίαν.

Ил. 11. 702. χρεῖας μέγ' ὀφείλετ' ἐν Ἥλιδι δίη (Νηληϊ)
τέσσαρες ἀθλοφόροι ἔπποι αὐτοῖσιν ὄχυσσιν
ἐλθόντες μετ' ἄεθλα· περὶ τρίποδος γὰρ ἔμελλον
θεύσεσθαι· τοὺς δ' αὖθι ἀναξὶ ἀνδρῶν Δύγεια·
κάσχεθε, τὸν δ' ἐλατῆρ' ἐφίει ἀναχήμενον ἔππων.

Ил. 11. 69. Гомеръ сравниваетъ сравнившихся Ахейскъ и Троянцевъ съ косарями, которые...

...ἐναντίοι ἀλλήλοισιν
ὄγμον ἐλαύνουσι ἀνδρὸς μάκαρος κατ' ἄρουραν
πρωῶν ἢ κριθέων· τὰ δὲ δράγματα ταρφέα πίπτει.

Въ Ил. 18. 359 рассказывается намъ о вѣтѣ, какой щитъ Гефестъ готовилъ для Ахейскъ, и говоритъ, между прочимъ, что онъ изобразилъ на немъ...

...τέμενος βαθυλήιον· ἔνθα δ' ἔριθιοι

τρὶς δὲ μεθῆκε βίης, ἐπιελπόμενος τότε θυμῷ,
 νευρὴν ἐντανύσειν διοϊστεύσειν τε σιδήρου.
 καὶ νῦ κε δὴ ῥ' ἐτάνυσε βίη τὸ τέταρτον ἀνέλκων,
 ἀλλ' Ὀδυσσεὺς ἀνένευε καὶ ἔσχεθεν ἰεμένον περ.

Ил. 1. 54. Ἐννήμαρ μὲν ἀνά στρατὸν ῥηγετο κῆλα θεοῖο,
 τῇ δεκάτῃ δ' ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς·

Ил. 12. 88. Οἱ μὲν ἄμ' Ἔκτορ' ἴσαν καὶ ἀμόμοι Πουλυδάμαντι,
 οἱ πλεῖστοι καὶ ἄριστοι ἔσαν, μέμασαν δὲ μάλιστα
 ταῖχος ῥηξάμενοι κοίλης ἐπὶ νηοὶ μάχεσθαι.
 καὶ σφιν Κεβριόνης τρίτος εἶπετο· παρ δ' ἄρ' ὄχεσφιν
 ἄλλον Κεβριόναο χερσίονα κάλλιπεν Ἔκτορ,
 τῶν δ' ἐτέρων Πάρις ἦρχε καὶ Ἀλκάθοος καὶ Ἀγῆνωρ,
 τῶν δὲ τρίτων Ἐλενος καὶ Δηΐφοβος θεοειδής,
 οἷε δῶο Πριάμοιο·

Ил. 20. 270...ἐπεὶ πέντε πτόχας ἤλασε κυλλοποδίων,

ἤμων ὀξείας δρεπάνας ἐν χερσὶν ἔχοντες,
 δράγματα δ' ἄλλα μετ' ὄγμου ἐπήτριμα πίπτον ἔραζε,
 ἄλλα δ' ἀμαλλοδετῆρες ἐν ἐλλεδανοῖσιν δέοντο.
 τρεῖς δ' ἄρ' ἀμαλλοδετῆρες ἐφέστασαν· αὐτὰρ ὄπισθεν
 παῖδες δραγμαεύοντες ἐν ἀγκαλίδεσσι φέροντες
 ἀοπερχὰς πάρεχον· βασιλεὺς δ' ἐν τοῖσι σιωπῇ
 σκῆπτρον ἔχων ἐστήκει ἐπ' ὄγμου γηθόσυνος κῆρ,
 κήροκας δ' ἀπάνευθεν ὑπὸ δροὶ δαῖτα πένοντο,
 βοῦν δ' ἱερεύσαντες μέγαν ἄμπεπον· αἱ δὲ γυναῖκες
 δεῖπνον ἐρίθοισιν λεύκ' ἄλφιτα πάλονον.

Афина, удостоивъ жившии Одиссея въ томъ, что онъ находится на берегу Новаκίη
 скомт, приказываетъ ему (Од. 13. 401 и слѣд.)...

...πρώτιστα συβώτην εἰσαφικέσθαι,

ὃς τοι (Οδυσοῦ) ὑῶν ἐπίουρος

...αἱ δὲ νέμονται

παρ' Κόρακος πέτρῃ ἐπὶ τε κρήνῃ Ἀρεθούσῃ

ἔσθουσαι βάλανον μανοικέα καὶ μέλαν ὕδωρ

πίνουσαι....,

затѣмъ она, сдѣлавъ еще нѣкоторыя распоряженія, уходитъ, Одиссеѣ же по-
 слѣ приказанію отъправляется къ Евмени видѣть, между прочимъ, въ его дворѣ (см. Од. 14. 16)..

...σφεοὺς δυοκαίδεκα

πλησίον ἀλλήλων εὐνάς σοσί· ἐν δὲ ἐκάστῳ

πεντήκοντα σύες χαμαὶ εὐνάδες ἐρχατόωντο,

ὕηλείαι τοκάδες· τοὶ δ' ἄρσενες ἔκτος ἱαννον

πολλὸν παυρότεροι.

τὰς δύο χαλκείας, δύο δ' ἔνδοθι κασσιτέροιο,
τὴν δὲ μίαν χρυσέην·

Од. 6. 63. πάντε δέ τοι φίλοι οἷες ἐνι μεγάροις γεγάασιν,
οἱ δὲ ὁποῖοντες, τρεῖς δ' ἦϊθεοι θαλέδοντες·

И въ этихъ примѣрахъ словомъ *ὁ* обозначена точка, образующаяся въ нашемъ представленіи какъ показатель или раздѣленія группы предметовъ на двѣ или нѣсколько частей, или продолженія вычисленія ряда предметовъ; но слова, присоединенныя къ этому *ὁ*, не рассчитаны вовсе, какъ въ Ил. 7. 442 и Ил. 13. 640, на ближайшее опредѣленіе раздѣляемыхъ или присоединяемыхъ предметовъ (сравни стр. 112, 15 строку), развѣ только въ *количественномъ* отношеніи. Присутствіе такихъ количественныхъ словъ, какъ *δύο*—*δεκάτη*—*τὸ τέταρτον*, отдѣляетъ наши примѣры отъ субстантивно-раздѣлительнаго и присоединительнаго *ὁ*, отсутствіе же другихъ словъ, указывающихъ на *вещественность* предметовъ (какъ было въ примѣрѣ Ил. 7. 442 слово *θεοί*, и въ Ил. 13. 640 слово *ἔντεα*), отдѣляетъ ихъ и отъ *этихъ* примѣровъ.

Мы понимаемъ, что въ послѣднихъ примѣрахъ слова *δύο*, *τέταρτον*, *δεκάτη* сами уже вносятъ въ контекстъ пониманіе раздѣленія и присоединенія и что слово *ὁ*, какъ способное развитъ у слушателя такое же пониманіе, поставлено только по закону тавтологіи ⁶⁶⁾ и могло быть пропущено. Чередованіе въ нашихъ примѣрахъ оборотовъ съ *ὁ* съ словами, поставленными безъ такого *ὁ*, осуществляетъ на себѣ возможность этого пропуска ⁶⁷⁾ (конечно, *ὁ* не будетъ лишнимъ, если какое нибудь *δύο* имѣетъ указывать на два предмета, опредѣленные передъ тѣмъ какъ индивидуумы въ текстѣ, или исторически извѣстные; въ такихъ случаяхъ будетъ *ὁ* уже или субституціональное, или историческое).

Сюда же принадлежитъ *ὁ*, употребляющееся въ соединеніи съ словомъ *ἄλλος*. Возможность уравненія слова *ἄλλος* съ количественными словами предшествующихъ примѣровъ, по отношенію къ употребленію при немъ слова *ὁ*—на сколько оно опять, какъ вышеупомянутое *οἱ δύο*, не есть субституціональное или историческое—видна особенно изъ слѣдующаго примѣра:

Од. 13. 66. Ἀρήτη δ' ἄρα οἱ δμῶας αἶμ' ἔπαυε γυναῖκας,
τὴν μὲν φᾶρος ἔχουσαν εὐπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα,

⁶⁶⁾ Подъ закономъ тавтологіи разумѣемъ законъ, въ силу котораго одно и то же понятіе выражается нѣсколькими средствами. Сравни русскую фразу: *въ добавокъ къ этому онъ еще приставилъ* (одно и то же понятіе выражено 3-мя средствами: *въ добавокъ, еще и при*).

⁶⁷⁾ О такихъ примѣрахъ Негельбахъ (Anmerkungen zur Ilias стр. 186) замѣтилъ слѣдующее: Die Setzung oder Weglassung des Artikels scheinen bloss metrische Rücksichten zu bestimmen. Подобныя пропуски возможны и въ аттической прозѣ; сравни примѣръ изъ Апологіи Сократа 84. Д., приведенный нами на стр. 46.

τὴν δ' ἑτέραν χηλὸν κοκινὴν ἀμ' ὄκασσε κομίσειν·
ἢ δ' ἄλλη σιτόν τ' ἔφαρεν καὶ οἶνον ἐροθρόν. ⁶⁸⁾

И здѣсь слово δ есть, собственно говоря, лишнее и напрасно, кажется намъ, Зенодотъ перемѣнялъ гомерическое ἄλλοι, при томъ смыслѣ, при которомъ аттический языкъ развилъ употребленіе оборота οἱ ἄλλοι ⁶⁹⁾, въ несвойственное гомерическому языку слово ὄλλοι ⁷⁰⁾. Также и съ другой стороны неправильно поступаютъ тѣ, которые, опираясь на чередованіе у Гомера формы ἄλλοι съ оборотомъ οἱ ἄλλοι, принимаютъ у него въ послѣднемъ оборотѣ слово οἱ за слово, болѣе самостоятельное въ сравненіи съ δ аттического оборота ⁷¹⁾.

⁶⁸⁾ Намъ скажутъ, что здѣсь оборотъ ἢ ἄλλ, опять какъ и выраженіе *cà finem* въ Ил. 13. 640 (ер. стр. 113), выищаетъ въ себѣ δ контекстное, такъ какъ послѣ того, какъ уже началось перечисленіе, нужно было ожидать и его продолженіе; но τ ἄλλ должно заключить въ себѣ также δ , какое заключало въ себѣ въ предпослѣднемъ стихѣ выраженіе τ μὲν, а это послѣднее есть напрямѣнно раздѣлительное.

⁶⁹⁾ Аттикъ отнесся дѣйствительно къ оборотамъ ἄλλοι и οἱ ἄλλοι экономически. Ἄλλοι онъ употребляетъ только тогда, когда предметъ, имѣющіе быть слушателю показаны, представляются ему не принадлежащими въ опредѣлившія въ его умѣ *заранне* кругъ другихъ, съ ними сооставленныхъ въ рѣчи, предметовъ (примѣръ приведенъ Аполлоніи *παρὶ συν.* стр. 31 слѣдующій: ἄλλος ἀνθρώπος ὄμιλει μὴ τοῖς κατὰ Τρώων). Крюгеръ: Griech. Sprachlehre § 50. 4. 9. выражается объ употребленіи оборота οἱ ἄλλοι такъ: Ἄλλος, alius, mit der Idee der Absonderung, wird mit dem Artikel meist (!) nur dann verbunden, wenn das ein ganzes Ergänzende zu bezeichnen ist; онъ опирается при этомъ на слѣдующее правило, встрѣчающееся у Аполлонія (*παρὶ συν.* стр. 38): Παντοῦ οὖν τὸ ἄλλοι συνέει το ἄρθρον, ἤντινα τοῦ κατηγορουμένου κλήθεος ἄλλο ἐστὶν ἐπεὶ κερτλη πτικὸν τὴν τε διαίρειν κάλυ μερικὴν κοίται.

⁷⁰⁾ Конъектура Зенодота относится именно къ слѣдующимъ мѣстамъ:

Ил. 10. 1. ἄλλοι μὲν παρὰ νηυσὶν ἀριστοῦτες Παναχαῖων
εὖδον παννύχιοι, μαλακῶ δεδμημένοι ὕπνῳ·
ἄλλ' οὐκ Ἀτρεΐδην Ἀγαμέμνονα, πομένα λαῶν
ὕπνος ἔσχε γλυκερός·

Ил. 2. 1. ἄλλοι μὲν ῥα θεοὶ τε καὶ ἄνθρωποι ἰπποκοροῦται
εὖδον παννύχιοι, Δία δ' οὐκ ἔσχε νήδομος ὕπνος.

Насъ поддерживаетъ въ нашемъ мнѣніи относительно этой конъектуры Etym. mag., въ которомъ прямо сказано на стр. 821: ὄλλοι ἀντὶ τοῦ οἱ ἄλλοι αἱ τοιαῦται δὲ συναλοῦνται τῇ δευτέρᾳ εἰσὶν ἰάδος, ἢ Ὀμηρος οὐκ ἐχρήσατο διόπερ Ζηνοδότῳ μέμφοται εἰκόντι δεῖν ἀναγινώσκων ὄλλοι μὲν ῥα θεοὶ τε καὶ ἄνθρωποι.

⁷¹⁾ Ашейсъ по поводу мѣста Од. 1. 26 говоритъ такъ: *ei δὲ δὴ ἄλλοι... übersetze ich: sie aber nun, die anderen Götter, die sich täglich im Palast des Zeus versammeln.* Въ своемъ Anhang zu Homers Odyssee (стр. 6) онъ указываетъ на другіе подобнаго рода примѣры, а именно на: Од. 1. 24, Ил. 11. 534, 16. 763, 19. 345, 20. 23. Но если присмотрѣться ближе къ этому аппозиціальному разбору нашихъ грамматиковъ, то мы убѣдимся, что онъ не ведетъ ни къ чему особенному, отличающему гомерическій оборотъ отъ аттического. Гомерическое οἱ δὲ ἄλλοι можно разлагать на столько, на сколько и у аттиковъ.

Многіе обороты формируются въ нашемъ мышленіи на почвѣ, если не *высказанною* то, по крайней мѣрѣ, *предполагаемою* и происходящаго въ дѣйствительности въ нашешъ умѣ раздѣленія на нѣсколько частей известнаго ряда предметовъ (какъ бы известной линіи, какъ совокупности точекъ) и получаютъ раздѣлительное δ . Такъ мы смотримъ на δ , являющееся у Гомера въ оборотѣ $\epsilon\pi\alpha\iota\ \tau\omicron\ \pi\rho\omega\tau\omicron\nu$ (лат. ut primum), въ аттическомъ оборотѣ $\omicron\iota\ \pi\lambda\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$ (оборотомъ $\omicron\iota\ \pi\lambda\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$ аттикъ хочетъ передать слушателю слѣдующую мысль: раздѣливъ известную группу на двѣ не одинаковыхъ половинны, ты отнеси къ контексту большую половину), даже въ оборотѣ $\omicron\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma$ (предполагая существованіе нѣсколькихъ сторонъ въ цѣлой группѣ предметовъ, говорящій хочетъ оборотомъ $\omicron\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma$ съ выразительностью уничтожить

каждый такой оборотъ долженъ быть разложенъ, чтобы отдѣлалось наглядно понятнымъ значеніе въ немъ слова δ . Примеры, приведенные Амейсомъ, больше поддавались такому разложенію, чѣмъ какія либо другія, совершенно однородныя съ ними гомерическія цитаты. Последний изъ приведенныхъ Амейсомъ примѣровъ принадлежитъ къ той группѣ гомерическихъ мѣстъ, которую замѣтилъ уже Крюгеръ и о которой послѣдній въ своей Griechische Sprachlehre II Th. 2 H. § 50. 5. 5. выражается такъ: $\omicron\iota\ \delta\lambda\lambda\omicron\iota$ verbindet auch schon Homer appositiv mit einem persönlichen Pronomen, besonders öfters mit einem bloss im Verbum enthaltenen. Крюгеръ разумѣетъ здѣсь примѣры, гдѣ $\omicron\iota\ \delta\lambda\lambda\omicron\iota$ присоединено къ 1-му или 2-му лицу сказуемаго. Особенно послѣдніе примѣры указываютъ, какъ трудно бываетъ иногда разложить оборотъ $\omicron\iota\ \delta\lambda\lambda\omicron\iota$ хотя бы и у того же Гомера; смотри напр. слѣдующія мѣста:

1) Парисъ, передъ посадкомъ, предстоящимъ ему съ Менелаемъ, говоритъ къ Гектору и окружающимъ его (Ил. 8, 73) слѣдующее:

$\delta\kappa\pi\omicron\tau\epsilon\rho\epsilon\varsigma\ \delta\epsilon\ \kappa\alpha\ \nu\iota\chi\acute{\eta}\sigma\eta\ \kappa\rho\epsilon\iota\omicron\sigma\omega\nu\ \tau\epsilon\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\eta\tau\alpha\iota$
 $\kappa\tau\acute{\eta}\rho\alpha\theta\prime\ \epsilon\lambda\omega\nu\ \epsilon\upsilon\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \gamma\omicron\nu\alpha\iota\kappa\alpha\ \tau\epsilon\ (\text{Елена})\ \omicron\iota\kappa\alpha\delta\prime\ \epsilon\pi\acute{\epsilon}\sigma\theta\omega,$
 $\omicron\iota\ \delta\prime\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\ \phi\iota\lambda\acute{o}\tau\eta\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \delta\rho\kappa\iota\alpha\ \mu\iota\sigma\omicron\varsigma\ \tau\alpha\mu\acute{o}\nu\tau\epsilon\varsigma$
 $\nu\alpha\iota\omicron\iota\tau\epsilon\ \text{Троίην} \epsilon\rho\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\alpha\kappa\alpha,\ \tau\omicron\iota\ \delta\epsilon\ \nu\epsilon\acute{\sigma}\theta\omega\nu,$
 $\text{Ἄργος} \epsilon\varsigma\ \iota\pi\pi\acute{o}\beta\omicron\tau\omicron\nu\ \kappa\alpha\iota\ \text{Ἀχαιΐδα} \kappa\alpha\lambda\lambda\iota\gamma\omicron\nu\alpha\iota\kappa\alpha.$

Здѣсь Амейсъ разложилъ бы оборотъ $\omicron\iota\ \delta\prime\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota$ такъ: ihr aber, die anderen (слово δ онъ будетъ переводить словомъ *ihr* на такомъ основаніи, на какомъ онъ Од. 1. 28 тоже слово переводитъ черезъ *sie*; о неправомерности этого основанія мы уже упоминаемъ); но какъ же онъ разложитъ слѣдующую цитату:

Ил. 14. 368. $\kappa\alpha\iota\omicron\nu\omicron\varsigma\ \delta\prime\ \omicron\upsilon\ \tau\epsilon\ \lambda\iota\eta\nu\ \mu\omicron\theta\acute{\eta}\ \epsilon\sigma\sigma\alpha\tau\epsilon\iota,\ \epsilon\acute{\iota}\ \kappa\epsilon\nu\ \omicron\iota\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota$
 $\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \delta\tau\rho\nu\acute{\omega}\mu\epsilon\theta\prime\ \acute{\alpha}\mu\omicron\nu\epsilon\mu\epsilon\nu\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\eta}\lambda\omicron\iota\sigma\iota\nu...?$

последовательность требуетъ, чтобы Амейсъ отвѣтилъ: wir, die anderen, wir wollen Eifer anlegen и т. д. Еще труднѣе было бы разложить мѣсто:

Ил. 8. 211. $\omicron\upsilon\chi\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\gamma\acute{\omega}\ \gamma\prime\ \acute{\epsilon}\theta\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\mu\iota\ \Delta\iota\ \text{Κρονίωνι} \mu\acute{\alpha}\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$
 $\eta\mu\acute{\epsilon}\alpha\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon\varsigma,\ \epsilon\pi\alpha\iota\ \eta\ \mu\epsilon\lambda\acute{o}\ \phi\acute{\epsilon}\rho\tau\epsilon\rho\acute{o}\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu.$

Мы видимъ, что у Гомера разложить оборотъ $\omicron\iota\ \delta\lambda\lambda\omicron\iota$ бываетъ иногда столь же трудно, сколько и у аттиковъ.

возможность выдѣленія какой нибудь изъ этихъ частей изъ даннаго контекста), въ ó при числительныхъ и др.

Экскурсъ.

Мы возвращаемся въ первой главѣ этой части. Относительно примѣровъ, подведенныхъ тамъ подъ I. 4, мы находимъ очень важную замѣтку у Аполлонія Дискола. Аполлоній считаетъ тамъ постановку слова *ὅς* болѣе правильною, чѣмъ *ὁ*: онъ приводитъ *περὶ συνт.* стр. 92 примѣръ „διέπτησαν ἀετοί, ὅς μὲν ἀπὸ ἀνατολῆς, ὅς δὲ ἀπὸ δύσεως“ сводить въ Од. 1. 23. (Αἰθίοπες, τοὶ δίχθα δειδαίεται ἔσχατοι ἀνδρῶν, οἱ μὲν δυσομένου Ὑπερίονος, οἱ δ' ἀνίοντος) формы *οἱ* къ началу *ὅς*, а не къ началу *ὁ*, метафразируетъ мѣсто Од. 12. 73—101. (*οἱ δὲ σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εὐρὺν ἰκάνει, τὸν δὲ ἕτερον σκόπελον χθαμαλώτερον ὄψει Ὀβροσεῦ*) въ предложенія: *οἱ δὲ δύο σκόπελοι ἰκάνουσιν ὅς μὲν ἄχρι τοῦ οὐρανοῦ, ὅς δὲ ἄχρι τοῦ Ὀλύμπου*, и говорить, что у Арата: *Φαινόμενα*. 25 (*καὶ μιν πετραινοῦσι δύο πόλοι ἀμφοτέρωθεν, ἀλλ' ὁ μὲν οὐκ ἐπίοπτος, ὁ δ' ἀντίος ἐκ Βορρέας ὕφθεεν Ὁκεανοῦ*) обороты *ὁ μὲν* и *ὁ δὲ* поставлены вмѣсто оборотовъ *ὅς μὲν* и *ὅς δὲ*, называя притомъ только вторые цѣлесообразными (*ἐντελεῖς*)⁷²).

Читая это мѣсто Аполлоніевой грамматики, мы невольно остана вливаемся на двойственности выражений, возможной и въ русскомъ языкѣ въ примѣрахъ, соотвѣствующихъ нашимъ греческимъ. Примѣры изъ Крылова (о всемъ и рядить онъ и судить, и то не такъ, и тотъ дуракъ, и изъ-за того то худо будетъ) и изъ сборника былинъ Рыбникова (всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на почестномъ напивалися; который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвалится отцемъ матерью, который хвалится молодою женой) показываютъ на упомянутую нами двойственность. Чтò же можно сказать здѣсь объ употребленіи словъ *тотъ—тотъ* въ раличіе отъ словъ *который—который*, или замѣняющихъ, какъ извѣстно, эти послѣднія словъ *кто—кто*? Нѣтъ сомнѣнія, что слова *кто—который*, въ данномъ случаѣ, не перестаютъ совсѣмъ быть тѣмъ, за что они обыкновенно *оми* контекста принимаются, именно *вопросительными словами*: говорящій въ нашихъ примѣрахъ даетъ ими знать, что *не рѣшенъ* вопросъ, какіе индивидуумы изъ раздѣляемой на двѣ или нѣсколько сторонъ группы предметовъ мы должны представлять себѣ на одной и какіе на другой сторонѣ. Не есть-ли

⁷²) Самъ Аполлоній употребляетъ постоянно *ὅς μὲν—ὅς δὲ* (ср. мѣсто его грамматики, приведенное въ 23. выносѣ). Соединеніе оборота *ὅς μὲν* съ оборотомъ *ὅς δὲ* замѣчается въ Киноп. V. 3. 16 и др. Съ оборотомъ *ὅς μὲν—ὅς δὲ* можно сопоставить оборотъ *ὅτε μὲν—ὅτε δὲ*. (Обо всѣмъ сравни Кюнеръ, *Ausführl. Grammatik*. § 527. 1. 2). Сюда же принадлежатъ обороты *ὅς καὶ ὅς*, встрѣчающіеся рядомъ съ оборотомъ *ὁ καὶ ὁ* (сравни Бернгарди *Wissenschaftl. Synt.* стр. 305).

въ самомъ дѣлѣ греческое $\delta\varsigma$ въ синтаксическомъ отношеніи почти ⁷³⁾ тоже самое, что русскія слова *кто*—*который*, и не назовемъ ли мы употребленіе этихъ словъ тоже *болѣе* соответствующимъ сущности мысли въ нашихъ случаяхъ (въ случаяхъ, гдѣ намъ дѣйствительно все равно, какой изъ индивидуумовъ на какую сторону попадетъ)?

Перейдемъ къ другимъ случаямъ употребленія мѣстоименія $\delta\varsigma$. Мы приведемъ здѣсь слѣдующій рядъ примѣровъ:

Од. 6. 158. $\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma\ \delta'\ \alpha\upsilon\ \pi\epsilon\rho\iota\ \kappa\eta\rho\iota\ \mu\alpha\chi\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\acute{\xi}\omicron\chi\omicron\nu\ \alpha\lambda\lambda\omega\nu,$
 $\delta\varsigma\ \kappa\acute{\alpha}\ \sigma'\ \epsilon\acute{\epsilon}\delta\omicron\nu\omicron\iota\varsigma\ \beta\rho\iota\sigma\alpha\varsigma\ \omicron\acute{\iota}\kappa\acute{\omicron}\nu\delta'\ \acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\gamma\eta\tau\alpha\iota.$

Од. 8. 209. $\acute{\alpha}\phi\rho\omega\nu\ \delta\eta\ \kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma\ \gamma\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \omicron\upsilon\tau\iota\delta\alpha\nu\omicron\varsigma\ \pi\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\ \acute{\alpha}\nu\eta\rho,$
 $\delta\omicron\tau\iota\varsigma\ ^{74})\ \xi\epsilon\iota\nu\omicron\delta\acute{\omicron}\chi\phi\ \epsilon\rho\iota\delta\alpha\ \pi\rho\omicron\phi\acute{\epsilon}\rho\eta\tau\alpha\iota\ \acute{\alpha}\epsilon\theta\lambda\omega\nu$
 $\delta\eta\ \mu\phi\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\delta\alpha\pi\phi.$

Од. 10. 74. $\omicron\upsilon\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \mu\omicron\iota\ \theta\acute{\epsilon}\mu\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\ \kappa\omicron\mu\iota\zeta\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\ \omicron\upsilon\delta'\ \acute{\alpha}\pi\omicron\tau\epsilon\mu\pi\alpha\iota$
 $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\ \tau\acute{\omicron}\nu,\ \delta\varsigma\ \kappa\epsilon\ \theta\epsilon\omicron\iota\sigma\iota\nu\ \acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\chi\theta\eta\tau\alpha\iota\ \mu\alpha\chi\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\sigma\iota\nu.$

(такъ говоритъ Эоля къ Одиссею, когда тотъ, занесенный вторично бурей на островъ Эола, просилъ его о помощи).

Ил. 2. 62. Приснившійся Агамемнону Несторъ говоритъ слѣдующее:

$\epsilon\upsilon\delta\epsilon\iota\varsigma,\ \acute{\Lambda}\tau\rho\acute{\epsilon}\omicron\varsigma\ \upsilon\acute{\iota}\acute{\epsilon}\ \delta\alpha\acute{\iota}\phi\rho\nu\omicron\varsigma\ \iota\pi\pi\omicron\delta\acute{\alpha}\mu\omicron\iota\omicron;$
 $\omicron\upsilon\ \chi\rho\eta\ \pi\alpha\nu\acute{\nu}\chi\iota\omicron\nu\ \epsilon\upsilon\delta\epsilon\iota\nu\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\phi\acute{\omicron}\rho\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha,$
 $\phi\ \lambda\alpha\omicron\acute{\iota}\ \tau'\ \acute{\epsilon}\pi\iota\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\phi\alpha\tau\alpha\iota\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\sigma\sigma\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\mu\eta\lambda\epsilon\nu.$

Од. 5. 106. $\phi\eta\sigma\acute{\iota}\ \tau\omicron\iota\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\ \pi\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota\ \omicron\acute{\iota}\zeta\upsilon\rho\acute{\omega}\tau\alpha\tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu,$
 $\tau\acute{\omega}\nu\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu\ \omicron\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon\ \pi\acute{\epsilon}\rho\iota\ \Pi\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}\mu\omicron\iota\omicron\ \mu\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\omicron.$

⁷³⁾ Мы говоримъ „почти“, потому что слова *который*—*кто* имѣютъ болѣе широкій просторъ употребленія, чѣмъ греческое $\delta\varsigma$. Они употребляются въ примыхъ вопросахъ (кто пришелъ? который изъ нихъ это сказалъ?), въ которыхъ греческое $\delta\varsigma$ употребить нельзя, а также въ смыслѣ неопредѣленныхъ мѣстоименій (если кто придетъ, то скажи все), куда $\delta\varsigma$ тоже не входитъ. Говоря о неопредѣленныхъ мѣстоименіяхъ, мы должны объясниться немного съ читателемъ, такъ какъ слова *кто*—*который* (въ примѣрахъ, о которыхъ мы говоримъ въ текстѣ), а слѣдовательно и соответствующее имъ въ этихъ случаяхъ слово $\zeta\varsigma$, тоже можно бы принять до нѣкоторой степени за неопредѣленные мѣстоименія. Мы разумѣемъ подъ неопредѣленными мѣстоименіями тѣ близкія къ разбираемымъ нами случаямъ слова, которыя могутъ встрѣчаться только въ *главныхъ* предложеніяхъ, а въ *придаточныхъ* требуютъ союза (если кто— $\epsilon\acute{\iota}\ \tau\epsilon\varsigma$), наше же $\delta\varsigma$ чувствуется словомъ *придаточныхъ* предложеній, само исполняя при этомъ роль союза. Стоитъ только обратить вниманіе на русское *такъ*, вставляемое въ относящіяся сюда выраженія, чтобы убѣдиться въ справедливости послѣднихъ нашихъ словъ (сравни пословицу: кому—такъ чинъ, а кому—такъ блинъ; слово *кому* чувствуется представителемъ неполнаго придаточнаго предложенія, а слова *такъ* чинъ представляютъ собою неполное главное предложеніе; точно также мы смотримъ на предложенія съ оборотами $\delta\varsigma\ \mu\acute{\epsilon}\nu,\ \delta\varsigma\ \acute{\epsilon}\grave{\epsilon}$).

⁷⁴⁾ Въ словѣ $\delta\omicron\tau\iota\varsigma$, встрѣчающемся часто въ этихъ примѣрахъ вмѣсто $\delta\varsigma$, элементъ неопредѣленности усиленъ присоединеніемъ къ слову $\delta\varsigma$ слова $\tau\iota\varsigma$.

Од. 4. 98. καὶ ἀπέλωσα οἶκον

εὖ μάλα καιετάοντα, κηχανότα πολλά καὶ ἐσθλά.
ὣν ὄφελον τριτάτην παρ ἔχων ἐν δώμασι μοῖραν
καίειν, οἱ δ' ἄνδρες σοοὶ ἔμμεναι, οἱ τὸτ' ἔλοντο
Τροίῃ ἐν εὐρείῃ, ἐκάς Ἄργεος ἱκκοβότοιο.

Од. 3. 185. Несторъ говоритъ Телемаху, пришедшему къ нему за вѣстью объ отцѣ, такъ:

ὣς ἦλθον, φίλε τέκνον, ἀπευθής, οὐδέ τι οἶδα
κρίνων, οἱ τ' ἐσάωθεν Ἀχαιῶν οἱ τ' ἀκόλοντο.

Вмѣсто того, чтобы разбирать этотъ рядъ примѣровъ въ отдѣльности, мы сопоставимъ ее съ 3-ею группою, исчерпывающею собою уже весь материалъ, относящійся къ опредѣленію значенія слова *ὄς*. Въ послѣднюю группу мы поставимъ вотъ какіе примѣры:

Од. 1. 286. πρῶτα μὲν ἐς Πόλον ἔλθε καὶ εἶρεο Νέστορα διον,
καίθειν δὲ Σπάρτηνδε παρὰ ξανθὸν Μενέλαον·
ὄς γάρ δεύτατος ἦλθεν Ἀχαιῶν χαλκοχρῆτων.

(Что здѣсь *ὄς* поставлено вмѣсто *ὅ*, въ томъ смыслѣ, въ которомъ это послѣднее употреблено въ примѣрахъ, подведенныхъ нами подъ I. 2. этой части, это не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій).

Од. 24. 190. ὣς ἡμεῖς, Ἀγάμεμνον, ἀπαλόμεθ', ὣν ἔτι καὶ νῦν
σώματ' ἀκηδέα κείται ἐνὶ μεγάροις Ὀδυσῆος·
οὐ γάρ ποῦ ἴσασι φίλοι κατὰ δώμαθ' ἐκάστου,
οἳ κ' ἀπονίψαντες μέλανα βρότον ἐξ ἀτειλέων
κατθέμενοι γοάοιεν. ὃ γάρ γέρας ἐστὶ θανόντων.

(Постановку слова *τό*, которую мы, можетъ быть, ожидали бы въ этомъ примѣрѣ по сходству его съ примѣрами, приведенными на стр. 79, не позволяють метрическія правила).

Геродотъ VII. 18. Ταῦτά τε δὴ ἐδόκει Ἀρτάβανος τὰ ὄνειρον ἀπειλέειν
καὶ θερμοῖσι σιδηρίοισι ἐκκαίειν αὐτῷ μέλλειν τοὺς ὀφθαλμούς. καὶ ὄς ἀμβώσας
μέγα ἀναθρώσκει καὶ παρικόμενος Ἑέρκη, ὡς τὴν ὄψιν οἱ τοῦ ἐνοπνίου διετέλλετο
ἀπηγεόμενος, δεύτερά οἱ λέγει τάδε.

(Гомеръ употребилъ бы здѣсь вмѣсто *καὶ ὄς* оборотъ *ὅ δά*; примѣръ этотъ по вопросу объ *ὅ*, имѣетъ сходство съ примѣрами, приведенными нами на стр. 90).

Разница между значеніями слова *ὄς* въ послѣдней и предпослѣдней группахъ примѣровъ очевидна. Въ предпослѣдней группѣ мы черезъ предложеніе, введенное словомъ *ὄς*, только знакомимся съ предметомъ, и такое ознакомленіе

составляет исключительную цѣль этого предложенія⁷³⁾, въ послѣдней же группѣ мы съ предметомъ познакомилены помимо такого предложенія, а слово $\delta\varsigma$ захватываетъ только (также какъ и δ въ примѣрахъ, приведенныхъ въ III ч. подъ 1. 2) *известный* уже намъ предметъ, для того чтобы можно было о немъ въ введенномъ этимъ словомъ предложениіи высказать опять что нибудь новое.

Значенія слова $\delta\varsigma$ нами исчерпаны. Если корень этого слова, какъ утверждаетъ сравнительная грамматика, есть дѣйствительно ja ⁷⁴⁾, то при симазіологическомъ опредѣленіи его нужно не упускать изъ виду значенія, развившагося и въ другомъ мѣстоименіи, происходящемъ отъ того же корня ja , именно значенія греческаго $\mu\acute{\iota}\nu$ (лат. *is*; сравни выноску 44 стр. 61).

Спрашивается: какъ нужно смотрѣть на всѣ вышеуказанныя значенія, чтобы ихъ возможно было привести къ одному симазіологическому знаменателю? Что греческое $\mu\acute{\iota}\nu$ не должно принимать за анафорическое, это разъяснено читателю выше. Точно также и личнаго мѣстоименія въ словѣ $\mu\acute{\iota}\nu$ не слѣдуетъ усматривать: корень ja , какъ видно изъ слова $\delta\varsigma$ (см.

Од. 2. 41: Ὁ γέρον, οὐχ ἕκασ οὐτός ἀνὴρ, τάχα δ' εἶσεν αὐτός,
 $\delta\varsigma$ λαὸν ἤγερα· μάλιστα δὲ μ' ἄγγος ἰκάνει)

есть общій всѣмъ лицамъ, тогда какъ *личное* мѣстоименіе должно бы имѣть корень, принадлежащій исключительно одному лицу (такъ же мы судимъ объ

⁷³⁾ Это и есть тѣ примѣры, которые мы имѣли въ виду на стр. 83-ей въ 1-ой строкѣ. Въ нихъ, на равнѣ съ примѣрами, приведенными нами въ 3-ей ч. I. 2, предметъ, съ которымъ мы познакомились въ относительномъ предложеніи, *анафоруется* въ предложениіи смнгалсически высшемъ. Въ нашихъ примѣрахъ приходилось анафоровать этотъ предметъ *пролетически*; что и *эпалелитическая* анафора здѣсь возможна, это не требуетъ ни какихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Анафоруемое мѣстоименіе могло въ нихъ не только соединиться съ *именемъ* (часто въ подобныхъ случаяхъ, у Гомера, слово ставится *послѣ* имени; сравни: $\kappa\acute{\alpha}\lambda\upsilon\nu\ \tau\acute{\iota}\nu$, $\delta\theta\iota$ въ Ил. 4. 41 и др.), но могло быть *эполит замнено* именемъ (сравни 62 выноску); бывають здѣсь даже и такіе случаи, что и анафоруемое мѣстоименіе и то, что его замѣняетъ, *совсѣмъ* пропускается ($\epsilon\acute{\iota}\sigma\epsilon\nu\ \chi\acute{\alpha}\rho\upsilon\nu$, $\delta\theta\delta'$ $\omega\upsilon$ $\epsilon\lambda\alpha\delta\omega\nu$).

⁷⁴⁾ Съ этимологизированіемъ слова $\delta\varsigma$, переданнымъ намъ древними и приводящимъ это слово въ столь близкое отношеніе къ δ , согласиться, конечно, нельзя (Аполлоній *περί συνт.* 49. 21 говоритъ, что форма δ потеряла въ началѣ букву ς , а въ концѣ букву ς . Это ς , продолжаетъ Аполлоній, осталось только въ $\rho\delta\rho\omega\nu$ $\acute{\upsilon}\rho\omega\tau\alpha\chi\acute{\iota}\omega\nu$, т. е. въ словѣ $\delta\varsigma$. На стр. 109. 20 тотъ же ученый утверждаетъ, что $\omega\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ происходитъ отъ $\delta\varsigma$. Изъ этихъ двухъ замѣчаній Аполлонія можно заключить, что древними считались слова $\delta\varsigma$ и δ за слова одного корня). Мы удивляемся, что нѣкоторые изъ новыхъ грамматиковъ повторяютъ такое ученіе за древними (Тиршъ: *Gramm. der gr. Spr.* Leipzig 1855, стр. 297, говоритъ, что δ есть собственно $\delta\varsigma$ безъ буквы ς —*eigentlich $\delta\varsigma$ ohne ς* , а Бернгарди: *Wissensch. Synt.* стр. 305 называетъ $\delta\varsigma$ полною формою, а δ укороченною?—*herabgesunken*). Сравнительная грамматика, вопреки заявленіямъ Боппа (*Vergl. Gr.* III § 382), Бенфея (*Wurzell.* II, 400), указавшихъ и въ другихъ греческихъ словахъ на замѣну первоначальнаго j густымъ придыханіемъ, немного колебалась сопоставить греческое $\delta\varsigma$ съ санскритскимъ jas , já , jád и принимать ja за общій для обоихъ этихъ словъ корень; колебаніе это вызвано было открытіемъ локрійской надписи, представляю-

αὐτός на стр. 26) 77). Вотъ все, что мы и можемъ принять въ соображеніе при *симезиологическомъ объединеніи слова μὶν съ словомъ ὅς*. Перейдемъ теперь къ ὅς. Уже Виндишъ замѣтилъ (стр. 211), что оно не доходитъ никогда до чисто вопросительнаго значенія. Что онъ говоритъ о неупотребленіи его въ придаточныхъ предложеніяхъ послѣ глаголовъ, обозначающихъ вопросъ, это, положимъ, не вѣрно 78); но самое исключеніе его изъ области прямого вопроса, упомянутое нами въ 73 выноскѣ, уже достаточно показываетъ на невозможность считать его вопросительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ: въ примѣрахъ въ родѣ Ил. 2. 367

(εἰ δὲ καὶ ὡς ἔρεται καὶ τοὶ παῖδωνται Ἀχαιοί,
γνώστη ἔπειθ' ὅς θ' ἠγεμόνων κακὸς ὅς τέ το λαῶν
ἦδ' ὅς κ' ἐσθλὸς ἔσται κατὰ σφέας γὰρ μαχέονται),

или даже приведеннаго нами въ 78 выноскѣ выраженія «ὅτι ποιῶ», всегда можно если не ставить, то, по крайней мѣрѣ, подразумѣвать пролептически или эпаналептически анафорическое слово (смыслъ фразы «ὅτι ποιῶ» можно передать словами: что я дѣлаю, объ этомъ ты спрашиваешь?). Потому тѣ мы и не выставляли подобные примѣры особенною группою; они принадлежатъ подъ одну категорію съ примѣрами Од. 6. 158, 8. 209, 10. 74 и т. дал. (см. стр. 119). На вопросъ, *ведетъ* ли собственно такое ὅς къ предмету, можно-ли его (ὅς) считать однимъ изъ средствъ рѣчи, указанныхъ нами на стр. 14, 79) мы отвѣтимъ отрицательно; не оно ведетъ къ предмету, а то слово, на которое оно синтаксически опирается, высказано ли это послѣднее, или нужно его *подразумѣвать*. Слово же ὅς *служитъ только сред-*

щей ὅτι съ дигаммою (Ἔστι; привелъ эту надпись въ извѣстность Россъ), и усматриваніемъ въ словѣ ὅς значенія вопросительнаго мѣстоименія. Но что упомянутая докрийская надпись не можетъ имѣть никакого значенія при рѣшеніи вопроса объ этимологическомъ производствѣ слова ὅς, это доказалъ Виндишъ въ такъ часто приводимомъ нами сочиненіи (стр. 212 и слѣд.); а что и его симезиологическая сторона не препятствуетъ возведенію слова ὅς къ началу ja, это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

77) Слово οὐ, οἶ, ἰ, положимъ, появилось общимъ для всѣхъ лицъ словомъ какъ личное мѣстоименіе, но тутъ дѣйствовала причина (специализированіе слова οὐ въслѣдствіе вторженія въ его роль слова αὐτός и μὶν), какой при корнѣ ja прослѣдить нельзя.

78) Стоитъ только припомнить примѣры въ родѣ «τί γὰρ ποιεῖς; ὅτι ποιῶ» (Аристофанъ *Вестр.* 189; слова «τί ποιεῖς» говоритъ тамъ Харонъ, слова «ὅτι ποιῶ» Діонисъ;—сравни еще Платона *Ἐυθύφρων* 2. и др.), чтобы убѣдиться въ неточности замѣчанія Виндиша: въ приведенномъ нами примѣрѣ зависитъ предложеніе хотя не отъ высказаннаго, но, по крайней мѣрѣ, отъ подразумѣваемаго ἐρωτῶς (ты спрашиваешь, что я дѣлаю?—а вотъ что я дѣлаю...); чѣмъ здѣсь употреблено ἔτι, а не простое ὅ, это не мѣшаетъ намъ принять такіе примѣры въ область употребленія слова ὅς (ср. приведенный на 119 стр. примѣръ Од. 8. 209 и относящущаго къ нему выноску).

79) ἀναφορῶν можно бы слово ὅς назвать на столько, насколько оно *есть соединеніи съ своимъ сказуемымъ* заставляетъ насъ припоминать о предметахъ (какъ ὅ съ именемъ

ствою вызова въ мышленіи такою синтаксически соотвѣствующаюся съ нимъ слова, помаяя при этомъ языку въ его стремленіи соблюсти синтаксическіе законы предложенія ⁷⁹⁾.

Послѣднее наше положеніе, видно, примѣнимо и къ $\delta\varsigma$, появляющемуся въ примѣрахъ нашей 3-й группы (см. Од. 1. 286 и т. д. на стр. 120) ⁸⁰⁾, и вообще объединяетъ всѣ вышеозначенныя значенія, развѣвившіяся изъ корня *ja* ⁸¹⁾.

такъ здѣсь $\delta\varsigma$ съ сказуемымъ имѣютъ цѣль намекать намъ на извѣстное; вотъ и причина, которая побудила Аполлонія назвать $\delta\varsigma$ *ἄφρον ὑλοσχητόν*); но въ такомъ случаѣ появленіе сказуемаго должно бы всегда быть необходимымъ уже условіемъ *инотаксическаго* *ἀναφορῶν*, тогда какъ $\delta\varsigma$ нашей 3-й группы, равно какъ и $\mu\upsilon$, образъ важное тоже отъ *ja*, этому условію не подвергаются.

⁷⁹⁾ Желая выразить понятіе напр. *несправедливо поступающій* формою сказуемаго, грекъ нуждался въ подлежащемъ для этого сказуемаго; настоящее же подлежащее, какъ слово, обозначающее предметъ, о которомъ высказывается сужденіе, нужно было доставить *въ другомъ* предложеніи, въ которомъ онъ на дѣлѣ и высказывалъ сужденіе о несправедливо поступающемъ; а потому онъ и употребилъ въ упомянутомъ *вспомогательномъ*, такъ сказать, предложеніи такое слово, которое заставило бы при произношеніи этого вспомогательнаго предложенія имѣть въ виду *настоящее* подлежащее *второю* предложенія. Вотъ, какъ мы понимаемъ предложеніе *ὅτις ἐν ἀδικίᾳ, ἐκείνος ἀπευθύνεται* (настоящее подлежащее могло быть мѣстоимѣніе, анафорическое то, что высказано въ вспомогательномъ предложеніи); $\delta\varsigma$, такимъ образомъ, чувствовалось мѣстоимѣніемъ *придаточнаго* предложенія (слыша его, слушатель не могъ не искать въ нему другаго предложенія). Такое толкованіе этого $\delta\varsigma$ ни чуть не противорѣчитъ толкованію слова $\delta\varsigma$ въ оборотѣ $\delta\varsigma$ *μὲν*— $\delta\varsigma$ *δὲ*, *представленному* намъ въ 73 выноскѣ.—Другимъ путемъ, въ сравненіи съ греческимъ, направились въ нашихъ случаяхъ латинскій языкъ. Она пріобрѣтъ въ нихъ къ вопросительнымъ словамъ, сводящимся къ корню *kwa*; онъ вызывалъ у слушателя черезъ *спрашиваніе* представленіе того предмета, о которомъ хотѣлъ высказать сужденіе (кто поступаетъ несправедливо? спрашивалъ римлянинъ и, получивъ на это отвѣтъ въ представленіи слушателя, или другими словами, вызвавъ у слушателя представленіе, если не историческаго то, по крайней мѣрѣ, воображаемаго лица, высказывалъ потомъ объ этомъ лицѣ сужденіе). Славянскіе языки, какъ извѣстно, располагаютъ въ такихъ случаяхъ и тѣмъ и другимъ средствомъ (рядомъ съ *кто, который*, встрѣчается *имже*).

⁸⁰⁾ $\delta\varsigma$ чувствуется въ предложеніяхъ 3-й группы словомъ главнаго предложенія; но этого причина не есть какое нибудь другое значеніе самаго слова $\delta\varsigma$ въ сравненіи съ объясненнымъ въ текстѣ, а другой характеръ отношенія предложенія съ $\delta\varsigma$ къ предложению, заключающему въ себѣ то слово, на которое $\delta\varsigma$ опирается (о другомъ характерѣ отношенія между означенными предложеніями ср. сказанное нами на стр. 121 строка 3). Эти то примѣры и дали поводъ нѣкоторымъ принимать $\delta\varsigma$ за „демонстративное“, точно также, какъ примѣры нашей второй группы были причиною принятія слова $\delta\varsigma$ за первоначальное *interrogativum* (см. *Philologus* XXVII. *Jahrbichte* стр. 500—рефератъ Генца).

⁸¹⁾ При нашемъ взглядѣ на синтазіологию корня *ja* получаетъ еще больше силы сказанное нами въ 41 выноскѣ о синтазіологической близости слова $\mu\upsilon$ съ *αὐτός* *identitatis* (и *αὐτός* не ведетъ прямо къ предмету; объ этомъ сравни прежде всего 42 выноску). Что слово $\mu\upsilon$ принадлежатъ исключительно 3-му лицу, это понятно изъ того же сопоставленія.

Сопоставляя $\delta\varsigma$ съ словомъ $\acute{o}$, мы должны указать на способность слова $\acute{o}$ замѣнять собою слово $\delta\varsigma$ во *всѣхъ* его трехъ группахъ. По отношенію къ первой и 3-й группамъ мы о такой замѣнѣ уже говорили (и указали вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько такое $\acute{o}$ примыкаетъ къ другимъ своимъ значеніямъ, несоприкасающимся уже вовсе съ словомъ $\delta\varsigma$); что и во второй группѣ такая замѣна возможна, это становится яснымъ въ примѣрѣ:

Од. 14. 227. (*αὐτὰρ ἦμοι τὰ φίλ' ἔσκη, τὰ ποο θεός ἐν φρεσὶ θῆκαν*). и т. д. (Въ Од. 14 226 и ему подобныхъ не уклоняется ни то, ни другое $\acute{o}$ отъ своего обыкновеннаго значенія: они анафорируютъ другъ друга—одно пролептически, а другое эпапалептически).

III 1.

Сказаннымъ нами въ экскурсѣ исчерпана вся задача сопоставленія слова $\delta\varsigma$ съ словомъ $\acute{o}$. Но примѣры, выставленные тамъ на употребленіе слова $\delta\varsigma$, не теряютъ для насъ значенія и при дальнѣйшемъ разборѣ исключительно только одного $\acute{o}$.

Мы говорили до сихъ поръ о *самостоятельномъ* употребленіи слова $\acute{o}$, о значеніи его какъ фактора при представленіи предмета черезъ *синтаксическое цѣлое*, а также при представленіи его черезъ *одно пошеп*. Между послѣднимъ и предпослѣднимъ его употребленіемъ находится употребленіе его какъ фактора при представленіи предмета посредствомъ пошеп въ соединеніи съ грамматическимъ опредѣленіемъ. Грамматическое опредѣленіе играетъ въ рѣчи такую же роль, какъ вышеобъясненныя 2-я и 3-я группы относительныхъ предложеній, а потому, объясняя $\acute{o}$ при первомъ, мы будемъ имѣть возможность сопоставлять его съ послѣдними.

На стр. 109 можно замѣтить, что цѣлымъ предложеніемъ, введеннымъ словомъ $\delta\varsigma$, говорящій или можетъ указывать на опредѣлившійся кругъ предметовъ, случайно попавшихъ уже подъ ту примѣту, на которую указывается сказуемымъ придаточнаго предложенія (см. приведенныя нами на ст. 119: Од. 5. 106, Од. 4. 98, Од. 2. 51, Од. 3. 185), или же имѣть въ виду только всевозможные случаи такого опредѣленія вышеупомянутаго круга предметовъ въ будущемъ (смотри тамъ же од. 8. 209, 10. 74, Ил. 2. 62).

Говоря объ опредѣленіи предметовъ, мы допускаемъ, что они по вопросу объ индивидуальности ихъ могутъ быть неизвѣстны и тому и другому изъ собесѣдниковъ (Од. 3. 185), или могутъ быть извѣстны только говорящему, а не слушателю (такой случай можно допустить въ Од. 2. 51), или на оборотъ; но это не мѣшаетъ толковать говорящему о нихъ какъ такихъ, къ которымъ примѣта, высказанная въ относительномъ предложеніи или опредѣленіи, на дѣлѣ уже отнесена.

Въ другихъ же случаяхъ, когда говорящій въ относительномъ предложеніи или опредѣленіи указываетъ только на *возможность* появленія такихъ предметовъ, опять на оборотъ можно допустить, что говорящій при произношеніи опредѣленія или относительнаго предложенія имѣетъ какое нибудь извѣстное лицо въвиду (Ил. 2. 62), но въ тоже самое время онъ предполагаетъ, что кромѣ этого лица могутъ попасть подъ примѣту, высказанную имъ въ извѣстныхъ намъ выраженіяхъ, и другіе индивидуумы, и указываетъ по этому въ опредѣленіи и относительномъ предложеніи только на то, какіе должны быть индивидуумы (въ случаѣ если бы пришлось ихъ развѣдывать), чтобы могло быть отнесено къ нимъ то, что высказывается имъ въ главномъ сказуемомъ. Въ последнемъ случаѣ наше представленіе, могущее имѣть дѣло только съ *реальными* предметами, *должно вообразать* какого нибудь реального представителя этихъ индивидуумовъ. Такого представителя достаточно для нашего представленія только одного, а потому въ этихъ случаяхъ, гдѣ не приходится указывать на то, что непременно нѣскольکو индивидуумовъ должно попасть подъ извѣстную намъ примѣту, эта примѣта выражается въ ед. числѣ (Од. 8. 209).

Сокращая придаточныя предложенія въ примѣрахъ нашей 2-ой группы, мы получаемъ слѣдующія фразы:

Изъ Од. 8. 209. ἄφρων δὴ καὶ οὐτιδανὸς πέλει ἀνὴρ ὁ ξεινοδόχῳ ἔριδα προσφερόμενος ἀέθλων δῆμῳ ἐν ἄλλοδαπῷ.

Изъ Од. 10. 74. οὐ γὰρ μοι θέμις ἐστὶ νομίζεμεν οὐδ' ἀποπέμπεμεν ἄνδρα τὸν θεοῖσι ἀπαχθόμενον μακάρεσσι.

Изъ Од. 3. 185. ὣς ἦλθον φίλε τέκνον ἀπευθής οὐδέ τοι οἶδα τῶν τε σαωθέντων Ἀχαιῶν τῶν τε ἀπολομένων.

Изъ Од. 4. 98. καὶ ἀπόλεσα οἶκον εὖ μάλα ναιετάοντα, κεχανδότα πολλὰ καὶ ἰσθλά, ὧν ὤφελον τριτάτην παρ' ἔχων ἐν δώμασι μοῖραν καίειν, ἄνδρες δὲ σοοὶ ἔμμεναι οἱ τότε ὀλόμενοι Τροίῃ ἐν εὐρείῃ ἐκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο и т. д.

Приводя эти примѣры, мы вовсе не хотѣли представлять читателю упражненіе въ сокращеніи придаточныхъ предложеній; наша цѣль была указать на слѣдующее:

1) Что мы здѣсь вообще поставили ὁ, это читатель не найдетъ противорѣчающимъ духу греческаго языка: въ Од. 3 185 и 4. 98 это ὁ есть историческое, а въ Од. 8. 209 и 10. 74 мы имъ подражаемъ примѣрамъ въ родѣ Плат. Полит. 294. А: τὸ δ' ἄριστον οὐ τοὺς νόμους ἐστὶν ἰσχύειν, ἀλλὰ ἄνδρα τὸν μετὰ φρονήσεως βασιλικόν.

2) *Постановка слова ὁ послѣ имени нарицательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ передъ его грамматическимъ опредѣленіемъ въ нашихъ сокращеніяхъ безспорно правильная.* Она и понятна при историческомъ ὁ: на вопросъ, что изъ оборота ἄνδρες οἱ τότε ὀλόμενοι больше заслуживаетъ быть названо историческимъ намекомъ, слово ли ἄνδρες или выраженіе τότε ὀλόμενοι, мы должны

отвѣчать указаніемъ на послѣднее. Слово *ἀνδρας* исполняетъ только, при отыскиваніи историческихъ лицъ, такую роль, какую играетъ для математика широкое геометрическое мѣсто при отыскиваніи особо еще обусловленныхъ точекъ.

3) Конечно, авторъ могъ выразаться напр. и такъ: *Κῦρος ὁ υἱώτερος ἔθανε ὑπὸ Ἀρταξέρξου, ὡσπερ δεδήλωται ἐν τῇ συγγραμμάτι τῇ Ἀναβάσει ἐπιγεγραμμένῃ*. Выраженіе это отличается отъ приведенныхъ выше, по отношенію къ употребленію слова *ὁ*, тѣмъ, что въ немъ *ὁ* поставлено особо передъ именемъ, соотвѣствующимъ упомянутымъ во 2-мъ пунктѣ слову *ἀνδρας*, и особо передъ его грамматическимъ опредѣленіемъ (при тождественности разстановки и этого имени и его опредѣленія съ разстановкою, встрѣчающеюся въ вышеприведенномъ мѣстѣ Пл. Пол. 294. А). Но и это имѣетъ свою причину: говорящій принималъ уже самое слово *σύγγραμμα* за намекъ для слушателя, а только въ *коррективномъ* смыслѣ, въ смыслѣ аппозиціи присовокупилъ еще новыи намекъ къ прежнему, указывая при этомъ на извѣстную сторону предмета (которой, можетъ быть, слушатель при словахъ *τῇ συγγραμμάτι* не могъ припомнить), чтобы быть лучше понятнымъ для слушателя. Не такъ вышло бы, если бы говорящій въ опредѣленіи не считалъ удобнымъ опираться на знаніе слушателя, а просто хотѣлъ сдѣлать отъ себя заявленіе о предметѣ съ цѣлью поучить слушателя. Слова „ἐν τῇ συγγραμμάτι, συγγεγραμμένῃ Θεμιστογένει“ нужно уже отъ говорящаго принимать въ такомъ смыслѣ: въ извѣстномъ тебѣ, слушатель, сочиненіи, которое, ты прими къ свѣдѣнію, написано *Θεμιστογеномъ*. Если здѣсь *предшествуетъ* опредѣленіе имени существительному, тогда мы, конечно, не можемъ говорить напр. *ἐν τῇ Ἀναβάσει ἐπιγεγραμμένῃ τῇ σύγγραμμάτι*, а должны непременно слово *τῇ* пропустить предъ словомъ *σύγγραμμα*, такъ какъ послѣ произнесенія словъ *τῇ Ἀναβάσει ἐπιγεγραμμένῃ* слово *σύγγραμμα* не можетъ служить особымъ намекомъ для слушателя, а скорѣе въ соединеніи съ своимъ опредѣленіемъ составляетъ, какъ намекъ, одно непрерывно цѣлое. Иначе выйдетъ, если мы переставимъ вышеупомянутое выраженіе „ἐν τῇ συγγραμμάτι συγγεγραμμένῃ Θεμιστογένει“. Тамъ мы должны уже сказать такъ: *ἐν συγγεγραμμένῃ Θεμιστογένει τῇ συγγραμμάτι*; причина такой разстановки этихъ словъ читателю будетъ уже ясна.—Вотъ какъ мы должны понимать извѣстное намъ ученіе грамматиковъ о „предкативномъ“ и „аттрибутивномъ членѣ“. На сопоставленіе вѣхъ этихъ опредѣленій (разобранныхъ въ нашемъ 3-мъ пунктѣ) съ относительными предложениями 3-ей группы особо указывать не станемъ.—Не лишнимъ считаемъ указать здѣсь еще вотъ на что: Въ выраженіи „τὸ Ἀναβάσει ἐπιγεγραμμένον σύγγραμμα τὸ Ξενοφῶντι (или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, Θεμιστογένει; ср. Ἑλληνικά III. 1. 2) συγγεγραμμένον“ опредѣленіе τὸ Ξενοφῶντι *συγγεγραμμένον* можетъ опираться на знаніе слушателемъ не одного Анабазиса, а двухъ (т. е. Анабазиса Ксенофонта и Аріана), а тогда опредѣленіе должно вызвать въ слушатель *сопоставленіе*, и можетъ служить средствомъ для

предупреждения слушатели не смѣшивать въ известномъ контекстѣ одного съ другимъ.

4) Въ сокращеніяхъ изъ Од. 8.209 и 10.74 слово *ó* есть несомнѣнно раздѣлительное (сравни стр. 112, 8 и слѣд. строки). *Какой* рядъ предметовъ приходится дѣлить на нѣсколько сторонъ, на это въ нашихъ сокращеніяхъ *указано* (указано это въ опредѣляемомъ существительномъ)⁸²⁾. Указаніе это можетъ быть, впрочемъ, и пронущено, какъ легко подразумѣваемое (сравни выноску 75)⁸³⁾.

Примѣры поставимъ здѣсь слѣдующіе⁸⁴⁾.

Ил. 23. 702: Πηλεΐδης δ' αἰψ' ἄλλα κατὰ τρίτα θῆκεν ἄεθλα,
δεικνόμενος Δαναοῖσι, παλαισμοσύνης ἀλεγεινῆς·
τῷ μὲν νικήσαντι μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην,
τὸν δὲ δωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι τῶν Ἀχαιοί·

Ил. 8. 478. σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω
χωομένης, οὐδ' εἴ κε τὰ νεῖατα πείραθ' ἴκηαι
γαίης καὶ πόντοιο.

⁸²⁾ Изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что языкъ, пользующійся съ послѣдовательностью такимъ раздѣлительнымъ *ó* при опредѣленіяхъ,—а это мы ожидаемъ отъ аттическаго языка,—будетъ всегда ставить *ó*, когда известное genus предметовъ обозначено не чрезъ одно имя существительное, а чрезъ имя существительное въ соединеніи съ опредѣленіемъ, такъ какъ послѣднее всегда въ этихъ случаяхъ присоединяется къ первому съ цѣлью *связать* логическое его содержаніе (и указать на его одну часть). Но на дѣлѣ это не такъ: ἀγαθοὶ δαίμονες, въ значеніи генерическомъ, встрѣчается столь же часто въ аттидѣ, какъ и οἱ ἀγαθοὶ δαίμονες или δαίμονες οἱ ἀγαθοὶ (о возможности обѣихъ этихъ разстановокъ сравни стр. 126 строку 27). Мы, однако, на такое ἀγαθοὶ δαίμονες смотримъ совершенно иначе, чѣмъ на выраженіе съ *ó*: намъ кажется, что выраженіе ἀγαθοὶ δαίμονες перешло уже совершенно на почву сложныхъ существительныхъ (ἀγαθοδαίμων употребляется вмѣсто ἀγαθὸς δαίμων; сравни Аполлонія περί ἀντ. 26), не нуждающихся, какъ выраженій, состоящихъ изъ одного слова, ни въ какомъ *ó*. Съ другой стороны въ выраженіи οἱ ἀγαθοὶ δαίμονες, въ смыслѣ генерическомъ, не нужно *всегда* принимать *ó* за раздѣлительное: отправляясь отъ вышеупомянутой возможности постановки выраженія ἀγαθοὶ δαίμονες, мы къ нему можемъ приставить *ó* съ цѣлю, высказанною на 104 стр. въ 19 строкѣ.

⁸³⁾ Только пропускомъ опредѣляемаго слова мы себѣ объясняемъ появленіе слова *ó* при самостоятельныхъ прилагательныхъ и причастіяхъ (сравни напр. Од. 17. 218: ὡς αἰεὶ τὸν ὄμοτον; Ил. 1. 106: αἰεὶ τὰ κακ' ἐστὶ φίλα φρεσὶ μαντεύεσθαι; Ил. 10. 237: τὰ χειροῖνα νικᾷ и т. д.). Прилагательныя и причастія тѣмъ и стали прилагательными и причастіями, что чувствовались выраженіями *опредѣленія*; иначе они есть тѣ же *существительныя* и могутъ быть безъ *ó*, какъ другія названія generis.

⁸⁴⁾ Сюда мы подводимъ оборотъ ἐν τοῖς съ превосходною степенью: изъ инѣнѣй. высказанныхъ Бенгардимъ въ „Wissenach' Synt.“ на стр. 311 (смотри нашего сочиненія стр. 97), мы предпочитаемъ то, по которому оборотъ напр. ἐν τοῖς χαλεπώτατα διτῶν объясняется фразою ἐν τοῖς χαλεπῶς διάγουσι χαλεπώτατα διτῶν. Сравни съ этимъ оборотомъ выраженіе ἐν τοῖς πελώριος“, встрѣчающееся въ Ил. 5. 396, приведенномъ на стр. 130.

3. Ил. 8. 320. *κἀθαν' ὄρωσ ὃ τ' ἀργὸς ἀνὴρ ὃ τε πολλὰ ἔοργας.*

Чѣмъ эти примѣры отличаются другъ отъ друга, на это у читателя будетъ отвѣтъ готовъ.

III. 2.

Въ уясненіи дальцѣйшаго развитія значенія слова *ὃ* подъ нами совершенно исчезаетъ почва, на которой мы до сихъ поръ стояли почти исключительно, именно почва, данная намъ Гомеромъ. На вопросъ, приходится ли въ аттической прозѣ имѣть дѣло съ другими оттѣнками значенія слово *ὃ*, чѣмъ которые нами уже объяснены, мы должны, на сколько намъ приходилось наблюдать за этимъ вопросомъ въ аттической прозѣ, отвѣтить почти отрицательно. Аттической языкъ, конечно, пользовался гораздо чаще тѣми значеніями слова *ὃ*, которыя нашему читателю уже извѣстны, а за тѣмъ развилъ еще только одну его симазіологическую сторону: *онъ употребляетъ ὃ при подлежащемъ*. Говоря о подлежащемъ, мы разумеѣмъ, конечно, не грамматическое подлежащее, ставящееся въ именительномъ падежѣ, а предметъ, который подлежитъ въ каждомъ данномъ случаѣ обсужденію, предметъ, *данный* намъ (а если онъ *данъ*, то его можно *анафоровать*; мы видимъ, что и здѣсь слово *ὃ* сохраняетъ свою силу какъ *ἀναφορικόν*) для того, чтобы мы къ нему отыскивали подходящее... *сказуемое* (опять не въ грамматическомъ смыслѣ). Такое подлежащее можетъ встрѣчаться въ разныхъ падежахъ. Русскій языкъ можетъ оттѣнить такое подлежащее отъ сказуемаго тѣмъ, что онъ сказуемое *интонируетъ* при чтеніи. Вслушаемся въ слѣдующія два предложенія (интонація чтенія показана удареніемъ, поставленнымъ надъ интонируемымъ словомъ): Смерть—это не есть наказаніе для людей, а переходъ изъ худшей жизни въ лучшую;—въ смерти видятъ благодѣяніе. Въ обоихъ этихъ предложеніяхъ слово *смерть* переводится въ греческомъ языкѣ при посредствѣ слова *ὃ*, интонируемыя же слова, на сколько въ нихъ, какъ именно здѣсь, нѣтъ особаго повода употреблять *ὃ* съ другимъ какимънибудь оттѣнкомъ, чѣмъ который разбирается въ этомъ параграфѣ (т. е. съ какимънибудь изъ вышеразобранныхъ), пишется безъ *ὃ*.

Сюда мы подводимъ *ὃ*, употребляющееся столь часто въ родительномъ раздѣлительномъ (*τῶν ἀνθρώπων οἱ μὲν...* и т. д. Аполлоній *περὶ συντ.* стр. 35 говоритъ: Πᾶσα γενικὴ παντός ὀνόματος ἐπιμεριζομένη πάντως συνέχει τὸ ἄρθρον), а также и *ὃ*, встрѣчающееся *иногда* (сравни Крюгеръ § 50. 11. 22) при диктическихъ антониміяхъ (*τόδα τὸ δένδρον* = *изъ деревъ* вотъ это) ⁸⁵).

⁸⁵) Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ случаяхъ, гдѣ слова *οὗτος*, *ἐκεῖνος* и *ἄλλος* употребляются *анафорически*. И въ этихъ случаяхъ встрѣтимъ вмѣстѣ съ словами *ἐκεῖνος*, *οὗτος* и *ἄλλος* слово *ὃ*, но это соединеніе можетъ быть уже явленіе тавтологіи (сравни 66 выноски). У Гомера

Мы хотѣли было теперь, по примѣру I-й главы этой части, сообщить результаты, отысканные нашими шестью грамматиками о собственномъ членѣ. Но предполагая, что они читателю извѣстны, мы отказываемся отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе что при той неопредѣленности гипотезиса, отъ котораго они выходятъ при разсматриваніи всего $\acute{o}$ вообще, исполненіе этого намѣренія повело бы насъ къ слишкомъ непроезжительной полемикѣ. Мы свой гипотезисъ (сравни стр. 74, 25 строку) для разсматриванія слова $\acute{o}$, на сколько умѣли, опредѣлили, а дѣйствительное употребленіе этого слова мы находимъ совершенно соответствующимъ выходящимъ изъ этого гипотезиса тезисамъ. Тезисы эти нами были въ каждомъ отдѣльномъ параграфѣ разъясняемы, а итоги имъ подведены на стр. 112-ой.

Задача наша окончена. Читатель найдетъ у насъ отвѣты на все вопросы, выставленные нами въ первой части; только одно небольшое примѣчаніе мы должны еще здѣсь помѣстить (сравни стр. 45, 6 строку), это именно:

Примѣчаніе.

ὅ ὁ αὐτός и отношеніи его къ αὐτός.

На пути, по которому мы уже разъ пошли при опредѣленіи значеній обоихъ факторовъ нашего оборота, т. е. словъ $\acute{o}$ и $\alphaὐτός$, одинъ только взглядъ изъ существующихъ теперь идетъ намъ *на встрѣчу*, взгляды, впрочемъ, принадлежащій *не новымъ* грамматикамъ, а тому же Аполлонію Дисколу. Правило его (περὶ συντ. 59) слѣдующее: ἔρχεται μὲν ἐν τῇ αὐτός ἢ ἀναφορά ὁπλήνικα δ' ἑτέρα προσγίνεται, τὸ ἐχκεῖμανον τῆς ἀναφορᾶς ἐν τῇ αὐτός συμπαραλαμβάνεται διὰ τοῦ ὁ ἄρθρου, δηλοῦντος καὶ αὐτοῦ ἀναφορᾶν, καὶ οὕτω δις ἀναφέρεται.

И такъ Аполлоній видитъ въ оборотѣ $\acute{o}$ $\alphaὐτός$ двѣ анафоры, или обозначеніе *одного и того же—двумя средствами*. Онъ сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ оборотомъ ῥητέτροι μᾶλλον, гдѣ другой разъ указано—де словомъ μᾶλλον на то же, что одинъ разъ уже выражено было окончаніемъ τέρος. Въ исправленіе ученія Аполлонія, мы можемъ, на основаніи всего, объясненнаго нами объ $\acute{o}$ и $\alphaὐτός$, сказать слѣдующее:

не встрѣчается $\acute{o}$ ни въ случаяхъ, упомянутыхъ въ текстѣ, ни въ случаяхъ, упомянутыхъ въ выноскѣ: выраженія «κεῖνον τὸν κάμνον» (Од. 2. 351) и «τοῦτον τὸν ἀναλτοῦ» (Од. 18. 114.) принадлежатъ къ явленіямъ, разобраннымъ на стр. 126 (въ 14 строкѣ), а выраженіе «αἱ χόνες αἰῶ» (Од. 19, 372) есть соединеніе субституціи съ дискурсомъ какъ аппозиціею.

1) Въ оборотѣ $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ слово $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ можетъ принадлежать только къ слову $\acute{o}$, а не къ слову, которое соединяется синтаксически съ оборотомъ $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Въ самомъ дѣлѣ: если бы на пр. изъ словъ $\acute{o}$, $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\omicron\iota\chi\omicron\varsigma$ нужно было составить такое выраженіе, въ которомъ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ должно бы принадлежать къ слову $\omicron\iota\chi\omicron\varsigma$, или скорѣе къ выраженію $\acute{o}$ $\omicron\iota\chi\omicron\varsigma$, то въ такомъ случаѣ пришлось бы свести разстанову словъ къ выраженіямъ: $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ $\acute{o}$ $\omicron\iota\chi\omicron\varsigma$, или $\acute{o}$ $\omicron\iota\chi\omicron\varsigma$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Разстановка, которая при существительномъ оказывается единственно возможною, установилась и тамъ, гдѣ существительное отсутствуетъ: говорить всегда $\tau\acute{\alpha}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$ и $\tau\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}$, а не $\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$ $\tau\acute{\alpha}$ или $\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ $\tau\acute{o}$.

2) $\acute{\Lambda}\acute{\alpha}\tau\acute{o}\varsigma$ вошло въ оборотъ $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ съ значеніемъ не первоначальнымъ, а съ однимъ изъ оттѣнковъ, вычисленныхъ нами въ первой главѣ второй части; это $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ есть сильное $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ *identitatis*. $\acute{\Lambda}\acute{\alpha}$, встрѣчающееся въ этомъ оборотѣ, анафорируетъ предметъ, удаленный по времени, измѣряемому ходомъ разсказа; оно можетъ быть и пролептическое и эпанапелтическое; экстенсивная сила послѣдняго бываетъ при этомъ оборотѣ очень слаба. Такимъ образомъ, употребляя въ рѣчи оборотъ $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, мы указываемъ слушателю на то, что предметъ, упомянутый за предѣлами синтаксическаго цѣлаго, вмещающаго въ себя этотъ оборотъ (все это высказано въ словѣ $\acute{o}$), остается (это высказано въ словѣ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$) такимъ факторомъ этого же синтаксическаго цѣлаго, каковымъ онъ былъ въ томъ синтаксическомъ цѣломъ, изъ котораго онъ анафорируется. Переводить оборотъ $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ мы будемъ правильно черезъ *тотъ* ($\acute{o}$)—*же* ($\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$). На сколько же способно соответствовать греческому $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, мы видимъ изъ симазіологическаго сопоставленія частицы $\delta\eta$ —а $\delta\eta$ соответствуетъ значенію слово же—съ корнемъ *awa*, указаннаго на стр. 56. Все сказанное въ этомъ пунктѣ можно проверить на слѣд. *двухъ* примѣрахъ:

Ил. 5. 396. $\tau\lambda\eta$ η $\text{H}\rho\eta$, $\delta\tau\epsilon$ $\mu\iota\upsilon$ $\chi\rho\alpha\tau\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ $\pi\alpha\iota\varsigma$ $\acute{\Lambda}\mu\phi\iota\tau\rho\acute{\upsilon}\omega\omicron\varsigma$
 $\delta\epsilon\chi\iota\tau\epsilon\rho\acute{o}\nu$ $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$ $\mu\alpha\zeta\acute{o}\nu$ $\omicron\iota\sigma\tau\acute{\eta}$ $\tau\rho\iota\gamma\lambda\acute{\omega}\chi\iota\nu$
 $\beta\epsilon\beta\lambda\acute{\eta}\chi\epsilon\iota$ $\tau\acute{o}\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\mu\iota\upsilon$ $\acute{\alpha}\nu\eta\chi\epsilon\sigma\tau\omicron\upsilon$ $\lambda\acute{\alpha}\beta\epsilon\upsilon$ $\acute{\alpha}\lambda\gamma\omicron\varsigma$
 $\tau\lambda\eta$ δ' $\acute{\Lambda}\acute{\iota}\delta\eta\varsigma$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\omicron\iota\varsigma\iota$ $\pi\epsilon\lambda\acute{\omega}\rho\iota\omicron\varsigma$ $\acute{\omega}\kappa\acute{\upsilon}\nu$ $\omicron\iota\sigma\tau\acute{o}\nu$,
 $\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}$ $\mu\iota\upsilon$ $\omega\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ ⁸⁰⁾ $\acute{\alpha}\nu\eta\rho$, $\upsilon\iota\acute{o}\varsigma$ $\Delta\iota\acute{o}\varsigma$ $\acute{\alpha}\iota\gamma\acute{\iota}\omicron\chi\omicron\tau\omicron$,
 $\acute{\epsilon}\nu$ $\text{P}\acute{o}\lambda\phi$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\nu\epsilon\kappa\acute{\upsilon}\epsilon\sigma\sigma\iota$ $\beta\alpha\lambda\acute{\omega}\nu$ $\acute{o}\delta\acute{\upsilon}\nu\eta\sigma\iota\upsilon$ $\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\epsilon\upsilon$.

Од. 7. 55. $\acute{\Lambda}\rho\eta\tau\eta$ δ' $\acute{o}\nu\omicron\mu'$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu$ $\acute{\epsilon}\pi\acute{\omega}\nu\omicron\mu\epsilon\upsilon$, $\acute{\epsilon}\chi$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\tau\epsilon\chi\acute{\eta}\omega\upsilon$
 $\tau\acute{\omega}\nu$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$, $\omicron\iota\pi\epsilon\rho$ $\tau\epsilon\chi\omicron\upsilon$ $\acute{\Lambda}\lambda\chi\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\eta}\alpha$.

Читателю извѣстно указаніе грамматиковъ, что Гомеръ употребляетъ вмѣсто $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ простое $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Указаніе это относится къ шести мѣстамъ: Ил. 12. 225 и 23. 480; Од. 21. 366, 8. 107, 10. 263, и 16. 138. (см. *Lexicon Hom. ed. Ebeling*). Чтобы воснуться этого указанія, мы поставимъ себѣ об-

⁸⁰⁾ Можетъ быть, лучше писать $\acute{o}$ $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ и читать синцезизмомъ; сравни 70 выноску.

ий вопросъ: на сколько $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ *можно* быть замѣнено простымъ словомъ $\acute{\omicron}$ и на сколько простымъ $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$?—

Отвѣтимъ прежде на первую часть этого вопроса. Разница между $\acute{\omicron}$ и $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ можетъ состоять лишь въ томъ, что $\acute{\omicron}$ прежде всего заставляетъ насъ *отыскивать только* предметъ въ другомъ мѣстѣ текста, а $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ съ выразительностью указываетъ на повторяемость появления одного и того же предмета какъ фактора двухъ разныхъ логическихъ сужденій, какъ того, выраженіемъ котораго служить текстъ, вмѣщающій въ себѣ оборотъ $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$, такъ и сужденія, выраженнаго въ текстѣ, изъ котораго анафорируется предметъ. Вотъ что кажется намъ удобнымъ предложить читателю для провѣрки этихъ нашихъ словъ. Говорятъ на пр. такъ: Κρίτων πάντα ἐδίδου Σωκράτει πρὸς τὴν χρείαν· ἐπεὶ δὲ ὁ φιλόσοφος ἔφευγε, πολλὰ ἔπραττε ὁ αὐτὸς μαθητής, ὅπως σώσει τὸν διδάσκαλον. Поставимъ вмѣсто $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ просто $\acute{\omicron}$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ и обобщимъ схематически какъ примѣръ съ $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$, такъ и примѣръ съ $\acute{\omicron}$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$. Схематическое обобщеніе послѣдняго будетъ слѣдующее: А (т. е. дѣйствіе $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ $\pi\acute{o}\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\upsilon\iota\nu$) имѣть известное отношеніе къ В (т. е. $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$), вмѣсто же В ($\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$) можно поставить С (Κρίτων). Совсѣмъ другимъ оказывается схематическое обобщеніе перваго примѣра. Тамъ говорится такъ: В, или же одинаковое съ нимъ С (Κρίτων или $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$), имѣть отношеніе не только къ А ($\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ $\pi\acute{o}\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\upsilon\iota\nu$), но и къ D ($\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\nu\alpha\iota$ $\pi\rho\acute{\sigma}$ $\chi\rho\epsilon\iota\alpha\nu$); $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$, какъ особый видъ анафоры, вызываетъ на простую субституцію, а $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ на сопоставленіе двухъ разныхъ логическихъ сужденій ⁸⁷⁾.

Разница, выставленная нами между $\acute{\omicron}$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ и $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$, если она только вѣрно подмѣчена, важна конечно сама по себѣ, какъ уясненіе двухъ оборотовъ, сосѣднихъ въ классификаціи явленій языка, но не такъ чувствуется иногда ея значеніе въ *результатахъ*, достигаемыхъ въ рѣчи первымъ и вторымъ оборотомъ. Простая субституція (сравни страницу 106 строку 4) не рѣдко ведетъ насъ къ *повторенію* въ нашемъ мышленіи логическаго сужденія, высказаннаго о предметѣ въ томъ текстѣ, изъ котораго анафорируется (сравни стр. 104, 8 строку снизу) предметъ. Такимъ образомъ результаты, достигаемые въ рѣчи оборотомъ $\acute{\omicron}$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ и $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ $\mu\alpha\theta\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ отстоять другъ отъ друга на столько, на сколько отстоитъ одновременное мышленіе двухъ разныхъ логическихъ сужденій отъ логическаго ихъ сопоставленія. Последнее (сопоставленіе) очень важно (а тогда $\acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ не заменимо простымъ $\acute{\omicron}$), когда два исторически *совершенно* разнородныхъ (смотри приведенный нами примѣръ Ил. 5. 396), или даже противорѣчащихъ другъ

⁸⁷⁾ Сказанное нами до сихъ поръ во второмъ пунктѣ уясняетъ и пополняетъ конецъ 37 вѣнски.

другу (προῦδακε τὴν πατρίδα ὁ αὐτός ἀνὴρ, ὃς αὐτὴν πρόταρον ἐφίλει) дѣйствія отнесены, *противъ всякаго предположенія*, къ одному и тому же лицу.

Переходимъ къ отвѣту на вторую половину поставленнаго выше вопроса. Сравнимъ все, сказанное нами выше по поводу первой половины нашего вопроса, съ тѣмъ, что сказано на стр. 43 (19 строка) о сильномъ αὐτός identitatis, мы можемъ отвѣтить на вторую половину нашего вопроса кратко: возможность замѣны дѣлаго оборота ὁ αὐτός зависить отъ уничтоженія необходимости *анафоровать* предметъ, на который указываемъ какъ на относящійся къ двумъ разнымъ сужденіямъ; дѣйствительно, уничтоживъ необходимость анафоры, мы совсѣмъ переходимъ на почву примѣровъ, приведенныхъ нами на стр. 43 подъ αὐτός identitatis.

Только уничтоженіемъ необходимости производить анафору мы объясняемъ себѣ пока два изъ шести вышеуказанныхъ гомерическихкихъ мѣстъ, именно Ил. 23. 480 и Од. 8. 108.

Въ первомъ изъ нихъ читаемъ:

ἴπποι δ' αὐταὶ ἕασι παροίταροι, αἶ τὸ κάρος περ,
Εὐμήλοο·

второе изъ нихъ слѣдующее:

ἤρχε δε τῷ αὐτῇ ὁδόν, ἦνπερ οἱ ἄλλοι
Φαίηκων οἱ ἄριστοι.

Мы видимъ, что постановка слова ὁ, при которой наше αὐτός перемѣнилось бы въ оборотъ ὁ αὐτός, оправдывалась бы только пролептическимъ анафорированіемъ относительнаго предложенія; но что въ подобныхъ случаяхъ можно обойтись и безъ ὁ, на это мы указали на стр. 121.

Аттический языкъ поставилъ бы тутъ, конечно, ὁ αὐτός (а можетъ быть мѣста, о которыхъ мы говорили на стр. 47, въ 4 и слѣд. строкахъ, надобно считать *одинаковыми* съ приведенными здѣсь 2-мя примѣрами изъ Гомера), потому что онъ любитъ въ большей степени, чѣмъ Гомеръ, пролептически анафоровать черезъ ὁ относительныя предложенія. Мало того: онъ анафорууетъ и тѣ обороты, которые произошли изъ *сокращенія* относительныхъ предложений (говорить напр. τὸ αὐτὸ ἔχω σοὶ вмѣсто τὸ αὐτὸ ἔχω, ὅπερ καὶ σύ), а также я тѣ, въ которыхъ всѣ слѣды относительнаго предложенія пропали (εἰσεβαλον εἰς τὴν πόλιν, καὶ νικηθέντες ἀπεχώρησαν τὴν αὐτὴν ὁδόν), тогда какъ Гомеръ, отправляясь отъ возможности *не* анафоровать относительныя предложенія, не ставитъ анафоры и тамъ, гдѣ относительныхъ предложений вовсе нѣтъ. Последнимъ мы объясняемъ остальные гомеровскія мѣста, на которыхъ указано нашими грамматиками какъ на употребляющія αὐτός вм. ὁ αὐτός. Мѣста эти суть:

Ил. 12. 225: οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλεύσομεθ' αὐτὰ κέλευθα.

Од. 10. 263: τὸν δ' ἄψ' ἠνώγεα αὐτὴν ὁδὸν ἠγγήσασθαί.

Од. 16. 138: ἦ καὶ Δασάρτη αὐτὴν ὁδὸν ἄγγελος ἔλθω.

Од. 21. 366: ὡς φάσαν, αὐτὰρ ὁ θῆκε φέρων

αὐτῇ ἐνὶ χώρῃ. (По русски переводятъ слова αὐτῇ ἐνὶ χώρῃ, совершенно согласно съ гомеровскимъ выраженіемъ, словами *на мѣ- стѣ же а пе натомаже мѣсть*).

Опечатки:

I. Въ официальномъ отдѣлѣ.

Напечатано:

Слѣдовало напечатать:

	Классъ должности	Разряды						Классъ должности	Разряды	
		По мундиру.							По мундиру.	
Экстраординарнымъ .	VI	VII	—	—	—	—	—	VI	VI	
Наставникамъ . . .	VIII	VII	—	—	—	—	—	VIII	VIII	

страница.	строка.	напечатано:	слѣдовало напечатать:
63	снизу 12	профессоровъ;	профессоровъ:
64	" 5	ходатайства	ходатайствовать
82	сверху 8	должность инсти- тутской библіотеки	должность библіотекаря институтской библіотеки

II. Въ неофициальномъ отдѣлѣ:

1. Въ статьѣ г. Люперольскаго.

5	снизу 1	многихъ знатныхъ	многимъ знатнымъ
8	св. 18 (прим.)	срѣд	срѣд
9	св. 2	Магаклъ	Мегаклъ
17	примѣч. 2	Bockh Staatca	Bæckh Staatshaush.
20	сн. 2 (прим. 5)	möglichst	möglichst
25	св. 11	представителями	представителями
33	сн. 7	поденьщиками	поденьщики
34	св. 12	ошибается	ошибается
40	сн. 4	отвѣчалъ ей не то	отвѣчалъ ей на то
43	св. 13	Аристафанъ	Аристофанъ
47	сн. 7	воввышенное	возвышенное
48	св. 4	высоту этого дѣла	высоту того дѣла.
64	св. 1	он	по

2. Въ статьѣ г. Грота.

89	св. 10	спстемъ	системъ
92	сн. 6	достнгнута	достигнута
93	сн. 9	оцѣнкою	оцѣнкою
94	сн. 5	предметовъ	предметовъ
95	сн. 2 (прим. 1)	не достаетъ словъ:	ср. Этюды, стр. 17.
97	св. 13	каварѣтатов	каварѣтатов
99	сн. 10	французскихъ	французскихъ

3. Въ статьѣ г. Будиловича.

Стран.	Строка	Напечатано.	Читай.
109	4	слябъ	стлябъ
110	13	свану ти	сванути
119	27	пати.	ПАТИ:
120	20	морфологическое	морфологическое
121	19	подтверждается	подтверждается
127	33	тему	темя
132	6	которые	которыя
133	23	(fogas)	(fogas),
139	12	побратимъ	побратим
140	14	канѣ	канѣ
146	24	отвьрьсть	отвьрьсть
?	31	гато	гато.
149	24	зубнымъ	зубнымъ д.
150	7	молодежи	молодежи:
153	28	ъха;	ъха:
154	16	друг ици	другонци
160	7	протяжныхъ	протяжныхъ
168	39	позволительно	позволительно
170	37	имперфитъ	имперфектъ
173	36	незсякаемымъ	незсякаемымъ
176	20	звукосочетаніе	звукосочетанія
?	22	подтвержденія	подтвержденія
177	3	т говъ	тоговъ
?	9	часто	чисто
?	25	ова	ава
187	1	надежнаго	надежнаго
188	15	вѣд вѣи	вѣдовѣи
192	8	зам	гам
193	24	памятниковъ	памятникахъ
195	15	влѣтъи	влѣтъи)
198	8	какъ какъ	какъ
197	13	и т.	и т. п.
202	12	мой	мой)

Въ приложеніи:

3	15	св. оно относится	они относятся
10	11	» Хоробоскъ	Хоробоскъ
?	7	сн. ῥήματος	ῥήματος
17	16	» Ἀφροδίτη	Ἀφροδίτη
18	23	св. αὐτός	ὁ
20	8	сн. διόρισον	διόρισον
22	6	св. praecipuis	praecipuis
22	7	» distinguatur	distinguatur
25	14	» εἰσόχε	εἰσόχε
?	18	» ἔδονται	ἔδονται
34	10	сн. права	право

Стран.	Строка	Напечатано.	Читай.
39	9 св.	ἄρεσάσθω	ἀρεσάσθω
47	11 "	λεχτόροις	λέχτροις
50	2 сн.	асневы	осноры
51	6 "	Δάρδανος	Δάρδανος
56	13 "	терминовъ	термины
64	23 "	od	ad
"	21 "	Dindorfus	Dindorfius
"	20 "	подтверждаютъ	подтверждаетъ
72	1 "	средства	средства
77	1 св.	ἀργυρέοισιν	ἀργυρέοισιν
94	24 "	затъмъ	слѣдующий
100	16 "	μισθόν	μισθόν
101	1 "	слушатели	слушателю
108	2 сн.	ἐθερίζε	ἐρέθιζε
109	6 св.	κλαίοντας	κλαίοντας
"	7 сн.	анафорическомъ	субституціональнымъ
114	15 "	неаккійскомъ	неаккейскомъ
116	15 "	πομένα	πομένα
118	3 св.	въ	къ
127	13 сн.	съ цѣлю	съ цѣлью
128	15 "	жизни	жизни

